Russ.
152 $\frac{K}{}$ (10

Solowjoff

ИСТОРІИ РОССІИ

[illegible]

ИСТОРІЯ РОССІИ.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

изданіе третье.

МОСКВА.

1877.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Соловьева.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

изданіе третье.

МОСКВА.

1877.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ГЛАВА I.

Состоянiе западной Россiи въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка.

Значенiе религiозной борьбы въ Восточной Европѣ. — Мысль объ унiи.— Iезуиты: Скарга и Поссевинъ. — Западно-русскiе архiереи, аристократiя, братства. — Поведенiе архiереевъ во Владимiрѣ, Луцкѣ, Львовѣ. — Братство Львовское. — Прiѣздъ константинопольскаго патрiарха Iеремiи въ Западную Россiю. — Кiевскiй митрополитъ Онисифоръ; его сверженiе и поставленiе Михаила Рагозы. — Экзархъ Терлецкiй. — Смуты въ слѣдствiе распоряженiй Iеремiи. — Брестскiй соборъ 1590 года. — Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ; печальное его положенiе. — Терлецкiй начинаетъ дѣло объ унiи. — Переписка Львовскаго братства съ константинопольскимъ патрiархомъ. — Ипатiй Потѣй, епископъ владимiрскiй; письмо къ нему князя Острожскаго объ унiи. — Терлецкiй и Потѣй дѣйствуютъ за-одно въ пользу унiи. — Брестскiй соборъ 1594 года. — Поведенiе Рагозы относительно унiи; переписка его съ Скуминымъ. — Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ. — Окружное посланiе князя Острожскаго противъ епископовъ. — Львовскiй епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства западно-русскаго признаютъ папу главою церкви. — Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси. — Брестскiй соборъ 1596 года. — Раздѣленiе западно-русской церкви на православную и унiатскую и борьба между ними. — Посланiе Iоанна Вишенскаго.— Стефанъ Зизанiй и сочиненiя, противъ него направленныя. — Полемика по поводу Брестскаго собора. — Апокризисъ и его основныя положенiя; Перестрога. — Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскiй соборъ. — Движенiе козаковъ: Косинскiй и Наливайко.—Дѣло патрiаршаго экзарха Никифора.—Переписка князя Острожскаго съ папою.—Православные требуютъ къ суду епископовъ унiатовъ. — Попытка православныхъ соединиться съ протестантами, чтобъ вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ. — Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность унiи. — Мелетiй Смотрицкiй и его сочиненiя. — Рѣчь депутата Древинскаго на сеймѣ. — Поставленiе православныхъ архiереевъ и Совѣтованiе о благочестiи. — Усиле-

ніе борьбы въ слѣдствіе поставленія православныхъ архіереевъ. — Іосафатъ Кунцевичъ и письмо къ нему Льва Сапѣги. — Убіеніе Кунцевича. — Посланіе папы противъ православныхъ. — Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича. — Козаки. — Гетманъ Сагайдачный. — Сочиненіе Пальчовскаго о козакахъ. — Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ козаковъ на защиту православія.— Обращеніе Іова къ Москвѣ. — Торжество Поляковъ надъ козаками и коммиссія на Медвѣжьихъ Лозахъ. — Похожденія искателя Турецкаго престола Александра Ахіи. — Возстаніе козаковъ подъ начальствомъ Тараса. — Кисель и его отношенія къ козакамъ. — Возстаніе Павлика и Скидана. — Возстаніе Остранина и Гуни. — Кіевская школа. — Луцкое братство и школа. — Петръ Могила. — Отступленіе Смотрицкаго отъ православія. — Смерть Сигизмунда III. — Требованія козаковъ. — Королевичъ Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами. — Продолженіе полемики между ними. — Петръ Могила митрополитъ и его поведеніе. — Продолженіе гоненія на православныхъ. — Переселеніе въ Московское государство.

Въ самомъ началѣ нашей исторіи мы замѣтили, что Россія не имѣетъ рѣзкихъ природныхъ границъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ, и такимъ образомъ природа дала русскимъ людямъ мало помощи при утвержденіи ихъ народной самостоятельности. Но за то скоро исторія дала имъ для этого могущественное средство: Русь приняла христіанство, и христіанство по восточному исповѣданію. Христіанство провело рѣзкую черту между русскимъ человѣкомъ и сосѣдомъ его на Востокѣ, азіятцемъ, бусурманомъ, поганымъ. Христіанство запечатлѣло русскаго человѣка окончательно и твердо европейскимъ характеромъ; но, съ другой стороны, между русскими и сосѣдями ихъ на западѣ, единоплеменными и чужеплеменными, прошла также рѣзкая нравственная граница, въ слѣдствіе различія восточнаго исповѣданія, принятого русскими, отъ римскаго исповѣданія, къ которому принадлежали западные европейскіе народы. Религіозное различіе, которое такъ могущественно дѣйствуетъ въ юномъ народѣ, составляя обыкновенно въ его понятіяхъ основу дѣленія на нашихъ и не нашихъ, это религіозное различіе взяло подъ свою опеку младенчествующую, неразвитую народность русскую, поддержало самостоятельность народную. На Востокѣ борьба съ иновѣрными азіятскими варварами велась постоянно подъ религіознымъ знаменемъ, съ религіознымъ одушевленіемъ; а когда въ началѣ XVII

вѣка растерзанное смутами Московское государство готово было потерять свою самостоятельность, религіозное одушевленіе, сознаніе религіознаго различія подняло русскихъ людей противъ польскихъ и литовскихъ людей, заставило ихъ выбрать царя изъ своихъ и тѣмъ утвердить самостоятельность государства.

Обозрѣвши смутное время и возстановленіе спокойствія и самостоятельности Московскаго государства, Восточной Россіи въ царствованіе Михаила, мы должны обратить теперь наше вниманіе на Россію Западную, гдѣ шла также религіозная борьба, въ рѣшеніи которой долженъ былъ принять участіе преемникъ Михаиловъ. Мы видѣли, что Западная Россія, въ слѣдствіе извѣстныхъ недостатковъ своего государственнаго развитія, не могла сохранить самостоятельности и должна была примкнуть къ болѣе сильному государству, литовскому, а потомъ, при посредствѣ Литвы, соединилась и съ Польшею. Мы видѣли также, что на первыхъ же порахъ этого соединенія оказались большія неудобства въ слѣдствіе различія исповѣданій, когда при Ягайлѣ и нѣкоторыхъ его преемникахъ, польскіе католики давали себѣ волю увлекаться религіозною ревностію и тѣснить восточное русское исповѣданіе. Мы видѣли, какъ уже давно подобныя попытки имѣли слѣдствіемъ народную вражду и стремленіе русскихъ людей оторваться отъ польско-литовскаго союза и присоединиться къ единовѣрной Восточной Россіи. Но до второй половины XVI вѣка попытки эти распространить католицизмъ между русскими людьми мѣрами насилія или, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ соединиться съ католиками въ ученіи вѣры, оставаясь при своихъ прежнихъ богослужебныхъ обрядахъ и языкѣ богослужебномъ— попытки эти не были постоянны и сильны, и съ теченіемъ времени ослабѣвали все болѣе и болѣе, вопервыхъ потому, что Ягеллоны хлопотали болѣе всего о тѣсномъ неразрывномъ соединеніи Литвы и Руси съ Польшею, посредствомъ уравненія гражданскихъ правъ для народонаселенія всѣхъ этихъ странъ; но Ягеллоны хорошо понимали, что еслибы при этомъ они воздвигли гоненіе на русскую вѣру, стали принуждать Русскихъ къ уніи съ католиками, то цѣль ихъ не была бы достигнута: такимъ образомъ съ усиленіемъ стремленія къ уніи гражданской между Литвою и Польшею должны были ослабѣвать попытки къ уніи церковной, которая могла быть введена между Русскими только

путемъ насилія. Вовторыхъ, католическая ревность очень ослабѣла во времена передъ реформаціею, а Ягеллоны всего менѣе были способны возбуждать эту ревность; слѣдовательно и поэтому уже попытки къ уніи должны были прекратиться, и дѣйствительно, мысль объ ней совершенно исчезла къ половинѣ XVI вѣка.

Что же перемѣнило этотъ ходъ дѣлъ, такъ выгодный для Польши? Что воспламенило заснувшую католическую ревность, заставило католическое правительство Польши поднять гоненіе на вѣру своихъ русскихъ подданныхъ? а это, разумѣется, должно было повести къ тому же, что мы видѣли и прежде въ подобныхъ обстоятельствахъ: къ отторженію русскихъ областей отъ Польши и къ присоединенію ихъ къ Восточной Россіи.

Наша древняя исторія имѣетъ болѣе связи съ общимъ ходомъ европейскихъ событій, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Великій религіозный вопросъ, религіозная борьба, поднятая въ западной Европѣ реформою Лютера, имѣла сильное вліяніе и на судьбы Восточной Европы—судьбы нашего отечества. Великія событія XVII вѣка, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ Европы, совершаются подъ вліяніемъ религіозныхъ вопросовъ, религіозной борьбы. На Западѣ съ католицизмомъ борется протестантизмъ, и въ слѣдстіе этой борьбы происходитъ окончательное освобожденіе и опредѣленіе народностей, стянутыхъ, закованныхъ до того времени римско-католическими стремленіями къ матеріальному единству; на Востокѣ съ католицизмомъ борется восточное исповѣданіе, охраняющее самостоятельность и народность русскаго и другихъ восточныхъ славянскихъ племенъ, и между этими борьбами на Востокѣ и на Западѣ тѣсная связь. Ученіе Лютера и его развѣтвленія, какъ мы видѣли, быстро распространились въ польскихъ владѣніяхъ; какъ вездѣ, такъ и здѣсь, католицизмъ, обнаруживая сильное противодѣйствіе врагу, выставилъ свое знаменитое ополченіе—іезуитовъ. Іезуиты благодаря своимъ ловкимъ пріемамъ, осилили протестантизмъ, больной и слабый раздѣленіемъ; но осиливъ протестантизмъ іезуиты немедленно обратили вниманіе на болѣе опаснаго врага—на старинное, пустившее въ народѣ глубокіе корни, исповѣданіе восточное или русское: противъ него направлены были теперь усилія іезуитовъ; противъ него возбужденъ ими фанатизмъ католическаго народонаселенія, противъ него, по ихъ внушеніямъ, дѣй-

ствуетъ правительство, отуманенное фанатизмомъ, неумѣющее разобрать собственнаго интереса, думающее или, по крайней мѣрѣ, желающее другихъ заставить думать, что унія церковная скрѣпитъ унію государственную: надежда основательная только въ томъ случаѣ, еслибы эта унія совершилась спокойно, безъ насилія. Противъ русской вѣры направлены іезуитами безпокойныя силы школьной молодежи; противъ нея говорятъ они проповѣди и пишутъ ученыя разсужденія; противъ нея дѣйствуютъ они въ домахъ и школахъ, отрывая русскую молодежь отъ вѣры отцовской.

Въ 1577 году знаменитый іезуитъ Петръ Скарга издалъ книгу: *О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи* [1]. Двѣ первыя части посвящены догматическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ о раздѣленіи церквей; въ третьей части, особенно для насъ любопытной, авторъ говоритъ, что есть три причины, въ слѣдствіе которыхъ въ русской церкви никогда порядка не будетъ: 1) женитьба священниковъ, которые пекутся только о мірскомъ, не заботятся о поученіи паствы: отъ этого на Руси вся наука упала и попы омужичились (zchłopieli); 2) языкъ славянскій: Греки обманули Русскихъ тѣмъ, что не дали имъ своего языка, но оставили языкъ славянскій, чтобы русскій народъ никогда до настоящаго разумѣнія и науки не дошелъ, ибо только посредствомъ латинскаго и греческаго языковъ можно быть доскональнымъ въ наукѣ и вѣрѣ. Не было еще на свѣтѣ и не будетъ ни одной академіи или коллегіи, гдѣ бы богословіе, философія и другія науки на иномъ языкѣ преподаваться и разумѣться могли. Съ помощію славянскаго языка никогда никто ученымъ быть не можетъ, этого языка уже теперь въ сущности никто настоящимъ образомъ не разумѣетъ; нѣтъ на свѣтѣ націи, которая бы имъ говорила такъ, какъ въ книгахъ пишется; своихъ правилъ и грамматикъ онъ не имѣетъ и имѣть не можетъ. У васъ, Русскихъ, и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ, старый и новый; а у насъ по всему свѣту одна вѣра и одинъ языкъ: христіанинъ изъ Индіи съ Полякомъ можетъ говорить о Богѣ; 3) униженіе духовнаго сословія, вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя.—Скарга прямо говоритъ объ уніи, указываетъ на духовныя и мірскія выгоды отъ нея; для уніи, по его словамъ, нужны только три

вещи: 1) чтобъ митрополитъ кіевскій принималъ благословеніе не отъ патріарха, но отъ папы; 2) чтобъ каждый Русскій во всѣхъ артикулахъ вѣры былъ согласенъ съ Римскою церковію; 3) чтобы признавалъ верховную власть столицы Римской; что же касается до обрядовъ церковныхъ, то они остаются по прежнему. Ту же книгу Скарга перепечаталъ въ 1590 году съ посвященіемъ королю Сигизмунду III. Здѣсь авторъ говоритъ, что книжки его многимъ принесли пользу, многимъ открыли глаза, и требуется новое изданіе ихъ; книжекъ этихъ уже нѣтъ въ продажѣ: скупила ихъ богатая Русь и сожгла. «Дай Боже, говоритъ Скарга, соединить всѣхъ еретиковъ, которыхъ уже не очень много остается, и каждый бы день ихъ убывало, еслибы свѣтская власть могла свободно пользоваться своимъ могуществомъ и правами. Труднѣе обратить Русскихъ, которые отзываются предками и стариною». Скарга жалуется, что настоящее правительство не употребляетъ болѣе того средства, которымъ прежніе короли содѣйствовали обращенію Русскихъ въ католицизмъ, именно не допускали ихъ въ сенатъ прежде чѣмъ обратятся. Другой іезуитъ, извѣстный уже намъ Антоній Поссевинъ, не успѣвши обратить въ католицизмъ Іоанна Грознаго, хлопоталъ объ уніи въ Западной Россіи, просилъ о заведеніи училищъ для Русскихъ и въ Римѣ и въ Вильнѣ; по его мнѣнію, только обративши въ латинство Западную Россію, можно было привести къ тому же Восточную или Московскую.

Іезуиты указали на унію, какъ на переходное состояніе, необходимое для упорныхъ въ своей старой вѣрѣ Русскихъ; прямо указаны были и средства къ уніи, средства насильственныя: лишеніе выгодъ за упорство въ отцовской вѣрѣ. Что іезуиты смотрѣли на унію только какъ на переходное состояніе, видно изъ того же сочиненія Скарги, который выставляетъ на видъ пользу отъ единства богослужебнаго и ученаго языка, тогда какъ при уніи у Русскихъ оставался богослужебный языкъ славянскій, а противъ него такъ вооружается Скарга. Въ то время, когда европейскіе народы, возросши, выпутывались изъ средневѣковыхъ пеленокъ католическаго, латинскаго единства, чтобы съ помощію родныхъ языковъ развить свои народности, въ то время іезуиты дѣлали дерзкій вызовъ исторіи, утверждая, что не будетъ на свѣтѣ такой академіи или коллегіи, гдѣ бы науки преподавались на

иныхъ языкахъ, кромѣ латинскаго и греческаго. Противъ такого-то оттягивающаго европейское человѣчество назадъ начала, осуждающаго его на вѣчную неподвижность, должна была теперь начать борьбу Западная Россія—борьбу за вѣру и народность. Но гдѣ же были у нея средства для успѣшнаго окончанія этой борьбы?

Мы видѣли уже, что во второй половинѣ XVI вѣка, западно-русская церковь находилась далеко не въ завидномъ положеніи. Правительство, принадлежавшее къ другому исповѣданію, по меньшей мѣрѣ равнодушное, не могло быть внимательно къ ея интересамъ, любило кормить ея хлѣбомъ своихъ, а не ея служителей, отдавать не только православные монастыри, но и цѣлыя епархіи въ управленіе людямъ, не чувствовавшимъ никакого внутренняго призванія къ подобнымъ должностямъ, изъ желанія наградить не заслуги, оказанныя церкви, но заслуги, оказанныя государству только. Такіе пастыри не могли укрѣплять паству въ вѣрѣ и нравственности: отсюда ослабленіе дисциплины церковной, ослабленіе нравственности низшаго духовенства, упадокъ просвѣщенія. Но если государство становилось во враждебныя отношенія къ западно-русской церкви, отказывалось ее поддерживать, то этимъ самымъ вызывало къ дѣятельности начало общественное. Что Скарга считалъ бѣдствіемъ для русской церкви, именно вмѣшательство свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя, то было необходимо и спасительно для нея; правительство не заботилось о церкви, архіерейство ослабѣвало—общество должно было принять къ сердцу высшій интересъ свой и обнаружить сильное вліяніе на дѣла церковныя. Но какія же средства имѣло западно-русское общество къ обнаруженію этого вліянія, какія силы были въ немъ, какія соединенія силъ, союзы? Западно-русское общество въ описываемое время представляетъ намъ сильную аристократію, богатые могущественные роды; изъ нихъ нѣкоторые вели свое происхожденіе отъ Рюрика и Гедимина; отъ нихъ, особенно въ началѣ, русская церковь и народность получили сильную помощь: мы уже видѣли дѣятельность князя Константина Острожскаго, видѣли также, какую помощь русской церкви въ борьбѣ ея съ католицизмомъ оказалъ московскій выходецъ, князь Курбскій съ товарищами. Но потомъ аристократія западно-русская начала ослабѣвать въ стремленіи своемъ поддерживать русскую вѣру и народность; средоточіе ея дѣятельности

было не на Руси, а въ коронѣ польской, при дворѣ, въ сенатѣ; аристократія русская составляла часть цѣлой аристократіи польской и стремилась приравняться къ цѣлому; интересы русскіе были для нея интересами провинціальными, и потому она скоро охладѣваетъ къ нимъ, какъ ниже ея стоящимъ; старики еще крѣпко держались родной старины; но молодые, выхваченные изъ родной старинной обстановки воспитаніемъ, браками, службою, легко отвыкали отъ своего. Но если знатные паны, оказавшіе въ началѣ такъ много помощи русской вѣрѣ и народности, ослабѣли въ послѣдствіи, то не слабѣло среднее сословіе, городовое народонаселеніе, благодаря крѣпкимъ частнымъ союзамъ, среди него образовавшимся, благодаря знаменитымъ братствамъ. Мы видѣли, что братства или братчины, общія всѣмъ областямъ русскимъ, какъ восточнымъ, такъ и западнымъ, пріобрѣли особенное значеніе въ общинахъ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ, слѣдовательно имѣли большее значеніе въ Новгородѣ и Псковѣ, чѣмъ въ городахъ низовыхъ, имѣли большее значеніе въ городахъ западной, литовской Россіи, гдѣ старыя общинныя формы получили точнѣйшее опредѣленіе и окрѣпленіе, благодаря Магдебургскому праву, гдѣ цеховое устройство особенно содѣйствовало развитію братчинъ или братствъ.

Кромѣ этой крѣпкой основы для общей, дружной дѣятельности—развитія общиннаго быта и братствъ, городовое сословіе, мѣщанство и потому могло сильнѣе бороться за вѣру и народность, что сфера его была тѣснѣе, чѣмъ у аристократіи; сильнѣе были у мѣщанъ мѣстныя провинціальныя привязанности, ибо не забудемъ, что русскія привязанности были провинціальныя въ рѣчи посполитой польской; понятно, слѣдовательно, почему мѣщанскія братства, коренившіяся на цеховомъ устройствѣ, явились средоточіемъ, къ которому стягивалась и шляхта во время борьбы за вѣру; за братство, за эти крѣпкіе союзы, выработанные городовымъ бытомъ Западной Россіи, всего сильнѣе запнулись іезуиты съ своею уніею.

Итакъ, сначала посредствомъ аристократіи, потомъ особенно посредствомъ братствъ, западно-русское общество боролось за свою вѣру и народность противъ могущественныхъ враговъ, поддерживаемыхъ государствомъ; посредствомъ аристократіи и братствъ русское общество имѣло вліяніе на дѣла церковныя. Мы видѣли, что Скарга, съ своей точки зрѣнія, видѣлъ въ этомъ

вліяніи мірскихъ людей бѣдствіе для церкви. Съ такой же точки зрѣнія начали смотрѣть на дѣло и нѣкоторые епископы русскіе, которымъ болѣе другихъ было тяжело это вліяніе; но понятно, что усвоивши себѣ разъ эту точку зрѣнія, епископы легко признали необходимость и законность средства избавить церковь, т.-е. самихъ себя, отъ этого вмѣшательства, успокоить церковь, дать ей внѣшнее благосостояніе, легко признали необходимость и законность уніи.

Чтобъ имѣть понятіе о состояніи западно-русской іерархіи въ описываемое время, взглянемъ на состояніе значительнѣйшихъ здѣсь епархій. Нѣкоторыя западно русскія епископіи богатствомъ своихъ земельныхъ владѣній превосходили восточныя: епископіи владимірской (на Волыни) принадлежали: укрѣпленный за̀мокъ въ городѣ Владимірѣ и нѣсколько дворовъ, мѣстечко Квасовъ, шестнадцать селеній въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ, волость Купетовская, заключавшая въ себѣ мѣстечко Озераны, одиннадцать селеній и рыбныхъ ловель, островъ Волославъ на рѣкѣ Лугѣ, на которомъ находился монастырь св. Онуфрія. Епископіи луцкой и острожской принадлежали четыре мѣстечка и тридцать четыре селенія въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимірскомъ; изъ нихъ мѣстечки Хорлупъ и Жабче были защищены укрѣпленными за̀мками, съ пушками, гаковницами и другимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Легко понять, что такія доходныя мѣста, дававшія важное значеніе и обильное кормленіе, были предметомъ исканія для многихъ мірскихъ знатныхъ лицъ, которыя, добившись ихъ съ помощію свѣтской власти, не покидали своихъ мірскихъ привычекъ; да и трудно имъ было покинуть ихъ, еслибы даже хотѣли. Мы видѣли состояніе Польши въ описываемое время: видѣли своеволіе сильныхъ, презрѣніе законовъ, слабость власти государственной; силу должно было отражать силою: не даромъ же епископскіе за̀мки были укрѣплены и вооружены артиллеріею; частыя столкновенія съ жадными, сильными и своевольными сосѣдями, иновѣрцами и потому не поставлявшими за грѣхъ поживиться на счетъ имѣній схизматическаго епископа, заставляли послѣдняго безпрестанно являться въ суды, обвинять и защищаться; и потому, вмѣсто молитвы и приготовленія поученій для паствы, владыка долженъ былъ сидѣть надъ выписками изъ законовъ. Въ 1565 году, по смерти епископа Іосифа, яви-

лось двое соперниковъ, желавшихъ завладѣть епископіею владимірскою и брестскою: шляхтичъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій и епископъ холмскій Θеодосій Лазовскій. Первый, получивъ королевскую грамоту на епархію, завладѣлъ епископскимъ замкомъ, гдѣ посадилъ сына своего Василія. Но король Сигизмундъ-Августъ въ то же время далъ жалованную грамоту на владимірское епископство Лазовскому. Послѣдній явился во Владиміръ съ вооруженною силою, потребовалъ у Василія Красенскаго сдачи замка, получилъ отказъ, началъ добывать замокъ приступами, и наконецъ овладѣлъ имъ. Король, по жалобѣ Ивана Красенскаго, послалъ дворянина своего звать Θеодосія на судъ; дворянинъ явился къ епископу въ соборную церковь Владимірскую и объявилъ ему приказъ королевскій. Θеодосій отвѣчалъ, что не поѣдетъ на судъ, бросился съ посохомъ на слугъ Ивана Красенскаго, велѣлъ своимъ людямъ бить ихъ и топтать ногами въ соборной церкви, наконецъ выгналъ ихъ изъ замка, сказавши: «Еслибы здѣсь былъ самъ Борзобогатый, то я велѣлъ бы изрубить его въ куски и бросить псамъ». Этотъ поступокъ Θеодосія показываетъ намъ, съ какимъ человѣкомъ имѣемъ дѣло; утвердившись въ своей епархіи, онъ велъ себя какъ и другіе сильные паны: и на него, какъ на другихъ подавались жалобы, что онъ съ толпою вооруженныхъ слугъ наѣзжалъ на имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, производилъ разбои и грабежи на большой дорогѣ; въ глубокой старости онъ совершенно ввѣрился зятю своему Дубницкому, войту владимірскому, который расточалъ церковную казну, разорялъ церковныя имѣнія, кралъ жалованныя грамоты. Но мы должны разсматривать поведеніе Θеодосія Лазовскаго въ связи съ условіями времени, не должны прилагать къ нему требованій нашего времени и общества. Θеодосій принадлежалъ къ числу людей сильныхъ характеромъ, общество же не могло выставить никакихъ препятствій тому, чтобы эта сила не выражалась незаконнымъ образомъ; общество терпѣло Θеодосія, и Θеодосій, когда страсти его утихли, вспомнилъ, что «при жизни было много бито, граблено, а подъ конецъ надобно душу спасти», и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: выдѣлилъ изъ церковныхъ имѣній мѣстечко Озераны и одиннадцать селеній, назначилъ доходы съ этихъ имѣній на украшеніе соборной церкви владимірской, на учрежденіе при ней богадѣльни и школы для дѣтей;

часть доходовъ назначена была на содержаніе двухъ проповѣдниковъ; въ школѣ положено имѣть двухъ баккалавровъ: одинъ долженъ былъ учить греческому, а другой славянскому языку. Θеодосій выпросилъ у Стефана Баторія позволеніе передать управленіе владимірскою епархіею архимандриту кіевопечерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу-Богуринскому; но при этомъ Θеодосій пользовался доходами епархіи до самой смерти своей, случившейся въ 1588 году, и тогда епархія владимірская перешла въ полную власть Хребтовича.

Между тѣмъ Иванъ Борзобогатый-Красенскій, лишенный Θеодосіемъ епархіи владимірской, получилъ отъ короля епископію луцкую и острожскую, по смерти Марка Жоравинскаго, который съ 1561 до 1567 года управлялъ епархіею луцкою, не посвящаясь въ духовный санъ. Красенскій хотѣлъ-было подражать своему предмѣстнику, но кіевскій митрополитъ Іона сильными мѣрами заставилъ его посвятиться въ 1571 году подъ именемъ Іоны. Новый епископъ съ своими дѣтьми и родственниками распоряжался церковными имѣніями какъ своею собственностію, отдалъ мѣстечко Жабче въ приданое за дочерью; сыновья епископскіе грабили церкви, разгоняли монаховъ; наконецъ Іона поссорился съ Баторіемъ, нелюбившимъ своеволія, и умеръ баннитомъ. По смерти его въ 1585 году переведенъ былъ на луцкую епископію Кириллъ Семеновичъ Терлецкій, епископъ пинскій и туровскій, человѣкъ также дворянскаго происхожденія, умный, образованный, ловкій и дѣятельный, способный управлять епархіею по тогдашнимъ условіямъ, но далеко неспособный быть достойнымъ епископомъ. Онъ нашелъ луцкую епископію въ самомъ жалкомъ положеніи вслѣдствіе грабежей Красенскаго и его родственниковъ, долженъ былъ вооруженною рукою отнять у послѣднихъ Жабче, лично хлопоталъ въ судахъ о неприкосновенности церковныхъ имѣній и правъ; войско епископское всегда было наготовѣ для отраженія враговъ.

Третьею западно-русскою епархіею, которая обращаетъ на себя особенное вниманіе въ концѣ XVI-го вѣка, была львовская въ Галицкой или Червонной Руси. Епископомъ здѣсь въ это время былъ Гедеонъ Балабанъ, сынъ львовскаго же епископа Арсенія. Получивши каθедру какъ бы по наслѣдству, Гедеонъ считалъ себя еще въ большемъ правѣ, чѣмъ другіе его товарищи, смотрѣть

на нее какъ на собственность неотъемлемую; но этотъ епископъ-собственникъ встрѣтилъ себѣ сильное сопротивленіе въ братствѣ львовскомъ. Во время посѣщенія Львова антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1586 году, львовскіе мѣщане, ктиторы храма Успенія Богородицы, упросили его благословить ихъ на устроеніе братства, для котораго написаны были слѣдующія правила: 1) въ опредѣленный день сходиться въ избранный домъ, съ любовію и миромъ, отдавая другъ другу предпочтеніе, промышляя доброе предъ Богомъ и людьми. 2) По повѣсткѣ, которая дѣлается обсылкою братскаго знамени, братья должны сходиться разъ въ четыре недѣли, или какъ случится надобность, и обязанъ каждый братъ разъ въ четыре недѣли дать полгроша въ братскую кружку. 3) Всякій желающій вступить въ братство, кто бы онъ ни былъ: мѣщанинъ или шляхтичъ, или предмѣщанинъ, или какого бы ни былъ чина, какъ тутошній, такъ и сторонній, долженъ дать вступнаго шесть грошей. 4) Братъ, живущій далеко отъ братства, долженъ давать разъ въ годъ по шести грошей. 5) Каждый годъ братья сообща выбираютъ изъ среды себя четырехъ старшинъ. 6) Кружка братская должна быть у старшаго брата, а ключъ отъ нея у младшаго. 7) Ежегодно, при сложеніи своихъ должностей, старшины отдаютъ отчетъ предъ всѣми. 8) Если избираемый на старшинство будетъ противиться этому безъ уважительной причины, то долженъ дать три безмѣна воску. 9) Наказаніе всѣмъ одно—сидѣть на колокольнѣ. 10) Если братъ брата обидитъ словомъ въ братствѣ, то долженъ быть наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ, долженъ дать камень воску и, не выходя изъ братства, просить прощенія у оскорбленнаго брата и всего братства. 11) За слово непотребное, корчемное братъ долженъ платить фунтъ воску. 12) Въ засѣданіяхъ, исправя всѣ дѣла, братья должны читать священныя книги и скромно другъ съ другомъ разговаривать. 13) Братъ, узнавши о проступкѣ другого брата, не долженъ его таить, но объявить въ братствѣ, чтобъ виновный былъ подвергнутъ наказанію. Утаившій наказывается по приговору братскому. 14) Старшій за проступокъ подвергается двойному и тройному наказанію противъ младшаго. 15) Братъ, наказанный сидѣньемъ на колокольнѣ или денежною пенею, тотчасъ послѣ наказанія долженъ просить прощенія у того, предъ кѣмъ провинился. 16) Кто не отдастъ братской пени, долженъ поста-

вить двоихъ братьевъ поруками до слѣдующаго засѣданія. 17) Въ обсужденіяхъ участвуютъ всѣ, какъ старшіе, такъ и младшіе; когда всѣ младшіе выскажутъ свои мнѣнія, тогда начнутъ говорить старшіе. 18) Если у брата есть какое-нибудь дѣло и не умѣетъ онъ его вести самъ, то вольно ему взять двоихъ братьевъ на совѣтъ и на помощь. 19). Дѣла братскія не должны быть выносимы за порогъ дома братскаго; виновный въ разглашеніи, по засвидѣтельствованіи двоихъ, долженъ быть наказанъ сидѣньемъ на колокольнѣ и безмѣномъ воску. 20) Кто презритъ церковнымъ братскимъ судомъ, тотъ судится какъ преслушникъ церкви, и если въ четыре недѣли не покается, то какъ поганецъ и явный грѣшникъ отлучается. Священникъ долженъ его въ церкви предъ всѣми обличить и отъ церкви отлучить. 21) Сообщающійся съ отлученными вмѣстѣ съ ними осуждается. 22) Если неимѣющій состоянія братъ занеможетъ, то братья помогаютъ ему братскими деньгами и ходятъ за нимъ въ болѣзни. 23) Братъ, которому помогаютъ братскими деньгами въ напастяхъ, не платитъ роста. Давать въ займы должно не тѣмъ, которые занимаютъ для какого-нибудь выгоднаго предпріятія, изъ желанія обогатиться, но дѣйствительно находящимся въ большой нуждѣ. 24) Тѣло умершаго брата всѣ братья провожаютъ на погребеніе въ приходскую церковь и свѣча братская должна быть въ церкви. 25) Если кто изъ братій не явится на засѣданіе или на погребеніе по важнымъ причинамъ, то долженъ дать знать объ этомъ старшему брату; если же окажется, что препятствій никакихъ не было, то долженъ заплатить фунтъ воску. 26) Каждый братъ долженъ вписать въ поминанье имя отца своего и матери и всѣхъ сродниковъ умершихъ, а священникъ успенской братской церкви долженъ читать поминанье братское за заутренею и вечернею въ дни поминовенные и въ великій постъ, по уставу церковному. 27) Ежегодно должны быть двѣ литургіи за все братство: заздравная и заупокойная, причемъ раздается посильная милостыня бѣднымъ.

Но, какъ обыкновенно бываетъ въ обществѣ, гдѣ нѣтъ для всѣхъ одинаковой безопасности, гдѣ господствуетъ право сильнаго, въ отдѣльныхъ лицахъ и въ союзахъ лицъ является стремленіе захватить для себя какъ можно больше силы, въ которой видятъ единственное обезпеченіе противъ насилія другихъ сильныхъ. Вотъ почему львовское братство выхлопотало отъ Іоакима важное пра-

во обличать противныхъ закону Христову, истреблять всякое безчиніе въ церкви, право всеобщаго надзора и цензуры, изъ-подъ которой не былъ изъятъ и епископъ. 28) Если братство отлучитъ брата отъ церкви чрезъ своего священника, то протопопы и епископъ не могутъ благословить его до тѣхъ поръ, пока не покорится братству. 29) Если братья въ городѣ Львовѣ при какой-нибудь церкви увидятъ, или въ другомъ братствѣ услышатъ о незаконно-живущихъ, мірскихъ или духовныхъ, то должны удержать ихъ словомъ или грамотою; если же не послушаются, то должны донести старшему. 30) Если и епископъ будетъ вести себя незаконно, то и ему должны всѣ сопротивляться какъ врагу истины. 31) Если кто-нибудь изъ братій будетъ обвиненъ предъ епископомъ, то не долженъ одинъ защищаться, а ждать пока соберется съ нимъ все братство; при епископѣ братья сообща должны разобрать дѣло и судиться по правиламъ св. отецъ. 32) Братство львовское, какъ старшее, должно обличать всякое другое братство, поступающее не по этимъ правиламъ. Никто не можетъ ему сопротивляться, опираясь на давность другихъ братствъ, несовершенно нѣкоторыми епископами установленныхъ: «повелѣваемъ, говоритъ патріахъ, чтобъ этому братству львовскому всѣ братства повсюду повиновались». 33) Всякое братство въ своемъ городѣ и въ окольныхъ мѣстахъ и селахъ обязано знать поведеніе поповъ и мірскихъ людей, и обо всякомъ беззаконіи доносить епископу. 34) Кто разоритъ это право церковное, епископъ или князь, или простой человѣкъ, на такомъ будетъ клятва всѣхъ четырехъ патріарховъ и святыхъ отецъ седьми вселенскихъ соборовъ. Въ то же время Іоакимъ разослалъ окружное посланіе съ извѣщеніемъ, что въ городѣ Львовѣ христіанская церковь хочетъ строеніемъ поновляться, т.-е. наукою Писанія святаго: хотятъ мѣщане львовскіе школу основать для поученія дѣтямъ христіанскимъ всякаго званія; будутъ эти дѣти учиться Писанію святому греческому и славянскому, чтобъ не былъ родъ ихъ христіанскій безсловесенъ ради ненаученія; купили мѣщане типографію славянскую и греческую, для школы этой потребную, за полторы тысячи золотыхъ, хотятъ строить церковь новую и дома для школы, типографіи и госпиталей. Патріархъ проситъ у всѣхъ православныхъ христіанъ вспоможенія на такія богоугодныя дѣла.

Между братствомъ, получившимъ такія права, и между епископомъ Гедеономъ, ревнивымъ къ своей власти, тотчасъ же начались столкновенія; дѣло дошло до константинопольскаго патріарха Іереміи, тотъ взялъ сторону братства и въ ноябрѣ 1587 года писалъ Гедеону: «Мы судили, истинно испытали и нашли въ тебѣ убійцу и ненавистника добру; не смѣй ничего говорить противъ львовскаго братства, на которомъ Богъ почиваетъ и славится; и если услышимъ, что ты возбраняешь дѣла благія, то будешь отлученъ, а потомъ и другому церковному наказанію подвергнешься». Это грозное посланіе понудило Гедеона стать на точку зрѣнія Скарги, убѣдиться какъ вредно вмѣшательство міранъ въ дѣла церковныя, убѣдиться, что унія съ господствующею церковію освободитъ владыкъ отъ униженія мірской цензуры; онъ сблизился съ католическимъ львовскимъ епископомъ и въ 1588 году изъявилъ ему желаніе принять унію.

Въ такомъ состояніи находилась западно-русская Церковь, когда въ 1589 году посѣтилъ ее константинопольскій патріархъ Іеремія, возвращавшійся изъ Москвы. Мірскіе люди не замедлили подать ему сильныя жалобы на церковные безпорядки, виною которыхъ были епископы порочные или нерадивые. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ главный пастырь, митрополитъ кіевскій, Онисифоръ Дѣвочка, къ которому въ 1585 году православные галицкіе дворяне прислали съ сейма слѣдующую любопытную грамоту: «Великому несчастію своему приписать должны мы то, что во время вашего пастырства всѣ мы страшно утѣснены, плачемъ и скитаемся, какъ овцы, пастыря неимущія. Хотя вашу милость старшимъ своимъ имѣемъ, однако ваша милость не заботитесь о томъ, чтобъ словесныхъ овецъ своихъ отъ губительныхъ волковъ оборонять, нисколько не заботитесь о благочестіи. Съ жалобою на великія несправедливости, намъ сдѣланныя, мы пріѣхали на сеймъ въ Варшаву, въ надеждѣ на ваше обѣщаніе явиться туда же, чтобъ вмѣстѣ бить челомъ королю, защищать права и вольности закона нашего греческаго. Но ваша милость не хотите исполнять своихъ обязанностей, не хотите быть дѣятельнымъ при такихъ великихъ бѣдахъ, больше которыхъ не было и не будетъ. Во время вашего пастырства вдоволь всякаго зла въ законѣ нашемъ сталось, насилія святыни, замыканье св. Таинъ, запечатаніе церквей святыхъ, запрещеніе звонить, выволакиваніе

отъ престола изъ церквей Божіихъ поповъ какъ злодѣевъ, запрещеніе мірскимъ людямъ молиться въ церквахъ: такихъ насилій не дѣлается и подъ поганскими царями, и все это дѣлается въ пастырствѣ вашей милости. Но этого мало: рубятъ кресты святые, захватываютъ колокола въ замокъ, отдаютъ ихъ въ распоряженіе жидамъ; а ваша милость листы свои открытые противъ церкви Божіей жидамъ на помогу даешь. Изъ церквей дѣлаются костелы іезуитскіе, имѣнія, церкви Божіей данныя, теперь къ костеламъ привернуты. Въ монастыряхъ честныхъ, вмѣсто игуменовъ и братьи, игумены съ женами и дѣтьми живутъ и церквами святыми владѣютъ; изъ большихъ крестовъ маленькіе дѣлаютъ; что было дано къ Божіей чести и хвалѣ, изъ того святотатство сдѣлано: изъ вещей церковныхъ дѣлаютъ себѣ пояса, ложки и сосуды, изъ ризъ саяны, изъ епитрахилей брамы. Но, что̀ еще хуже, ваша милость поставляешь одинъ епископовъ безъ свидѣтелей и безъ насъ, братьи своей, что̀ и правила запрещаютъ, вслѣдствіе чего негодные люди становятся епископами и на столицахъ съ женами своими живутъ безъ всякаго стыда и дѣтей родятъ. И другихъ, и другихъ, и другихъ бѣдъ великихъ и нестроенія множество! Наставилось епископовъ много, на одну епархію по два: отъ тою и порядокъ згибъ. Мы, по обязанности своей, вашу милость остерегаемъ, молимъ и просимъ: Бога ради, вспомни святыхъ предшественниковъ своихъ, архіепископовъ кіевскихъ, и возревнуй благочестію ихъ, а на насъ не прогнѣвайся: жаль намъ души и совѣсти вашей, за все отвѣтъ Господу Богу должны вы отдать».

Онисифоръ, по пріѣздѣ Іереміи, долженъ былъ оставить митрополію, и на мѣсто его патріархъ поставилъ въ митрополиты извѣстнаго уже намъ архимандрита минскаго Михаила Рагозу, по представленію христіанства, т.-е. всѣхъ православныхъ Западной Россіи. Любопытно, что при посвященіи Михаила Іеремія произнесъ слѣдующія многозначительныя слова, обращаясь къ окружавшей знати: «Если онъ достоинъ, то по вашему глаголу буди достоинъ; если же не достоинъ, а вы его достойнымъ выставляете, то я чистъ, вы узрите». Изъ этихъ словъ ясно видно все значеніе мірскихъ людей при избраніи Рагозы, причемъ патріархъ выдѣлилъ совершенно свою волю; мірскіе люди представили ему незначительнаго, ему вовсе неизвѣстнаго архимандрита, и патрі-

архъ уступилъ ихъ желанію, снявши съ себя всю отвѣтственность. Вглядываясь внимательнѣе въ характеръ и поведеніе Рагозы, можно понять, почему выборъ мірскихъ людей палъ на него: въ новомъ митрополитѣ мірскіе люди искали именно такого пастыря, который не былъ бы похожъ на тогдашнихъ западно-русскихъ епископовъ, непохожихъ вообще на епископовъ. Михаилъ былъ человѣкъ благочестивый, скромный, сравнительно-безукоризненной нравственности, далекій отъ дѣлъ насилія; но, къ сожалѣнію, съ этими достоинствами частнаго человѣка, монаха и епископа, Михаилъ не соединялъ другихъ достоинствъ, необходимыхъ для западно-русской церкви въ то бурное время: не соединялъ твердости и энергіи, былъ слабъ, боязливъ, вслѣдствіе чего долженъ былъ играть такую жалкую, двоедушную роль во время дѣла объ уніи.

Какъ бы то ни было, Михаилъ былъ избранникъ мірскихъ людей, и потому долженъ былъ держать ихъ сторону, сторону братствъ. Патріархъ дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Въ Вильнѣ 1589 года онъ издалъ окружную грамоту епископамъ о низверженіи изъ сана священниковъ двоеженцевъ и троеженцевъ, съ выговоромъ, что пинскій епископъ Леонтій утаилъ такихъ въ своей епархіи. Въ грамотѣ этой патріархъ говоритъ, что онъ слышалъ отъ многихъ благовѣрныхъ князей, пановъ и всего христіанства и самъ глазами своими видѣлъ, какъ позволялось священнодѣйствовать двоеженцамъ и троеженцамъ. Тогда же Іеремія благословилъ учредить братство въ Вильнѣ у церкви св. Троицы, которое обязывалось раздавать милостыню по госпиталямъ, тюрьмамъ и нищимъ по улицамъ два раза въ годъ — на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово; обязывалось въ школѣ даромъ учить дѣтей братскихъ и другихъ убогихъ сиротъ языкамъ русскому, греческому, латинскому и польскому; для науки школьной содержать людей ученыхъ, печатать книги церковныя и школьныя на языкахъ греческомъ, славянскомъ, русскомъ и польскомъ. Іеремія же подтвердилъ прежнія постановленія и права Львовскаго братства, а также и новыя: 1) Не быть другому общественному училищу во Львовѣ, кромѣ училища братскаго, въ немъ одномъ учить православныхъ дѣтей священному писанію, славянскому и греческому языкамъ. 2) Братство имѣетъ право печатать не только церковныя книги: часословы, псалтири, апостолы, ми-

неи, тріоди, требники, синаксари, евангелія, метафрасты, торжественники, хроники или лѣтописцы и прочія богословскія книги, но и другія нужныя для училища, именно грамматику, піитику, реторику и философію. 3) Священника, избраннаго братствомъ къ церкви Успенія, епископы львовскіе должны благословлять безъ всякой отговорки и противорѣчія; братство же и удаляетъ отъ должности священника, если онъ станетъ жить неприлично.

Но, согласившись на поставленіе Рагозы по представленію мірскихъ людей, Іеремія, спустя немного времени, въ знакъ ласки и благоволенія своего, далъ старшинство надъ всѣми епископами, экзаршество—должность, старшую въ духовныхъ дѣлахъ,—епископу луцкому, Кириллу Терлецкому, видя въ немъ мужа искуснаго, ловкаго и ученаго. Экзаршество или намѣстничество патріаршее состояло въ томъ, что Терлецкій имѣлъ право исправлять всѣхъ епископовъ, блюсти за порядкомъ между ними, негодныхъ извергать. Что побудило Іеремію на установленіе такой важной должности подлѣ митрополичьей, отнять у митрополита почти все значеніе и передать его епископу луцкому? Успѣлъ ли Терлецкій разными средствами подбиться къ патріарху, представить ему неспособность Рагозы, опасную силу мірскихъ людей, выразившуюся при назначеніи Михаила, свою собственную обиду при этомъ? Дѣйствительно ли патріархъ, признавая неспособность Михаила въ такое опасное и бурное время, спѣшилъ облечь властію своего намѣстника человѣка болѣе ловкаго и дѣятельнаго? А быть можетъ и сами мірскіе люди, знатные паны, видя, что обидѣли Терлецкаго, обойдя его митрополіею, и не желая лишиться помощи такого дѣятельнаго и ученаго человѣка, содѣйствовали или, по крайней мѣрѣ, нисколько не мѣшали назначенію его экзархомъ? Источники не отвѣчаютъ на эти вопросы, и потому, оставя всѣ предположенія въ сторонѣ, замѣтимъ одно, что назначеніе Терлецкаго экзархомъ было странно и вредно.

Смуты начались еще прежде, чѣмъ патріархъ успѣлъ выѣхать изъ предѣловъ Западной Россіи. Терлецкій наговаривалъ патріарху на другихъ епископовъ; Мелетій владимірскій уличалъ Терлецкаго въ насильственномъ поступкѣ съ посланцемъ патріаршимъ: Іеремія послалъ сказать митрополиту, чтобъ созвалъ соборъ для рѣшенія этихъ дѣлъ и заплатилъ ему, патріарху, пятнадцать тысячъ аспръ (250 талеровъ) за поставленіе, ибо еслибы

Рагоза долженъ былъ за этимъ поставленіемъ ѣхать въ Константинополь, то дороже бы ему стало; митрополитъ, недовольный патріархомъ, который поставилъ его митрополитомъ, давши всю власть другому, подчиненному епископу, отвѣчалъ посланному: «Не обязанъ я ничего давать патріарху, и собора теперь созвать не могу». Митрополитъ былъ недоволенъ учрежденіемъ экзархата въ пользу Терлецкаго; Терлецкій былъ недоволенъ тѣмъ, что, несмотря на званіе экзарха, не пользовался полною довѣренностью патріарха, который велѣлъ созвать на него соборъ; Гедеонъ Балабанъ львовскій былъ сильно недоволенъ тѣмъ, что патріархъ подтвердилъ права ненавистнаго ему братства; тѣмъ же самымъ должны были быть недовольны всѣ вообще епископы, которыхъ ставили подъ цензуру мірскихъ людей. Между привилегированнымъ братствомъ Успенскимъ во Львовѣ и другими непривилегированными, меньшими братствами встала рознь: въ 1590 году четверо гражданъ львовскихъ съ другими потаковниками своими, принадлежа къ братствамъ Никольскому, Ѳедоровскому и Богоявленскому, соединились съ епископомъ Гедеономъ и стали вооружаться противъ Успенскаго братства и его школы, уговаривая многихъ не посѣщать ее. Митрополитъ Михаилъ, заступаясь за Успенское братство, отлучилъ ихъ отъ церкви.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ іюнѣ 1590 года созванъ былъ соборъ въ Брестѣ, на которомъ присутствовали: митрополитъ Михаилъ, Мелетій Хрептовичъ, епископъ владимірскій, Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, Леонтій Пельчинскій—пинскій, Діонисій Збируйскій — холмскій, Гедеонъ Балабанъ—львовскій; были приглашены также Адамъ Потѣй, каштелянъ брестскій и всѣ крилошане соборные. Отцы разсуждали о великихъ притѣсненіяхъ, которымъ подвергается православная церковь, о великомъ нестроеніи въ духовенствѣ, о развратѣ, несогласіяхъ, непослушаніи и безчинствахъ между нѣкоторыми христіанами. Для предотвращенія подобнаго нестроенія и своевольствъ, для установленія порядка, для разсужденія о школахъ, наукахъ, госпиталяхъ и другихъ благочестивыхъ дѣлахъ отцы постановили собираться ежегодно въ Брестѣ Литовскомъ въ іюнѣ 24-го числа; кто не явится на соборъ, долженъ заплатить 50 копъ грошей литовскихъ на общія потребы духовныя; кто поставитъ причиною отлучки болѣзнь, тотъ, пріѣхавши на соборъ слѣдующаго

года, долженъ присягнуть, что дѣйствительно былъ боленъ; если же кто и на другой годъ не пріѣдетъ и присяги не дастъ, тотъ будетъ лишенъ епископіи. Архіереи обязались привозить на соборъ всѣхъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и другихъ пресвитеровъ въ св. Писаніи знающихъ; обязались не позволять, чтобъ простые люди держали монастыри; обязались не вступаться въ чужія епархіи, не ставить недостойныхъ пресвитеровъ, подъ пенею ста копъ грошей литовскихъ; кто же не заплатитъ, тотъ подпадаетъ проклятію. На соборѣ явились семеро депутатовъ Львовскаго братства (изъ нихъ двое Грековъ), съ жалобою на епископа Гедеона, который не исполняетъ постановленій патріаршихъ относительно братствъ Львовскаго и Рогатинскаго, уже послѣ уговора и примиренія своего съ ними. На эти жалобы Гедеонъ отвѣчалъ одно: «Братство не хочетъ воздавать мнѣ надлежащей епископской чести, потому я и сержусь на него». Но соборъ рѣшилъ дѣло въ пользу братства: такъ какъ Гедеонъ никогда не соглашался благословлять священниковъ для братства, почему церковь братская бывала безъ службы къ соблазну христіанамъ, то братство передано въ непосредственную зависимость Кіевскаго митрополита, который и благословляетъ священниковъ братскихъ, братствомъ избранныхъ.

Послѣ собора Кириллъ Терлецкій занемогъ и поѣхалъ въ Сендомиръ лѣчиться; потомъ пришла вѣсть, что онъ при смерти. Тогда одинъ изъ урядниковъ замковыхъ острожскихъ, Боровицкій, по давнему обычаю, вошелъ въ домъ епископа и захватилъ его пожитки. Но Терлецкій выздоровѣлъ и, возвратясь изъ Сендомира, обратился съ жалобою къ князю Острожскому, въ надеждѣ на большую любовь этого вельможи къ себѣ. Но Боровицкій пользовался также сильнымъ расположеніемъ князя, вслѣдствіе чего успѣшно защищался, и когда Терлецкій уѣхалъ изъ Острога, то Боровицкій сталъ обносить его передъ княземъ и такъ успѣлъ очернить Кирилла, что князь вмѣсто прежней любви сталъ оказывать презрѣніе къ нему. Легко понять теперь положеніе луцкаго епископа, разладившаго съ самымъ могущественнымъ вельможею своей епархіи и столпомъ православія! Съ одной стороны разладъ съ своими въ лицѣ самаго сильнаго изъ своихъ, съ другой—поднимается ожесточенное преслѣдованіе отъ чужихъ. Секретарь королевскій Мартынъ Броневскій напалъ съ толпою

вооруженныхъ людей на церковное владѣніе Фалимичи, завладѣлъ церковнымъ и епископскимъ имѣніемъ; староста луцкій, Александръ Семашко, сдѣлавшійся изъ православныхъ католикомъ, наложилъ подать за входъ въ соборную луцкую церковь; въ апрѣлѣ 1591 года, въ страстную субботу и Свѣтлое Воскресеніе, Семашко велѣлъ впустить въ замокъ, гдѣ находилась церковь, только одного епископа съ слугою, безъ духовенства, почему въ соборной церкви не было въ эти дни богослуженія, а епископъ два дня не пилъ и не ѣлъ, между тѣмъ какъ пьяный Семашко въ притворахъ соборной церкви заводилъ танцы и игры и приказалъ гайдукамъ своимъ стрѣлять въ куполъ и крестъ церковный.

Въ іюнѣ, по приговору, епископы съѣхались на соборъ въ Брестъ, опредѣлили жаловаться королю, что урядники и землевладѣльцы великаго княжества литовскаго вступаются въ дѣла духовныя, судятъ священниковъ, разводятъ браки. Но Терлецкій съ нѣкоторыми товарищами рѣшились избавиться отъ всѣхъ бѣдъ, грозящихъ какъ отъ своихъ, такъ и отъ чужихъ, прямымъ средствомъ, на которое давно уже было указано іезуитами—уніею. Король Сигизмундъ получилъ слѣдующую грамоту: «Мы, нижеподписавшіеся епископы, желаемъ признавать пастыремъ нашимъ и главою намѣстника св. Петра святѣйшаго папу римскаго, отъ чего ожидаемъ великаго умноженія хвалы Божіей въ Церкви Его святой; но, желая быть въ повиновеніи у святѣйшаго отца папы, мы желаемъ, чтобъ оставлены были намъ всѣ церемоніи, службы и порядки, какіе издавна Церковь наша св. восточная держитъ, и чтобы его королевская милость вольности намъ грамотами обезпечилъ, и артикулы, которые нами будутъ поданы, утвердилъ; а мы обязуемся быть подъ властію и благословеніемъ отца папы, и листъ этотъ съ подписью нашихъ собственныхъ рукъ и приложеніемъ печатей дали мы брату нашему старшему, отцу Кириллу Терлецкому, екзарху и епископу луцкому и острожскому. Подписали: Кириллъ луцкій, Гедеонъ львовскій, Леонтій пинскій и Діонисій холмскій».

Только въ генварѣ 1592 года король отвѣчалъ на жалобу митрополита запрещеніемъ свѣтскимъ лицамъ вмѣшиваться въ дѣла духовныя, и только 18 марта написанъ былъ привилей королевскій согласнымъ на унію епископамъ: «Мы, господарь, имъ самимъ епископамъ, пресвитерамъ и всему духовенству церкви восточ-

ной и религіи греческой обѣщаемся сами за себя и за потомковъ нашихъ, что еслибы кто-нибудь изъ патріарховъ и митрополитовъ наложилъ на нихъ клятву, то эта клятва имъ и всему духовенству ихъ ни въ чемъ не будетъ вредить; обѣщаемъ ни по какимъ обвиненіямъ и клятвамъ не отнимать у нихъ епархій и другимъ при жизни ихъ не отдавать; обѣщаемъ пріумножить къ нимъ ласку нашу, придавая имъ и каждому, кто склонится къ уніи, свободъ и вольностей въ той же мѣрѣ, въ какой имѣютъ ихъ и римскіе духовные, что̀ обѣщаемъ и другими привилеями нашими утвердить». Въ это время между православными еще ничего не было извѣстно о замыслѣ Терлецкаго съ товарищами; по крайней мѣрѣ, Львовское братство, продолжая борьбу съ своимъ епископомъ, въ грамотѣ къ патріарху отъ 6 февраля 1592 года еще ничего не говоритъ объ этомъ. Въ этой грамотѣ братство пишетъ: «Безпрестанными бѣдами томитъ насъ Гедеонъ епископъ львовскій, людей раздѣлилъ и на братство наше вооружилъ, приказалъ всѣмъ подъ клятвою отвращаться отъ насъ; монастырь св. Онуфрія, ставропигіонъ нашъ ктиторскій, подъ благословеніемъ митрополита находящійся, пограбилъ, игумена обезчестилъ. На соборѣ показали мы грамоту вашей святыни объ этомъ монастырѣ и священникѣ нашего братскаго храма, котораго архіепископъ (т.-е. митрополитъ Михаилъ) подъ благословеніе свое принялъ, а епископъ проклинаетъ. Мы жаловались на епископа на соборѣ; но безчиннаго ради собора не было о томъ суда, на будущій соборъ отложили. Архіепископъ съ епископами утвердили, чтобы впередъ священники братствъ львовскаго и виленскаго были подъ благословеніемъ архіепископскимъ и подъ защитою всего собора; но епископъ, по древнему своему противленію, и теперь противится, и всюду между всякихъ чиновъ людьми клевещетъ, что мы не можемъ ни церкви строить, ни школы заводить. Поэтому отпустили мы дидаскаловъ (учителей) Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, другіе по инымъ мѣстамъ разошлись, а Стефанъ здѣсь живетъ; священники лучшіе, ради гоненія епископскаго, разошлись въ иныя страны, а двоеженцы водворились вездѣ. Епископы холмскій и пинскій съ женами живутъ и, видя это, двоеженцы смѣло литургисаютъ. Сильно смущается церковь и вспять возвращается; люди знатные, въ различныя ереси впадшіе, хотѣвшіе прежде возвратиться къ своему

правовѣрію, теперь не хотятъ; хулятъ церковное безчиніе, и всѣ люди единогласно вопіютъ: «если не устроится церковь, то въ конецъ разойдемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ покоѣ безмятежномъ». Нѣкоторые неправду сказали твоему святительству, будто у насъ есть люди, не почитающіе св. иконъ: нѣтъ такихъ ни въ братствѣ нашемъ, ни въ цѣломъ городѣ. Дѣло вотъ какъ было: когда архіепископъ нашъ (Михаилъ) былъ здѣсь въ Галиціи, то въ городѣ Рогатинѣ нашелъ икону: вмѣсто Спасова образа написанъ Богъ Отецъ съ сѣдинами; тоже и въ Галичѣ. Архіепископъ велѣлъ эту икону вынести изъ церкви и написать Спасово изображеніе. Но Гедеонъ, епископъ львовскій, по уходѣ архіепископа, велѣлъ въ Галичѣ икону невидимаго Бога Отца въ церкви выше всѣхъ иконъ поставить, и подписалъ имя иконѣ: «Ветхій денми», и уча народъ, обвинялъ архіепископа въ иконоборствѣ. На Воскресеніе Христово, какой-то хлѣбъ, называемый пасха, по старому еретичеству приказываетъ освящать; пятницу празднуютъ, и на другой день Рождества Христова пироги приносятъ въ униженіе Богородицы (такъ-называемый пологъ Богородицы, по нашему на зубокъ). Все это велитъ епископъ по старому держать и не соблазняться прещеніями твоего святительства. Сообщаемъ твоему святительству и радостныя вѣсти: въ Вильнѣ братство размножается. Θедоръ Скуминъ (Тышкевичъ), воевода новгородскій, и панъ Богданъ Сапѣга, воевода минскій, со многими чиновными людьми вступили въ братство церковное и утвердили единство свое съ братствомъ львовскимъ, дабы вмѣстѣ промышлять объ общей пользѣ. Кромѣ того панъ Адамъ Потѣй, каштелянъ брестскій, сенаторъ королевскій, заложилъ въ Брестѣ чинъ братства Львовскаго».

Какъ же удивилось львовское братство, когда вскорѣ послѣ этого врагъ его Гедеонъ объявилъ грамоту патріаршую, въ которой приказывалось изъять монастырь св. Онуфрія изъ-подъ власти митрополита. Въ сентябрѣ братство писало патріарху: «Не знаемъ какъ это случилось? отъ зависти ли бѣсовской, или отъ клеветы злохитрыхъ людей, или потому, что ты забылъ прежнюю свою грамоту?» Тутъ же, обличая непорядки церковные, братство впервые донесло патріарху о замыслѣ насчетъ уніи: «Прежде всего да вѣдаетъ твоя святыня, что у насъ такъ-называемые святители, а лучше сказать сквернители, вопреки иноческому обѣту,

съ женами невозбранно живутъ; нѣкоторые многобрачные святительствуютъ, другіе съ блудницами дѣтей прижили. Если такіе святители, то простые священники и подавно. Когда митрополитъ на соборѣ обличилъ священниковъ и требовалъ, чтобы они отказались отъ священства, то они отвѣчали: «Пусть прежде святители откажутся отъ своего святительства, послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ. Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства и ввели въ монастыри родню свою и урядниковъ мірскихъ; имѣнія всѣ церковныя пограбили, иночество испразднили, коней и псовъ въ монастыри ввели. Многіе же утвердили совѣтъ предаться римскому архіерейству съ сохраненіемъ закона греческой вѣры, и римскій папа послалъ одного іерея своего съ приказаніемъ по всѣмъ церквамъ своимъ квасымъ хлѣбомъ службу совершать въ знакъ соединенія церквей; іезуитъ виленскій Петръ Скарга напечаталъ книги о вѣрѣ своей и о греческомъ заблужденіи и королю вручилъ. Люди разсудили, что можетъ Христова вѣра подъ римскою властію правовѣрно исповѣдаться, какъ и сначала было: потому что безначаліе во многоначаліи нашемъ обрѣтается, законы отеческіе попраны, и ложь православіемъ лицемѣрствующихъ учителей покрыла церковь».

Братство не могло еще, не умѣло назвать епископовъ, рѣшившихся на унію: такъ осторожно и тайно дѣйствовали они; понятно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ они должны были дѣйствовать медленно, и потому не нужно искать причину этой медленности въ какомъ-нибудь внѣшнемъ обстоятельствѣ. Львовское братство писало патріарху, что у многихъ укореняется мысль о необходимости подчиниться римскому престолу, какъ о единственномъ средствѣ избавиться отъ безначалія и безпорядковъ, господствовавшихъ въ русской церкви; но сдѣлать рѣшительный, открытый шагъ къ этому подчиненію было крайне трудно и опасно. Терлецкій одинъ не могъ на это рѣшиться; Терлецкому одному трудно было дѣйствовать, пріобрѣтать сообщниковъ: какъ мы видѣли, онъ лишился дружбы князя Константина Острожскаго. Но скоро явился человѣкъ, который занялъ мѣсто Терлецкаго въ расположеніи князя Константина; въ началѣ 1593 года, по смерти владимірскаго епископа Мелетія, епархію эту получилъ Ипатій, въ міру Адамъ Потѣй, тотъ самый сенаторъ и каштелянъ брестскій, о благочестивой ревности котораго упоминало львов-

ское братство въ письмѣ къ патріарху. Потѣй явился достойнымъ своего новаго сана, явился «великимъ подвижникомъ, воздержникомъ, постникомъ, чуткимъ охранителемъ правъ церковныхъ и ни въ какое дѣло свѣтское не вступающимся.» Но бывшій каштелянъ былъ мало свѣдущъ въ догматическихъ подробностяхъ восточнаго исповѣданія, былъ равнодушенъ къ вопросу о различіи церквей и тѣмъ легче могъ быть склоненъ къ уніи. Терлецкій взялся за это дѣло. «На ласку князя Острожскаго полагаться опасно, говорилъ онъ Потѣю: ко мнѣ былъ ласковъ, а теперь презираетъ. Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостынею, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ; Іеремія уже свергнулъ одного митрополита, братства установилъ, которыя будутъ и уже суть гонители владыкъ: чего и нѣтъ, и то взведутъ и оклевещутъ; удастся имъ свергнуть кого-нибудь изъ насъ съ епископіи: самъ посуди, какое безчестье! Господарь король даетъ должности до смерти и не отбираетъ ни за что кромѣ уголовнаго преступленія, а патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ отниметъ: самъ посуди, какая неволя! А когда поддадимся подъ римскаго папу, то не только будемъ сидѣть на епископіяхъ нашихъ до самой смерти, но и въ лавицѣ сенаторской засядемъ, вмѣстѣ съ римскими епископами, и легче отыщемъ имѣнія, отъ церквей отобранныя.»

Не знаемъ, кто первый началъ разговоръ объ уніи, Потѣй или князь Острожскій; знаемъ, что 21-го іюня 1593 года князь писалъ владимірскому епископу слѣдующее письмо: «Всякій человѣкъ долженъ стараться о томъ, чтобы быть размножителемъ и любителемъ хвалы Божіей. И я, по причинѣ многочисленныхъ мірскихъ занятій моихъ, хотя не могъ посвятить всего себя заботамъ объ умноженіи хвалы Божіей, однако, по христіанской обязанности, съ давняго времени было у меня желаніе, и теперь не слабѣющее, но болѣе и болѣе распаляющееся — желаніе найти способъ къ тому, чтобы церковь Христова, всѣхъ церквей начальнѣйшая, въ первобытное свое состояніе прійти могла. Но какъ вижу, достойное созидается достойными и честное совершается честными. Такъ и мнѣ или несчастіе воспрепятствовало, или собственное недостоинство мое не допустило положить начало доброму дѣлу. Однако св. Писаніе говоритъ: «Сила Божія въ немощи совершается», и потомъ: «отъ человѣкъ невозможное Богу воз-

можно». Опираясь на эти слова, не задолго передъ тѣмъ, не славы ради житейской, Богъ вѣсть, но сѣтуя о паденіи церкви Христовой; не терпя наруганія еретиковъ и отступниковъ, дерзнулъ я съ легатомъ папы римскаго, Поссевиномъ, совѣтовать и гадательствовать о нѣкоторыхъ нужныхъ рѣчахъ Писанія святаго, не самъ, но чрезъ своихъ старшихъ и пресвитеровъ; но Богу не угодно было, не знаю на пользу намъ или во вредъ. И такъ случилось тогда, какъ было угодно Богу. И теперь, не имѣя возможности прекратить заботы о церкви Божіей, имѣя намѣреніе для здоровья своего тѣлеснаго отправиться въ тѣ страны, недалеко отъ которыхъ живетъ папа римскій, предлагаю хлопотать тамъ о соединеніи церквей, еслибы было на то произволеніе Божіе, еслибы вы, духовные, на будущемъ соборѣ вашемъ нашли способы къ прекращенію внутренней брани въ церкви Божіей. По моему мнѣнію, ваша милость, епископъ владимірскій, согласившись съ преосвященнымъ отцомъ архіепископомъ и епископами, съ позволеніемъ и грамотою его королевской милости, должны ѣхать къ великому князю московскому и вмѣстѣ съ великимъ княземъ и духовенствомъ земли тамошней посовѣтоваться, поразсказать имъ, какое гоненіе, преслѣдованіе, поруганіе и уничиженіе народъ здѣшній русскій въ порядкахъ, канонахъ и церемоніяхъ церковныхъ терпитъ, просить ихъ, какъ единовѣрцевъ, стараться о томъ, чтобы больше церковь Христова такой смуты, а народъ русскій такого гоненія и озлобленія не терпѣли. Усердно прошу вашу милость, какъ ласковаго господина и пріятеля, особенно же теплаго тщателя въ любви вѣры Христовой, стараться изъ всѣхъ силъ на соборѣ, чтобъ положить начало если не соединенію, то, по крайней мѣрѣ, улучшенію жизни народной. Ибо извѣстно всѣмъ вашимъ милостямъ, что люди нашей религіи упали нравственно, что господствуетъ въ нихъ лѣность и нерадѣніе къ благочестію: не только не исполняютъ они обязанности своей христіанской, не защищаютъ церковь Божію и вѣру свою старинную, но еще сами многіе, насмѣхаясь надъ нею, разбѣгаются по разнымъ сектамъ. Если ваши милости стараться объ этомъ не будете, то сами знаете, кто повиненъ будетъ отвѣтъ дать; ибо вы вожди, наставники и пастухи паствы Христовой. Но отчего же размножились между людьми лѣность, нерадѣніе и отступленіе отъ вѣры? Отъ того, что нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣдниковъ

слова Божія, нѣтъ наукъ, нѣтъ проповѣдей; отъ этого наступило истощеніе хвалы Божіей въ церкви Его, наступилъ голодъ слушанія слова Божія, началось отступленіе отъ вѣры, и закона. Дошло до того, что нѣтъ ничего, чѣмъ бы могли мы утѣшиться въ законѣ своемъ. Имѣемъ право сказать словами пророческими: «Кто дастъ головѣ нашей воду и очамъ нашимъ источникъ слезъ», чтобъ могли мы оплакивать упадокъ, истощеніе вѣры и закона своего день и ночь? Все ниспровергалось и упало, со всѣхъ сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если дальше такъ пойдетъ, то Богъ вѣсть, что съ нами наконецъ будетъ!» При этомъ письмѣ князь приложилъ и собственноручныя статьи, на которыхъ онъ бы желалъ уніи: 1) Оставаться намъ вполнѣ при всѣхъ обрядахъ, какіе церковь восточная держитъ. 2) Чтобъ паны римляне церквей нашихъ и имуществъ ихъ на свои костелы не брали. 3) Чтобъ послѣ уніи не принимали они тѣхъ изъ нашихъ, которые бы захотѣли быть католиками; не принуждали бы нашихъ къ католицизму, особенно при бракахъ, какъ то обыкновенно дѣлаютъ. 4) Чтобы духовенство наше въ такомъ же почетѣ было, какъ ихъ, чтобы митрополитъ и владыки въ радѣ и на сеймикахъ мѣсто имѣли, хотя и не всѣ. 5) Нужно переслаться съ патріархами, чтобъ и они склонились къ уніи, чтобъ намъ единымъ сердцемъ и едиными устами Господа Бога хвалить. Нужно послать къ московскому и къ волохамъ, чтобы согласиться съ ними вмѣстѣ на унію; всего лучше, по моему мнѣнію, въ Москву послать отца епископа владимірскаго, а къ волохамъ львовскаго. 7) Нужны также исправленія нѣкоторыхъ вещей въ церквахъ нашихъ, особенно касательно вымысловъ людскихъ. 8) Необходимо имѣть намъ ученыхъ пресвитеровъ и проповѣдниковъ добрыхъ, ибо, по недостатку просвѣщенія, великая грубость въ нашемъ духовенствѣ умножилась.

Практическій смыслъ Потѣя и Терлецкаго долженъ былъ внушать имъ, что требованія князя неисполнимы; что церковь восточная греческая и восточная русская или московская не признаютъ папу главою своею, а безъ этого унія невозможна; что по пустому, слѣдовательно, будетъ ѣхать и въ Москву, и къ волохамъ; что дѣло не можетъ рѣшиться путемъ соборовъ, но только рѣшительнымъ шагомъ со стороны нѣскольких вліятельныхъ лицъ, которыя своимъ примѣромъ могутъ увлечь народъ,

наскучившій тяжелымъ положеніемъ церкви. Не прошло года послѣ собора 1593 года, какъ 21-го мая 1594 года Терлецкій, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ, явился въ урядъ луцкій и объявилъ, что по волѣ и промышленію Бога, въ Троицѣ славимаго, и по усердному старанію и побужденію короля, его милости, и пановъ, сенаторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, совершилось давно желанное соединеніе и возстановилась братская любовь между церквами восточною и западною, съ признаніемъ святѣйшаго папы римскаго верховнымъ пастыремъ и намѣстникомъ апостольскимъ; что для утвержденія этого соединенія и для изъявленія покорности папѣ, онъ, Терлецкій, вмѣстѣ съ владимірскимъ епископомъ Потѣемъ, отправляется въ Римъ, по приказанію короля, и что для издержекъ на это путешествіе отдано въ залогъ церковное имѣніе Водиради.

Наступало обычное время собора—24-го іюня; пріѣхалъ въ Брестъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхалъ Потѣй, Терлецкій. На другой день по пріѣздѣ митрополита службы не было, только говорилъ проповѣдь о пастыряхъ владыка владимірскій Потѣй на текстъ: «Азъ есмь пастырь добрый». Послѣ проповѣди владыка спросилъ предстоявшихъ, хорошо ли онъ говорилъ, или нѣтъ? Всѣ отвѣчали: «хорошо!» Но вотъ послышался одинъ голосъ изъ толпы: «Владыко противъ себя читаетъ». Въ церкви встало смятеніе, порицателя схватили и поставили предъ соборомъ, гдѣ онъ сказалъ Потѣю: «Ты насъ добру учишь, а самъ дурно дѣлаешь: малыхъ ребятъ неразумныхъ въ попы ставишь и отъ нихъ по осьми копъ берешь». Послѣ этихъ словъ волненіе еще болѣе усилилось: порицателя Потѣева били, мучили и наконецъ посадили въ богадѣльню на цѣпь. На третій день, послѣ заутрени, велѣли звонить на соборъ, собрались отцы въ церковь, отворили царскія врата, зажгли свѣчи; поставили налой на амвонѣ, положили евангеліе разогнутое. Митрополитъ сѣлъ на особомъ мѣстѣ, владыки особенно, архимандриты особенно; потомъ архидіаконы, протопопы, игумены, священники, братства на особомъ мѣстѣ; были и паны, но немного; слышали, что римляне будутъ. Послѣ молитвы о ниспосланіи св. Духа, соборъ начался; стали подавать жалобы: братства подали жалобу на владыку львовскаго Балабана; Потѣй жаловался на него же; братства виленское и львовское положили свое право братское; по-

томъ подавались грамоты отъ многихъ пановъ къ митрополиту и ко всѣмъ владыкамъ съ жалобами. Наступилъ вечеръ и разошлись обѣдать. Но вотъ явилась грамота отъ гнѣзненскаго архіепископа-примаса, который напоминалъ митрополиту, что соборъ никакой законной силы имѣть не можетъ, ибо всякіе съѣзды, сеймы и соборы запрещены въ отсутствіе короля находившагося тогда въ Швеціи. На этомъ основаніи ограничились только дѣлами судными, подтвердили права братствъ, и Гедеонъ Балабанъ, за насилія львовскому братству, низверженъ съ епископіи [3]. Гедеонъ протестовалъ противъ собора, опираясь на его незаконность; Терлецкій также отрекся отъ участія въ незаконномъ соборѣ, и 2 декабря 1594 года явился актъ соединенія владыкъ для принятія уніи. Владыки указываютъ на уклоненіе многихъ людей въ ереси, какъ на слѣдствіе того, что они, Русскіе, порознились съ панами римлянами, порознились дѣти одной матери, и потому не могутъ помогать другъ другу. Моля Бога о соединеніи вѣры, они, владыки, не старались объ этомъ потому, что смотрѣли на старшихъ, дожидались, чтобъ тѣ постарались о соединеніи церквей. Но надежда на старшихъ ослабѣваетъ все болѣе и болѣе, потому что они, будучи въ неволѣ поганской, еслибъ даже и хотѣли, то не могутъ ничего сдѣлать. «Въ слѣдствіе этого, по натію Св. Духа, видимъ мы» пишутъ владыки: «что людямъ большія препятствія къ спасенію безъ единства въ церкви Божіей, а въ этомъ единствѣ предки наши всегда были; одного старшаго пастыря первопрестольника, именно святѣйшаго папу римскаго, признавали, и пока это продолжалось, всегда порядокъ и великое умноженіе хвалы Божіей въ церкви бывали и еретикамъ трудно было ереси разсѣвать; когда же много старшихъ и первопрестольниковъ настало, то теперь ясно видимъ, до какого несогласія церковь Божія пришла. Итакъ, не желая взять на свою совѣсть погибель душъ людскихъ, умыслили мы соединиться для святаго дѣла, чтобъ, какъ прежде, едиными усты и единымъ сердцемъ славить Отца, Сына и Св. Духа, съ братьями нашими милыми панами римлянами, будучи подъ единымъ видимымъ пастыремъ церкви Божіей. Обѣщаемся предъ Господомъ Богомъ, всѣ вообще и каждый особенно, искренно и старательно, средствами приличными и другихъ братьевъ нашихъ духовныхъ и весь народъ приводить къ единству церковному; а для

сильнѣйшаго побужденія къ тому даемъ другъ другу эту грамоту». Подлинникъ грамоты подписанъ только Ипатіемъ владимірскимъ и Кирилломъ луцкимъ. Надобно было уговорить митрополита; къ нему отправился Терлецкій, и Рагоза далъ ему слѣдующія статьи для представленія коронному гетману Замойскому: «Вслѣдствіе несогласія между самими нашими старшими, патріархами, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими епископами я хочу признать первенство святѣйшаго папы римскаго, сохранивши въ цѣлости всѣ обычаи и обряды церкви нашей восточной. Просить пана гетмана, чтобъ король обезпечилъ насъ своею грамотою, дабы я, митрополитъ, на митрополіи своей во всякой чести и уваженіи до смерти своей въ покоѣ жилъ; дабы я имѣлъ мѣсто въ радѣ и всѣ права наравнѣ съ духовными римскими. Если будутъ принесены на насъ какія-нибудь грамоты неблагословенныя отъ патріарховъ, то не должны имѣть никакого значенія. Чтобъ монахи изъ Греціи больше въ панствѣ королевской милости не бывали и въ непріятельскую землю московскую не пропускались. Чтобъ перехожихъ людей съ грамотами къ намъ отъ патріарховъ не пускали, потому что мы ихъ считаемъ шпіонами». Написали и наказъ, что долженъ былъ говорить королю уполномоченный отъ епископовъ посланникъ: «Видя въ старшихъ нашихъ, патріархахъ, великія нестроенія и нерадѣніе о церкви Божіей и законѣ святомъ, видя ихъ неволю, видя, что вмѣсто четырехъ патріарховъ сдѣлалось восемь, видя, какъ они тамъ живутъ на своихъ патріаршествахъ, какъ одинъ подъ другимъ подкупается, какъ церкви соборныя утратили, и сюда къ намъ пріѣзжая, никакихъ диспутацій съ иновѣрными не чинятъ, только поборы съ насъ берутъ, и, набравши откуда ни попало денегъ, одинъ подъ другимъ тамъ въ землѣ поганской подкупаются—видя все это, мы, епископы, не желая долѣе оставаться въ такомъ безнарядьѣ и подъ такимъ ихъ пастырствомъ, единодушно согласившись (подъ вѣрнымъ ручательствомъ, если его королевская милость захочетъ хвалу Божію подъ единымъ пасторствомъ расширить и дать намъ съ нашими епископіями, церквами, монастырями и всѣмъ духовенствомъ такія же вольности, какими пользуются духовные римскіе), хотимъ приступить къ соединенію вѣры и пастыря единаго, главнаго, которому самимъ Искупителемъ мы ввѣрены, святѣйшаго папу римскаго пастыремъ своимъ признать; только просимъ, чтобъ государь обез-

печилъ насъ своею грамотою и утвердилъ навѣки нижеписанные артикулы: 1) Чтобъ церкви главныя, епископіи наши остались навѣки нерушимо въ своихъ набоженствахъ и церемоніяхъ. 2) Владычество и церкви русскія, монастыри, имущества, пожалованія и все духовенство должны оставаться навѣки въ цѣлости, по стародавнему обычаю, подъ властію, благословеніемъ и жалованіемъ епископскимъ, во всякомъ послушаніи обычномъ. 3) Всѣ дѣла церковныя, служба Божія, церемоніи и обряды остаются ненарушимыми и отправляются по старому календарю. 4) Чтобъ былъ намъ на сеймѣ почетъ и мѣсто въ радѣ, дабы, находясь подъ благословеніемъ святѣйшаго пастыря римскаго, мы тѣшились и веселились. 5) Чтобъ проклятіе патріарховъ намъ не вредило. 6) Чтобъ монахи изъ Греціи, которые пріѣзжаютъ сюда грабить насъ и которыхъ мы признаемъ шпіонами, никакой власти больше надъ нами не имѣли. 7) Чтобъ уничтожены были всѣ привилегіи, данныя патріархами братствамъ и другія, ибо чрезъ нихъ размножились разныя секты и ереси. 8) Каждый новый епископъ посвящается митрополитомъ кіевскимъ, а митрополита посвящаютъ всѣ епископы, съ благословенія папы римскаго и безъ всякой платы. 9) Чтобъ всѣ эти артикулы королевская милость подтвердилъ намъ своими грамотами, одною на латинскомъ, а другою на русскомъ языкѣ. 10) Чтобъ и святѣйшій папа также подтвердилъ эти артикулы. Собственноручно подписались: «Ипатій владимірскій, Кириллъ луцкій, Михаилъ перемышльскій, Гедеонъ львовскій, Діонисій холмскій».

Но Терлецкій хитрилъ, скрывался отъ Потѣя, съ которымъ соперничалъ, хотѣлъ одинъ заправлять всѣмъ дѣломъ, и потому, когда съѣхался съ Потѣемъ въ Торчинѣ у католическаго луцкаго епископа Бернарда Мацѣевскаго, то не сказалъ, что открылъ все дѣло митрополиту и получилъ отъ него статьи къ Замойскому. Въ слѣдствіе этого Потѣй въ генварѣ 1595 года написалъ Рагозѣ: «Знайте что уже всѣ епископы сговорились приступить къ соединенію съ панами римлянами, и думаемъ, что это уже извѣстно и кому-нибудь набольшему. Когда я объ этомъ имѣлъ разговоръ съ княземъ-бискупомъ луцкимъ, то онъ просилъ меня и владыку Луцкаго (Кирилла Терлецкаго), чтобъ мы привели къ тому вашу милость, какъ старшаго, указывая отъ того немалыя выгоды для церкви Божіей. Я говорилъ съ княземъ о великихъ обидахъ, которыя

мы терпимъ не только отъ нихъ, католиковъ, но и отъ своихъ; говорилъ, что нѣтъ въ насъ согласія, старшаго своего митрополита ни за-что почитаемъ, противъ него бунтуемъ, на грамоты и проклятія его не обращаемъ вниманія, и прямо старшаго надъ собою имѣть не хотимъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Знаю я все это, но отъ чего же это такъ дѣлается? Отъ того, что порядка между вами нѣтъ, ваши патріархи объ этомъ не заботятся; только за тѣмъ сюда пріѣзжаютъ, чтобъ васъ грабить и несогласіе между вами сѣять, грамоты на грамоты выдавая, но когда въ уніи будете, тогда все иначе пойдетъ: старшій будетъ имѣть высшее значеніе, всѣ его слушать и бояться должны будутъ». Говорилось дальше о томъ, чтобъ приступить къ уніи безъ насилія совѣсти и вѣрѣ нашей; не позабыли поговорить и о мѣстѣ въ радѣ, и на все получили удовлетворительный отвѣтъ и обѣщаніе помогать. Говорилось и о томъ, что ваша милость хотя бы и хотѣлъ привести дѣла въ порядокъ, но средствъ не имѣетъ по причинѣ обѣднѣнія старшей епархіи кіевской; кіевскій князь-бискупъ отвѣчалъ: «Это послѣднее дѣло; будемъ хлопотать, чтобъ столъ митрополичій, для пріобрѣтенія подобающаго ему значенія, получилъ хорошее содержаніе», и указалъ самъ на монастырь Печерскій: «Пристойнѣе», сказалъ онъ, «управлять имъ митрополиту кіевскому, чѣмъ тамошнимъ пьяницамъ монахамъ». Онъ требовалъ, чтобъ мы ѣхали къ вашей милости и обо всемъ съ вами договорились. «А когда вы согласитесь», сказалъ онъ, «то отъ самого папы будутъ къ вамъ послы съ приглашеніемъ къ уніи, и сунодъ отъ короля будетъ назначенъ; тамъ, на этомъ сунодѣ, будемъ съ вами трактовать, чтобъ прежде всего уладить то, въ чемъ не сходимся; также обезпечимъ васъ въ томъ, что вы сохранить желаете, какъ относительно вѣры, такъ и церемоній вашихъ». Съ тѣмъ мы и разстались, что обѣщались ѣхать къ вашей милости, и потому прошу: сдѣлайте милость, дайте знать, гдѣ васъ можемъ найти... На патріарха никто не хочетъ обращать вниманіе; а намъ головою стѣны не пробить, когда отъ нихъ никакой помощи не имѣемъ. Ради Бога, не презирай этимъ дѣломъ, прикажи намъ къ себѣ пріѣхать и переговорить. Богъ знаетъ и сами видимъ, что съ нами дѣлается, видимъ, что наши старшіе не только намъ, но и себѣ помочь не могутъ; только тутъ на ссоры присылаютъ, выдавая грамоты на грамоты, а порядка нѣтъ

Видѣлъ я у луцкаго владыки грамоту канцлера короннаго, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вашею милостью видѣться; въ грамотѣ говорится, чтобъ и онъ, владыка луцкій, также ѣхалъ къ королю; но онъ обѣщалъ мнѣ не ѣздить, прежде чѣмъ съ вами увидимся. Грамоты этой моей, покорно прошу, никому не показывай, потому что я ввѣряюсь вашей милости, какъ старшему пастырю».

Но Рагоза рѣшился хитрить, скользить между двумя опасностями, не разрывать ни съ тѣми, ни съ другими, выжидать, откладывать рѣшеніе до послѣдней крайности. Кромѣ приманокъ, выставленныхъ Потѣемъ, усиленія власти, умноженія доходовъ, выгодна была унія для Рагозы, неладившаго съ патріархомъ, который, какъ говорятъ, еще недавно подвергнулъ его временному запрещенію; страшно было не приступить къ уніи, желаемой, поддерживаемой королемъ: не проститъ ему правительство нерасположенія или равнодушія къ ней. Но, съ другой стороны, затѣвали унію одни епископы безъ совѣта съ мірянами, съ Острожскимъ, Скуминымъ и остальною знатью, съ братствами, а Михаилъ былъ избранникомъ мірянъ. Получивши письмо Потѣя, онъ написалъ Скумину (20 января 1595): «Милостивый панъ! Стараясь давать знать вашей милости, какъ столпу церкви нашей, обо всѣхъ новостяхъ, касающихся церкви и меня, извѣщаю о новой новости, предками нашими и вашею милостію неслыханной; посылаю и копію съ письма, присланнаго ко мнѣ отцами епископами о предпріятіи ихъ приступить къ уніи, чтобъ вы сами изъ него увидали, въ чемъ дѣло, и прислали мнѣ поскорѣе свое мнѣніе; я же самъ собою до этого дѣла и не думаю приступать, боясь для церкви нашей подступу и прелести». Но въ то время, какъ митрополитъ хитрилъ, Терлецкій хитрилъ и Потѣй еще хлопоталъ о тайнѣ, рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ во Львовѣ тамошнимъ епископомъ Гедеономъ, положеніе котораго, какъ мы видѣли, было тяжелѣе всѣхъ. Онъ созвалъ у себя соборъ изъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ и бѣлаго духовенства, которые объявили (28 января 1595 г.), что, по примѣру верховнѣйшихъ пастырей русскихъ, признаютъ церковь римскую правдивою и власть надъ всею вселенной имѣющею и присягаютъ не отступать отъ святѣйшихъ первопрестольниковъ римскихъ, проклинаютъ тѣхъ, кто отсту-

питъ, и усердно просятъ митрополита и епископовъ кончить безъ отлагательствъ такое спасительное дѣло. Дѣло грозило пойти въ разбродъ: Балабанъ дѣйствовалъ самъ по себѣ; Терлецкій дѣйствовалъ также самъ по себѣ; митрополитъ проводилъ Потѣя: назначилъ ему свиданіе въ Новогрудкѣ, но, не подождавши его здѣсь, уѣхалъ въ Слуцкъ. Потѣй рѣшился написать ему въ другой разъ (11 февраля): «Ваша милость на мое письмо не дали мнѣ никакого отвѣта; теперь и самъ не знаю, что дальше будетъ? а не надобно было вашей милости пренебрегать дѣломъ. Ради Бога прошу, дай мнѣ знать вѣрно о своемъ намѣреніи, потому что я и доброе и худое за вашу милость терпѣть готовъ и ни въ чемъ отъ вашей милости не отступлю. Тамъ вашей милости легче между своими, а мы тутъ въ зубахъ: захотятъ кого съѣсть— и съѣдятъ. Не знаю, писалъ ли я въ первомъ листѣ къ вашей милости, что видѣлъ у луцкаго владыки грамоту канцлера коронного, въ которой пишетъ, что король желаетъ съ вами видѣться. Если поѣдешь къ королю, то заѣзжай ко мнѣ: очень нужно! Когда я спрашивалъ отца владыку луцкаго, зачѣмъ онъ ѣдетъ къ королю? тотъ отвѣчалъ подъ присягою: «Не знаю, зачѣмъ меня требуютъ, потому что у меня нѣтъ тамъ никакого дѣла, ни своего, ни чужаго. А теперь, безъ меня, должно-быть въ слѣдствіе другой грамоты, былъ у канцлера и въ Краковъ поѣхалъ. Богъ знаетъ, что это такое? Одно знаю, что при дворѣ говорятъ обо мнѣ такъ: «на кого мы надѣялись, тотъ хуже всѣхъ.» Оттого королевскихъ и канцлерскихъ грамотъ ко мнѣ нѣтъ, и сеймиковыхъ грамотъ не послано, а у луцкаго все есть. Ради Бога похлопочи, чтобъ намъ въ послѣднихъ не остаться. А съ Востока понапрасну чего намъ надѣяться? Изъ новостей, которыя я къ вашей милости посылаю, увидишь, что съ нашими тамъ дѣлается. Если теперь нельзя намъ съ тобою видѣться, то ради Бога постарайся разослать пригласительныя грамоты къ собору на Ивановъ день (24 іюня), потому что теперь особенно нужно намъ съѣхаться всѣмъ; ради Бога прошу, отвѣчай мнѣ обо всемъ на письмѣ; не бойся: напишешь ко мнѣ—это все равно, какъ еслибы камень въ море бросилъ; я дамъ тебѣ знать, какія новости будутъ въ Польшѣ.»

Дѣйствительно, Терлецкій опередилъ всѣхъ: онъ съѣздилъ къ королю и привезъ отъ него къ Потѣю слѣдующую грамоту (отъ 18 февраля): «Узнали мы сильное желаніе и добрую мысль

вашу къ соединенію церкви Божіей греческой съ вселенскою римскою, какъ издавна подъ властію одного пастыря, святѣйшаго папы римскаго бывало. Это желаніе и намѣреніе ваше не только хвалимъ, но и съ благодарностію принимаемъ, усматривая, что это дѣло Духа Святаго и отъ Бога начало свое беретъ, Который, какъ Самъ въ Троицѣ единый, такъ и церковь свою святую и вѣру христіанскую въ единствѣ и согласіи имѣть хочетъ, и одного пастыря въ ней поставилъ, которому не только овечекъ своихъ, то-есть простой народъ, но и барашковъ, то-есть всѣхъ духовныхъ, епископовъ, пресвитеровъ, дьяконовъ и всѣхъ другихъ слугъ церковныхъ пасти поручилъ. Желаемъ и напоминаемъ, чтобы вы приводили къ концу это предпріятіе свое доброе и блаженное. Господь Богъ Вседержитель, отъ котораго исходитъ всякое благо, будетъ въ помощь и стократную мзду готовитъ вамъ за это въ царствѣ своемъ небесномъ. А мы, принявши васъ въ оборону нашу королевскую, всегда къ вамъ ласковымъ и милостивымъ паномъ быть хотимъ, и святѣйшему папѣ римскому особенно стараніе ваше засвидѣтельствуемъ; только медлить съ этимъ дѣломъ не годится: надобно какъ можно скорѣе къ концу его приводить, о чемъ пространнѣе говорить съ вами поручили мы епископу луцкому, которому во всемъ вѣрьте». Терлецкій дѣйствовалъ свободно, не связываясь никакими отношеніями: вражда съ княземъ Острожскимъ порвала связь его съ могущественными мірянами, столпами церкви. Въ иномъ положеніи находились Потѣй и Рагоза, которые должны были вести переписку съ этими вельможами, защищать предъ ними свое поведеніе, скрывать истину. Князь Острожскій писалъ Потѣю, что Терлецкій былъ въ Краковѣ и дѣйствовалъ тамъ отъ имени епископовъ, согласившихся на унію. Потѣй отвѣчалъ (17 марта): «Я узналъ о томъ, что отецъ владыка луцкій былъ въ Краковѣ, но не слыхалъ я—свидѣтельствуюсь Господомъ Богомъ—чтобъ онъ ѣздилъ отъ кого-нибудь въ посольствѣ, и не думаю, чтобъ онъ ѣздилъ отъ кого-нибудь съ какимъ-нибудь посольствомъ; а постановлять что-нибудь между собою—намъ и не снилось. Развѣ мы того не видимъ, что хотя бы мы всѣ епископы согласились на унію, а все христіянство не позволило, то это былъ бы только тщетный трудъ и безчестье намъ у овечекъ нашихъ; и не годилось бы намъ такое дѣло оканчивать или начинать тайно

безъ собора и вѣдомости всей братьи нашей младшей, ровныхъ слугъ въ церкви Божіей, и прочаго христіанства, особенно вашихъ милостей, пановъ христіанскихъ». Но Острожскій прислалъ второе письмо въ такомъ тонѣ, что нельзя было болѣе скрываться, причемъ упрекалъ Потѣя въ нерадѣніи о порядкѣ церковномъ, указывая на протестантовъ, какъ на образецъ въ этомъ дѣлѣ. Потѣй разсердился и отвѣчалъ (25 марта): «Не отвѣчая ничего на широкое писаніе вашей милости, покорно благодарю за предостереженіе. Считаю унію полезною не для своей корысти и возвышенія, а для умноженія хвалы Божіей, и не такую разумѣю унію, чтобъ намъ нужно было передѣлаться совсѣмъ въ иной образъ, но такую, при которой бы мы оставались въ цѣлости, только исправивши то, въ чемъ нѣтъ истины, а держимся по одному упрямству. Далъ бы Господь Богъ, чтобъ и всѣ тѣ жили согласно, которые больше нашего значатъ. Но видя, что̀ дѣлается, всю надежду теряемъ: ибо тѣ (патріархи), хотя бы и рады, не могутъ; а мы можемъ, но не хотимъ, и только Бога обманываемъ, молясь о соединеніи вѣры. Не дивись же, что рѣки исчезли, когда источники высохли; не дивись, что ни у нихъ, ни у насъ не только науки, но и порядка нѣтъ. Припоминаешь ты мнѣ соборы брестскіе, что на нихъ постановлено о школахъ, типографіяхъ и другихъ дѣлахъ, церкви Божіей потребныхъ, и ничего не исполнено; отвѣчаю: хотя все это постановлено и не въ мое архіерейство, однако никому не далъ бы я упредить себя въ такомъ добромъ и благочестивомъ дѣлѣ; не пожалѣлъ бы и остальнаго убогаго своего имѣнія, въ которомъ я уже не малый ущербъ дѣтямъ своимъ сдѣлалъ, продавши два имѣнія; не пожалѣлъ бы я ничего, лишь бы шло добрымъ людямъ, а не такимъ вѣтренникамъ, которые только за доходами бѣгаютъ; такъ теперь въ Брестѣ школу разорили сами профессора, которые убѣжали въ Вильну на сытные пироги, а тутъ все покинули безъ всякой важной причины, къ безчестью и сожалѣнію убогаго христіанства, на поруганіе отъ противниковъ нашихъ. Самъ знаешь, какъ это все трудно устроить и вамъ, панамъ великимъ, а куда уже намъ, калѣкамъ, среди волковъ живущимъ! И церемоніи церковныя запрещаютъ порядочнымъ образомъ отправлять; много могъ бы писать вашей милости, что̀ дѣлается въ моей епископіи брестской, какое притѣсненіе терпятъ христіане въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Еще бы человѣкъ тѣмъ утѣшался, что крестъ этотъ терпѣливо сносятъ, а то отпадаютъ не по одному, толпами, видя нашу слабость, и Богъ вѣдаетъ, съ кѣмъ останемся. Что касается новостей краковскихъ, то, на мой взглядъ, онѣ невѣрны; а еслибы даже и вѣрны были, то не примѣшивайте сюда меня, ибо не только о кардинальствѣ или митрополіи не думаю, но часто плачусь на себя и за то, что епископомъ сдѣлался, плачусь и на того (на князя Острожскаго), кто меня уговорилъ къ этому, особенно видя что на свѣтѣ дѣлается. О бланкетахъ ни о какихъ не вѣдаю, никому ихъ ни на что не давалъ. Но и я кой-что знаю и вѣрнѣйшее, и еслибъ можно было повѣрить бумагѣ, то указалъ бы вашей милости, что краковскія новости невѣрны. Если кто самъ себя за святого выдаетъ, а насъ порочитъ, то нѣтъ ничего тайнаго, что бы не сдѣлалось явно. Знаю о себѣ только то, что я ничего не начиналъ; но если всѣ пойдутъ за чѣмъ-нибудь добрымъ безъ вреда совѣсти, то я бы не хотѣлъ позади оставаться. А что мнѣ изволишь указывать на порядокъ иновѣрцевъ, то пусть онъ будетъ наилучшій, но если не на правомъ основаніи, то все соромъ будетъ: и школы ихъ, и типографіи, и множество проповѣдниковъ. Отъ плодовъ ихъ познаются: иное сверху кажется красиво, а внутри полно смраду и червей. Какъ самъ я ихъ не жалую, такъ и вашу милость предостерегаю: лучше соединяться съ правдивыми хвалителями Бога, въ Троицѣ Единаго, нежели съ явными непріятелями Сына Божія».

Сильнѣе протестовалъ противъ всякаго участія своего въ уніи Рагоза, который въ мартѣ 1595 года послалъ князю Острожскому любопытное извѣстіе о невинности Гедеона Балабана: «Въ то время, какъ я обращалъ все вниманіе на обнаженіе этого скрытнаго фальша, случилось очень кстати, что въ монастырѣ Слуцкомъ нашелъ я владыку львовскаго, отъ котораго, думаю, не встанетъ этотъ пожаръ, вредный церкви нашей восточной и всему православному народу. Онъ ничего не знаетъ о предпріятіи другихъ епископовъ, совершенно противенъ ихъ злому умыслу, присягу въ томъ на Евангеліи далъ и обѣщалъ сторожить, что будетъ дѣлаться въ этомъ отношеніи въ Польшѣ, и обо всемъ давать знать мнѣ и вашей княжой милости. Въ слѣдствіе этого счелъ я нужнымъ уничтожить опредѣленіе духовнаго суда, противъ него выданное. Особенно вашей княжой милости, какъ пра-

вославному оку церковному, всякимъ способомъ надлежитъ выѣдывать объ уніи; остерегайтесь также этого змѣя райскаго и лисицы хитрой, о которомъ я вамъ говорилъ (Терлецкаго)». Но иное, какъ видно, о Балабанѣ писалъ Михаилъ къ другому столпу церкви—Скумину, который отвѣчалъ ему 10 мая: «Утѣшило меня ваше письмо, извѣстившее меня о вашемъ добромъ здоровьѣ; но опечалило то, что вы пишете о дѣлахъ церковныхъ. И слѣпой видѣть можетъ, что всему причиною несогласіе братское съ владыкою львовскимъ. Пусть справедливый судія крови и душъ неповинныхъ взыщетъ на тѣхъ, кто тому причиною. По совѣсти, главнымъ виновникомъ можемъ признать патріарха нашего константинопольскаго, который такую смуту грамотами своими сюда внесъ, потому что владыка львовскій, будучи въ крайнемъ томленіи отъ братства, не только долженъ былъ броситься на такое отщепенство, но думаю, что и врага душевнаго радъ былъ бы на помощь взять. Если это сдѣлалось по волѣ Божіей, то будетъ продолжаться; если же нѣтъ, то скоро отмѣнится. Объ этомъ я теперь мудрствовать не хочу; и что теперь съ этимъ дѣлать и какъ дѣлу помочь—ваша милость спрашиваете моего совѣта; но Богъ Сердцевидѣцъ знаетъ, что въ этомъ дѣлѣ совѣта никакого дать не могу: боюсь одного, чтобъ наше сопротивленіе не было тщетнымъ. Причинъ тому вижу много, но бумагѣ повѣрять не хочу. Желалъ бы я очень съ вашею милостію видѣться и поговорить».

Скуминъ отказывалъ въ совѣтѣ, а Терлецкій и Потѣй дѣйствовали въ Краковѣ у короля, выхлопотали для Михаила все то, за что онъ хотѣлъ продать свою церковь папѣ и, возвратившись въ Литву, потребовали свиданія у митрополита, который и назначилъ это свиданіе въ Кобринѣ 18 мая, но обманулъ опять. Тогда Потѣй и Терлецкій написали ему слѣдующее письмо (20 мая): «Исполняя волю и письменный приказъ вашей милости, какъ старшаго нашего, пріѣхали мы въ Кобринъ въ пятое воскресенье по Пасхѣ; но не дождавшись ни вашей милости, ни посланца никакого отъ васъ, не зная причины, почему ваша милость не изволилъ пріѣхать, должны были мы разъѣхаться. Теперь мы посылаемъ къ вашей милости и въ письмѣ своемъ не благодаримъ васъ за то, что вы презираете не столько нами, братьями своими, сколько кой-кѣмъ набольшимъ, который знаетъ объ этомъ на-

шемъ съѣздѣ. Вспомните, съ чѣмъ вы насъ отправили, и какъ тамъ благодарно было принято, ибо все, чего хотѣлъ, въ рукахъ своихъ имѣешь: привилегіи, грамоты, банницею на печерскаго архимандрита Никифора Тура. Удивительно намъ, что вы, сами объ этомъ просивши, теперь пренебрегаете, презираете ласкою, вамъ предложенною. Еслибы мы знали, гдѣ вы находитесь, то сами поѣхали бы къ вамъ, но мы не знали, куда намъ къ вамъ ѣхать, а потому просимъ, бросивши все, пріѣхать какъ можно скорѣе къ намъ въ Брестъ, какъ для своихъ дѣлъ, которыя не терпятъ отлагательства, такъ и для общихъ; если же не пріѣдешь, то насъ погубишь, да и самъ не воскреснешь, потому что это не съ своимъ братомъ шутить».

Но митрополитъ не поѣхалъ, взялъ себѣ шестинедѣльный срокъ и опять написалъ Скумину (14-го іюня): «Послалъ я къ вамъ слугу своего Григорья со всѣми дѣлами, о которыхъ я получилъ теперь вѣрныя извѣстія, то-есть, что епископы луцкій, львовскій, перемышльскій, холмскій, пинскій согласились на унію церковную, на послушаніе папѣ и на новый календарь, тому уже года четыре, на что и грамоту королевскую у себя имѣютъ; и владыка владимірскій также согласенъ на это. Грамоту королевскую, грамоту, въ которой епископы выразили свое согласіе на унію, и условія ихъ я послалъ къ вашей милости. Звали и меня для этого на дняхъ въ Брестъ и грамота королевская ко мнѣ была; но я безъ воли и совѣта вашей милости и собратьи моей и позволенія общаго на это дѣло не рѣшился, но взялъ себѣ на размышленье шесть недѣль, и, давши знать объ этомъ вамъ и пану воеводѣ кіевскому (князю Острожскому), обѣщалъ дать имъ отвѣтъ. Еслибъ я согласился на унію, то король обѣщаетъ за это большую ласку, за несогласіе же—немилость и притѣсненіе всему христіанству; надобно будетъ оставить митрополію; новый митрополитъ уже готовъ — Терлецкій. Хотѣлъ бы я при всякихъ вольностяхъ матку нашу церковь оставить, а не подъ ярмомъ какимъ-нибудь, только условія должны быть обезпечены грамотами». Скуминъ прислалъ страшный отвѣтъ—страшный не угрозами, не жестокими словами, страшный какъ безхитростный отвѣтъ скромнаго, честнаго человѣка, не имѣющаго стремленій выставляться на первый планъ: «Изволили вы меня увѣдомить о томъ, что началось отъ владыкъ, въ коронѣ польской епископіи

свои имѣющихъ, а началось то, пишете вы, безъ вашего соизволенія. Но я получилъ извѣстіе отъ двора королевскаго, что послѣ сейма краковскаго были у короля послы отъ всего нашего духовенства, показали королю письменное позволеніе вашей милости и грамоты вѣрящія. Теперь вы у меня спрашиваете совѣта, что тутъ дѣлать? но трудно совѣтовать о томъ, на что уже согласились и королю подали и утвердили; совѣтъ мой тутъ былъ бы напрасенъ, на смѣхъ. Надобно было бы, по правдѣ, прежде всего знать объ этомъ людямъ нашего благовѣрія, и безъ вѣдома всѣхъ къ такимъ великимъ и новымъ дѣламъ не приступать: вотъ почему я теперь совѣта моего вашей милости давать не могу, да и одинъ въ такомъ великомъ дѣлѣ не сумѣю дать совѣта; придется мнѣ, овцѣ стада Христова, пастырства вашей милости, идти за пастырями своими, а ваша милость должны знать, куда насъ ведете, и за насъ отчетъ давать будете».

Сильнѣе Скумина высказывалъ гнѣвъ свой на епископовъ князь Острожскій, къ которому Потѣй долженъ былъ писать умилостивительное письмо (отъ 16-го іюня): «Если я такъ долго вашей милости ничего не писалъ, то причина тому одна та, что никакихъ вѣрныхъ извѣстій еще у себя не имѣлъ, хотя въ это время люди разсѣяли о насъ невѣрные слухи, будто мы уже къ римской вѣрѣ во всемъ пристали, мшу служить и опрѣсноки употреблять согласились. Правда ли все это, самъ ты, какъ панъ мудрый и богобоязливый, разсудить можешь. Ибо если частному человѣку, который только объ одной своей душѣ печется, надобно хорошенько подумать, какъ бы душѣ своей вреда не причинить, то еще больше тѣмъ, которымъ не только свои, но и другихъ людей души отъ Бога поручены, надобно стараться, чтобъ не сдѣлать чего-нибудь противнаго совѣсти своей и людской. Итакъ не извольте всему вѣрить, хотя я и знаю, что не мало слуховъ невѣрныхъ до вашихъ благочестивыхъ ушей о нѣкоторыхъ изъ насъ доносятъ, будто мы постановляемъ что-то противное вѣрѣ и церкви нашей; и хотя еще ничего не постановлено, не только злаго, но и добраго, однако мы такъ несчастны, что насъ за отщепенцевъ и еретиковъ выдаютъ и не допускаютъ заботиться и думать о церкви Божіей и ея покоѣ, смотрятъ подозрительно на съѣзды наши и другія дѣла, церкви нужныя. Удивительное дѣло! Всѣмъ еретикамъ всякихъ сектъ вольно съѣзжаться, порядокъ въ собо-

рищахъ своихъ установлять, наконецъ не только противъ вѣры христіанской, но и противъ религіи Божіей и превѣчной хвалы Единороднаго Сына Божія сочиненія выдавать и людей христіанскихъ отъ старой вѣры и хвалы Божіей къ своимъ проклятымъ ересямъ обращать; а намъ, горькимъ епископамъ, которые неразрывное преемство имѣютъ отъ Христа и апостоловъ, нельзя о церкви Божіей промышлять и совѣтоваться, чтобъ не только намъ самимъ можно было церкви свои и вѣру православную въ цѣлости удержать, но и потомкамъ нашимъ что-нибудь доброе на будущее время справить, особенно имѣя еще благочестивыхъ господарей и пановъ, патроновъ вѣры нашей, между которыми вашу княжескую милость за главное свѣтило религіи нашей безъ всякой лести признавать должны. Но гдѣ бы ваша милость, какъ панъ и защитникъ нашъ милостивый, долженъ былъ намъ помогать и побуждать ко всему доброму, тутъ, какъ слышно, немилостиво и неласково насъ вспоминаешь. Но если отложивши гнѣвъ, внимательно разсмотришь дѣло, то думаю, что и самъ намъ будешь помогать. На что мы соглашаемся, то вашей милости на письмѣ посылаю, причемъ и самъ охотно былъ бы, чтобъ вашей милости объяснить, для чего это дѣлаемъ, помня увѣщанье вашей милости, присланное мнѣ въ Брестъ, чтобъ мы старались о соединеніи съ римскою церковію, и чтобъ это соединеніе было безъ нарушенія вѣры и религіи нашей. Дай Богъ, чтобъ ваша милость и теперь, сохраняя то же желаніе, помогъ намъ въ этомъ дѣлѣ. Униженно и слезно прошу; не увлекайся гнѣвомъ, но спокойнымъ и умиленнымъ смысломъ прочитай условія уніи; увидишь, что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ календаря; но календарь не есть догматъ вѣры, а только церемонія, которую безъ нарушенія совѣсти церковь Божія можетъ отмѣнить».

Въ отвѣтъ на это князь Константинъ 24-го іюня выдалъ грозное для епископовъ окружное всѣмъ православнымъ посланіе: «Отъ превменитыхъ благочестивыхъ родителей съ молоду воспитанъ я былъ въ наказаніи истинной вѣры, въ которой и теперь Божіею помощію укрѣпляемъ, пребываю; извѣстился я Божіею благодатію и увѣрился въ томъ, что кромѣ единой истинной вѣры, въ Іерусалимѣ насажденной, нѣтъ другой вѣры. Но теперь злохитрыми козднями всслукаваго дьявола самые главные истинной вѣры нашей начальники, славою свѣта сего прельстившись

и тьмою сластолюбія помрачившись, мнимые пастыри наши, митрополитъ съ епископами, въ волковъ претворились, святой Восточной церкви отвергшись, святѣйшихъ патріарховъ, пастырей и учителей нашихъ вселенскихъ отступили, къ западнымъ приложились, только еще кожею лицемѣрія своего, какъ овчиною, закрывая въ себѣ внутренняго волка, не открываются, тайно согласившись другъ съ другомъ окаянные, какъ христопродавецъ Іуда съ жидами, умыслили всѣхъ благочестивыхъ съ собою въ погибель вринуть, какъ самыя пагубныя и скрытыя писанія ихъ объявляютъ. Но человѣколюбецъ Богъ не попустилъ вконецъ лукавому умыслу ихъ совершиться, если только вашамилость въ любви христіанской и повинности своей пребудете. Дѣло идетъ не о тлѣнномъ имѣніи и погибающемъ богатствѣ, но о вѣчной жизни, о безсмертной душѣ, которой дороже ничего быть не можетъ. Такъ какъ многіе изъ обывателей здѣшней области, святой Восточной церкви послушники, меня начальникомъ православія въ здѣшнемъ краю считаютъ, хотя самъ себя считаю я не большимъ, но равнымъ каждому, въ правовѣріи стоящему, то, изъ боязни, чтобъ не взять на себя вины предъ Богомъ и предъ вами, даю знать вашимъ милостямъ о предателяхъ церкви Христовой и хочу съ вами заодно стоять, чтобъ съ помощію Божіею и вашимъ стараніемъ они сами впали въ тѣ сѣти, которыя на насъ готовили. Что можетъ быть безстыднѣе и беззаконнѣе ихъ дѣла? Шесть или семь злонравныхъ человѣкъ злодѣйски согласились, пастырей своихъ, святѣйшихъ патріарховъ, которыми поставлены, отверглись, и считая насъ всѣхъ правовѣрныхъ безсловесными, своевольно осмѣлились отъ истины отрывать и за собою въ пагубу низвергать! Какая намъ отъ нихъ польза? Вмѣсто того, чтобъ быть свѣтомъ міру, они сдѣлались тьмою и соблазномъ для всѣхъ. Если татары, жиды, армяне и другіе въ нашемъ государствѣ хранятъ свою вѣру ненарушимо, то не съ большимъ ли правомъ должны сохранить свою вѣру мы, истинные христіане, если только всѣ будемъ въ соединеніи и заодно стоять будемъ? А я, какъ до сихъ поръ служилъ восточной церкви трудомъ и имѣніемъ своимъ въ размноженіи священныхъ книхъ и въ прочихъ благочестивыхъ вещахъ, такъ и до конца всѣми моими силами на пользу братій моихъ служить обѣщаю».

Острожскій дѣйствовалъ не одними посланіями: скоро отъ епи-

скоповъ-уніатовъ отдѣлился одинъ, тотъ самый, который прежде всѣхъ началъ думать объ уніи—Гедеонъ Балабанъ львовскій. Современники, какъ мы видѣли изъ письма Скумина, смотрѣли на Гедеона, какъ на человѣка, доведеннаго до крайности борьбою съ братствомъ, готоваго заключить союзъ съ врагомъ, лишь бы только выйти изъ своего тяжелаго положенія. Когда отстранялась эта причина, эта борьба, то Гедеону легко было покинуть дѣло уніи, ибо онъ не былъ такъ связанъ съ нимъ, кккъ были связаны Терлецкій и Потѣй краковскими поѣздками и обязательствами предъ королемъ. Еще въ началѣ іюня онъ пріѣзжалъ къ князю Острожскому съ просьбою помирить его съ братствомъ; князь обѣщалъ, а съ Гедеона взялъ обѣщаніе склонить на свою сторону Михаила перемышльскаго, и открыто дѣйствовать противъ уніи. 1-го іюля князь Острожскій былъ во Владимірѣ; въ его присутствіи и въ присутствіи другихъ знатныхъ лицъ Балабанъ явился въ урядъ гродскій и объявилъ, что на двухъ съѣздахъ онъ, вмѣстѣ съ другими епископами, далъ Кириллу Терлецкому четыре бланковыхъ листа съ своими печатями и подписями для того, чтобъ написать на нихъ къ королю и сенаторамъ жалобы на притѣсненія, претерпѣваемыя русскою церковію. Но теперь дошла до него, Балабана, вѣсть, что владыка луцкій написалъ на бланкетахъ что-то другое, написалъ какое-то постановленіе, противное религіи, правамъ и вольностямъ русскихъ людей. Въ слѣдствіе чего, онъ, Балабанъ, протестуетъ противъ всякаго такого постановленія, потому что оно составлено въ противность правиламъ и обычаямъ православной вѣры, правамъ и вольностямъ русскаго народа, безъ вѣдома и дозволенія патріарховъ, безъ духовнаго собора, и также безъ воли свѣтскихъ чиновъ, какъ знатныхъ старинныхъ фамилій, такъ и простыхъ людей православной вѣры, безъ согласія которыхъ епископы ничего дѣлать и рѣшать не могутъ. Князь Острожскій немедленно написалъ львовскому братству увѣщаніе примириться съ Гедеономъ, а Кириллъ Терлецкій немедленно подалъ жалобу королю, обвиняя Гедеона Балабана въ клеветѣ; львовскій епископъ былъ потребованъ къ королю на судъ, а между тѣмъ школьный учитель Стефанъ Зизаній, перешедшій изъ Львова въ Вильну, волновалъ православныхъ этого города извѣстіями объ уніи, поднималъ ихъ противъ епископовъ-предателей. «Великую войну велъ съ римлянами Зизаній»

говоритъ лѣтописецъ: не только на ратушахъ и при рынкѣ по дорогамъ, но и посрединѣ церкви святой»[4]. Митрополитъ, отвергая слухи о своемъ участіи въ дѣлѣ уніи, писалъ (16-го іюля) виленскимъ священникамъ, чтобъ они, и особенно Зизаній, не смѣли разсѣвать подобныхъ слуховъ между христіанами. Но православные жители Вильны требовали выхода изъ этого смутнаго положенія, и единственный выходъ, по ихъ мнѣнію, былъ соборъ; вмѣстѣ съ Скуминымъ, они послали просить князя Острожскаго, чтобъ выхлопоталъ у короля позволеніе на соборъ, на которомъ бы міряне съѣхались съ епископами. Такимъ образомъ поступокъ епископовъ, сговорившихся на унію, необходимо поднималъ вопросъ: могутъ ли одни епископы постановлять о дѣлахъ церковныхъ, или должны дѣлать это съ согласія мірянъ—вопросъ первой важности во всей полемикѣ объ уніи. Православные, подозрѣвая епископовъ, должны были настаивать на право мірянъ участвовать въ дѣлахъ церковныхъ—право, которое было такъ рѣзко выставлено въ патріаршемъ постановленіи о братствахъ—должны были настаивать на созваніе собора и на право участвовать въ немъ мірянамъ; епископы же и католическое правительство, выставляя рѣзкое отдѣленіе овечекъ отъ барашковъ, какъ выражался король Сигизмундъ въ приведенной выше грамотѣ, должны были всѣми силами противиться собору, отъ котораго нельзя было ждать ничего добраго для уніи. Православные ждали на соборъ изъ Константинополя экзарха патріаршаго, протосингела Никифора; король предписалъ пограничнымъ старостамъ, чтобъ они не пропускали въ Литву пословъ патріаршихъ (28-го іюля), и въ тотъ же день написалъ къ князю Острожскому съ увѣщаніемъ не препятствовать дѣлу уніи, причемъ прямо высказался противъ собора: «Не считаемъ нужнымъ, чтобъ былъ для этого какой-нибудь съѣздъ, о которомъ сами епископы ваши насъ просили, потому что дѣла, относящіяся къ душевному спасенію, подлежатъ власти ихъ пастырской, а мы должны повиноваться рѣшенію пастырей, которыхъ Духъ Господень далъ намъ въ вожди. Притомъ же на этихъ съѣздахъ дѣло болѣе затрудняется, чѣмъ къ доброму концу приходитъ». Въ тотъ же день король послалъ похвальную, поощрительную грамоту трусливому, колеблющемуся митрополиту, съ убѣжденіемъ, чтобъ онъ, не оглядываясь ни на что, не опасаясь никакихъ угрозъ ни отъ кого,

стоялъ при своемъ предпріятіи и доводилъ его до конца. Вслѣдъ затѣмъ Сигизмундъ выдалъ грамоту, въ которой обезпечивалъ митрополита и всѣхъ епископовъ-уніатовъ отъ проклятій патріаршескихъ и утверждалъ за ними всѣ тѣ права, которыя имѣло и латинское духовенство; о мѣстѣ въ радѣ обѣщалъ говорить на сеймѣ съ панами и чинами Рѣчи Посполитой; обѣщалъ выдать универсалы и мандаты противъ всѣхъ, кто будетъ противиться уніи; обѣщалъ, что въ имѣніяхъ королевскихъ монастырей и церквей русскихъ не будутъ обращать въ костелы латинскіе, но отказался обѣщать то же самое въ шляхетскихъ имѣніяхъ; утвердилъ, что братства должны быть въ послушаніи у митрополита и другихъ епископовъ; давалъ право заводить школы греческаго и славянскаго языка, устраивать типографіи, но съ тѣмъ, чтобъ въ нихъ не печатать ничего противнаго римской церкви.

Сильное сопротивленіе уніи, обнаружившееся между русскими, заставляло правительство торопить Потѣя и Терлецкаго, чтобъ ѣхали въ Римъ бить челомъ папѣ о принятіи подъ свою власть русской церкви. Потѣй, который при личномъ свиданіи успѣлъ умилостивить князя Острожскаго представленіемъ дѣла такъ, что оно началось и кончится не иначе какъ по мысли его, князя, не иначе, какъ въ слѣдствіе соборнаго рѣшенія, писалъ къ Острожскому отъ 23 августа: «Не дождавшись никакого приказа отъ вашей милости, вижу, что время, назначенное для путешествія нашего въ Римъ, приближается. Какъ избавиться отъ этого путешествія—не знаю: одна надеяда на вашу милость, что вы письмомъ своимъ удержите короля, и онъ велитъ намъ ѣхать уже послѣ собора». Еще сильнѣе вооружался противъ этого путешествія Рагоза, который, вопреки королевской грамотѣ, продолжалъ бояться и оглядываться въ разныя стороны. 19 августа онъ писалъ Скумину, по прежнему отрицаясь отъ намѣренія поддаться римской церкви: «Трудно мнѣ было бы сдѣлать это на старости лѣтъ: надобно было бы снова родиться, снова приняться за ученье; не зная по-латыни, не умѣлъ бы я съ капланами римскими у одного алтаря служить. Кто объ этомъ старается, тотъ пусть добываетъ себѣ и мѣсто въ радѣ и ласку королевскую. Я, грѣшный человѣкъ, хотѣлъ бы имѣть мѣсто съ сынами Зеведеовыми, а не между людьми гордыми и суемудрыми. Что касается новаго календаря, то была о немъ рѣчь между нами, потому что

ля людей ремесленныхъ очень тяжело слѣдовать старому; но мы не иначе хотимъ что-нибудь сдѣлать, какъ составивши соборъ со всѣми вашими милостями. Вѣдь одна ласточка весны сдѣлать не можетъ, такъ и я самъ собою ничего начать не могу. Слухъ до меня дошелъ, что отцы владыки владимірскій и луцкій, бывши у короля, получили позволеніе ѣхать въ Римъ; я послалъ уговаривать ихъ, чтобъ они покинули это намѣреніе свое, изъза котораго въ нашемъ народѣ христіанскомъ надобно ждать большого волненія, а пожалуй и кровопролитія. Но своевольнаго мнѣ трудно удержать». 1-го сентября митрополитъ выдалъ окружное посланіе духовенству и мірянамъ, въ которомъ объявлялъ, что не мыслилъ и не хочетъ мыслить о попраніи своихъ правъ и вѣры, объ отступленіи отъ своего исповѣданія, о презрѣніи рукоположенія патріаршаго: «Стойте твердо при святой Восточной церкви, не позволяйте себѣ колебаться какъ тростинка вѣтромъ бурливымъ, а я обѣщаю при вашихъ милостяхъ до смерти своей стоять». А между тѣмъ 24 сентября король Сигизмундъ объявилъ всенародно о соединеніи церкви Восточной съ западною; объявилъ, что пастыри русской церкви и великое множество свѣтскихъ людей соединились съ римскою церковію; выражалъ желаніе, чтобъ всѣ, отвергавшіе прежде унію, послѣдовали за своими пастырями; наконецъ объявилъ объ отправленіи русскихъ епископовъ въ Римъ. Эти епископы, Терлецкій и Потѣй, выѣхали изъ Кракова въ концѣ сентября и пріѣхали въ Римъ въ ноябрѣ. На третій день они приняты были папою Климентомъ VIII въ частной аудіенціи и подали письма отъ короля и нѣкоторыхъ сенаторовъ. «Папа—такъ писали они сами—принялъ насъ, какъ ласковый отецъ дѣтокъ своихъ, съ несказанною любовію и милостію. Мы живемъ недалеко отъ замка его святости, во дворцѣ, искусно украшенномъ обоями и снабженномъ всѣмъ нужнымъ. Съѣстные припасы отпускаются намъ, по милости папы, въ изобиліи; мы жили шесть недѣль въ Римѣ, но его святость все еще не хотѣлъ дать намъ торжественной аудіенціи, говоря: «Отдохните хорошенько послѣ дороги». Наконецъ, въ слѣдствіе нашихъ настоятельныхъ просьбъ, намъ назначена была аудіенція 23 декабря, въ большой залѣ, называемой Константиновою, въ которой папа принимаетъ наивысшихъ духовныхъ особъ. Здѣсь его святость изволилъ засѣдать во всемъ своемъ святи-

тельскомъ маестатѣ и при немъ весь сенатъ, кардиналы, арцибискупы и бискупы; особо сидѣли послы французскаго короля и другихъ государей; по обѣимъ сторонамъ залы сидѣли высшіе сановники, сенаторы и великое множество пановъ духовныхъ, князей римскихъ и шляхты. Когда мы были введены въ это собраніе, то, поцѣловавъ ноги его святости, отдали епископскую грамоту. Эту грамоту прочелъ довольно внятно ксендзъ Евстаѳій Воловичъ, но никто не понималъ по-русски, исключая нашихъ пановъ поляковъ и пановъ литовскихъ, которыхъ здѣсь не мало, Мы имѣли на-готовѣ переводъ на латинскомъ языкѣ, и какъ только Воловичъ прочиталъ грамоту по-русски, тотчасъ она была прочтена по-латыни. А по прочтеніи, его святость чрезъ одного подкоморія своего говорилъ къ намъ рѣчь весьма чудную, изъявляя благодарность за возсоединеніе наше и за пріѣздъ, и обѣщалъ намъ сохранить всѣ наши церковные обряды неприкосновенными и утвердить ихъ на вѣки. Мы сами отъ себя, отъ имени отца митрополита и всѣхъ епископовъ, прочитали обѣщаніе: я, епископъ владимірскій, читалъ по-латыни, а я, епископъ луцкій, по-русски. Затѣмъ мы принесли присягу на святомъ Евангеліи отъ лица всѣхъ епископовъ и сами отъ себя, и подписали ее своими руками. Его святость приказалъ намъ подойти къ себѣ поближе, хотя мы и то близко къ нему стояли, и наклонившись къ намъ истинно по-отечески, сказалъ нѣсколько словъ, между которыми были слѣдующія: «Не хочу господствовать надъ вами, но хочу немощи ваши на себѣ носить» и проч. На другой день, т.-е. 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова, его святость самъ служилъ вечерню въ новомъ костелѣ св. Петра съ великимъ множествомъ духовенства; здѣсь и мы, по благословенію его святости, были во всемъ облаченіи нашемъ.

Но въ то время, какъ Потѣй и Терлецкій цѣловали ноги у папы и въ Римѣ торжествовали возсоединеніе русской церкви, выбивая медаль съ надписью: *Ruthenis receptis*, въ это время виленское бѣлое духовенство писало Скумину: «Такъ какъ люди православія греческаго уразумѣли, что митрополитъ и епископы подкапываютъ нашу вѣру и въ неволю ее отдаютъ безъ вѣдома своихъ старшихъ и насъ меньшихъ, всего духовенства, безъ вѣдома васъ, нашихъ милостивыхъ пановъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ, сами вчетверомъ или впятеромъ все дѣло дѣлаютъ, то

мы, все духовенство греческаго православія, протестовали предъ Богомъ и всѣмъ народомъ христіанскимъ, что мы о такомъ отступленіи отъ своихъ старшихъ патріарховъ не мыслили, не знали и не соглашались на него». Въ началѣ 1596 года назначенъ былъ большой сеймъ въ Варшавѣ. Православное дворянство, собиравшееся для предварительныхъ совѣщаній на провинціальныхъ сеймикахъ, дало своимъ депутатамъ наказъ просить короля: 1) чтобы епископы, отступившіе отъ православной вѣры, лишены были сана; 2) чтобъ поставлены были епископами лица православнаго исповѣданія, согласно съ постановленіемъ 1573 года и съ жалованными грамотами прежнихъ королей, подтвержденными присягою самого короля Сигизмунда III. Но мы видѣли, что король обязался Потѣю и Терлецкому защищать ихъ, и потому естественно онъ не могъ принять просьбы депутатовъ. Тогда депутаты и князь Острожскій торжественно объявили королю, сенату и всему сейму, что они и весь народъ русскій на будутъ признавать Терлецкаго и Потѣя своими епископами,—не будутъ признавать ихъ власти въ своихъ имѣніяхъ и не будутъ подчиняться ихъ духовному суду. Сверхъ того депутаты написали протестъ, въ которомъ изложены были обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя православнымъ народомъ русскимъ, и въ послѣдній день сейма поручили прочитать этотъ актъ въ присутствіи короля Мартыну Буховецкому, писарю воеводства познанскаго; но сеймъ не позволилъ читать протеста: Буховецкій, заглушенный криками, принужденъ былъ удалиться, протестовавъ противъ такого насилія. Тогда князь Острожскій записалъ въ актовыя книги варшавскаго сейма протестъ, изложивъ преступныя дѣйствія Терлецкаго и Потѣя, и объявивъ твердую рѣшимость противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Въ такомъ же смыслѣ депутаты православнаго дворянства подали два протеста для внесенія въ книги гродскія Радзіевскія; изъ актовыхъ книгъ извлечены были засвидѣтельствованныя копіи протестовъ и разосланы по воеводствамъ. Король, съ своей стороны, въ исполненіе прежнихъ обязательствъ, далъ Терлецкому подтвердительную жалованную грамоту на епископію луцкую: въ этой грамотѣ король ручается за себя и за своихъ преемниковъ, что Кириллъ Терлецкій будетъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ въ теченіи всей своей жизни; утверждаетъ за нимъ всѣ имѣнія епископіи луцкой и

обѣщаетъ оборонять его противъ всѣхъ недоброжелателей, которые осмѣлились бы лишить его епископскаго сана или отнять у него церковныя имѣнія (21 мая 1596 года). Вслѣдъ затѣмъ, 29 мая 1596 года, король издалъ манифестъ православнымъ своимъ подданнымъ о совершившемся соединеніи церквей, причемъ всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ бралъ на себя и увѣрялъ, что Терлецкій и Потѣй не привезли изъ Рима никакихъ новостей: «Господствуя счастливо въ государствахъ нашихъ и размышляя о ихъ благоустройствѣ, мы, между прочимъ, возымѣли желаніе, чтобы подданные наши греческой вѣры приведены были въ первоначальное и древнее единство со вселенскою римскою церковію подъ послушаніе одному духовному пастырю. Епископы не привезли изъ Рима ничего новаго и спасенію вашему противнаго, никакихъ перемѣнъ въ вашихъ древнихъ церковныхъ обрядахъ: всѣ догматы и обряды вашей православной церкви сохранены неприкосновенно, согласно съ постановленіями святыхъ апостольскихъ соборовъ и съ древнимъ ученіемъ святыхъ отцовъ греческихъ, которыхъ имена вы славите и праздники празднуете». Такъ какъ дѣло было кончено, воля королевская прямо высказана, унія объявлена дѣломъ правительства, то послѣднимъ актомъ долженствовалъ быть соборъ, на которомъ рѣшительно должно было обозначиться положеніе русской церкви, должны были обозначиться для правительства друзья и враги его. Въ томъ же манифестѣ король приказывалъ митрополиту Михаилу созвать соборъ въ обычномъ мѣстѣ, въ Брестѣ, гдѣ Терлецкій и Потѣй должны были подробно разсказать о своей поѣздкѣ въ Римъ. Пріѣздъ на соборъ дозволенъ былъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія, и каждый долженъ былъ пріѣзжать какъ можно скромнѣе, не привозя съ собою ненужной толпы. Присутствовать на соборѣ позволялось только католикамъ и православнымъ, за исключеніемъ протестантовъ.

Въ первыхъ числахъ октября 1596 года съѣхались въ Брестъ: грекъ Никифоръ, экзархъ константинопольскаго патріарха, долженствовавшій заступить его мѣсто на соборѣ, митрополитъ Михаилъ съ семью русскими епископами, множествомъ архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ; изъ мірскихъ людей князь Константинъ Острожскій съ сыномъ и многіе другіе; изъ католиковъ пріѣхали три бискупа, Петръ Скарга и трое свѣтскихъ

вельможъ, послы королевскіе: Николай Христофъ Радзивилъ, воевода троцкій, Левъ Сапѣга, канцлеръ литовскій и Дмитрій Халецкій, подскарбій. 6-го октября должно было начаться засѣданіе собора; но сейчасъ же образовались два враждебныхъ стана, которые не соединились въ одно общее засѣданіе въ одномъ мѣстѣ, въ церкви, какъ обыкновенно бывало. О митрополитѣ, который долженъ былъ распорядиться какъ хозяинъ, не было ни слуху, ни духу. Православные должны были собраться въ большомъ частномъ домѣ, и засѣли—духовные своимъ ко̀ломъ, имѣя посреди себя Евангеліе, свѣтскіе — особымъ ко̀ломъ съ своимъ маршалкомъ. Послѣ обычныхъ молитвъ, владыка львовскій, Гедеонъ Балабанъ, первый началъ рѣчь на русскомъ языкѣ; іеродіаконъ Кипріянъ тутъ же переводилъ ее на греческій языкъ. Гедеонъ говорилъ, что онъ и всѣ собравшіеся хотятъ стоять и помирать за восточную вѣру, и, по ихъ мнѣнію, митрополитъ съ своими владыками поступилъ незаконно, отрекшись отъ повиновенія патріарху. Положено было послать за митрополитомъ и уніатскими епископами; но тѣ не явились; Рагоза отвѣчалъ, что подумаетъ съ католическими епископами, и потомъ придетъ на соборъ; соборъ ждалъ его до вечера и не дождался. На другой день опять послали звать митрополита съ товарищами и получили отвѣтъ: «Напрасно насъ ждете: мы къ вамъ не придемъ». На третій день третье посольство, на которое полученъ отвѣтъ: «Что сдѣлано, то сдѣлано; хорошо ли дурно ли мы сдѣлали, поддавшись римской церкви, только теперь уже передѣлать этого нельзя». Тогда, на вопросъ экзарха: когда и какъ Рагоза съ товарищами началъ хлопотать объ уніи, кіевопечерскій архимандритъ Никифоръ Туръ отвѣчалъ: «Патріархъ Іеремія, узнавши о беззаконіяхъ Рагозы, отлучилъ его отъ церкви, грозя, если не исправится, конечнымъ низложеніемъ; онъ и задумалъ отступить, и отступилъ». Обратились къ мірскимъ людямъ, сравнили наказы, данные посламъ отъ всѣхъ областей—вездѣ нашли одно требованіе: не отступать отъ восточной церкви. Въ это время дали знать собору, что въ томъ же домѣ, въ небольшой комнатѣ, Скарга истощаетъ свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить князя Острожскаго и сына его въ правдѣ уніи. Экзархъ Никифоръ сказалъ: «Пусть Скарга придетъ на соборъ и споритъ съ людьми учеными; зачѣмъ въ углу старается убѣждать людей, въ богословіи несвѣ-

дущихъ»? Но Скарга не пришелъ на соборъ. На четвертый день, 9 октября, выданъ былъ декретъ соборный: митрополитъ и владыки: владимірскій, луцкій, полоцкій, холмскій и пинскій лишаются архіерейскаго сана, потому что безъ вѣдома своего старшаго задумали соединеніе церквей, которое можетъ быть рѣшено не пятью или десятью владыками, а вселенскимъ соборомъ; потомъ, означенные митрополитъ и епископы, будучи позваны на соборъ къ отвѣту, не явились и отвѣта не дали. Въ тотъ же день митрополитъ съ епископами-уніатами выдалъ декретъ о лишеніи сана и проклятіи епископовъ и сообщниковъ ихъ, отвергшихъ унію.

Такъ совершилась унія, или лучше сказать, раздѣленіе западнорусской церкви на православную и уніатскую. Такъ какъ православные, отвергнувъ унію, прямо поступили противъ воли правительства, покровительствующаго послѣдней, то этимъ, разумѣется, еще болѣе ухудшили положеніе своей церкви. Тяжелое положеніе продолжалось и тогда, когда правительство начало выслушивать жалобы православныхъ и давать постановленія въ ихъ пользу, ибо, при возбужденномъ фанатизмѣ, при безнарядьѣ и своевольствѣ, частные люди, особенно люди сильные, мало обращали вниманія на рѣшеніе правительства; всего болѣе должно было терпѣть за православіе сельское народонаселеніе, находившееся во власти пановъ католиковъ или, что̀ еще хуже, отступившихъ отъ православія. Но это тяжкое положеніе, борьба съ господствующею церковію, борьба съ врагомъ, сильнымъ не одними матеріальными средствами, возбудили нравственныя силы западнорусскаго народонаселенія. Противники дѣйствовали перомъ, писали противъ православія; православнымъ нужно было защищаться, отвѣчать имъ уже и для того, чтобъ удержать своихъ при рѣшеніи не отступать отъ восточной церкви; чтобъ защищаться успѣшно и чтобъ имѣть средства назидать своихъ и отвратить отъ себя вражій упрекъ въ недостаткѣ просвѣщенія, надобно было умножать и улучшать школы, поднимать народную нравственность.

Востокъ не былъ такъ слабъ, какъ предполагали враги его. Послышался сильный обличительный голосъ съ Аѳона, отъ тамошняго русскаго инока Іоанна Вишенскаго: «Тебѣ, въ землѣ польской живущему всякаго возраста и чина народу русскому, литовско-

му и польскому, въ разныхъ сектахъ и вѣрахъ пребывающему, сей гласъ въ слухъ да достигнетъ. Извѣщаю васъ, что земля, по которой ногами вашими ходите, на васъ передъ Господомъ Богомъ плачетъ и вопіетъ, прося Творца, да пошлетъ серпъ смертный, какъ нѣкогда на Содомлянъ, желая лучше пустою въ чистотѣ стоять, нежели вашимъ безбожіемъ населенною и беззаконными дѣлами оскверненною быть. Ибо гдѣ теперь въ польской землѣ вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ евангельскія заповѣди? Гдѣ апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ храненіе заповѣдей Божіихъ? Гдѣ непорочное священство? Гдѣ крестоносное житіе иноческое? Гдѣ благоговѣйное и благочестивое христіанство? Зачѣмъ именемъ христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда силы этого имени не храните? О, окаянная утроба, которая такихъ сыновъ на погибель вѣчную породила! Нынѣ въ польской землѣ священники всѣ, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ службу совершаютъ, паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, вознеслись судомъ беззаконнымъ надъ Творцомъ, образомъ Своимъ, равно всѣхъ почтившимъ, безсловесныхъ естество высшею цѣною оцѣнили. Вмѣсто евангельской проповѣди, апостольской науки и святаго закона, нынѣ поганскіе учители, Аристотели, Платоны и другіе имъ подобные мошкарники и комедійники во дворахъ Христа Бога владѣютъ. Вмѣсто вѣры, надежды и любви, безвѣріе, отчаяніе, ненависть, зависть и мерзость обладаютъ. Покайтесь всѣ, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелію! Турки некрещеные честнѣе предъ Богомъ въ судѣ и правдѣ, нежели крещеные ляхи; а вы, православные христіане, не скорбите: Господь съ вами и я съ вами; имѣйте вѣру и надежду на Бога жива; на пановъ же вашихъ русскаго рода, на сыновъ человѣческихъ не надѣйтесь—въ нихъ нѣтъ спасенія: они отъ живаго Бога и отъ вѣры въ Него отступили. Да будутъ прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себѣ изъ мѣстъ святыхъ подѣлали, сами съ слугами своими и пріятелями въ нихъ тѣлесную и скотскую жизнь провождаютъ; на мѣстахъ святыхъ лежа, гроши сбираютъ съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ Христовымъ, дочерямъ своимъ приданое готовятъ, сыновей одѣваютъ, женъ украшаютъ, слугъ

умножаютъ, кареты дѣлаютъ, лошадей сытыхъ и одношерстныхъ запрягаютъ; а въ монастырѣ иноческаго чина нѣтъ, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы, псы воютъ. Владыки безбожные, вмѣсто правила, книжнаго чтенія и поученія въ законѣ Господни, день и ночь надъ статутомъ сидятъ, и во лжи весь вѣкъ свой упражняются». Тотъ же Іоаннъ писалъ въ Рагозѣ, Потѣю и Терлецкому по поводу уніи: «Спросилъ бы я васъ, что такое трудъ очищенія? но вамъ и не снилось объ этомъ; не только вы этого не знаете, но и ваши папы Іисусоругатели, такъ-называемые іезуиты, о томъ не пекутся и отвѣта дать не могутъ. Покажите мнѣ, соединеніе церквей сплетающіе! который изъ васъ прошелъ первую ступень подвижничества? Не ваша ли милость вѣру дѣлами злыми напередъ еще разорили? Не ваша ли милость воспитали въ себѣ похоть лихоимства и мірскаго стяжанія? Насытиться никакъ не можете, а все большею алчбою и жаждою мірскихъ вещей болѣете. Покажите мнѣ, соединеніе церквей зиждущіе! который изъ васъ, въ мірской жизни будучи, шесть заповѣдей Христовыхъ самъ собою исполнилъ? Не ваша ли милость эти шесть заповѣдей не только въ мірскомъ чину разорили, но и теперь въ духовномъ безпрестанно разоряете? Сами какъ идолы на одномъ мѣстѣ сидите, а если и случится этотъ трупъ объидолотворенный на другое мѣсто перенести, то на колесницѣ безскорбно переносите, а бѣдные подданные день и ночь на васъ трудятся и мучатся. Гдѣ вы больнымъ послужили? Не ваша ли милость больныхъ изъ здоровыхъ дѣлаете, бьете, мучите, убиваете? Постучись въ лысую голову, бискупъ луцкій! сколько ты во время своего священства человѣческихъ душъ къ Богу послалъ? Его милость, каштелянъ Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги за собою волочилъ, а теперь, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти начтешь; также и его милость митрополитъ, когда простою рагозиною былъ, то не знаю, могъ ли держать и двоихъ слугъ, а теперь больше десяти держитъ».

Въ посланіи къ князю Острожскому и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Іоаннъ Вишенскій пишетъ: «Потому дьяволъ противъ славянскаго языка борьбу такую ведетъ, что языкъ этотъ плодоноснѣйшій изъ всѣхъ языковъ и Богу любимѣйшій, потому что безъ поганскихъ хитростей и руководствъ, каковы грамматика, реторика, діалектика и прочія коварства тщеславныя дьявольскія,

простымъ прилежнымъ читаніемъ, безо всякаго ухищренія къ Богу приводитъ, простоту и смиреніе зиждетъ и Духа Святаго подъемлетъ, въ злоковарну же душу не внидетъ премудрость. Латинская злоковарная душа, ослѣпленная и насыщенная поганскими тщеславными и гордыми догматами, Божія премудрости, разума духовнаго, смиренія, простоты и беззлобія вмѣстить никакъ не можетъ. Охраняйте, православные, дѣтей своихъ отъ этой отравы; теперь вы явно пострадали, когда на латинскую и мірскую мудрость разлакомились. Развѣ не лучше тебѣ изучить часословецъ, псалтырь, октоихъ, апостолъ и Евангеліе съ другими церковными книгами, быть простымъ богоугодникомъ и жизнь вѣчную получить, нежели постигнуть Аристотеля, Платона, философомъ мудрымъ въ жизни сей называться и въ геенну отойти. На священническую степень по правилу святыхъ отецъ да восходятъ, а не по своему желанію, не ради имѣнія и панства санъ восхищаютъ; не принимайте того, кто самъ наскакиваетъ, королемъ назначается безъ вашего избранія; изгоняйте и проклинайте такого, потому что вы не въ папу крестились и не въ королевскую власть, чтобъ вамъ король давалъ волковъ и злодѣевъ, ибо лучше вамъ безъ владыкъ и безъ поповъ, отъ дьявола поставленныхъ, въ церковь ходить и православіе хранить, нежели съ владыками и попами, не отъ Бога званными, въ церкви быть, ей ругаться и православіе попирать. Вы пастыря себѣ такъ избирайте: прежде назначьте нѣсколько особъ, отъ житія и разума свидѣтельствованныхъ, потомъ опредѣлите день и постъ, сотворите бдѣніе въ церкви и молитесь Богу, да дастъ вамъ и откроетъ пастыря, котораго жребіемъ искушаете; Богъ милостивый моленія вашего не презритъ, вамъ пастыря дастъ и объявитъ; послѣ этого уже обращайтесь къ свѣтской власти, къ королю, чтобъ подтвердилъ вамъ владыку, если же не захочетъ подтвердить, то увидите, какъ оглохнетъ и пропадетъ, потому что поставленъ судъ правый судить, а не прелестямъ своей вѣры потворствовать; только обратитесь къ Богу истинно, все вамъ чудотворно устроитъ. Праздничныя ярмарки, что вы зовете соборами, очистите, какъ въ Жидичинѣ и въ горахъ св. Спаса; коляды уничтожьте, потому что не хочетъ Христосъ, чтобъ при Его рождествѣ дьявольскія коляды совершались; щедрый вечеръ изъ городовъ и селъ въ болота загоните, пусть тамъ съ дьяволомъ сидитъ. Волочельное

по воскресеніи изъ городовъ и селъ выволокши, утопите; уничтожьте на Юрьевъ день дьявольскій праздникъ, когда выходятъ въ поле плясками и скаканіемъ дьяволу жертву приносить; пироги и яица надгробные отмѣните; купала на Ивановъ день утопите и огненное скаканіе отсѣките; Петръ и Павелъ молятъ васъ, да потребите качели, на день ихъ устрояемыя на Волынѣ и Подолѣ».—Возражая епископамъ-уніатамъ, жаловавшимся, что патріархъ Іеремія въ братствахъ простыхъ людей надъ епископами поставилъ, Вишенскій пишетъ: «Какъ вы духовными, и не только духовными, но и вѣрными называться можете, когда брата своего, въ единой купѣли крещенія вѣрою и отъ единой матери благодати наравнѣ съ вами породившагося, подлѣйшимъ себя считаете? Пусть будетъ хлопъ, сыромятникъ, сѣдельникъ, портной, но вспомните, что братъ вамъ ровный во всемъ, ибо во едино тріепостасное Божество крестился» [5].

Мы видѣли, какъ сильно волновалъ Вильну своими проповѣдями Стефанъ Зизаній, вооружась противъ католицизма и уніи, Рагоза отлучилъ его отъ церкви за ересь, а православные епископы на брестскомъ же соборѣ 8-го октября, объявили его невиннымъ, равно какъ и двоихъ священниковъ братскихъ, отлученныхъ вмѣстѣ съ Зизаніемъ: «Такъ какъ самъ митрополитъ въ послушаніи у церкви Восточной не хотѣлъ быть, то и клятву свою на этихъ священниковъ положилъ ни за что другое, какъ только за книжку, сочиненную на костелъ римскій». Труды Зизанія вызвали опроверженіе со стороны католиковъ: явилась книжка подъ заглавіемъ: Kąkol, ktory rozsiewa Zyzani (соч. Жебровскаго, 1595 г.). Но Зизаній въ 1596 году издалъ слово (казанье) св. Кирилла, патріарха іерусалимскаго объ антихристѣ; изъ этого сочиненія выходило, что время антихристово есть время уніи. На книжку Зизанія въ томъ же году явился опять католическій отвѣтъ: Plewy Stephanka Zyzaniej. Какъ образчикъ полемическаго тона и остроумія времени приведемъ нѣсколько словъ изъ этой книжки: «Въ недавнее время Зизаній привезъ въ Вильну на торгъ множество куколю фальшивой науки, и хотѣлъ продавать его вильнянамъ за настоящую пшеницу. Но вильнянъ предостерегли отъ измѣны, и Зизанію торгъ запрещенъ. Давши покой куколю, взялся онъ за плевелы, желая на нихъ попробовать счастья, написалъ новую книжку, не куколя, а плевелъ исполненную. Но

какъ плевелы отъ перваго дуновенія вѣтра разлетаются по воздуху, такъ и все, что онъ въ этихъ книжкахъ написалъ, однимъ духомъ каждый сдунуть можетъ. Чтобъ это легче можно было сдѣлать, онъ написалъ книжку двоякимъ языкомъ: по-русски и по-польски, дабы имѣть больше свидѣтелей своей глупости».

Но понятно, что самая сильная полемика должна была возгорѣться по поводу Брестскаго собора. Въ 1597 году явилось два описанія этого собора съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: православное Ekthesis или краткое описаніе того, что дѣлалось на помѣстномъ синодѣ въ Брестѣ Литовскомъ; католическое описаніе собора было сочинено знаменитымъ Скаргою, который, согласно съ основнымъ своимъ взглядомъ, утверждалъ, что соборъ незаконенъ, что законно только то, что постановлено митрополитомъ и епископами, т.-е. унія, ибо міряне не имѣютъ никакого права вмѣшиваться въ дѣла церковныя, а должны повиноваться безпрекословно своимъ пастырямъ. Опроверженіемъ книги скаргиной явился со стороны православныхъ знаменитый *Апокризисъ албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ*, *именемъ людій старожитной релъи греческой*, *чрезъ Христофора Филалета* (*псевдонимъ*). Понятно, что авторъ апокризиса долженъ былъ ударить со всею силою на основный взглядъ Скарги о невмѣшательствѣ мірянъ въ дѣла церковныя. Приведши извѣстныя намъ грамоты, въ которыхъ Рагоза и Потѣй клянутся ничего не предпринимать безъ вѣдома мірскихъ людей, авторъ апокризиса указываетъ, что и сами эти духовные не раздѣляли мнѣніе Скарги и сами себя осудили, поступивши вопреки клятвеннымъ обѣщаніямъ. «Положимъ» говоритъ авторъ апокризиса, «что владыки имѣли право объяснить членъ символа вѣры: «Вѣрую во едину соборную апостольскую церковь» такъ, что подъ этою церковію должно разумѣть римскую; но они обязаны были какъ можно скорѣе дать знать объ этомъ новомъ истолкованіи своей паствѣ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Скарги, вѣра въ римскую церковь есть необходимое условіе спасенія; владыки виноваты въ томъ, что въ то время, какъ они медлили объявить о новомъ спасительномъ членѣ вѣры, многіе люди, не зная его, умерли лишенные спасенія». Скарга приводитъ свидѣтельства Ветхаго Завѣта о томъ, что разсужденіе о дѣлахъ духовныхъ принадлежитъ одному духовенству; авторъ апокризиса возражаетъ, что Моисей былъ

свѣтскій человѣкъ, однако установилъ весь порядокъ богослуженія, и какъ это случилось, что Господь Богъ не іерею Аарону, а свѣтскому человѣку Моисею далъ право распоряжаться дѣлами богослуженія? Но еслибы и дѣйствительно въ Ветхомъ Завѣтѣ разсужденіе о вѣрѣ принадлежало однимъ іереямъ, то это слабый доводъ, ибо велика разница между іудействомъ и христіанствомъ: въ іудействѣ одно колѣно Левіино къ служенію іерейскому было избрано, а въ христіанствѣ всѣ люди, кровію Христовою отъ грѣховъ омытые, царями и іереями Богу Отцу учинены; тамъ одна часть народа хвалѣ Божіей служила, въ одномъ іерусалимскомъ храмѣ: здѣсь всѣ люди христіанскіе, на каждомъ мѣстѣ, во всякій часъ, на хвалу Христову посвящены, чтобы, ѣдятъ ли, пьютъ ли, другое ли что дѣлаютъ, все во славу Божіею дѣлали, чтобы не только духомъ, но и тѣломъ славили Бога, будучи членами Христовыми. Скарга написалъ, что іереи и духовные, которыхъ Богъ приказалъ слушаться, заблуждаться не могутъ, и потому свѣтскіе должны слушаться ихъ во всемъ, въ той надеждѣ, что хотя бы и заблудились, за духовными идучи, будутъ оправданы предъ Богомъ, который повелѣлъ имъ слушаться заблуждающихъ. «Спрашиваю» возражаетъ авторъ апокризиса: «за что же Моисей побилъ три тысячи человѣкъ, поклонявшихся тельцу, слитому первосвященникомъ Аарономъ? Спрашиваю: что Скарга думаетъ о первосвященникѣ Уріи, который, вмѣстѣ съ царемъ Ахазомъ, идоламъ жертву приносилъ? Спрашиваю: что разумѣетъ о іереяхъ временъ Христовыхъ: почему же апостолы ихъ не слушались? почему вѣрѣ или невѣрію ихъ не послѣдовали? Оставя примѣры ветхозавѣтные, спрашиваю: когда епископъ Авксентій Медіоланскій былъ аріаниномъ, когда Діоскоръ Александрійскій еретичествовалъ вмѣстѣ съ Евтихіемъ, когда еретичествовали Несторій и Македоній, епископы константинопольскіе, то принадлежавшіе къ ихъ епархіямъ были ли обязаны послѣдовать ихъ ученію? и если послѣдовали, то будутъ ли оправданы предъ Богомъ? а если будутъ, то какъ же Писаніе говоритъ, что каждый свое бремя понесетъ, и когда слѣпой слѣпаго водитъ, то оба въ яму впадаютъ? Если мірскіе люди обязаны во всемъ повиноваться пастырямъ своимъ, то не погрѣшили и нѣмцы кельнскіе, которые, по примѣру архіепископа своего, сдѣлались лютеранами; и мы не грѣшимъ, слушаясь владыки львовскаго и перемышльскаго, кото-

рые говорятъ, что папа вовсе не наивысшій правитель церкви, и еслибы луцкій владыка потуречился (что дѣло возможное, смотря по его нравственности), то овцы его были бы оправданы передъ Богомъ, когда бы сдѣлались магометанами? Конечно, историкъ Брестскаго собора тряхнетъ на это головою; такъ пусть же знаетъ, что для предохраненія отъ заблужденій не на титулы духовные надобно смотрѣть, а на что-нибудь другое; не всегда и не во всемъ надобно духовенство слушать». Мы привели эти строки для показанія взгляда и пріемовъ автора Апокризиса; что же касается до подробнаго разбора и оцѣнки его книги, то это предоставляемъ церковнымъ писателямъ. Вслѣдъ за Апокризисомъ написано было православнымъ львовскимъ священникомъ изложеніе хода дѣла объ уніи, подъ заглавіемъ: «Перестрога зѣло потребная на потомные часы православнымъ христіанамъ». Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ любопытныя подробности, но тяжело для историка по смѣшенію событій вслѣдствіе отсутствія хронологіи.

Апокризисъ раздражилъ сильно католиковъ: это видно по тону, въ какомъ было написано возраженіе на него подъ заглавіемъ Antirresis (1600 года). Авторъ Антиррезиса для борьбы съ сильнымъ противникомъ долженъ былъ прибѣгнуть къ отчаянному средству: ко лжи и брани. «Авторъ Апокризиса» говоритъ онъ: «наполнилъ свою книгу такимъ множествомъ непристойныхъ и ложныхъ вещей, что и самъ дьяволъ, изъ ада вылезши, не могъ бо́льшей неправды сочинить, какъ этотъ Христофоръ Филалетъ въ своихъ книжкахъ написалъ; по истинѣ, каждый можетъ назвать его *diawolofor* и *philopsevdis*, а не *Christum ferens*, *et amator veritatis* (т.-е. не носителемъ Христа, что значитъ Христофоръ, и не любителемъ истины, что значитъ Филалетъ, а носителемъ діавола и любителемъ лжи).

Самъ король въ окружной грамотѣ своей къ русскому народу счелъ за нужное вооружиться противъ поведенія православныхъ на Брестскомъ соборѣ: «Митрополитъ» пишетъ король: «съ епископами, остальнымъ духовенствомъ и многими другими людьми вѣры греческой русской, сошедшись на мѣстѣ обычномъ, въ соборной церкви св. Николы, началъ дѣло, какъ слѣдуетъ, молитвою, и три дня разбиралъ дѣло, справляясь съ св. Писаніемъ, съ правилами св. Отецъ, призывая братскимъ призывомъ къ себѣ

Михаила Копыстенскаго, епископа перемышльскаго и Гедеона Балабана львовскаго, и другихъ товарищей ихъ, которые сначала сами добровольно приступили къ уніи и намъ, господарю, дали знать объ этомъ, а теперь, по наущенію людей упорныхъ, покинувши старшаго своего архіепископа, митрополита и братью свою владыкъ, покинувши храмъ Божій, мѣсто святое, на которомъ обязаны были сходиться съ старшимъ своимъ, и ни разу, во все продолженіе собора, въ церкви Божіей не ставши, захотѣли соединиться съ анабаптистами, аріанами, богохульниками и съ другими старыми еретиками, непріятелями и поругателями вѣры православной—русской. Кромѣ того, взявши себѣ въ товарищество шпіоновъ и измѣнниковъ нашихъ, какого-то Никифора и другихъ грековъ, чужестранцевъ, въ божницѣ еретической засѣли, злостію и упорствомъ, фараоновымъ сердцемъ окаменѣлымъ поступали, и дѣла имъ непринадлежащія дѣлать осмѣлились, противъ своего начальства, противъ насъ, господаря, и противъ Рѣчи Посполитой, отъ церкви Божіей отлучились, тайкомъ заговоры и протесты составляли, къ бланкетамъ печати и руки свои прикладывали, другихъ людей разныхъ, къ собору непринадлежавшихъ, къ рукоприкладству приводили и силою подписываться заставляли, и, написавши что-то на этихъ бланкетахъ, по государствамъ нашимъ разсылать осмѣлились». Увѣщевая послѣдовать примѣру митрополита, принять унію, и извѣщая о проклятіи Копыстенскаго и Балабана, король запрещаетъ считать ихъ владыками и имѣть съ ними сообщеніе, запрещаетъ правительственнымъ лицамъ противиться постановленіямъ Брестскаго собора, признавшаго унію, и приказываетъ карать противниковъ.

Итакъ, съ православными велѣно было поступать какъ съ преступниками, гоненіе на нихъ было узаконено. Но указъ королевскій не могъ быть приведенъ въ исполненіе во всей силѣ: наказывать за противленіе уніи пришлось бы слишкомъ многихъ, цѣлый народъ, и нѣкоторые изъ этихъ многихъ были очень сильны, а правительство было очень слабо. Въ то время, когда Сигизмундъ приказывалъ преслѣдовать православныхъ и награждалъ епископовъ-уніатовъ, князь Острожскій уговорилъ Балабана и львовское братство прекратить свои тяжбы на годъ, въ продолженіи котораго обѣ стороны обѣщали князю оборонять заодно православную вѣру.

Но въ то самое время, какъ западная Россія волновалась уніею, въ ней обнаружилось явленіе, которое должно было имѣть рѣшительное вліяніе на исходъ борьбы. Мы видѣли, что оба государства восточной Европы: московское и польское единовременно должны были начать непріязненныя отношенія къ усилившимся на украйнахъ ихъ козакамъ, которые вели себя одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Величая себя оберегателями государствъ, они не ограничивались нисколько пограничною стражею, но, по своему хищническому характеру, котораго они не скрывали, объявляя, что если имъ не нападать на сосѣдей, то жить нечѣмъ—по этому характеру своему, козаки нападали на сосѣдей и тогда, когда государству это было вредно, нападали моремъ на турецкія владѣнія и вовлекали оба государства, и особенно польское, въ опасную вражду съ Турціею. Понятно, что Польша должна была всѣми силами хлопотать о томъ, чтобъ отнять у козаковъ возможность вредить государству. По заключеніи мира съ Турціею, по которому Польша обязалась удержать козаковъ отъ нападеній на турецкія владѣнія, на сеймѣ 1590 года было опредѣлено, чтобъ коронный гетманъ обозрѣлъ и привелъ въ извѣстность края, обитаемые козаками, далъ бы имъ старшаго, ротмистровъ и сотниковъ изъ польской шляхты, чтобъ козаки присягнули въ вѣрности республикѣ, не отправлялись за границу ни водой, ни сухимъ путемъ безъ позволенія короннаго гетмана, не принимали польскихъ бѣглецовъ, и чтобъ козаковъ было опредѣленное число, внесенное въ гетманскій списокъ. Два коммиссара отправились съ сейма для постояннаго пребыванія между козаками, для наблюденія за исполненіемъ сеймоваго рѣшенія. Понятно, что козаки не могли спокойно покориться этому рѣшенію; въ 1592 году, подъ начальствомъ какого-то Косинскаго, въ числѣ 5,000 человѣкъ, напали они на Подолію и опустошали владѣнія князя Острожскаго и другихъ пановъ. Князь Константинъ выслалъ войско, которое поразило Косинскаго подъ городомъ Пяткою, недалеко отъ Тарнополя; впослѣдствіи Косинскій былъ окруженъ и убитъ на дорогѣ въ Черкасы. Въ 1595 году, или около этого времени, Запорожскій гетманъ Григорій Лобода опустошилъ Украйну; на Волыни князь Константинъ Острожскій успѣлъ уладиться съ нимъ: Лобода отправился въ дунайскія княжества противъ турокъ, Острожскій двинулся на

Полѣсье; но въ это время отъ войска Лободы отдѣлился Наливайко съ толпою въ 1,000 человѣкъ и занялъ Острополь, имѣніе Острожскаго; не знаемъ, какъ раздѣлался князь Константинъ съ этимъ гостемъ; но знаемъ, что послѣ Наливайко вторгнулся въ Бѣлоруссію, овладѣлъ Слуцкомъ. 30-го ноября 1595 г. Наливайко уже съ 2,000 козаковъ вступилъ въ Могилевъ на Днѣпрѣ; запылали домы, лавки, острогъ; девяносто домовъ превращено было въ пепелъ; козаки грабили, убивали жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Противъ разбойниковъ двинулся литовскій гетманъ Радзивилъ съ 14,000 литвы и 4,000 татаръ. Наливайко, заслышавъ о приближеніи Радзивила, вышелъ изъ Могилева и огородился возами; изъ этого козацкаго укрѣпленія отбивался онъ цѣлый день отъ Радзивила, отбился и ушелъ къ Быхову. Литва гналась за козаками, но ничего имъ не сдѣлала, только сама грабила. Коронный гетманъ Жолкѣвскій писалъ королю въ 1596 году: «Страшно вспомнить, до чего дошло это своевольство; какое забвеніе величія королевскаго, замыслы о разрушеніи Кракова, объ истребленіи шляхетскаго сословія!» Наконецъ Жолкѣвскому удалось поразить и взять въ плѣнъ Наливайка при Лубнахъ въ урочищѣ Солоницѣ. Наливайко былъ казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. Подозрѣвали Острожскаго въ сношеніяхъ съ Наливайкомъ; говорили, что и Лобода, съ вѣдома князя, опустошалъ Украйну; по этому случаю Острожскій писалъ зятю своему, Радзивилу, воеводѣ виленскому: «Полагаюсь на Бога, который спасетъ не только отъ подозрѣнія, но и отъ смерти [6]».

Государство, повидимому, восторжествовало надъ козаками; но это государство носило въ себѣ глубокія раны, которыя растравлялись все болѣе и болѣе; то была слабость правительства, которое не имѣло возможности удерживать людей сильныхъ отъ насилія, удерживать войско, которое, не получая жалованья, страшно грабило: такъ, во время войны съ Наливайкомъ, чего не взяли козаки, то побрали солдаты; то была религіозная борьба вслѣдствіе уніи, гоненіе, которому подверглись православные; то было тяжкое состояніе, въ которомъ находилось низшее земледѣльческое сословіе; сельскія вѣча или копы, не очень сильныя, какъ мы видѣли, и во второй половинѣ XVI вѣка, все болѣе и болѣе теряютъ свое значеніе въ XVII, мужи сходатаи уступаютъ власть свою помѣщикамъ. Помѣщикъ или помѣщица, съ нѣсколькими

пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей. Нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ копныхъ судахъ. Помѣщики и управляющіе ихъ еще въ 1557 году получили право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію; мало того: отдавая имѣнія свои въ аренду жидамъ, давали имъ право брать себѣ всѣ доходы, судить крестьянъ безъ аппелляціи, наказывать виновныхъ и непослушныхъ, по мѣрѣ вины, даже смертію. И вотъ крестьяне, или хлопы, какъ ихъ называли на юго-западѣ, бѣгутъ въ козаки, и Жолкѣвскій жалуется на замыслы объ истребленіи шляхетскаго сословія. Въ Московскомъ государствѣ козаки воспользовались смутою и, чтобъ удобнѣе бороться съ государствомъ, выставили знамена мнимыхъ сыновей и внуковъ Іоанна IV; но здѣсь съ окончаніемъ смуты кончилось и царство козацкое. Иначе было въ государствѣ Польскомъ: здѣсь козаки, ратуя за свои интересы съ государствомъ, могли, благодаря уніи, связать свое дѣло съ дѣломъ священнымъ, народнымъ, выставить религіозное знамя.

1597 годъ начался возмутительнымъ процессомъ экзарха патріаршаго, Никифора, котораго, какъ уже мы видѣли, король въ своей грамотѣ называлъ шпіономъ. Въ имѣніи гетмана замойскаго схваченъ былъ слуга князя Острожскаго, который ѣхалъ въ Валахію покупать лошадей для князя, и нашли у него письма, которыя далъ ему греческій монахъ Пафнутій, ѣхавшій въ Москву. Въ этихъ письмахъ найдены были жесткія выраженія противъ поляковъ, и вотъ ими воспользовались для обвиненія Никифора, на котораго сердились за Брестскій соборъ; объявили, что письма писаны имъ, а не Пафнутіемъ. Несмотря на то, что самъ Никифоръ и прокураторъ его, или адвокатъ, блистательно доказали всю нелѣпость обвиненій, Никифора не хотѣли освободить отъ суда. Старикъ князь Острожскій, оскорбленный этимъ дѣломъ, въ которомъ хотѣли задѣть столько же и его, сколько Никифора, говорилъ длинную рѣчь королю, припоминалъ заслуги предковъ и свои собственныя, припомнилъ, что, несмотря на вражду свою съ Замойскимъ, онъ былъ съ нимъ заодно на сторонѣ Сигизмунда при избраніи королевскомъ, за что король оказалъ ему

большую милость, посадивши одного его сына по правую свою сторону въ сенатѣ, а другого по лѣвую, и такимъ образомъ утѣшилъ его старость. Но теперь непріятель его, Замойскій, гонитъ слугъ его; людей добрыхъ, невинныхъ на вольныхъ дорогахъ хватаетъ, деньги отбираетъ, мучитъ, желая навести на него какое-нибудь безчестье; на духовныхъ его нападаетъ, измѣнниками ихъ выставляетъ. «А ваша королевская милость, видя насиліе надъ нами и нарушеніе правъ нашихъ, не обращаешь вниманія на присягу свою, которою обязался не ломать правъ нашихъ, но умножать и расширять. Не хочешь насъ въ православной вѣрѣ нашей держать при правахъ нашихъ, на мѣсто отступниковъ-епископовъ другихъ дать, позволяешь этимъ отступникамъ насилія дѣлать и проливать кровь тѣхъ, которые не хотятъ идти за ними въ отступничество, грабить ихъ, изъ имѣній выгонять. За вѣру православную наступаешь на права наши, ломаешь вольности наши и наконецъ на совѣсть нашу налегаешь: этимъ присягу свою ломаешь, и если прежде что-нибудь для меня сдѣлалъ, то послѣднею немилостію своею все ни во что обращаешь. Не только самъ я, сенаторъ, терплю кривду, но вижу, что дѣло идетъ къ конечной гибели всей короны польской, потому что теперь никто уже не обезпеченъ въ своемъ правѣ и вольности, и въ короткое время настанетъ великая смута. Предки наши, сохраняя государю вѣрность, послушаніе и подданство, взаимно отъ него милость, справедливость и защиту получали. На старости лѣтъ затронули у меня самыя дорогія сокровища: совѣсть и вѣру православную. Видя смерть передъ глазами, напоминаю вашей королевской милости: остерегитесь; поручаю вамъ отца Никифора, а крови его на страшномъ судѣ Божіемъ искать буду; прошу Бога, чтобъ уже больше не видать мнѣ такого ломанья правъ». Кончивши свою рѣчь, Острожскій всталъ и, опираясь на руку одного пріятеля, пошелъ изъ королевской комнаты; пріятель напоминалъ ему, что надобно подождать отвѣта королевскаго. «Не хочу!» отвѣчалъ старикъ и продолжалъ путь; тогда король послалъ за нимъ зятя его, виленскаго воеводу Радзивила, съ просьбою вернуться. «Увѣряю васъ», говорилъ Радзивилъ, «что король принимаетъ участіе въ вашей печали и Никифоръ будетъ освобожденъ». Но раздраженный старикъ отвѣчалъ: «Пусть себѣ и Никифора съѣстъ!» и вышелъ изъ дворца. Упрямство гордаго магната, дѣйствительно,

погубило Никифора; онъ умеръ въ заточеніи въ Маріенбургѣ, которому скоро суждено было увидѣть въ стѣнахъ своихъ другихъ, болѣе знаменитыхъ узниковъ. Говорятъ, будто недостатокъ въ пищѣ ускорилъ смерть Никифора.

Наконецъ Острожскій помирился и съ Замойскимъ, заклятымъ врагомъ своимъ, но не хотѣлъ мириться съ дѣломъ Потѣя и Терлецкаго. Тщетно самъ папа льстивыми словами склонялъ его къ уніи; въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ благодарилъ Острожскій святаго отца за ласковое письмо, давалъ знать, что онъ самъ старался объ уніи, но въ то время, когда онъ употреблялъ средства, которыя всего скорѣе могли повести къ желанной цѣли, вдругъ нѣкоторые духовные, безъ общаго совѣта, дѣло начатое только и далеко не оконченное поспѣшили представить его святѣйшеству, и этимъ произвели такую смуту, что больше народу впало въ ересь, чѣмъ присоединилось къ столицѣ апостольской. «Мы готовы на соглашеніе» пишетъ Остро́жскій: «но въ этомъ дѣлѣ уніи заключается множество сторонъ. Не сомнѣваюсь, что ваше святѣйшество отложите дѣло до дальнѣйшаго времени, когда отцы греческіе (съ которыми я буду сильно хлопотать объ этомъ) охотно приступятъ къ соединенію, ибо знаемъ, что ваше святѣйшество преимущественно имѣете въ виду всеобщее примиреніе и успокоеніе; знаемъ, что, отдавая каждому свое, какъ римской, такъ и греческой церкви, и соединяя обѣ, какъ двѣ дщери великаго царя, ни у одной не отнимете ихъ особенностей. Думаю, что и самому Творцу будетъ пріятно, когда въ мірѣ водворится покой и когда это дѣло проистечетъ вмѣстѣ и отъ наивысшаго бискупа римскаго и отъ патріарховъ восточныхъ».

Считая Потѣя и Терлецкаго виновниками смуты, нарушителями добраго дѣла, православные не переставали требовать ихъ къ суду, и король наконецъ принужденъ былъ, хотя по формѣ, исполнить ихъ требованіе. Въ генварѣ 1598 года Сигизмундъ послалъ Потѣю и Терлецкому приказаніе явиться на сеймъ и оправдаться отъ обвиненій пословъ воеводства волынскаго въ томъ, что они, епископы, назвавшись послами отъ всѣхъ православныхъ христіанъ вѣры греческой, ѣздили въ Римъ къ отцу папѣ и отдались подъ его власть именемъ всѣхъ этихъ обывателей, тогда какъ послѣдніе имъ никогда ничего не поручали и ни о чемъ не сговаривались; такимъ образомъ епископы явились по-

слами непосланными; кромѣ того, осмѣлились дѣлать это непорученное имъ дѣло безъ воли патріарховъ, своихъ старшихъ; потомъ осмѣлились на синодѣ брестскомъ, соединившись съ ксендзами римскими (общеніе съ которыми запрещено правилами св. отецъ), осмѣлились людей добрыхъ, несогласныхъ на ихъ отпаденіе, отъ церкви отлучать. Потѣй отвѣчалъ предъ королемъ въ смыслѣ извѣстномъ и пріятномъ Сигизмунду: «Новое и неслыханное дѣло! овечки на пастыря жалуются, тогда какъ пастырь долженъ на нихъ жаловаться тебѣ, пану верховному, который обязанъ непослушныхъ карать и въ послушаніе приводить, по апостолу: «Невѣжду страхомъ спасати». Теперь, наоборотъ, мои овечки на меня жалуются и пастыремъ меня не признаютъ. Но не ваша ли королевская милость утвердили меня на епископіи владимірской, которую я, покинувъ званіе сенаторское, рѣшился принять, подвигнувшись слезными просьбами князя острожскаго; не вашей ли королевской милости было угодно, по смерти митрополитовой, назначить мнѣ митрополію? А кто же у насъ въ панствѣ вашей королевской милости такія должности безъ важной причины у кого отнимаетъ? Развѣ у того, кто за какое-нибудь преступленіе жизнь и честь теряетъ. Но, кажется, мы ничего такого не сдѣлали, за что бы насъ надобно было казнить смертію; такъ за что же у насъ отнимать достоинства наши духовныя? Только за то, что мы возобновили дѣло, давно утвержденное, наивысшему пастырю Христовой церкви послушаніе отдали и отъ патріарховъ уклонились, потому что отъ нихъ никакой утѣхи, науки и порядка имѣть не могли. Только за шерстью и молокомъ къ намъ ѣздили или посылали, а вмѣсто покою волненіе и мечъ между дѣтьми вкидывали. Новыя, неслыханныя и канонамъ противныя братства людямъ простымъ дали, изъемля ихъ изъ-подъ власти епископской и давая имъ власть, принадлежащую епископамъ. Это хлопство съ простоты своей такое могущество себѣ приписываетъ, что ни епископовъ, ни пановъ своихъ слушать не хочетъ. Не имѣемъ ли право бѣгать такого пастыря, который самъ въ неволѣ и намъ ничѣмъ помогать не можетъ».

Король, разумѣется, долженъ былъ убѣдиться рѣчью Потѣя; но не убѣдились ею православные и отвѣчали ему: «Безстыдный языкъ! Не можете говорить доброе, будучи злыми. Что вы говорите о благочестивыхъ патріархахъ и учителяхъ своихъ какъ не-

вѣрные поганцы? Вы мудры на злое, а чтобъ разумѣть доброе. не увѣдали истины, какъ говоритъ пророкъ. Не посылано ли пророковъ во всѣ времена? не присылали ли и патріархи къ вамъ учителей, во всѣ времена уча васъ? Мало ли грамотъ присылали къ вамъ патріархи во всѣ времена, о многихъ дѣлахъ, и сами къ вамъ приходили? Вы говорите: «Когда пришелъ патріархъ, то сдѣлалъ какое-то братство, поповъ и проповѣдниковъ наставилъ». Но и Христосъ то же самое сдѣлалъ: архіереевъ обличивши и людей къ себѣ собравши и учениковъ, изъ среды ихъ учителей поставилъ. Такъ и патріархъ: обличивши митрополита кіевскаго, Онисифора двоеженца; и осудивъ Тимоѳея Злобу, архимандрита супрасьскаго, за убійство, митрополита Михаила посвятилъ и грамотами окружными всюду злость каждаго обличилъ и на судъ приготовилъ. Что же еще больше ему было дѣлать? Школу греческую кто заложилъ, какъ не греки и не патріархъ самъ? Грамматикѣ греческой и съ славянскимъ письмомъ не Арсеній ли, митрополитъ елассонскій, во Львовѣ, отъ патріарха пріѣхавши, училъ два года? И когда грамматику чрезъ учениковъ своихъ напечаталъ, то въ типографіи греческаго и славянскаго письма размножилось, чего никогда въ русскомъ народѣ не бывало. Русскіе, какъ окрестились, не учились, только церкви строили, которыя имъ злые сосѣди заразъ позапустошили, людей данями обложили, великихъ пановъ своими науками и способами различными отъ церкви отторгли, весь народъ въ убожество привели; за-то теперь школы во всѣхъ городахъ закладываются, госпитали и церкви строятся. По приказу вселенскаго патріарха двоеженцевъ выведено, ереси выкляты, исповѣдники установлены, соборы духовные собирались, суды сужены, злыхъ карали, владыкамъ негоднымъ отъ мѣстъ своихъ отказаться велѣно. А вы что сдѣлали? Одного патріарха антіохійскаго во Львовѣ бить приказали, другому вселенскому патріарху, Іереміи, домой ѣхать велѣли, боясь, чтобъ онъ васъ, какъ преступниковъ, не наказалъ и отъ мѣстъ не отставилъ; вы сами на себя могли опредѣленіе выдать, какъ жиды, говоря: «злыхъ злѣ погубитъ, а виноградъ предастъ инымъ дѣлателямъ, иже воздадятъ ему плоды во времена своя». Уже сѣкира при корени древа лежитъ; не умолитъ садовникъ господина своего, чтобы не посѣкалъ неплоднаго дерева, пока обложитъ его навозомъ до будущаго года: уже всему часъ. А теперь каждый

владыка въ своей епископіи поповъ двоеженцевъ и многоженцевъ, блудниковъ, убійцъ имѣетъ, сами владыки людей убиваютъ (о чемъ свидѣтельства найдешь въ книгахъ судныхъ), церкви и монастыри разбиваютъ, имущества монастырскія вмѣстѣ съ монастырями своимъ пріятелямъ даютъ, монаховъ женятъ, монахинь замужъ выдаютъ. А потомъ, тайкомъ сговорившись, къ папѣ утекли.» Не получая управы отъ католическаго правительства, нѣкоторые изъ православныхъ рѣшились соединиться съ протестантами, также притѣсняемыми, чтобъ этимъ союзомъ заставить правительство исполнить слѣдующія требованія: «Власть древняя константинопольскаго патріарха нарушается, ни мы съ нимъ, ни онъ съ нами чрезъ грамоты и пословъ сообщаться не имѣемъ права; пусть всѣ патріаршіе декреты, а особенно декретъ, выданный въ Брестѣ на отступниковъ, остаются въ своей силѣ. Митрополита нашего отступника и съ нимъ владыкъ королевская милость защищаетъ и изъ-подъ власти патріаршей изъемлетъ; и намъ его королевская милость приказываетъ ихъ, противъ совѣсти нашей, слушаться: такъ если уже король не хочетъ исполнить относительно ихъ соборнаго опредѣленія, то пусть дастъ намъ другого митрополита. Во всѣхъ городахъ, въ цехахъ каждаго ремесла папежники людей греческой вѣры до равной съ собою чести и вольности не допускаютъ и великія насилія чинятъ ремесленники, папежники; новыя привилегіи у легата себѣ выхлопатываютъ противъ людей греческой вѣры, а король ихъ конфирмуетъ. Братства церковныя королевская канцелярія повсюду выставляетъ нарушителями покоя, чести и вольности городской недостойными, отъ чего эти братства несносныя терпятъ бѣды, особенно въ Вильнѣ: такъ чтобы братства, какъ и вся наша религія, оставлены были въ покоѣ. Поповъ и проповѣдниковъ братскихъ, и тѣхъ, кто ихъ слушаетъ и въ церковь братскую ходитъ, митрополитъ-отступникъ проклинаетъ, а король банитуетъ. Въ 98 году, на самое Свѣтлое Воскресенье, іезуиты сдѣлали великое насиліе надъ церковію братства виленскаго. Мандаты разные и грамоты окружныя на братства выданы и нѣкоторые изъ братьевъ, по немилости пана канцлера (Сапѣги), къ смертной казни присуждены были, еслибы не самъ Богъ и панъ воевода виленскій Радзивилъ (протестантъ) не защитили: такъ пусть эти мандаты уничтожатъ и панъ канцлеръ съ братствомъ помирится. Въ монастырѣ св. Тро-

цы алтарь братскій митрополитъ-отступникъ, а домъ, гдѣ братство собиралось, панъ канцлеръ отняли. Бурмистры на нѣсколько человѣкъ изъ братства церковнаго сдѣлали протестацію на ратушѣ, намъ и потомкамъ нашимъ очень вредную, за то, что мы ѣздили въ Брестъ на синодъ духовный. Всѣ эти обиды дѣлаютъ намъ папежники для того, чтобъ духовную патріаршескую власть и благословеніе патріарха надъ нами уничтожить и къ папскому послушанію насъ подбить. Вслѣдствіе этого, ихъ милостямъ, панамъ евангеликамъ, надобно крѣпко соединиться вмѣстѣ съ нами и стоять за наши обиды, а намъ за ихъ, обороняя вольности. Въ знакъ добраго расположенія ихъ къ намъ, просить ихъ, чтобъ они не оказывали послушанія папѣ и покинули его новый календарь, съ нами старый никейскій держали по старому (ибо паны прусаки и всѣ нѣмцы держатъ его вмѣстѣ съ нами), чтобъ вмѣстѣ обороняться отъ насилій въ праздники Господни». Таковъ былъ наказъ, данный представителямъ, отправлявшимся на съѣздъ съ протестантами, назначенный въ Вильнѣ, въ маѣ 1599 года. Изъ православныхъ здѣсь былъ князь Константинъ Острожскій, Юрій Сангушко и двое незначительныхъ духовныхъ особъ; архіереи львовскій и перемышльскій отказались участвовать въ съѣздѣ. Со стороны протестантовъ были виленскій воевода, князь Николай Христофоръ Радзивилъ, брестокуявскій воевода Андрей Лещинскій и другіе знатные люди. Протестанты хотѣли было начать дѣло о соглашеніи вѣроученія, но православные не хотѣли объ этомъ и слышать; ограничились уніей политическою, написали договоръ, но между православными нашлось мало охотниковъ подписать его и съѣздъ остался безъ слѣдствій.

Въ томъ же 1599 году, по смерти Михаила Рагозы, митрополитомъ кіевскимъ былъ утвержденъ Ипатій Потѣй, первымъ дѣломъ котораго было вооружиться на Стефана Зизанія, не переставшаго проповѣдывать въ Вильнѣ противъ уніи. Потѣй велѣлъ запечатать церковь въ братскомъ Троицкомъ монастырѣ за то, что монастырь держалъ у себя Зизанія. Старый товарищъ послѣдняго, Юрій Рогатинецъ писалъ къ нему изъ Львова успокоительное письмо: «Пишешь, что запечатали вамъ церковь именемъ Ипатія; не слушайтесь и не злорѣчьте Ипатія, въ отчаяніи его приводя на худшее, откуда возрастаетъ ярость, а не Божіе строеніе. Это не новость въ церкви Божіей: запечатали архіереи

съ римлянами гробъ Христовъ, но силы его не удержали; и Иродъ убивалъ младенцевъ Христа ради, но принялъ конецъ свой, какъ и другіе Божіи противники, которые властью панства своего церкви Божіей противились. Пишешь, что Ипатій написалъ какіе-то разговоры русскаго съ ляхомъ, въ которыхъ говорится, что мы, въ бытность нашу въ Вильнѣ, отдѣлившись отъ нихъ, соединились съ лютеранами. Это ошибка; ибо мы не держимъ дружбы ни съ какими еретиками. А что слышно обо мнѣ, что сношусь съ Ипатіемъ и письмами другъ друга обсылаемъ, то скажу прямо: часто разговариваю я со всякими противными людьми, не держа стороны ихъ, но поступая по овечьему незлобію, мудрости змѣиной и цѣлости голубиной, какъ Христосъ научилъ, что ясно видно изъ разговора и письма моего къ сыну Потѣеву, Яну; копію съ этого письма посылаю къ вамъ». Изъ письма Юріева видно, что вражда между львовскимъ братствомъ и епископомъ Гедеономъ продолжалась: «Посылаю копію и другого сочиненія моего, которое написалъ теперь на погребеніе племянницы своей Анастасіи, умершей подъ мучительствомъ Балабановскимъ; увидите, какое согласіе имѣемъ съ Балабаномъ». Когда князь Острожскій пріѣзжалъ во Львовъ, то Балабанъ не показывался ему на глаза.

Князь Константинъ продолжалъ свое старое дѣло: по смерти александрійскаго патріарха Мелетія осталось сочиненіе противъ схизматиковъ и еретиковъ; князь немедленно сталъ хлопотать, чтобъ издать его по-гречески и по-русски, для чего послалъ ко львовскому братству за наборщиками и литерами греческими. Потѣй не былъ также празденъ: въ іюнѣ 1605 года онъ явился въ виленской ратушѣ и объявилъ, что нашелъ въ церкви кревской старинную рукопись съ описаніемъ флорентійскаго собора и съ грамотою къ папѣ Сиксту IV-му отъ кіевскаго митрополита Мисаила, архимандритовъ печерскаго и виленскаго, также отъ великихъ княжатъ и пановъ русскихъ въ 1476 году. Грамота эта была издана имъ въ томъ же 1605 году, какъ доказательство давняго существованія уніи на Руси. Книжка Потѣя была встрѣчена насмѣшками православныхъ, которые въ 1607 году выхлопотали сеймовое опредѣленіе, чтобъ чины и имѣнія духовныя раздавались русскимъ людямъ шляхетнымъ и прямо греческой вѣры; чтобъ отправленіе богослуженія ихъ было свободно; чтобъ

духовныя власти не соединяли въ одномъ лицѣ двухъ должностей и пользованій; въ 1609 году вытребовали, чтобъ ни уніаты православнымъ, ни православные уніатамъ не дѣлали утѣсненія и раздраженія, въ противномъ случаѣ виновные подвергаются пенѣ въ 10,000 злотыхъ. Но раздраженіе не могло уменьшиться, когда въ 1610 году явилось сочиненіе Мелетія Смотрицкаго, скрывавшагося подъ псевдонимомъ Теофила Ортолога: «Плачъ восточной церкви» (Threnos to jest lament jedyney powszechnej Apostolskiej wchodniej Cerkwie). Самое названіе показываетъ, что авторъ всего болѣе хотѣлъ возбудить сочувствіе къ несчастному положенію восточной церкви, готовой принимать гоненіе.

Скарга въ томъ же году написалъ противъ этой книги: «Предостереженіе Руси насчетъ жалобъ и воплей Теофила Ортолога» (Na treny y lamenty Theophila Orthologa do Rusi przestroga); въ 1612 году вышло новое опроверженіе книги Смотрицкаго въ такъ-называемой «Паригоріи, или утоленіи плача» (соч. Мороховскаго); а въ 1617 году вышла книга виленскаго уніатскаго архимандрита Леона Креузы: «Оборона единства церковнаго» (Obrona jednosci cerkiewnej), гдѣ авторъ старался доказать, что унія существовала прежде и въ послѣднее время уніаты поступали законно.

Не уменьшалось раздраженіе, не уменьшались и притѣсненія, которыхъ, по крайней мѣрѣ повидимому, не одобряло правительство; но на правительство мало обращалось вниманія. На сеймѣ 1620 года депутатъ волынскій, Лаврентій Древинскій, говорилъ такую рѣчь: «Въ войнѣ турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратныхъ людей потребуете отъ народа русскаго греческой вѣры, того народа, который если не будетъ удовлетворенъ въ своихъ нуждахъ и просьбахъ, то можетъ ли поставить грудь свою оплотомъ державы вашей? Какъ можетъ онъ стараться о доставленіи отечеству вѣчнаго мира, когда дома не имѣетъ внутренняго спокойствія? Каждый видитъ ясно, какія великія притѣсненія терпитъ этотъ древній русскій народъ относительно своей вѣры. Уже въ большихъ городахъ церкви запечатаны, имѣнія церковныя расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ—тамъ скотъ запираютъ; дѣти безъ крещенія умираютъ; тѣла умершихъ безъ церковнаго обряда изъ городовъ, какъ падаль, вывозятъ; мужья съ женами живутъ безъ брачнаго благо-

словенія; народъ умираетъ безъ исповѣди, безъ пріобщенія. Неужели это не самому Богу обида, и неужели Богъ не будетъ за это мстителемъ? Не говоря о другихъ городахъ, скажу, что во Львовѣ дѣлается: кто не уніатъ, тотъ въ городѣ жить, торговать и въ ремесленные цехи принятъ быть не можетъ; мертвое тѣло погребать, къ больному съ тайнами Христовыми открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ, когда хотятъ погребсти тѣло благочестиваго русскаго, то должны вывозить его въ тѣ ворота, въ которыя одну нечистоту городскую вывозятъ. Монаховъ православныхъ ловятъ на вольной дорогѣ, бьютъ и въ тюрьмы сажаютъ. Въ чины гражданскіе людей достойныхъ и ученыхъ не производятъ потому только, что не уніаты; простаками и невѣжами, изъ которыхъ иной не знаетъ, что такое правосудіе, мѣста наполняютъ въ поношеніе странѣ русской. Деньги у невинныхъ православныхъ безо всякой причины исторгаютъ. Главная причина зла заключается въ томъ, что ваше королевское величество изволите назначать на высшіе саны духовные людей, не зная ихъ происхожденія. Кто не знаетъ, что теперь епископомъ Полоцкимъ сынъ сапожника, сдѣлавшій себѣ шляхетскую фамилію *Кунцевичъ*? Перемышльскій владыка Шишка сынъ пастуха, и теперь родной его дядя въ холопахъ у кіевскаго воеводы. И владимірскій владыка сынъ львовской мѣщанки Стецковой. Холмской владыка Покость сынъ виленскаго купца, обвиненный въ покражѣ сукна, такъ-что еслибъ не спасъ его монашескій клобукъ, то давно былъ бы на висѣлицѣ. Такая-то польза отъ уніи, что въ двадцать лѣтъ не могутъ уніаты доставить кого-нибудь изъ природнаго шляхетства въ епископы! Вотъ и теперь дали намъ въ Луцкъ Почаповскаго, правда, шляхтича, но по лѣтамъ недостойнаго не только епископскаго, даже и дьяконскаго сана: не можемъ называть его отцомъ, потому-что и двадцати лѣтъ ему нѣтъ. Все это неустройство происходитъ отъ того, что принимаютъ посвященіе не отъ законнаго пастыря; отступили они отъ патріарха константинопольскаго, которому искони въ этомъ государствѣ духовная власть принадлежала. Уже двадцать лѣтъ на каждомъ сеймикѣ, на каждомъ сеймѣ горькими слезами молимъ, но вымолить не можемъ, чтобъ оставили насъ при правахъ и вольностяхъ нашихъ. Если и теперь желаніе наше не исполнится, то будемъ принуждены съ пророкомъ возопить: «Суди ми Боже и разсуди прю мою!»

Сеймъ опредѣлилъ подтвердить конституцію 1607 года, чтобъ впредь раздавать духовныя должности и доходы людямъ прямой греческой вѣры. Но для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія православные не хотѣли дожидаться пока перемрутъ всѣ уніатскіе владыки (иные двадцатилѣтніе), и когда, въ томъ же 1620 году, пріѣхалъ въ Западную Россію извѣстный уже намъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, то они просили его поставить имъ на всѣ епархіи православныхъ епископовъ, что̀ и было исполнено. Тутъ-то, имѣя своихъ епископовъ, православные, въ 1621 году, издали правила, которыми хотѣли руководствоваться при бѣдственномъ состояніи своей церкви, издали такъ-называемое «Совѣтованіе о благочестіи». «Все доброе» говорится въ этомъ Совѣтованіи, «должно начаться прежде всего отъ самихъ главъ, т.-е. митрополитъ, епископы и все духовенство да отвергнутъ сперва всякую злобу и грѣхъ отъ самихъ себя. Епископы должны проповѣдать правую вѣру, покаяніе и благочестивыя дѣла, обходя домы благородныхъ; также посылать учениковъ своихъ, способныхъ учить въ церквахъ, а не дожидаться того, чтобъ къ нимъ приходили, кланялись и что-нибудь приносили. Какъ сами епископы, такъ и поставленные и посланные отъ нихъ во всѣхъ церквахъ и на всѣхъ мѣстахъ пусть открыто и явственно поучаютъ, что вѣра Восточной церкви, которую мы нынѣ исповѣдуемъ, есть истинная и спасеніе въ ней несомнѣнное, а въ латино-римской церкви и въ другихъ сборищахъ, отъ нея происшедшихъ, какъ истинной вѣры нѣтъ, такъ и спасенія достигнуть невозможно. Вѣру, догматы и обряды церкви Восточной должны они во всемъ хвалить и одобрять, а другіе отрицать и обличать, впрочемъ, духовно и разсудительно, не злорѣча, но приводя мѣста Писанія, сильные примѣры и доказательства, и это обнародывать посредствомъ письма. Въ іереи посвящать достойныхъ, разумныхъ и несомнѣнныхъ ревнителей благочестія, даромъ, а не изъ корысти, которой, ни самимъ отъ себя, ни чрезъ своихъ намѣстниковъ, не требовать ни подъ какимъ предлогомъ, ни чрезъ какіе намеки о своихъ нуждахъ и недостаткахъ. Возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству какъ самихъ себя, такъ и сердца народа. Писать и печатать въ защиту благочестія книги; противникамъ возражать письменно, но только съ совѣта другихъ, ибо у нашихъ разномысліе, а у противниковъ убѣжде-

ніе въ своихъ вѣрованіяхъ и злоба въ сердцахъ на насъ. Съ отступниками-уніатами не сообщаться и народу на исповѣди то же внушать; а обращающихся въ православіе принимать только на степень кающихся. Учреждать соборы. Чтобъ въ церквахъ каждый воскресный день и праздникъ была проповѣдь. Учреждать по городамъ школы. Учреждать братства. Нужно и то намъ принять во вниманіе, что Ипатій Потѣй, Рагоза и другіе ихъ единомышленники были не малыя головы; несмотря на то, предки наши, и многіе изъ нихъ весьма простые, дерзали обличать ихъ безбоязненно: то же прилично дѣлать и всѣмъ православнымъ. Такъ какъ св. апостолъ Андрей есть первый архіепископъ константинопольскій, патріархъ вселенскій и апостолъ русскій, на кіевскихъ горахъ стояли ноги его, очи его Россію видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посѣялъ: то справедливымъ и богоугоднымъ будетъ дѣломъ возобновить торжественно и нарочито его праздникъ. Воистину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ народовъ, ибо и въ ней просвѣтителемъ былъ апостолъ. Послать къ константинопольскому патріарху за благословеніемъ, помощью и совѣтомъ; послать и на святую Аѳонскую гору, чтобъ вызвать и привести преподобныхъ мужей русскихъ, въ томъ числѣ блаженныхъ Кипріана и Іоанна, прозваніемъ Вишенскаго, и прочихъ тамъ находящихся, процвѣтающихъ жизнію и богословіемъ. Предстоитъ также духовная потребность и русскихъ, искренно расположенныхъ къ добродѣтельной жизни, посылать на Аѳонъ, какъ въ школу духовную. Если нельзя обращать самихъ папистовъ и дружину ихъ или исчадіе, т.-е. аріанъ, евангеликовъ и лютеранъ, то, по крайней мѣрѣ, всѣми силами стараться отыскивать всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые отъ восточной церкви и отъ насъ отступили. Къ этому обязываются архіереи ради спасенія души, ибо отступники шляхта сильно вредятъ намъ и соблазняютъ невинныхъ».

Въ то время, какъ православные, получивши своихъ архіереевъ, составляли такую программу для ихъ дѣятельности, понятно, какъ должны были взволноваться уніаты, особенно архіереи ихъ, увидавъ подлѣ себя опасныхъ соперниковъ. Чтобъ ослабить новую тѣсную связь православныхъ съ греческою церковію, начали разглашать, что православные хотятъ измѣнить Польшѣ, готовы передаться туркамъ. Мелетій Смотрицкій, посвященный Ѳеофа-

номъ въ епископы полоцкіе, написалъ въ защиту своихъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Verificatia niewinnosci». Уніаты отвѣчали сочиненіемъ «*Sowita vina*» и посланіемъ къ монахамъ Духова Виленскаго монастыря. Надобно замѣтить, что знаменитое Виленское братство вслѣдствіе уніи раздѣлилось: Троицкое братство осталось за уніатами и очень ослабѣло, потому что большая часть братьевъ, не захотѣвшихъ принять уніи, устроили себѣ новое братство при монастырѣ св. Духа, и сильная борьба началась между обоими братствами. Духово братство издало защиту верификаціи (Obrona werificaciej od obrazy Majestatu etc. 1621). Здѣсь защищается постановленіе, чтобъ епископы не брали своихъ мѣстъ отъ свѣтской власти; постановленіе это выставляется правомъ русской церкви, при которомъ русскіе соединились съ поляками какъ равные съ равными; право это подтверждено королями. Защищается положеніе, что митрополитъ и епископы должны поставляться патріархомъ константинопольскимъ, который на Русь имѣетъ право, канонами вселенскихъ соборовъ подтвержденное. Obrona оканчивается такъ: «О насиліи наша сторона не мыслитъ: Господу Богу и справедливому королевскому декрету дѣло свое поручаетъ. Научились мы въ церкви Божіей терпѣть насиліе, не производить его. Изгнанія нашихъ изъ рады городовой, изъ цеховъ, лишеніе вольности право не допуститъ. Не думай, что съ паденіемъ вашей уніи права въ отчизнѣ нашей и справедливость свѣта упасть должны: Теренціевъ дурень Тразонъ думалъ, что когда онъ упадетъ, то и небо съ нимъ вмѣстѣ упасть должно. Еслибъ такъ начали дѣлать, какъ ты говоришь, то это повело бы не къ успокоенію Руси, но къ отнятію покоя, сдѣлало бы русскихъ изгнанниками изъ отчизны. Тогда отплатила бы Литва русскому народу, а Польша греческому (отъ которыхъ свѣтомъ вѣры христіанской просвѣщены, какъ въ отдѣлѣ шестомъ доказано), какъ злой сынъ доброй матери за хорошее воспитаніе, воткнувши ножъ ей въ сердце». Въ упомянутомъ шестомъ отдѣлѣ говорится, что Святополкъ Моравскій, принявшій греческую вѣру отъ Меѳодія, обратилъ въ христіанство Буривоя чешскаго и жену его Людмилу, а черезъ чешскую княжну Дубровку принялъ православіе и Мечиславъ польскій; въ Литвѣ Олгердъ, женатый, на двухъ русскихъ княжнахъ, принялъ русскую вѣру и сыновей своихъ въ ней окрестилъ. Такъ религіозная полемика повела къ историческимъ розысканіямъ.

Но одною книжною борьбою не ограничились. Когда патріархъ Θеофанъ поставилъ въ Полоцкъ епископомъ Мелетія Смотрицкаго, то почти всѣ жители перешли на его сторону; тогда уніатскій полоцкій владыка Іосафатъ Кунцевичъ, человѣкъ страстный, фанатикъ, рѣшился поддержать себя и унію средствами отчаянными, которыя вызвали ему сильный упрекъ со стороны канцлера литовскаго, Льва Сапѣги; Сапѣгу нельзя заподозрить въ пристрастіи къ православію, но онъ прежде всего видѣлъ неполитичность мѣръ Кунцевича съ братіею. «Безспорно (писалъ Сапѣга Кунцевичу 12 марта 1622 года), что я самъ хлопоталъ объ уніи и покинуть ее было бы неблагоразумно; но мнѣ никогда на мысль не приходило, чтобъ вы рѣшились приводить къ ней такими насильственными средствами. Уличаютъ васъ жалобы, поданныя на васъ въ Польшѣ и Литвѣ. Развѣ неизвѣстенъ вамъ ропотъ глупаго народа, его рѣчи, что онъ лучше хочетъ быть въ турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣть такое притѣсненіе своей вѣрѣ? По словамъ вашимъ, только нѣкоторые монахи епархіи Борецкаго (новаго православнаго кіевскаго митрополита) и Смотрицкаго и нѣсколько кіевской шляхты противятся уніи; но просьба королю подана отъ войска Запорожскаго, чтобъ Борецкаго и Смотрицкаго въ ихъ епархіяхъ утвердить, а васъ и товарищей вашихъ свергнуть; и на сеймахъ мало ли у насъ жалобъ отъ всей Украйны и отъ всей Руси, а не отъ нѣсколькихъ только чернецовъ! Поступки ваши, проистекающіе болѣе изъ тщеславія и частной ненависти, нежели изъ любви къ ближнему, обнаруженные въ противность священной волѣ и даже запрещенію республики, произвели тѣ опасныя искры, которыя угрожаютъ всѣмъ намъ или очень опаснымъ, или даже всеистребительнымъ пожаромъ. Отъ повиновенія козаковъ больше государству пользы, чѣмъ отъ вашей уніи, почему и должны вы сообразаться съ волею короля и съ намѣреніями государственными, зная, что власть ваша ограничена и что покушеніе ваше на то, что противно спокойствію и пользѣ общественной, можетъ по справедливости почесться оскорбленіемъ величества. Еслибы вы посмѣли сдѣлать что-нибудь подобное въ Римѣ или Венеціи, то васъ бы научили тамъ, какое надобно имѣть уваженіе къ государству. Пишете объ обращеніи отщепенцевъ: надобно стараться объ этомъ обращеніи, чтобъ было едино стадо и единъ пастырь; но при этомъ на-

добно поступать благоразумно, сообразоваться съ обстоятельствами времени, какъ въ такомъ дѣлѣ, которое зависитъ отъ свободнаго желанія, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ не прилагается изреченіе: *понуди внити*. Что касается до опасности жизни вашей, то каждый самъ причиною бѣды своей: надобно пользоваться обстоятельствами, а не предаваться безразсудно своему стремленію. Я обязанъ, говорите вы, послѣдовать епископамъ. Вы обязаны подражать св. епископамъ въ терпѣніи, благочестіи, въ показаніи добрыхъ примѣровъ. Прочтите житія всѣхъ благочестивыхъ епископовъ: не сыщете въ нихъ ни жалобъ, ни объявленій, ни исковъ, ни судебныхъ свидѣтельствъ. А у васъ суды, магистраты, трибуналы, ратуши, канцеляріи наполнены позвами, тяжбами, доносами; но этимъ не только не утвердится унія, но послѣдній въ обществѣ союзъ любви расторгнется. Долгъ мудраго испытать всѣ способы благоразумія прежде, нежели взяться за оружіе. Не писать колкихъ писемъ къ начальству, не отвѣчать съ угрозами такъ, какъ вы дѣлаете: апостолы и другіе святые никогда такъ не поступали. Говорите, что вольно вамъ неуніатовъ топить, рубить: нѣтъ, заповѣдь Господня всѣмъ мстителямъ строгое сдѣлала запрещеніе, которое и васъ касается. Пишете, что на сеймѣ укоряютъ не только унію, но и все благочестивое римское духовенство; но кто тому причиною? Когда насилуете совѣсти людскія, когда запираете церкви, чтобъ люди безъ благочестія, безъ христіанскихъ обрядовъ, безъ священныхъ требъ пропадали, какъ невѣрные, когда своевольно злоупотребляете милостями и преимуществами, отъ короля полученными, то дѣло обходится и безъ насъ; когда же, по поводу этихъ безпутствъ, въ народѣ волненіе, которое надобно усмирять, то нами дыры затыкать! Поэтому противная сторона и думаетъ, что мы съ вами составили заговоръ для притѣсненія народной совѣсти и для нарушенія общаго покоя, чего никогда не бывало. Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, которую бы вы и берегли для себя, и въ званіи, въ которое призваны, оставались бы спокойно, а не подвергали бы насъ общенародной ненависти, самихъ же себя опасности и порицанію. Вы требуете, чтобы непринимающихъ унію изгнать изъ государства: да спасетъ Богъ наше отечество отъ такого величайшаго беззаконія! Давно въ этихъ областяхъ водворилась святая римско-католическая вѣра,

и пока не имѣла она подражательницы благочестія и повиновенія св. отцу, до тѣхъ поръ славилась миролюбіемъ и могуществомъ какъ внутри, такъ и внѣ государства; но теперь, принявъ въ сообщество сварливую и безпокойную подругу, терпитъ, по ея причинѣ, на каждомъ сеймѣ, въ каждомъ собраніи многочисленные раздоры и порицанія. Кажется, лучше и полезнѣе было бы для общества разорвать съ этою неугомонною союзницею, ибо мы никогда въ отечествѣ своемъ не имѣли такихъ раздоровъ, какіе родила намъ эта благовидная унія. Христосъ не печаталъ и не запиралъ церквей, какъ вы это дѣлаете. «Имѣютъ» говорите: «священниковъ благочинныхъ!» Дай Богъ, чтобъ ихъ было довольно! Но недостаточно, что вы ихъ сами хвалите: собственная хвала всегда подозрительна. Надобно, чтобъ иновѣрные видѣли добрыя дѣла и послѣдовали стезямъ ихъ. Но я слышу, какихъ вы священниковъ рукополагаете! такихъ, отъ которыхъ церкви больше разоренія, чѣмъ созиданія. Печатать и запирать церкви и ругаться надъ кѣмъ-либо ведетъ только къ пагубному разрушенію братскаго единомыслія и взаимнаго согласія. Покажите, кого вы пріобрѣли, кого уловили своею суровостію, строгими мѣрами, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Вмѣсто того, откроется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Полоцкѣ у васъ въ послушаніи были. Изъ овецъ сдѣлали вы ихъ козлищами, навели опасность государству, а, можетъ быть, и гибель всѣмъ намъ, католикамъ. Вотъ плоды вашей хваленой уніи, ибо если отечество потрясется, то не знаю, что въ то время съ вашею уніею будетъ! Вы ссылаетесь на предписаніе верховнаго пастыря: но еслибы святой отецъ видѣлъ, какія, по причинѣ вашей уніи, происходятъ въ отечествѣ нашемъ неустройства, то безъ сомнѣнія, соизволилъ бы на то, чему вы такъ упорно противоборствуете. Король приказываетъ церковь ихъ въ Могилевѣ распечатать и отпереть, о чемъ я, по его приказанію, къ вамъ пишу, и если вы этого не исполните, то я самъ велю ее распечатать и имъ отдать; жидамъ и татарамъ не запрещается въ областяхъ королевскихъ имѣть свои синагоги и мечети, а вы печатаете христіанскія церкви! Вы говорите: «Справедливо ли будетъ оказывать такое снисхожденіе для неизвѣстнаго будущаго спокойствія!» Отвѣчаю: не только справедливо, но и нужно, потому что неминуемо родится въ обществѣ неустройство, если будемъ

дѣлать имъ еще бо́льшія притѣсненія въ вѣрѣ. Уже гремятъ вездѣ слухи, что они хотятъ навсегда разорвать съ нами всякій союзъ. Что касается полочанъ и другихъ крамольниковъ противъ васъ, то, можетъ статься, они и въ самомъ дѣлѣ таковы, но сами вы побудили ихъ къ возмущеніямъ. Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Козелецъ и многіе другіе города унія отъ насъ отторгнула; она главная виновница тому, что народъ московскій отъ королевича устраняется, какъ это очевидно изъ русскихъ писемъ, присланныхъ къ нашимъ вельможамъ, и потому не желаемъ, чтобъ эта пагубная унія въ конецъ насъ разорила.»

Опасенія Кунцевича за свою жизнь сбылись: въ ноябрѣ 1623 года онъ былъ умерщвленъ жителями Витебска. Легко понять, какое пятно это печальное событіе положило на православныхъ, которые до сихъ поръ могли говорить: «О насиліи наша сторона не мыслитъ». Легко понять, что противники поспѣшили воспользоваться пораженіемъ, которое жители Витебска нанесли своей сторонѣ, поспѣшили разнести по католическому міру вѣсть о мученичествѣ Кунцевича. Правительство, какъ правительство, обязано было поступить строго съ убійцами и безъ всякихъ другихъ побужденій, не нуждаясь въ увѣщаніяхъ папы, который, вопреки мнѣнію Льва Сапѣги, побуждалъ дѣйствовать совершенно въ духѣ Кунцевича; вотъ письмо Урбана VIII къ королю отъ 10-го февраля 1624: «Враги наши не спятъ, день и ночь отецъ вражды плевелы сѣетъ, дабы въ вертоградѣ церковномъ терніе произрастало вмѣсто пшеницы. Слѣдуетъ и намъ съ неменьшимъ прилежаніемъ исторгать ядовитые корни и обрѣзывать безполезныя вѣтви. Иначе всѣ страны заглохнутъ, и тѣ изъ нихъ, которыя должны быть раемъ Господнимъ, станутъ разсадниками ядовитыхъ растеній и пастбищами драконовъ. Какъ легко это можетъ случиться въ Россіи, научаютъ настоящія бѣдствія. Непримиримый врагъ католической религіи, ересь схизматическая, чудовище нечестивыхъ догматовъ, вторгается въ сосѣднія провинціи и, хитро прокравшись въ совѣщанія козацкія, вооружившись силами храбрѣйшихъ воиновъ, осмѣливается защищать дѣло сатаны и грозить гибелью православной истинѣ. Возстань, о царь, знаменитый пораженіями Турокъ и ненавистію нечестивыхъ! прими оружіе и щитъ и, если общее благо требуетъ, мечомъ и огнемъ истребляй эту язву. Дошла до насъ вѣсть, что тамъ устроиваются схизма-

тическія братства, издаются новые законы противъ уніатовъ; пусть королевская власть, долженствующая быть защитою вѣры, сдержитъ такое святотатственное буйство. Такъ какъ нечестіе обыкновенно презираетъ угрозы, наказаніями невооруженныя, то да постарается твое величество, чтобъ лже-епископы русскіе, стремящіеся возбуждать волненія и господствовать въ козацкихъ кругахъ, достойное такого дерзкаго поступка понесли наказаніе. Да испытаетъ силу королевскаго гнѣва факелъ мятежа и вождь злодѣевъ, патріархъ іерусалимскій, и своимъ бѣдствіемъ сдержитъ дерзость остальныхъ. Хотя это и кажется дѣломъ труднымъ, однако чего не преодолѣетъ благочестіе, покровительствуемое небомъ и вооруженное королевскою властію? Извѣстный Никифоръ грекъ, который, сдѣлавшись оруженосцемъ дьявола и знаменосцемъ мятежей, возбудилъ столько бурь противъ русскихъ уніатовъ, запертый наконецъ въ вѣчную темницу, примѣромъ своимъ показалъ, что преступленіе не только отвратительно само по себѣ, но и гибельно по своимъ слѣдствіямъ. Если дерзость схизматическая часто будетъ видѣть подобные примѣры, то не такъ будетъ выситься и научится бояться Господа отмщеній. Вслѣдствіе этого просимъ твое величество, защищай это дѣло всею своею ревностію и властію, и, прежде всего, позволь уніатскимъ епископамъ имѣть свободный доступъ ко дворцу и въ совѣты королевскіе, и чтобъ они ни въ чемъ не были ниже остальныхъ епископовъ». Въ то же время Урбанъ писалъ объ убійствѣ Кунцевича: «Кто дастъ очамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобъ могли мы оплакать жестокость схизматиковъ и смерть полоцкаго архіепископа?... Гдѣ столь жестокое преступленіе вопіетъ о мщеніи, проклятъ человѣкъ, который удерживаетъ мечъ свой отъ крови! Итакъ, могущественнѣйшій король! ты не долженъ удерживаться отъ меча и огня. Да почувствуетъ ересь, что за преступленіями слѣдуютъ наказанія. При такихъ отвратительныхъ преступленіяхъ милосердіе есть жестокость». Папа не довольствовался письмами къ королю: онъ писалъ ко многимъ епископамъ и свѣтскимъ лицамъ, требуя гоненія на православныхъ епископовъ, грозя бѣдою, которая произойдетъ отъ связи ихъ съ козаками [6 b].

Левъ Сапѣга, недавно бывшій обличителемъ Кунцевича, теперь долженъ былъ принять на себя предсѣдательство въ коммиссіи, назначенной для суда надъ убійцами Кунцевича. Коммиссары пpі-

ѣхали въ Витебскъ, окруженные войсками, пѣшимъ и коннымъ, изъ боязни козаковъ, къ которымъ жители Витебска обратились съ просьбою о помощи. Въ три дня коммиссія кончила свое дѣло: два бурмистра и 18 другихъ горожанъ погибли на плахѣ; имѣнія ихъ были конфискованы; около ста горожанъ, спасшихся бѣгствомъ, приговорены къ смерти и имѣнія ихъ также конфискованы; городъ потерялъ всѣ свои привилегіи; ратуша была разрушена; колокола, въ которые били въ набатъ, поднимая народъ противъ епископа, были сняты; двѣ православныя церкви разрушены. Уніатскій митрополитъ кіевскій, Іосифъ рутскій, извѣщая объ этомъ кардинала Бандина, такъ оканчиваетъ свое письмо: «Великій страхъ послѣ этого напалъ на схизматиковъ; начали понимать, что когда сенаторы *хотятъ* приводить въ исполненіе приказы королевскіе, то не боятся могущества козацкаго».

Итакъ, имя козаковъ въ устахъ у папы, у митрополита уніатскаго; вмѣсто Острожскихъ и Тышкевичей козаки являются главными защитниками православія. Мы видѣли, какъ дурно кончилось козацкое дѣло въ концѣ XVI вѣка. Послѣ этого мы встрѣчаемъ въ западно-русскихъ лѣтописяхъ извѣстія о такихъ поступкахъ козаковъ, которые, конечно, не могли снискать имъ любви остального народонаселенія. Такъ лѣтопись говоритъ подъ 1601 годомъ: были въ Швеціи козаки запорожскіе, числомъ 4,000, надъ ними былъ гетманомъ Самуилъ-Кошка, тамъ этого Самуила и убили. Козаки въ Швеціи ничего добраго не сдѣлали, ни гетману, ни королю не пособили, только на Руси Полоцку великій вредъ сдѣлали, и городъ славный Витебскъ опустошили, золота и серебра множество набрали, мѣщанъ знатныхъ рубили, и такую содомію чинили, что хуже злыхъ непріятелей или татаръ. Подъ 1603 годомъ: были козаки запорожскіе, какой-то гетманъ, именемъ Иванъ Куцка, съ 4,000 народа, брали приставство съ волостей боркулабовской и шупенской, грошей копъ 50, жита мѣръ 500 и т. д. Въ томъ же году, въ городѣ Могилевѣ Иванъ Куцка сдалъ гетманство, потому-что въ войскѣ было великое своевольство: что кто хочетъ, то и дѣлаетъ; пріѣхалъ посланецъ отъ короля и пановъ радныхъ, напоминалъ, грозилъ козакамъ, чтобъ они никакого насилія въ городѣ и по селамъ не дѣлали. Къ этому посланцу приносилъ одинъ мѣщанинъ на рукахъ дѣвочку шести лѣтъ, прибитую и изнасилованную, едва живую; горько, страшно было

глядѣть; всѣ люди плакали, Богу Создателю молились, чтобъ такихъ своевольниковъ истребилъ навѣки. А когда козаки назадъ на Низъ поѣхали, то великіе убытки селамъ и городамъ дѣлали, женщинъ, дѣвицъ, дѣтей и лошадей съ собою много брали; одинъ козакъ велъ лошадей 8, 10, 12, дѣтей 3, 4, женщинъ или дѣвицъ 4 или 3.

Званіе гетмана козацкаго успѣлъ пріобрѣсть въ это время извѣстный уже намъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, шляхтичъ по происхожденію, человѣкъ очень умный, искусный полководецъ; чтобъ избѣгать ссоръ съ правительствомъ, т.-е. съ панами, онъ старался отдѣлить дѣло козацкое отъ дѣла простонародья. «Конашевичъ» говоритъ одинъ лѣтописецъ: «всегда въ миру съ панами жилъ, за-то козакамъ и хорошо было, только поспольство очень терпѣло». Кромѣ того, Сагайдачный служилъ хорошую службу польскому правительству на войнѣ, ходилъ подъ Москву на помощь къ Владиславу, дрался съ турками и татарами; козаки его играли главную роль въ знаменитой Хотинской битвѣ (1621 года), гдѣ Польша была спасена отъ нашествія султана Османа, которое, какъ мы видѣли, должно было соединиться и съ московскою войною. Но это былъ послѣдній подвигъ Сагайдачнаго: получивъ тяжкую рану, онъ удалился въ Кіевъ и умеръ здѣсь въ слѣдующемъ 1622 году. Служа королю польскому, живя всегда въ миру съ панами, Сагайдачный счелъ не безполезнымъ для себя объявить свою службу и царю московскому. Въ мартѣ 1620 года явился въ Москву посланецъ Сагайдачнаго, атаманъ Петръ Одинецъ съ товарищами, и говорилъ: «Прислали ихъ все запорожское войско, гетманъ Сагайдачный съ товарищами, бить челомъ государю, объявляя свою службу, что они всѣ хотятъ ему великому государю служить головами своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ великимъ россійскимъ государямъ и въ ихъ государскихъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили, крымскіе улусы громили. Теперь они такъ же служатъ великому государю, ходили на крымскіе улусы, а было ихъ съ 5,000 человѣкъ, было имъ съ крымскими людьми дѣло по сю сторону Перекопи подъ самою стѣною; татаръ было на Перекопи съ 7,000 человѣкъ, а на заставѣ съ 11,000; Божіею милостію и государевымъ счастіемъ татаръ они многихъ побили, народъ христіанскій многій изъ рукъ татарскихъ высвободили;

съ этою службою и съ языками татарскими присланы они къ государю: воленъ Богъ да царское величество, какъ ихъ пожалуетъ, а они всѣми головами своими хотятъ служить его царскому величеству и его къ царской милости къ себѣ нынѣ и впередъ искать хотятъ». Думный дьякъ Грамотинъ, похваливши ихъ за службу, сказалъ: «Здѣсь въ россійскомъ государствѣ слухъ было понесся, что польскій Жигимонтъ король учинился съ турскимъ въ миру и въ дружбѣ, а на ихъ вѣру хочетъ наступить: такъ они бы объявили, какъ польскій король съ турскимъ, папою и цесаремъ? а на ихъ вѣру отъ поляковъ какого посяганья нѣтъ ли?» Черкасы отвѣчали: «Посяганья на насъ отъ польскаго короля никакого не бывало; съ турскимъ онъ въ миру, а на море намъ на турскихъ людей ходить запрещено изъ Запорожья, но изъ малыхъ рѣчекъ ходить не запрещено; про цесаря и про папу мы ничего не знаемъ, и на Крымъ намъ ходить не заказано. На весну всѣ мы идемъ въ Запорожье, а царскому величеству всѣ бьемъ челомъ, чтобъ насъ государь пожаловалъ какъ своихъ холопей». Царь послалъ Сагайдачному 300 рублей легкаго жалованья и писалъ въ грамотѣ: «Впередъ мы васъ въ вашемъ жалованьи забвенныхъ не учинимъ, смотря по вашей службѣ; а на крымскіе улусы нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымскій Джанибекъ-Гирей царь на наши государства войною не ходитъ и наши люди также крымскимъ улусамъ вреда никакого не дѣлаютъ» [7].

Несмотря однако на то, что Сагайдачный умѣлъ жить въ миру съ панами, полнаго примиренія съ козаками въ государствѣ не было и сильно занималъ вопросъ, нужно ли оставить козаковъ, или надобно ихъ уничтожить? Мы видѣли, что этотъ вопросъ былъ поставленъ въ договорѣ, заключенномъ русскими тушинцами подъ Смоленскомъ съ королемъ Сигизмундомъ; въ 1617 году заключенъ былъ миръ съ турками, по которому поляки обязались не допускать козаковъ до плаванія по Черному морю. Но козаки днѣпровскіе, точно такъ же, какъ и донскіе, не могли не громить турецкихъ кораблей, иначе имъ негдѣ было достать себѣ зипуновъ. Благодаря козакамъ, миръ съ Турціею не могъ быть надеженъ; поэтому опять поднялся вопросъ: быть или не быть козакамъ? въ 1618 году извѣстный публицистъ польскій, Пальчовскій, призналъ нужнымъ издать книжку: *О козакахъ — уни-*

чтожить ихъ или нѣтъ? Авторъ даетъ отвѣтъ отрицательный; по его мнѣнію, истребить козаковъ *безчестно*, *безполезно* и *невозможно*. *Безчестно:* ибо это значитъ исполнить требованіе непріятеля турка, истребить христіанъ, тогда какъ Украйна при дворахъ европейскихъ считается единственною оградою христіанства. *Безполезно*: если не будемъ имѣть сосѣдями козаковъ, то будемъ имѣть сосѣдями турокъ и татаръ: что лучше? *Невозможно:* еще при королѣ Стефанѣ хотѣли истребить козаковъ, да отложили намѣреніе за невозможностію, а тогда козаковъ было гораздо меньше, чѣмъ теперь. Если кто скажетъ, что можно, нѣмецкихъ рыцарей уничтожили же, то отвѣчаю: «съ нѣмецкимъ орденомъ Польша боролась 200 лѣтъ, пока его уничтожила; кто будетъ совѣтовать начать двухсотлѣтнюю борьбу съ козаками для ихъ уничтоженія, того надобно подвергнуть остракизму.»

По смерти Сагайдачнаго, усилившіяся волненія религіозныя, борьба уніатскихъ епископовъ съ православными, усилившееся гоненіе на православныхъ, убійство главнаго гонителя Кунцевича—все это выдвигало козаковъ на первый планъ, какъ защитниковъ православія, тѣмъ болѣе, что православная западно-русская церковь получила теперь, въ лицѣ митрополита Іова Борецкаго, правителя энергическаго, не похожаго на Онисифора Дѣвочку и Михаила Рагозу. Борецкій понималъ смыслъ того крика народнаго, который такъ обезпокоилъ Льва Сапѣгу: «Лучше въ неволю турецкую, чѣмъ терпѣть такія притѣсненія!» Но Борецкій не хотѣлъ идти въ неволю турецкую: у него были подъ руками козаки, у него была еще Москва въ виду. Въ концѣ 1624 года встало волненіе въ Кіевѣ; войтъ Ѳедоръ Ходыка, да мѣщанинъ Созонъ вздумали печатать церкви православныя; митрополитъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетманъ прислалъ въ Кіевъ двоихъ полковниковъ, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велѣлъ имъ въ окольныхъ кіевскихъ городахъ собраться съ тамошними козаками и идти въ Кіевъ для оберeганія вѣры христіанской; полковники исполнили порученіе, явились въ Кіевѣ въ 1625 году послѣ Крещенья, распечатали церкви и схватили Ходыку съ тѣми мѣщанами, которые умышляли вмѣстѣ съ нимъ противъ православія.

Разумѣется, такое распоряженіе не могло обѣщать ничего хо-

рошаго Борецкому со стороны польскаго правительства, и вотъ въ февралѣ 1625 года пріѣхалъ въ Москву отъ кіевскаго митрополита луцкій епископъ Исакій съ просьбою, чтобъ государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку и простилъ козакамъ ихъ вины. Бояре отвѣчали Исакію: «Какъ видно изъ твоихъ рѣчей, мысль эта въ самихъ васъ еще не утвердилась, укрѣпленья объ этомъ между вами еще нѣтъ; про козаковъ ты сказалъ, что ихъ столько не будетъ, чтобъ стоять противъ Поляковъ однимъ безъ помощи, и говоришь, что теперь запорожское войско идетъ на весну моремъ на турокъ: такъ теперь царскому величеству этого дѣла начать нельзя. А если впередъ вамъ отъ поляковъ въ вѣрѣ будетъ утѣсненіе, а у васъ противъ нихъ будетъ соединеніе и укрѣпленіе, тогда вы царскому величеству и святѣйшему патріарху дайте знать; тогда царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленьи видѣть». Исакій отвѣчалъ: «У насъ та мысль крѣпка, мы всѣ царской милости рады и подъ государевою рукою быть хотимъ, объ этомъ совѣтоваться между собою будемъ, а теперь боимся, если Поляки на насъ наступятъ скоро, то намъ кромѣ государской милости дѣться негдѣ. Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы, отринуть не велѣлъ, а имъ кромѣ государя дѣться негдѣ» [8].

Распоряженія козаковъ въ Кіевѣ и вмѣшательство ихъ въ дѣла крымскія, гдѣ они поддерживали хана, враждебнаго туркамъ, жалобы султана по этому случаю — все это заставило гетмана польскаго Станислава Конецпольскаго, въ концѣ сентября 1625 года, вступить въ Украйну съ 30,000 своего войска и съ 3,000 нѣмцевъ цесарскихъ. Между русскими пошелъ слухъ, что Конецпольскій пришелъ козаковъ уменьшить и, уменьша козаковъ, вѣру римскую въ Кіевѣ и во всѣхъ литовскихъ городахъ ввести. Въ Каневѣ и Черкасахъ Поляки много козаковъ побили и мѣста ихъ козацкія разорили. Выступивъ изъ Черкасъ, Конецпольскій сталъ обозомъ въ десяти верстахъ ниже Крылова; по ту же сторону Днѣпра стали обозомъ и козаки, пришедшіе изъ Запорожья, и городовые, тысячъ съ 20, съ полковниками Дорошенкомъ, Измаиломъ, Олиферомъ, да съ Пырскимъ, что у нихъ былъ гетма-

номъ въ Запорогахъ. Гетманство дано было Измаилу. 26 октября произошелъ у нихъ бой съ поляками; послѣдніе одолѣли, козаки отступили и расположились надъ Куруковымъ озеромъ, гдѣ поляки должны были снова ихъ добывать съ большою для себя потерею: нѣсколько знатныхъ людей у нихъ погибло, убито было множество лошадей. Но потеря козаковъ была еще значительнѣе; они не видали болѣе возможности держаться, свергнули Измаила, выбрали въ гетманы Михайлу Дорошенка и вступили въ переговоры съ Конецпольскимъ. Коммиссія, собравшаяся подъ предсѣдательствомъ Конецпольскаго въ урочищѣ Медвѣжьи Лозы, объявила козакамъ слѣдующіе обвинительные пункты: 1) непослушаніе ихъ республикѣ обнаружилось въ частыхъ походахъ на море, навлекшихъ на Польшу войну турецкую: козаки выходили въ море въ то самое время, когда знатный посолъ польскій, панъ конюшій коронный, обѣщалъ отъ нихъ покой султану. 2) Войско запорожское ссылается съ Москвою, съ которою у Польши вѣрнаго мира нѣтъ, одно кратковременное перемиріе; козаки даютъ московскому титулъ царскій; ссылаются съ Шагинъ-Гиреемъ крымскимъ безъ вѣдома республики; заключили союзъ съ нимъ и людей на помощь ему посылали. 3) Козаки принимаютъ къ себѣ людей духовныхъ (напримѣръ іерусалимскаго патріарха), разныхъ обманщиковъ, которые называются цариками турецкими, господариками волошскими. 4) Вопреки власти королевской, козаки сажаютъ другихъ митрополитовъ и владыкъ при жизни старыхъ. 5) Подданные шляхты и державцевъ, отказавшись отъ послушанія господамъ своимъ, съ помощью козаковъ нападаютъ на послѣднихъ, какъ на злодѣевъ, землю себѣ берутъ, пожитки и доходы у людей заслуженныхъ отнимаютъ. 6) Недавно на Кіевъ напали, войта, человѣка добраго, и попа своей религіи невинно умертвили, иныхъ въ тюрьму посажали и на поруки отдали, имѣніе отняли; на монастырь кіевскій непріятельски напали, землю у него отняли и хуторъ на ней поставили; намѣстника подвоеводскаго обезчестили. Разныхъ чиновъ людямъ, духовнымъ, свѣтскимъ, горожанамъ и жидамъ неслыханныя обиды сдѣлали. Изъ этихъ обвиненій вытекали слѣдующія требованія: 1) Чтобы выданы были на казнь всѣ тѣ, которые начальствовали въ походахъ противъ турокъ во время посольства конюшаго короннаго, также всѣ тѣ, которые были виновниками убійствъ кіевскихъ, богу-

славскихъ, корсунскихъ и наѣздовъ на домы шляхетскіе. 2) Чтобъ тѣ, которые ѣздили послами въ Москву, подъ присягою показали, съ чѣмъ туда ѣздили, и грамоты, полученныя отъ московскаго, отдали въ руки коммиссарамъ. 3) Чтобъ объявили, куда дѣвали царика Ахію? 4) Чтобъ сожгли челны въ присутствіи посланцевъ коммиссарскихъ. 5) Чтобъ съ тѣхъ поръ ни одинъ козакъ запорожскій ни Днѣпромъ, ни Дономъ не выходилъ на море. 6) Такъ какъ въ козаки бѣгаютъ подданные отъ пановъ своихъ, ремесленники отъ ремеслъ, и своевольствомъ своимъ чернятъ славу козацкую, то король не позволяетъ увеличивать число козаковъ. Имена всѣхъ козаковъ и домы, гдѣ въ какомъ мѣстѣ живутъ, должны быть написаны на одномъ реестрѣ и за рукою старшаго отосланы въ казну королевскую. 7) Козаки должны повиноваться тому старшинѣ, котораго, по волѣ королевской, гетманъ коронный дастъ имъ изъ ихъ же среды. На этотъ разъ гетманъ утверждаетъ Дорошенка. 8) Козаки не должны вмѣшиваться въ управленіе староствами. 9) Козаки, обвиненные въ насиліяхъ людьми разныхъ чиновъ, должны быть немедленно преданы суду. 10) Козакъ, обвиненный въ чемъ-нибудь, судится сотниками, въ присутствіи подстаросты; если козакъ жалуется не на козака, то послѣдній судится подстаростою, а сами козаки между собою судятся своимъ судомъ. 11) Козаки не должны сноситься съ иностранными государями, постановлять съ ними что-либо и вступать къ нимъ въ службу.

Козаки отвѣчали на обвиненія: 1) Люди, начальствовавшіе въ походѣ противъ турокъ въ бытность конюшаго короннаго у султана, еще до срока выданы и отосланы на сеймъ для наказанія. А такъ какъ намъ жалованье королевское, обѣщанное на прежнихъ коммиссіяхъ, не доходило, то мы должны были сами о себѣ промышлять. 2) Въ Москву посылали мы по давнему обычаю, чтобъ московскій не переставалъ присылать намъ казну. Что же касается до сношеній съ Шагинъ-Гиреемъ, то волна прибила къ крымскому берегу товарищей нашихъ, шедшихъ съ Дону для добычи; этихъ голодныхъ людей Шагинъ-Гирей взялъ къ себѣ въ службу и потомъ прислалъ къ намъ со всѣми христіанами, сколько ихъ тамъ отгромили; притомъ Шагинъ-Гирей обязывался заключить миръ съ королевствомъ польскимъ и намъ казалось, что не должно было откладывать такого дѣла. 3) О патріархѣ и

другихъ духовныхъ король давно знаетъ; мы и духовные наши предъ нимъ оправдались. 4) Относительно пріѣзда цариковъ турецкихъ, московскихъ и господариковъ волошскихъ мы себя виноватыми не считаемъ, потому что искони вольно всякаго титула людямъ за Пороги пріѣзжать и отъѣзжать. 5) Мы обязаны взыскать съ людей, обвиненныхъ въ наѣздахъ и грабежахъ. 6) Относительно войта кіевскаго, попа и другихъ отвѣчаемъ: видя, что дѣлается въ княжествѣ литовскомъ, на Бѣлой Руси, на Волыни и Подолѣ, какія притѣсненія терпятъ церкви наши старой религіи греческой, какъ не позволяютъ духовнымъ нашимъ отправлять въ нихъ богослуженіе, выгоняютъ ихъ изъ приходовъ, отдаютъ во власть уніатамъ, остерегаясь, чтобъ и намъ того же не было, видя, что, по поводу этого попа, войтъ въ Кіевѣ не только церкви печатаетъ, доходы отнимаетъ, но и митрополита и насъ ругаетъ, видя все это, могли ли мы терпѣть? Отдаемъ на разсужденіе вашихъ милостей. 7) Земля, взятая у монастыря кіевскаго, принадлежала церкви св. Василія, а не ему. 8) Въ Корсунѣ и Богуславѣ была месть за тиранское пролитіе крови христіанской. 9) Царикъ Ахія какъ пришелъ невѣдомо откуда, такъ и ушелъ невѣдомо куда. 10) Мы готовы сжечь челны, какъ скоро получимъ за нихъ вознагражденіе. 11) Папы урядники, получая подарки, позволяли всякому уходить къ намъ: вотъ и набралось къ намъ множество народу изъ ремесленниковъ; но теперь мы охотно отдѣлимъ отъ себя всѣхъ неспособныхъ къ войнѣ» [9]. Коммиссія постановила, что впередъ козаки будутъ повиноваться только тому старшему, котораго утвердитъ король и коронный гетманъ; если этотъ старшій не будетъ исполнять своихъ обязанностей, то козаки должны принести жалобу королю и коронному гетману и просить смѣны старшаго; тоже должны дѣлать и по смерти старшаго. Но еслибъ козацкое войско находилось въ дальнемъ разстояніи отъ короля или гетмана, то козаки могутъ избрать старшаго изъ среды себя и вручить ему правленіе до тѣхъ поръ, пока король и коронный гетманъ одобрятъ избраннаго. Форма присяги старшаго была слѣдующая: «Я, Михайла Дорошенко, клянусь Господу Богу, въ Троицѣ Святой Единому, что пресвѣтлѣйшему королю польскому Сигизмунду III и его наслѣдникамъ и республикѣ польской въ сей должности моей, согласно волѣ его королевскаго величества, во всемъ вѣрность и повиновеніе со-

хранять буду, соблюдая во всемъ повелѣнія его королевскаго величества и республики, укрощая всякое своеволіе и непослушаніе, а именно: ни я самъ, ни посредствомъ другихъ противъ турецкаго императора, ни сухимъ путемъ, ни моремъ, не буду ходить и воевать, развѣ только по повелѣнію его королевскаго величества и республики. Напротивъ того, еслибъ кто изъ войска его королевскаго величества, мнѣ ввѣреннаго, или же кто со стороны вознамѣрился то сдѣлать, и я про то зналъ бы, то обязываюсь доносить объ этомъ его королевскому величеству и коронному гетману и таковымъ нарушителямъ королевскаго повелѣнія сопротивляться. Никакихъ полчищъ созывать и собирать, безъ соизволенія его королевскаго величества, не буду, и даже таковыя, по обязанности моей, стану преслѣдовать; а также всѣ условія, въ самомалѣйшихъ пунктахъ въ бумагахъ пановъ коммиссаровъ на Медвѣжьихъ Лазахъ прописанныя, я со всею моею дружиною исполнять буду». Эти пункты были слѣдующіе: число реестровыхъ козаковъ назначается 6,000; они пользуются всѣми правами, полученными отъ прежнихъ королей польскихъ и нынѣ царствующаго Сигизмунда; имъ позволяется снискивать себѣ пропитаніе торговлею, рыбною ловлею и охотою, но безъ вреда угодьямъ старостинскимъ; кромѣ того, ежегодно назначается имъ отъ короны 60,000 злотыхъ жалованья; старшинамъ назначается особое жалованье. Изъ 6,000 реестровыхъ козаковъ 1,000 или болѣе должны находиться за Порогами, наблюдая за движеніями враговъ. Если самъ старшій отправится въ Запорожье, то вмѣсто себя оставляетъ способнаго человѣка. Козаки не должны выходить Днѣпромъ въ море и начинать войну съ какимъ-либо сосѣднимъ государствомъ, и потому всѣ морскія лодки будутъ сожжены въ присутствіи коммиссаровъ. Козакъ не можетъ жить на землѣ прежняго пана своего, если не хочетъ ему повиноваться; ему дается 12 недѣль сроку для очистки дома и земли. Войску ни въ какія дѣла, ему непринадлежащія, не вмѣшиваться; союзовъ съ сосѣдними державами ни подъ какимъ предлогомъ не заключать, пословъ отъ нихъ не принимать и въ службу иностранныхъ владѣтелей не вступать.

Окончивши коммиссію, Конецпольскій пошелъ въ Баръ; паны, бывшіе съ нимъ, разъѣхались по своимъ имѣніямъ; вмѣсто себя

на Украйнѣ гетманъ оставилъ полковника Казановскаго съ 15,000 войска, которое размѣстилось въ Васильковѣ, Треполѣ, Оржищахъ, Стайкахъ, Хвостовѣ, Кіевѣ. Дорошенко съ польскими коммиссарами ѣздилъ по козацкимъ городамъ, разбиралъ козаковъ; по городамъ козаки слушались Дорошенка, потому что лучшіе люди изъ нихъ пристали къ нему; но которыхъ отставляли отъ козачества, тѣ думали посылать бить челомъ царю Михаилу Θедоровичу, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ имъ помощь дать своими государевыми людьми на поляковъ, а они, казаки, станутъ служить государю и города литовскіе будутъ очищать на государево имя, чтобъ имъ православной вѣры не отбыть.

Но козаки, послѣ пораженія отъ Конецпольскаго, были слишкомъ слабы для какого-нибудь важнаго предпріятія. Это пораженіе отняло у Іова Борецкаго надежду произвести посредствомъ козаковъ возстаніе православнаго народонаселенія Турціи во имя искателя турецкаго престола, выдававшаго себя княземъ крови султанской и вмѣстѣ христіаниномъ греческаго исповѣданія. Мы видѣли, что польскіе коммиссары толковали съ козаками о какомъ-то царикѣ Ахіи. Въ концѣ 1625 года явились въ Москву изъ Запорожья козакъ Иванъ Гиря съ товарищами и македонянинъ Маркъ Θедоровъ, посланные къ царю Михаилу отъ Александра Ахіи, который выдавалъ себя за турецкаго царевича, сына султана Магомета; Александръ разсказывалъ, что онъ вывезенъ изъ Турціи матерью своею, гречанкою Еленою, былъ у императора, у герцога флорентійскаго, у короля испанскаго и теперь пріѣхалъ поднимать запорожскихъ козаковъ противъ Турокъ, прислалъ просить помощи и у государя московскаго. Александръ писалъ Михаилу, что будущею весною хочетъ идти по-суху и моремъ въ землю греческую, гдѣ ожидаетъ его большое войско изъ православныхъ болгаръ, сербовъ, албанцевъ и грековъ; всего войска 130,000. Думный дьякъ Грамотинъ отвѣчалъ посланнымъ, что государь желаетъ Александру царевичу всякаго добра, чтобъ сподобилъ его Богъ отцовскаго государства достигнуть, а помочь ему не можетъ, потому что Александръ царевичъ теперь живетъ въ литовской землѣ у запорожскихъ черкасъ, которые послушны польскому королю, а польскій король государю недругъ, и помочь черезъ чужое государство нельзя; да и грамоты теперь царское величество къ Александру царевичу послать не соизволилъ

потому что если литовскій король довѣдается, что Александръ царевичъ ссылается съ царскимъ величествомъ и помощи проситъ, то король не сдѣлалъ бы Александру царевичу какой помѣшки; а для любви царское величество посылаетъ Александру царевичу на 1,000 рублей соболей, лисицъ и бархатовъ золотныхъ. Въ декабрѣ 1625 года путивльскій воевода далъ знать въ Москву, что въ Запорожье собралось было съ Александромъ козаковъ тысячъ съ тридцать; но какъ скоро пришла къ нимъ вѣсть, что гетманъ Конецпольскій съ поляками идетъ на нихъ къ Кіеву, то межь козаками сдѣлалась рознь и разошлись они изъ Запорожья по литовскимъ городамъ, начали собираться противъ гетмана Конецпольскаго. 1 сентября царевичъ Александръ съ своими людьми самъ-пятъ изъ Запорожья поѣхалъ въ литовскую землю и пріѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Іовъ держалъ его тайкомъ отъ поляковъ въ Архангельскомъ монастырѣ и одѣлъ его въ монашеское платье, потому что Конецпольскій вездѣ велѣлъ его сыскивать накрѣпко; а въ ноябрѣ Іову удалось отправить его тайно въ московское государство, велѣвши ему, ѣдучи до Путивля, сказываться купецкимъ человѣкомъ. Когда въ Москвѣ узнали, что Александръ въ Путивлѣ, то государь велѣлъ боярамъ подумать объ этомъ дѣлѣ. Бояре разсуждали: «Это дѣло новое, небывалое! если царевича Александра принять, то не поднять бы на себя турскихъ и крымскихъ людей? Невѣдомо, съ какимъ умысломъ царевичъ Александръ пріѣхалъ въ Путивль: убѣжалъ ли отъ поляковъ, или нарочно ими присланъ, чтобъ государя съ турскимъ поссорить? Взять Александра и отдать его турскому султану за вѣчный миръ, чтобъ султанъ запретилъ крымцамъ нападать на государевы украйны—опасно, чтобъ тѣмъ Бога не прогнѣвать, человѣка христіанина на смерть отдавши. Праведныя судьбы Божіи никому неизвѣстны: что если онъ прямой султана Магомета сынъ и крещенъ въ православную христіанскую вѣру прямо и былъ во многихъ государствахъ и нигдѣ ему зла не сдѣлали! Если его отдать, то Бога бы не прогнѣвать, грековъ и всѣхъ тѣхъ, которые на Александра надѣются, не оскорбить и отъ турскаго въ конечное разоренье не привести; да чтобъ отъ пограничныхъ государей укоризны не было, что человѣка христіанина отдали въ поганскія руки». 17 декабря указалъ государь и бояре приговорили послать въ Путивль дворянина и привезти Александра

въ Мценскъ, гдѣ его и оставить до времени, а для береженья послать 10 человѣкъ стрѣльцовъ. Приставамъ патріархъ Филаретъ наказалъ: если Александръ станетъ проситься въ церковь, то вы бы его въ церковь пускали, а стоять ему въ трапезѣ, которая не освящена, а если станетъ проситься въ церковь, то вы ему отговаривайте, что ему въ церковь ходить въ хохлѣ нельзя, потому что онъ теперь сдѣлалъ себѣ хохолъ и называется полякомъ, а въ россійскомъ государствѣ поляковъ въ церковь не пускаютъ. Александръ билъ челомъ чтобъ государь отпустилъ его къ донскимъ козакамъ, а оттуда онъ пойдетъ на Дунай, въ волошскую землю и Болгарію и иныя страны, которыя признали его государемъ, и чтобъ государь велѣлъ донскимъ козакамъ помочь ему; если же государь на Донъ отпустить его не велитъ, то велѣлъ бы отпустить къ нѣмцамъ черезъ Новгородъ или Архангельскъ, чтобъ ему можно было пройти къ флорентійскому князю. Государь велѣлъ ему отвѣчать, что на Дону живутъ козаки, люди вольные, и царскаго повелѣнья мало слушаютъ; притомъ же ихъ мало, большой войны турскому они не сдѣлаютъ, да съ турскими султанами у него, царя, братство, любовь и ссылка, и потому Александра отправили за границу черезъ Архангельскъ. Но въ 1637 году Александръ опять явился въ Россію и присылалъ на Донъ грамоту, въ которой звалъ къ себѣ донцовъ и запорожцевъ въ Черниговъ. Чѣмъ кончились его похожденія, неизвѣстно [10].

Между тѣмъ и реестровые козаки подъ начальствомъ Дорошенка мало оказывали расположенія исполнять условія, предписанныя на Медвѣжьихъ Лозахъ: запорожскія чайки (лодки) являлись на Черномъ морѣ. Въ началѣ 1626 года крымскій ханъ напалъ на Украйну. Поляки потребовали отъ Дорошенка, чтобъ онъ съ козаками и нарядомъ шелъ къ нимъ въ сборъ; Дорошенко пошелъ было, но въ городѣ Большихъ Прилукахъ явился къ нему посолъ отъ хана и напомнилъ, что у козаковъ съ татарами миръ, скрѣпленный присягою, и потому козакамъ нельзя идти къ полякамъ на помощь. Дорошенко возвратился назадъ; мало того: Запорожцы съ гетманомъ Олиферомъ передались хану и вмѣстѣ съ нимъ ходили войною на Польшу [11]. Въ 1627 году король прислалъ къ Дорошенку дворянина своего съ приказаніемъ, чтобъ козаки были всѣ готовы на весну идти противъ шведскаго коро-

ля. Гетманъ собралъ въ Каневѣ раду, и на этой радѣ козаки королевскому посланцу отказали: «Противъ шведскаго короля намъ нейти, потому что король польскій и паны радные пожитки всякіе у насъ отняли, на море намъ ходить не велятъ, мы отъ этого оскудѣли, на службу противъ шведскаго короля подняться намъ нечѣмъ». И послали они къ королю и къ панамъ раднымъ посланцевъ своихъ просить, чтобъ имъ козакамъ впередъ быть въ десяти тысячахъ, и король бы имъ прислалъ денегъ и сукна на десять тысячъ [12].

Дорошенко погибъ въ Крыму въ 1628 году, принимая участіе въ тамошнихъ междоусобіяхъ; на его мѣсто былъ поставленъ Григорій Черный, который однако своею преданностію полякамъ и, какъ говорятъ, принятіемъ уніи, не понравился козакамъ. Въ 1630 году правительство разставило войска свои въ кіевскомъ округѣ; въ народѣ пошелъ слухъ, распущенный, какъ говорятъ, Петромъ Могилою, архимандритомъ кіевопечерскимъ, что войска идутъ для истребленія козаковъ и вѣры православной. Козаки взволновались, убили своего старшаго Григорія Чернаго и на его мѣсто провозгласили Тараса. Конецпольскій двинулся противъ нихъ и сошелся подъ Переяславлемъ. Исходъ этой войны въ большей части извѣстій, какъ малороссійскихъ, такъ и польскихъ, представляется загадочнымъ: козаки берутъ верхъ надъ Конецпольскимъ и, несмотря на то, выдаютъ ему Тараса, котораго поляки казнятъ въ Варшавѣ. Извѣстный намъ путивлецъ Гладкій [13] такъ разсказывалъ дѣло: «Гетманъ Конецпольскій осадилъ козаковъ въ Переяславлѣ. У польскихъ людей съ черкасами въ три недѣли бои были многіе, и на тѣхъ бояхъ черкасы поляковъ побивали, а на послѣднемъ бою черкасы у гетмана въ обозѣ нарядъ взяли, многихъ поляковъ въ обозѣ побили, перевозы по Днѣпру отняли и паромы по перевозамъ пожгли. Послѣ этого бою гетманъ Конецпольскій съ черкасами помирился, а приходилъ онъ на черкасъ за ихъ непослушанье, что они самовольствомъ ходятъ подъ турецкіе города, и всѣмъ войскомъ убили Гришку Чернаго, котораго онъ прежде далъ имъ въ гетманы. Помирясь съ черкасами, Конецпольскій выбралъ имъ изъ нихъ же другого гетмана, каневца Тимоху Арандаренка. А было у Конецпольскаго польскихъ и нѣмецкихъ людей и черкасъ лучшихъ, которые отъ черкасъ пристали къ полякамъ, 8,000, а черкасъ было 7,000».

Изъ этого извѣстія можно принять для объясненія дѣла одно только обстоятельство: присутствіе *лучшихъ* Черкасъ въ польскомъ войскѣ; вѣроятно, эти лучшіе Черкасы повернули дѣло такъ, что Тарасъ былъ выданъ и чернь не получила никакихъ выгодъ отъ своего возстанія.

Уже въ 1631 году козаки перемѣнили Арандаренка и выбрали на его мѣсто Ивана Петрижицкаго-Кулагу. Козаки не переставали громить турецкіе берега Чернаго моря; султанъ собралъ было войско на Польшу вмѣстѣ съ Москвою: но неудача послѣдней подъ Смоленскомъ заставила и его помириться съ Польшею; при заключеніи мира польское правительство обязалось совершенно изгнать козаковъ съ днѣпровскихъ острововъ. Для этого коронный гетманъ Конецпольскій въ 1635 году построилъ на Днѣпрѣ, ниже Самары и Князева острова, крѣпость Кодакъ; но въ томъ же году козаки, возвращаясь съ моря подъ начальствомъ Сулимы, разорили крѣпость. Сулима былъ схваченъ, съ помощію реестровыхъ козаковъ, и казненъ. Но въ слѣдующемъ году началось волненіе на Украйнѣ. Здѣсь со стороны польскаго правительства впервые является дѣйствующее лицо, съ которымъ часто будемъ встрѣчаться впослѣдствіи, Адамъ Кисель, подкоморій черниговскій. Кисель былъ русскій родомъ, членъ одной изъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которыя сохранили еще старую русскую вѣру. Вслѣдствіе этого обстоятельства Кисель тянулъ къ Руси, къ русскому народу, былъ врагомъ уніи; но, съ другой стороны, будучи знатнымъ и богатымъ землевладѣльцемъ на Украйнѣ, онъ смотрѣлъ на народонаселеніе своихъ земель совершенно панскими глазами и сильно не сочувствовалъ козакамъ, которые являясь защитниками православія, прежде всего были союзниками хлопства: въ козаки бѣжали хлопы, не хотѣвшіе жить въ крестьянствѣ, а этого панъ Кисель не могъ сносить хладнокровно. Такимъ образомъ онъ находился всегда между двухъ огней, а польское правительство нарочно посылало его всегда коммиссаромъ, посредникомъ при столкновеніяхъ своихъ съ козаками, какъ русскаго и православнаго. Въ августѣ 1636 года взволновались козаки въ Переяславлѣ, выведенные изъ терпѣнія насиліями воеводича русскаго, они рѣшились идти на Запорожье и оттуда на море. Старшина не бунтовалъ; Кисель, коммиссаръ отъ правительства у козаковъ, оставался при ней. Наконецъ козаки пришли къ старшинѣ и на-

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

чали кричать, что въ маѣ высланы имъ деньги и въ августѣ еще не привезены; кричали, что правительство ихъ притѣсняетъ. Кисель уговорилъ ихъ подождать четыре недѣли и немедленно написалъ объ этомъ королю (6 августа), давая знать, что дѣйствительно козакамъ дѣлаются притѣсненія во многихъ мѣстахъ. Написалъ и гетману Конецпольскому (25 августа); въ этомъ письмѣ Кисель говоритъ, что онъ замѣтилъ три вещи въ козацкомъ войскѣ неразумномъ: 1) любовь къ религіи греческой и къ духовенству этой религіи, хотя козаки въ религіозномъ отношеніи похожи болѣе на татаръ, чѣмъ на христіанъ; 2) сильнѣе на нихъ дѣйствуетъ страхъ, нежели милость; 3) хищничество. Вслѣдствіе этого онъ, Кисель, уговорилъ митрополита послать двоихъ духовныхъ особъ съ увѣщаніемъ къ козакамъ не возставать противъ республики. Старшинъ, прибавляетъ Кисель, должно удерживать дарами, а чернь страхомъ.

Весной 1637 года новое волненіе: коммиссары королевскіе пріѣхали къ козакамъ, чтобъ отдать имъ жалованье и взять присягу; но чернь объявила, что не хочетъ давать присягу, хочетъ идти на Запорожье. Коммиссары стали уговаривать козаковъ, грозили, что они подвергаются опасности, что республика изгладитъ ихъ имя, что она скорѣе согласится видѣть на Днѣпрѣ дикихъ звѣрей и пустыню, чѣмъ мятежную чернь. «Настоящее ваше дѣйствіе, говорили коммиссары, можетъ быть началомъ своеволія, но своеволіе не будетъ его слѣдствіемъ; вы можете идти на Запорожье, но оставите здѣсь женъ и дѣтей, да и сами долго на Запорожьѣ жить не можете, принесете опять свои головы подъ саблю республики; измѣнить же и уйти въ другое мѣсто напрасно грозитесь, ибо Днѣпръ ваша отчизна, въ другомъ мѣстѣ такой не найдете. Дона нечего и сравнивать съ Днѣпромъ и тамошней неволи съ здѣшнею волею: какъ рыбѣ безъ воды, такъ козакамъ безъ Днѣпра быть нельзя, а чей Днѣпръ, тому и козаки должны принадлежать всегда». Козаки расплакались, услыхавши о Днѣпрѣ. Старшій, или гетманъ Томиленко, котораго коммиссары называютъ простякомъ, но трезвымъ и скромнымъ, отказался отъ должности, но его выбрали снова, положили не измѣнять республикѣ и присягнули.

Но спокойствіе было минутное; Кисель писалъ, что дѣла плохи на Украйнѣ, ибо козаки—звѣрь безъ головы (Bellua sine capite),

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MÜNCHEN

стадо безъ пастуха. По его мнѣнію, непремѣнно долженъ быть на Украйнѣ начальный человѣкъ, чтобъ гасить пожаръ, могущій произойти отъ первой искры. Обязанность его предотвращать столкновенія между козаками и правительственными лицами, укрощать волненіе въ самомъ началѣ; онъ долженъ платить деньги, долженъ имѣть власть бунтовщика вычеркнуть изъ списковъ, долженъ имѣть денежныя средства, которыя дадутъ ему возможность пріобрѣтать приверженцевъ; приверженцы эти должны составлять оппозицію бунтовщикамъ. «Надобно (пишетъ Кисель), чтобъ у старшины козацкой оставалось только имя старшинства, а дѣйствительная власть была бы у этого человѣка, какимъ бы онъ именемъ ни назывался». Несмотря однако на неудовольствія и волненія между козаками, возстанія не было на Украйнѣ; оно вспыхнуло на низу; предводителемъ былъ Павликъ, или Павлюга, который, вышедши тайно изъ Запорожья, взялъ силою артиллерію изъ черкасъ; тогда, что только было гультяйства (бездомовниковъ) на Украйнѣ, выпищиковъ, могильниковъ, будниковъ, овчаровъ, особенно изъ имѣній князя Вишневецкаго и изъ-за Днѣпра, все это встало и собралось. Реестровые козаки, упрекая старшаго своего Томиленка въ послабленіи своеволію, собрали раду, свергнули его и выбрали Савву Кононовича. Новый гетманъ началъ дѣйствовать въ духѣ избравшихъ его и правительства: сталъ уговаривать возставшихъ прекратить возстаніе; тогда Павликъ и другой начальникъ возставшихъ, Скиданъ, явились въ Переяславлѣ, созвали раду и, воспользовавшись своимъ большинствомъ, убили Савву Кононовича. Они не хотѣли прямо вдругъ разрывать съ правительствомъ, и потому написали Конецпольскому съ просьбою, чтобъ правительство не сердилось на нихъ; выставляли Кононовича человѣкомъ неспособнымъ къ гетманству, чужеземцемъ, москалемъ. Конецпольскій отвѣчалъ имъ: «Повинуйтесь старшему, котораго вамъ дастъ король, а не тому, кто самъ на себя возьметъ это достоинство; сожгите всѣ челны и воспрепятствуйте морскимъ набѣгамъ: тогда возвратите къ себѣ милость королевскую.»

Условія не понравились Павлику и его козакамъ. 11-го октября 1637 года явился универсалъ, призывавшій русскихъ къ возстанію; здѣсь говорилось, что непріятели народа русскаго и вѣры старожитной греческой, ляхи, идутъ на Украйну съ тѣмъ,

чтобъ войско и подданныхъ королевскихъ, княжескихъ и панскихъ истребить, женъ и дѣтей въ неволю забрать. Ляхи дѣйствительно явились подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы Потоцкаго и встрѣтились съ козаками подъ Кумейками 8-го декабря. Козаки, несмотря на отчаянную храбрость, потерпѣли пораженіе; около 3,000 ихъ пало въ таборѣ; ни одинъ не просилъ помилованія, только и слышенъ былъ голосъ, что надобно померетъ одному на другомъ; если же полякъ падалъ съ лошади, то козаки сбѣгались и рвали трупъ на куски. Ночью Павликъ и Скиданъ ушли, но Потоцкій утромъ нагналъ ихъ при Боровицѣ, окружилъ и началъ обстрѣливать. Адамъ Кисель предложилъ козакамъ выдать Павлика и другихъ зачинщиковъ возстанія, поручившись, что король не будетъ мстить имъ. Козаки выдали Павлика и Томиленка, но Скидану удалось уйти. По выдачѣ Павлика, козаки выбрали было себѣ другого старшаго, но Потоцкій объявилъ имъ, что они все потеряли бунтомъ; старшему велѣно положить булаву, бунчукъ и печать, всѣ старые полковники отставлены, даны новые. Старшимъ назначенъ Ильяшъ Караимовичъ. Но кромѣ главнаго войска, находившагося съ Павликомъ, былъ еще отрядъ козацкій подъ предводительствомъ Кизименка, который взялъ Лубны, вырубилъ шляхту и монаховъ бернардинскихъ, трупы послѣднихъ отдалъ собакамъ; но и Кизименко попался Потоцкому, который велѣлъ посадить его на колъ, «ибо (пишетъ Потоцкій, изъ Нѣжина 8-го генваря 1638 года) напрасно возить ихъ въ Варшаву на зрѣлище: лучше пусть понесутъ здѣсь казнь, гдѣ злодѣйствовали». Но Павликъ съ четырьмя товарищами были казнены въ Варшавѣ, несмотря на протестъ Киселя. Главный городъ Терехтемировъ у козаковъ отняли; гетманамъ дано приказаніе искоренить всѣхъ козаковъ, которые будутъ противиться сеймовому опредѣленію, а это опредѣленіе состояло въ томъ, чтобъ сдѣлать новый наборъ козацкаго войска, въ числѣ шести тысячъ, съ назначенными отъ правительства офицерами [14].

Но этотъ сеймовый декретъ могъ быть исполненъ только послѣ новой отчаянной борьбы, которая дорого стоила полякамъ. Въ апрѣлѣ 1638 года вспыхнуло новое возстаніе въ Запорожьѣ подъ начальствомъ Остранина, мстившаго за отца, замученнаго поляками; Скиданъ явился также на сцену подлѣ Остранина; бóльшая часть реестровыхъ козаковъ съ своимъ старшимъ Ильяшемъ сра-

жались на сторонѣ поляковъ противъ козаковъ остраниновыхъ. Эта война замѣчательна тѣмъ, что возставшіе козаки смотрятъ за лѣвый берегъ Днѣпра, на московскую сторону, какъ на безопасное убѣжище въ случаѣ неудачи. Приготовляется мало-помалу то дѣло, на которое указалъ Іовъ Борецкій. Остранинъ, поразившій поляковъ подъ Голтвою (5-го мая), но потомъ разбитый подъ Жолнинымъ (13-го іюня), ушелъ въ московскія владѣнія, куда еще прежде вывезъ жену. Но бѣгство Остранина не отняло духа у козаковъ: они выбрали себѣ другого старшаго, Гуню, укрѣпились на устьѣ рѣки Старицы, впадающей въ Днѣпръ, и отбивались до послѣдней крайности отъ непріятеля, превосходившаго ихъ числомъ и артиллеріею; наконецъ, вынужденные недостаткомъ продовольствія, козаки объявили, что будутъ повиноваться сеймову приговору. Поляки, съ своей стороны, обѣщали не преслѣдовать ихъ, когда будутъ расходиться по домамъ, но не сдержали обѣщанія. Въ концѣ года козакамъ было повѣщено, чтобъ они собрались на урочище Масловъ бродъ слушать рѣшеніе короля и Рѣчи Посполитой. Это рѣшеніе состояло въ томъ, что козаки лишались права избирать старшинъ; назначенъ былъ имъ коммиссаръ отъ правительства, Петръ Комаровскій, съ правомъ назначать полковниковъ; главнымъ городомъ козацкимъ, мѣстопребываніемъ коммиссара, объявленъ Корсунь. Правительство приказало возвратить козакамъ ихъ прежнія земли, которыми они владѣли наслѣдственно; но польскій гетманъ Потоцкій съ товарищами, назначенными для улаженія дѣла, объявилъ, что этотъ пунктъ никакъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, потому что, по случаю выпавшихъ снѣговъ, нельзя различить ни столповъ пограничныхъ, ни насыпей, ни ручьевъ, ни дорогъ, ни болотъ, и потому земли трудно раздѣлить. Въ присутствіи Потоцкаго и другихъ коммиссаровъ, козаки должны были снова присягнуть въ вѣрности королю и республикѣ; все оружіе было свезено въ средину; хоругви, булавы и всѣ доспѣхи были повергнуты къ ногамъ коммиссаровъ, представителей Польши; тяжкіе вздохи раздались среди козаковъ при этомъ унизительномъ для нихъ обрядѣ. Потоцкій принялъ эти вздохи за признакъ глубокаго раскаянія.

«Съ этого времени всякую свободу у козаковъ отняли, тяжкія и не обычныя подати наложили, церкви и обряды церковные жи-

дамъ запродали, дѣтей козацкихъ въ котлахъ варили, женамъ груди деревомъ вытискивали». Это говоритъ лѣтописецъ малороссійскій; но вотъ что́ говоритъ польскій: «Въ 1640 году, въ мѣсяцѣ февралѣ, татары крымскіе всю страну около Переяславля, Корсуня и обширныя имѣнія князей Вишневецкихъ вдоль и поперекъ опустошили, людей и скотъ забравши, и возвратились домой безо всякой погони, потому что козацкой стражи болѣе не было. Такую выгоду получила республика отъ уничтоженія козаковъ, а все оттого, что старосты и паны въ Украйнѣ хотѣли увеличить свои доходы, жидовъ всюду ввели, все въ аренду отдали, даже церкви, ключи отъ которыхъ у жидовъ были: кому нужно было жениться или дитя окрестить, долженъ былъ заплатить за это жиду-арендатору».

Одновременно съ этою борьбою козацкою, кончившеюся такъ неудачно, западно-русское народонаселеніе продолжало другими средствами вести борьбу за вѣру и народность свою. Борьба была такъ сильна со стороны православныхъ, что уніаты въ генварѣ 1624 года предложили имъ соглашеніе, въ основаніи котораго долженствовало быть учрежденіе патріаршества по примѣру московскаго. Но соглашенія не послѣдовало, потому что прежде всего нужно было опредѣлить отношеніе новаго патріарха къ уніи, къ папѣ. Православные все болѣе и болѣе увеличивали свои нравственныя средства для борьбы съ уніею. Еще съ 1594 года въ Кіевѣ при братствѣ Богоявленской церкви существовала школа. Въ 1614 году пожаръ истребилъ училищный домъ; тогда въ 1615 жена мозырскаго маршалка Лозки, Анна Гугулевичевна, пожертвовала мѣсто и нѣсколько строеній для братской школы, монастыря и гостинницы для православныхъ странниковъ духовнаго званія. Въ 1617 году основано было братство луцкое; въ 1619 шляхта волынскаго воеводства дала мѣщанамъ луцкимъ грамоту, которою передала имъ надзоръ и попеченіе за дѣлами братства, «потому-что (говоритъ шляхта) мы въ городѣ вообще не живемъ и, по отдаленности, не часто бываемъ, и потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ господъ братій нашихъ, господъ мѣщанъ луцкихъ, съ тѣмъ, чтобъ они во всемъ ссылались на насъ, какъ на старшихъ; а мы, какъ старшіе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ». При братствѣ основана была, разу-

мѣется, школа; вотъ ея уставъ: 1) Каждый, кто хотѣлъ вступить въ школу, долженъ былъ, явившись къ ректору, избранному изъ монаховъ, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный и къ содержанію, для того, чтобъ поспѣшно начавши, скоро не раскаялся и не оставилъ бы предпріятія, ибо каждый принимается только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ окончилъ въ школѣ полный курсъ наукъ. 2) Если вступить не захочетъ, отходитъ съ благословеніемъ; если согласится на порядокъ и правила, то долженъ объявить старшему и внести въ школьную кружку четыре гроша; тогда будетъ вписанъ въ ученики. 3) Ученикъ обязанъ оказывать совершенное, безотвѣтное послушаніе старшему или кому старшій прикажетъ. 4) Поступивши въ школу, ученикъ долженъ просить совѣта у начальника ея, за какую науку ему взяться, и совѣту этому долженъ слѣдовать охотно; исключаются тѣ ученики, которые отъ родителей или опекуновъ своихъ назначены къ какой-либо извѣстной наукѣ. 5) Никто не долженъ дѣлать ни въ училищѣ, ни внѣ его, особенно между собою, никакой сдѣлки, что-либо закладывать, торговать, покупать, продавать безъ вѣдома учителя. 6) Что будетъ говориться или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ. 7) Ученики не должны держать у себя никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, кромѣ принадлежностей школьныхъ; также не должны имѣть никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ. Касательно порядка преподаванія было установлено: сперва научаются складывать буквы; потомъ обучаются грамматикѣ, церковному порядку, чтенію, пѣнію. Дѣти ежедневно одинъ другого должны спрашивать по-гречески, а отвѣчать по-славянски, также спрашивать по-славянски и отвѣчать на простомъ языкѣ. Вообще они не должны между собою разговаривать на одномъ простомъ языкѣ, но на славянскомъ и греческомъ. Потомъ приступаютъ къ высшимъ наукамъ, діалектикѣ и риторикѣ, которыя переведены по-славянски.

Въ 1625 году поступилъ въ монахи кіевопечерской лавры Петръ Могила, сынъ молдавскаго воеводы, и въ 1626 былъ уже сдѣланъ архимандритомъ ея. Могила на свой счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей, монаховъ и мірянъ, за границу, во львовскую, римскую и другія академіи. Когда они черезъ четыре года возвратились на родину, то Могила вознамѣрился открыть при

лаврскомъ больничномъ монастырѣ училище. Тогда братство Богоявленское начало просить его не заводить новаго училища, а соединить его съ старымъ братскимъ, причемъ гетманъ Иванъ Петрижицкій со всѣмъ запорожскимъ войскомъ клятвенно обязался защищать братское училище отъ всѣхъ непріятелей и притѣснителей, хотя бы то стоило крови; шляхта обязалась ежегодно избирать изъ среды своей старостъ для попеченія объ училищѣ; митрополитъ Исаія Копинскій, преемникъ Борецкаго, отъ лица всего духовенства, предложилъ Могилѣ титулъ старшаго брата въ Богоявленскомъ братствѣ, опекуна и смотрителя и защитника братскаго училища. Могила согласился и средства братскаго училища сильно увеличились.

Но въ то время, какъ поднятая Могилою кіевская школа приготовляла новыхъ поборниковъ русской вѣры, православные русскіе лишились самаго сильнаго изъ прежнихъ ратоборцевъ своихъ, Мелетія Смотрицкаго. Послѣ убіенія соперника своего, Іосафата Кунцевича, Мелетій, обвиняемый какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, какъ поджигатель народа, отправился на Востокъ, для точнѣйшаго изученія восточной вѣры и церкви, какъ говорилъ онъ самъ; но вмѣсто бо́льшей привязанности къ бѣдствующей церкви, которой страданія онъ такъ сильно описывалъ прежде въ своемъ Ѳреносѣ, Мелетій возвратился на родину съ убѣжденіемъ, что восточная церковь заражена протестантизмомъ. Въ 1628 году онъ издалъ свою защиту путешествія на Востокъ (Apologia peregrinacij do stron wschodnich), гдѣ изложилъ свой новый взглядъ но восточную церковь и предлагалъ православнымъ русскимъ принять унію. Въ томъ же году на кіевскомъ православномъ соборѣ онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и просить прощенія; но какъ только уѣхалъ изъ Кіева, то написалъ протестъ (Protestatia) противъ собора, гдѣ объявилъ, что принужденъ былъ только силою отказаться отъ своихъ убѣжденій, искреннихъ и правильныхъ. Противъ апологіи возражалъ православный протопопъ Андрей Мужиловскій въ сочиненіи Antidotum (1629); Смотрицкій отвѣтилъ въ томъ же году книгою: Exethesis, которая со стороны православныхъ вызвала *Апологію погибель*, (отъ греч. apollimi—погибаю, а не отъ apologeo—защищаю).

Въ апрѣлѣ 1632 года умеръ король Сигизмундъ III. Въ то самое время, какъ покойникъ лежалъ на парадной постели въ шапкѣ,

похищенной изъ московской царской казны, и въ тотъ самый день (18 іюня), какъ уніатскій кіевскій митрополитъ Іосифъ Веніаминъ Руцкій служилъ при тѣлѣ королевскомъ обѣдню на славянскомъ языкѣ, сенатъ слушалъ посольство отъ козаковъ, которые просили: во 1) права подавать голосъ при избраніи королевскомъ, ибо и они составляютъ часть республики; при этомъ послы объявили, что все козачество подаетъ голосъ въ пользу королевича Владислава; 2) просили, чтобъ греческая религія оставалась въ покоѣ отъ уніатовъ; 3) чтобъ число войска ихъ и жалованье ему были увеличены. Имъ отвѣчали, что дѣйствительно они составляютъ часть республики, но такую, какъ волосы или ногти въ тѣлѣ человѣческомъ; когда волосы или ногти слишкомъ выростутъ, то ихъ стригутъ; такъ и козаки: если ихъ немного, то они могутъ служить защитою республикѣ, но когда размножатся, то возникаетъ опасность, чтобы русскіе крестьяне не встали противъ пановъ. Православные и протестанты требовали уничтоженія тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергались они при покойномъ королѣ. Но мѣры Сигизмунда произвели свои дѣйствія: успѣла образоваться сильная сторона католическихъ ревнителей, которые не хотѣли никакихъ уступокъ въ пользу диссидентовъ. Реакція системѣ сигизмундовой всего сильнѣе обнаруживалась въ семействѣ покойнаго короля, въ старшемъ сынѣ его Владиславѣ, за котораго не даромъ козаки подавали свой голосъ. Владиславъ принялъ на себя трудъ согласить уніатовъ съ православными, но пять часовъ сряду понапрасну толковалъ съ ними: обѣ стороны разошлись еще съ большею ненавистью другъ къ другу. Владиславъ однако не отставалъ отъ своего предпріятія, и наконецъ, при его посредничествѣ, обѣ стороны согласились на слѣдующіе пункты: 1) быть двумъ митрополитамъ: уніатскому и православному; 2) въ полоцкой епархіи быть двумъ архіереямъ: полоцкому уніатскому и мстиславскому православному; епархіи львовская, луцкая, перемышльская и монастырь Кіевопечерскій уступаются православнымъ. Борьба, кончившаяся этими уступками, не обошлась безъ полемическихъ сочиненій: православные, для историческаго подтвержденія своихъ требованій, издали въ 1632 году Синопсисъ, или собраніе правъ и привилегій, данныхъ королями польскими народу русскому, и потомъ дополненіе къ этому Синопсису (Supplementum Synopsis); уніаты отвѣчали въ томъ же году сочине-

ніями: 1) Права и привилегіи королей польскихъ, данныя обывателямъ короны польской и в. к. литовскаго, находящимся въ единеніи съ римскою церковію; 2) Святое единеніе церквей Восточной и Западной; въ сочиненіяхъ этихъ они старались доказать, что унія существовала въ русской церкви со временъ св. Владиміра. Въ 1633 году уніаты издали сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Exorbitancye Ruske*, въ которомъ перечисляются всѣ насильственные поступки православныхъ противъ уніатовъ, а именно: «11 августа 1600 года Ипатія Потѣя, митрополита кіевскаго, хватилъ негодяй саблей по шеѣ, убить не удалось, но у лѣвой руки отсѣкъ два пальца. 1618 года въ Выдубецкомъ монастырѣ православные схватили уніата архимандрита Антонія Грековича и утопили въ Днѣпрѣ. Въ 1622 году въ Шароградѣ протопопа уніатскаго убили, въ Кіевѣ войта и священника; на Подгорѣ уніатскаго монаха Антонія Буцкаго въ Свѣтлое воскресенье убили при церкви; наконецъ, въ 1623 году убили Кунцевича; король долго не вѣрилъ, чтобы это сдѣлали его подданные, думалъ, что пограничные москали».

Въ короли былъ избранъ Владиславъ, а митрополитомъ православнымъ, теперь уже законнымъ въ глазахъ правительства, явился Петръ Могила, о которомъ вотъ что разсказываетъ въ своей лѣтописи православный шляхтичъ Ерличъ: «Петръ Могила велъ себя благочестиво, трезво, хорошо, постоянно хлопоталъ о цѣлости церкви Божіей; но не безъ того, чтобъ не былъ онъ охотникомъ и до славы міра сего. При вступленіи на престолъ короля Владислава, Могила былъ отправленъ на коронацію уполномоченнымъ отъ митрополита Исаіи Копинскаго и всего духовенства, потому что самъ митрополитъ не могъ ѣхать по причинѣ болѣзни; Могила выхлопоталъ себѣ королевскую грамоту на митрополію, поѣхалъ во Львовъ, посвятился тамъ у волошскаго митрополита и владыкъ; возвратившись въ Кіевъ, отобралъ митрополичьи имѣнія, свергнулъ митрополита Исаію и отрѣшилъ священниковъ, имъ поставленныхъ; мало того: выгналъ больного старика изъ Михайловскаго монастыря въ одной власяницѣ, и тотъ долженъ былъ окончить жизнь въ большой бѣдности. Потомъ, уже будучи митрополитомъ, изъ-за денегъ, съ вооруженнымъ отрядомъ и пушками напалъ на Николаевскій Пустынный монастырь; игуменъ убѣжалъ, а монаховъ Могила велѣлъ бить плетьми до тѣхъ поръ,

пока они не объявили, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и серебро. Выгнанные изъ Пустыннаго монастыря монахи — одни обратились въ унію, другіе бродили безъ пристанища по разнымъ мѣстамъ. Нѣкоторыхъ монаховъ печерскихъ, заковавши въ кандалы, отсылалъ къ козакамъ какъ уніатовъ. Вражда у него съ этими монахами пошла изъ-за школы, для которой Могила выгналъ монаховъ троицкихъ, гошпитальныхъ, слѣпыхъ и хромыхъ; Арсенія, игумена этого троицкаго монастыря, слѣпого, такъ били, что чрезъ нѣсколько недѣль умеръ». Этотъ разсказъ, если вполнѣ справедливъ, показываетъ намъ, что общество во времена Могилы было то же самое, какое мы видѣли во времена Красенскихъ и Лазовскихъ, ибо допускало такія же явленія, допускало, что люди сильные характеромъ, богатые матеріальными средствами, знаменитые трудами своими для блага общаго, не разбирали средствъ, когда дѣло шло о достиженіи ихъ цѣлей. При такомъ состояніи общества, разумѣется, мы не имѣемъ правъ предполагать, чтобъ соглашеніе между православными и уніатами успокоило православную церковь, чтобъ сильные враги ея удерживались отъ желанія дать ей чувствовать свою силу. Въ Луцкѣ въ 1634 году, 24 мая, когда духовенство католическое шло съ св. Тайнами, человѣкъ сто іезуитовъ, слугъ коллегіума ихъ, учениковъ и разныхъ ремесленниковъ, съ саблями, кортиками, ружьями, а иные съ кольями и каменьями, ворвались во дворъ православной братской церкви, въ комнаты духовныхъ лицъ и богадѣльню, начали отбивать и ломать церковныя двери. Видя, что дверей, крѣпко запертыхъ внутри, выбить нельзя, побѣжали на колокольню и начали звонить; когда на звонъ прибѣжало еще болѣе фанатиковъ, то они ворвались въ церковь, опрокинули подсвѣчники, скамьи, посрывали ковры. Другіе же, бѣгая по церковному двору съ палками, саблями и другимъ оружіемъ, разогнали побоями мальчиковъ изъ училища, били и мучили бѣдныхъ людей въ богадѣльнѣ, стариковъ и старухъ; палками и камнями отвѣчали тѣмъ духовнымъ людямъ, которые вышли было изъ своихъ келій для увѣщанія ихъ; били чѣмъ попало всякаго, лишь бы только былъ русскій; разбили два сундука и забрали изъ нихъ деньги; перебили окна, побили двери, сорвали крышку и ушли.

Кіевскіе іезуиты, которыхъ коллегіумъ находился на Подолѣ, не могли равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе православнаго

коллегіума при Могилѣ и потому начали внушать православнымъ, что въ этомъ коллегіумѣ наставники все неправославные, что получивъ окончательное образованіе въ академіяхъ римскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ, они заразились тамъ различными ересями и потому преподаютъ науки не на греческомъ языкѣ, какъ бы слѣдовало православнымъ, а на латинскомъ. Сильвестръ Коссовъ, одинъ изъ тогдашнихъ наставниковъ училища, издалъ въ 1635 году въ защиту своихъ товарищей книгу подъ заглавіемъ Exegesis въ которой говоритъ: «Это было такое время, когда мы исповѣдовавшись, ждали, вотъ шляхта станетъ начинять нами днѣпровскихъ осетровъ, или одного станутъ отправлять на тотъ свѣтъ огнемъ, а другого мечомъ. Наконецъ Сердцевѣдѣцъ, видя невинность нашу и великую потребность народа русскаго въ полезныхъ наукахъ, разогналъ облако ложныхъ мнѣній и освѣтилъ сердца всѣхъ такъ, что увидали въ насъ истинныхъ сыновъ восточной церкви. Послѣ этого обыватели города Кіева и другихъ округовъ стали не только наполнять наши Horrea Apollinea дѣтьми своими, какъ муравьями, въ бо́льшемъ числѣ, чѣмъ прежде при нашихъ предшественникахъ, но и величать наше училище Геликономъ, Парнассомъ и хвалиться имъ». Могила хотѣлъ, чтобъ школьное образованіе распространилось и въ Москвѣ: въ 1640 году онъ просилъ царя Михаила построить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ бы старцы кіевскаго братскаго монастыря учили дѣтей боярскаго и простого чина грамотѣ греческой и славянской. Въ 1640 году Петръ Могила, созывая соборъ, объявилъ въ повѣсткѣ, что соборъ созывается вслѣдствіе наступившаго великаго гоненія. Московскій отъѣзжикъ Павелъ Солтыковъ билъ челомъ королю, чтобъ позволили ему въ Смоленскѣ построить православную церковь св. Бориса и Глѣба, и объявилъ: «Если не позволятъ намъ устроить въ Смоленскѣ благочестивую церковь, то намъ, всей шляхтѣ православной вѣры, изъ Смоленска и изъ Дорогобужа, отъ мала до велика, ѣхать туда, гдѣ православная вѣра свободна». Несмотря на эту угрозу, церковь строить не позволили, и больше всѣхъ вооружалъ короля и пановъ на православіе недавній уніатъ, смоленскій архіепископъ Андрей Золотой-Квашнинъ, который далъ присягу, что въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Черниговѣ и Стародубѣ всѣхъ православныхъ приведетъ въ унію [15]. Монахи и монахини цѣлыми монастырями выѣзжали

въ Москву; такъ въ 1638 году пріѣхалъ Прилуцкаго Густинскаго монастыря игуменъ Василій съ 70 братіями, Прилуцкаго Покровскаго монастыря игуменья Елисавета съ 35 старицами [16]. Но мы видѣли, что кромѣ монаховъ и монахинь, въ Москву бѣжали и козаки. Потоцкій писалъ Конецпольскому въ декабрѣ 1638 года: «Неоднократно писалъ я къ вамъ, прося припомнить его королевскому величеству, чтобъ онъ пресѣкъ путь этимъ своевольникамъ въ Москву, потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ бѣжавшихъ туда измѣнниковъ, ибо извѣстно, что воръ не украдетъ, если ему некуда спрятаться; я не сомнѣваюсь, что эта выдача положитъ предѣлъ своевольствамъ». Конецпольскій въ 1639 году писалъ королю: «Далъ мнѣ знать панъ коммиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми и 300 лошадей ушелъ къ Остранину въ Москву. Если мы не воспротивимся этимъ побѣгамъ, то нечего надѣяться покоя на Украйнѣ, когда своевольство будетъ имѣть такое близкое убѣжище». Царь Михаилъ, какъ мы видѣли, не выдалъ козаковъ; не выдастъ ихъ, какъ увидимъ, и преемникъ Михаиловъ, къ дѣятельности котораго теперь обращаемся [17].

ГЛАВА II.

Царствованіе Алексѣя Михайловича.

Характеръ молодого царя. — Морозовъ и Чистой. — Окончаніе дѣла королевича Вальдемара и Лубы. — Отпускъ Стемпковскаго. — Извѣтъ на Нащокина. — Самозванцы: Ивашка Вергуненокъ и Тимошка Акундиновъ. — Распоряженіе относительно Крыма. — Переговоры съ Польшею о союзѣ противъ Крыма. — Посольства Стрѣшнева въ Польшу и Киселя въ Москву. — Печальное состояніе народа въ московскомъ государствѣ; тяжесть налоговъ; стремленіе отбывать отъ податей. — Женитьба царя на Милославской. — Ропотъ на отца царицы, Милославскаго, на Траханіотова и Плещеева. — Мятежъ въ Москвѣ. — Судьба Морозова. — Никонъ. — Дѣятельность правительства послѣ мятежа. — Уложеніе. — Мѣры противъ закладчиковъ, противъ табаку; изгнаніе Англичанъ изъ внутреннихъ областей. — Мятежъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. — Замыслы недовольныхъ въ Москвѣ; новыя обвиненія противъ Морозова. — Мятежи во Псковѣ и Новгородѣ. — Никонъ въ Москвѣ; онъ отправляется въ Соловки за мощами св. Филиппа. — Письмо къ нему царя. — Никонъ патріархъ.

Новый царь добротою, мягкостію, способностію сильно привязываться къ близкимъ людямъ былъ похожъ на отца своего, но отличался большею живостью ума и характера и получилъ воспитаніе, болѣе сообразное своему положенію. Воспитателемъ его, какъ мы видѣли, былъ бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, проведшій при немъ безотлучно тринадцать лѣтъ. Молодой Алексѣй сильно привязался къ своему воспитателю, и такъ какъ онъ тотчасъ по смерти отца лишился и матери (царица Евдокія Лукьяновна скончалась 18 августа 1645 года), то вліянію Морозова на государя и государство не было другаго соперничествующаго вліянія. Морозовъ былъ человѣкъ умный, ловкій, по тому времени образованный, понимавшій новыя потребности государства,

но не умѣвшій возвыситься до того, чтобъ не быть временщикомъ, чтобъ не пользоваться своимъ временемъ для своихъ частныхъ цѣлей. Самое сильное вліяніе на дѣла послѣ Морозова имѣлъ думный дьякъ Назаръ Чистой, бывшій прежде купцомъ въ Ярославлѣ. Что касается характера этого человѣка, то припомнимъ изъ исторіи предшествовавшаго царствованія дѣло его съ голштинскими послами, которое выставляетъ не въ очень выгодномъ свѣтѣ безкорыстіе Чистого. Морозовъ и Чистой пользовались, какъ говорятъ [18], совѣтами извѣстнаго намъ иностраннаго заводчика Виніуса: первый примѣръ иностранца, получившаго вліяніе на государственныя дѣла.

Въ самомъ началѣ царствованія можно было видѣть, что правленіе находится въ крѣпкой рукѣ человѣка, умѣющаго распоряжаться умно и съ достоинствомъ, немедленно были рѣшены два тяжелыя дѣла, оставшіяся отъ предшествовавшаго царствованія: дѣло королевича Вальдемара и Лубы.

17 іюля королевичъ былъ у новаго государя съ поздравленіемъ; Алексѣй Михайловичъ началъ рѣчь о крещеніи, но королевичъ попрежнему отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ; въ тотъ же день королевичъ и послы датскіе прислали государю челобитныя объ отпускѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ отправленъ былъ въ Данію гонецъ Апраксинъ съ грамотою, въ которой царь Алексѣй извѣщалъ короля Христіана о своемъ восшествіи на престолъ, увѣрялъ что хочетъ быть съ нимъ въ доброй братственной дружбѣ и любви, и объявлялъ о скоромъ отпускѣ королевича Вальдемара и пословъ. И дѣйствительно, 17 августа королевичъ и послы были у государя на отпускѣ; Вальдемару объявили, что такъ-какъ онъ не захотѣлъ соединиться вѣрою съ государемъ, то, согласно съ его просьбою, его отпускаютъ назадъ къ королю—отцу съ честію, какъ былъ принятъ. Королевичъ отправился и изъ Вязьмы писалъ государю, благодарилъ за великую любовь и сердечную подвижность, какія царь Алексѣй Михайловичъ всегда ему оказывалъ и теперь оказалъ въ томъ, что отпустилъ его и пословъ королевскихъ со всякою честію; въ заключеніи просилъ пожаловать Петра Марселиса. Когда Апраксинъ пріѣхалъ въ Данію, то тамъ уже знали объ отпускѣ королевича изъ Москвы. Король, принимая грамоту, о здоровьѣ государевомъ не спрашивалъ, къ рукѣ гонца не позвалъ и къ столу не пригласилъ, от-

вѣтную грамоту прислалъ съ секретаремъ къ гонцу, несмотря на возраженіе Апраксина, который требовалъ, чтобъ самъ король отпустилъ его. Въ грамотѣ своей король писалъ: «Хотя мы имѣемъ сильную причину жаловаться на неисполненіе договора о бракѣ сына нашего съ вашею сестрою, но такъ-какъ отецъ вашъ скончался, то мы все это дѣло предаемъ забвенію и хотимъ жить съ вами въ такой же дружбѣ, какъ жили съ вашими предками» [19].

Еще на имя царя Михаила польскій король Владиславъ прислалъ грамоту, въ которой просилъ царя отпустить въ Польшу королевича Вальдемара и давалъ обязательство, что датскій король не начнетъ ссоры по поводу задержанія сына его въ Москвѣ; въ другой грамотѣ король, свидѣтельствуя невинность Лубы, обязывался не признавать правъ ни его, ни другихъ подобныхъ людей на московское государство и преслѣдовать ихъ, а для бо́льшаго укрѣпленія притиснулъ къ грамотѣ свою печать. Позади у подлиннаго листа было написано: «крѣпость его царскому величеству отъ его королевскаго величества». Такую же грамоту прислали и паны радные. Но бояре, въ отвѣтѣ, подняли старыя жалобы, что титла пишутъ несправедливо: гдѣ надобно писать: государю псковскому, тамъ пишутъ: царю псковскому; гдѣ надобно: самодержцу, тамъ пишутъ: самодержцы; вмѣсто Югорскому Игорскому. «Такое новое дѣло» говорили бояре: «чинится со стороны королевскаго величества мимо вѣчнаго докончанья, невѣдомо какими обычаями, какъ будто къ нарушенью братской дружбы и любви; самодержецъ у насъ одинъ, другого нѣтъ, итакъ писать «самодержцы» непригоже». Потребовали отъ посла обязательства, что тотъ, кто такъ писалъ, будетъ казненъ безъ пощады. Посолъ отвѣчалъ, что донесетъ королю; король будетъ скорбѣть и велитъ наказать этихъ людей. Потомъ бояре жаловались на порубежные разбои и на воровскія слова; посолъ отвѣчалъ, что король велитъ наказать и за это. Тогда бояре спросили: «Если въ такой же винѣ объявится шляхтичъ или иной кто честный или думный человѣкъ, то надобно ли и его также наказывать»? Посолъ отвѣчалъ, что надобно. Бояре сказали на это: «Самъ ты великій посолъ Гаврила, какъ ѣхалъ отъ датскаго королевича Вальдемара Христіанусовича, то говорилъ при приставахъ ссорныя рѣчи, говорилъ, что вы еще не устали и сабли ваши не притупились русскихъ людей сѣчь. Такъ полномочнымъ посламъ

дѣлать и говорить непригоже и стыдно; а сабли ваши русскимъ людямъ не страшны». Посолъ отвѣчалъ, что не запирается, сказалъ онъ эти слова съ сердца, потому что въ это время побили стрѣльцы двоихъ литовскихъ людей и видѣлъ онъ ихъ въ крови; сыску никакого объ этомъ не сдѣлано; а сказалъ онъ это съ сердца, подпивши; сдѣлалось это отъ вина. Посолъ домогался союза противъ татаръ; отвѣта не было.

23 іюля Стемпковскій представился новому царю и говорилъ длинную рѣчь объ измѣнчивости человѣческой жизни. «Свѣжій образецъ этой измѣнчивости», говорилъ онъ, «имѣемъ въ блаженной и безсмертной памяти великомъ государѣ царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ, который счастливо царствовалъ надъ подданными своими 32 года, владѣлъ ими въ святости и праведности, успокоилъ монархію свою отъ ближнихъ и дальнихъ сосѣдей, видѣлъ ее цвѣтущею, изобилующею покоемъ, въ этомъ покоѣ съ подданными долженъ былъ пребывать, и вдругъ съ престола своего отъ такой славы и богатства переносится въ пещеры земныя». Въ заключеніе посолъ, отъ имени королевскаго, поздравлялъ новаго государя съ восшествіемъ на престолъ, объявилъ, что король готовъ будетъ оказывать и ему ту же любовь братскую и пріятельство. Думный дьякъ отвѣчалъ именемъ царскимъ, что государь хочетъ быть съ королемъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви и въ соединеніи во всемъ по тому, какъ въ вѣчномъ докончаньи написано.

Въ доказательство этого желанія Луба былъ отпущенъ, причемъ Стемпковскій договорился именемъ королевскимъ и пановъ радныхъ, что Луба къ московскому государству причитанья никогда имѣть не будетъ и царскимъ именемъ называться не станетъ; жить будетъ въ большой крѣпости; изъ Польши и Литвы ни въ какія государства его не отпустятъ; кто вздумаетъ его именемъ поднять смуту, того казнить смертію; все это написать въ конституцію на будущемъ сеймѣ и прислать царю утвержденную грамоту за королевскою рукою и печатью; также прислать утвержденье пановъ радныхъ и пословъ повѣтовыхъ. Посолъ долженъ былъ также дать запись, что литовскіе купцы не будутъ болѣе пріѣзжать въ московское государство съ виномъ и табакомъ. Стемпковскій просилъ, чтобъ на обѣ стороны агентамъ быть и королевскій агентъ въ Москвѣ польскихъ и литовскихъ куп-

цовъ будетъ судить во всемъ и отъ всякаго дурна унимать; въ этомъ ему отказали на томъ основаніи, что въ вѣчномъ докончаньи объ агентахъ не написано, но согласились называть короля *наияснѣйшимъ*. Посолъ просилъ, чтобъ государь позвалъ его обѣдать, ибо въ противномъ случаѣ будетъ ему чести меньше, чѣмъ прежнимъ посламъ. Ему отвѣчали, что обѣдать нельзя по причинѣ недавней кончины царя Михаила. Посолъ возражалъ, что великіе московскіе послы были въ Польшѣ послѣ кончины королевы и, несмотря на то, обѣдали у короля; ему отвѣчали, что это двѣ вещи розныя: у царя умеръ отецъ, который одинъ, а жену можно взять другую и третью, печаль по женѣ продолжается только до новаго брака. Посолъ объявилъ, что будетъ дожидаться до сорочинъ царя Михаила, а если царь и на это не согласится, то пусть напишетъ въ отвѣтномъ письмѣ, почему посолъ не обѣдалъ, чтобъ ему предъ своею братьею безчестья не было. Передъ отъѣздомъ Стемпковскаго случилось происшествіе, которое показываетъ, на что могли рѣшаться тогда люди изъ свиты посольской, надѣясь на безнаказанность: разбойникъ Якимъ Даниловецъ съ товарищами на дорогѣ между Москвою и Новгородомъ убили пять человѣкъ, пограбили у нихъ мѣха, принадлежавшіе одному голландскому купцу и отвезли ихъ въ Старицкій уѣздъ, въ село Молочино; дворецкій Стемпковскаго, полякъ Самойла, уговорился съ этими разбойниками ѣхать изъ Москвы въ Молочино, взять тамъ пограбленные мѣха и отвезти ихъ за рубежъ въ Литву, гдѣ онъ долженъ былъ отдать разбойникамъ по цѣнѣ половину денегъ, а другую половину бралъ себѣ за услугу. Дѣйствительно, Самойла выѣхалъ изъ Москвы, взявъ царскую грамоту на проѣздъ въ Вязьму, и вмѣсто Вязьмы отправился въ Молочино; но на Зубцовской заставѣ его съ разбойниками поймали и отослали къ Стемпковскому съ требованіемъ, чтобъ онъ заплатилъ голландцу деньги за покраденное и казнилъ своего дворецкаго смертью; но посолъ ничего этого не сдѣлалъ [20].

Прекращалось дѣло о Лубѣ; но самозванцы не прекращались. Въ 1646 году явился такого рода извѣтъ: «Царю государю бьетъ челомъ и извѣщаетъ сирота твой государевъ Мишка Ивановъ, сынъ Чулковъ, на Александра Ѳедорова сына Нащокина, а прозвище на Собаку, что хочетъ тотъ Александръ крестное цѣлованье порудить, а тебѣ праведному государю измѣнить, хочетъ отъѣхать

со всѣмъ своимъ родомъ въ иную землю, а называетъ себя царскимъ родомъ, и хочетъ быть тебѣ государю царю супротивенъ. Какъ Ѳедоръ Ивановъ сынъ Нащокинъ у царя Василья Ивановича Шуйскаго царскій посохъ взялъ изъ рукъ, такъ теперь Александръ Нащокинъ хвалится тѣмъ же своимъ воровскимъ умышленьемъ на тебя праведнаго царя, и московскимъ государствомъ, твоею царскою державою смутить». Спросили во всѣхъ приказахъ у подъячихъ: такая пописѣ у нихъ бывала ли и теперь есть ли въ дѣлахъ, въ отпискахъ изъ городовъ и въ челобитныхъ? Всѣ подъячіе сказали, что такой пописи нѣтъ и не было [21]. Это дѣло тѣмъ и кончилось; но явились два самозванца въ Турціи.

Въ началѣ 1646 года московскіе послы, стольникъ Телепневъ и дьякъ Кузовлевъ, живя въ Кафѣ, узнали, что пріѣхалъ въ Кафу изъ Царяграда Святогорскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Іоакимъ. Послы отправили немедленно переводчика повидаться съ архимандритомъ и поразспросить его, что въ Царѣградѣ дѣлается. Архимандритъ разсказалъ слѣдующее: «Былъ онъ во Крыму, и тамъ въ жидовскомъ городкѣ объявился невѣдомо какой человѣкъ, а называютъ его московскимъ царевичемъ Дмитріевъ сынъ Долгорукихъ; человѣкъ этотъ за нимъ, архимандритомъ, присылалъ и говорилъ ему, будто онъ московскій царевичъ и просилъ у крымскаго царя рати, чтобъ съ нею московскаго государства доступить, и крымскій царь его манитъ, рати ему не даетъ и къ султану его не отсылаетъ; да говорилъ тотъ человѣкъ ему архимандриту: «Возьми у меня грамоту и поѣзжай съ нею по украйнымъ городамъ и въ Калугу: этой грамоты послушаютъ, а какъ доступлю московскаго государства, то пожалую тебя калужскими доходами». Послы добыли и другія извѣстія: плѣнный малороссійскій козакъ изъ города Полтавы, Ивашка Романовъ, разсказывалъ: «Я того вора, что называется Дмитріевымъ сыномъ, знаю, родина его въ городѣ Лубнѣ, козачій сынъ, зовутъ его Ивашка Вергуненокъ, отца у него звали Вергуномъ; по смерти отца своего, онъ Ивашка мать свою въ Лубнѣ билъ и мать сбила его отъ себя со двора, и онъ Ивашка изъ Лубенъ пришелъ въ Полтаево и приказался ко мнѣ, жилъ у меня и служилъ въ работѣ съ годъ, и когда я ушелъ изъ Полтаева города на Донъ, Вергуненокъ остался въ Полтаевѣ, а потомъ изъ Полтаева пришелъ на Сѣверный Донецъ подъ святыя горы,

и тамъ живучи, водился съ запорожскими и донскими козаками; съ Донца пришелъ на Донъ, жилъ на Дону съ полгода, началъ воровать и за воровство его много разъ бивали; послѣ того онъ пошелъ въ поле самъ-четвертъ съ пищалями гулять, свиней бить, и ихъ на Міюсѣ татары въ полонъ взяли, тому лѣтъ шесть, и продали его въ Кафу жиду, и сказался воръ жиду, будто онъ московскаго государя сынъ, и жидъ сталъ его почитать. Когда воръ въ Кафѣ у жида сидѣлъ, сдѣлалъ себѣ признакъ: далъ русской женщинѣ денегъ, чтобъ она выжгла ему между плечами половину мѣсяца да звѣзду, и то пятно многимъ полоненикамъ онъ Вергуненокъ показывалъ и говорилъ, будто онъ царскій сынъ, и какъ онъ московскаго государства доступитъ, то станетъ ихъ жаловать, и русскіе люди, тому его воровству повѣря, къ нему вору на жидовскій дворъ ходили, ѣсть и пить носили. Свѣдалъ про вора крымскій царь, прислалъ за нимъ и взялъ въ Крымъ, тому года съ три, и приказалъ его въ Крыму беречь жидамъ, и жиды его въ Крыму кормятъ и берегутъ и держатъ его въ крѣпи въ желѣзахъ». Такимъ образомъ открылось, кто былъ этотъ царевичъ, о которомъ дали знать изъ Константинополя еще царю Михаилу.

Въ Крыму нашли послы одного вора, въ Константинополѣ двоихъ: у визиря на дворѣ объявились два русскихъ человѣка: одинъ называется сыномъ царя Василья Ивановича Шуйскаго, присланъ изъ Молдавіи господаремъ Васильемъ и говоритъ, что служилъ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ подъячихъ. Визирь его спрашивалъ, для чего онъ про себя въ Москвѣ не объявилъ, и воръ отвѣчалъ, что не объявилъ, боясь казни, и отъѣхалъ служить въ Литву; но литовскій король пожаловалъ его не по достоинству и онъ отъѣхалъ въ молдавскую землю. Визирь спросилъ, хочетъ ли онъ бусурманиться? и воръ отвѣчалъ: «если султаново величество пожалуетъ меня по моему достоинству, то я побусурманюсь». А другого вора прислалъ царь крымскій. Послы отправили толмача и подъячаго провѣдывать: воръ, присланный изъ Крыма, по примѣтамъ, оказался тотъ самый, о которомъ слышали въ Кафѣ; о другомъ же ворѣ подъячій сказалъ, что онъ его знаетъ, бывалъ въ Новой Чети подъячимъ, Тимошкою зовутъ Акундиновъ, родиною вологжанинъ, стрѣлецкій сынъ, дворишко и жену свою сжегъ и съ Москвы бѣжалъ безвѣстно, а послѣ объявился

въ Литвѣ, назывался княземъ Тимоѳеемъ Великопермскимъ, да тутъ же съ Тимошкою на визиривомъ дворѣ Новой же Чети молодой подъячій Костка, и называется Тимошкинымъ человѣкомъ.

Послы дали знать визирю, что у него на дворѣ скрываются воры, чтобъ онъ рѣчамъ ихъ не вѣрилъ и розыскалъ подлинно. Визирь велѣлъ позвать Тимошку; русскій переводчикъ и толмачъ, присланные Телепневымъ, стали его уличать; но воръ съ ними не захотѣлъ говорить и сказалъ визирю, чтобъ велѣлъ поставитъ, передъ собою самихъ пословъ. Визирь отвѣчалъ ему: «Вѣдь и послы будутъ говорить тѣ же рѣчи» и спросилъ у переводчика: «Сколько тому лѣтъ, какъ царя Василья не стало?» Переводчикъ отвѣчалъ, что тому мало не сорокъ лѣтъ, а этому воришкѣ и тридцати нѣтъ. Передъ визиремъ стоялъ турокъ, старый человѣкъ, и сталъ говорить: «Въ царственныхъ книгахъ у насъ написано, что царь Василій умеръ тому тридцать-семь лѣтъ назадъ». Визирь Тимошку выслалъ вонъ и сказалъ переводчику: «Это человѣкъ лукавый, многія у него рѣчи перемѣнныя, много запрашиваетъ и султану много сулитъ; а вотъ тотъ, что изъ Крыму присланъ, думаю, что прямой онъ государскій сынъ, и крымскій царь писалъ, что онъ про него сыскивалъ русскими людьми и тѣ сказали, что онъ прямой сынъ царя Дмитрія, а отца его убилъ Уракъ-Мурза». Переводчикъ отвѣчалъ: «Уракъ-Мурза убилъ не царя Дмитрія, такой же былъ воръ, Петрушкою (?) звали». Визирь сказалъ: «Объявите посламъ, что то дѣло не ихъ, присланы они не затѣмъ, имъ до этого дѣла нѣтъ».

Пришли къ посламъ тайно извѣстный уже намъ Зелфукаръ-ага да архимандритъ Амфилохій и объявили: «воръ Тимошка говоритъ визирю, чтобъ султанъ далъ ему ратныхъ людей и велѣлъ идти съ нимъ на московскія украйны, русскіе люди противъ него стоять не будутъ, всѣ добьютъ ему челомъ, сулитъ султану Астрахань съ пригородами. Визирь противъ его рѣчей промолчалъ..» Послы начали говорить Зелфукаръ-агѣ и архимандриту, какъ бы воровъ достать? Тѣ отвѣчали: «Визирю одному такого дѣла не сдѣлать, развѣ вамъ доступить ихъ большою казною? только не потерять бы казны даромъ, потому что люди здѣсь неодинословы; лучше всего бросьте это дѣло: волочась такъ и пропадутъ, либо по городамъ дальнимъ ихъ разошлютъ въ службы, или на каторги въ греблю отдадутъ, а если вы объ нихъ

станете промышлять, то вы ихъ пуще вздорожите и поставятъ къ правду то, какъ они называются.» Архимандритъ говорилъ также, что воръ Тимошка подалъ визирю грамоту, и его архимандрита позвали эту грамоту переводить; въ грамотѣ написано, будто онъ сынъ царя Василья, и когда отца его въ Литву отдали, то онъ остался полугоду, и отецъ приказалъ беречь его тѣмъ людямъ, которые ему впрямь служили, и они его вскормили, а когда сдѣлался царемъ Михаилъ Θедоровичъ, то велѣлъ ему видѣть свои царскія очи и далъ ему удѣлъ Пермь Великую съ пригородами; тамъ ему въ Перми жить соскучилось, онъ пріѣхалъ въ Москву и государь велѣлъ его посадить за пристава; но тѣ люди, которыхъ царь Василій жаловалъ, освободили его и выпроводили изъ Москвы; Василій воевода молдавскій, его ограбилъ, снялъ съ него отцовскій крестъ многоцѣнный съ яхонтами и изумрудами и много другого добра и хотѣлъ его убить, такъ же какъ убилъ прежде брата его большого, и, убивъ, голову и кожу отослалъ въ Москву, а московскій государь велѣлъ кожу эту накласть золотыми и дорогими каменьями и отослать къ воеводѣ Василью въ благодарность.

Въ октябрѣ 1646 года архимандритъ Амфилохій далъ знать посламъ, что воръ, присланный изъ Крыма, посаженъ въ Семибашенный за̀мокъ, а воръ Тимошка пожаловался визирю на него архимандрита, будто онъ на посольскій дворъ ходитъ и про всякія вѣсти посламъ объявляетъ. Визирь грозилъ за это Амфилохію что посадитъ его на каторгу по смерть; архимандритъ велѣлъ сказать посламъ, чтобъ присылали къ нему людей своихъ ночью, люди эти будутъ у него ночевать и онъ будетъ отпускать ихъ рано до свѣту. Причиною этихъ строгостей была вѣсть о движеніяхъ русскихъ войскъ подъ Азовъ, пословъ начали держать въ заперти, и въ ноябрѣ старшій изъ нихъ, Телепневъ, умеръ. Товарищъ его, Кузовлевъ, писалъ государю, что воръ Вергуненокъ запертъ въ Кожаномъ городкѣ, который стоитъ въ Черноморскомъ гирлѣ, версты за три отъ Царяграда: заперли его для того: дана была ему воля ходить куда хочетъ, а онъ началъ пить и съ бусурманами драться; Тимошку Акундинова отъ визиря съ двора свели, велѣли ему жить позади визирева двора, а ѣсть къ нему присылаютъ отъ визиря. Но скоро Кузовлеву стало не до Тимошки: плѣнный донской козакъ объявилъ на пыткѣ, что на

Дону у козаковъ въ Черкаскомъ приготовлено 300 струговъ, да на Воронежѣ, Ельцѣ и въ другихъ украинскихъ городахъ къ веснѣ готовятъ пятьсотъ струговъ, и по государеву указу въ тѣхъ стругахъ идти козакамъ моремъ подъ Крымъ и крымскіе улусы. И вотъ 27 генваря 1647 года визирь Аземъ-Салихъ-Паша вытребовалъ къ себѣ у посла переводчиковъ и держалъ къ нимъ такую рѣчь: «Только донскіе козаки въ Черное море выйдутъ, и султану про то донесется, а я султану добрыя слова говорилъ, и то все мнѣ поставится въ ложь: и быть мнѣ въ опалѣ или даже и безъ головы, а послу и вамъ живымъ не быть; и за лѣтошнюю ссору едва устояли: велѣлъ было султанъ васъ всѣхъ побить, а если я останусь живъ и сдѣлается со мною что-нибудь нехорошее, то я посла вашего и васъ на рожнахъ изжарю: скажите эти мои слова послу, чтобъ подумалъ, какъ мнѣ и ему и вамъ бѣды избыть. Всего скорѣе избудетъ изъ бѣды, если пошлетъ отъ себя наскоро гонцовъ на Донъ, чтобъ козаки на море не ходили, а я гонцовъ велю проводить до Азова». Кузовлевъ отвѣчалъ, что козакамъ давно заказано ходить на море, но самому султанову величеству извѣстно, что донскіе козаки воры измѣнники, и прежде государевыхъ указовъ не слушались, и теперь козачьяго воровства на послѣ спрашивать нечего. Визирь прислалъ сказать Кузовлеву: «Этими рѣчами тебѣ не отговориться; только появятся козаки на морѣ, хотя и немного, сожгу тебя въ пепелъ; если хочешь живъ быть, посылай гонцовъ.» Кузовлевъ отвѣчалъ прежнее, что посылать ему гонцовъ непригоже; ни въ какихъ государствахъ надъ послами безчестья не бываетъ, и въ Царѣградѣ надъ послами никогда того не бывало, что теперь дѣлается: запираютъ, со двора не пускаютъ, корму не даютъ и назадъ къ своему государю не отпускаютъ невѣдомо для чего. Визирь пріутихъ и, при личномъ свиданіи, говорилъ Кузовлеву: «Только будутъ донскіе козаки на морѣ, и намъ съ тобою будетъ худо, двое насъ съ тобою на обѣ стороны доброе дѣло дѣлаемъ, и худо и добро намъ будетъ во всемъ вмѣстѣ; помощь козакамъ отъ васъ: еслибъ вы имъ не помогали, то имъ бы дѣлать было нечего, давно бы пропали.» Визирю дѣйствительно пришлось худо: его казнили. Донскіе козаки гуляли по Черному морю, появлялись подъ Трапезунтомъ и Синопомъ. Тимошкѣ Акундинову соскучилось въ Константинополѣ, гдѣ на него не обращали ни-

какого вниманія; онъ побѣжалъ въ Молдавію, но на дорогѣ его схватили, привезли въ Константинополь и хотѣли учинить ему жестокое наказаніе, но воръ обѣщалъ обусурманиться и передъ визиремъ бусурманскую молитву проговорилъ, обрѣзанье же упросилъ отложить; его освободили и чалму надѣли, но Акундиновъ, нарядясь въ греческое платье, побѣжалъ въ другой разъ съ русскимъ плѣнникомъ на Аѳонскую гору; его опять поймали и хотѣли казнить, но онъ попрежнему обѣщалъ обусурманиться; на этотъ разъ его обрѣзали и отдали подъ стражу. Со стороны самозванцевъ въ Царѣградѣ московское правительство могло быть покойно; но султанъ требовалъ, чтобъ царь свелъ донскихъ козаковъ изъ Черкаскаго городка и посылалъ крымскому царю посылку попрежнему. Царь отвѣчалъ о Донцахъ по старинѣ, что они государскаго повелѣнья не слушаютъ; о ханѣ отвѣчалъ, что для дружбы съ султаномъ начаты сношенія съ Крымцами, но если ханъ опять клятвѣ своей измѣнитъ, то ему уже больше терпѣть не будутъ [22].

Эти слова не были пустою угрозою: московское правительство рѣшилось не спускать болѣе Крымцамъ, которые въ концѣ 1645 года поздравили новаго царя вторженіемъ въ московскія области. Разбойники встрѣтили московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ при Городенскѣ и, послѣ бою, пошли домой тою же дорогою, какою пришли. Весною 1646 года въ Москвѣ положили предпринять наступательное движеніе: государь приказалъ князю Семену Романовичу Пожарскому собрать въ Астрахани тамошнихъ жителей, Нагайскихъ мурзъ, Черкесовъ, идти на Донъ, соединиться тамъ съ воеводою Кондыревымъ, который долженъ былъ придти изъ Воронежа, и вмѣстѣ идти подъ Азовъ. Кондыревъ въ украинскихъ городахъ набралъ 3000 вольныхъ ратныхъ людей на помощь донскимъ козакамъ. Крымцы предупредили русскихъ, напали на донскихъ козаковъ, но были отражены съ урономъ [23].

Въ то же время съ Польшею шли переговоры о союзѣ противъ Крыма. Въ генварѣ 1646 года отправлены были къ королю Владиславу великіе и полномочные послы: родственникъ царскій бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ и знакомый намъ окольничій Степанъ Матвѣевичъ Проѣстевъ, для поздравленія короля съ новымъ бракомъ на Людовикѣ Маріи Мантуанской и для подтвержденія Поляновскаго мира. 10 марта послы представились

королю, который, по болѣзни, лежалъ на постели, обложенный подушками. Послы протестовали, зачѣмъ король противъ государева имени не всталъ и поднять себя не велѣлъ; тогда король подозвалъ къ себѣ пословъ близко къ постели и говорилъ: «Памятуя вѣчное докончаніе и свое государское утвержденіе съ отцемъ великаго государя вашего, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, желаю брату своему, царю Алексѣю Михайловичу, многолѣтняго здоровья и счастливаго пребыванья; чести государя вашего остерегать я всегда долженъ выше своей собственной чести, но встать мнѣ или подняться никакъ нельзя, потому что сильно я боленъ, руками и ногами не владѣю, и не только встать, и приподняться никакъ не могу; Богъ видитъ, что дѣлается это не хитростію, если же хитростію, то отними у меня Богъ и руки и ноги; можно вамъ, великимъ посламъ, и самимъ видѣть, какъ я боленъ». Послы удовольствовались, и отъ короля отправились къ молодой королевѣ, которая, къ ихъ удовольствію, спрашивала о здоровьѣ государевомъ стоя. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы подняли старыя дѣла объ ошибкахъ въ царскомъ титулѣ. указали и на новую обиду: межевой судья Абрамовичъ прислалъ къ царскому величеству листъ и въ томъ листѣ написано невѣжливо *съ отомъ*, тогда какъ царь къ королю и король къ царю въ грамотахъ своихъ пишутъ безъ *ота;* послы требовали попрежнему виновнымъ въ большихъ винахъ казни смертной, а въ малыхъ наказанья жестокаго: этимъ бы король показалъ его царскому величеству свою братскую дружбу и любовь; требовали чтобъ король велѣлъ о царскомъ титулѣ записать въ сеймовую конституцію, чтобъ впередъ виновныхъ въ умаленіи титула карать горломъ безо всякаго оправданья. Потомъ послы перешли къ другому дѣлу: «Вѣдомо великому государю нашему учинилось, что на общаго христіанскаго непріятеля и гонителя, на турскаго султана Ибрагима, учинился упадокъ большой отъ венеціанъ ратнымъ его людямъ, разоренье и тѣснота, людей его осадили въ критскомъ островѣ нѣмцы. и тѣ осадные люди помираютъ голодомъ и безводицею, изъ Царяграда помощи послать имъ нельзя. Ибрагимъ султанъ велѣлъ сдѣлать сто каторгъ новыхъ и началъ думать, какими плѣнными гребцами наполнить эти каторги, и послалъ къ крымскому царю гонца съ грамотою, чтобъ шелъ безъ всякаго мѣшканья на московское, польское и литовское государ-

ства и набралъ полону на новыя каторги: такъ теперь время великимъ государямъ христіанскимъ на крымскаго поганца для обороны вѣры христіанской возстать; теперь время благополучное. Нашъ великій государь сильно думаетъ о соединеніи съ вашимъ великимъ государемъ на поганыхъ агарянъ. Онъ послалъ для обереганія своихъ украйнъ большое войско подъ начальствомъ бояръ князя Никиты Ивановича Одоевскаго и Василья Петровича Шереметева; если же татары пойдутъ на королевскія украйны, то великій государь, для братской дружбы и любви къ королю, велѣлъ воеводамъ своимъ помогать ратнымъ людямъ королевскимъ. И вы бы, паны радные, сами о томъ думали и короля на то наводили, чтобъ его королевское величество для избавы христіанской въ нынѣшнее благополучное время велѣлъ отпереть Днѣпръ и позволилъ днѣпровскимъ козакамъ съ донскими козаками вмѣстѣ крымскіе улусы воевать, а къ гетману своему послалъ бы приказъ, чтобъ онъ съ своими ратными людьми на Украйнѣ былъ готовъ и съ царскими воеводами обо всякихъ воинскихъ дѣлахъ ссылался, какъ имъ противъ крымскихъ татаръ стоять, въ какихъ мѣстахъ сходиться.» Паны отвѣчали: «Мы вседушно этому ради и просимъ всемогущаго Бога, чтобъ обоихъ великихъ государей соединеньемъ ихъ государскія руки надъ бусурманами высились. Что же касается до ошибокъ въ титулѣ, то объявляемъ по истинной правдѣ искренними сердцами, что ошибки дѣлались безъ хитрости, потому что дьячки пишутъ не зная русской рѣчи, всесильный Богъ свыше зритъ, что прописки дѣлаются безъ хитрости: несмотря на то, король велѣлъ вызвать виновныхъ на сеймъ, а сами знаете, что ни королю, ни намъ не только шляхтича, но и простого человѣка безъ сейма карать нельзя». Послы отвѣчали, что королю пригоже было давно такъ учинить; при этомъ послы указали панамъ королевскую грамоту, гдѣ на подписи въ титулѣ вмѣсто *Самодержцу* написано *самодержцы*. Паны сказали на это: «Мы вамъ объявляемъ, что на нашемъ польскомъ языкѣ *Самодержцы* и *самодержцу* одно слово, и безчестья тутъ его царскому величеству никакого нѣтъ и ошибки также нѣтъ». Послы отвѣчали: «Какъ вамъ, паны радные, не стыдно это говорить: не только вамъ разсудить и выразумѣть это можно, и простой человѣкъ легко разсудитъ: написать и сказать *самодержцу*—это будетъ къ одному лицу, а если написать *самодержцы*—

это будетъ ко многимъ лицамъ; на всѣхъ великихъ государствахъ россійскаго царства самодержецъ одинъ, другого нѣтъ и впередъ не будетъ. До сейму этого дѣла откладывать не годится, потому что у людей, которые пишутъ титулъ мимо посольскаго договора, велѣно честь и имѣнье отнимать и смертью казнить по королевскому указу и сеймовому уложенью». Паны: «Клянемся Богомъ, что на польскомъ языкѣ «самодержцы» и «самодержцу» одно и то же, а если по-русски не такъ, то мы впередъ будемъ остерегаться накрѣпко; да впередъ бы нашему государю къ царскому величеству въ грамотахъ писать по-польски, также и изъ порубежныхъ городовъ ссылочные листы писать по-польски: такъ ошибокъ впередъ не будетъ». Послы: «Издавна повелось, что грамоты королевскія къ великому государю пишутся бѣлорусскимъ письмомъ, и теперь, мимо прежнихъ обычаевъ, по-польски писать не годится, да у порубежныхъ воеводъ и переводчиковъ нѣтъ».

Упрашивая пословъ, чтобъ они оставили дѣло объ умаленіи титула царя Михаила, ибо не должно преслѣдовать за вины, сдѣланныя противъ покойнаго уже государя, и обѣщаясь строго наказывать за ошибки въ титулѣ государя царствующаго, паны обратились къ болѣе важному дѣлу о союзѣ противъ Крымцевъ, объявили, что король послалъ приказъ гетману Потоцкому ссылаться съ царскими воеводами для береженья отъ прихода поганцевъ; и въ прошлую зиму гетманъ готовъ былъ дать помощь московскимъ воеводамъ, но помѣшали лютые морозы. Королевское величество желаетъ, чтобъ этимъ лѣтомъ стать только по Украйнѣ и уберечь ее отъ поганцевъ, а дальнее большое дѣло отложить до другой поры, потому что и днѣпровскимъ запорожскимъ козакамъ вскорѣ на море выйти нельзя, всѣ ихъ челны позжены и теперь имъ новыхъ чаекъ дѣлать нельзя: король думаетъ, что татаръ лучше воевать въ то время, когда султанъ разошлетъ ихъ на свою службу. Запорожскимъ козакамъ позволить идти на Крымъ вмѣстѣ съ донскими королю безъ сейму никакъ нельзя, потому что у Польши съ Турціею вѣчный миръ. Наконецъ дѣло дошло до Лубы. Послы объявили, что великій государь, не желая крови, для прошенья брата своего короля, отпустилъ Лубу въ Польшу; но вездѣ, ѣдучи дорогою, въ Минскѣ и другихъ мѣстахъ, назывался онъ царевичемъ московскимъ попрежнему; говорилъ, что посылали его въ Москву для освѣдомленія, и будто великій

государь призналъ его прямымъ сыномъ Разстриги. Посолъ Стемпковскій обязался, что Луба будетъ содержаться въ большой крѣпости; но онъ не только на волѣ, но еще король сдѣлалъ его при своей пѣхотѣ писаремъ и жалованье ему даетъ: такъ королевское величество и вы паны радные по посольскому договору велѣли бы Лубу казнить смертью при насъ послахъ за то, что онъ не перестаетъ называться царевичемъ московскимъ». Паны отвѣчали: «Если сыщется, что Луба дѣйствительно называется царевичемъ московскимъ, то будетъ казненъ смертію; но мы вамъ говоримъ правду, что Луба отданъ для береженья королевской пѣхоты капитану Яну Осинскому, приставлены къ нему гайдуки и держатъ его съ большимъ береженьемъ, а королевскаго жалованья и уряду ему никакого не дано». Тогда послы потребовали, чтобъ паны дали утвержденье, согласное съ записью Стемпковскаго. Паны обѣщали дать утвержденье отъ короля и отъ себя, но отказались дать утвержденье отъ пословъ повѣтовыхъ. Что же касается до союза противъ Крыма и до Путивльскихъ городищъ (Недригайловскаго, Городецкаго, Каменнаго, Ахтырскаго, Ольшанскаго), обѣщанныхъ въ московскую сторону, то паны объявили, что для этого будутъ въ Москвѣ особые послы королевскіе: Путивльскихъ городищъ потому нельзя уступить сейчасъ же, что они необходимы для войны противъ Крыма. Послы отвѣчали: «Это со стороны вашего государя дѣлается мимо всякой правды; вашу неправду Богъ свыше зритъ и государю нашему въ правдѣ будетъ помощникъ; а царское величество Путивльскихъ городищъ и земель въ королевскую сторону никогда не велитъ уступить и за свое прямое стоять будетъ». Паны, съ своей стороны, сильно жаловались на перезывъ крестьянъ изъ-за литовскаго рубежа въ московскую сторону: это, по ихъ словамъ, была самая большая обида.

Стрѣшневъ возвратился въ Москву съ подтвержденіемъ Поляновскаго договора и записи Стемпковскаго о Лубѣ; а лѣтомъ 1646 года пріѣхалъ въ Москву полномочный королевскій посолъ, каштелянъ кіевскій Адамъ Свентолдичъ Кисель, и говорилъ царю такую рѣчь: «Великое королевство польское съ великими княжествами своими и великое государство русское, какъ два кедра ливанскіе отъ одного корня, создала десница Вседержителя Господа отъ единой крови славянской и отъ единаго языка славянскаго

народа; свидѣтельствуютъ о томъ греческіе и латинскіе лѣтописцы и историки, особенно истинный свидѣтель есть самъ языкъ, обоимъ великимъ государствамъ, какъ единому народу, общій и непремѣнный. Поэтому вамъ, великимъ государямъ, и намъ всѣмъ, обоихъ великихъ государствъ жителямъ, отъ единой славянской крови происходящимъ, свидѣтельствуютъ слова, Духомъ Святымъ реченныя: «Коль добро и коль красно еже жити братіи вкупѣ!» Сему богодухновенному указанію послѣдствуя, блаженной памяти великій государь царь Михаилъ Ѳедоровичъ закрѣпилъ союзъ вѣчнаго братства съ великимъ государемъ паномъ моимъ. Съ того времени звѣзда смутнаго разрыва, кровопролитія и междоусобной брани погасла; наступило и сіяетъ незаходимое солнце вѣчнаго міра, дружбы и любви братской; хотя оно и помрачилось преселеніемъ отъ земныхъ въ небесная великаго государя Михаила Ѳедоровича, о которомъ король панъ мой плакалъ какъ о братѣ; но когда Господь далъ вашему царскому величеству престолъ и скипетры отческаго царства, то король панъ мой скорбь свою премѣнилъ въ радость, и помраченное солнце опять просіяло. Такъ какъ ваше царское величество съ наслѣдіемъ царства наслѣдіе братской любви къ пану моему королю чрезъ пословъ своихъ объявить произволили, то и его королевское величество братскую свою любовь вашему царскому величеству отдаетъ и черезъ меня такими словами поздравляетъ: «Радуйся Божіею милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси Самодержецъ! Радуйся великаго государя моего братъ, великихъ государствъ и великаго союза братской любви наслѣдникъ! Живи многолѣтно и счастливо на великомъ государствѣ; по долгихъ же временахъ, лѣтахъ и вѣку да дастъ тебѣ Господь благословеніе отеческое увидать, и также наслѣдника царствію своему узрѣвши, преселенія отъ земныхъ въ небесная со всякою радостію ожидать!»

Кромѣ цвѣтовъ краснорѣчія, Кисель обнаружилъ историческія познанія: предложилъ царю Алексѣю Михайловичу и боярамъ его дѣленія славянской исторіи на три періода: 1) счастливый, когда славяне чрезъ соединеніе силъ своихъ по всему свѣту славились; Римъ старый и Римъ новый свидѣтельствуютъ о дѣлахъ храбрости славянской; 2) вѣкъ несчастный, вѣкъ междоусобной брани, когда славяне, разлучившись другъ отъ друга, многооб-

разнымъ разореніемъ и кровопролитіемъ братскую любовь растерзали; въ это время многими вотчинами народовъ нашихъ чужіе народы и поганскіе овладѣли: гдѣ крестъ святой Владиміръ принялъ, въ Херсонѣ или Корсунѣ, тамъ теперь Перекопь и Орда татарская живетъ; гдѣ были сѣдалища половцевъ, пожертыхъ и съ именемъ своимъ потребленныхъ саблею предковъ нашихъ, тамъ нынѣ крымская водворилась Орда, междоусобными несчастными войнами обоихъ великихъ государствъ нашихъ умноженная. 3) Теперь Божію милостію третье время настало: время вѣчнаго союза и братской любви величествъ вашихъ и обоихъ государствъ, какъ бы возвращеніе въ первый чинъ единородствія и единодружныя любви».

Послѣ цвѣтовъ краснорѣчія начались переговоры—и обнаружились тернія. Кисель требовалъ: если въ грамотѣ будетъ ошибка въ царскомъ титулѣ, то такой грамоты не принимать, отсылать ее назадъ, отчего писавшему будетъ большое безчестье. Бояре отвѣчали: «Ты панъ радный и человѣкъ знающій, а написалъ то, чего и простому человѣку помыслить стыдно и отъ Бога страшно. Вамъ, панамъ раднымъ, надобно охранять вѣчное докончаніе, а вы государскую честь ставите какъ будто ни во что, виноватыхъ безъ казни и наказанія хотите оправдать; если грамотъ ни принимать, отсылать ихъ назадъ, то по чему можно будетъ виноватаго сыскать и чѣмъ его обличить?» Кисель: «Я объ этомъ говорилъ и писалъ не самъ отъ себя, по наказу отъ короля и Рѣчи Посполитой; король и вся Рѣчь Посполитая разсуждали, какъ бы эти прописки въ титулѣ уничтожить, потому что въ Московскомъ государствѣ это почитаютъ за великую вину, а у насъ и къ королю полнаго титула не пишутъ, добрый человѣкъ дѣлаетъ хорошо, а глупый глупо, и приговорили грамотъ не принимать: какъ увидятъ, что грамотъ не принимаютъ и исполненья по нимъ никакого нѣтъ, то поневолѣ научатся писать исправно». Бояре: «Дивно намъ, что они во столько лѣтъ не могутъ научиться писать; сами вы, паны радные, своихъ людей дураками называете, что не могутъ научиться; поганые бусурманы, и тѣ государево именованье пишутъ справчиво, и изъ нѣмецкихъ государствъ никогда никакой описки не бываетъ». Кисель: «Если царскому величеству это не угодно, то можно иначе сдѣлать». Опредѣлили: казнить за прописки въ титулѣ.

Кисель настаивалъ и на то, чтобъ перебѣжавшихъ крестьянъ отдавать назадъ: «Они у насъ государство пустошатъ; какая это будетъ братская любовь, что бѣглыхъ пашенныхъ крестьянъ принимать; теперь ольшанскіе мужики подстаросту убили и перешли въ сторону царскаго величества: развѣ это не досада намъ отъ нихъ?» Бояре: «У царскаго величества стольника честнаго человѣка Ивана Волкова люди его убили и перебѣжали въ королевскую сторону, объ нихъ писали, чтобъ отдать, но не отдали; также и въ государеву сторону перешли черкасы многіе, но назадъ ихъ не просили, и о томъ ни слова не бывало». Кисель: «Черкасы люди вольные, гдѣ хотятъ, тутъ живутъ, а крестьяне пашенные невольники». Бояре: «Въ вѣчномъ докончаньи о перебѣжчикахъ не написано: такъ этого не надобно и начинать». Кисель: «Что напередъ было, того я не спрашиваю; а теперь бы сдѣлать вновь и укрѣпить, чтобъ перебѣжчиковъ не принимать, а если принимать, то это будетъ противно Богу, противно братской любви и соединенью; теперь у Конецпольскаго, Вишневецкаго и другихъ перебѣжало въ царскую сторону съ 1,000 человѣкъ, а у насъ у троихъ тысячъ съ пятнадцать; хорошо ли будетъ, если мы своихъ мужиковъ станемъ у васъ брать и побивать; если хотите нашихъ крестьянъ къ себѣ брать, значитъ не хотите насъ съ собою въ дружбѣ видѣть. Повѣтовые послы говорили королю, что отъ нихъ начали крестьяне бѣгать и чтобъ король приказалъ мнѣ объ этомъ написать въ наказъ первою статьею». Бояре: «Чего въ вѣчномъ докончаньи не написано, того вновь начинать не надобно; со стороны царскаго величества изъ Брянской и Комарицкой волости и съ Лукъ Великихъ крестьяне пашенные многіе перебѣжали и теперь безпрестанно бѣгаютъ въ королевскую сторону. Въ нынѣшнемъ году перебѣжалъ въ королевскую сторону Брянченина Колычова крестьянинъ Артюшка, и пришедши назадъ изъ-за рубежа, своего помѣщика рогатиною закололъ; по царскому указу убійцу отослали къ мстиславскому воеводѣ для казни, а въ царскую сторону его не взяли. Ты, великій посолъ, благочестивой христіанской вѣры и за нее поборатель, а эти мужики пашенные такой же благочестивой вѣры, живутъ они у васъ за людьми разныхъ вѣръ, и если ихъ отдавать назадъ, значитъ отдавать католику или лютеру на мученье: христіанское ли это дѣло? Бѣдный крестьянинъ, будучи

въ такой неволѣ, и вѣры своей отбудетъ». Кисель: «Мужики что знаютъ? о вѣрѣ у нихъ никакого попеченія нѣтъ; бѣгаютъ оттого, что не хотятъ пану своему и малаго оброка заплатить. Побѣжитъ мужикъ въ дальніе города, то пану еще не такъ досадно, потому что онъ его не увидитъ, а то убѣжитъ и станетъ жить близко въ порубежныхъ мѣстахъ, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Такъ договориться бы, чтобъ въ порубежныхъ мѣстахъ крестьянъ перебѣжчиковъ не держать; а если погонщикъ застанетъ бѣглеца на рубежѣ, то можетъ его взять». Но бояре именемъ царскимъ рѣшительно отказали ему въ этой статьѣ. И дѣло о союзѣ противъ Крыма также не подвинулось. Кисель требовалъ уговориться о томъ, гдѣ и какъ союзнымъ войскамъ сходиться для отпора татарамъ. Бояре отвѣчали: «Если съ обѣихъ сторонъ ратнымъ людямъ стоять въ степи долгое время безъ дѣла, то ратные люди изнуждаются, а Крымцы, узнавши, о соединеніи нашихъ войскъ не придутъ. Лучше такъ сдѣлать, чтобъ соединясь, идти на Крымъ прямо». Но Кисель объявилъ, что шляхта на сеймѣ не захотѣла войны съ турками, которые никакого повода къ войнѣ не подаютъ; такъ надобно отъ татаръ обороняться. Бояре говорили: «Теперь бы что-нибудь крымскимъ татарамъ послать немного, чтобъ ихъ пооплошить, а въ то бъ время, года въ два или три изготовиться и идти на нихъ въ Крымъ. Для обереганья Украйны царскія войска будутъ стоять въ пограничныхъ городахъ, и если татары пойдутъ на Польшу, то эти войска будутъ помогать польскимъ войскамъ и ходить за татарами до Днѣпра, а если татары пойдутъ на царскія украйны, то польскія войска должны помогать русскимъ; быть съ обѣихъ сторонъ стоялымъ служивымъ людямъ по 5,000 человѣкъ, а, смотря по вѣстямъ, и больше». Кисель отвѣчалъ, что если московскія войска будутъ ходить только до Днѣпра, то помощи никакой отъ нихъ не будетъ, потому что по сю сторону Днѣпра татары у поляковъ никогда не бываютъ, ходить бы московскимъ войскамъ за Днѣпръ до Чернаго шляха, а поляки будутъ ходить на помощь къ русскимъ до Бѣлгорода. Бояре говорили, что если ходить за Днѣпръ, то не поспѣть. Кисель объявилъ, что у гетмановъ польскихъ есть лазутчики въ Крыму, которые сейчасъ дадутъ знать, если ханъ станетъ подниматься. Наконецъ положили, что гетманы съ воево-

дами будутъ ссылаться и татаръ чрезъ свои земли не пропускать, заодно противъ враговъ стоять; если же отъ нихъ объявится большая вражда, то великіе государи уговорятся какъ дѣйствовать; теперь же оба государя будутъ поступать съ крымцами по давнему обычаю, чтобъ никакого повода ко враждѣ имъ не подать.

Такимъ образомъ новому правительству московскому не удалось уговорить поляковъ къ наступательному союзу противъ крымцевъ, потому что поляки боялись крымскою войною затронуть Турцію, которая, по близости границъ, была для нихъ гораздо опаснѣе, чѣмъ для Москвы. Для послѣдней, впрочемъ, важенъ былъ и оборонительный союзъ противъ разбойниковъ [24].

Но въ то время, какъ дѣла внѣшнія шли успѣшно, внутреннее состояніе московскаго государства было далеко неудовлетворительно: народъ томился подъ тяжестію налоговъ, купечество было бѣдно вслѣдствіе той же причины, вслѣдствіе физическихъ бѣдствій—неурожая и скотскаго падежа, наконецъ вслѣдствіе дурного состоянія правосудія. Но купцы, по прежнему, всего болѣе обвиняли въ своей бѣдности и разореніи купцовъ иностранныхъ: въ 1646 году они подали новому царю жалобу: «Послѣ московскаго разоренья, какъ воцарился отецъ твой государевъ, англійскіе нѣмцы, зная то, что имъ въ торгахъ отъ московскаго государства прибыль большая, и желая всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли изъ посольскаго приказа грамоту, что торговать англійскимъ гостямъ у архангельскаго города и въ городахъ московскаго государства 23 человѣкамъ; а намъ челобитье ихъ встрѣтить и остановить въ то время некому было, потому что всѣ были розорены до конца и отъ разоренья, бродя, скитались по другимъ городамъ. И какъ взяли они нѣмцы грамоту изъ посольскаго приказа, то и начали пріѣзжать въ московское государство англичанъ человѣкъ по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и покупили себѣ у архангельскаго города, на Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, на Москвѣ и въ другихъ городахъ дворы многіе и амбары, построили палаты и погреба каменные, и начали жить въ московскомъ государствѣ безъ съѣзду; у Архангельскаго города русскимъ людямъ свои товары перестали продавать и на русскіе товары мѣнять, а начали свои всякіе товары

въ Москву и въ другіе города привозить: который товаръ будетъ подороже, и они его станутъ продавать, а который товаръ подешевле и походу на него нѣтъ, такъ они его держатъ у себя въ домахъ года по два и по три, и какъ тотъ товаръ въ цѣнѣ поднимется, тогда и продавать станутъ. А русскіе товары, которые мы прежде мѣняли на ихъ товары, теперь они покупаютъ сами, своимъ заговоромъ, разсылаютъ покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ должныхъ русскихъ людей и, закупя тѣ товары, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они отвозятъ въ свои земли безпошлинно; а иные русскіе товары они, англійскіе нѣмцы, у Архангельска продаютъ на деньги, голландскимъ, брабантскимъ и гамбургскимъ нѣмцамъ, вѣсятъ у себя на дворѣ и возятъ на голландскіе, брабантскіе и гамбургскіе корабли тайно и твою государеву пошлину крадутъ; всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ архангельскому городу больше не ѣздимъ. Но эти нѣмцы не только насъ безъ промысловъ сдѣлали, они все московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ мясо и всякій харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю. А какъ придутъ корабли къ Архангельску, то они товаровъ своихъ на корабляхъ досматривать не дадутъ; а еслибы ихъ товары таможенные головы и целовальники досматривали во всѣхъ городахъ, такъ же какъ и у насъ, и пошлины съ нихъ брали, то съ нихъ сходило бы пошлинъ на годъ тысячъ по тридцати рублей и болѣе. У нихъ въ жалованной грамотѣ написано, что грамота дана имъ по прошенію ихъ короля Карлуса; но они англичане торговые люди всѣ Карлусу королю неподручны, отъ него отложились и бьются съ нимъ четвертый годъ. Англійскіе гости, Мерикъ съ товарищами, которымъ было велѣно, по вашему государскому жалованью и по просьбѣ Карлуса короля, ѣздить въ московское государство торговать, ни разу не бывали, а ваше государево жалованье продаютъ инымъ закупнямъ, и съ жалованною грамотою пріѣзжаютъ нѣмцы новые, которые вашимъ государевымъ жалованьемъ не пожалованы. Да они же нѣмцы привозятъ всякіе товары хуже прежняго; да они же стали торговать не своими товарами; прежде англійскіе нѣмцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать явно. Гамбургскіе, брабантскіе

и голландскіе нѣмцы промысломъ своимъ и давъ многіе посулы и поминки, вопреки государеву указу, съ товарами своими въ московское государство пріѣзжаютъ каждый годъ, показывая по городамъ ваши государевы жалованныя грамоты, а грамоты эти взяли они изъ посольскаго приказа, ложнымъ своимъ челобитьемъ и многими посулами и поминками, у думныхъ дьяковъ Петра Третьякова и Ивана Грамотина; а иные нѣмцы ѣздятъ и безъ грамотъ. Давыдъ Николаевъ, купя на Москвѣ дворъ и поставя палаты, торгуетъ и продаетъ всякіе товары на своемъ дворѣ врознь, какъ и въ рядахъ продаютъ, безъ вашего государскаго указа и безъ жалованной грамоты. Да нѣмцы же, живя въ Москвѣ и въ городахъ, ѣздятъ черезъ Новгородъ и Псковъ въ свою землю на годъ по пяти, шести и десяти разъ съ вѣстями, что дѣлается въ московскомъ государствѣ, почемъ какіе товары покупаютъ, и которые товары на Москвѣ дорого покупаютъ, тѣ они станутъ готовить, и все дѣлаютъ по частымъ своимъ вѣстямъ и по грамоткамъ, сговорясь заодно; а какъ пріѣдутъ торговать на ярмарку къ архангельскому городу, то про всякіе товары цѣну разскажутъ, заморскіе товары, выбравъ лучшіе, закупятъ всѣ сами на деньги и на русскіе товары промѣняютъ и, сговорясь между собою заодно, нашихъ товаровъ покупать не велятъ, а заморскимъ товарамъ цѣну держатъ большую, чтобъ намъ у нихъ ничего не купить и впередъ на ярмарку не ѣздить; и мы товаренки свои отъ архангельскаго города веземъ назадъ, а иной оставляетъ на другой годъ, а которые должные людишки, плачучи, отдаютъ товаръ свой за безцѣнокъ, потому что имъ держать его у себя нельзя, люди должные, и отъ того ихъ умыслу и заговору мы ѣздить къ архангельскому городу перестали, потому что стали въ великихъ убыткахъ, а твоимъ государевымъ пошлинамъ годъ отъ году все больше и больше недоборъ. Да нѣмцы же Петръ Марселисъ и Еремей Фелцъ, умысля лукавствомъ своимъ, откупили ворванье сало, чтобъ твои государевы торговые люди холмогорцы и всѣ поморскіе промышленники того сала, мимо ихъ, инымъ нѣмцамъ и русскимъ людямъ никому не продавали, а себѣ берутъ они у торговыхъ людей въ полцѣны, въ треть и въ четверть, потому что мимо ихъ никому покупать не велятъ, и оттого многіе люди холмогорцы и все поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчи-

на, городъ архангельскій, и холмогорскій уѣздъ и все поморье пустѣетъ; а когда этимъ саломъ позволено было торговать съ разными иноземцами и всякихъ чиновъ людьми, то съ этого сальнаго торгу сбирали таможенныхъ пошлинъ тысячи по четыре и по пяти и больше; торговые люди этимъ промысломъ кормились и были сыты; а теперь отъ этихъ откупщиковъ твои пошлины пропали, многіе люди обнищали и податей не платятъ, и уѣзды поморскіе запустѣли, отъ этого промысла теперь не соберется и двухсотъ рублей въ годъ. А ихъ нѣмецкое злодѣйство къ намъ мы тебѣ, праведному государю, объявляемъ. При державѣ отца твоего ярославецъ торговый человѣкъ Антонъ Лаптевъ ѣздилъ съ товаромъ черезъ Ригу въ голландскую землю, въ Амстердамъ, съ соболями, лисицами и бѣлками, чтобъ тѣ товары испродать, а ихъ товаровъ въ ихъ землѣ закупить. Проѣхалъ онъ Антонъ ихъ нѣмецкія три земли, а они нѣмцы, сговорясь и согласившись заодно, у него ничего не купили ни на одинъ рубль, и поѣхалъ онъ изъ нѣмецкой земли на ихъ нѣмецкихъ корабляхъ съ ними нѣмцами вмѣстѣ къ архангельскому городу, и какъ скоро онъ сюда пріѣхалъ, то у него тѣ же нѣмцы купили всѣ его товары большою цѣною. Московскіе торговые люди, которые въ то время были на ярмаркѣ, нѣмцамъ начали говорить въ разговорныхъ рѣчахъ: какая это правда, что государя нашего торговый человѣкъ заѣхалъ съ товарами въ ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, его чуть съ голоду не поморили, и, торговавъ у него въ своей землѣ соболи и лисицы самою дешевою, половинною цѣною, здѣсь купили большою цѣною? А въ московскомъ государствѣ иноземцы торгуютъ, по милости государя нашего, многіе люди всякими товарами повольно, а заговоровъ у насъ, торговыхъ людей, никакихъ нѣтъ, и такой неправды мы не посмѣемъ вамъ сдѣлать, по милости государя нашего къ вамъ: вамъ бы слѣдовало, за милость государя нашего, также правду чинить и торговать безо всякой хитрости. И нѣмцы намъ отвѣчали: для того мы у Антона Лаптева товару не купили, чтобъ инымъ русскимъ торговымъ людямъ ѣздить въ наши государства было не повадно; а если въ нашихъ государствахъ русскіе люди станутъ торговать, какъ мы у васъ, то мы всѣ останемся безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди: мы и персидскихъ купцовъ точно также отъ себя проводили, и вамъ

бы поставить себѣ и то въ большую находку, что мы Антова Лаптева съ голоду не уморили. Такъ-то, государь, они надъ нами насмѣхаются! Да въ прошломъ 1645 году изъ приказа большой казны продано было нѣмцамъ 900 пудовъ слишкомъ шелку сырцу, а по уговору взято было съ нихъ по 77 ефимковъ за пудъ; мы, зная, что прежде нѣмцы у корабельной пристани твой государевъ шелкъ сырецъ покупали прежде всѣхъ товаровъ цѣною большою, били челомъ съ ними о торгу, и по твоему государеву указу данъ намъ торгъ, и мы въ торгу съ ними сдѣлали тебѣ государю прибыли сверхъ той цѣны, по которой отданъ былъ имъ шелкъ, съ восемь тысячъ ефимковъ; но когда мы этотъ шелкъ послали на ярмарку къ архангельскому городу, то нѣмцы, сговорясь между собою, шелку у насъ не купили ни одной гривенки, и говорятъ: «Мы сдѣлаемъ то, что московскіе купцы настоятся въ деньгахъ на правежѣ, да и впредь заставимъ ихъ торговать лаптями, забудутъ перекупать у насъ товары!» Милосердый государь! Пожалуй насъ холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять.»[25] Просьба не была исполнена. Не исполнялась она и при царѣ Михаилѣ, но тогда не на кого было жаловаться; теперь же при молодомъ государѣ всѣми дѣлами завѣдывалъ Морозовъ, извѣстный привязанностію къ иностранцамъ и иностраннымъ обычаямъ, и хотя Виніусъ, по свидѣтельству иностранцевъ, болѣе хотѣлъ добра русскимъ, чѣмъ своимъ, однако русскіе смотрѣли иначе на дѣло. Этотъ упрекъ отъ иностранцевъ Виніусъ, вѣроятно заслужилъ за то, что и на иностранные товары, не исключая англійскіе, наложена была двойная пошлина «для пополненья ратныхъ людей». При этомъ правительство утѣшало иностранцевъ тѣмъ, что они воротятъ свои деньги, возьмутъ ихъ съ рускихъ же людей, возвысивъ цѣну своимъ товарамъ.

Но кромѣ иностранныхъ нѣмецкихъ заговоровъ, жители московскихъ городовъ бѣднѣли отъ того, что многіе стремились выйти изъ общины, изъ желанія отбыть общинныхъ повинностей: «въ мартѣ 1648 года новгородскіе посадскіе люди били челомъ, что послѣ разоренья въ Новгородѣ осталось посадскихъ людей

немного, разбрелись, а иные померли, и вновь не прибыло ни одного человѣка, изъ оставшихся выбраны къ денежнымъ сборамъ, въ таможенную избу, въ отхожія и иныя многія городовыя царскія службы, а люди все бѣдные и скудные, и впередъ къ царскимъ дѣламъ выбрать будетъ изъ нихъ некого; кромѣ того, въ Новгородѣ и Новгородскомъ уѣздѣ многіе козаки, стрѣльцы, митрополичьи, монастырскіе и всякихъ чиновъ нетяглые люди торгуютъ всякими товарами, сидятъ въ лавкахъ и отхожими торговыми многими промыслами промышляютъ и у посадскихъ тяглыхъ людей промыслы отняли, а мірскаго тягла съ ними не платятъ, службъ не служатъ, живутъ *въ пробыляхъ*, а иные посадскіе люди, избывая подати, стали въ стрѣльцы и козаки, во всякіе чины, у митрополита живутъ въ приказныхъ и крестьянахъ, отчего Новгородъ въ конечномъ запустѣньѣ; а которые тяглые дворы съ большими угодьями, тѣми дворами владѣютъ всякихъ чиновъ *бѣлые* (не тяглые) люди, и съ этихъ тяглыхъ дворовъ и мѣстъ никакихъ податей не платятъ, и за эти дворы тягло и службы ложатся на остальныхъ посадскихъ людей.» Вслѣдствіе этой челобитной правительство приказало наложить на всѣхъ этихъ избывальщиковъ государственныя службы и подати, и, между прочимъ, предписало: «Если поповы, дьяконовы, дьячковы и слугъ монастырскихъ дѣти, или сами попы, дьяконы и дьячки торгуютъ большими промыслами и въ лавкахъ сидятъ, то всѣхъ ихъ взять въ посадъ и въ тягло обложить; козакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ, которые торгуютъ большими торгами не менѣе пятидесяти рублей, быть въ посадѣ въ службѣ и въ тяглѣ съ посадскими людьми вмѣстѣ; а которые въ посадѣ жить не захотятъ, а торгуютъ многими товарами не меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить безъ государева денежнаго жалованья; а которые торгуютъ меньше пятидесяти рублей, тѣмъ служить съ денежнымъ жалованьемъ, но безъ хлѣбнаго».

Между крестьянами существовало то же стремленіе отбывать отъ податей во вредъ общинѣ: по указу царя Михаила чердынцы посадскіе и уѣздные выборные люди Чердынскій уѣздъ росписали въ сошное письмо, въ полшесты сохи, дворами, кому съ кѣмъ ближе; но послѣ этой сошной росписки уѣздные многіе лучшіе крестьяне, заговоромъ, родомъ и племенемъ и семьями, по воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, отписывались отъ среднихъ

и младшихъ людей сошнымъ письмомъ, по станамъ, въ мелкія выти дворами же, а не по данному окладу, и предъ средними и младшими людьми въ тяглѣ живутъ въ великой льготѣ; а среднимъ и младшимъ людямъ передъ ними стало тяжело, не въ мочь, и оплачивая ихъ, обнищали и одолжали великими долгами; вслѣдствіе этого еще царь Михаилъ приказалъ лучшимъ крестьянамъ всякое тягло тянуть и сибирскіе отпуски отпускать съ средними и младшими вмѣстѣ, заодно, въ свалъ, а не по сошной развыткѣ, считаться и окладываться на посадѣ по животамъ и промысламъ, чтобъ никто ни за кого лишняго не платилъ, и впредь лучшимъ людямъ отъ среднихъ и младшихъ не отписываться. Но этой царской грамоты нѣкоторые люди не послушали и учинились сильны, воеводъ подкупили, и отъ ихъ насильствъ многіе посадскіе люди и уѣздные крестьяне разбрелись врозь, а сильные люди жили во льготѣ. Царь Алексѣй повторилъ приказаніе отца своего.

Такимъ образомъ видимъ, что и между посадскими, и между крестьянами сильные люди старались быть сильнѣе общины, и кто не былъ силенъ самъ по себѣ, тотъ закладывался за сильнаго, чтобъ подъ его покровительствомъ не тянуть вмѣстѣ съ міромъ. И между служилыми людьми сильные продолжали разорять слабыхъ, переманивая отъ нихъ крестьянъ. Дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, что они разорены безъ остатка отъ войны и отъ сильныхъ людей, бояръ, окольничихъ, ближнихъ людей и властей духовныхъ, просили урочные годы оставить, а отдавать имъ бѣглыхъ крестьянъ по писцовымъ книгамъ и выписямъ, во всякое время, какъ только они своихъ крестьянъ провѣдаютъ. Но десятилѣтній срокъ не былъ отмѣненъ для отыскиванія старыхъ бѣглецовъ; обѣщано отставить урочные годы на будущее время, когда крестьяне и дворы ихъ будутъ подвергнуты строгой переписи: «какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ: и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ.» Но на перепись явились новыя жалобы: нѣкоторые написали въ сказкахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы не всѣ сполна, и для утайки при перепискѣ изъ двухъ и изъ трехъ дворовъ переводили людей въ одинъ дворъ и нѣсколько дворовъ въ одинъ дворъ сгораживали, ворота у этихъ дворовъ одни дѣлали, крестьянскіе и бобыльскіе дворы людскими, жилые пустыми писали, деревни

и починки обводили. Потомъ сдѣлана была еще уступка мелкимъ служилымъ людямъ: въ 1647 году десятилѣтній срокъ для отыскиванія бѣглыхъ былъ замѣненъ пятнадцатилѣтнимъ. Такимъ образомъ продолжалась борьба между интересомъ крупныхъ и интересомъ мелкихъ землевладѣльцевъ; но какъ скоро разъ уже сдѣлано было прикрѣпленіе въ интересѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, то долго нельзя было останавливаться на урочныхъ годахъ[26].

Посадскіе и крестьяне старались избыть отъ податей, потому что подати были дѣйствительно тяжки. Чтобъ помочь какъ-нибудь злу, придумали средство: 18 марта 1646 года наложена была новая пошлина на соль, прибавлено на всякій пудъ по двѣ гривны; «а иные мелкіе поборы», говоритъ указъ: «со всей земли и прежнія соляныя всякія пошлины и проѣзжіе мыты указали мы вездѣ отставить, и порухи впередъ въ соляной продажѣ нигдѣ никому не быть. А какъ та соляная пошлина въ нашу казну сполна сберется, то мы указали во всей землѣ и со всякихъ людей наши доходы, стрѣлецкія и ямскія деньги сложить, а заплатить тѣ стрѣлецкіе и ямскіе доходы этими соляными пошлинными деньгами, потому что эта соляная пошлина всѣмъ будетъ ровна; въ избылыхъ никто не будетъ и лишняго платить не станетъ, и всякій станетъ платить безъ правежу. А стрѣлецкія и ямскія деньги сбираются неровно, инымъ тяжело, а инымъ легко, и платятъ за правежомъ съ большими убытками, а иные и не платятъ, потому что ни въ разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ именъ ихъ нѣтъ, и живутъ всѣ въ уѣздѣ въ избылыхъ; также иноземцы, которые получаютъ наше жалованье и кормовыя деньги, и торговые люди иноземцы всѣ станутъ платить наравнѣ съ тяглыми людьми. А торговымъ людямъ возить эту соль во всѣ города и уѣзды безъ мыту и безо всякой пошлины, и продавать имъ вездѣ, гдѣ кто захочетъ, примѣняясь къ прежней цѣнѣ, а лишней много цѣны на соль не накладывать и заговоровъ въ соляной продажѣ никому нигдѣ не дѣлать, чтобъ всякихъ чиновъ людямъ тѣсноты и лишнихъ убытковъ не было»[27]). Любопытно здѣсь признаніе правительства, что нѣтъ средствъ у него противъ избылыхъ людей, которыхъ ни въ разрядѣ, ни въ писцовыхъ книгахъ нѣтъ; любопытно желаніе ввести такой налогъ, который бы не допускалъ правежа; наконецъ любопытно, какъ правительство утѣшаетъ русскихъ людей тѣмъ, что ино-

странцы подчинятся этому налогу наравнѣ со всѣми. Но такое безпристрастіе къ иностранцамъ не могло задобрить многихъ ревнителей старины, когда они изъ того же указа узнали, что употребленіе табаку, богомерзкой травы, принесенной иностранцами, травы, за которую при царѣ Михаилѣ рѣзали носы, позволяется правительствомъ, съ тѣмъ только, что продажа ея дѣлается монополіею казны. Пошлина на соль была уничтожена въ началѣ 1648 года, но табакъ остался. Морозовъ сократилъ также дворцовые расходы, отославши извѣстное число придворныхъ слугъ и уменьшивши жалованье у остальныхъ. Понятно, что этою мѣрою онъ не пріобрѣлъ себѣ приверженцевъ.

Въ началѣ 1647 года царь задумалъ жениться; изъ 200 дѣвицъ выбрали шесть самыхъ красивыхъ, изъ этихъ шести царь выбралъ одну: дочь Рафа или Ѳедора Всеволожскаго; узнавши о своемъ счастіи, избранная, отъ сильнаго потрясенія, упала въ обморокъ; изъ этого тотчасъ заключили, что она подвержена падучей болѣзни, и несчастную вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь, откуда уже въ 1653 году перевели въ дальную ихъ деревню Касимовскаго уѣзда. Такъ разсказываетъ одно иностранное извѣстіе; русское извѣстіе говоритъ, что Всеволожскую испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, которыхъ царь не выбралъ. Другое иностранное извѣстіе упрекаетъ въ этомъ дѣлѣ Морозова, которому почему-то не нравились Всеволожскіе и который мѣтилъ на двухъ сестеръ Милославскихъ: одну хотѣлъ сосватать царю, а другую себѣ, и такимъ образомъ обезпечить себя отъ соперничества съ новыми родственниками царскими. Изъ оффиціальныхъ извѣстій мы имѣемъ одинъ только отрывокъ изъ дѣла: изъ этого отрывка узнаемъ, что обвиненъ былъ Мишка Ивановъ, крестьянинъ боярина Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царскаго) въ чародѣйствѣ, въ косномъ разводѣ и въ наговорѣ въ дѣлѣ Рафа Всеволожскаго [28]. Понятно, что на основаніи одного иностраннаго извѣстія нѣтъ никакого права обвинять Морозова. По всѣмъ вѣроятностямъ, подозрѣніе на него пало вслѣдствіе того, что чрезъ годъ, 16 января 1648 года, царь женился на Марьѣ, дочери Ильи Даниловича Милославскаго, а черезъ десять дней послѣ того Морозовъ женился на сестрѣ царицы, Аннѣ Ильиничнѣ. Зная пристрастіе Морозова къ иностранцамъ, зная, что царь уже разъ рѣшился на измѣну

старому обычаю, продоливъ время траура по отцѣ на цѣлый годъ вмѣсто сорока дней, многіе, какъ говорятъ, опасались, что по случаю свадьбы царской приняты будутъ иностранные обычаи и произойдутъ перемѣны при дворѣ. Опасенія не оправдались, иностранные обычаи не были введены, тѣмъ не менѣе бракъ царскій имѣлъ слѣдствіемъ сильное неудовольствіе народное.

Илья Даниловичъ Милославскій былъ очень незначительнаго происхожденія и выведенъ въ люди дядею своимъ, знаменитымъ дьякомъ Грамотинымъ. Милославскій воспользовался своимъ новымъ положеніемъ, чтобъ нажиться; особенно стали наживаться родственники его, окольничіе, судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и завѣдывавшій пушкарскимъ приказомъ Траханіотовъ; поднялся сильный ропотъ, начались сборища у церквей и рѣшились наконецъ подать просьбу государю на Плещеева; но окружавшіе царя брали просьбы у народа и всякій разъ представляли дѣло въ иномъ видѣ, отчего просители не получали удовлетворенія. Тогда народъ рѣшился изустно просить царя. 25 мая 1648 года, когда государь возвращался отъ Троицы, толпа схватила за узду его лошадь и просила Алексѣя отставить Плещеева, опредѣливши на его мѣсто человѣка добраго. Царь обѣщалъ и довольный народъ сталъ расходиться, какъ вдругъ нѣсколько придворныхъ, друзей Плещеева, стали ругать народъ, мало того: въѣхали на лошадяхъ въ толпу и ударили нѣсколько человѣкъ нагайками. Народъ разсвирѣпѣлъ, камни посыпались на обидчиковъ, которые принуждены были спасаться бѣгствомъ во дворецъ, толпа кинулась за ними, и тутъ, чтобъ остановить ее, повели на казнь Плещеева! но народъ вырвалъ его изъ рукъ палача и умертвилъ. Морозовъ вышелъ было на крыльцо съ увѣщаніями отъ имени царскаго, но въ отвѣтъ на его увѣщаніе послышался крикъ, что и ему будетъ то же, что Плещееву; правитель долженъ былъ спасаться бѣгствомъ во дворецъ, домъ его разграбили, убили холопа, который хотѣлъ защищать господское добро; женѣ Морозова сказали, что еслибы она не была царская свояченица, то изрубили бы ее въ куски; сорвали съ нея дорогія украшенія и бросили на улицу; потомъ убили думнаго дьяка Чистаго, хотѣли было сдѣлать то же и съ богатымъ гостемъ Шоринымъ, обвиняя его въ возвышеніи цѣны на соль, но онъ успѣлъ выѣхать изъ города; домъ его разграбили, вмѣстѣ съ домомъ кня-

за Никиты Одоевскаго, князя Алексѣя Михайловича Львова и другихъ вельможъ. На другой день, послѣ полудня, вспыхнулъ страшный пожаръ и продолжался до полуночи: погорѣли Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ, Чертолье и всѣ посады; уняли пожаръ, вспыхнулъ новый мятежъ. Отрядъ служивыхъ иностранцевъ двинулся защищать дворецъ; нѣмцы шли съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ; Москвичи дали имъ дорогу, кланялись и говорили, что у нихъ къ нѣмцамъ никакой недружбы нѣтъ, знаютъ, что они люди честные, обмановъ и притѣсненій боярскихъ не хвалятъ. Когда нѣмцы расположились стражею около дворца, то царь выслалъ къ народу двоюроднаго брата своего, Никиту Ивановича Романова, зная любовь къ нему народную. Никита Ивановичъ вышелъ съ шапкой въ рукахъ и сказалъ, что царь обѣщаетъ выполнить желаніе подданныхъ и увѣщеваетъ ихъ разойтись, чтобъ можно было ему выполнить обѣщаніе. Народъ отвѣчалъ, что онъ не жалуется на царя, а на людей, которые воруютъ его именемъ, и что онъ не разойдется до тѣхъ поръ, пока ему не выдадутъ Морозова и Траханіотова. Никита Ивановичъ отвѣчалъ, что оба скрылись, но что ихъ отыщутъ и казнятъ. Народъ разошелся. Траханіотова дѣйствительно схватили подлѣ Троицкаго монастыря и казнили; Морозова отправили подальше, въ Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь, и между тѣмъ начали хлопотать, какъ бы успокоить народное раздраженіе противъ него. Царь приказалъ угостить стрѣльцовъ виномъ и медомъ; тесть его Милославскій позвалъ къ себѣ обѣдать москвичей, выбравъ изъ каждой сотни, угощалъ ихъ нѣсколько дней сряду. Мѣста убитыхъ немедленно были замѣщены людьми, которые слыли добрыми. Наконецъ царь, воспользовавшись крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ такою рѣчью. «Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Траханіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли; на ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные и пріятные народу, которые будутъ чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково, за чѣмъ я самъ буду строго смотрѣть». Царь обѣщалъ также пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій. Народъ билъ челомъ за милость; царь продолжалъ: «Я обѣщалъ выдать вамъ Морозова и долженъ признаться, что не могу его совершенно оправдать, но не могу рѣшиться и осудить его: это чело-

вѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царицыной, и выдать его на смерть будетъ мнѣ очень тяжко». При этихъ словахъ слезы покатились изъ глазъ царя; народъ закричалъ: «Да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» По другимъ извѣстіямъ, сдѣлано было такъ, что самъ народъ просилъ о возвращеніи Морозова.

Трудно опредѣлить время, когда происходили всѣ эти хлопоты относительно Морозова; мы знаемъ вѣрно одно, что августъ мѣсяцъ Морозовъ находился еще въ Кирилловѣ монастырѣ, ибо 6-го августа царь писалъ туда слѣдующую грамоту, изъ которой видно, какъ онъ былъ привязанъ къ Морозову и какъ боялся народнаго озлобленія противъ него: «Вѣдомо намъ учинилось (пишетъ царь), что у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ въ Успеньевъ день бываетъ съѣздъ большой изъ многихъ городовъ всякимъ людямъ; а по нашему указу теперь у васъ въ Кирилловѣ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ: и какъ эта наша грамота къ вамъ придетъ, то вы бы боярина нашего Бориса Ивановича оберегали отъ всего дурного и думали бы съ нимъ накрѣпко, какъ бережнѣе — тутъ ли ему у васъ въ монастырѣ въ ту ярмарку оставаться, или въ какое-нибудь другое мѣсто выѣхать. Лучше бы ему выѣхать, пока у васъ будетъ ярмарка; а какъ ярмарка минуется, и онъ бы у васъ былъ попрежнему въ монастырѣ до нашего указа; и непремѣнно бы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича уберечь; а если надъ нимъ сдѣлается что-нибудь дурное, то вамъ за это быть отъ насъ въ великой опалѣ». Но царь этимъ не удовольствовался: вверху и сбоку грамоты, на бѣлыхъ мѣстахъ и частію между верхнихъ строкъ собственною рукою приписалъ: «I вамъ бы сей грамотѣ верить и здѣлать бы і уберечь отъ всякаго дурна, съ нимъ поговоря противъ сей грамоты, да отнут бы нихто не вѣдалъ хотя и выедетъ куды, а естли свѣдаютъ, и я свѣдаю, и вамъ быть кажненымъ, а естли убережете его, такъ какъ и мнѣ добро ему сдѣлаете, і я васъ пожалую такъ, чего отъ зачяла свѣта такой милости не видали; а грамотку сию покажите ему приятелю моему». По возвращеніи своемъ Морозовъ не былъ правителемъ какъ прежде, но былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ государю и употреблялъ свое вліяніе для пріобрѣтенія всеобщаго расположенія, помогая каждому, кто къ нему обращался. Пишутъ, что въ тѣлѣ Морозо-

ва, истощенномъ тяжкими болѣзнями, подагрою и водяною, велика еще была сила разума и совѣта, за которымъ царь часто пріѣзжалъ на домъ къ больному во всѣхъ важныхъ дѣлахъ [29].

Морозовъ, по крайней мѣрѣ повидимому, сошелъ съ перваго плана въ маѣ 1648 года; но скоро на этомъ планѣ начало обозначаться другое лицо, духовное: то былъ Никонъ [30].

Въ страшный 1605-й годъ, когда для московскаго государства началась смута, въ маѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Вельмановѣ или Вельдемановѣ, Княгининскаго уѣзда, въ 90 верстахъ отъ Нижняго, у крестьянина Мины родился сынъ, названный Никитою. Не знаемъ, великія и страшныя событія, происходившія въ малолѣтство Никиты, врѣзались ли въ его памяти, возстаніе родной области за вѣру и государство произвело ли впечатлѣніе на малютку; но имѣемъ полное право допустить, что ближайшія семейныя явленія должны были подѣйствовать на образованіе его характера: горе ждало его въ семьѣ, а горе всего лучше закаляетъ природы, способныя къ закалу. Младенцемъ лишился Никита матери, отецъ далъ ему мачиху, а мы знаемъ, что̀ такое была мачиха въ древней русской семьѣ. Мачиха Никиты не была исключеніемъ: малютка терпѣлъ отъ нея большія притѣсненія, неразъ жизнь его находилась въ опасности. Никита имѣлъ случай выучиться грамотѣ, а это было тогда вѣрнымъ средствомъ для худороднаго человѣка выйти на видъ. Обиліе нравственныхъ силъ, энергія не могли позволить Никитѣ долго оставаться въ той средѣ, гдѣ онъ родился; воображеніе молодого человѣка воспламенялось предсказаніями о дивной судьбѣ: и христіанскіе монахи, и мордовскіе колдуны пророчили ему или царство или патріаршество. Грамотность влекла пытливаго юношу къ книгамъ, книги были исключительно духовныя, они увлекли Никиту въ монастырь Макарія Желтоводскаго; но отсюда онъ былъ вызванъ снова въ міръ: просьбы родственниковъ убѣждали его жениться, а грамотность и таланты дали ему священническое мѣсто на 20 году отъ рожденія. Молодой священникъ сильно выдавался впередъ между товарищами и московскіе купцы перезвали его въ столицу.

Троихъ малютокъ имѣлъ священникъ Никита Миничъ и похоронилъ всѣхъ; приходъ и безчадная семья стали для него тѣсны. Онъ уговорился съ женой разойтись; она постриглась въ московскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, онъ ушелъ на Бѣлое море, въ

Анзерскій скитъ, гдѣ перемѣнилъ имя Никиты на Никона. Неспособность сдерживать себя, страсть къ обличеніямъ высказались въ монахѣ Никонѣ и не дали ему ужиться съ братіею; онъ оставилъ Анзерскій скитъ и поселился въ Кожеезерскомъ монастырѣ (Новгородской епархіи Каргопольскаго уѣзда). Здѣсь онъ нашелъ себѣ лучшихъ цѣнителей въ братіи, и въ 1643 году былъ избранъ въ игумены. Новый игуменъ Никонъ также скоро выдался впередъ, какъ прежде священникъ Никита; слава объ немъ пошла далеко, достигла Москвы, и когда Никонъ въ 1646 году явился въ столицѣ по дѣламъ монастырскимъ, то молодой царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ на него особенное вниманіе и по впечатлительности и религіозности своей, скоро подчинился вліянію знаменитаго подвижника. Никонъ остался въ Москвѣ; онъ былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и каждую пятницу долженъ былъ являться къ заутрени въ придворную церковь, чтобъ потомъ бесѣдовать съ царемъ. Никонъ не могъ ограничиться одними душеспасительными разговорами: онъ тотчасъ же сталъ печаловаться за утѣсненныхъ, вдовъ, сиротъ, и царь поручилъ ему это печалованіе, какъ должность, челобитчики шли къ Никону въ монастырь, другіе встрѣчали его на дорогѣ во дворецъ и подавали просьбы. Въ смутный 1648 годъ Никонъ былъ посвященъ въ митрополиты новгородскіе.

Между тѣмъ въ Москвѣ послѣ мятежа, молодой царь усердно занимался устраненіемъ того, что возбудило жалобы, исполненіемъ данныхъ обѣщаній. 16 іюля 1648 года государь совѣтовался съ патріархомъ Іосифомъ и со всѣмъ священнымъ соборомъ и говорилъ съ боярами, окольничими и думными людьми: которыя статьи написаны въ правилахъ св. Апостолъ и св. Отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей и пристойны эти статьи къ государственнымъ и къ земскимъ дѣламъ, и тѣ бы статьи выписать; также прежнихъ великихъ государей указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и земскія дѣла собрать и справить съ старыми судебниками; а на которыя статьи въ прошлыхъ годахъ въ судебникахъ указа не положено и боярскихъ приговоровъ нѣтъ, тѣ статьи написать и изложить общимъ совѣтомъ, чтобъ московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа были во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равны. Указалъ государь все это собрать

и въ докладъ написать боярамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и князю Семену Васильевичу Прозоровскому, окольничему князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому да дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳедору Грибоѣдову. Для этого своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла указалъ государь, по совѣту съ патріархомъ, и бояре приговорили: выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и жильцовъ, изъ чина по два человѣка; также изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ взять изъ большихъ городовъ, кромѣ Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, съ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей трехъ человѣкъ, изъ гостинной и суконной сотенъ по два человѣка, изъ черныхъ сотенъ и слободъ и изъ городовъ и посадовъ по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ государево и земское дѣло со всѣми этими выборными людьми утвердить и на дѣлѣ поставить, чтобъ всѣ эти великія дѣла, по нынѣшнему государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ не рушимы [31]. Выборные между прочимъ били челомъ: «На Москвѣ и около Москвы, и въ городахъ, гдѣ прежде бывали выгоны для скота, устроены патріаршія, монастырскія, боярскія и другихъ чиновъ людей слободы и пашни на государевой искони вѣчной выгонной землѣ, въ посадахъ и слободахъ живутъ закладчики и ихъ дворовые люди, покупили себѣ и въ закладъ побрали тяглые дворы и лавки и погреба каменные, торгуютъ всякими товарами, своею мочью и заступленьемъ (тѣхъ, за кого заложились) откупаютъ таможни, кабаки и всякіе откупы, и отъ этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали и промысловъ своихъ многіе отбыли; искони, при прежнихъ государяхъ, на Москвѣ и въ городахъ всего московскаго государства ничего этого не бывало, вездѣ были государевы люди: такъ государь пожаловалъ бы, велѣлъ сдѣлать по прежнему чтобъ вездѣ было все государево». Государь пожаловалъ и указалъ: «На Москвѣ и около Москвы, по городамъ на посадахъ и около посадовъ на слободахъ всѣмъ торговымъ промышленнымъ и ремесленнымъ людямъ быть за нами въ тяглѣ и службѣ съ иными нашими тяглыми людьми наравнѣ, а за патріархомъ, монастырями, боярами и за всякихъ чиновъ людьми, въ слободахъ на посадахъ и около посадовъ никакимъ торговымъ, промышленнымъ

и ремесленнымъ людямъ быть не велѣно, чтобъ въ пзбылыхъ никто не былъ» [32]. Продажа и сѣяніе табаку были запрещены въ томъ же 1648 году [33], а въ слѣдующемъ 1649 году исполнено и давнее желаніе купцовъ: издано царское повелѣніе [34]: «Вамъ англичанамъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ ѣхать за море, а торговать съ московскими торговыми людьми всякими товарами, пріѣзжая изъ-за моря, у архангельскаго города; въ Москву же и другіе города съ товарами и безъ товаровъ не ѣздить. Да и потому вамъ англичанамъ въ московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ, по прошенью государя вашего англійскаго Карлуса короля, для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего Карлуса короля убили до смерти: за такое злое дѣло въ московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось.»

Но въ то самое время, какъ правительство удовлетвореніемъ разныхъ требованій спѣшило отнять поводы къ волненіямъ, мятежи вспыхнули на отдаленномъ сѣверѣ, гдѣ и въ предшествовавшее царствованіе мы видѣли возстанія на воеводъ. Лѣтомъ 1648 года въ Сольвычегодскъ отправленъ былъ Ѳедоръ Приклонскій для сбора съ посада и уѣзда 535 рублей ратнымъ людямъ на жалованье. Правилъ онъ деньги, какъ послѣ показали сольвычегодцы, большимъ немѣрнымъ правежемъ. У городскихъ и сельскихъ жителей былъ обычай умѣрять эти немѣрные правежи тѣмъ, что складывались и приносили чиновнику извѣстную сумму, чтобъ только уже больше не правилъ и отправлялся въ Москву; такъ поступили сольвычегодцы и съ Приклонскимъ: собрали со всего уѣзда, по мірскому приговору, 20 рублей и отнесли къ Приклонскому съ тѣмъ, чтобъ онъ уже больше денегъ не бралъ ни съ посада, ни съ уѣзда. Но въ это самое время пріѣзжаютъ изъ Москвы и разсказываютъ, что въ Москвѣ нашли управу на людей и посильнѣе Приклонскаго, который сбиралъ деньги на Морозова, а этого измѣнника больше нѣтъ. Сольвычегодцевъ взяло раскаяніе: за что же они заплатили Приклонскому двадцать рублей! Надобно воротить мірскія деньги! И вотъ 21 іюня уѣздный староста Богданъ Шулѣповъ да площадной подъячій Давидъ Хаминовъ отправились къ Приклонскому и вытребовали у него

деньги назадъ. Но этимъ дѣло не кончилось: мужикъ горланъ Хаминовъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, сталъ на первомъ планѣ: «Будетъ тебѣ то же» кричалъ онъ Приклонскому: «что было отъ насъ воеводѣ Ѳедору Головачеву и воеводѣ Алексѣю Большову: будетъ и тебѣ смертное убійство!» Вышедши отъ Приклонскаго со двора, Хаминовъ закричалъ ясакомъ, и толпа осадила дворы воеводы и Приклонскаго и стерегла ихъ всю ночь. На другой день Приклонскій отправился на съѣзжій дворъ, но и туда явилась толпа, человѣкъ со 100 или больше, подъ начальствомъ тѣхъ же Хаминова и Шулѣпова, и начала кричать Приклонскому: «Деньги-то ты сбираешь на измѣнника воровски!» Въ толпѣ раздались голоса пріѣзжихъ изъ Москвы: «Деньги онъ сбираетъ на измѣнника!» Эти слова послужили уликою; толпа ринулась въ избу; отняла у Приклонскаго государевъ наказъ, казну, всѣ бумаги, иныя передрали, бросились на самого Приклонскаго, прибили, поволокли улицею и перекинули на тотъ дворъ, гдѣ онъ стоялъ; имѣніе его захватили. Очнувшись, Приклонскій ушелъ сперва на дворъ къ князю Шаховскому, а потомъ въ соборную церковь и заперся въ палаткѣ у церкви; но толпа явилась и туда, крича, что надобно убить Приклонскаго. Къ счастію его, вступилась въ дѣло мать Ѳедора Строганова, вдова Матрена: церковь была строгановскаго строенья, и потому Матрена приказала людямъ своимъ, чтобъ не выдавали Приклонскаго народу. Когда наступила ночь, онъ ушелъ въ лодкѣ рѣкою Вычегдою [35].

17 іюля далъ знать Приклонскій въ Москву о случившемся въ Сольвычегодскѣ, а 4 августа пришло извѣстіе о мятежѣ устюжскомъ. Въ Устюгѣ въ это время былъ воеводою Михайла Васильевичъ Милославскій; всѣми дѣлами у него заправляли подъячіе Онисимъ Михайловъ да Григорій Похабовъ. Михайлову устюжане, посадскіе и уѣздные люди поднесли 260 рублей въ почесть, съ сошекъ; но потомъ также, какъ видно, по вѣстямъ изъ Москвы, денегъ стало жаль, начали думать, какъ бы ихъ взять назадъ. Крестьянинъ Онисимъ Рошкинъ съ товарищами нѣсколько дней ходилъ къ подъячему просить денегъ; подъячій не разставался съ ними; ходили и къ воеводѣ, чтобъ тотъ уговорилъ подъячаго отдать деньги—все напрасно. Наступило 8 іюля; въ Устюгъ сошлось много народа изъ окрестностей къ празднику св. Прокопія устюжскаго чудотворца. У посадскихъ и крестьянъ только

и рѣчей было, что объ этихъ 260 рубляхъ. На другой день праздника, 9 іюля, толпа крестьянъ сидѣла въ съѣзжей избѣ, въ судебнѣ, у земскихъ судеекъ, и приговорили взять непремѣнно деньги у Онисима Михайлова. Въ это время является въ судебню кузнецъ Моисей Чагинъ и кричитъ земскимъ судьямъ: «Есть ли у васъ промыселъ такой, чтобъ у Онисима взять деньги»? Ему отвѣчали: «Хорошо взять, да ка̀къ? подъячій не отдастъ!» —«Не отдастъ, такъ убить его до смерти!» закричалъ Чагинъ. Возраженіе послышалось, какъ видно, отъ земскаго судьи Волкова, потому-что Чагинъ бросился къ нему, схватилъ за руки и за грудь и поволокъ изъ избы, а товарищи Чагина, Васька Шампурницынъ и Шурка Бабинъ, толкали Волкова въ шею и били. Вытащивъ Волкова на площадь, начали его водить по ней изъ стороны въ сторону; ухватили и земскаго судейку Игнатьева, но онъ вырвался и, вмѣстѣ съ товарищемъ, ружнымъ старостою Мотоховымъ, бросился на воеводскій дворъ, и разсказалъ Милославскому, что̀ дѣлается въ земской избѣ и на площади. Воевода въ это время пировалъ съ своимъ подъячимъ Онисимомъ Михайловымъ; услыхавъ недобрыя вѣсти, онъ поѣхалъ на площадь, чтобъ унять *гилъ* (мятежъ); но *гилевщики*, оставя Волкова, принялись за воеводу, схватили его и повели къ нему на дворъ; но здѣсь уже успѣлъ побывать Чагинъ съ товарищами: ворота выломали, на дворѣ сѣни, клѣти и чуланы всѣ разломали, имѣніе разграбили, схватили подъячаго Онисима Михайлова, убили и бросили въ рѣку. Та же участь грозила и воеводѣ: гилевщики стали требовать у него чтобъ выдалъ другого подъячаго, Похабова; Милославскій клялся что не знаетъ, гдѣ подъячій; тогда воеводу поволокли было къ рѣкѣ, но почему-то смиловались, удовольствовались тѣмъ, что заставили Милославскаго, жену его и тещу поцѣловать образъ съ клятвою, что у нихъ нѣтъ Похабова. Между-тѣмъ набатъ гудѣлъ по всему городу, и пять дворовъ было разграблено: посадскихъ людей Меркурья Обухова, Дмитрія Котельникова, Василья Бубнова, Григорья Губина и подъячаго Похабова, который спасся бѣгствомъ. Церковный дьячекъ Игнашка Яхлаковъ носилъ бумагу согнутую и говорилъ во весь міръ, что пришла государева грамота съ Москвы, велѣно на Устюгѣ 17 дворовъ грабить.

Только 4 августа въ Москвѣ узнали объ устюжскихъ происшествіяхъ, и отправили для розыска стольника, князя Ивана Гри-

горьевича Ромодановскаго, съ 200 стрѣльцовъ; Ромодановскій пріѣхалъ въ Устюгъ 7 сентября. Чагинъ съ двумя товарищами, Игнашкою Яхлаковымъ и Ивашкою Бѣлымъ, не заблагоразсудили дожидаться его пріѣзда и разбѣжались. Начался розыскъ, пытки. Повѣсили крестьянина Өедьку Ногина, который признался, что наустилъ Чагина завести мятежъ и убить подъячаго Михайлова; повѣсили Терешку мясника и Ивашку, прозвищемъ Солдата, которые признались, что убили Михайлова; у Солдата на пыткѣ вынули изъ-подъ пяты камень, и Солдатъ признался, что училъ его въ тюрьмѣ вѣдовству разбойникъ Бубенъ, какъ отъ пытки оттерпѣться, наговаривалъ на воскъ, а приговоръ былъ: «Небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы онъ не слыхалъ жесточи и пытки». Повѣсили также Ивашку Шамшурницына.

Ромодановскій загостился въ Устюгѣ. 23 декабря земскій судейка Сенька Мыльникъ, по велѣнію мірскихъ людей, билъ челомъ государю отъ всѣхъ устюжанъ, что Ромодановскій пыталъ невинныхъ людей и посадскіе люди бѣгутъ розно; мірскіе люди дали Ромодановскому 600 рублей, да подъячему Кузьмѣ 100 рублей, но и это не помогло. По этому челобитью, въ генварѣ 1649 года, пріѣхалъ въ Устюгъ другой слѣдователь, стольникъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, и спросилъ Ромодановскаго: зачѣмъ онъ до сихъ поръ къ государю не писывалъ? Ромодановскій отвѣчалъ: «Послалъ я обыски и пыточныя рѣчи и статейный списокъ генваря 10, а до того времени не посылалъ, дожидался для обыска изъ волостей многихъ крестьянъ; многіе посадскіе люди и волостные крестьяне учинились сильны и государеву указу непослушны, къ обыскамъ изъ волостей не поѣхали, а которые небольшіе люди и были, и тѣ въ обыскахъ и сказкахъ своихъ государю лгали». Зюзинъ обратился къ устюжанамъ: тѣ вычли, что, кромѣ 600 рублей, Ромодановскому и людямъ его малыми статьями, въ подносахъ харчеваго и денегъ и пивныхъ варь на пріѣздъ и на праздники и въ иные дни вышло на 111 рублей 22 алтына 2 деньги; деньги эти на мірской расходъ заняли у сборщика Семена Скрябина изъ сибирскаго запаса 650 рублей, да въ Архангельскомъ монастырѣ 100 рублей, а кабала писана въ 200 рубляхъ; деньги эти мірскіе люди *разрубили* (разложили) и собираютъ по сохамъ. Подъячій Куземка Львовъ въ допросѣ сказалъ:

«Земскіе судейки приносили ко мнѣ въ мѣшкѣ деньги не по одинъ день, и я имъ отказывалъ, принять не хотѣлъ и то имъ говорилъ, что они подъячему Онисиму Михайловичу дали денегъ 200 рублей и за то убили, и я боюсь отъ нихъ того же, но судейки мнѣ говорили, чтобъ мнѣ тѣ деньги взять у нихъ не отъ дѣла, въ почесть, для государева многолѣтняго здоровья, да и то мнѣ говорили, что я въ Москвѣ разграбленъ и погорѣлъ, и я деньги у нихъ взялъ; деньги эти за ихъ печатью и сколько денегъ—не знаю; когда я деньги бралъ, то говорилъ имъ, что деньги эти я объявлю на Москвѣ, отдамъ ихъ въ государеву казну въ посольскомъ приказѣ». Люди Ромодановскаго объявили, что господинъ ихъ взялъ деньги, но сказалъ при этомъ, что деньги объявитъ въ Москвѣ; что князь нѣсколько разъ отказывался принять, и взялъ, когда они принесли послѣ имянинъ царевича Димитрія Алексѣевича, и сказали: «Возьми для государя царевича». Самъ Ромодановскій показалъ то же, но судейки показали, что они отнесли сперва сто рублей 22 сентября, а потомъ 550 рублей 19 октября, а не 27, какъ показалъ князь; кромѣ того явилось множество показаній, что Ромодановскій бралъ взятки съ тюремныхъ сидѣльцевъ [36].

Между-тѣмъ въ Москвѣ имя Морозова продолжало быть въ устахъ недовольныхъ. Мы видѣли, что, по всеобщей жалобѣ, были приняты мѣры противъ закладчиковъ; но тутъ закладчики, лишенные своего выгоднаго положенія, стали вымѣщать злобу на томъ же Морозовѣ. 17 генваря 1649 года на подворье къ коломнитину Ивану Пестову пришелъ старый закладчикъ боярина Никиты Ивановича Романова, Савинка Корѣпинъ, и началъ говорить: «Когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо; сдѣлали это бояре Борисъ Ивановичъ Морозовъ да Илья Даниловичъ Милославскій, и отъ этого ихъ промыслу ходить намъ по колѣна въ крови, а боярамъ Морозову, Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями». Пестовъ на это сказалъ ему: «Что ты, мужикъ, такія непристойныя рѣчи говоришь: только государь изволитъ и мы васъ всѣхъ побьемъ». Корѣпинъ отвѣчалъ: «Мы васъ всѣхъ изъ избъ побьемъ изъ пищалей, а холопы ваши всѣ съ нами будутъ». Тотъ же Савинка былъ у Пестова 18 генваря и говорилъ: «Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ

Морозова и Милославскаго, они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ да молчитъ; Морозовъ дѣлаетъ умысломъ, будто онъ теперь ничѣмъ не владѣетъ, и далъ всѣмъ владѣть Милославскому. Боярина князя Якова Куденетовича Черкасскаго хотѣли сослать и подводы подъ него были готовы, но не сослали его, боясь насъ, для того, что міръ весь качается; какъ его станутъ посылать, и бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ хочетъ выѣхать на лобное мѣсто и станетъ міру говорить, и мы за него всѣмъ міромъ станемъ, а бояръ Морозова и Милославскаго побьемъ; да и тѣмъ у насъ достанется, которые руки прикладывали (вѣроятно, къ просьбѣ о возвращеніи Морозова); а побивать мы станемъ не все сами: есть у насъ много ярыжекъ, которые у насъ живутъ, отъ нихъ и почипъ будетъ; въ этомъ заводѣ всѣ съ нами, да и стрѣльцы, которые рукъ не прикладывали, съ нами же. Выѣдутъ на лобное мѣсто бояре: Никита Ивановичъ Романовъ, князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичъ Черкасскій, князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, пристанутъ къ намъ стрѣльцы и всякіе люди, и станутъ побивать и грабить Морозова, Милославскаго и другихъ». Государь велѣлъ всѣмъ боярамъ ѣхать къ пыткѣ, пытать Корѣпина накрѣпко и одноличпо доискаться подлинно. Савинка съ пытки показалъ, что говорилъ съ-пьяну самъ собою; прибавилъ, что зимою о Николинѣ днѣ сидѣлъ онъ у боярина Никиты Ивановича Романова на дворѣ въ конюшнѣ, тутъ же съ нимъ сидѣли колодники въ боярскихъ дѣлахъ: Аѳонка Собачья Рожа да унженцы человѣкъ съ десять, и онъ съ ними говорилъ тѣ же рѣчи, и они о томъ же говорили, что быть замятнѣ, кровопролитію и грабежу. Савинку казнили смертію. Стрѣлецъ Андрюшка Калининъ въ распросѣ сказалъ: «Слышалъ часа за полтора до вечера, генваря 4, отъ стрѣльца Андрюшки Ларіонова: былъ онъ Андрюшка у боярина князь Якова Куденетовича Черкасскаго, и слышалъ отъ князя Якова и отъ племянника его, князя Петра, что приходили къ нимъ четыре человѣка стрѣльцовъ и сказали: «Быть замятнѣ въ Крещенье, какъ государь пойдетъ на воду». На пыткѣ Ларіоновъ сказалъ, что все это онъ затѣялъ самъ, отъ князя ничего не слыхалъ; у него вырѣзали языкъ и сослали.

Слышалось на Морозова и другаго рода обвиненіе. Мы видѣли, что въ это время въ Москвѣ чувствовалась потребность въ

наукѣ, за которою естественно было обратиться къ малороссіянамъ, потому что у нихъ было уже распространено школьное образованіе. Сильною любовію къ просвѣщенію отличался въ Москвѣ постельничій царскій Θедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Недалеко отъ Москвы, по кіевской дорогѣ, на берегу рѣки онъ выстроилъ монастырь (андреевскій), куда перезвалъ изъ малороссійскихъ монастырей монаховъ тридцать человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ учили желающихъ грамматикѣ славянской и греческой, риторикѣ и философіи и переводили книги. Обязанный днемъ быть во дворцѣ, Ртищевъ цѣлыя ночи просиживалъ въ андреевскомъ съ учеными монахами. Но эта новизна нѣкоторымъ не полюбилась. Весною 1650 года Иванъ Васильевичъ Засѣцкій, Лучка Тимоθеевъ Голосовъ да благовѣщенскаго собора дьячекъ Костка Ивановъ сошлись у монаха Саула и шептали между собою: «Учится у кіевлянъ Θедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Обратясь къ дьячку, Голосовъ говорилъ: «Извѣсти благовѣщенскому протопопу (духовнику царскому), что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не позналъ; теперь я маню Θедо у Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу, кто полатыни научится, тотъ съ праваго пути совратился. Да и о томъ вспомяни протопопу: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую Θедоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ воротить назадъ; и такъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана и Степана и другихъ». Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это: «Мнѣ и попъ Θома говорилъ: «Скажи пожалуй какъ быть? дѣти мои духовные Иванъ Озеровъ да Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться». Я ему говорилъ: «Не отпускай, Бога ради, Богъ на твоей душѣ это взыщетъ»; а Θома говоритъ. «Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ». Потомъ трое ревнителей праваго пути начали шептать про Морозова: «Борисъ Ивановичъ держитъ отца духовнаго только для прилики людской, кіевлянъ началъ жаловать; а это уже извѣстное дѣло, что туда уклонился къ такимъ же ересямъ»[37].

Въ Москвѣ попытки недовольныхъ раздуть мятежъ противъ Морозова и Милославскаго во имя Романова и Черкасскаго были уничтожены въ самомъ началѣ; но когда, повидимому, все успокоилось, опять на сѣверо-западной границѣ въ толпѣ народной послышалось несчастное имя Морозова, и мятежъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ запылалъ во Псковѣ и Новгородѣ.

По столбовскому миру съ обѣихъ сторонъ условились выдавать перебѣжчиковъ; но впродолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изъ уступленныхъ Швеціи рускихъ областей перебѣжало въ московскіе предѣлы множество народу; шведское правительство требовало ихъ выдачи; исполнить это требованіе въ глазахъ московскаго правительства значило отдать православныхъ христіанъ въ люторскую вѣру; благочестивый царь никакъ не могъ рѣшиться взять на свою душу такой грѣхъ, и потому положено было выкупить перебѣжчиковъ. Часть выкупныхъ денегъ, именно 20.000 рублей, была отдана въ Москвѣ шведскому агенту Нумменсу, который съ ними и отправился на Псковъ къ шведской границѣ. Въ то же время, въ зачетъ выкупной суммы, велѣно было отпустить изъ псковскихъ царскихъ житницъ 11,000 четвертей хлѣба въ Швецію. Но мы видѣли, какъ дурно смотрѣли на иностранцевъ вездѣ въ московскомъ государствѣ и особенно во Псковѣ. Въ царствованіе Михаила во Псковѣ ограничивались одиѣми жалобами, занесенными въ лѣтопись; со времени же событій въ Москвѣ 1648 года пошла молва, что молодой царь окруженъ людьми недоброжелательными, что Морозовъ дружитъ нѣмцамъ ко вреду русскихъ. И вотъ въ февралѣ 1650 года во Псковѣ узнали, что ѣдетъ шведъ, везетъ изъ Москвы большую казну, и что велѣно во Псковѣ отдавать хлѣбъ шведамъ. 24 февраля, на масляницѣ, пришла къ воеводѣ Собакину государева грамота о хлѣбной отдачѣ; народъ узналъ о грамотѣ, сталъ волноваться, и 27 числа человѣкъ 30 изъ меньшихъ статей пришли къ архіепископу Макарію бить челомъ, чтобъ онъ уговорилъ воеводу не отдавать хлѣба, пока отъ нихъ челобитье будетъ къ государю.

Макарій послалъ за Собакинымъ, который тотчасъ пріѣхалъ къ архіепископу, и, узнавъ въ чемъ дѣло, объявилъ, что долженъ исполнить государевъ указъ въ точности и отдастъ хлѣбъ немедленно, а они пусть посылаютъ челобитчиковъ къ государю отъ себя, мимо его. Потомъ воевода счелъ своею обязанностію

сдѣлать псковичамъ внушеніе, чтобъ они не въ свои дѣла не вмѣшивались, началъ имъ говорить съ сердцемъ, зачѣмъ они пришли на архіепископскій дворъ толпою, называлъ ихъ *кликунами*—названіе очень нехорошее во Псковѣ послѣ событій смутнаго времени. Тогда одинъ изъ псковичей началъ Собакина укорять: «Ты, Никифоръ Сергѣевичъ, пускаешь нѣмцевъ въ городъ (въ крѣпость, куда не велѣно было пускать иностранцевъ) на пиръ къ Ѳедору Емельянову». Собакинъ отвѣчалъ: «Ну такъ что жь? пускаю, не запираюсь; а для того велѣлъ я нѣмцевъ пустить къ Емельянову, что онъ боленъ, изъ двора не выходитъ, а у него у нѣмцевъ заторговано на государя золотыхъ много». Начался споръ сильный, и воевода, кликнувъ подъячаго, велѣлъ ему переписывать имена псковичей, тутъ бывшихъ; тѣ бросились бѣжать изъ кельи вонъ, и на дворѣ, гдѣ стояла толпа народу, начался шумъ; бывшіе у архіепископа кричали народу: «Вы насъ привели на такой шумъ бить челомъ, а воевода станетъ на насъ писать къ государю, что шумомъ приходили, и намъ за то будетъ опала!» Пошумѣвъ, разошлись и условились собраться на другой день потолковать.

28 февраля собрались на площади у всегородной избы много всякихъ чиновъ людей; начали кричать, что не надо давать хлѣба возить изъ кремля; но посадскіе лучшіе люди и стараго приказа стрѣльцы стали говорить съ большою силою, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, нельзя государеву указу противиться, а если въ хлѣбѣ скудость, то надобно бить челомъ государю. Толпа начала стихать и лучшіе люди стали расходиться по домамъ, какъ вдругъ прибѣжали стрѣльцы отъ Петровскихъ воротъ и закричали: «Ѣдетъ нѣмецъ, везетъ казну изъ Москвы!» Толпа кинулась къ указанному мѣсту. Нумменсъ съ приставомъ Тимашевымъ дѣйствительно ѣхалъ въ это время по загородью, Великою рѣкою къ нѣмецкому гостинному двору, на Завеличье; но когда поравнялся съ Власьевскими воротами, то изъ нихъ вышла толпа народу и бросилась на него; одни хотѣли тутъ же убить Нумменса ослопами, другіе тащили къ проруби, третьи спрашивали: какъ ему казна на Москвѣ дана? Нумменсъ разсказывалъ все дѣло какъ было и сталъ просить, чтобы дали ему повидаться съ гостемъ Ѳедоромъ Емельяновымъ. Это роковое имя человѣка ненавистнаго, друга нѣмцевъ, подлило масла въ огонь;

раздались крики: «Пытать нѣмца! пытать Ѳедора!» Взяли казну, отвезли ее къ съѣзжей избѣ, откуда отправили на подворье Снетогорскаго монастыря и заперли ее тамъ, запечатавши; Нумменса отвезли ко всегородной избѣ, осматривали его тамъ всѣмъ міромъ, забрали всѣ бумаги и потомъ отвели на Снетогорское подворье, гдѣ приставили къ нему сторожей: пять человѣкъ поповъ, пять человѣкъ посадскихъ людей, да двадцать человѣкъ стрѣльцовъ. Пошли къ Емельянову; тотъ скрылся, но жена отдала государеву грамоту, присланную къ мужу ея; грамоту стали читать во весь міръ; она оканчивалась словами: «А сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ». Эти слова возбудили еще бо́льшее волненіе; стали кричать: «Грамота тайная къ Ѳедору прислана, а государю про то невѣдомо!» Слыша шумъ, набатъ, бѣготню по улицамъ съ оружіемъ, воевода Собакинъ прискакалъ на площадь и сталъ говорить псковичамъ, что имъ до государевой казны дѣла нѣтъ. Ему отвѣчали: «Воля государская: если казна послана изъ Москвы съ государева вѣдома, то можно было съ нею ѣхать и городомъ, а не по загородью». Собакинъ поѣхалъ къ архіепископу и спустя съ часъ явился на площадь Макарій съ священниками, съ иконою св. Троицы, и сталъ уговаривать народъ; но у мірскихъ людей была одна рѣчь: «Воля государева, а хлѣба намъ изъ кремля нѣмцу до государева указа не отдавать». 1 марта гилевщики собрались на площадь, выбрали между собою начальныхъ людей: площадного подъячаго Томилку Васильева Слѣпаго, стрѣльцовъ Прошку Козу, Сорокоума Копыто. Начальники эти стали распоряжаться: велѣли привести Нумменса, поставили на площади два огромныхъ чана и стали на нихъ съ Нуммeнсомъ, чтобъ всему народу было видно. Несчастнаго шведа снова допрашивали, а чтобъ языкъ у него былъ развязнѣе, подлѣ него стояли палачи съ кнутьями; читали во весь міръ бумаги, взятые у Нумменса; потомъ всѣ эти бумаги передъ всѣмъ міромъ положили въ коробки, запечатали и поставили на Снетогорскомъ подворьѣ, а ненужныя письма отдали Нумменсу. Послѣ третьяго марта волненіе начало утихать: положили отправить челобитчиковъ къ государю въ Москву.

Но между-тѣмъ, при безпрестанныхъ сношеніяхъ, псковичи торговые и всякіе люди пріѣзжали въ Новгородъ, и отъ нихъ были въ разговорахъ многія смутныя рѣчи. Въ Новгородѣ нача-

лась молва, особенно съ тѣхъ поръ, какъ присланъ былъ государевъ указъ, велѣно хлѣба покупать на государя, и стали по торжкамъ биричи кликать, чтобъ русскіе люди покупали хлѣба только про себя, не помногу, четвериками. Пріѣхалъ изъ-за границы новгородецъ Никита Тетеринъ и началъ разсказывать, что нѣмцы собираются, ждутъ казны изъ Москвы, и какъ только казна придетъ, то имъ всѣмъ идти на Новгородъ; начались толки: «Государь этого не знаетъ, отпускаютъ казну бояре». Дней черезъ пять послѣ этого, вечеромъ 15 марта, пріѣхалъ въ Новгородъ датскій посланникъ Грабъ, и всѣ начали говорить: «Вотъ и нѣмцы съ казною пріѣхали!» Посадскій человѣкъ Трофимъ Волкъ разговорился съ русскимъ толмачемъ, ѣхавшимъ при посланникѣ, Нечаемъ Дрябинымъ, и тотъ сказалъ ему, что идетъ изъ Москвы къ нѣмцамъ большая казна; Волкъ не смолчалъ объ этой новости, а другой посадскій, Елисей Лисица, явился къ земской избѣ на площадь и сталъ кричать на весь міръ, что гость Семенъ Стояновъ провозитъ за рубежъ хлѣбъ и мясо, а нѣмцы везутъ изъ Москвы большую денежную казну. На крикъ Лисицы собрались толпы народа и рѣшили раздѣлаться съ нѣмцами; земскій староста Андрей Гавриловъ, вмѣсто того, чтобъ унимать ихъ, сдѣлался предводителемъ мятежа. Датскій посланникъ, только что выѣхавшій изъ Новгорода, былъ остановленъ, избитъ; Волкъ отличился предъ всѣми: билъ Граба по щекамъ, проломилъ ему носъ, сидѣлъ надъ нимъ съ ножемъ и наконецъ обобралъ его. Пожитки посланника, въ которыхъ видѣли казну государеву, не тронули, свезли ихъ на пушечный дворъ, но разграбили дворы своихъ богатыхъ людей, братьевъ Стояновыхъ, Василья Никифорова, Василья Проѣзжалова, Михайлы Вязьмы, Никиты Тетерина, Андрея Земскаго; взяли въ земскую избу съ Любскаго двора пріѣзжихъ торговыхъ нѣмцевъ; въ каменномъ городѣ караульщики отъ воротъ и отъ набата были отбиты, сполошный колоколъ заливался. Митрополитъ Никонъ и воевода окольничій князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ выслали головъ стрѣлецкихъ и дѣтей боярскихъ унимать мятежниковъ, но эти посланные, ничтожные числомъ, не могли ничего сдѣлать; одинъ изъ нихъ, стрѣлецкій сотникъ Маркъ Басенковъ, чуть не былъ сброшенъ съ башни.

Мятежъ этимъ не кончился; на другой день, 16 марта, загу-

дѣлъ опять сполошный колоколъ, раздались крики: «Государь объ насъ нерадѣетъ, деньгами подмогаетъ и хлѣбомъ кормитъ нѣмецкія земли.» Но у мятежниковъ не было предводителя; староста Андрей Гавриловъ скрылся, испугавшись послѣдствій затѣяннаго дѣла; стали искать, кого бы взять въ начальные люди, и нашли: за приставомъ сидѣлъ митрополичій приказный Иванъ Жегловъ и двое дѣтей боярскихъ, Макаръ и Ѳедоръ Негодяевы; Никонъ извѣщалъ объ нихъ государю, что они люди недобрые, хвалятся, что знаютъ все, знаютъ что у царя и у короля въ палатахъ дѣлается, вынуты были у нихъ воровскія книги и тетради и отосланы въ Москву. 16-го марта толпа съ шумомъ пришла въ Софійскій соборъ, гдѣ былъ митрополитъ и воевода, и отсюда отправилась освобождать Жеглова съ товарищами; въ земской избѣ составилось новое правительство: подлѣ Жеглова засѣли здѣсь: посадскій Елисей Лисица, Игнатій Молодожникъ, Никифоръ Хамовъ, Степанъ Трегубъ, Панкратій Шмара, Иванъ Оловяничникъ, стрѣлецкій пятидесятникъ Кирша Дьяволовъ, подъячій Гришка Аханатковъ.

У воеводы не было матеріальныхъ средствъ противиться этимъ новымъ правителямъ; митрополитъ рѣшился дѣйствовать противъ нихъ духовнымъ оружіемъ. 17 марта, въ день Алексія человѣка Божія, въ имянины государевы, къ св. Софіи собралось множество народа; здѣсь на заутрени и на обѣдни Никонъ поимянно проклялъ новыхъ правителей. Начался ропотъ: «Государь жалуетъ на свой ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей распускаетъ, а митрополитъ въ такой праздникъ проклинаетъ; но проклинаетъ онъ не одного Молодожника и Лисицу, а всѣхъ новгородцевъ, у нихъ у всѣхъ одна дума». Такъ поднимали злобу на Никона, старались ожесточить противъ него всѣхъ, но не было предлога идти *гилемъ* на Софійскій дворъ; 19 числа предлогъ нашелся. Прибѣжалъ съ Софійской стороны на торговую съѣзжей избы приставъ Гаврила Нестеровъ, прозвищемъ Колча, сынъ площадного подъячаго, и горилъ: «Митрополитъ Никонъ и окольничій князь Ѳедоръ измѣнники». Митрополитъ и воевода, узнавши объ этомъ, велѣли схватить Колчу, котораго привели въ Софійскій домъ, били батогами и посадили въ тюрьму. Вдругъ прибѣгаютъ въ земскую избу отецъ его и жена съ крикомъ: «Міряне, вступитесь! митрополитъ и окольничій сына моего пытаютъ, бьютъ и огнемъ жгутъ». Толпа взволновалась и двинулась на Софійскій дворъ. Испуганный

Хилковъ скрылся у митрополита, который велѣлъ запереть дворъ; толпа подойдя къ дверямъ, кричала: «Выпустите изъ тюрьмы Гаврилу Нестерова». Митрополитъ и воевода отвѣчали: «Мы за него не стоимъ, что хотите съ нимъ, то дѣлайте». Народъ освободилъ Нестерова, но тотъ снялъ съ себя рубашку и сталъ показывать спину; тогда толпа опять двинулась къ митрополиту и разломала двери. Въ крестовой найденъ былъ князь Хилковъ, и мятежники стали говорить ему: «Зачѣмъ ты отъ насъ бѣгаешь? намъ до тебя дѣла нѣтъ, а если до тебя дѣло будетъ, то ты никуда отъ насъ не уйдешь».

Такъ разсказывалъ дѣло софійскій служка Иванъ Кузьминъ. По другимъ показаніямъ, Нестеровъ былъ взятъ къ митрополиту по дѣлу, подлежавшему суду церковному, именно за то, что худо жилъ съ женою. Князь Хилковъ доносилъ въ Москву такимъ образомъ: «Приставъ Гаврилка и отецъ его за многія воровства биты кнутомъ и батогами; 19 марта пришелъ къ митрополиту Гаврилка съ лестью, будто прощенья просить; митрополитъ велѣлъ подержать его у себя въ приказѣ для подлиннаго сыску, и того же числа въ четвертомъ часу дня воры пришли гилемъ на Софійскій дворъ, говорили многія непригожія слова и Гаврилку изъ приказа взяли». Но вотъ какъ разсказываетъ все дѣло самъ Никонъ въ письмѣ къ царю и ко всему царскому семейству: «18 марта былъ я въ соборной церкви у заутрени, и послѣ полунощницы, по своему обычаю, ексапсалмы самъ говорилъ, а послѣ тайно про себя говорилъ канонъ Іисусу Сладкому на первой каѳизмѣ; и послѣ первой статьи на другой каѳизмѣ, творя молитву Іисусову, сталъ я смотрѣть на Спасовъ образъ мѣстный, что стоитъ предъ нашимъ мѣстомъ, списанъ съ того образа, который взятъ въ Москву царемъ Иваномъ Васильевичемъ, поставленъ въ Москвѣ въ соборной церкви и называется Златая Риза, отъ него же и чудо было Мануилу Греческому царю. И вотъ внезапно я увидалъ вѣнецъ царскій золотой на воздухѣ надъ Спасовою главою; и мало-по-малу вѣнецъ этотъ сталъ приближаться ко мнѣ; я отъ великаго страха точно обезпамяталъ, глазами на вѣнецъ смотрю и свѣчу передъ Спасовымъ образомъ, какъ горитъ, вижу, а вѣнецъ пришелъ и сталъ на моей головѣ грѣшной, я обѣими руками его на своей головѣ осязалъ, и вдругъ вѣнецъ сталъ невидимъ. Съ этого времени я началъ ожидать инаго себѣ посѣ-

щенья. Марта 19 пришелъ на Софійскій дворъ Гаврилъ Нестеровъ, будто въ своей винѣ покаяніе прося, и я велѣлъ его поберечь, пока пойду къ обѣдни, и хотѣлъ его разрѣшить и молитвы разрѣшительныя проговорить. Но Жегловъ, узнавши объ этомъ велѣлъ бить въ набатъ на торговой сторонѣ, и ко мнѣ на сѣни начали ломиться. Я вышелъ и сталъ ихъ уговаривать, но они меня ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь разшибли, по бокамъ били кулаками и камнями, держа ихъ въ рукахъ, били и софійскаго казначея, старца Никандра, и дѣтей боярскихъ, которые были за мною, и повели было меня въ земскую избу: какъ довели до церкви, я хотѣлъ было въ церковь войти, но они меня тутъ не пустили, а все вели въ земскую избу: но какъ довели до Золотыхъ дверей, то я, отъ ихъ бою изнемогши, отпросился посидѣть у Золотыхъ дверей предъ церковью на лавкѣ, и имъ началъ говорить, чтобъ меня отпустили съ крестами къ Знаменію Пресвятыя Богородицы, потому что готовился я литургію служить, и они едва на то приклонились. Я велѣлъ благовѣстить и, собравшись съ соборными и другими немногими священниками, едва добрелъ съ великою нуждою до Знаменія, и тамъ часы, стоя и сидя слушалъ и св. литургію съ великою нуждою и спѣхомъ служилъ, и назадъ больной, въ сани взволясь, приволокся, и нынѣ лежу въ концѣ живота, кашляю кровью, и животъ весь запухъ. Чая себѣ скорой смерти, масломъ я соборовался, а если не будетъ легче, пожалуйте меня, богомольца своего, простите и велите мнѣ посхимиться».

Нападеніе на Никона было послѣднею вспышкою мятежа; начали простывать, опамятываться и думать о слѣдствіяхъ своего дѣла: легко сладили съ безоружнымъ воеводою и митрополитомъ, но теперь предстояло раздѣлываться съ многочисленными ратями великаго государя. Начали толковать, какъ бы послать въ пятины по дворянъ и дѣтей боярскихъ и привесть ихъ ко кресту; между собою собирались всѣ крестъ цѣловать на томъ: если государь пришлетъ въ Новгородъ обыскивать и казнить смертію, то всѣмъ стоять заодно и на казнь никого не выдать, казнить такъ казнить всѣхъ, а жаловать всѣхъ же. Думали и во Псковъ послать лучшихъ людей, чтобъ обоимъ городамъ стоять заодно. По всѣмъ улицамъ поставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобъ ни-

чьихъ дворовъ больше не грабили; жалѣли, что и въ первый день позволили грабить дворы, а грабили ихъ ярыжки и кабацкіе голыши и стрѣльцы, которые голые же люди. Лучшіе люди говорили другъ другу со слезами на глазахъ: «Навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ». Самъ Жегловъ чуялъ бѣду, но дѣлать было нечего: сила была у вооруженной толпы стрѣльцовъ, посадскіе люди не могли противъ нихъ ничего предпринять.

20 марта, въ середу вечеромъ, Жегловъ призвалъ къ себѣ въ земскую избу дворянъ и дѣтей боярскихъ и велѣлъ имъ руки прикладывать къ записи, что имъ съ мірскими людьми стоять заодно, стоять за то, чтобъ государевой денежной казны и хлѣба за рубежъ не пропустить. Дворяне и дѣти боярскіе отвѣчали, что приложатъ руки къ челобитной, чтобъ государь денегъ и хлѣба за рубежъ отпускать не велѣлъ, а не къ *одиначной* записи, и, сказавши это, пошли въ каменный городъ. Тутъ поднялся шумъ между стрѣльцами, козаками и худыми посадскими людьми; толпа побѣжала въ каменный городъ, крича: «Переймемъ дворянъ, прибѣжимъ прежде ихъ въ каменный городъ, запремъ рѣшетку на мосту, дворянъ въ городъ не пустимъ, выбьемъ ихъ за городъ!» Но когда воры прибѣжали въ рыбный рядъ близь мосту, то встрѣтились имъ другіе стрѣльцы и земскіе люди и поворотили ихъ назадъ, говоря: «Надобно и ту бѣду утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить». Чтобъ утушить бѣду, выбрали трехъ человѣкъ посадскихъ, двоихъ стрѣльцовъ, одного козака и отправили ихъ въ Москву къ государю, съ дарами и съ челобитной, въ которой писали: «Бьютъ челомъ холопы твои государевы, дворяне и дѣти боярскіе и новгородскіе пятиконецкіе старосты и всѣ посадскіе люди и стрѣлецкіе пятидесятскіе и всѣ рядовые и всѣ козаки и всякіе служивые люди, и твои государевы богомольцы протопопы и попы и дьяконы и всякихъ чиновъ жилецкіе люди: въ нынѣшнемъ 158 году марта 15 за два часа до свѣта пріѣхали съ Москвы нѣмцы и стали на Никитиной улицѣ, и того же дня въ другомъ часу ночи тѣ же нѣмцы поѣхали изъ Новгорода вонъ и на улицкихъ караулахъ посадскіе люди ихъ спрашивали: чтò-де вы идете ночью безъ государева пристава и безъ московскаго толмача? и они нѣмцы учинились улицкимъ караульщикамъ сильны, поѣхали изъ Новгорода, но у Чуднова креста всякихъ чиновъ

люди тѣхъ нѣмцевъ начали ворочать и имъ говорить: что вы идете ночью, а не днемъ, ночью ѣздятъ воровскіе люди, пристава и толмача у васъ нѣтъ? И тѣ нѣмцы начали насъ колоть шпагами, и въ томъ съ ними учинилась драка. Ихъ воротили къ земской избѣ и разспрашивали, и въ разспросѣ они сказались: я посланникъ датскаго короля Ивертъ Грабъ, а со мною посланныхъ людей шесть человѣкъ, да съ нимъ же ѣхали шведской земли подданные, а были въ Москвѣ для хлѣбной покупки. И тотъ посланникъ Ивертъ Грабъ тебѣ государю въ винѣ своей добилъ челомъ, что поѣхалъ изъ Новгорода ночью безъ пристава и безъ толмача и шпагами насъ кололъ, и въ томъ во всемъ далъ на себя запись, что ему тебѣ на насъ не бить челомъ и въ своей землѣ датскому королю, а шведы въ Новгородѣ ожидаютъ твоей государевой денежной и хлѣбной казны. А слухъ намъ есть: какъ твою государеву казну денежную и хлѣбную шведскіе нѣмцы возьмутъ, и твои государевы недруги шведскіе нѣмцы твоею казною хотятъ нанять иныхъ ордъ нѣмецкихъ людей и идти съ ними подъ великій Новгородъ и Псковъ: и мы ради за тебя государя и за православную вѣру головы свои положить. Милосердый государь! пожалуй насъ, не вели изъ своего московскаго государства своей денежной и хлѣбной казны и съѣстныхъ запасовъ за рубежъ шведскимъ людямъ давать и пропускать, и не вели митрополичьимъ и окольничаго князя Хилкова ложнымъ отпискамъ вѣрить, пишутъ они тебѣ на насъ съ сердцовъ, что мы тебѣ на нихъ бьемъ челомъ».

Челобитная на Хилкова состояла въ томъ, что онъ царскаго указа не слушаетъ, отпускаетъ въ Швецію торговыхъ людей съ хлѣбомъ и мясомъ по ночамъ для свой бездѣльной корысти, и на заставы писалъ, чтобъ товаровъ не осматривать въ возахъ, а которые головы и стрѣльцы осматриваютъ, тѣхъ бьетъ кнутомъ и батогами нещадно. Онъ же въ Новгородѣ у всякихъ чиновъ людей въ избахъ печи печаталъ и въ холодные дни топить избъ не давалъ, отчего малыя дѣти перезябли и померли. Онъ же наговорилъ митрополита Никона, чтобъ тотъ въ день государева ангела новгородцевъ проклиналъ безъ государева указа и безъ патріаршаго: священниковъ всѣхъ митрополитъ запрещаетъ, не велитъ имъ къ мірскимъ дѣламъ и къ челобитнымъ прикладывать, руки вмѣсто неграмотныхъ людей, и отъ этого митрополичьяго

проклятія въ Новгородѣ во всякихъ людяхъ учинилось великое смятеніе. Митрополитъ съ окольничимъ мучили подъячаго Нестерка ослопами и полѣньемъ. Новгородцы били челомъ митрополиту о невинномъ, и Никонъ отдалъ имъ его убитаго замертво. За такое неистовство и проклятіе сила Божія Никона митрополита обличила: когда въ церкви Знаменія сталъ онъ говорить: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ», ударило его и всего раздробило. Онъ же Никонъ на память государевыхъ отца и матери всякихъ чиновъ людей и чернецовъ на своемъ дворѣ билъ на правежѣ на смерть. Когда пришла вѣсть о рожденіи царевны Евдокіи Алексѣевны, то митрополитъ на такой радости никого изъ тюрьмы не освободилъ; онъ же хотѣлъ соборную церковь Софійскую рушить, а та церковь построена по ангельскому благовѣстію, и мы ему объ этомъ били челомъ и церкви рушить не дали, а онъ, сердясь за это, пишетъ всякія отписки на насъ государю. Онъ же митрополитъ держалъ за приставомъ въ цѣпи и въ желѣзахъ бывшаго своего приказнаго Ивана Жеглова многое время, и нѣсколько дней, возя на дровняхъ, на правежѣ его билъ и мучилъ ослопьемъ на смерть, и вымучилъ на немъ денегъ триста рублей, и многія онъ митрополитъ неистовства и смуту чинитъ въ міру великую, и отъ той его смуты ставится въ міру смятеніе. Да по договору государевыхъ пословъ съ думными людьми шведской королевы, везутъ изъ московскаго государства въ шведскую землю государеву денежную казну по двадцати и по сороку тысячъ разными дорогами. Въ нынѣшнемъ 1650 году, въ великій мясоѣдъ, пріѣхалъ въ Новгородъ московскій торговый человѣкъ Моисей Облезовъ, и въ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ закупалъ хлѣбъ, рожь, а везти тотъ хлѣбъ въ шведскіе города, а намъ никому хлѣба купить не далъ, и мы всѣ оттого обѣдняли и оголодали: а шведы мирный договоръ во всемъ нарушили, православную христіанскую вѣру у русскихъ зарубежныхъ людей отняли, церкви Божіи осквернили, поповъ на Руси ставить не даютъ, а крестьянскихъ дѣтей крестятъ своими нѣмецкими попами въ своихъ киркахъ. Окольничій князь Хилковъ послалъ теперь на рубежныя заставы стрѣльцовъ и козаковъ триста человѣкъ, а для обереганія пороху и свинцу имъ ничего не далъ: изъ этого ясно, что окольничій шведскимъ людямъ поровитъ, а государевыхъ людей губитъ напрасно. По совѣту съ окольничимъ, гость Семенъ Стояновъ ѣздитъ

въ шведскую землю много лѣтъ, возитъ рожь и мясо и всякіе съѣстные запасы, нѣмецкихъ людей кормятъ и съ ними совѣтуютъ, а насъ всѣхъ православныхъ христіанъ голодомъ морятъ и въ конецъ губятъ. Онъ же Семенъ Стояновъ съ шведскими людьми и иныхъ ордъ, которые пріѣзжаютъ въ Новгородъ, ѣстъ и пьетъ и ночи съ ними у себя просиживаетъ.

Но вѣсть о новгородскихъ событіяхъ пришла въ Москву прежде этихъ челобитчиковъ. Государь немедленно велѣлъ написать грамоту, въ которой приказывалъ новгородцамъ чтобъ они, помня крестное цѣлованіе, перехватили заводчиковъ смуты и выдали ихъ начальству. Съ грамотой отправился дворянинъ Соловцевъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то сошлись всѣ въ земской избѣ; пріѣхалъ воевода князь Хилковъ, но ему и мѣста не дали. Соловцевъ сказалъ новгородцамъ государево жалованное слово; начали читать грамоту: слыша, что въ грамотѣ написано то же самое, что говорилъ посланный, стали кричать Соловцеву: «Ты почему вѣдаешь, что въ государевой грамотѣ написано? грамота воровская! у насъ воровъ нѣтъ, все добрые люди, а стоять всѣмъ заодно, за государя; грамоты воровскія, а не государевы, вольно вамъ ночью написать хоть сто столбцовъ». Хилковъ сказалъ: «Когда вы государевымъ грамотамъ не вѣрите, то чему уже больше вѣрить?» и пошелъ въ соборную церковь.

Никонъ велѣлъ позвать туда же старостъ и всякихъ людей, и говорилъ имъ, чтобъ исполнили государеву волю; но они и ему отвѣчали то же: «У насъ никакихъ воровъ нѣтъ, государю не виноваты и вины намъ государю приносить не въ чемъ». Пошли толки: «Грамота воровская; Соловцевъ не дворянинъ, а человѣкъ боярина Морозова; надобно его задержать до тѣхъ поръ, какъ наши челобитчики съ Москвы поѣдутъ поздорову.» Дѣйствительно, Соловцевъ былъ задержанъ; лучшіе люди въ отчаяніи говорили: «Мочи нашей нѣтъ!» Въ земской избѣ написали запись, чтобъ противъ государева указа стоять заодно; начали силою, побоями приневоливать къ рукоприкладству. Несмотря на то, Никонъ и Хилковъ успѣли удержать священниковъ и многихъ свѣтскихъ людей отъ рукоприкладства, иные священники и добрые люди сбѣжали изъ города, другіе лучше согласились сидѣть въ тюрьмахъ, нежели подписывать записи. Опять поднялись обличенія на Хилкова: «Это измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдать нѣмцамъ

по приказу Морозова; взялъ посулъ у шведскаго посланника, четвертную бочку золотыхъ, изъ пороховой казны зелье все выдалъ нѣмцамъ, надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять, земскую казну осмотрѣть и по каменному городу пушки разставить на случай прихода шведовъ». 27 марта собралась толпа, поѣхали на московскую дорогу, привезли 30 бочекъ золы, и объявили, что привезли селитру, которую Морозовъ отпустилъ къ нѣмцамъ; но когда откупорили бочки, то нашли одну золу. 29 марта Никонъ опять сталъ уговаривать исполнить государеву волю, и опять напрасно; 3 апрѣля началъ уговаривать, чтобъ отпустили, по крайней мѣрѣ, Соловцева, и на этотъ разъ новгородцы послушались. Пріѣхавъ въ Москву, Соловцевъ разсказалъ свои разговоры съ Жегловымъ: «Зачѣмъ ты дѣлаешь такое дурно?» спрашивалъ онъ Жеглова; тотъ отвѣчалъ: «Это дѣло не я затѣялъ, я сижу тутъ неволею; взяли меня изъ цѣпей міромъ; а еслибы меня земскіе люди не взяли, то было бы еще хуже, потому что я унялъ смертное убійство и грабежъ и датскаго посланника не далъ до смерти убить».

Между-тѣмъ приближался къ Новгороду бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій съ небольшимъ отрядомъ ратныхъ людей. Жегловъ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что выѣхалъ было къ нему на встрѣчу, но не могъ переѣхать Волховецъ за льдомъ. «Ожидаютъ тебя въ великомъ Новгородѣ (писалъ Жегловъ), а встрѣчать тебя хотятъ за городомъ съ хлѣбомъ и солью; милости у тебя, государя, прошу, не въ укоръ тебѣ, государю моему, бью челомъ и пишу: облегчись въ великій Новгородъ скорымъ обычаемъ не со многими людьми и милостиво учини, а мірскіе люди государской милости и тебя ожидаютъ вскорѣ; впередъ, государь, жалуй, посылай въ Новгородъ новгородцевъ, а не иногородныхъ людей, потому что иногородные люди не вѣдаютъ ничего, говорятъ многіе прибавочныя рѣчи, а новгородскаго извычая не знаютъ; новгородскій Никонъ митрополитъ и окольничій князь Хилковъ въ міръ пускаютъ словесную рѣчь большую съ устрашеніемъ, будто бы, государь, въ великій Новгородъ идешь по ихъ отпискамъ православныхъ христіанъ вѣшать и пластать безъ сыску и безъ очныхъ ставокъ, и тѣми рѣчами въ міру чинятъ великое сумнѣніе и смуту». Жегловъ только еще писалъ письма Хованскому, но товарищъ его Ѳедоръ

Негодневъ поступилъ рѣшительнѣе: онъ перебѣжалъ къ Хованскому, который переслалъ его въ Москву. Отсюда 15 апрѣля посланъ былъ царскій указъ Хованскому: въ Новгородъ не ходить, стоять у Спаса на Хутынѣ, собирать ратныхъ людей, около города поставить заставы, никого не пропускать, и къ новгородцамъ посылать уговаривать покориться. Воевода исполнилъ приказаніе и получилъ отвѣтъ отъ новгородскихъ стрѣльцовъ, что когда въ земской избѣ прочли его грамоту, то посадскій человѣкъ, сапожникъ Елисейка Григорьевъ, прозвищемъ Лисица началъ говорить всему народу: «Мы бояриия князя Хованскаго въ городъ не пустимъ, а если какая немѣра будетъ, то мы, взявши знамена и барабаны, пойдемъ всѣ во Псковъ». Онъ же Елисейка говорилъ: «Если Хованскій придетъ съ небольшими людьми, то мы его пустимъ, если же съ большими, то не пустимъ». Всѣ новгородцы писали Хованскому то же, что и Жегловъ.

17 апрѣля царь отвѣчалъ новгородцамъ на ихъ челобитную: «Прислали вы къ намъ челобитныя отъ имени дворянъ и дѣтей боярскихъ: но у челобитенъ этихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ рукъ ничьихъ нѣтъ, и то вы дѣлаете воровствомъ. Намъ, великому государю, извѣстно подлинно и безъ вашего воровскаго письма и оправданья, что въ Новгородѣ датскаго посланника и другихъ нѣмцевъ били, митрополита безчестили и били, окольничаго нашего лаяли и безчестили, городовые ключи у него отняли и нашего государева повелѣнья ни въ чемъ не слушаете. Въ вашихъ челобитныхъ написано, чтобъ нашей денежной казны и хлѣба въ шведскую землю не пропускать: и мы, великій государь, съ Божією помощію, вѣдаемъ, какъ намъ государство наше оберегать и править. По вѣчному докончанію съ шведскимъ королемъ надобно было отдать всѣхъ перебѣжчиковъ, а довелось тѣхъ перебѣжчиковъ православныхъ христіанъ въ шведскую сторону отдать въ лютерскую вѣру съ 50,000 душъ, и мы велѣли за нихъ дать деньги 190,000 рублей, и въ то договорное число отпущено было съ Логиномъ Нуммерсомъ только 20,000... Хотя бы вамъ въ хлѣбѣ и прямое оскудѣніе было, такъ вамъ бы надобно было бить челомъ намъ, великому государю, и мы бы приказали привезти къ вамъ хлѣба. Пишете, чтобъ хлѣба и другихъ съѣстныхъ запасовъ продавать за рубежъ не велѣть, но тому статься нельзя, потому что между государствами ссылкѣ и

всякой торговлѣ какъ не быть? Если съ нашей стороны въ какихъ-нибудь товарахъ заказъ учинить, то шведы и сами никакихъ товаровъ въ нашу сторону не повезутъ, и въ томъ нашему государству будетъ оскудѣнье. Жалуетесь на митрополита, что проклиналъ: и то онъ учинилъ дѣло; да еслибъ онъ что иное учинилъ и не по дѣлу, то объ этомъ наше государское разсмотрѣніе впередъ будетъ. А чтобъ шведскимъ нѣмцамъ идти подъ Новгородъ и Псковъ, и то нестаточное дѣло, потому что между нами и королевою вѣчное докончаніе. А что пишете о перемѣнѣ окольничаго князя Хилкова, то мы его перемѣнить велѣли и указали быть въ великомъ Новгородѣ бояриму нашему князю Юрью Петровичу Буйносову-Ростовскому. А челобитчикамъ вашимъ Сидору Исакову съ товарищами (хотя бы за ваши злыя вины учинить того и не довелось) велѣли видѣть наши царскія очи и велѣли ихъ отпустить безъ всякаго оскорбленья; а стрѣльцу Кирилку да посадскому человѣку Іевку Красильнику велѣно побыть на Москвѣ до подлиннаго сыска, потому что они съ ворами были вмѣстѣ и на Москвѣ съ товарищами своими въ рѣчахъ порознились, говорили ложныя рѣчи. И вы бы вины свои принесли и заводчиковъ всѣхъ отдали бояриму нашему князю Хованскому. А что вы прислали дары, и тѣхъ даровъ принять не довелось, потому что вы въ своихъ челобитныхъ вины своей намъ не принесли и воровъ не прислали». Въ тотъ же день отправлена другая грамота съ угрозою, что если новгородцы князя Хованскаго не примутъ и не будутъ слушаться и къ сыску воровъ и заводчиковъ не отдадутъ, то государь пошлетъ съ Москвы бояръ и воеводъ съ многими ратными людьми и велитъ учинить надъ новгородцами большое разоренье.

Между-тѣмъ Ѳедька Негодяевъ, живя въ Москвѣ, успѣлъ заискать расположеніе бояръ и царя, видѣлъ царскія очи, былъ у руки, получилъ прощенье и объявилъ, что Никонъ и прежде былъ виновникомъ смуты: митрополитъ хотѣлъ въ соборной церкви передѣлывать, и вотъ въ Петровъ постъ 1649 года мірскіе люди многіе приходили къ нему съ шумомъ и говорили: «Прежде многія власти были, а старины не портили; мы тебѣ стараго ничего въ соборной церкви передѣлывать не дадимъ!» Отъ митрополита пошла толпа къ св. Софіи, подвези изъ церкви вы-

бросили, мастеровъ, которые подвязывали подвези и сбирались столпы ломать, хотѣли бить, но тѣ спрятались.

Негодяева отправили изъ Москвы въ Новгородъ уговаривать горожанъ къ повиновенію, уговаривать и Жеглова, чтобъ отсталъ отъ воровства, и обѣщать прощеніе. Но вслѣдъ за этимъ, 20 апрѣля, получена грамота отъ Хованскаго, что новгородцы покорились. Какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное въ Москвѣ разсказами Негодяева, видно изъ того, что на другой день по полученіи извѣстія отъ Хованскаго о покорности новгородцевъ, 21 апрѣля, царь писалъ Никону: «Ты бы соборной церкви рушить и столповъ ломать не велѣлъ.» Никонъ сильно обидѣлся и отвѣчалъ длинною грамотою; описавъ все свое поведеніе во время мятежа. Никонъ продолжаетъ: «Посадскіе добрые люди у меня пробыли во дворѣ, поилъ я ихъ и кормилъ, и всякое худое дѣло у Ивашки да у Игнашки (Жеглова и Молодожникова) моего ради постоянія разорялось и въ совершеніе не приходило, и только бы я о томъ не стоялъ, много бы хуже псковского было; безпрестанно я за тебя, государя, Бога молилъ и къ тебѣ писалъ, нанимая худыхъ людей всякими способами, посылалъ тайно. И за то, по наговору Ивашки Жеглова, опозоренъ и изувѣченъ; да тотъ же Ивашка съ товарищами били челомъ тебѣ ложно, будто я всѣхъ новгородцевъ проклиналъ; но я проклиналъ воровъ, а не добрыхъ людей, и оттого сталась смута; но я проклиналъ на третій день послѣ смуты. Да они же били челомъ, будто я хотѣлъ церковь соборную всю разрушить, и то явное ихъ ложное челобитье: какъ мнѣ безъ твоего государева указа разрушить? да и Софійской казны не будетъ столько, что разобрать, не только что вновь создать. А Ѳедька Негодяевъ твою государеву милость обманомъ выманилъ, а онъ не только твоего государева жалованья не достоинъ, но и живота не достоинъ; онъ на меня тебѣ государю и боярамъ твоимъ налгалъ небылицу, для его ложныхъ словъ ты на меня кручинишься, и что я къ тебѣ ни писалъ, отвѣта мнѣ до сихъ поръ нѣтъ никакого; мнѣ о томъ очень сумнительно и впредь о твоихъ государевыхъ дѣлахъ писать къ тебѣ и здѣсь говорить нельзя. А нынѣ въ великомъ Новгородѣ тихо, сильно плачутся о мимошедшемъ своемъ къ тебѣ согрѣшеніи. Милостивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ! уподобись милостивому и человѣколюбивому Богу!

какъ будутъ тебѣ о своихъ винахъ бить челомъ, прости; а я, уговаривая ихъ, въ твоей милости ручался, а еслибъ не такъ уговаривалъ, то всѣ бы отчаялись за свое плутовство и на бо́льшее бы худо вдались; ко мнѣ всѣмъ городомъ приходили не по одинъ день и прощенія просили, что меня били и безчестили и били на меня челомъ ложно.» Царь отвѣчалъ: «То ты, богомолецъ нашъ, дѣлалъ и исполнялъ Господню заповѣдь, св. Апостолъ и св. Отецъ преданіе, ревнуя по истинной Христовой вѣрѣ, ревнуя прежнимъ святителямъ и хвалы достойному новому исповѣднику, Ермогену патріарху. И мы, великій государь, тебя за твое раденье и крѣпкое стоянье и страданье милостиво похваляемъ; и тебѣ бы и впередъ ко всесильному Богу обѣты свои исполнять и добрымъ дѣламъ ревнителемъ быть, какъ началъ, такъ бы и совершалъ.»

Съ 24 апрѣля Хованскій приступилъ къ розыску. Прежде всего явился датскій посланникъ съ жалобою на Волка, котораго пытали и онъ повинился, что посланника билъ и безчестилъ; на него же всѣ единогласно показывали, что мятежъ, гиль и воровской заводъ чинилъ съ Ивашкою Жегловымъ и Елисейкою Лисицею. Чтобъ удовлетворить посланника и тѣмъ предотвратить разрывъ царскаго величества съ королевскимъ, Волку отсѣкли голову на площади; палача, который пьяный приходилъ къ посланнику и его позорилъ, высѣкли кнутомъ. Съ 24 апрѣля по 7 мая сыскали заводчиковъ: старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Ивашку Жеглова, Игнашку Молодожникова, Никифорку Хамова, Степку Трегубова, Панкрашку Шмару, площаднаго подъячаго Нестерка Микулина съ сыномъ Гаврилкою, площаднаго подъячаго Аханаткова; всѣхъ же объявилось въ воровствѣ 212 человѣкъ.

Сначала Хованскій хотѣлъ устроить тюрьму и посажать туда всѣхъ оговоренныхъ; но 13 мая къ Никону въ соборную церковь пришли стрѣльцы съ женами и дѣтьми и били челомъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, не велѣлъ оговоренныхъ товарищей ихъ стрѣльцовъ, которые у нихъ на порукахъ, въ тюрьму сажать, а дать бы имъ наказанье, кто чего достоинъ, да и отпустить. Никонъ послалъ за Хованскимъ и сказалъ ему: «Прислана государева грамота, велѣно тебѣ со мною государево дѣло вѣдать: такъ моя мысль, что надобно исполнить просьбу стрѣлецкую по-

тому: если всѣхъ оговоренныхъ людей посажать въ тюрьму, то они всѣ будутъ ждать себѣ смертной казни; услышатъ о томъ псковичи и будутъ думать, что всѣ виновные посажены въ тюрьму на смерть; тогда государеву дѣлу будетъ поруха». Хованскій согласился, и большинство оговоренныхъ отдано на поруки. Пришелъ приговоръ изъ Москвы: казнить смертью Жеглова, старосту Андрюшку Гаврилова, Елисейку Лисицу, Молодожникова, Шмару; Хамова и Трегуба бить кнутомъ нещадно и сослать въ Астрахань на вѣчное житье; другихъ бить кнутомъ и сослать на Терекъ, иныхъ въ Карпово, иныхъ въ Коротоякъ; иныхъ бить кнутомъ и отдать на поруки; иныхъ бить батогами и отдать на поруки. Исполненіе приговора отложено однако до новаго указа. Пришелъ новый указъ: посадскаго человѣка Якушку да троихъ стрѣльцовъ велѣно бить кнутомъ нещадно, троихъ посадскихъ бить батогами, 162 человѣка посадскихъ, стрѣльцовъ и козаковъ бить кнутомъ и отдать на чистыя поруки. Указъ былъ исполненъ; но между троими стрѣльцами, которыхъ надобно было бить кнутомъ нещадно, находился Куземка Меркурьевъ; стали искать Меркурьева, а онъ въ Москвѣ, отправленъ туда воеводою съ отписками; 16 іюня пріѣхалъ Меркурьевъ изъ Москвы и вмѣсто того, чтобъ идти подъ кнутъ, подалъ жалованную царскую грамоту: велѣно ему быть въ пятидесятникахъ и дано ему пять рублей за то, что съ братомъ своимъ Ѳомкою въ мятежъ отняли у воровъ Никона и князя Хилкова, убить ихъ не дали.

Въ Москвѣ были недовольны медленностію Хованскаго; узнавши объ этомъ, Никонъ писалъ государю: «Вѣдомо мнѣ учинилось, что прислана твоя государева грамота къ твоему боярину князю Ивану Никитичу Хованскому, а въ ней написано, что бояринъ твоимъ государевымъ дѣломъ промышляетъ мѣшкотно; но твой государевъ бояринъ твоимъ дѣломъ радѣетъ и промышляетъ неоплошно, да и я ему говорилъ, чтобъ тѣмъ дѣломъ промышлялъ невскорѣ, съ большимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ твое дѣло всякое сыскалось впрямь; отъ этого дѣло и шло медленно, а не по боярскому нерадѣнію; вскорѣ было такого великаго дѣла сыскать нельзя, а здѣсь, государь, приходитъ дѣло въ совершенье работою боярина князя Ивана Никитича Хованскаго, и работалъ онъ тебѣ тихимъ обычаемъ, не вдругъ, чтобъ не ожесточились; а что промедлилось и въ томъ твоему государеву дѣлу порухи

нѣтъ: худые всякихъ чиновъ люди въ сыску; а мѣшкалось дѣло и для Пскова» [38].

Во Псковѣ гиль опять началъ усиливаться съ половины марта. Лучшіе люди съ ужасомъ увидали, что преступники, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, ходятъ одни на свободѣ; началось сильное воровство, душегубство. Изъ Москвы отправленъ былъ въ Новгородъ и Псковъ новгородецъ Богданъ Арцыбашевъ съ приказомъ, чтобъ впередъ въ этихъ городахъ хлѣба на государя не закупали. Исполнивъ свое порученіе въ Новгородѣ, Арцыбашевъ пріѣхалъ во Псковъ 17 марта. Его взяли и поставили предъ земскою избою, откуда вышелъ староста пятиконецкій Меншиковъ и началъ его допрашивать: кто онъ? откуда? и проч. Грамоты у Арцыбашева отняли и между прочими грамоту къ архіепископу Макарію отъ новгородскаго воеводы Хилкова. Это послужило поводомъ къ новому гилю; ударили въ колокола и окружили архіепископа въ Рыбницкихъ воротахъ, когда онъ возвращался отъ обѣдни изъ Надолбина монастыря. «Для чего списываешься съ новгородскимъ воеводою?» стали кричать гилевщики Макарію: «по твоему письму онъ нашихъ челобитчиковъ послалъ въ Москву скованныхъ, а одного челобитчика подъ приказъ подкинулъ!» Архіепископъ отвѣчалъ, что онъ писалъ къ Хилкову о здоровьѣ, а не объ нихъ. Потомъ начали требовать, чтобъ архіепископъ выдалъ имъ своего сына боярскаго Турова, который вывелъ изъ города Ѳедора Емельянова; Макарій отвѣчалъ, что Туровъ отъ него сбѣжалъ; тогда архіепископа схватили, начали водить по площади и посадили въ богадѣльню на цѣпь, и сидѣлъ онъ на цѣпи съ часъ; выпустили его только тогда, когда онъ обѣщался къ 19-му марту сыскать Турова. Послѣ этого гиль не прекращался: каждый день набатъ, круги и совѣты. 21 марта вывели опять на площадь шведа Нумменса, раздѣли и пытали полчаса. Арцыбашевъ сидѣлъ въ тюрьмѣ на цѣпи; его допрашивали: чей онъ холопъ: Морозова или Хилкова?

На смѣну Собакину 25 марта пріѣхалъ изъ Москвы другой воевода, окольничій князь Василій Петровичъ Львовъ. Сдавши городъ новому воеводѣ, Собакинъ хотѣлъ уѣхать, но псковичи его не пустили: «Когда воротятся по здорову наши челобитчики изъ Москвы, тогда тебя и отпустимъ», говорили они. Новый воевода не долго пожилъ въ покоѣ: 28 марта пришли къ нему въ

съѣзжую избу всякихъ чиновъ люди и начали требовать пороху и свинцу. «Зачѣмъ вамъ порохъ и свинецъ?» спросилъ Львовъ. «Развѣ что изъ-за рубежа слышно? если что слышно, то мы пошлемъ провѣдать. Съ нѣмцами войны нѣтъ.» Стрѣлецъ Коза отвѣчалъ: «Изъ-за рубежа не слыхать ничего, боимся московскаго рубежа; слышали мы, что идутъ къ намъ съ Москвы во Псковъ многіе служивые люди. Съ нѣмцами войны нѣтъ, но намъ тѣ нѣмцы, которые съ Москвы будутъ по наши головы». Львовъ сказалъ на это: «Али вамъ съ государемъ драться? Пороху и свинцу вамъ не дамъ, развѣ, задавивъ меня, снять вамъ печать и ключи казенные». Тутъ закричали міромъ: «Съ ружьемъ! съ ружьемъ!» Загудѣли колокола, поднялся страшный шумъ, ругательства на Львова, крики: «измѣнникъ! измѣнникъ!» Окружили съѣзжую избу, примѣривались изъ пищалей въ окно; стрѣлецъ Ивашка Колчинъ махалъ топоромъ, грозился срубить воеводу; Львовъ снялъ со стѣны Спасовъ образъ и говорилъ: «Православные христіане; какого вы измѣнника во мнѣ нашли государю? Вотъ вамъ Спасовъ образъ, что я не измѣнникъ государю! Порохъ и свинецъ берите силою, а волею я вамъ не дамъ». Порохъ и свинецъ были взяты, послѣ чего повели Львова во всегороднюю избу и вытребовали отъ него ключи городовые. Но этимъ дѣло не кончилось: пришли ко Львову и Собакину въ домы ихъ и кричали: «Если не пошлете съ нашими челобитчиками въ Москву дѣтей своихъ, то мы у васъ возьмемъ ихъ и не въ честь, а васъ побьемъ; а если дѣти ваши челобитныя гдѣ-нибудь по городамъ покажутъ и скажутъ, что у челобитчиковъ челобитныя, а не у нихъ, и если государь что-нибудь велитъ сдѣлать надъ нашими челобитчиками, то мы васъ самихъ побьемъ до смерти.» Воеводскіе сыновья были взяты силою.

30 марта пріѣхалъ изъ Москвы во Псковъ для розыска окольничій князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Волконскій. Старосты провели его на пустой дворъ Ѳедора Емельянова; но какъ скоро въ мірѣ узнали, что Волконскій остановился у Емельянова, то поднялся крикъ: «Измѣнникъ! сталъ на измѣнничьемъ дворѣ!» Волконскій, по пріѣздѣ, отправился, по обычаю, въ Троицкій соборъ, но у Довмонтовой стѣны окружила его толпа съ крикомъ: «Вотъ измѣнникъ! убейте его каменьемъ!» Услыхавъ эти крики, Волконскій поспѣшилъ къ собору и, вбѣжавъ въ церковь, началъ прикла-

дываться къ образамъ. Но толпа ворвалась за нимъ въ церковь, взяли его за бороду и за волосы и повели изъ церкви вонъ; стрѣлецъ Сенька Жегара ударилъ его плитою, сынъ попа Заплевы хватилъ обушкомъ. Избитаго привели Волконскаго на площадь, поставили на чанъ и спросили: «Съ чѣмъ ты во Псковъ пріѣхалъ? —«Съ чѣмъ присланъ, то и стану дѣлать», отвѣчалъ Волконскій. Взяли у него государеву грамоту и начали читать во весь міръ; когда дочли до того мѣста, гдѣ сказано было, что воровъ казнить, а инымъ наказанье чинить, и заводчики мятежа были названы поименно, то эти заводчики закричали: «Государь прислалъ казнить насъ, а мы здѣсь скорѣе казнимъ того, кто присланъ насъ казнить!» и кинулись на Волконскаго съ топорами и пищалями; но выборные люди не дали его убить, воры успѣли только ранить его топоркомъ въ голову. Потомъ гилевщики послали за Собакинымъ, поставили его на чанъ и порывались убить, крича: «Ты писалъ къ государю, что во Псковѣ хлѣбъ дешевъ, такъ мы тебя изъ Пскова не отпустимъ, поживи съ нами на дешевомъ хлѣбѣ!» Возвратились изъ Новгорода псковскіе козаки, посланные туда для вѣстей, и сказали, что Волконскій на дорогѣ жегъ какія-то письма, а въ Новгородѣ великомъ тоже учинили мятежъ и гилеванье. Эти вѣсти раздули еще сильнѣе мятежъ, гилевщики пуще начали волноваться и кричать всѣмъ міромъ: «Не одни мы, и новгородцы то же сдѣлали, теперь въ этомъ дѣлѣ два города!» Загудѣлъ набатъ, и Волконскаго въ другой разъ вывели на площадь для разспроса: какія письма онъ въ дорогѣ жегъ? Волконскій отвѣчалъ, что онъ писалъ къ государю о новгородскихъ вѣстяхъ, а черновую отписку на стану сжегъ, потому что ему не надобна, «а вамъ псковичамъ до того дѣла не пристало». Но твердыми словами нельзя уже было унять гиля, а силы не было у воеводы: изъ дворянъ никто къ нему во Псковъ не пріѣхалъ, а которые и были въ городѣ, и тѣ отъ гилеванья мірскихъ людей разбѣжались. Стрѣльцы перестали слушаться головъ своихъ, били всѣмъ приказомъ голову Бориса Бухвостова и кричали: «Государь насъ не жалуетъ, прибираетъ солдатъ!» У Волконскаго взяли племянника и отправили въ Москву, говоря дядѣ: «Если не пошлешь, то мы тебя повѣсимъ на Рпгинѣ горѣ».

Между-тѣмъ псковскіе челобитчики пріѣхали въ Москву. 12 мая государь приказалъ поставить ихъ передъ собою и разспро-

сить. Помѣщикъ Григорій Воронцовъ-Вельяминовъ сказалъ: «Посланъ я отъ своей братьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ, бить челомъ въ своей страдничьей винѣ, что къ челобитной руки приложили поневолѣ, потому что мірскіе люди захватили насъ врознь, въ небольшомъ числѣ, а пущіе воры заводчики: площадной подъячій Томилка Слѣпой, стрѣльцы: Прошка Коза, Ивашка Копытовъ, Никита Сорокоумовъ, Андрюшка Савостьяновъ, съ братомъ Ваською, Ивашка Колчинъ, Сенька Жегара; посадскіе люди: Добрынка Банщикъ, Прохорка Мясникъ, Пашка Шапошникъ; два попа: Евсевій да Іаковъ Заплева; во всегородной избѣ теперь у нихъ сидятъ: староста Гаврилка Демидовъ да Михалка Мининцынъ; стрѣлецкіе пятидесятники: Неволька Сидоровъ, Парамошка Лукьяновъ, Ѳедька Снырка; козаки: Ивашка Сахарный, Ивашка Хворый; Троицкій протопопъ Аѳанасій, прозвищемъ Друганъ, да ключарь Діонисій, только протопопъ и ключарь сидятъ поневолѣ, да тутъ же сидитъ Георгіевскій съ болота попъ Яковъ, и тотъ ко всякимъ ихъ воровскимъ заводамъ и умыслу пристаетъ и думаетъ съ ними вмѣстѣ; сидятъ многіе посадскіе люди, только къ воровству не пристаютъ, сидятъ молча». Въ челобитной своей къ государю псковичи писали: когда они просили воеводу не отдавать хлѣба нѣмцамъ до государева указа, то Собакинъ грозилъ имъ ссылкою и смертною казнью; Нуммепсъ въ разспросѣ грозилъ имъ войною; полковникъ Крафертъ, идучи съ царскими послами, во Псковѣ всѣ укрѣпленія осматривалъ; воеводу и архіепископа они не безчестили ничѣмъ; къ Емельянову на дворъ нѣмцы пріѣзжаютъ; прежде онъ за воровство былъ пытанъ, и у соляного пошлиннаго сбора съ площаднымъ подъячимъ Филькою Шемшаковымъ пошлины бралъ вдвое, втрое и впятеро, и пенныя деньги на всѣхъ людяхъ бралъ большія, во всемъ у него дума съ Семеномъ Стояновымъ, а норовятъ нѣмцамъ; да онъ же Емельяновъ хвалитъ нѣмецкую вѣру и обо всякихъ вѣстяхъ пишетъ къ нѣмцамъ: чтобъ государь велѣлъ Емельянова прислать во Псковъ на очную ставку. Шведы будутъ подъ Новгородомъ на Христовъ день, подо Псковъ на Николинъ или Троицынъ день, почему они псковичи и ключи городовые у воеводы взяли. Если шведская королева придетъ войною за денежную и хлѣбную казну и за перебѣжчиковъ, то они псковичи противъ шведовъ ради стоять. При прежнихъ государяхъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, ино-

земцы никакіе не служили. При царѣ Михаилѣ ратнымъ людямъ давали жалованье безъ убавки, а теперь у служивыхъ людей жалованье наполовину отнято, а инымъ и вовсе не даютъ; а которымъ служивымъ людямъ даютъ жалованье по жалованнымъ грамотамъ, то воеводы и дьяки даютъ не противъ жалованныхъ грамотъ, и отъ этого жалованья со всѣхъ служивыхъ людей, кромѣ пригородовъ, берутъ посуловъ въ годъ рублей по 500 и больше; на указные сроки жалованья не выдаютъ, а даютъ, норовя кабацкимъ откупщикамъ, подъ праздники, чтобъ жалованье ложилось у кабацкихъ откупщиковъ. Москвичи природные служивые и всякихъ чиновъ люди безвинно изъ Москвы въ Сибирь поразосланы, многіе помучены и палицами побиты и въ водѣ потоплены, а иные въ Сибири между горъ въ пропастяхъ поустроены. Ругу даютъ на церкви передъ прежнимъ въ половину, и церкви безъ архіепископскаго и воеводскаго призрѣнья валятся розно. Воевода Собакинъ бралъ въ рядахъ изъ лавокъ всякіе товары и ремесленныхъ людей заставлялъ на себя всякія работы работать насильно, а денегъ не давалъ; сыновья его многихъ вдовъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ, перенимая по улицамъ и на рѣкахъ по портомойнямъ, съ своими дворовыми людьми, насильствомъ позорили. Писцы посадскихъ людей написали передъ крестьянами тяжело, положили на нихъ тягло семь доль, а на крестьянъ осьмую долю. Шелонской пятины крестьянинъ Артемка сказалъ во Псковѣ, что въ Новгородѣ въ нѣмецкой сказкѣ (въ допросныхъ рѣчахъ) написано: какъ будутъ нѣмцы подо Псковъ, то изъ Москвы придетъ бояринъ Морозовъ и сдастъ Псковъ нѣмцамъ безъ бою.— Псковичи просили, чтобъ государь для подлиннаго сыску прислалъ во Псковъ Никиту Ивановича Романова, который государю радѣетъ и о землѣ болитъ. Прося явно о присылкѣ Романова, псковичи тайно отправили въ Москву козака Михаилу Карпова; проселочными дорогами пробрался козакъ и подалъ боярину Никитѣ челобитную; въ ней псковичи просили, чтобъ впередъ во Псковѣ воеводы и дьяки судили съ земскими старостами и съ выборными людьми по правдѣ, а не по мздѣ и посуламъ, просили также не позывать псковичей въ Москву. Романовъ привелъ козака и съ челобитной къ царю.

Царь велѣлъ всѣмъ челобитчикамъ видѣть свои очи и отпустилъ ихъ съ отвѣтною грамотою къ псковичамъ на всѣ статьи

челобитной. Относительно жалобъ на злоупотребленія былъ одинъ отвѣтъ: «Холопи наши и сироты намъ великимъ государямъ никогда не указывали, и вамъ надобно было челомъ бить до нынѣшняго смятенія, а самимъ не управляться.» Насчетъ Краферта царь отвѣчалъ: «Крафертъ у насъ въ вѣчномъ холопствѣ и подалъ намъ чертежъ какъ укрѣплять Псковъ.» Объ иноземцахъ: «Царю Ивану Васильевичу и отцу нашему служили цари и царевичи и король Магнусъ и многіе иноземцы.» О Романовѣ: «Написали вы это по воровскому заводу: намъ онъ бояринъ, нашъ холопъ, служитъ съ своею братьею боярами вмѣстѣ, а недоброхота между боярами никого нѣтъ. При предкахъ нашихъ никогда не бывало, чтобъ мужики съ боярами, окольничими и воеводами у расправныхъ дѣлъ были, и впередъ того не будетъ.» Царская грамота оканчивалась угрозою, что если псковичи не покорятся, то пойдутъ на нихъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой да князь Михайла Петровичъ Пронскій со многими ратными людьми и съ нарядомъ. Въ грамотѣ къ архіепископу Макарію царь выставлялъ поведеніе Никона въ Новгородѣ образцовымъ, писалъ, что его митрополичьимъ радѣньемъ и князя Хованскаго службою новгордцы въ познанье пришли.

Тотъ же Хованскій шелъ теперь на Псковъ, спрашивая встрѣчавшихся ему помѣщиковъ, гдѣ удобнѣе остановиться подъ городомъ? Тѣ указывали ему на Снетную гору. 28 мая онъ приблизился ко Пскову и былъ встрѣченъ стрѣльбою изъ большаго наряда; въ то же время многіе пѣшіе и конные люди вышли изъ города и стрѣляли изъ мелкаго ружья; отвѣту имъ не было, потому что Хованскій запретилъ своимъ биться съ псковичами. Но псковичи не думали платить учтивостію за учтивость: они напали на обозъ и успѣли подхватить шесть телѣгъ съ имѣніемъ Хованскаго; только телѣга съ разрядными дѣлами была у нихъ отбита. Хованскій сталъ на Снетной горѣ и писалъ къ государю, что у него людей мало, осадить городъ и воротъ отнять некѣмъ, всего войска у него до 2,000, да въ Любятинскомъ монастырѣ оставлено имъ 700 человѣкъ, а между Любятинскимъ монастыремъ и Снетною горою верстъ съ десять. Запасовъ ничего нѣтъ; уѣздные люди съ псковичами заодно воруютъ, по дорогамъ стоятъ, людей хватаютъ и во Псковъ отводятъ, а хлѣбъ всякій по лѣсамъ похоронили. «А найдутъ на насъ псковичи на Снетную гору

съ нарядомъ, и намъ никакъ стоять нельзя, и больше пяти дней на Снетной горѣ стоять нельзя, потому что конскихъ кормовъ нѣтъ.»

Пришлось однако простоять больше пяти дней. Псковичи не думали сдаваться и говорили: «Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, такъ не сдадимся: города вскорѣ не разобьютъ и не возьмутъ, а намъ въ городѣ есть съ чѣмъ сидѣть, хлѣба и запасовъ будетъ лѣтъ на десять.» Написали въ Гдовъ, и гдовцы съ псковичами сложились заодно. Пріѣхали челобитчики изъ Москвы и сказали міру отвѣтъ государевъ. «Вы говорите это по наученію измѣнниковъ!» закричала толпа, и одного изъ челобитчиковъ, Ѳедьку Коновалова, повели на пытку, зачѣмъ привезъ грамоту не отъ государя. Въ своемъ рѣшеніи не сдаваться гилевщики поддерживались розсказнями, привозимыми изъ-за границы: одинъ разсказывалъ, что былъ по торговымъ дѣламъ въ Нейгаузенѣ, и тамъ на городовыхъ воротахъ прибитъ листъ, на листу написана королева, какъ живая сидитъ, съ мечомъ, а внизу подъ нею, наклонясь, стоитъ праведный государь Алексѣй Михайловичъ. Другой разсказывалъ: встрѣтился онъ на рубежѣ съ литовцами, и тѣ говорили, что царь Алексѣй Михайловичъ теперь въ Польшѣ, выѣхалъ изъ Москвы самъ-шостъ тому недѣль съ тридцать, сами они литовцы, государя видѣли, король его жалуетъ и смотрятъ на него всѣ, что на красное солнце; стояли бы псковичи противъ Хованскаго крѣпко, а государь будетъ съ козаками донскими и запорожскими подо Псковъ на выручку скоро. Третій разсказывалъ, что государя дѣйствительно на Москвѣ нѣтъ: подкатили подъ палату зелья, но государя спасла втайнѣ жена Морозова.

Хованскій послалъ уговаривать псковичей дворянъ Савву Бестужева съ одиннадцатью товарищами. Псковичи привели посланныхъ во всегородную избу и разспрашивали порознь, ограбили, били и называли измѣнниками: «У васъ нѣмцы» говорили они: «а намъ псковичамъ если какая немѣра будетъ, то у насъ будутъ поляки для выручки»; всѣхъ бояръ и думныхъ людей называли измѣнниками; про Хованскаго кричали: «Онъ великій Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ, да будемъ ѣсть.» Грамоту Хованскаго прочли на весь міръ на чанахъ, а дворянъ заперли. Послѣ полудня зазвонили въ колоколъ, собрался скопъ,

и начали думать—побить дворянъ Хованскаго или отпустить? Порѣшили на томъ, что Бестужева убили, двоихъ отпустили назадъ къ Хованскому, а девятерыхъ посадили въ тюрьму. Всѣмъ распоряжался староста Гаврила Демидовъ. Заводчики написали было грамоту къ литовскому королю, чтобы прислалъ имъ людей на помощь, но міръ не согласился и грамоту не отправили.

Хованскій велѣлъ дѣлать мостъ подъ Снетною горою черезъ Великую рѣку, чтобъ у псковичей и за Великою рѣкою засады и дороги заступить. Провѣдавъ про мостъ, псковичи начали приходить ежедневно и стрѣлять по таборамъ и такимъ образомъ не давали навести моста. 31 мая сдѣлали они вылазку и сожгли острогъ, который былъ устроенъ за Великою рѣкою для укрѣпленія Снетной горы; приступали и къ острожку, который находился между Снетною горою и любятинскимъ монастыремъ, но были отбиты. Хованскій доносилъ, что псковичи надъ убитыми его ратными людьми ругались какъ и звѣрь не дѣлаетъ; воевода продолжалъ писать жалобныя отписки: «Вылазки, государь, и бои ежедневные, а у дворянъ и дѣтей боярскихъ запасовъ мало: дѣти боярскіе мелкіе, козаки, стрѣльцы и въ постные дни ѣдятъ мясо.» 18 іюня была новая сильная вылазка изъ Пскова и опять отбита: псковичей гнали до самыхъ городовыхъ воротъ и убили у нихъ человѣкъ съ 300.

Несмотря на то, псковичи не сдавались, и противъ нихъ отправился не князь Трубецкой со многими ратными людьми: 4-го іюля поѣхали во Псковъ изъ Москвы Рафаилъ, епископъ коломенскій, Сильвестръ, архимандритъ андроньевскій, Михаилъ, протоповъ черниговскій, и выборные люди изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, гостей и дворовыхъ людей. Посланные должны были уговаривать псковичей, чтобъ они впустили князя Хованскаго и выдали защитниковъ: Гаврилку Демидова, Мишку Мошницына, Дружинку Бородина, Прошку Козу да Ваську Копыто, за что получатъ прощеніе, въ противномъ случаѣ государь пойдетъ на нихъ самъ и велитъ ихъ до конца разорить. Къ Хованскому былъ посланъ приказъ: «Старостѣ Гаврилѣ Демидову писать тайно, чтобъ онъ обратился, вину свою принесъ и изъ города ушелъ къ тебѣ въ полки: за это къ нему государская милость будетъ; также и къ стрѣльцамъ писать тайно, чтобъ они ворота отворили и тебя пустили!» Но Хованскій продолжалъ при-

сылать въ Москву печальныя вѣсти: «Сумерской волости солдаты измѣнили, сложились съ гдовцами заодно, и у псковичей всѣмъ этимъ людямъ положенъ срокъ быть въ Псковъ за недѣлю до Ильина дня, и если такая многая пѣхота придетъ, то чаемъ всякаго худа отъ малолюдства. Изборяне измѣнили, сложились со псковичами.»

26 іюля указалъ государь быть собору о псковскомъ воровскомъ заводѣ; на соборѣ быть боярамъ, окольничимъ и т. д., изъ городовъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, московскимъ гостямъ, гостинныя, суконныя и черныхъ сотенъ торговымъ людямъ и стрѣльцамъ, быть изъ гостинной и суконной сотенъ старостамъ по 5 человѣкъ, а изъ черныхъ сотенъ по соцкому. На соборѣ совѣтнымъ людямъ разсказали все поведеніе псковичей и какъ они, выходя изъ города, разоряютъ домы дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются: груди вспарываютъ и, горла прорѣзавъ, языки вытаскиваютъ; въ уѣздѣ побили помѣщиковъ Авдѣя Бѣшенцова, жену его и дѣтей, сожгли и убили Неклюдова, Ногина, псковского гостя Никулу Хозина; приходятъ и въ шелонскую пятину, бьютъ помѣщиковъ. Послѣ этого объявленія предложенъ былъ вопросъ: «Если псковичи Рафаила епископа и выборныхъ людей не послушаютъ, то съ ними что̀ дѣлать?» Отвѣта совѣтныхъ людей не сохранилось; но къ Рафаилу былъ посланъ указъ не требовать выдачи заводчиковъ гиля, уговаривать псковичей вины свои принести и обѣщать имъ, если они покорятся и государю крестъ поцѣлуютъ, то князь Хованскій немедленно отступитъ отъ Пскова въ Новгородъ. Не требовать выдачи заводчиковъ мятежа совѣтовалъ Никонъ. Еще въ началѣ мая посылалъ онъ софійскаго дома стряпчаго Богдана Сназина уговаривать псковичей, чтобъ вины свои государю принесли. Сназина у городскихъ воротъ схватили караульщики и привели во всегородную избу къ выборнымъ людямъ, посадскому человѣку Гаврилѣ Демидову и къ дворянину Ивану Чиркину съ товарищами; выборные взяли у Сназина грамоты, распечатали, прочли и велѣли бить въ сполошный колоколъ: народъ сошелся къ избѣ и ему начали читать митрополичьи грамоты. Выслушавъ, псковичи стали бранить митрополита невѣжливыми словами всячески: «Его мы отписокъ не слушаемъ; будетъ съ него и того, что Новгородъ обманулъ, а мы не Нов-

городцы, повинныхъ намъ къ государю не посылывать, и вины надъ собою никакой не вѣдаемъ.» Сназина сначала сковали, потомъ отпустили съ отвѣтомъ, чтобъ митрополитъ къ нимъ впредь не писалъ и никого не присылалъ, а кого пришлетъ, тому спуску не будетъ. Никонъ, убѣдившись, что заводчики мятежа слишкомъ сильны во Псковѣ, и видя, что недостатокъ энергическихъ мѣръ со стороны Москвы только длитъ войну и разоренье, написалъ къ государю:

«Мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что у псковичей учинено укрѣпленье великое и крестное цѣлованье было, что другъ друга не подать, а тѣ четыре человѣка, которыхъ велятъ имъ выдать, во Псковѣ владѣтельны и во всемъ ихъ псковичи слушаютъ; а если псковскіе воры за этихъ четырехъ человѣкъ станутъ, и для четырехъ человѣкъ твоя вотчина около Пскова и въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Шелонской и Воцкой пятинахъ и въ Луцкомъ уѣздѣ и въ Пустой Ржевѣ разорится: многіе люди, дворяне и дѣти боярскіе, ихъ жены и дѣти посѣчены и животы ихъ пограблены, села и деревни пожжены, а иные всякихъ чиновъ люди подо Псковомъ и на дорогахъ побиты, а я съ архимандритами, игумнами и съ новгородскими посадскими людьми и крестьянами, подводы нанимая дорогою цѣною подъ ратныхъ людей и подъ запасы, въ конецъ погибли, твоя отчина пустѣетъ, посадскіе людишки и крестьянишки бредутъ врознь. Вели, государь, и тѣмъ четыремъ человѣкамъ, пущимъ ворамъ, вмѣсто смерти животъ дать, чтобъ великому Новгороду и его уѣзду въ конечномъ разореніи не быть. А тѣмъ промысломъ Пскова не взять; которые люди подъ Псковомъ, и тѣхъ придется потерять, а Новгороду отъ подводъ и ратныхъ людей будетъ запустѣнье. А я, уговаривая новгородцевъ, далъ имъ свое слово, что тебѣ государю за ихъ вину бить челомъ, и потому Новгороду и твоей казнѣ убытка и людямъ порухи никакой не было; да и впредь бы мнѣ о всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлахъ говорить съ новгородцами надежно и постоятельно. А какъ пріѣхалъ въ Новгородъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій, и онъ новгородцамъ божился, что имъ никакой жестоки за ихъ вину не учинитъ; а теперь псковичи, слыша, что воры сидятъ въ Новгородѣ въ тюрьмахъ, боясь того же, никакому увѣщанію не вѣрятъ, на новго-

родскихъ воровъ, тюремныхъ сидѣльцевъ, указываютъ: «и намъ то же будетъ!»

Но откуда проистекала эта нерѣшительность употребить сильныя мѣры, нерѣшительность исполнить угрозу: выслать большое войско съ Трубецкимъ? Не будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ собственными догадками; укажемъ только на одно опасеніе, о которомъ прямо говорятъ источники: тотчасъ послѣ собора призваны были черныхъ сотенъ соцкіе въ посольскій приказъ и говорено имъ, чтобъ извѣщали государю про всякихъ людей, которые станутъ воровскія рѣчи говорить или въ народѣ вмѣщать.

Между тѣмъ военныя дѣйствія подо Псковомъ продолжались. 12 іюля псковичи сдѣлали сильную вылазку, хотѣли взять острогъ за Великою рѣкою; завязался бой большой, потому что Хованскій пришелъ съ Снетной горы на помощь острожку. Псковичи были отбиты и потеряли больше 300 человѣкъ, пушки и знамена. Заводчики мятежа сильно сердились на архіепископа Макарія, что онъ не помогаетъ ихъ дѣлу. Однажды пришла въ соборную церковь вооруженная толпа, кричала на Макарія, угрожала смертію, зачѣмъ онъ своимъ приказнымъ людямъ и дѣтямъ боярскимъ не велѣлъ ходить на вылазки и на караулы; кричали: «Въ Троицкомъ дому до людей, до лошадей, до хлѣба и до денегъ тебѣ дѣла нѣтъ, то все надобно городу!» Іюля 30 пришли къ Макарію выборные люди докладывать объ ердани для 1-го августа; архіепископъ воспользовался случаемъ и началъ говорить, чтобъ повинились государю, пріискалъ статью въ псковскомъ лѣтописцѣ, гдѣ написано было съ большими клятвами, чтобъ отъ своего государя въ городѣ не затворяться и рукъ противъ него не поднимать. Выборные, пришедши во всегородную избу, велѣли эти слова Макарія записать, зазвонили въ колоколъ и прочли ихъ при всемъ народѣ; слѣдствіемъ было то, что архіепископа взяли изъ церкви во время службы, посадили въ богадѣльню и положили на него большую цѣпь.

Но Макарія выпустили изъ богадѣльни къ половинѣ мѣсяца, потому что пришла вѣсть о приближеніи Рафаила съ выборными. 17 августа они имѣли во Псковъ торжественный входъ; архіепископъ Макарій съ духовенствомъ и съ народомъ встрѣтилъ ихъ за полверсты отъ города; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ, послѣ молебна читали государеву грамоту; когда дочли до того

мѣста, гдѣ говорилось, что псковичи хотѣли посылать грамоту къ литовскому королю, то всѣ начали кричать, что они такой грамоты не писали и не читали и въ умѣ у нихъ этого не было. На другой день псковичи объявили Рафаилу, что они вины свои приносятъ государю и готовы цѣловать крестъ, но если въ крестоприводной записи будетъ написано о литовской грамотѣ, то они креста цѣловать не будутъ. Рафаилъ исключилъ это мѣсто, и 20 числа поутру поцѣловали крестъ старосты и лучшіе люди; но послѣ обѣда началось волненіе, стали кричать: «Въ крестоприводной записи написано о нѣмчинѣ Нуммесѣ, о гостѣ Емельяновѣ, о томъ, что мы псковичи въ уѣздѣ помѣщиковъ, женъ и дѣтей ихъ били; но кто нѣмчина билъ и дворъ Емельянова грабилъ и въ уѣздахъ помѣщиковъ побивалъ, тотъ бы и крестъ цѣловалъ, а мы не хотимъ». Накинулись на старостъ и выборныхъ людей, хотѣли ихъ убить, кричали имъ: «Для чего вы противъ этихъ статей крестъ цѣловали?» Этимъ воспользовались гилевщики; попъ Евсѣй, староста Демидовъ, Томилка Слѣпой кричали, что не надобно креста цѣловать, и говорили про государя рѣчи уму человѣческому невмѣстимыя. На другой день, когда нужно было приводить ко кресту остальныхъ, въ самой соборной церкви начался страшный шумъ и многіе пошли было изъ церкви вонъ, но Рафаилъ съ товарищами убѣдилъ ихъ возвратиться и присягнуть. «Какъ же» говорилъ онъ: «вы прежде утверждали, что воровъ и заводчиковъ у васъ нѣтъ, что всѣ вы виноваты; а теперь запираетесь и складываете вину на немногихъ?» Шумъ унялся, всѣ цѣловали крестъ, но попъ Евсѣй со своими товарищами попами къ повинной руки не приложилъ. Въ Москву были отправлены челобитчики съ повинною къ государю.

Рафаилъ именемъ царскимъ объявилъ всепрощеніе; но стоило только утихнуть волненію, какъ лучшіе люди взяли верхъ и начали управляться съ заводчиками: сковали и посадили во всегородную избу старосту Гаврилу Демидова за то, что въ мятежъ изъ тюрьмы воровъ распустилъ и шишей въ уѣзды разсылалъ дворянъ побивать, во Псковѣ всякій мятежъ и гиль чинилъ и, напившись пьянъ, изъ пушекъ стрѣлять приказывалъ. Схватили егорьевскаго попа Фирса, который, собравшись съ шишами, разорялъ уѣзды. Воевода Львовъ велѣлъ было губнымъ старостамъ хватать воровъ, выпущенныхъ Демидовымъ—воры разбѣжались;

воевода велѣлъ сыскать поручиковъ—поручиками оказались заводчики гиля, Коза и Копыто съ товарищами, которые начали кричать, что сыскивать воровъ не будутъ, и воевода, опасаясь новаго мятежа, оставилъ поручиковъ въ покоѣ. Но лучшіе люди не хотѣли оставить гилевщиковъ въ покоѣ: они били челомъ на заводчиковъ мятежа: Прошку Козу, Іева Копыто, Никиту Сорокоума, Ивана Клобучкова, перехватали ихъ и отдали князю Львову, который велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму; къ тюрьмѣ сталъ собираться народъ, начались толки: «Государь насъ простилъ во всемъ, а князь Львовъ сажаетъ въ тюрьму и чинитъ наказанье, бьетъ кнутомъ: въ томъ государь воленъ, а намъ попрежнему *бить въ тарарыку;* если государь изволитъ самъ быть во Псковѣ, то мы ему всѣ повинны головами своими; а если пришлетъ бояръ съ людьми ратными и велитъ насъ вывесть, то мы женъ своихъ и дѣтей побьемъ, а сами на зельѣ (порохѣ) помремъ». Между тѣмъ подъячій Захаръ Осиповъ подалъ челобитную, въ которой объявлялъ, что въ мятежное время староста Гаврилка Демидовъ взялъ его Захара для письма въ земскую избу, держалъ неволею и велѣлъ писать листъ къ литовскому королю о присылкѣ на помощь 5,000 ратныхъ людей; Осиповъ объявилъ, что въ думѣ объ этой измѣнѣ было всего четыре человѣка. Когда изъ Москвы возвратились челобитчики, отправленные къ государю съ повинною, то князь Львовъ созвалъ псковичей, объявилъ имъ государскую милость и говорилъ, чтобъ они не стояли за гилевщиковъ, которые послѣ крестнаго цѣлованія хотѣли опять завести воровской заводъ: Гаврила Демидовъ у соборной церкви билъ стрѣльца за то, что тотъ обличалъ его воровство; Томилка Слѣпой приходилъ къ стрѣльцу Игнашкѣ Мухѣ и говорилъ, чтобъ имъ завести мятежъ. Лучшіе люди отдали Демидова и Слѣпаго. 21 ноября Демидовъ, Слѣпой, Коза, Копыто, Сорокоумовъ, Клобучковъ, Шапошниковъ, Семяковъ были вывезены изъ Пскова въ Новгородъ и тамъ посажены въ тюрьму въ оковахъ. Когда ихъ повезли, то многіе псковичи собрались съ женами и дѣтьми и провожали ихъ за городъ, причемъ слышались слова: «Во Псковѣ государь казнить ихъ не велѣлъ, а велѣлъ сослать въ Новгородъ, и если въ Новгородѣ государь велитъ ихъ казнить, то намъ всѣмъ казненнымъ и сосланнымъ быть».

23 ноября земскіе старосты подали челобитную на Дружин-

ку Бородина, что заводитъ прежнее воровство, гиль и мятежъ. Бородина схватили, били кнутомъ по торгамъ нещадно и отдали за пристава для отсылки въ Москву. Въ это время пришелъ царскій указъ выслать въ Москву половину псковскихъ стрѣльцовъ на службу и подводы для нихъ взять во Псковѣ. Чтобъ толковать о подводахъ, собрались въ земскую избу старосты, посадскіе люди, монастырскіе служки и ямщики; Бородинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ и прислалъ съ женою въ земскую избу возмутительное письмо, но обманулся въ разсчетѣ: земскіе старосты принесли это письмо въ съѣзжую избу къ воеводѣ. Касательно дальнѣйшей судьбы заводчиковъ извѣстна грамота государева къ шведской королевѣ Христинѣ, чтобъ та прислала своихъ людей въ Новгородъ для присутствія при казни мятежниковъ, оскорбившихъ Нумменса; но отвѣта на это предложеніе не было. Такъ рушились всѣ попытки возобновить мятежъ. Въ Москвѣ государь созвалъ всѣхъ тѣхъ, которые были на соборѣ 26 іюля, и объявилъ имъ: «Псковичи вины свои принесли, присягу дали и мы ихъ прощаемъ» [39].

Когда все успокоилось въ Новгородѣ и Псковѣ, въ 1651 году Никонъ пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ снова пріобрѣсти могущественное вліяніе на молодого царя, ибо прежнее вліяніе было поколеблено отсутствіемъ. Никонъ уговорилъ государя перенести въ Успенскій соборъ гробъ патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря, гробъ патріарха Іова изъ Старицы и мощи Филиппа митрополита изъ Соловокъ. За мощами Филиппа отправился самъ Никонъ въ сопровожденіи боярина князя Ивана Никитича Хованскаго и Василія Отяева. Торжество это имѣло не одно религіозное значеніе: Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною; онъ былъ низвергнутъ царемъ Іоанномъ за смѣлыя увѣщанія, умерщвленъ опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Богъ прославилъ мученика святостію; но свѣтская власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ грѣхѣ своемъ, и этимъ покаяніемъ не отказалась отъ возможности повторить когда-либо подобный поступокъ относительно власти церковной. Никонъ, пользуясь религіозностію и мягкостію молодого царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ отыскалъ примѣръ въ преданіяхъ византійскихъ, какъ императоръ Θеодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ

молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому; и Никонъ повезъ въ Соловки грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу: «Молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, чтобъ разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистію и несдержаніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако гробъ прадѣда постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскія за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставиши ему согрѣшеніе его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ, и за это покаяніе и по нашему прошенію, приди къ намъ, св. владыка! Оправдался евангельскій глаголъ, за который ты пострадалъ: «всяко царство, раздѣльшееся на ся не станетъ», и нѣтъ болѣе теперь у насъ прекословящаго твоимъ глаголамъ, благодать Божія теперь въ твоей паствѣ изобилуетъ; нѣтъ уже болѣе въ твоей паствѣ никакого раздѣленія: всѣ единомысленно молимъ тебя, даруй себя желающимъ тебя, приди съ миромъ восвояси, и свои тебя съ миромъ примутъ» [40].

Везя съ собой покаяніе царя въ томъ, что нѣкогда царь не послушался увѣщаній архіерейскихъ, Никонъ считалъ себя въ полномъ правѣ требовать отъ сопровождавшихъ его вельможъ, чтобъ они безпрекословно исполняли его распоряженія относительно дисциплины церковной. Послышались жалобы на неумѣренность требованій новгородскаго митрополита; люди съ характеромъ, подобнымъ Никонову, не очень способны къ умѣренности въ чемъ бы то ни было; притомъ же, крутой по природѣ, Никонъ не имѣлъ возможности пріобрѣсть мягкость въ обхожденіи посредствомъ воспитанія и требованій общественныхъ; тогдашнее общество не требовало этой мягкости. Жалобы достигли двора, царя. Но пусть самъ царь разскажетъ намъ о томъ, что происходило въ Москвѣ въ 1652 году, во время отсутствія Никона, пусть разскажетъ намъ о своихъ отношеніяхъ къ вельможамъ, патріарху и особенно къ самому Никону, пусть этимъ простосердечнымъ своимъ разсказомъ введетъ насъ въ тотъ вѣкъ, въ то общество.

«Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси, великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолуцкому, отъ насъ, земнаго царя, поклонъ. Радуйся архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, Богъ милуетъ? А я грѣшный твоими молитвами далъ Богъ здоровъ. Не покручинься, Господа ради, что про савинское дѣло не писалъ къ тебѣ, а писалъ и сыскъ послалъ къ келарю; ей, позабылъ, а тутъ въ одинъ день прилучились всѣ отпуски, а я усталъ, и ты меня, владыка святый, прости въ томъ; ей, безъ хитрости не писалъ къ тебѣ. Да пожаловать бы тебѣ, великому святителю, помолиться, чтобъ Господь Богъ умножилъ лѣтъ живота дочери моей, а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобъ, ради твоихъ молитвъ, разнесъ Богъ съ робеночкомъ; уже время спѣетъ, а какой грѣхъ станется, и мнѣ, ей, пропасть съ кручины; Бога ради, молись за нее. Да буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: многолѣтіе у насъ поютъ вмѣсто патріарха: спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіане, Господи, спаси; и ты отпиши къ намъ, великій святитель, такъ ли надобно пѣть, или иначе какъ-нибудь, и какъ у тебя святителя поютъ?» Любопытно видѣть здѣсь, какъ царь проситъ прощенія у Никона въ томъ, что не писалъ ему про какое-то савинское дѣло, клянется, что сдѣлалъ это безъ хитрости: значитъ, что о всѣхъ духовныхъ дѣлахъ царь считалъ своею обязанностію увѣдомлять новгородскаго митрополита.

Другое письмо, болѣе любопытное, начинается такъ: «Избранному и крѣпкостоятельному пастырю и наставнику душъ и тѣлесъ нашихъ, милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, наипаче же любовнику и наперснику Христову и рачителю словесныхъ овецъ. О крѣпкій воинъ и страдалецъ Царя Небеснаго, и возлюбленный мой любимецъ и содружебникъ, святый владыко! моли за меня грѣшнаго, да не покроетъ меня глубина грѣховъ моихъ, твоихъ ради молитвъ святыхъ; надѣясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житіе, пишу такъ свѣтлосіяющему въ архіереяхъ, какъ солнцу свѣтящему по всей вселенной, такъ и тебѣ сіяющему по всему нашему государству благими нравами и дѣлами добрыми, великому господину и богомоль-

цу нашему, преосвященному и пресвѣтлому митрополиту Никону новгородскому и великолуцкому, особенному нашему другу душевному и тѣлесному. Спрашиваемъ о твоемъ святительскомъ спасеніи, какъ тебя, свѣта душевнаго нашего Богъ сохраняетъ; а про насъ изволишь вѣдать, и мы, по милости Божіей и по вашему святительскому благословенію, какъ есть истинный царь христіанскій нарицаюсь, а по своимъ злымъ мерзкимъ дѣламъ недостоинъ и во псы, не только въ цари, да еще и грѣшенъ, а называюсь Его же Свѣтовъ рабъ, отъ Кого созданъ; и вашими святыми молитвами, мы и съ царицею, и съ сестрами, и съ дочерью, и со всѣмъ государствомъ далъ Богъ здорово. Да будь тебѣ великому святителю вѣдомо: за грѣхъ всего православнаго христіанства, особенно же за мои окаянные грѣхи, Содѣтель и Творецъ и Богъ нашъ изволилъ взять отъ здѣшняго прелестнаго и лицемѣрнаго свѣта отца нашего и пастыря, великаго господина Киръ Іосифа, патріарха московскаго и всея Руси, изволилъ его вселити въ нѣдра Авраама и Исаака и Іакова, и тебѣ бы, отцу нашему, было вѣдомо; а мать наша соборная и апостольская церковь вдовствуетъ, слезно сѣтуетъ по женихѣ своемъ, а какъ въ нее войти и посмотрѣть, и она, мать наша, какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имѣющая подружія: такъ и она, не имѣя жениха своего, печалится; и все перемѣнилось не только въ церквахъ, но и во всемъ государствѣ; духовнымъ дѣламъ разсужденія нѣтъ и худо безъ пастыря дѣтямъ жить. Какъ начали у меня (въ великій четвертокъ) вмѣсто херувимской первый стихъ *Вечерь твоей тайнѣ* пѣть, и пропѣли первый стихъ, прибѣжалъ келарь спасскій и сказалъ мнѣ: «Патріарха, государь, не стало!» а въ ту пору ударилъ царь-колоколъ три раза, и на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, едва пѣть стали, и то со слезами, а въ соборѣ у пѣвчихъ и властей всѣхъ со страха и ужаса ноги подломились, потому что кто преставился? да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшные отбыли? какъ овцы безъ пастуха не вѣдаютъ гдѣ дѣться, такъ и мы теперь грѣшные не вѣдаемъ, гдѣ главы преклонить, потому что прежняго отца и пастыря лишились, а новаго нѣтъ. Отпѣвши обѣдню, пришелъ я къ нему свѣту, а онъ государь уже преставился, лежитъ какъ есть живъ, и борода расчесана лежитъ какъ есть у живаго, а самъ немѣрно хорошъ; и простясь съ нимъ и поцѣловавъ въ руку, пошелъ я къ умовенію ногъ. Въ пятницу

вынесли его свѣта къ Ризъ-Положенію. Я вечеромъ пошелъ одинъ къ Ризъ-Положенію, и какъ подошелъ къ дверямъ полунощнымъ, а у него никакого сидѣльца нѣтъ, кому велѣлъ быть игумнамъ, тѣ всѣ разъѣхались, и я ихъ велѣлъ смирять митрополиту: да такой грѣхъ, владыко святый, кого жаловалъ (покойный), тѣ ради его смерти, лучшій Новинскій игуменъ—тотъ первый поѣхалъ отъ него домой, а дѣтей боярскихъ я смирялъ сколько Богъ помочи далъ; а надъ нимъ одинъ священникъ говоритъ псалтырь, и тотъ говоритъ во всю голову кричитъ, а двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: «Для чего ты не по подобію говоришь!» «Прости государь», отвѣчалъ онъ, «страхъ нашелъ великій, въ утробѣ у него, святителя безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ; вдругъ взнесло животъ у него, государя, и лицо въ ту жь пору стало пухнуть: меня и страхъ взялъ, думалъ что ожилъ, для того я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать.» И на меня, прости, владыко святый, отъ его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; а вотъ и при мнѣ грыжа-то ходитъ очень прытко въ животѣ, какъ есть у живаго; и мнѣ пришло помышленіе такое отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ! и я, перекрестясь, взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ, и въ землю идетъ, чего бояться? Да въ ту жь пору какъ есть треснуло у него въ устахъ и я досталь испужался, да поостоялся такъ мнѣ полегчѣло отъ страха, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку его съ молитвою взялъ. А погребли въ субботу великую, и мы надсѣлись, плачучи, а меня перваго грѣшнаго, мерзкаго которая мука не ждетъ? ей, всѣ ожидаютъ меня за злыя дѣла, и достоинъ я окаянный тѣхъ мукъ за свои согрѣшенія; а бояре и власти то же всѣ говорили между собою; не было такого человѣка, который бы не плакалъ, на него смотря, потому: вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, и это къ такимъ великимъ днямъ стало! И которые отъ ближнихъ были со мною, всѣ перервались плачучи, а всѣхъ пуще Трубецкой, да Михайла Одоевскій, да Михайла Ртищевъ, да Василій Бутурлинъ плакали по немъ государѣ, что Богъ изволилъ скорымъ обычаемъ взять, и свои грѣхи вспоминаючи. Да сказывалъ мнѣ Василій Бутурлинъ, а ему сказывалъ патріарховъ дьякъ: мнѣніе на него государя великое было, то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а если

и не отставятъ, то я самъ отъ срама объ отставкѣ стану бить челомъ; и денегъ приготовилъ съ чѣмъ идти, какъ отставятъ, безпрестанно то и думалъ и говаривалъ, а невѣдомо отъ чего? У меня и отца моего духовнаго, Содѣтель нашъ Творецъ видитъ, ей, и на умѣ того не бывало, и помыслить страшно на такое дѣло; прости, владыка святый, хотя бы и еретичества держался и тутъ мнѣ какъ одному отставить его безъ вашего собора? Чаю владыка святый, хотя и въ дальнемъ ты разстояніи съ нами грѣшными, но то же скажешь, что отнюдь того не бывало, чтобъ его свѣта отставить или ссадить съ безчестіемъ. А келейной казны у него государя осталось 13,400 рублей слишкомъ, а сосудовъ серебряныхъ, блюдъ, сковородокъ, кубковъ, стопъ и тарелокъ много хорошихъ, а переписывалъ я самъ келейную казну, а еслибы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали: рѣдкая та статья, что записано, а то все безъ записки, самъ онъ государь вѣдалъ наизусть, отнюдь ни который келейникъ сосудовъ тѣхъ не вѣдалъ; а какое, владыка святый, къ нимъ строенье было у него, государя, въ умъ мнѣ грѣшному не вмѣстится! Не было того сосуда, чтобъ не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ! Да и въ томъ меня, владыка святый, прости. Немного и я не покусился на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святый, ни до чего не дотронулся, могъ бы я и вчетверо цѣну дать, да не хочу для того, что отъ Бога грѣхъ, отъ людей зазорно: какой я буду прикащикъ? самому мнѣ брать, а деньги мнѣ платить себѣ же? а теперь немѣрно радъ, что ни до чего не дотронулся. Всякимъ людямъ, которые были у патріарха на жалованьѣ, давалъ я изъ своихъ рукъ по десяти рублей: собиралъ я ихъ въ крестовую и говорилъ со слезами, чтобъ поминали и не роптали; и они всѣ плакали и благодарили; и говорилъ имъ я, чтобъ поклонцевъ по силѣ или по кануну на всякъ день говорили; да и то я имъ говорилъ: есть ли между вами такой, ктобъ раба своего или рабыню мимо дѣла не оскорбилъ, иное за дѣло, а иное и пьянъ напившись оскорбитъ и напрасно бьютъ; а онъ, великій святитель, отецъ нашъ, если кого и понапрасну оскорбилъ, можно и потерпѣть, да уже чтобъ то ни было, теперь пора всякую злобу покинуть, молитесь и поминайте съ радостію его

свѣта, сколько сила можетъ. А не дать было имъ и не потѣшить деньгами, поднялось бы роптаніе большое, потому что въ конецъ бѣдны, и онъ свѣтъ у нихъ жалованья гораздо много убавилъ. Да еще буди тебѣ, великому святителю, вѣдомо: во дворецъ посадилъ я Василья Бутурлина; а князь Алексѣй билъ челомъ объ отставкѣ, и я его отставилъ; а слово мое теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленья. Да вѣдомо мнѣ учинилось: князь Иванъ Хованскій пишетъ въ своихъ грамотахъ, будто онъ пропалъ и пропасть свою пишетъ, будто ты его заставляешь съ собою у правила ежедневно быть; да и у насъ перешептывали на меня: никогда такого безчестья не было, что теперь государь насъ выдалъ митрополитамъ; молю я тебя, владыка святый, пожалуй не заставляй его съ собою у правила стоять: добро, государь, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному мозоліе ему есть; да если и изволишь ему говорить, и ты говори отъ своего лица, будто къ тебѣ мимо меня писали, а я къ тебѣ, владыка святый, пишу духовную. Да Василій Отяевъ пишетъ къ друзьямъ своимъ: лучше бы намъ на Новой Землѣ за Сибирью съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть, силою заставляетъ говѣть, но никого силою не заставитъ Богу вѣровать. И тебѣ бы, владыка святый, пожаловать, сіе писаніе сохранить и скрыть втайнѣ, и пожаловать тебѣ, великому господину, прочесть самому, не погнушаться насъ грѣшныхъ и нашимъ рукописаніемъ непутнымъ и несогласнымъ» [41].

Это письмо всего лучше объясняетъ намъ явленіе Никона, ибо одного характера послѣдняго недостаточно для объясненія тѣхъ отношеній, въ которыхъ онъ нашелся къ государю и государству; чувства, высказанныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ приведенномъ письмѣ, переносятъ насъ въ то время, когда на Западѣ утверждалась власть папская, власть, укоренившаяся преимущественно вслѣдствіе характера западныхъ вождей, незнакомыхъ съ государственными преданіями и привычками, господствовавшими въ Византіи, преданіями и привычками, которыя, при всей религіозности императоровъ восточныхъ, не давали имъ забывать о своемъ значеніи относительно высшихъ пастырей церкви. Но вожди юныхъ народовъ, подобно нашему царю Алексѣю Михайловичу, въ изліяніи своего религіознаго, христіанскаго чув-

ства, чувства смиренія, не умѣли сдерживать его сознаніемъ своего государственнаго значенія; у нихъ государь исчезалъ предъ человѣкомъ, тѣмъ выше, разумѣется, поднималось значеніе пастыря церкви, вязателя и рѣшителя, судьи верховнаго, истолкователя закона божественнаго, особенно когда этотъ пастырь личными достоинствами своими не полагалъ никакой преграды обнаруженію этого чувства смиренія и умѣлъ пользоваться своимъ вліяніемъ, своимъ положеніемъ. Царь Алексѣй Михайловичъ надсѣлся, плачучи и по патріархѣ Іосифѣ, хотя, какъ человѣкъ чистый, не могъ не чувствовать и не оскорбляться недостоинствомъ, мелочностію, недуховнымъ поведеніемъ этого патріарха; но онъ гналъ отъ себя грѣховную мысль о недостоинствахъ Іосифа, какъ нѣжный и почтительный сынъ гонитъ отъ себя мысль о недостоинствахъ отца. Тѣмъ съ большею силою религіозный молодой человѣкъ обращалъ свою любовь къ достойному пастырю, тутъ уже онъ не щадилъ словъ для выраженія этой любви, чтобъ возвысить любимый предметъ и унизить предъ нимъ самого себя, ибо пріемы всякаго рода любви одинаковы. Такимъ образомъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ, по характеру своему, поставилъ Никона такъ высоко, какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ.

Кромѣ этого, много указаній на другія отношенія времени разсѣяно въ этомъ драгоцѣнномъ письмѣ. Богослуженіе имѣло великое значеніе въ жизни каждаго, и не разъ высказываетъ царь, какъ тяжело ему, что патріархъ умеръ къ такимъ великимъ днямъ; въ Свѣтлое Воскресенье не будетъ служить патріархъ: праздникъ не въ праздникъ! «Церковь какъ пустынная голубица пребываетъ, ни имѣя подружія». Любопытны понятія, въ которыхъ воспитывался тогдашній русскій человѣкъ: при видѣ разложенія трупа, царю приходитъ мысль: «Побѣги вонъ, тотчасъ тебя вскоча удавитъ». Любопытна эта патріархальность, простота отношеній, переносящая насъ опять къ началу среднихъ вѣковъ: царь всѣмъ распоряжается, самъ переписываетъ имѣніе, оставшееся послѣ покойнаго, и при этомъ добродушно говоритъ страшныя слова противъ современнаго ему общества: «Еслибъ я самъ не сталъ переписывать, то все раскрали бы»; тутъ же обнаруживается, какъ понятія Домостроя были крѣпки въ русскомъ человѣкѣ: съ удивленіемъ и съ глубокимъ уваженіемъ отзывается Алексѣй Ми-

хайловичъ о бережливости Іосифа: «А какое строеніе было у него государя, въ умѣ моемъ грѣшномъ не вмѣстится: не было того сосуда, чтобъ не впятеро оберчено». Наконецъ, обнаруживаются отношенія молодого царя къ придворнымъ: старый начальникъ приказа большаго дворца вышелъ въ отставку, назначенъ новый, и царь очень доволенъ перемѣною, потому что слово его теперь во дворцѣ добрѣ страшно и дѣлается безъ замедленія. Привер-женность царя къ новгородскому митрополиту уже не очень нравится боярамъ, ибо этотъ митрополитъ хочетъ привести ихъ въ свою волю: «Никогда такого безчестья не было, шепчутъ они, выдалъ насъ царь митрополитамъ». Царь въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны онъ сильно привязанъ къ Никону, непремѣнно хочетъ, чтобъ онъ былъ патріархомъ; но этотъ Никонъ своимъ крутымъ обхожденіемъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ боярахъ, и вотъ Алексѣй Михайловичъ пишетъ Никону, чтобъ онъ былъ поснисходительнѣе, не принуждалъ Хованскаго слушать правила, и въ то же время пишетъ, чтобъ Никонъ, говоря объ этомъ съ Хованскимъ, не выдалъ его царя: Алексѣю Михайловичу не хочется, чтобъ бояре узнали, какъ онъ преданъ Никону, какъ онъ заодно съ нимъ противъ нихъ. Доброта такихъ людей, какъ Алексѣй Михайловичъ, дѣлаетъ ихъ зависимыми отъ окружающихъ: не могутъ они выносить около себя недовольныхъ лицъ, хотя отъ этого въ отдаленіи и очень много недовольныхъ, но ихъ не видно. Въ минуту вспыльчивости царь Алексѣй сильно разбранитъ и прибьетъ близкаго человѣка, смиритъ его собственноручно, но мысль, что окружающіе недовольны, сердятся, была для него невыносима.

Два раза въ письмахъ своихъ къ Никону царь говоритъ объ избраніи преемника Іосифу; въ одномъ мѣстѣ пишетъ: «Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ, выбирать на патріаршество именемъ Θеогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся». Въ другомъ: «Помолись, владыка святый, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ, имя вышеписанное (Θеогностъ), а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, и сказываютъ святъ мужъ». Разумѣется, Никонъ хорошо понималъ намеки царя, зналъ, кто этотъ Θеогностъ (извѣстный Богу).

Никонъ пріѣхалъ въ Москву въ іюлѣ 1652 года, былъ выбранъ въ патріархи, и отрекся—отрекся для того, чтобъ быть выбраннымъ на всей своей волѣ, чтобъ товарищи Хованскаго не мѣшали ему. Въ Успенскомъ соборѣ, при мощахъ св. Филиппа, царь, лежа на землѣ и проливая слезы со всѣми окружавшими, умолялъ Никона не отрекаться. Никонъ, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: «Будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь»? Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ, и Никонъ согласился. Это было 22 іюля; 25 онъ былъ посвященъ.

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Богданъ Хмельницкій.—Его ссора съ Чаплинскимъ; его сношенія съ королемъ Владиславомъ и бѣгство въ Запорожье. Хмельницкій въ Крыму и получаетъ помощь отъ хана. — Рада въ Запорожьѣ: Хмельницкій гетманъ. — Движеніе гетмана Потоцкаго, его письмо къ королю. Битвы при Желтыхъ Водахъ и у Корсуни.—Письмо Киселя. — Универсалы Хмельницкаго и возстаніе хлоповъ въ Малороссіи. — Смерть Владислава. — Опасеніе Киселя на счетъ Москвы. — Первыя сношенія Хмѣльницкаго съ московскими воеводами. — Сношенія его съ польскимъ правительствомъ. — Переписка съ Киселемъ. — Князь Іеремія Вишневецкій свирѣпствуетъ противъ возставшихъ Русскихъ. — Князь Доминикъ Острожскій; письма его, кіевскаго воеводы Тышкевича и Киселя. — Неудачи послѣдняго относительно мирныхъ переговоровъ. — Битва подъ Пилявцами. — Хмельницкій отступаетъ отъ Замостья по желанію новаго короля Яна Казимира. — Торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ. — Поведеніе его на радостяхъ. — Переяславскіе переговоры съ коммиссарами королевскими. — Приготовленіе къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ. — Зборажъ и Зборовъ.—Миръ. — Сношенія Хмельницкаго съ Москвою. — Посольство Неронова въ Украйну. — Писарь Выговскій. — Посольство боярина Пушкина въ Польшу. — Тимошка Акундиновъ у Хмельницкаго. — Сношенія его съ княземъ Прозоровскимъ, Путивльскимъ воеводою. — Посольство Протасьева и Унковскаго къ Хмельницкому съ требованіемъ выдачи самозванца.—Непрочность Зборовскаго мира. — Нерѣшительность Москвы.—Польша старается поссорить Москву съ козаками. — Новая война у Польши съ козаками. — Битва при Берестечкѣ. — Литва въ Кіевѣ. — Старанія побудить Москву къ рѣшительному шагу. — Бѣлоцерковскій миръ. — Сочувствіе къ дѣлу козаковъ въ Бѣлоруссіи. — Новыя попытки Польши поссорить Москву съ козаками. — Посольство Прончищева въ Польшу и Пенцлавскаго въ Москву. — Предлогъ къ разрыву остается. — Хмельницкій считаетъ Бѣлоцерковскій миръ только перемиріемъ.—Переселеніе Малороссіянъ въ Московскія украйны. — Предложеніе Хмельницкому со стороны царя выселиться со всѣмъ войскомъ въ московскіе предѣлы. — Событія при Батогѣ. — Затруднительное положеніе Хмельницкаго: онъ сильно упрашиваетъ царя принять Малороссію въ подданство. — Посольство князя Репнина въ Польшу для окончательныхъ переговоровъ. — Царь объявляетъ Хмельницко-

му, что принимаетъ Малороссію въ подданство.—Соборъ по этому случаю.— Третья война Хмельницкаго съ Поляками. — Дѣло подъ Жванцомъ. — Посольство Бутурлина въ Малороссію. — Переяславская рада. — Бутурлинъ въ Кіевѣ; митрополитъ Сильвестръ Коссовъ. — Пункты челобитной войска Запорожскаго, утвержденные царемъ.— Донесеніе князя Куракина изъ Кіева о поведеніи Коссова. — Пріѣздъ игумена Гизеля въ Москву. — Обзоръ сношеній московскаго государства съ европейскими державами до начала польской войны.

Никонъ сталъ верховнымъ пастыремъ церкви и главнымъ совѣтникомъ царя въ то время, когда Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ рѣшить великій вопросъ о соединеніи Малой Россіи съ московскимъ государствомъ. Мы видѣли, что въ сороковыхъ годахъ XVII вѣка государство Польское, повидимому, достигло своей цѣли относительно козаковъ: число послѣднихъ сильно ограничено и небольшая толпа находится въ повиновеніи у офицеровъ, отъ правительства назначенныхъ; реестровыхъ, настоящихъ козаковъ мало, они спокойны. Но условія, которыя заставляли простой людъ Украйны бѣжать въ козаки, существовали попрежнему, и знамя, подъ которое эти бѣглецы могли становиться, знамя религіозное, по прежнему было готово; не доставало человѣка, вождя возстанія. Вождь нашелся. Зиновій Богданъ Хмельницкій, сынъ козацкаго сотника Михайлы Хмельницкаго, убитаго въ сраженіи съ турками при Цецорѣ, самъ попался въ этомъ сраженіи въ плѣнъ къ татарамъ, скоро впрочемъ освободился отъ него, возвратился къ своимъ козакамъ и получилъ званіе войскового писаря. Хмельницкій былъ козакъ видный во всѣхъ отношеніяхъ; храбрый, ловкій, дѣятельный, грамотный; у него было и состояніе, хуторъ Субботово въ Чигиринскомъ староствѣ. За это-то Субботово началась у него ссора съ Чаплинскимъ, подстаростою Чигиринскимъ. Извѣстно, какъ въ это время въ Польшѣ дѣйствовали другъ противъ друга враждующіе, и понятно, кто долженъ былъ осилить въ борьбѣ—шляхтичъ или козакъ? Съ шайкою голодныхъ людей наѣхалъ Чаплинскій на слободы Хмельницкаго, завладѣлъ гумномъ, на которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, и всѣхъ домашнихъ Хмельницкаго заковалъ въ цѣпи; самого Богдана держалъ четыре дня въ тѣсномъ

заключеніи и освободилъ только по просьбѣ жены своей. Богданъ подалъ жалобу въ судъ; въ отмщеніе за это Чаплинскій приказалъ своей дворнѣ схватить десятилѣтняго сына Хмельницкаго и высѣчь плетьми среди базара; приказъ былъ исполненъ такъ хорошо, что мальчика чуть живаго принесли домой и скоро послѣ того онъ умеръ. Зять Чаплинскаго клялся не разъ предъ козаками, что Хмельницкому не быть въ живыхъ. Поѣдетъ ли Богданъ куда по дѣламъ службы, воротится домой — а на конюшнѣ нѣтъ сѣраго коня: взяли за поволовщину. Отправится онъ въ походъ противъ татаръ, сзади подъѣдутъ къ нему и стукнутъ по головѣ такъ, что не быть бы живому, еслибъ не защитилъ желѣзный шлемъ, да и скажутъ въ оправданіе, что приняли его за татарина [42]. Но частной вражды съ Чаплинскимъ было еще мало: свой козакъ донесъ польскому начальству на Хмельницкаго, будто онъ замышляетъ старыя козацкія проказы, хочетъ отправить на море вооруженныя суда. Дѣйствительно шелъ слухъ, что король Владиславъ, замышляя войну противъ турокъ, на которую не согласился однако сеймъ, прислалъ козакамъ позволеніе готовить суда для выхода въ море и прислалъ даже деньги на постройку судовъ. Въ Варшавѣ разсказывали московскому гонцу Кунакову, что зимою 1646 года Хмельницкій съ десятью товарищами пріѣзжалъ въ Варшаву въ челобитчикахъ отъ всего войска запорожскаго, билъ челомъ королю Владиславу на обидчиковъ своихъ и на жидовъ въ ихъ налогахъ. Владиславъ король въ то время гнѣвъ держалъ на сенаторовъ и на всю Рѣчь Посполитую за то что ему не дали воли войны вести съ турками и собранное для этой войны нѣмецкое войско приговорили на сеймѣ распустить, а нѣмцамъ онъ давалъ деньги изъ приданаго жены своей. Такъ, призвавши Богдана Хмельницкаго и Черкасъ челобитчиковъ, Владиславъ говорилъ имъ, что сенаторы его вдались въ свою волю, панства его пустошатъ, а его мало слушаютъ; написавъ саблю, король далъ Богдану Хмельницкому и сказалъ: «Вотъ тебѣ королевскій знакъ: есть у васъ при бокахъ сабли, такъ обидчикамъ и разорителямъ не поддавайтесь и кривды свои мстите саблями; какъ время придетъ, будьте на поганцевъ и на моихъ непослушниковъ во всей моей волѣ». И пожаловалъ Владиславъ Богдана Хмельницкаго атаманствомъ, и отпустилъ его и

всѣхъ челобитчиковъ, одаривши ихъ сукнами и адамашками. Осенью 1647 года замыслилъ король Владиславъ войну вести съ турскимъ султаномъ, пожаловалъ Богдана Хмельницкаго гетманствомъ запорожскимъ, послалъ ему свое жалованье и впередъ обѣщалъ прислать на жалованье черкасамъ и на челновое дѣло 170,000 злотыхъ польскихъ къ лѣту 1648 года. Богданъ за эти деньги обѣщалъ королю изготовить на полгода запорожскаго войска и съ вольными 12,000, да къ морскому ходу сто челновъ. Узнавши объ этомъ, Конецпольскій замыслилъ Богдана убить и послалъ звать его къ себѣ на банкетъ; но Хмельницкій, зная умыселъ, на банкетъ не поѣхалъ. Тогда Конецпольскій послалъ 20 человѣкъ людей своихъ взять Богдана силою; но Хмельницкій вступилъ въ битву съ этими посланными у себя на дворѣ, убилъ 5 человѣкъ, а 15 убѣжало, тогда какъ съ Хмельницкимъ на дворѣ было только четыре человѣка. Послѣ этого Хмельницкій тотчасъ же побѣжалъ въ запорожье.

Отсюда явились отъ Богдана грамоты къ разнымъ лицамъ; къ Ивану Барабашу, полковнику черкасскому, онъ писалъ: «Такъ какъ на многократные мои совѣты и предложенія ваша милость не изволили склониться, чтобъ по давнимъ грамотамъ королевскимъ, у васъ въ сохраненіи бывшимъ, просить короля и сенаторовъ о новой привилегіи на утвержденіе правъ и вольностей козацкихъ и малороссійскихъ и на удержаніе людскихъ обидъ и разореній, особенно же превращенія православныхъ церквей въ уніатскія: то я, сожалѣя объ этомъ и потерпѣвши безчестіе и разореніе отъ негодяя Чаплинскаго долженъ былъ придумать средство, какъ бы забрать въ свои руки королевскія привилегіи, валявшіяся между платьемъ жены вашей, и съ ихъ помощью сдѣлать что-нибудь лучшее для погибающей Украйны, выпросить ласку и милость у королевскаго величества, пановъ сенаторовъ и всей Рѣчи Посполитой. Утѣшаюсь тѣмъ, что Богъ помогъ мнѣ высвободить изъ вашей неволи и привезти къ запорожскому войску привилегіи королевскія. А что ваша милость таилъ привилегіи, нужныя всему народу малороссійскому, и для своихъ выгодъ не хотѣлъ просить королевской милости за нашихъ людей украинскихъ, плачущихъ отъ поляковъ—за это все войско запорожское считаетъ васъ годнымъ въ полковники—не надъ

людьми, а надъ овечками, либо свиньями». Къ польскому коммиссару Шембергу, поставленному надъ козаками, Хмельницкій писалъ, что онъ принужденъ бѣжать отъ насилій Чаплинскаго и что на дняхъ запорожцы отправляютъ пословъ къ королю и сенаторамъ просить о привилегіяхъ. О томъ же писалъ къ Потоцкому, гетману коронному, распространяясь о насиліяхъ Чаплинскаго, который притѣсняетъ не только міранъ, но и священниковъ: гдѣ случится ему видѣться и говорить съ православнымъ священникомъ, то никогда не оставитъ его не обезчестивши, волосъ и бороды не вырвавши и палкою реберъ не пересчитавши.

Хмельницкій разглашалъ и въ запорожьѣ, между простыми козаками, что будетъ отправлено посольство въ Варшаву просить короля о защитѣ; разглашалъ также, что хочетъ идти на Донъ и подбить тамошнихъ козаковъ къ морскому походу на турокъ; разглашалъ онъ это для того, чтобъ шпіоны польскіе не донесли своему правительству о настоящемъ намѣреніи его, о которомъ онъ совѣтовался со старшиною; это намѣреніе было доставить себѣ управу саблею, а не посольствами въ Варшаву. По совѣту атамановъ—кошевого и куренныхъ, въ первыхъ числахъ марта 1648 года выѣхалъ Хмельницкій изъ сѣчи съ своими товарищами, такими же какъ онъ бѣглецами, выѣхалъ на островъ Томаковскій подъ предлогомъ, что тамъ удобнѣе будетъ кормиться и людямъ его и лошадямъ, а въ самомъ дѣлѣ поѣхалъ въ Крымъ просить у хана помощи на поляковъ. Ханъ долго думалъ съ мурзами, давать или не давать войско Хмельницкому? боялся онъ, не нарочно ли Богданъ подосланъ поляками, чтобъ обманомъ ввести орду въ Польшу и тамъ истребить ее готовыми войсками. Хмельницкій объявилъ, что готовъ присягнуть и оставить сына своего заложникомъ; присяга дана была на саблѣ ханской, молодой Хмельницкій (Тимоѳей) оставленъ въ заложникахъ; однако ханъ не двинулся самъ, а отправилъ съ Хмельницкимъ мурзу Тугай-бея съ четырехтысячнымъ отрядомъ. 18 апрѣля возвратился Хмельницкій въ Запорожье, куда кошевой стянулъ уже съ луговъ, вѣтокъ и рѣчекъ все войско низовое, конное и пѣшее; молодцы собрались, но не знали, зачѣмъ собралъ ихъ атаманъ, пока не пріѣхалъ Хмельницкій изъ Крыма.

Въ тотъ день, какъ онъ пріѣхалъ, по заходѣ солнца, выпалили изъ трехъ пушекъ, на разсвѣтѣ другаго дня выпалили въ другой разъ; на этотъ призывъ козаки стали высыпать изъ разныхъ угловъ, и когда ударили въ котлы для призыва на раду, то сѣчевой майданъ (площадь) оказался малъ, вышли изъ крѣпости на просторное мѣсто, гдѣ и объявили войску, что начинается война противъ поляковъ и что ханъ будетъ за козаковъ, благодаря старанію Хмельницкаго; тогда все войско закричало, чтобъ Хмельницкій былъ гетманомъ, и Богданъ принялъ опасную роль Павлюги и Остранина. Новый гетманъ постановилъ съ атаманами, чтобъ выступило въ походъ не болѣе осьми или десяти тысячъ козаковъ, а прочіе разошлись бы по своимъ мѣстамъ, къ своимъ промысламъ, и были готовы выступить по первому приказу гетманскому [44].

Между-тѣмъ уже давно по Украйнѣ несся слухъ, что на Запорожьѣ приготовляется возстаніе: народъ поднялъ головы и въ тихомолку готовилъ оружіе, ожидая избавителей. Хитрыя грамоты Хмельницкаго съ извѣстіемъ, что все дѣло состоитъ въ отправленіи козацкаго посольства къ королю съ челобитьемъ, таинственность, съ какою онъ дѣйствовалъ, умѣнье утаить свою поѣздку въ Крымъ—ничто не помогло; напуганные, чуткіе поляки встрепенулись; коренной гетманъ Николай Потоцкій хорошо помнилъ послѣднія возстанія, хорошо зналъ что при этихъ возстаніяхъ поляки должны имѣть дѣло не съ горстью запорожцевъ, но съ цѣлымъ низшимъ народонаселеніемъ Малороссіи и потому, несмотря на бездорожье, 18 февраля уже былъ на Украйнѣ; самъ онъ расположился въ Черкасахъ, а гетманъ польный Калиновскій въ Корсунѣ. Оправдывая свою поспѣшность, Потоцкій писалъ королю: «Не безъ важныхъ причинъ, не необдуманно двинулся я въ Украйну съ войскомъ вашей королевской милости. Склонила меня къ тому просьба любезныхъ братьевъ, изъ которыхъ одни, спасая жизнь и имѣніе, бѣжали изъ Украйны на поле битвы, другіе, оставаясь въ домахъ своихъ, не полагаясь на свои силы, горячими просьбами умоляли, чтобъ я своимъ присутствіемъ и помощію спасалъ Украйну и спѣшилъ потушить гибельное пламя, которое до того уже разгорѣлось, что не было ни одной деревни, ни одного города, въ которомъ бы не раздавались призы-

вы къ своеволію и гдѣ бы не умышляли на жизнь и имѣніе пановъ своихъ и державцевъ, своевольно напоминая о своихъ заслугахъ и о частыхъ жалобахъ на обиды и притѣсненія. Это было только предлогомъ къ мятежамъ, потому что не столько ихъ терзали обиды и притѣсненія, сколько распоряженія республики, постановленіе надъ ними старшихъ отъ вашей королевской милости; они хотятъ не только уничтожить эти распоряженія, но и самовластно господствовать въ Украйнѣ, заключать договоры съ посторонними государями и дѣлать все что̀ имъ угодно. Казалось бы, что̀ значитъ 500 человѣкъ бунтовщиковъ; но если разсудить, съ какою смѣлостью и въ какой надеждѣ поднять бунтъ, то каждый долженъ признать, что не ничтожная причина заставила меня двинуться противъ 500 человѣкъ, ибо эти 500 человѣкъ возмутились въ заговорѣ со всѣми козацкими полками, со всею Украйною. Еслибъ я этому движенію не противопоставилъ своей скорости, то въ Украйнѣ поднялось бы пламя, которое надобно было бы гасить или большими усиліями, или долгое время. Одинъ панъ князь воевода русскій (Іеремія Вишневецкій) отобралъ у своихъ крестьянъ нѣсколько тысячъ самопаловъ; то же сдѣлали и другіе; все это оружіе вмѣстѣ съ людьми перешло бы къ Хмельницкому. Хотя я и двинулся въ Украйну, но не для пролитія крови христіанской и въ свое время необходимой для республики, двинулся я для того, чтобъ однимъ страхомъ прекратить войну. Хотя я и знаю, что этотъ безразсудный человѣкъ Хмельницкій не преклоняется кротостію, однако не разъ уже я посылалъ къ нему съ предложеніемъ выйти изъ Запорожья, съ обѣщаніемъ помилованія и прощенія всѣхъ проступковъ. Но это на него нисколько не дѣйствуетъ; онъ даже удержалъ моихъ посланцевъ. Наконецъ, посылалъ я къ нему ротмистра Хмелецкаго, человѣка ловкаго и хорошо знающаго характеръ козацкій, съ убѣжденіемъ отстать отъ мятежа, и съ увѣреніемъ, что и волосъ съ головы его не спадетъ. Хмельницкій отпустилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ такими требованіями: вопервыхъ, чтобъ я съ войскомъ выступилъ изъ Украйны; вовторыхъ, чтобъ удалилъ полковниковъ и всѣхъ офицеровъ; втретьихъ, чтобъ уничтожилъ установленное республикою козацкое устройство, и чтобъ козаки оставались при такихъ вольностяхъ, при которыхъ они могли бы не только

ссорить насъ съ посторонними, но и поднимать свою безбожную руку на ваше величество. Ясно видно, что къ этой цѣли стремится его честолюбіе. Въ настоящее время онъ послалъ въ Понизовье за помощью къ татарамъ, которые стоятъ наготовѣ у Днѣпра, и осмѣлился нѣсколько сотъ изъ нихъ перевезти на эту сторону, чтобъ они разогнали нашу стражу, поставленную мѣшать соединенію мятежниковъ съ Хмельницкимъ. Что онъ давно обдумалъ, какъ начать бунтъ и какъ дѣйствовать, въ этомъ ваша королевская милость убѣдиться изволите, обративъ вниманіе на число его сообщниковъ, простирающееся теперь до 3,000. Сохрани Богъ, если онъ войдетъ съ ними въ Украйну! тогда эти три тысячи быстро возростутъ до 100,000 и намъ будетъ трудная работа съ бунтовщиками. Для предохраненія отечества отъ этого зловреднаго человѣка есть средство, предлагаемое вашею королевскою милостію, а именно: позволить своевольнымъ побѣги на море сколько хотятъ. Но не на море выйти хочетъ Хмельницкій, хочетъ онъ въ стародавнемъ жить своеволіи и сломать шею тѣмъ постановленіямъ, за которыми такъ много трудились, за которыя пролилось такъ много шляхетской крови. Призналъ бы я полезнымъ для общаго блага позволить козакамъ идти на море, и для того, чтобъ это войско не занимало полей, и для того, чтобъ не отвыкало отъ давняго способа вести войну; но въ настоящее смутное время этому нельзя статься: частію потому, что челны еще не готовы, другіе и готовы, но не вооружены. Если суда и будутъ готовы, то главное въ томъ, чтобъ успокоенные козаки, какъ скоро наступитъ необходимость для республики и вашей королевской милости, отправлены были въ надлежащемъ порядкѣ. Но сохрани Боже, если они выйдутъ въ море прежде укрощенія бунта: возвратясь, они произведутъ неугасимое возмущеніе, въ которомъ легко можетъ исчезнуть установленное казацкое устройство, а турки, раздраженные козаками, вышлютъ противъ насъ татаръ» [45].

Предвѣщанія Потоцкаго сбылись: у Хмельницкаго было много войска въ Украйнѣ. 13 апрѣля двинулся передовой отрядъ польскихъ войскъ Днѣпромъ и сухимъ путемъ; двинулись и реестровые козаки съ Барабашемъ, полковникомъ Черкасскимъ; большая часть регулярнаго войска состояла изъ русскихъ; предводителя-

ми были козацкій коммиссаръ Шембергъ и сынъ короннаго гетмана, Степанъ Потоцкій. 22 апрѣля выступилъ и Хмельницкій изъ-за Запорожья съ осьмитысячнымъ отрядомъ; Тугай-бей шелъ за нимъ съ татарами; держали путь къ устью Тясмина, къ потоку *Желтыя Воды*. Реестровые козаки, шедшіе въ лодкахъ съ Барабашемъ и опередившіе сухопутную рать, вошли въ сношенія съ Хмельницкимъ и передались ему, убивши Барабаша и всѣхъ тѣхъ, кто былъ вѣренъ польскому правительству. 5 мая у Желтыхъ Водъ встрѣтился Хмельницкій съ сухопутнымъ польскимъ войскомъ, и, послѣ трехдневной битвы (5, 7 и 8 мая), поляки потерпѣли страшное пораженіе, такъ что и десятка ихъ не успѣло спастись бѣгствомъ. Покончивши съ молодымъ Потоцкимъ, который умеръ отъ ранъ въ плѣну, Хмельницкій двинулся навстрѣчу къ старому, сошелся съ нимъ 16 мая у Корсуня и поразилъ на-голову: оба гетмана—коронный великій Потоцкій и польный Калиновскій—попались въ плѣнъ и были отосланы къ хану въ Крымъ; поляки потеряли 127 офицеровъ, 8,520 рядовыхъ, 41 пушку. Пораженіе приписывали неблагоразумному раздѣленію войска на двѣ части, отправленію одной изъ нихъ впередъ съ молодымъ Потоцкимъ; иные упрекали короннаго гетмана за несогласіе съ товарищемъ своимъ Калиновскимъ и за распутство, которому онъ былъ преданъ, несмотря на свои преклонныя лѣта. Укоры сыпались на побѣжденныхъ; какъ обыкновенно бываетъ, каждый говорилъ, что еслибъ сдѣлали иначе, еслибъ послушались его совѣтовъ, то не было бы бѣды. Извѣстный намъ Кисель писалъ къ архіепископу Гнѣзненскому (отъ 31 мая): «Рабы теперь господствуютъ надъ нами; измѣнникъ учреждаетъ новое княжество; несчастные братія наши, среди внезапной опасности, бросая родину, домы и другіе цѣнные предметы, бѣгутъ во внутренность государства. Безумная чернь, обольщенная тѣмъ, что Хмельницкій щадитъ ее, предавая огню и мечу одно шляхетское сословіе, отворяетъ города, зàмки и вступаетъ въ его подданство. Я первый, хотя въ отечествѣ послѣдній, потерявъ за Днѣпромъ сто тысячъ доходу, едва имѣю отъ десяти до двадцати тысячъ, да и то одинъ Богъ знаетъ, не завладѣетъ ли и этимъ непріятель? Кромѣ того, я имѣю нѣсколько сотъ тысячъ долгу, нажитого на службѣ королю и отечеству. Много и другихъ мнѣ подобныхъ. Мы будемъ

ницими. Но откуда пришла эта бѣда, объ этомъ подробно объяснено въ моихъ письмахъ къ королю, потому что несчастное предвидѣніе моего ума, а больше свѣтъ разума предугадывали и предчувствовали все то, что теперь случилось. Видя, что козаки, угнетенные болѣе простыхъ холоповъ и ненавидимые, ушедши на Запорожье, составляютъ заговоръ, я всѣми силами убѣждалъ на кастеляна Краковскаго (Потоцкаго) не искать одного козака по Днѣпровскимъ потокамъ, а лучше всѣхъ козаковъ удерживать въ повиновеніи и, допуская для нихъ исключеніе изъ законовъ, какъ-нибудь приласкивать ихъ. Вовторыхъ, я совѣтовалъ не раздроблять малочисленнаго войска на отряды; втретьихъ, не выпускать за Днѣпръ извѣстія о дальнѣйшемъ мятежѣ козаковъ; вчетвертыхъ, чтобъ не раздражать татаръ, не нужно высылать войско въ поле, но ожидать, что̀ дома станетъ дѣлать измѣнникъ; а между-тѣмъ снестись съ беемъ Очаковскимъ и съ Крымомъ, чтобъ Хмельницкій не имѣлъ тамъ пристанища. Когда гетманъ не хотѣлъ принять моихъ совѣтовъ, то я послалъ ихъ къ королю; государь одобрилъ мое мнѣніе и послалъ приказъ, чтобъ отправка войскъ — одного за Днѣпръ, а другого въ степь — была пріостановлена. Но врагъ совѣтовъ — опрометчивость все предупредила и погубила уже себя, насъ и большую часть отчизны» [46]. Но мы видѣли какъ оправдывалъ Потоцкій передъ королемъ свою поспѣшность, какъ боялся, чтобъ Хмельницкій не вошелъ на Украйну, гдѣ найдетъ сто тысячъ союзниковъ, съ которыми полякамъ трудно будетъ сладить. Справедливости этихъ соображеній нельзя не признать; но раздѣленіе силъ дѣйствительно оправдать трудно.

Послѣ Корсунской побѣды Хмельницкій подошелъ къ Бѣлой церкви, расположился тамъ обозомъ и разослалъ 60 универсаловъ съ призывомъ къ возстанію; вся украйна взволновалась; поднялись крестьяне, пошли въ козаки и стали свирѣпствовать противъ шляхты, жидовъ и католическаго духовенства; они образовали нѣсколько шаекъ, или *гайдамацкихъ загоновъ*, какъ тогда называли, и разсѣялись въ разныхъ направленіяхъ подъ начальствомъ вождей, оставившихъ по себѣ кровавую память въ лѣтописяхъ и преданіяхъ народныхъ. Къ умноженію смуты и разнузданности, вдругъ разнеслась вѣсть о смерти короля Владислава. «Теперь», пишетъ

Кисель къ архіепископу примасу: «теперь, когда насъ постигло такое сиротство, мы не знаемъ, что еще замышляетъ султанъ турецкій и что замышляютъ москвитяне, которые 30 мая дали знать о себѣ, что вслѣдствіе моихъ писемъ, отправленныхъ по королевскому приказанію, царь ихъ, исполняя условія братскаго союза, отправилъ сорокъ тысячъ вспомогательнаго войска противъ татаръ. Это войско стояло уже въ шести миляхъ отъ Путивля; но когда битва предварила ихъ прибытіе, когда успѣхи измѣнника уже стали имъ извѣстны, и когда сдѣлается еще извѣстнымъ, что мы не имѣемъ государя, то кто можетъ поручиться за нихъ? Одна кровь, одна религія!» Дѣйствительно, 1-го мая (с.с.) Кисель далъ знать Путивльскому воеводѣ Плещееву, что Татары 22 апрѣля на Желтыхъ водахъ окружили польскій отрядъ, высланный противъ измѣнниковъ черкасъ. Кисель требовалъ помощи отъ московскихъ воеводъ, по договору. 20 мая царь приказалъ своимъ ратнымъ людямъ сходиться съ литовскими людьми, и съ ними заодно промышлять надъ татарами; будучи въ литовской землѣ, дурна никакого не чинить, грабежу никакого бы не было, а хлѣбъ и что̀ довелось покупать; съ литовскими людьми стоять смирно, дракъ бы и задоровъ никакихъ не было, не бражничать и табаку не покупать. Но вслѣдъ за этимъ получены были извѣстія, что поляки разбиты, гетманы въ плѣну, козаки копятся во всѣхъ литовскихъ городахъ и идутъ безпрестанно въ сходъ къ гетману Богдану Хмельницкому. Путивльскій воевода Плещеевъ доносилъ, что татары запорожскимъ козакамъ становятся сильны, потому что ихъ вдвое больше, чѣмъ козаковъ; и Хмельницкій пишетъ по городамъ, чтобъ уѣздные люди отъ татаръ береглись и бѣжали изъ уѣздовъ въ города; Хмельницкій же разсылаетъ отъ себя полковниковъ и сотниковъ съ запорожскими козаками по сю сторону Днѣпра въ украйные города и велитъ имъ прибирать козаковъ, а урядниковъ, державцевъ, поляковъ и жидовъ велитъ побивать. Паны поляки и жиды всѣ бѣгутъ въ Польшу.

Стародубецъ Григорій Климовъ разсказывалъ въ посольскомъ приказѣ: посылали его изъ Сѣвска воеводы съ грамотами къ Адаму Киселю; ѣхалъ онъ изъ Сѣвска на Кіевъ, потому что Адама Киселя сказали за Кіевомъ во 150 верстахъ, въ городѣ Гощѣ. Съ версту отъ Кіева взяли его крымскіе татары и запорож-

скіе козаки; козаки увидя, что у него хохла нѣтъ, взяли его у татаръ къ себѣ и отвели къ гетману своему Богдану Хмельницкому, который стоялъ въ городѣ Мошняхъ, отъ Кіева верстахъ во ста. Хмельницкій взялъ у него листы, назначенные къ Киселю, и сказалъ: «Не по что тебѣ къ Адаму ѣхать, я тебѣ дамъ къ царскому величеству отъ себя грамоту. Прислали ко мнѣ грамоты князь Еремей Вишневецкій и Адамъ Кисель, просятъ, чтобъ я татаръ не пускалъ къ нимъ въ дальнія мѣста, а держалъ бы ихъ въ степи, и просятъ мира. Я, по ихъ прошенью, велѣлъ крымскому царевичу отступить въ степь къ Желтымъ водамъ.» Свое войско Хмельницкій распустилъ за Днѣпръ къ путивльскому рубежу на маетности Потоцкаго, Вишневецкаго и Адама Киселя; города у нихъ всѣ побрали, а крестьяне всѣ пошли въ козаки. Новгородокъ-Сѣверскій взяли и ляховъ вездѣ побивали, а отъ Новагородка пошли къ Чернигову; сколько у нихъ войска, сказать нельзя, потому что въ который городъ придутъ и тутъ у нихъ войска прибываетъ много, изо всякихъ чиновъ Русскіе люди, кромѣ ляховъ; жиды многіе крестятся и пристаютъ къ ихъ же войску, а ляхъ хотя и захочетъ креститься—не принимаютъ, всѣхъ побиваютъ, говорятъ, чтобъ въ Польшѣ и Литвѣ всѣхъ ляховъ побить за то, что вѣру христіанскую ломали и многихъ христіанъ побивали и насильно къ лядской вѣрѣ приводили. Хмельницкій говорилъ Климому: «Скажи въ Сѣвскѣ воеводамъ, а воеводы пусть отпишутъ къ царскому величеству, чтобъ царское величество войско запорожское пожаловалъ денежнымъ жалованьемъ; теперь ему государю на Польшу и на Литву наступить пора; его бы государево войско шло къ Смоленску, а я, Хмельницкій, стану государю служить съ своимъ войскомъ съ другой стороны. Если тебя станутъ разспрашивать государевы приказные люди, то ты скажи имъ тайно, что королю смерть приключалась отъ ляховъ: свѣдали ляхи, что у короля съ козаками ссылка, послалъ отъ себя король грамоту въ Запорожье къ прежнему гетману, чтобъ козаки за вѣру христіанскую Греческаго закона стояли, а онъ, король, будетъ имъ на ляховъ помощникъ; эта грамота королевская отъ прежняго гетмана досталась мнѣ, и я, надѣясь на то, войско собралъ и на ляховъ стою.» Въ грамотѣ своей къ царю, означенной осьмымъ числомъ іюня, Хмельницкій извѣщалъ о Жел-

товодской и Корсунской побѣдахъ, и о смерти королевской: «Думаемъ писалъ Хмельницкій: «что смерть приключилась отъ тѣхъ же безбожныхъ непріятелей его и нашихъ, которыхъ много королями въ землѣ нашей; желали бы мы себѣ самодержца государя такого въ своей землѣ, какъ ваша царская велеможность православный христіанскій царь. Еслибъ ваше царское величество немедленно на государство то наступили, то мы со всѣмъ войскомъ запорожскимъ услужить вашей царской велеможности готовы».

Путивльскій воевода Плещеевъ сносился съ княземъ Іереміею Вишневецкимъ о войнѣ противъ татаръ. Посланецъ Плещеева былъ перехваченъ Хмельницкимъ, который прислалъ путивльскому воеводѣ укорительную грамоту, что русскіе хотятъ помогать полякамъ на козаковъ, ибо война у поляковъ съ козаками, а не съ татарами: «Мы желаемъ» пишетъ Хмельницкій, «не того, чтобъ православный государь Алексѣй Михайловичъ воевалъ съ нами, но чтобъ онъ былъ и ляхамъ и намъ государемъ и царемъ, чтобъ ляхи за вѣру нашу съ нами больше биться не помышляли.» Царь приказалъ Плещееву отписать Хмельницкому, что онъ никогда не писалъ въ Вишневецкому о соединеніи русскихъ съ поляками противъ козаковъ, что кто-нибудь распускаетъ объ этомъ слухъ на ссору. Но Хмельницкій не успокоился этимъ отвѣтомъ и писалъ опять къ Плещееву: «Уже третьяго посла вашего перехватываемъ, вы все сноситесь съ ляхами на насъ. Если вы хотите на насъ, на свою вѣру православную христіанскую мечъ поднять, то будемъ Богу молиться, чтобъ вамъ не посчастливилось; легче намъ, побившись между собою, помириться, а помирившись, на васъ поворотиться. Мы вамъ желали всего добраго, царю вашему желали королевства польскаго, а потомъ какъ себѣ хотите, такъ и начинайте, хотите съ ляхами, хотите съ нами» [47].

Поднимая украинскій народъ и московскаго царя противъ Польши, Хмельницкій въ то же время, по совѣту Киселя рѣшился попробовать, какъ отзовется ему польское правительство. Какъ бы еще не зная о смерти королевской, въ половинѣ іюня Хмельницкій отправилъ въ Варшаву четырехъ старшинъ съ пунктами, въ которыхъ заключались жалобы и просьбы козаковъ, и съ своимъ письмомъ къ королю. Пункты были слѣдующіе: 1) Паны об-

ходятся съ нами, людьми войсковыми, хуже чѣмъ съ невольными; 2) хутора, луга, мельницы и все, что имъ понравится въ домахъ у козаковъ, берутъ насильно, мучатъ, убиваютъ; 3) берутъ десятину и поволовщину; 4) старыхъ козацкихъ женъ и отцовъ, хотя бы сынъ находился на службѣ, облагаютъ чиншомъ, какъ и другихъ крестьянъ; 5) козацкихъ женъ, тотчасъ по смерти козаковъ, заставляютъ безъ милости работать наравнѣ съ мѣщанами; 6) паны полковники насъ не защищаютъ, а еще помогаютъ обижать насъ; вещи наши и пожитки, подъ видомъ торга, берутъ за половину цѣны; 7) жолнерская челядь забираетъ у козаковъ воловъ, скотъ и всякіе пожитки; 8) на Запорожьѣ и на Днѣпрѣ не даютъ промышлять, ни звѣрей, ни рыбы ловить, а съ головы каждаго козака берутъ по лисицѣ; если же не поймаетъ козакъ лисицы, то отбираютъ самопалы; панамъ полковникамъ подводы даемъ, или вмѣсто подводъ платимъ деньгами; 9) военную добычу и даже молодыхъ татаръ паны полковники отнимаютъ у козаковъ; 10) нашедши какую нибудь причину, тотчасъ сажаютъ козака въ тюрьму, и гдѣ чуютъ взятку не выпустятъ, пока не получатъ добраго выкупу; 11) была воля королевская, чтобъ мы шли на море, и на челны выданы намъ деньги, а къ запорожскому войску предполагалось прибавить еще 6000; но старшіе наши не позволили, чтобъ войско наше состояло изъ 12,000, хотя мы обѣщаемъ и клянемся, что сверхъ этого числа принимать людей въ войско не будемъ; а съ 6000 мы не можемъ оказывать услугъ ни королю, ни республикѣ; 12) чтобъ заслуженное жалованье, котораго мы не получали въ теченіе пяти лѣтъ, было сполна отправлено къ намъ вмѣстѣ съ коммиссіею; 13) просимъ о духовенствѣ древней религіи греческой, чтобъ оно оставалось неприкосновеннымъ; чтобъ церкви, отданныя уніатамъ, опять оставались при своихъ стародавнихъ правахъ. Въ своемъ письмѣ Хмельницкій повторялъ тѣ же жалобы: «Даже жиды, въ надеждѣ на пановъ урядниковъ, также причиняютъ намъ великія обиды. Невѣроятно, чтобъ даже въ турецкой неволѣ христіане переносили такія несчастія, какія переносимъ мы, нижайшія подножія вашей королевской милости. Мы совершенно понимаемъ, что всѣ неистовства совершались надъ нами на перекоръ вашей королевской милости, потому что постоянно слышимъ: «Вотъ вамъ король! а

пособитъ ли вамъ король, такія-то дѣти!» послѣ этого мы не можемъ уже переносить такихъ обидъ и незаслуженныхъ мученій. Не имѣя болѣе возможности жить въ домахъ своихъ, мы, бросивъ женъ, дѣтей и все убогое имущество, бѣжали въ Запорожье, откуда предки наши съ давняго времени привыкли служить коронѣ польской и вашей королевской милости. Но и здѣсь обратили въ ничто наши воинскія привилегіи, тогда какъ Богъ свидѣтель, что мы не сдѣлали ничего своевольнаго. Когда панъ кастелянъ Краковскій (Потоцкій) напалъ на насъ въ самомъ Запорожьѣ, то мы должны были призвать на помощь хана крымскаго. По волѣ Божіей случилось, что при сухихъ дровахъ и сырымъ досталось. Кто тому причиною—разсудитъ самъ Богъ, а мы готовы жертвовать жизнію для республики. Затѣмъ нижайше просимъ вашу королевскую милость оказать намъ отеческое милосердіе, и, простивъ невольный грѣхъ, повелите оставить насъ при древнихъ правахъ и привилегіяхъ.» Посланцы козацкіе застали Владислава во гробѣ, были допущены поклониться тѣлу и получили такой отвѣтъ отъ временнаго правительства (отъ 22 іюля): «Нѣтъ надобности объяснять вамъ совершеннаго вами преступленія; хотя республика могла бы отмстить вамъ, но мы, не желая болѣе пролитія крови христіанской, снисходя на вашу нижайшую и покорную просьбу, согласились назначить пановъ коммиссаровъ, людей знатныхъ, которые объявятъ вамъ дальнѣйшую волю республики. Республика не откажетъ вамъ въ прощеніи, но требуетъ, чтобъ вы какъ можно скорѣе освободили всѣхъ плѣнныхъ, дѣятельно преслѣдовали предводителей разбойничьихъ шаекъ, которыя теперь собираются въ разныхъ мѣстахъ и нападаютъ на шляхетскіе дома, и чтобъ прервали всякую связь съ невѣрными.» Назначены были и коммиссары для переговоровъ съ Хмельницкимъ, во главѣ ихъ Кисель.

Послѣдній велъ переговоры съ Хмельницкимъ посредствомъ одного монаха. Выставляя на видъ прелести польской воли, какой нельзя найти ни въ какомъ другомъ государствѣ, Кисель писалъ Хмельницкому: «Милостивый панъ *старшина* запорожскаго войска республики, издавна любезный мнѣ панъ и пріятель! Вѣрно нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ другого государства, подобнаго нашему отечеству правами и свободою; и хотя бываютъ разныя непріят-

ности, однако разумъ повелѣваетъ принять во вниманіе, что въ вольномъ государствѣ удобнѣе достигнуть удовлетворенія, между тѣмъ какъ потерявъ отчизну нашу, мы не найдемъ другой ни въ христіанствѣ, ни въ поганствѣ: вездѣ неволя, одно только королевство польское славится вольностію. Вамъ и всему войску хорошо извѣстно, что я одинъ изъ христіанъ народа русскаго служу сенаторомъ въ коронѣ польской, ношу на раменахъ своихъ и св. церкви и древности наши, и ненарушимо сохранилъ свою вѣру до сѣдыхъ волосъ, и сохраню, дастъ Богъ, до смерти. Всѣ также знаютъ о несчастномъ кровопролитіи; но я не обагрилъ рукъ своихъ козацкою христіанскою кровію. Поэтому ваша милость со всѣмъ запорожскимъ войскомъ можетъ совершенно положиться на меня, и я усердно прошу вашу милость имѣть ко мнѣ довѣріе. Нужно какъ можно скорѣе прекратить несчастное домашнее замѣшательство и водворить покой. Поэтому я желаю, чтобъ ваша милость отослалъ бы татаръ, а самъ, оставаясь на обыкновенныхъ мѣстахъ, отправилъ бы посольство къ республикѣ съ изъясненіемъ причинъ, по которымъ произошло несчастное замѣшательство, и засвидѣтельствовалъ вѣрность свою и всего войска.» Хмельницкій отвѣчалъ Киселю: «Очень сожалѣемъ о пораженіи, постигшемъ въ землѣ нашей народъ христіанскій, хотя не мы тому причиною: при сухихъ дровахъ и сырымъ должно было достаться. Послушавъ совѣта вашей милости, стараго своего пріятеля, мы сами пріостановили свои военныя дѣйствія и ордѣ приказали возвратиться, а къ республикѣ, съ покорностію и вѣрнымъ подданствомъ, отправили пословъ. Такъ какъ мы остались сиротами по смерти его королевской милости, то просимъ вашу милость удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ, чтобъ мы могли узнать, кого республика пожелаетъ имѣть королемъ, и чтобъ воспользоваться совѣтомъ вашей милости для дальнѣйшихъ нашихъ дѣйствій». Самъ Кисель поспѣшилъ донести о слѣдствіяхъ своихъ сношеній архіепископу-примасу: «Развѣялъ Господь Богъ чрезъ меня, наименьшаго сына отечества, кровавую радугу и пріостановилъ ужасную внутреннюю войну: отецъ Ляшко, мой повѣренный, монахъ греческаго исповѣданія, добрый шляхтичъ, возвратился и донесъ, что когда прибылъ къ Хмельницкому, то сначала встрѣченъ былъ сильнымъ огнемъ, наконецъ была рада

военная, въ которой участвовало 70,000 козаковъ и на которой была читана моя грамота. Послѣ продолжительныхъ споровъ и шуму, самъ Хмельницкій началъ уговаривать, напоминая о моей искренности; ему помогли въ этомъ и другіе козацкіе старшины. Вслѣдствіе этого св. Духъ внушилъ имъ рѣшеніе: послушаться моего совѣта, имѣть ко мнѣ довѣріе, отправить пословъ, прекратить непріятельскія дѣйствія, задержать орду въ степи, а меня пригласить пріѣхать къ нимъ. Я прошу, чтобъ настоящая моя вѣрная услуга и дальнѣйшая служба никѣмъ у меня не была отнимаема и не оставалась бы безъ памятника, заслуженнаго любовію къ отечеству.»

Но Кисель еще очень рано замечталъ о наградѣ за свои подвиги. Рѣзня господствовала на Украйнѣ, и среди этой бойни козаки и вельможи соперничали въ звѣрствѣ. Въ то время какъ украинская шляхта, не думая о сопротивленіи, бѣжала или гибла подъ ножами возставшихъ хлоповъ, одинъ воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій, выставилъ сопротивленіе. Недавній отступникъ отъ православія, съ ненавистію ренегата къ старой вѣрѣ, вѣрѣ хлопской, Іеремія соединялъ ненависть польскаго пана къ хлопамъ, усугубленную теперь возстаніемъ и кровавыми подвигами гайдамаковъ. Въ самомъ началѣ возстанія Хмельницкаго Іеремія былъ уже на восточной сторонѣ Днѣпра, намѣреваясь помогать Потоцкому и Калиновскому. Корсунская битва и вспыхнувшее вслѣдъ за нею всеобще возстаніе хлоповъ отбросили его на западъ; но онъ скоро остановился и съ отрядами своими выставилъ единственное сопротивленіе козачеству. Какого же рода было это сопротивленіе? Напавши врасплохъ на мѣстечко Погребища, преданное козакамъ, онъ перемучилъ его жителей, особенно священниковъ православныхъ; изъ Погребищъ Вишневецкій пошелъ къ принадлежащему ему городу Немирову; жители затворились было отъ своего пана, но онъ взялъ городъ приступомъ и выданные мѣщанами виновники возстанія погибли въ ужаснѣйшихъ мукахъ: «Мучьте ихъ такъ, чтобъ они чувствовали, что умираютъ!» кричалъ Вишневецкій палачамъ. Въ концѣ іюля подъ Константиновымъ встрѣтился Вишневецкій съ многочисленнымъ козацкимъ отрядомъ, бывшимъ подъ начальствомъ Кривоноса; послѣ двухъ кровопролитныхъ стычекъ Поляки принуждены были отступить.

Поляки видѣли свою малочисленность въ Украйнѣ; имъ важно было удержать Хмельницкаго въ бездѣйствіи, пока прибудутъ къ нимъ подкрѣпленія, пока выбранъ будетъ король. Назначенный главнымъ воеводою въ Украйну, Владиславъ Доминикъ, князь Острожскій, послалъ сказать Кривоносу, чтобъ не пускалъ орды и не шелъ дальше опустошать шляхетскихъ имѣній, послалъ съ тѣмъ же и къ самому Хмельницкому. Кривоносъ отвѣчалъ: «Вашей милости извѣстно, какъ это началось и какъ утихло было; не хотѣли мы больше пустошить земли польской; но ужь очень заѣдаетъ насъ князь Іеремія: людей сталъ мучить, головы отсѣкать, на колъ сажать, въ каждомъ городѣ среди рынка висѣлица, и теперь оказывается, что на колу были невинные люди; попамъ нашимъ буравомъ просверливалъ глаза. Мы, защищая нашу вѣру и жизнь, должны были стать за свою обиду. Кто хочетъ воевать съ нами, противъ того мы готовы; а кто спокоенъ, тотъ и будетъ оставленъ въ покоѣ. Прошло уже семь недѣль или больше какъ мы отправили пословъ своихъ къ королю и республикѣ; но объ нихъ до сихъ поръ нѣтъ никакого достовѣрнаго извѣстія: вѣрно они спятъ, такъ что до сихъ поръ не могутъ проснуться. Все будетъ мирно, если ваша милость теперь же доставите пословъ нашихъ; но если послы не явятся, то я буду воевать вмѣстѣ съ ордою; панъ гетманъ, который на дняхъ ожидаетъ орды, двинется со всѣмъ войскомъ и заступитъ дорогу, гдѣ будете утекать. А жидовъ ваша княжеская милость благоволите препроводить до самой Вислы, потому что они прежде всѣхъ виноваты, они и васъ съ ума свели.» Хмельницкій отвѣчалъ то же самое, что движенія Іереміи вызвали и его изъ бездѣйствія; также просилъ о возвращеніи пословъ козацкихъ, отправленныхъ въ Варшаву, послѣ чего, сообразуясь съ письмами сенаторовъ, онъ возвратится съ войскомъ и удержитъ орду.

Князь Острожскій писалъ отчаянное письмо къ архіепископу-примасу: «Къ чему обманывать республику ложною надеждою, когда въ отчаянныхъ обстоятельствахъ ежедневно прибавляются новыя бѣдствія? Я не могъ устоять подъ Константиновымъ, потому что сила непріятельская неслыханна. Теперь увѣдомляю, что уже пахнетъ конечною гибелью». Князь Доминикъ не видалъ возможности мира и полагалъ единственную надежду на военную по-

мощь изъ Польши. Также смотрѣлъ на дѣло и Тышкевичъ, воевода Кіевскій: «Наибольшій вредъ», писалъ онъ, «состоитъ въ томъ, что братья наши дѣлаются добычею непріятеля; а мы ничего объ этомъ не знаемъ, или не можемъ знать, считая себя обезпеченными надеждою на трактаты и осѣненными мнимымъ облакомъ перемирія. Если это отъ кого-нибудь происходитъ, то мы надѣемся, что придетъ время, когда Богъ укажетъ виновника бѣдствій республики. Мы, по совѣсти, по любви къ отечеству и по долгу нашему сенаторскому, еще разъ предостерегаемъ, что непріятель, подъ предлогомъ обѣщаннаго мира, болѣе и болѣе свирѣпствуетъ, болѣе и болѣе усиливается, такъ что теперь каждый холопъ есть нашъ непріятель, каждый городъ, каждое селеніе мы должны считать отрядомъ непріятельскимъ. И неудивительно, что они доходятъ до такого неистовства: при нашей безпечности, простой народъ думаетъ, что ему дозволено все противъ всѣхъ, даже противъ самого Бога. Поэтому остается одно средство къ прекращенію своеволія—показать непріятелю саблю. Лучше намъ отпоясать саблю, чѣмъ терпѣть такое поруганіе отъ собственныхъ холоповъ».

Тышкевичъ разумѣлъ Киселя, говоря о виновникѣ бѣдствій, который осѣнилъ поляковъ мнимымъ облакомъ перемирія. Но Кисель, видя слабость государства и паническій страхъ, овладѣвшій всѣми, единственнымъ средствомъ спасенія считалъ миръ, хотя и не очень на него полагался. 9-го августа онъ писалъ коронному канцлеру: «Большая и жалкая перемѣна произошла въ моемъ предположеніи идти къ Кіеву. Еще до Гущи (имѣніе Киселя) опередили меня козаки или разбойники — не знаю какъ назвать ихъ. Что уцѣлѣло отъ одной толпы, то разорено до основанія другою; у меня и у слугъ моихъ пограблено домашней утвари болѣе чѣмъ на 30,000; въ форверкахъ также взяли все что̀ было; жиды всѣ вырѣзаны, дворы и корчмы сожжены. Около Горыня постигла всѣхъ та же участь что̀ и меня. Кривоносъ взялъ Меджибожъ приступомъ и всѣхъ жителей перерѣзалъ. Слышно, что Шаръ-городъ подвергся той же участи, и что козаки обратились уже къ Бару. Три дня измѣнники пробыли въ Гущѣ, грабили наѣздами всю окрестность; пьянствуя днемъ и ночью, выпили нѣсколько бочекъ вина и нѣсколько десятковъ бо-

чекъ меда, потчивали моихъ и сосѣднихъ холопей, остальное пораздавали имъ. Языкъ показалъ, что Хмельницкій со 120,000 войска находится уже подъ Янушполемъ, недалеко отъ Любартова; тотъ же языкъ сказалъ, что послы козацкіе, отправленные въ Варшаву, до сихъ поръ еще не возвратились къ Хмельницкому, которому Кривоносъ далъ знать, что они посажены на колъ, и тогда Хмельницкій двинулся съ огромнымъ войскомъ и послалъ за ордою. Въ такихъ обстоятельствахъ, я отправилъ одно письмо къ Хмельницкому отъ себя, другое отъ всѣхъ насъ, коммиссаровъ. Войска наши не спѣшатъ соединиться, начальники не имѣютъ силы, на всѣхъ напалъ такой страхъ, что не только непріятель одерживаетъ верхъ, видя, что никто не смѣетъ смотрѣть ему въ глаза и всѣ обращаются въ бѣгство, но даже крестьяне, холопы издѣваются надъ нами, и вотъ вся чернь присоединяется къ этимъ войскамъ, козачьимъ или разбойничьимъ. Поэтому я отправилъ къ Хмельницкому письмо, желая узнать, не дошелъ ли онъ до послѣдней степени неистовства, а самъ, съ своимъ полкомъ и товарищами, медленно подвигаюсь, ожидая отвѣта; когда онъ мнѣ отвѣтитъ, что ждетъ меня къ себѣ, то поѣду и употреблю всевозможныя средства къ примиренію. Если же Хмельницкій отвергнетъ мои предложенія, то я съ своимъ полкомъ пойду днемъ и ночью на то мѣсто, гдѣ собираются войска республики».

Кисель, идя къ Хмельницкому для мирныхъ переговоровъ, требовалъ, чтобъ польское войско не нападало на козаковъ, не раздражало ихъ, не давало возможности говорить, что со стороны поляковъ нѣтъ желанія мира. Онъ писалъ коронному канцлеру Оссолинскому, что со стороны Хмельницкаго можно надѣяться мирнаго распоряженія: «Какъ скоро послы мои пріѣхали къ Хмельницкому, то я тотчасъ получилъ извѣстіе, что Кривоносъ посаженъ на цѣпь и прикованъ къ пушкѣ за шею. Вся шляхта, сколько ея было въ плѣну у Кривоноса, выпущена, и велѣно отрубить головы болѣе чѣмъ сотнѣ разбойниковъ. Самъ Хмельницкій, остановивъ полки, отступилъ и ожидаетъ меня». Хмельницкій, дѣйствительно, приглашалъ Киселя къ Константинову для переговоровъ и, жалуясь на тиранства Вишневецкаго, писалъ: «Неудивительно было бы намъ, еслибъ дѣлалъ это простакъ какой-нибудь,

напримѣръ, нашъ Кривоносъ, но между Вишневецкимъ и Кривоносомъ большая разница! Мы больше помнимъ Бога: ни одинъ полякъ, доставшійся въ наши руки, не умерщвленъ». Но недолго манила бѣднаго Киселя надежда скоро начать и успѣшно кончить переговоры съ новымъ Тамерланомъ, какъ онъ называлъ Хмельницкаго: онъ съ своими товарищами, остальными коммиссарами и провожавшимъ ихъ вооруженнымъ отрядомъ приблизился къ Острогу; но въ это время козаки захватили городъ и выступили противъ коммиссарскаго отряда какъ непріятели. Кисель послалъ сказать имъ, что онъ съ товарищами — коммиссары, ѣдущіе къ Хмельницкому, по письму послѣдняго. Козаки остановились, обязались нейти дальше во внутренность волыни, съ обѣихъ сторонъ дано было по десяти человѣкъ въ заложники, и нѣсколько человѣкъ коммиссарскаго отряда спокойно въѣхали въ городъ. Но вдругъ является отрядъ войска князя Острожскаго, приступаетъ къ воротамъ и начинаетъ схватку съ козаками. Тѣ, не разобравши, что это за войско, подумали, что это коммиссары вѣроломно нападаютъ на нихъ, и принялись бить тѣхъ поляковъ изъ Киселева отряда, которые были у нихъ въ городѣ. Поляки Острожскаго не могли взять города и отступили; но козаки не согласились уже пропустить коммиссаровъ чрезъ Острогъ. Кисель, съ одной стороны, долженъ былъ писать къ Хмельницкому съ упреками, что въ то время, какъ онъ шелъ для мирныхъ переговоровъ, козаки захватили Баръ и Острогъ; съ другой стороны, писалъ къ польскому войску, что оно разстроиваетъ все дѣло, нападая на козаковъ. Изъ войска дали ему жестокій отвѣтъ: «Съ удивленіемъ услыхали мы, что республика теряетъ крѣпкіе города передъ глазами вашей милости, хотя вы имѣли при себѣ значительное число войска. Это происходитъ, по нашему мнѣнію, оттого что коммиссія, по безполезной медленности, не приступала по сю пору ни къ какому дѣлу. Съ этимъ холопствомъ мы не можемъ придерживаться народнаго права, потому что оно не привыкло соблюдать вѣрность. Знаемъ, что республика, связавъ себѣ руки коммиссіею, не желаетъ, чтобъ мы раздражали непріятеля; такой же совѣтъ мы принимаемъ и отъ вашей милости. Но еслибъ мы, смотря на необузданное высокомѣріе хлоповъ, дозволили имъ въ глазахъ своихъ брать города и замки и производить безпрестанныя убійства, то въ такомъ случаѣ и вѣрность наша сдѣлалась бы

сомнительною въ глазахъ республики, и достоинство наше было бы унижено». Кисель оправдывался, что коммиссіи нѣтъ никакой возможности спѣшить, да и самая медленность ея полезна, потому что даетъ время собирать войска; Острогъ былъ взятъ до прибытія коммиссаровъ, отнимать же имъ городъ вооруженною рукою было бы несовмѣстно съ ихъ должностію и неблагоразумно; городъ освобождался отъ козаковъ въ силу переговоровъ, но польское войско своимъ нападеніемъ испортило все. Вишневецкій однако не переставалъ вооружаться противъ мирныхъ переговоровъ и противъ Киселя: «Если мы будемъ дожидаться союза поганыхъ съ своими домашними погаными, то намъ труднѣе будетъ покончить войну», писалъ онъ къ архіепископу-примасу 30 августа. «Козаки на сихъ дняхъ овладѣли Луцкомъ, Клеванью и другими городами на Волыни; 30,000 татаръ переправились къ намъ на Мурахву. Изъ этихъ вѣстей ваша милость можете судить, какіе плоды принесло перемиріе, которое ведетъ насъ къ горькому концу. Непріятель беретъ города, а намъ велятъ молчать, связавъ намъ руки волею республики, потому что она изрекла миръ, а не войну».

Желаніе Вишневецкаго исполнилось. Хмельницкій, раздраженный тѣмъ, что поляки въ другой разъ приступили къ Острогу, задержалъ посланцевъ Киселя, вслѣдствіе чего послѣдній не поѣхалъ къ нему и соединился съ войсками Острожскаго. Поляки отняли у козаковъ Константиновъ и встрѣтились съ самимъ Хмельницкимъ подъ Пилявцами. Богданъ началъ переговоры съ княземъ Острожскимъ и тянулъ время, дожидаясь татаръ; 20 сентября началось сраженіе, и началось съ выгодою для поляковъ; на другой день успѣхъ былъ на сторонѣ козаковъ, а вечеромъ въ ихъ станѣ раздались крики, возвѣщавшіе о приходѣ татаръ. Поляки оробѣли. На третій день, на разсвѣтѣ, привели языка, который объявилъ, что пришло 40,000 татаръ, тогда какъ ихъ пришло только 4,000; началось страшное смятеніе между поляками; козаки напали и вырѣзали два полка; языки говорили, что идетъ самъ ханъ съ безчисленнымъ войскомъ. Вечеромъ предводители собрались на совѣтъ и рѣшили — уходить; ночью съ 22 на 23 понеслась по лагерю вѣсть, что предводителей уже нѣтъ, и тогда все войско обратилось въ постыдное бѣгство, бросивши богатый обозъ въ пользу козаковъ. Тутъ, по однимъ извѣстіямъ, по-

гибъ отъ татаръ нашъ старый знакомый, Янъ Фаустинъ Луба, по другимъ же онъ возвратился въ Польшу и кормился опять по панскимъ домамъ.

Послѣ этого неожиданнаго торжества Хмельницкій занялъ безъ сопротивленія Константиновъ, Збаражъ и, слыша крики козаковъ: «Веди на ляховъ!» повелъ ихъ ко Львову, съ котораго взялъ огромный окупъ; жители принуждены были выдать всѣ свои драгоцѣнности. Изъ-подо Львова Хмельницкій подступилъ подъ Замостье, откуда 15 ноября послалъ письмо къ сенату, выставляя попрежнему, что виновниками всѣхъ бѣдъ два пана—Конецпольскій и князь Вишневецкій, требовалъ, чтобъ они были объявлены виновными, и заключалъ письмо такъ: «Если ваша милость начнете войну противъ насъ, то мы примемъ это за знакъ, что вы не хотите имѣть насъ своими слугами». Въ отвѣтъ онъ получилъ извѣстіе объ избраніи новаго короля, Яна Казимира, брата Владиславова, который приказывалъ ему отступить отъ Замостья. Хмельницкій отвѣчалъ, что повинуется; на радостяхъ велѣлъ палить изъ пушекъ, пилъ и говорилъ посламъ: «Еслибъ вы на конвокаціи еще короля выбрали, то не было бы ничего, что случилось, а еслибъ выбрали какого-нибудь другого, а не Яна Казимира, то я пошелъ бы на Краковъ и далъ бы корону кому надобно». Отъ чего же такъ обрадовался Хмельницкій избранію Яна Казимира? Московскому гонцу Кунакову разсказывали въ Варшавѣ, что Янъ Казимиръ еще до избранія писалъ къ Хмельницкому: «Если буду королемъ, то войну успокою и впередъ тебѣ и всему войску запорожскому мстить не буду, и вольности ваши подкрѣплю лучше прежняго». Послалъ эту грамоту король съ шляхтичемъ Юріемъ Ермоличемъ, который остался при Хмельницкомъ. Богданъ, по письму королевича, писалъ къ панамъраднымъ: если они изберутъ на королевство пана его королевича Казимира, то онъ, Богданъ, будетъ во всей его волѣ; если же изберутъ кого-нибудь другого, то онъ, Богданъ, съ войскомъ запорожскимъ и съ татарами будетъ воевать большою войною.

Грамота, которую новый король послалъ къ Хмельницкому, подтверждала надежды козацкаго вождя: «Начиная счастливо наше царствованіе» писалъ король, «по примѣру предковъ нашихъ, пошлемъ булаву и хоругвь нашему вѣрному войску запорожскому, пошлемъ въ ваши руки, какъ старшаго вождя этого войска,

и обѣщаемся возвратить давнія рыцарскія вольности ваши. Что же касается смуты, которая до сихъ поръ продолжалась, то сами видимъ, что произошла она не отъ войска запорожскаго, но по причинамъ, въ грамотѣ вашей означеннымъ». Янъ Казимиръ обѣщалъ, что войско запорожское будетъ подъ непосредственною властію короля, а не старостъ украинскихъ; обѣщалъ исполнить и желаніе козаковъ относительно уніи; но требовалъ за это, чтобъ Хмельницкій отослалъ татаръ и распустилъ чернь. Богданъ исполнилъ все это: но тутъ же было видно, что онъ разнуздался успѣхомъ и готовъ былъ повиноваться только съ условіемъ, чтобъ исполнялись его желанія. Месть кипѣла въ его сердцѣ: воспоминанія о Чаплинскомъ, Конецпольскомъ, Вишневецкомъ не давали ему покоя: «Въ Бродахъ (имѣніе Конецпольскаго) камня на камнѣ не оставлю», говорилъ онъ, «съ землею сравняю, а этотъ князикъ Вишневецкій недолго будетъ у меня региментовать; самъ въ Крымъ поѣду и освобожу гетмановъ съ условіемъ, если помирятся со мною и будутъ въ пріязни жить, если же нѣтъ, то прикажу имъ головы отрубить, а этотъ князикъ за Днѣпромъ у меня не показывайся!» Хмѣльницкій, надѣясь на короля, думалъ, что будутъ исполнены всѣ его желанія; но когда паны узнали, что король послалъ Хмельницкому гетманскую булаву и знамя, то приходили къ нему съ шумомъ, особенно поляки кричали: «Идемъ всею Рѣчью Посполитою! отъ Богдана Хмельницкаго, отъ Кривоноса и козаковъ разоренье и кровопролитіе большое, чего не бывало, какъ польское королевство стало: а король козаковъ почитаетъ какъ пріятелей своихъ!» Янъ Казимиръ отвѣчалъ: «Если теперь Хмельницкаго и все войско запорожское въ милость не принять, то отъ нихъ и впередъ будетъ большое разоренье, потому что войско запорожское и хлопы гультяйство еще не усмирились; да у Богдана орда Крымская всегда наготовѣ; а на коронное и на литовское войско казнь Божія: чего никогда не бывало—вездѣ козаки ихъ побиваютъ. Подумайте объ этомъ, чтобъ въ конечномъ разореньѣ не быть; да и то вамъ надобно разсудить, какія отъ козаковъ прежде бывали Рѣчи Посполитой кровныя службы и доброхотство, и что̀ вы имъ за это воздали кромѣ насильства и разоренья? А нынѣшнее междоусобіе начали они по крайней нуждѣ: все это сталось отъ пановъ, которые такихъ вѣчныхъ слугъ грабили и разоряли». Паны продолжали кри-

чать: «Мы и вся Рѣчь Посполитая будемъ противъ войска Запорожскаго и противъ своихъ холоповъ войну вести и мстить имъ до кончины своей; либо козаковъ истребимъ, либо они насъ истребятъ; лучше намъ всѣмъ помереть, чѣмъ видѣть такое разоренье, упадокъ и вѣчное безславіе; лучше умереть, чѣмъ козакамъ и своимъ хлопамъ въ чемъ уступить!» Такія большія надежды и требованія со стороны Хмельницкаго, и такая неуступчивость и ожесточеніе со стороны пановъ не предвѣщали скораго мира. Сильное негодованіе пановъ на короля было возбуждено и тѣмъ, что по смерти Тышкевича Янъ Казимиръ отдалъ кіевское воеводство Адаму Киселю, назначенному переговаривать съ Хмельницкимъ о мирѣ: Киселя величали измѣнникомъ за его православіе и боялись, нѣтъ ли у него съ королемъ какого умысла. Московскому гонцу Кунакову разсказывали, что король желаетъ, чтобъ Богданъ Хмельницкій пановъ радныхъ сломалъ и сдѣлалъ ему послушными.

По возвращеніи изъ похода Хмельницкій съ торжествомъ въѣхалъ въ Кіевъ; около него ѣхали полковники въ золотѣ, серебрѣ, добытомъ у поляковъ, несли польскія хоругви и другую военную добычу. Въ народѣ раздавались восторженные крики, слышались мольбы за Хмельницкаго; духовенство, академія вышли къ нему на встрѣчу, профессора говорили панегирики, называли Хмельницкаго Моисеемъ вѣры русской, защитникомъ свободы русскаго народа, новымъ Маккавеемъ. Побѣдителя немедленно окружили иностранные посланники. Богданъ усердно молился, раздавалъ богатые дары по церквамъ изъ польской добычи и въ то же время ежедневно разспрашивалъ колдуновъ и колдуней о будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ козакъ гулялъ на радостяхъ, пировалъ день и ночь, какъ подопьетъ—пѣсню затянетъ. Безпрестанно мѣнялся: то ласковъ, то вдругъ суровъ, то со всѣми за-панибрата, то вдругъ никого къ себѣ не допускаетъ; добродушно разговариваетъ — и вдругъ выдастъ свирѣпый приказъ. Мы поймемъ все это, если будемъ смотрѣть на Хмельницкаго прежде всего какъ на козака. Какъ бы ни былъ даровитъ членъ общества нецивилизованнаго, какъ бы высоко ни поставила его судьба, не можетъ онъ отречься отъ своей природы, дѣвственной еще, дѣтской, если угодно грубой, не сдерживаемой извѣстными условіями образованнаго общества, не затянутой въ извѣстныя формы; впечатлѣ-

нія такого человѣка живы, сильны, быстро смѣняются, онъ рабски поддается имъ и не умѣетъ сдерживать своихъ чувствъ, не умѣетъ обращать холодное вниманіе на правильность, послѣдовательность ихъ выраженія; начнетъ что-нибудь, вдругъ, по непонятному для него самого сцѣпленію понятій, вспомнитъ о чемъ-нибудь другомъ и увлекается этимъ новымъ воспоминаніемъ; быстро, безотчетно смѣняются въ немъ мысли и чувства, быстро выражаются въ словѣ и дѣлѣ. Дикъ и страненъ кажется такой человѣкъ члену общества образованнаго, не понимаетъ образованный человѣкъ этой юности природы, и, глядя по своему, готовъ счесть маскою то, что на самомъ дѣлѣ живой образъ. Наступило время, когда Хмель, такъ называли поляки Богдана, вполнѣ выказалъ свой козацкій характеръ, чѣмъ озадачилъ и оскорбилъ людей изъ другого общества. Изъ Кіева поѣхалъ Богданъ въ Переяславль, и туда пріѣхали къ нему обѣщанные коммиссары королевскіе, старый нашъ знакомецъ, многоученый и красноглаголивый Кисель съ товарищами. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу въ поле съ полковниками, есаулами, сотниками, военною музыкою, съ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ: при въѣздѣ выпалили изъ двадцати пушекъ. Гетманъ позвалъ коммиссаровъ обѣдать, и тутъ сейчасъ же горѣлка начала выводить наружу то, что̀ было на сердцѣ у Богдана и его товарищей, полковниковъ: Вишневецкій, Конецпольскій, Чаплинскій не хорошо были помянуты. На другой день назначена была церемонія врученія Хмельницкому булавы и знамени королевскихъ. На широкой улицѣ, передъ дворомъ своимъ, стоялъ Хмельницкій подъ бунчукомъ, въ собольей крытой парчею шубѣ, окруженный старшинами. Кисель началъ было выказывать свое краснорѣчіе въ длинной рѣчи, выставлялъ милость королевскую, какъ вдругъ отозвался пьяный полковникъ Дзялакъ: «Король какъ король, а вы королевята, князья, проказите много, надѣлали дѣла! А ты, Кисель, кость отъ костей нашихъ, отщепился отъ насъ и пристаешь къ ляхамъ!» Хмельницкій сталъ его унимать, и Дзялакъ, видя, что всѣ другіе молчатъ, убрался. Богданъ, какъ показалось коммиссарамъ, принялъ гетманскіе знаки не съ большимъ усердіемъ.

Послѣ церемоніи гетманъ позвалъ коммиссаровъ обѣдать. Передъ обѣдомъ Кисель опять распространился о великихъ милостяхъ королевскихъ: король прощаетъ Хмельницкаго, даетъ сво-

боду древней православной религіи, позволяетъ увеличить число реестроваго войска, возстановляетъ прежнія права и преимущества его, наконецъ предоставляетъ гетманство ему, Хмельницкому. «Вы, гетманъ съ своей стороны, должны показать себя благодарнымъ, должны стараться о прекращеніи смуты и кровопролитія, не принимать крестьянъ подъ свое покровительство, а внушать имъ повиновеніе законнымъ владѣльцамъ». Не очень щедрыя для Корсунскаго и Пилявецкаго побѣдителя милости и неудобоисполнимое требованіе отказаться отъ союза съ простымъ народомъ въ пользу пановъ раздражали Хмельницкаго; раздражало и обращеніе къ нему, какъ вождю полновластному, тогда какъ онъ не могъ ничего сдѣлать безъ согласія войска, а легко ли было удовлетворить требованіемъ этого войска, которое состояло изъ низшаго народонаселенія всей Украйны? Отъ Хмельницкаго требовали отдать панамъ въ неволю людей, которые дали ему такое могущество, и остаться начальникомъ войска въ 12 или много въ 15,000, какъ предлагали поляки! Но что все болѣе заставляло Хмельницкаго перемѣнить тонъ относительно польскаго правительства, такъ это то, что ханъ, помогавшій ему до сихъ поръ изъ-подъ руки, однимъ отрядомъ Тугай-Беевымъ, теперь рѣшился прямо стать его защитникомъ, помогать ему всѣми силами; съ турками заключенъ былъ союзъ; князь Трансильванскій Юрій Рагоцы также предлагалъ Хмельницкому воевать Польшу. Вотъ почему Богданъ отвѣчалъ Киселю: «За великія милости королевскія покорно благодарю; что же касается до коммиссіи, то она въ настоящее время начаться и производить дѣлъ не можетъ: войска не собраны въ одно мѣсто, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я ничего рѣшать не могу и не смѣю: иначе могу поплатиться жизнію. Да притомъ я не получилъ удовлетворенія за обиды, нанесенныя Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Первый долженъ быть непремѣнно мнѣ выданъ, а второй наказанъ, потому что они подали поводъ ко всѣмъ смутамъ и кровопролитію. Виноватъ и панъ кастелянъ Краковскій, который нападалъ на меня и преслѣдовалъ меня, когда я принужденъ былъ спасать жизнь свою въ пещерахъ Днѣпровскихъ; но онъ уже довольно награжденъ за дѣла свои, нашелъ чего искалъ. Виноватъ и хорунжій (Конецпольскій), потому что лишилъ меня отчизны, отдалъ Украйну лисовщикамъ, которые козаковъ, оказавшихъ услу-

ги республикѣ, обращали въ холоповъ, драли съ нихъ кожу, вырывали бороды, запрягали въ плуги; но все они не такъ виноваты, какъ Чаплинскій и Вишневецкій. Ничего изъ этого не будетъ, если одного изъ нихъ не накажутъ, а другаго мнѣ сюда не пришлютъ; въ противномъ случаѣ или мнѣ погибнуть со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, или пропасть Польской землѣ, сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтамъ. Развѣ мало виноваты ляхи, что льется кровь христіанская, что войско литовское вырѣзало Мозырь и Туровъ, что Янушъ Радзивилъ велѣлъ одного изъ нашихъ посадить на колъ? Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радзивилу писалъ, что если онъ поступилъ такимъ образомъ съ однимъ христіаниномъ, то я то же самое сдѣлаю съ 400 плѣнныхъ поляковъ».

За столомъ новыя сцены. Полковники сильно сердились на литовскаго гетмана Радзивила, который, воюя съ украинскими загонщиками, взялъ приступомъ и истребилъ два города, принявшіе ихъ сторону. Ксендзъ Лентовскій, пріѣхавшій съ королевскими грамотами, замѣтилъ, что слухи изъ Литвы могутъ быть и несправедливы. Тутъ старый Черкасскій полковникъ Ѳедоръ схватилъ булаву и закричалъ: «Молчи, попъ! не твое дѣло уличать меня во лжи; и ваши ксендзы, и наши попы всѣ такія-то дѣти; выходи, попъ, на дворъ, научу я тебя полковниковъ Запорожскихъ почитать». Коммиссары смягчали Хмеля какъ могли; особенно истощалъ свое краснорѣчіе Кисель, но ничего не успѣлъ сдѣлать. На другой день Кисель приглашалъ къ себѣ гетмана обѣдать; но Хмельницкій пріѣхалъ вечеромъ съ нѣкоторыми полковниками, уже подпивши, и опять началъ срывать сердце, пересчитывать обиды, которыя получилъ отъ поляковъ, и грозить местью. Потомъ пробрался въ комнату жены Киселевой и началъ прямо говорить ей, чтобы съ мужемъ отреклись отъ поляковъ и остались съ козаками, потому что Польская земля сгинетъ, а Русь будетъ господствовать въ томъ же году, очень скоро. На другой день долго спалъ Хмельницкій, потому что пилъ съ колдуньями, которыя ворожили ему счастье на войнѣ въ этотъ годъ. Какъ скоро можно стало къ нему являться, коммиссары послали къ нему съ просьбою назначить время для переговоровъ. Посланные застали гетмана уже за горѣлкою и получили такой отвѣтъ: «Завтра будетъ справа и расправа, потому что теперь я пьянъ, вен-

герскаго посла отправляю; коротко скажу: изъ этой коммиссіи ничего не будетъ; война должна черезъ три или четыре недѣли начаться: переверну васъ всѣхъ ляховъ вверхъ ногами и потопчу такъ, что будете подъ моими ногами, а напослѣди отдамъ васъ царю турецкому въ неволю. Король королемъ будетъ, чтобъ король казнилъ шляхту и дуковъ и князей, чтобъ былъ себѣ вольный. Провинится князь — рѣжь ему шею; провинится козакъ— и ему то же: вотъ будетъ правда! Я хоть себѣ худой малый человѣкъ, но Богъ мнѣ далъ, что я теперь единовладный самодержецъ русскій. Если король не хочетъ вольнымъ королемъ быть, то какъ ему угодно. Скажите это пану воеводѣ (Киселю) и коммиссарамъ. Стращаете меня шведами—и тѣ мои будутъ, а хоть бы и не такъ, хоть бы ихъ было пятьсотъ тысячъ—не одолѣютъ они русской, запорожской и татарской мочи. Съ этимъ и ступайте: завтра справа и расправа.» Получивши такой отвѣтъ, коммиссары стали совѣтываться и положили: требовать отъ Хмельницкаго чтобъ онъ отпустилъ ихъ, и просить освобожденія плѣнныхъ поляковъ.

На другой день коммиссары отправились къ гетману, и Кисель началъ со слезами умилительную рѣчь, говорилъ, что Хмельницкій не только Польшу и Литву, но и русскую вѣру, святые церкви хочетъ отдать поганымъ безъ причины. Если ему нанесена обида, если Чаплинскій виноватъ, то готова награда; если войско запорожское обижено тѣмъ, что уменьшили его число, отняли земли, то король обѣщаетъ все вознаградить; пусть подумаетъ, что какъ Польша и Литва не удержатъ поганыхъ безъ запорожья, такъ и запорожье не защитится отъ поганства безъ польскаго войска; уговаривалъ, чтобъ отступился отъ черни, пусть крестьяне пашутъ, а козаки воюютъ, пусть реестровыхъ козаковъ будетъ 12 или 15,000, пусть идетъ лучше воевать поганыхъ за границу. Богданъ отвѣчалъ: «Нечего много толковать! Было время трактовать со мною, когда меня Потоцкій гонялъ за Днѣпромъ, и на Днѣпрѣ было время, и послѣ Желтоводской, и послѣ Корсунской битвы, и послѣ Пилявецъ, и подъ Константиновымъ, и подъ Замостьемъ, и когда я изъ-подъ Замостья шесть недѣль шелъ до Кіева, а теперь уже не время; мнѣ удалось сдѣлать то, о чемъ и не мыслилъ, покажу потомъ и то, что замыслилъ. Выбью изъ польской неволи народъ русскій весь. Сперва воевалъ я за

свою обиду, теперь стану воевать за вѣру православную нашу. Вся чернь, которая ея держится, по Люблинъ, по Краковъ, поможетъ мнѣ въ этомъ, и я чернь не выдамъ, чтобъ вы, задавивши крестьянство, и на козаковъ не ударили. Буду имѣть двѣсти, триста тысячъ своихъ, всю орду, подлѣ меня Тугай-Бей, братъ мой, душа моя, единственный соколъ на свѣтѣ, готовъ онъ все сдѣлать, что я ни захочу, вѣчна наша козацкая пріязнь, которой цѣлый свѣтъ не разорветъ. За границу войною не пойду, саблю на турокъ и татаръ не подниму, будетъ съ меня Украйны, Подола, Волыни, довольно добра въ землѣ и княжествѣ моемъ по Львовъ, Хельмъ и Галичъ, а ставши надъ Вислой, скажу остальнымъ ляхамъ: сидите, молчите, ляхи! Дуковъ и князей туда загоню, а если и за Вислой кричать станутъ, найду ихъ и тамъ; не останется ни одного князя, ни одного шляхтича на Украйнѣ, а который захочетъ съ нами хлѣбъ ѣсть, пусть будетъ послушенъ войску запорожскому, а на короля не брыкаетъ.» Полковники поддакивали гетману; они говорили: «Прошли тѣ времена, когда ляхи сѣдлали насъ нашими же людьми, христіанами, сильны были намъ драгуны, а теперь ихъ не боимся; узнали мы подъ Пилявцами, что теперь не тѣ ляхи, какіе прежде бывали, какіе били турокъ, Москву, татаръ, нѣмцевъ, не Жолкѣвскіе, не Ходкѣвичи, не Конецпольскіе или Хмелецкіе, но тхоржевскіе, заіонцковскіе (т.-е. трусовецкіе, зайцевскіе), ребята, одѣтые въ желѣзо, померли отъ страха, какъ только насъ увидали и поутекали, хотя татаръ въ середу не было больше 3,000, подождали бы до пятницы, такъ ни одинъ бы до Львова не добрался.» Хмельницкій продолжалъ: «Патріархъ (іерусалимскій) благословилъ меня въ Кіевѣ на эту войну, вѣнчалъ меня съ моей женой, разрѣшилъ меня отъ грѣховъ, хотя бы я и не исповѣдовался, и приказалъ доконать ляховъ: какъ же мнѣ не слушаться святаго владыки, начальнаго нашего человѣка и гостя любимаго; я уже обослалъ полки, чтобъ коней кормили и въ дорогу были готовы, безъ возовъ, безъ пушекъ, все это я найду у ляховъ; если козакъ возьметъ хотя одинъ возъ съ собою, велю ему голову отрубить; не возьму и самъ съ собой ничего». Говоря это, Хмельницкій пришелъ въ такую ярость, что вскакивалъ съ лавки, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. Коммиссары обомлѣли отъ страха; никакія убѣжденія ихъ не помогали.

Стали они думать уже не о заключеніи мира, а о томъ, какъ бы уѣхать поздорову и выручить плѣнныхъ. Наконецъ гетманъ объявилъ имъ свои условія: «1) чтобъ имени, памяти и слѣда уніи не было; 2) митрополитъ кіевскій по примасѣ польскомъ первое мѣсто долженъ имѣть въ сенатѣ; 3) воеводы и кастеляны на Руси должны быть православные русскіе; 4) войско запорожское по всей Украйнѣ при своихъ вольностяхъ давныхъ остается; 5) гетманъ козацкій подчиняется прямо королю; 6) жиды изгоняются изо всей Украйны; 7) Іеремія Вишневецкій никогда не долженъ быть гетманомъ коронныимъ. Здѣсь для поляковъ не доставало самаго главнаго пункта—какое число будетъ козаковъ? Кисель спросилъ объ этомъ у Богдана, и тотъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ писать это въ договоръ? Найдется насъ и 100,000, будетъ столько, сколько я скажу». Коммиссары спросили о плѣнныхъ. «Это завоевано» отвѣчалъ Хмельницкій: «пусть король не думаетъ». Коммиссары возражали чѣо и поганые отпускаютъ плѣнныхъ, какъ же онъ, гетманъ, не хочетъ отпустить плѣнниковъ, будучи подданнымъ короля? Хмельницкій отвѣчалъ: «Нечего толковать! ихъ мнѣ Богъ далъ; отпущу ихъ, если никакой зацѣпки отъ Литвы и отъ ляховъ не будетъ; пусть Потоцкій подождетъ брата своего, старосту каменецкаго, который у меня Баръ мой городъ заѣхалъ на Подолѣ, кровь христіанскую льетъ: я приказалъ туда полкамъ двинуться и живьемъ привести къ себѣ Потоцкаго».— «Козаки дѣлаютъ то же самое» возражали коммиссары: «Въ Кіевѣ днемъ и ночью льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ; ляховъ однихъ топятъ въ рѣкѣ, другихъ безчеловѣчно убиваютъ; все это дѣлаетъ Нечай, полковникъ Брацлавскій, и говоритъ, что имѣетъ на это твое приказаніе». Хмельницкій: «Не приказывалъ я убивать невинныхъ, а только тѣхъ, которые не хотятъ пристать къ намъ или креститься въ нашу вѣру. Вольно мнѣ тамъ рѣзать, мой Кіевъ, я воевода кіевскій; далъ мнѣ его Богъ безъ сабли; нечего тутъ толковать». Кисель спросилъ его, согласенъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, заключить договоръ теперь же? Хмельницкій отвѣчалъ: «Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммиссія отложится до зеленыхъ святокъ (Троицына дня), когда будетъ трава, чтоб было чѣмъ пасти лошадей, а до того времени пусть коронныя и литовскія войска не входятъ въ кіевское воеводство. Граница между нами Горынь и

Припеть, а отъ брацлавскаго и подольскаго воеводствъ по Каменецъ». Коммиссары предложили было ему свои условія, но Хмельницкій зачеркнулъ ихъ, и такимъ образомъ заключено было только перемиріе до Троицына дня. Кисель однако продолжалъ свои увѣщанія, говорилъ о непостоянствѣ счастія, прозрачнаго и хрупкаго какъ стекло; говорилъ какъ страшно для поддержанія вѣры православной искать покровительства турокъ и татаръ, которые думаютъ только о томъ, какъ бы извести народъ русскій; если поляки, Литва и Русь будутъ губить другъ друга въ междоусобіяхъ, то сосѣдніе народы всѣхъ ихъ завоюютъ; наконецъ грозилъ мщеніемъ оскорбленнаго короля. Хмельницкій былъ тронутъ, но высказалъ необходимость войны, и противъ его причинъ не было возраженій: «Нельзя» отвѣчалъ онъ: «нельзя удержаться отъ войны; будемъ воевать, пока станетъ жизни и пока не добьемся вольности: лучше голову сложить, чѣмъ въ неволю возвратиться. Знаю, что фортуна склизка, но пусть торжествуетъ правда. Короля почитаемъ какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти и не будемъ имъ друзьями никогда. Если они перестанутъ дѣлать зло, то миръ заключить не трудно: пусть утвердятъ статьи мои. Если же станутъ хитрить, то война неизбѣжна. Плѣнныхъ я выдамъ на коммиссіи. Скажите это королю; кромѣ написанныхъ условій ничего не будетъ». Кажется, за эти слова польскіе историки не имѣли права обвинить Богдана въ неискренности; здѣсь его устами говорило все простонародье украинское, русское, и характеръ борьбы выказался ярко, борьбы, возгорѣвшейся отъ смертельной ненависти къ панамъ и шляхтѣ. Миръ при самыхъ выгодныхъ условіяхъ для ограниченнаго въ числѣ козачества, но съ возобновленіемъ прежнихъ условій для хлоповъ былъ невозможенъ, какъ событія покажутъ намъ.

Коммиссарамъ не хотѣлось выѣхать изъ Переяславля безъ Польскихъ плѣнныхъ; они употребляли всѣ усилія, расточали просьбы и подарки, обѣщали по сту червонныхъ полковникамъ и писарямъ. Знали, что большимъ вліяніемъ пользуется обозный Чернота, и пошли къ нему съ подарками просить, чтобъ шелъ къ гетману и уговорилъ его отпустить плѣнниковъ. «Не пойду» отвѣчалъ Чернота: «я боленъ: вчера съ нимъ пили цѣлую ночь, оттого и хвораю. Да я ему не совѣтовалъ и не посовѣтую выпу-

скать пташекъ изъ клѣтки; еслибъ я былъ здоровъ, то наврядъ и сами вы вышли бы отсюда».

На прощаніи коммиссаровъ съ гетманомъ плѣнныхъ привели; коммиссары опять стали просить объ ихъ освобожденіи, плѣнные бросились къ ногамъ Богдана, но ничто не помогло: «Пусть Потоцкій» сказалъ онъ, «подождетъ брата своего: тогда этого велю посадить на колъ передъ городомъ, а того въ городѣ: пусть глядятъ другъ на друга». Въ слѣдующихъ словахъ Хмельницкаго коммиссарамъ заключалась опять сущая правда: «Не знаю, какъ состоится вторая коммиссія, если молодцы не согласятся на 20 или 30 тысячъ реестроваго войска и не удовольствуются удѣльнымъ панствомъ своимъ; не самъ по себѣ я откладываю коммиссію, а потому что не смѣю поступать противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю королевскую». На возвратномъ пути коммиссары также имѣли случай убѣдиться въ характерѣ борьбы: прислуга ихъ обоего пола, даже дѣвушки, переходила къ козакамъ. Въ Кіевѣ шляхтичи, шляхтянки и чернь католическаго исповѣданія бросились къ коммиссарамъ, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ уйти изъ города; но козаки погнались за ними и не пустили, многихъ ободрали, били и топили. Въ Бѣлгородкѣ ночлегъ былъ не безопасенъ, потому что здѣсь преслѣдовали католиковъ. «Должно знать» писалъ одинъ ихъ коммиссаровъ: «что чернь вооружается, увлекаясь свободою отъ работъ, податей, и желая навѣки избавиться отъ пановъ. Во всѣхъ городахъ и деревняхъ Хмельницкій набираетъ козаковъ, а не желающихъ хватаютъ насильно, бьютъ, топятъ, грабятъ; гораздо большая половина желаетъ покоя и молитъ Бога объ отмщеніи Хмельницкому за своеволіе. Хмельницкій не надѣется долго жить, и дѣйствительно онъ имѣетъ между своими приближенными заклятыхъ враговъ. Онъ закопалъ въ Чигиринѣ нѣсколько бочекъ серебра, имѣетъ 130 турецкихъ коней, 24 сундука съ дорогимъ платьемъ. Украйна наполнена пилявскою добычею; ее преимущественно скупаютъ москвитяне въ Кіевѣ, также по городамъ на рынкахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и еще дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ у козака за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, какой только можно было донести мужику».

Если Хмельницкій не могъ принять условій, предложенныхъ ему польскимъ правительствомъ, то послѣднее, безъ крайней необ-

ходимости, не попытавшись, при болѣе счастливыхъ теперь обстоятельствахъ, оружіемъ усмирить хлоповъ, не могло согласиться на условія Хмельницкаго, и обѣ стороны воспользовались перемиріемъ только для того, чтобъ собраться съ новыми силами къ войнѣ; да и перемиріе было плохо сдерживаемо съ обѣихъ сторонъ. Поляки поняли наконецъ, что миръ или война не зависятъ отъ Хмельницкаго; въ апрѣлѣ писали изъ Волыни: «Чернь до того разсвирѣпѣла, что рѣшилась или истребить шляхту или сама гибнуть». Все поднялось въ козаки: «У Хмельницкаго» говоритъ очевидецъ: «было безчисленное войско, потому что въ иномъ полку было козачества больше двадцати тысячъ, что село, то сотникъ, а въ иной сотнѣ человѣкъ съ тысячу народа. Все, что было живо поднялось въ козачество; едва можно было найти въ селахъ семью, изъ которой кто-нибудь не пошелъ бы на войну: если отецъ не могъ идти, то посылалъ сына или паробка, а въ иныхъ семьяхъ всѣ взрослые мужчины пошли, оставивши только одного дома; все это дѣлалось, потому что прошлаго года очень обогатились грабежемъ имѣній шляхетскихъ и жидовскихъ. Даже въ городахъ, гдѣ было право Магдебургское, бурмистры и райцы присяжные покинули свои уряды, побрили бороды и пошли къ войску». Кромѣ этого многочисленнаго своенароднаго ополченія Хмельницкій ждалъ еще хана крымскаго съ ордою, ждалъ турокъ, ждалъ донцовъ, отправилъ въ Москву чигиринскаго полковника Вешняка, который въ маѣ подалъ царю грамоту: «Насъ слугъ своихъ» писалъ Богданъ, «до милости царскаго своего величества прими и благослови рати своей наступить на враговъ нашихъ, а мы въ Божій часъ отсюда на нихъ пойдемъ. Вашему царскому величеству низко бьемъ челомъ: отъ милости свой не отдаляй насъ, а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ ваше царское величество, какъ правдивый и православный государь, надъ нами царемъ и самодержцемъ былъ». Царь отвѣчалъ, что вѣчнаго докончанія съ поляками нарушить нельзя, «а если королевское величество тебя гетмана и все войско запорожское освободитъ, то мы тебя и все войско пожалуемъ, подъ нашу высокую руку принять велимъ». Долго было дожидаться этого освобожденія; королевское величество собиралъ войско, но въ войскѣ этомъ между воеводами несогласіе, между ратными людьми неусердіе къ дѣлу; противъ русскихъ, которые бились за вѣру, за свободу, одушев-

лялись ненавистію къ притѣснителямъ и воспоминаніемъ о недавнемъ громадномъ успѣхѣ, о добычѣ богатой, противъ этихъ русскихъ поляки выставили иноземцевъ наемныхъ, правда искусныхъ и храбрыхъ, надежныхъ въ бою противъ толпы неокуренной порохомъ, но покидающихъ знамена какъ только задерживалось жалованье; войско своеземное подражало въ этомъ отношеніи иноземцамъ: «Денегъ, денегъ, какъ можно скорѣе денегъ!» писали изъ польскаго лагеря: «оставляютъ хоругви не только рекруты, но и товарищество, такъ что въ иныхъ отрядахъ находится налицо не болѣе половины людей, и даже менѣе. Иностранное войско сильно уменьшается; ратныхъ людей нельзя удержать ни ласковыми словами, ни строгостію законовъ, а только деньгами;» и тутъ же читаемъ слѣдующія слова: «очень трудно достать шпіона между этою русью: все измѣнники! а ежели добудутъ языка, то хоть жги, правды не скажетъ».

Какъ скоро трава показалась на полѣ, стали сбираться хлопы подъ Кіевъ, подступили къ днѣпровскому перевозу въ числѣ 1080 человѣкъ, а въ Кіевѣ ждалъ ихъ козакъ бывалый, мѣщанинъ Полегенькій, съ которымъ было все улажено: по данному знаку Кіевъ обступили со всѣхъ сторонъ, и на улицахъ началась потѣха: начали разбивать католическіе монастыри, до остатка выграбили все что̀ еще оставалось, и монаховъ и ксендзовъ волочили по улицамъ, за шляхтою гонялись какъ за зайцами, съ торжествомъ великимъ и смѣхомъ хватали ихъ и побивали. Набравши на челны 113 человѣкъ ксендзовъ, шляхтичей и шляхтянокъ съ дѣтьми, побросали въ воду, запретивши подъ смертною казнію, чтобъ ни одинъ мѣщанинъ не смѣлъ укрывать шляхту въ своемъ домѣ, и вотъ испуганные мѣщане погнали несчастныхъ изъ домовъ своихъ на вѣрную смерть; тѣла убитыхъ оставались собакамъ. Ворвались и въ склепы, гдѣ хоронили мертвыхъ, трупы выбросили собакамъ, а которые еще были цѣлы, тѣ поставили по угламъ, подперши палками и вложивши книжки въ руки. Три дня гуляли козаки и отправили на тотъ свѣтъ 300 душъ: спаслись только тѣ шляхтичи, которые успѣли скрыться въ православныхъ монастыряхъ.

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно, поджидая хана; Исламъ-Гирей соединился съ нимъ въ іюнѣ 1649 года; присоединилось и 6,000 турокъ, пріѣхали и донцы. 29 іюня

войска Хмельницкаго встрѣтили подъ Збаражемъ польское войско, бывшее подъ начальствомъ Фирлея и Вишневецкаго. Поляки окопались въ лагерѣ и болѣе мѣсяца отбивались отъ осаждающихъ, козаковъ и татаръ, терпя голодъ. Въ началѣ августа Хмельницкій узналъ, что самъ король Янъ Казимиръ съ главнымъ войскомъ стоитъ подъ Зборовымъ, и, оставивъ пѣхоту держать по прежнему въ осадѣ Фирлея и Вишневецкаго подъ Збаражемъ, самъ съ конницею и съ ханомъ отправился къ Зборову; 5 августа дѣло началось сильнымъ пораженіемъ поляковъ, не ожидавшихъ нападенія; къ ночи они были окружены со всѣхъ сторонъ. Тогда канцлеръ Оссолинскій придумалъ средство спасенія—отдѣлить хана отъ Хмельницкаго. Янъ Казимиръ послалъ объявить Исламъ-Гирею свою пріязнь и напомнить о благодѣяніяхъ покойнаго короля Владислава, который нѣкогда выпустилъ Ислама изъ плѣна; ханъ отвѣчалъ, что готовъ вступить въ переговоры; Хмельницкій писалъ королю, что никогда, отъ колыбели до сѣдинъ, не замышлялъ мятежа противъ него; что не изъ гордости, но вынужденный безмѣрными бѣдствіями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовскаго, прибѣгнулъ онъ къ ногамъ великаго хана крымскаго, чтобъ при его содѣйствіи возвратить милость и благосклонность королевскую; изъявлялъ готовность уступить свою власть новому гетману, котораго незадолго передъ тѣмъ назначилъ король, объявивъ Хмельницкаго лишеннымъ булавы за мятежъ. 9 Августа заключенъ былъ договоръ: ханъ взялъ съ короля обязательство прислать въ Крымъ единовременно 200,000 злотыхъ и потомъ присылать ежегодно по 90,000, а для своего союзника Хмельницкаго выговорилъ слѣдующія условія: 1) число войска запорожскаго будетъ простираться до 40,000 человѣкъ и составленіе списковъ поручается гетману; позволяется вписывать въ козаки какъ изъ шляхетскихъ, такъ и изъ королевскихъ имѣній, начавши отъ Днѣпра, на правой сторонѣ въ Димерѣ, въ Горностайполѣ, Корыстышовѣ, Паволочѣ, Погребищѣ, Прилукѣ, Винницѣ, Браславлѣ, Ямполѣ, въ Могилевѣ, до Днѣстра, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Острѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ, даже до московскаго рубежа. 2) Чигиринъ съ округомъ долженъ всегда находиться во владѣніи гетмана запорожскаго. 3) Прощеніе козакамъ и шляхтѣ, которая соединилась съ козаками. 4) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить реестровые козаки, коронныя

войска не могутъ занимать квартиръ. 5) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться козацкіе полки, жиды не будутъ терпимы. 6) Объ уніи, о церквахъ и имѣніяхъ ихъ будетъ сдѣлано постановленіе на будущемъ сеймѣ; король позволяетъ, чтобъ Кіевскій митрополитъ засѣдалъ въ сенатѣ. 7) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ король обѣщаетъ раздавать только тамошней шляхтѣ греческой вѣры. 8) Iезуиты не могутъ находиться въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть школы русскія, которыя всѣ должны оставаться въ цѣлости. 10 августа Хмельницкій представился Яну Казимиру и, ставши на одно колѣно, произнесъ рѣчь, въ которой повторилъ, что у него и въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ короля, но что козаки возстали противъ шляхетства, которое угнетало ихъ какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ. Янъ Казимиръ далъ ему поцѣловать руку, а Литовскій подканцлеръ прочелъ ему наставленіе, чтобъ вѣрностію и радѣніемъ загладилъ свое преступленіе. На другой день войска разошлись [48].

Въ то время, когда на Украйнѣ происходила борьба, въ Москвѣ находились въ тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ іюлѣ 1649 года распорядились такимъ образомъ: Черкасъ, которые изъ литовской стороны придутъ въ Путивль на государево имя, принимать и устроивать въ службу отъ крымской стороны, а въ городахъ, которые отъ литовской стороны, быть имъ нельзя, потому что отъ этого можно поссориться съ Польшею, да и самимъ черкасамъ жить въ этихъ порубежныхъ городахъ отъ поляковъ опасно; принимать черкасъ женатыхъ и семьянистыхъ, а одинокихъ, у которыхъ племени въ выходцахъ не будетъ, не принимать, сказывать имъ, чтобъ шли на Донъ, для чего давать имъ прохожія памяти [49]. Пришла вѣсть о торжествѣ Хмельницкаго, о зборовскомъ договорѣ. Царь приказалъ путивльскимъ воеводамъ, князю Семену Прозоровскому съ товарищами, немедленно послать за рубежъ для провѣдыванія вѣрныхъ вѣстей. Воеводы отправили двоихъ путивльцевъ прямо къ Хмельницкому требовать наказанія конотопскому городовому атаману, который въ своей грамотѣ написалъ имя великаго государя не по пригожу, жаловаться на литовцевъ, захватывающихъ русскія земли. Богданъ принялъ воеводскихъ посланцевъ не очень учтиво. Прочтя грамоту, онъ сказалъ: «Не поспѣлъ я изъ обоза пріѣхать, а съ государевой сто-

роны уже начали пріѣзжать съ жалобами»; и когда посланцы пришли на другой день, то Богданъ началъ ихъ бранить: «Ѣздите вы не для расправы, для лазутчества; пусть ваши воеводы ждутъ меня къ себѣ въ гости въ Путивль скоро; иду я войною тотчасъ на московское государство; вы о дубьѣ да о пасекахъ хлопочете, а я всѣ города московскіе и Москву сломаю; кто на Москвѣ сидитъ, и тотъ отъ меня на Москвѣ не отсидится, за то, что не помогъ онъ мнѣ ратными людьми на поляковъ; я съ вами не мирился и крестъ не цѣловалъ, а который король польскій мирился и крестъ цѣловалъ, тотъ умеръ; говорю я вамъ не тайно, подлинно иду на московское государство войною. Довелось васъ казнить смертію; но я вамъ эту казнь отдаю, получше васъ королевскіе послы—и тѣхъ я казнилъ». Посланцы донесли, что во всѣхъ городахъ козаки явно толкуютъ о войнѣ на московское государство. Но самъ Богданъ отвѣчалъ письменно путивльскимъ воеводамъ, чтобъ они не сердились на конотопскаго атамана, человѣка простого и неписьменнаго; что же касается до убытковъ, сдѣланныхъ литовскими людьми русскимъ, то онъ уже послалъ приказъ заплатить за нихъ. Въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ Богданъ и брянскому воеводѣ князю Мещерскому на подобныя же жалобы: «Кто станетъ съ нашей стороны чинить неправду, такимъ своевольникамъ приказали мы головы рубить, а мы всегда со всѣмъ войскомъ нашимъ Запорожскимъ, какъ христіане съ христіанами, любви и пріязни желаемъ». Посланцамъ брянскаго воеводы гетманъ говорилъ: «Говорилъ мнѣ крымскій царь, чтобъ идти мнѣ съ нимъ заодно московское государство воевать; но я московское государство воевать не хочу, и крымскаго царя уговорилъ, чтобъ московское государство не воевать. Я великому государю готовъ служить, гдѣ ни прикажетъ. Не того мнѣ хотѣлось и не такъ было тому быть, да не хотѣлъ государь, не пожаловалъ, помощи намъ христіанамъ не далъ на враговъ, а они ляхи поганые, разныя у нихъ вѣры, и стоятъ заодно на насъ христіанъ». Говоря это, Хмельницкій заплакалъ [50]. Получивши такія различныя донесенія, государь запретилъ путивльскимъ воеводамъ сноситься съ Богданомъ и отправилъ къ нему своего посланника, Григорія Неронова, который въ октябрѣ пріѣхалъ къ Хмельницкому съ такими рѣчами: «Вѣдомо великому государю учинилось: крымскій ханъ хвалился предъ тобою, что весною хо-

четъ идти на украинскіе города московскаго государства, и ты, гетманъ, служа великому государю, хану отговорилъ: царское величество тебя за эту твою службу и радѣнье жалуетъ, милостиво похваляетъ; ты бъ впредь за православную вѣру стоялъ, царскому величеству служилъ, служба ваша въ забвеньи никогда не будетъ». Гетманъ отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ было. За обѣдомъ, какъ обыкновенно бывало, Богданъ сталъ высказывать, что у него было на сердцѣ: «Царскаго величества подданные донскіе козаки учинили мнѣ бѣду и досаду великую: какъ началась у меня съ ляхами война, то я къ донскимъ козакамъ писалъ, чтобъ они помощь мнѣ дали и на море для добычи и на крымскіе улусы войною не ходили: но донскіе козаки моего письма не послушали, на крымскіе улусы приходили; такъ я крымскому царю хочу помочь, чтобъ донскихъ козаковъ впередъ не было; донскіе козаки дѣлаютъ забывъ Бога и православную вѣру; помощи мнѣ не дали и крымскаго царя со мною ссорятъ; да и царское величество помощи мнѣ не подалъ и за христіанскую вѣру не вступился; а если царское величество меня не пожалуетъ, будетъ за донскихъ козаковъ стоять, то я вмѣстѣ съ крымскимъ царемъ буду наступать на московскія украйны.» Богданъ сильно расходился; но Нероновъ, не смутясь, отвѣчалъ ему по московскому обычаю: «Донцы ссорятся и мирятся, не спрашиваясь государя, а между ними много запорожскихъ козаковъ; тебѣ, гетману, такихъ рѣчей не только говорить, и мыслить о томъ не пригоже. Царское величество съ панами радными, по ихъ присылкѣ, не соединился на козаковъ, и въ смутное ваше время, когда въ черкасскихъ городахъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, и соли, за войною, привоза не было, государь хлѣбъ и соль въ своихъ городахъ вамъ покупать позволилъ, и все войско запорожское пожаловалъ, съ торговыхъ людей вашихъ, которые пріѣзжаютъ въ наши порубежные города съ товарами, пошлинъ брать не велѣлъ: это великаго государя къ тебѣ и войску запорожскому большая милость и безъ ратныхъ людей!» Богданъ притихъ и отвѣчалъ: «Передъ восточнымъ государемъ и свѣтиломъ русскимъ виноватъ я, слуга и холопъ его; такое слово выговорилъ съ сердца, потому что досадили мнѣ донскіе козаки, а государева милость ко мнѣ и ко всему запорожскому войску большая: въ хлѣбный недородъ насъ съ голоду не морилъ, велѣлъ

насъ въ такое злое время прокормить и многія православныя души его царскимъ жалованьемъ отъ смерти освободились; государь бы меня пожаловалъ, вину мою, что выговорилъ непригожее слово, простилъ, а эту вину стану покрывать своею службою; я на православную вѣру не посягалъ, донскимъ козакамъ мстить не буду и съ крымскимъ царемъ ихъ помирю.» Отпуская посла, Хмельницкій говорилъ: «Какъ я призывалъ крымскаго царя на помощь, то закрѣпили мы между собою душами—другъ на друга войною не приходить и другъ другу помогать; да крымскій царь мнѣ говорилъ: «Какъ намъ Богъ помощь свою дастъ и ляховъ побьемъ, то кого ты, гетманъ, надъ собою и войскомъ запорожскимъ хочешь государемъ имѣть, тому и я буду служить.» И какъ я, гетманъ, писалъ къ великому государю, чтобъ принялъ меня подъ свою высокую руку, то крымскій царь мнѣ говорилъ, что хочетъ и онъ великаго государя надъ собою государемъ имѣть и со всею ордою. Господь Богъ тому нынѣ быть еще не изволилъ, но приходитъ теперь то время, что всѣ бусурманскія и иныхъ вѣръ государства будутъ за православнымъ восточнымъ великимъ государемъ вскорѣ, только не знаю, велитъ ли Богъ мнѣ до того времени дожить или нѣтъ.» Практическій москаль выразилъ сомнѣніе: «Это дѣло нестаточное», сказалъ Нероновъ, что крымскій царь хотѣлъ имѣть надъ собою великаго государя нашего, потому что крымскій царь живетъ въ подданствѣ у турскаго царя.» Богданъ отвѣчалъ: «Крымскихъ царей прежде турскій царь перемѣнялъ часто и боялись турскаго въ Крыму, а теперь самъ турскій царь боится крымскаго царя и великаго войска запорожскаго, и никакой воли турскій царь надъ крымскимъ не имѣетъ.» Потомъ продолжалъ: «Если ляхи на правдѣ своей не устоятъ, то я имъ этого не попущу, а если Господь Богъ насъ не помилуетъ, выдастъ въ поруганье проклятымъ ляхамъ, и стоять мнѣ противъ ляховъ будетъ не въ силу, то я съ войскомъ запорожскимъ на царскую милость надеженъ, отступлю я съ войскомъ запорожскимъ отъ проклятыхъ ляховъ въ царскаго величества сторону, а въ иныя государства переходить мысли у меня нѣтъ. А если Богъ насъ помилуетъ, отъ проклятыхъ ляховъ освободитъ, то я, гетманъ, и войско иного государя, кромѣ великаго государя свѣтила русскаго, имѣть не будемъ; а я думаю, что ляхамъ на правдѣ своей не устоять и на сеймѣ договорныхъ статей

не закрѣплять и войну противъ войска запорожскаго начинать.» *Нероновъ*: «Въ вѣчномъ докончаніи о перебѣжчикахъ не написано, и послѣ вѣчнаго докончанія на обѣ стороны переходить вольно.» *Хмельницкій*: «Если Ляхи со мною договорныя статьи на сеймѣ совершатъ, то великому государю было бы вѣдомо, что, сложась съ Крымскимъ царемъ, съ Волохами, Сербами и Молдаванами, хочу промышлять надъ турскимъ царемъ; Крымскій царь, Волохи, Сербы и Молдаване и Бѣлогородскіе (Акерманскіе) князья ко мнѣ объ этомъ безпрестанно присылаютъ, и теперь у меня изготовлено на Днѣпрѣ подъ Койдакомъ 300 струговъ, да велѣлъ еще прибавить 200, а самъ пойду съ большими силами сухимъ путемъ на Бѣлгородъ, въ турской землѣ мнѣ и войску запорожскому зипунъ добыть есть гдѣ.»

Проѣзжая чрезъ малороссійскіе города, Нероновъ прислушивался къ народному говору и вотъ какія вѣсти привезъ въ Москву: всякихъ чиновъ люди говорятъ, что они отъ войны и разоренья погибаютъ, кровь льется безпрестанно, за войною хлѣба пахать и сѣна косить имъ стало некогда, помираютъ они голодною смертію и молятъ Бога, чтобъ великій государь надъ ними былъ государемъ; а иные многіе хотятъ и теперь въ государеву сторону перейти. Государство Московское хвалятъ: въ Московскомъ, говорятъ, государствѣ великій государь православной христіанской вѣры, и подданные его всѣ православные жь христіане, и войны въ Московскомъ государствѣ нѣтъ и впередъ не будетъ, потому что вѣра православная одна; а у нихъ и прежде съ Ляхами за вѣру война и разоренье бывало большое, а теперь хотя они съ Ляхами и помирятся, потому что они теперь Ляховъ осилили и Ляхи имъ теперь уступаютъ во всемъ, но потомъ Ляхи надъ ними станутъ промышлять и за нынѣшнюю войну мстить; знаютъ они подлинно, что Ляхи противъ нихъ войну начнутъ [51].

Нероновъ познакомился въ Чигиринѣ и съ писаремъ войска запорожскаго, Иваномъ Выговскимъ. Выговскій былъ шляхтичъ православной вѣры и служилъ прежде канцеляристомъ въ Кіевѣ, за растерю книгъ былъ приговоренъ къ смертной казни, освободился отъ нея заступленіемъ пановъ, послѣ чего юридическое поприще ему опротивѣло и онъ пошелъ въ военную службу. По другимъ извѣстіямъ онъ былъ писаремъ при польскомъ козацкомъ коммиссарѣ. Въ битвѣ при Желтыхъ-Водахъ Выговскій

попался въ плѣнъ къ козакамъ, но, какъ православный, не былъ убитъ, а взятъ Хмельницкимъ для письменныхъ дѣлъ. Здѣсь, какъ обыкновенно бывало, перо, несмотря на свою видимую слабость и подчиненіе, умѣло взять верхъ надъ саблей, и ловкій канцеляристъ Выговскій пріобрѣлъ большое вліяніе въ войскѣ и надъ самимъ Богданомъ, отклоняя вредныя слѣдствія его вспыльчивости за горѣлкою. Притворяясь поневолѣ козакомъ, Выговскій оставался въ душѣ шляхтичемъ, т.-е. врагомъ козачества, и не переставалъ питать привязанности къ Польшѣ, этому шляхетскому царству, раю шляхты, не упускалъ случая служить панамъ, увѣдомляя ихъ объ опасности отъ хлопства. Предвидя, что рано или поздно козакамъ не уйти отъ подданства московскаго, Выговскій былъ очень любезенъ съ послами московскими, тѣмъ болѣе, что они за эту любезность платили соболями. Нероновъ доносилъ, что онъ далъ лишніе соболи Выговскому, ибо тотъ сообщилъ ему списокъ зборовскихъ статей и про иныя дѣла разсказывалъ.

Въ Малороссіи гетманъ и народъ были далеки отъ увѣренности, что Зборовскій договоръ можетъ быть продолжителенъ; легко понять, что въ Польшѣ было еще больше неудовольствія. Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень дурно; сеймъ хотя подтвердилъ вообще Зборовскій договоръ, но духовенство рѣшительно отказалось выполнить одну изъ главныхъ статей его—дать среди себя мѣсто кіевскому православному митрополиту, и Сильвестръ Коссовъ выѣхалъ ни съ чѣмъ изъ Варшавы, куда было пріѣхалъ для засѣданія въ сенатѣ. Съ своей стороны, Хмельницкій не имѣлъ никакой возможности соблюсти въ точности договоръ, ибо для этого соблюденія долженъ былъ, ограничивъ число козаковъ, поворотить гайдамаковъ въ крестьянъ, заставить ихъ повиноваться панамъ, которыхъ они выгнали, наслѣдникамъ тѣхъ, которыхъ они замучили. Начались опять волненія хлопства; шляхта, возвратившись въ украйну, не могла жить въ своихъ владѣніяхъ и помирала съ голоду; Хмельницкій долженъ былъ свирѣпствовать противъ тѣхъ, кого недавно называлъ своими вѣрными союзниками. Но строгости не помогали; Хмельницкій, видя, что прежніе союзники могутъ сдѣлаться теперь опасными для него врагами, объявилъ, что въ реестръ принимать больше нельзя, но всякій можетъ быть охочимъ козакомъ. Онъ говорилъ Киселю, назначенному кіевскимъ воеводою;

«Поляки поддѣли меня: по ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить никакъ нельзя. Только 40,000 козаковъ! Но что мнѣ дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на поляковъ все-таки поднимутся». 20 марта 1650 года Хмельницкій писалъ королю: «Посылаю войсковые реестры и просимъ вашу королевскую милость извинить, если покажется, что, по статьямъ Зборовскаго договора, слѣдовало бы еще больше уменьшить число войска, потому что мы уже и такъ имѣли большія затрудненія при опредѣленіи числа нашего войска. Тѣ, которые, по заключеніи мира, умертвили урядниковъ-пановъ своихъ, наказаны по мѣрѣ вины. Мы и впредь, сносясь съ воеводою Кіевскимъ, будемъ стараться свято охранять покой, преграждая непокорнымъ путь ко всякимъ мятежамъ. О томъ только просимъ вашу королевскую милость, чтобъ войска коронныя не приближались и тѣмъ не причиняли тревоги въ народѣ. Еще разъ просимъ, чтобъ не было больше разъединенія въ нашей греческой религіи, и чтобъ по смерти властей уніатскихъ, владѣющихъ церквами и церковными имѣніями по привилегіямъ покойнаго короля, всѣ церкви и имѣнія отданы были нашему духовенству.» Кисель въ письмѣ къ королю хвалитъ поведеніе Хмельницкаго и старшинъ козацкихъ, но прибавляетъ: «Одна только чернь, исключенная изъ реестровъ, прибѣгаетъ къ разнымъ способамъ, чтобъ избавиться отъ подчиненности своимъ панамъ: одни продаютъ себя и, растративъ все, поступаютъ къ козакамъ погонщиками и прислужниками; другіе уходятъ за Днѣпръ со всѣмъ имѣніемъ, а нѣкоторые (и такихъ наименьшая часть) уже кланяются панамъ своимъ. Еслибъ я не видалъ такой силы и готовности къ войнѣ, какая здѣсь, еслибъ могъ видѣть расторженіе союза орды съ козаками, и еслибъ войско наше могло прійти сюда прежде вскрытія рѣкъ, то просилъ бы униженно вашу королевскую милость прибѣгнуть къ оружію, принимая во вниманіе униженіе которое мы терпимъ въ мирѣ, похожемъ на рабство; лучше попытаться начать войну, чѣмъ имѣть подданныхъ и не владѣть ими. Если нуженъ поводъ къ войнѣ, то республика всегда можетъ имѣть его, какъ только будетъ готова. Если даже они будутъ желать оставить насъ въ мирѣ, то поводомъ къ войнѣ можетъ быть то обстоятельство, что этотъ миръ не только не удовлетворяетъ насъ, обиженныхъ, но несообразенъ съ самимъ договоромъ, заключен-

нымъ съ ними. Два важнѣйшія обстоятельства, именно возстановленіе католическаго богослуженія и подданство прибыльное панамъ, не скоро могутъ придти въ свою колею, потому что они не хотятъ платить никакихъ податей, а желаютъ быть крестьянами только по имени. Признаюсь чистосердечно, что такой миръ мнѣ не по сердцу.» Не по сердцу онъ былъ и всей шляхтѣ въ шляхетскомъ государствѣ [52].

Невозможностію сохраненія мира между козаками и Польшею хотѣла воспользоваться Москва. Въ генварѣ 1650 года отправлены были въ Варшаву бояринъ Гаврила Пушкинъ, окольничій Степанъ Пушкинъ и дьякъ Гаврила Леонтьевъ. Въ отвѣтѣ съ панами радными послы прежде всего объявили требованіе, чтобъ по вѣчному докончанію были наказаны всѣ тѣ, которые неправильно писали титулъ великаго государя. Паны отвѣчали, что для кончины блаженной памяти двухъ государей, царя Михаила и короля Владислава, эти дѣла надобно оставить, потому что всегда по смерти государя прощаютъ людей, противъ него виновныхъ; при новомъ же королѣ Янѣ Казимирѣ никогда подобныхъ ошибокъ въ титулѣ не будетъ. Послы возражали, что паны говорятъ это, оставя Божій страхъ и людской стыдъ, и спросили: а что будетъ тѣмъ, которые и при королѣ Янѣ Казимирѣ будутъ неправильно писать титулъ? Паны отвѣчали, что ихъ непремѣнно будутъ казнить безъ всякой пощады; тогда послы потребовали, чтобъ паны дали о томъ на себя утвержденье крѣпкое за своими руками и печатями. Паны, доложивши объ этомъ королю, передали посламъ отвѣтъ королевскій, что виновные въ умаленіи титула будутъ позваны на будущій сеймъ и наказаны по праву польскому, а утвержденье на этотъ счетъ король дать имъ, панамъ, не позволилъ. Послы, стоя о томъ гораздо, говоря и споря пространными рѣчами, не могли добиться ничего другого, и перешли къ жалобѣ на новое оскорбленіе, злѣе прежняго: по повелѣнію короля Яна Казимира, въ первый годъ его царствованія, напечатаны въ Польшѣ многія книги и разнесены въ Московское царство и во всѣ окрестныя государства; въ этихъ книгахъ напечатано многое безчестье и укоризна отцу великаго государя, царю Михаилу Ѳеодоровичу, самому царю Алексѣю Михайловичу, боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ, чего по вѣчному докончанью и посольскимъ договорамъ не только печатать и помыслить не-

льзя, отъ Бога въ грѣхъ и отъ людей въ стыдъ. Одна книга напечатана въ Краковѣ въ 1648 году Яномъ Александромъ Горчиномъ. Напечатано въ этой книгѣ мимо всякой правды, будто Смоленскъ, который обманомъ былъ взятъ и сто лѣтъ жестокостію московскою притѣсняемъ, королевскаго величества побѣдою освобожденъ; московскаго царя и братьевъ его выи и гордую упорность король подъ ноги свои подклонилъ; потомъ Владиславъ московское государство разорилъ такъ, что до сихъ поръ не можетъ оправиться, и другія многія поносныя статьи про московское государство и про смоленскую службу напечатаны. Въ другой книгѣ, которая напечатана въ 1643 году на латинскомъ языкѣ въ Данцигѣ, около лика Владиславова противъ лѣвой руки написано: «Московія покорна учинена», потомъ напечатано, что Владиславъ союзопреступныхъ москвитянъ подъ Смоленскомъ осадилъ и въ такое отчаяніе ихъ привелъ, что жизнь и смерть всего войска въ его волѣ были, и москвитяне, трижды преклонивъ колѣна свои, милости просили. Напечатано, что москвитяне только по имени слывутъ христіанами, а дѣломъ и обычаемъ хуже варваровъ; что Михаилъ Өедоровичъ былъ возведенъ на престолъ людьми непостоянными. Въ третьей книгѣ о житіи и славныхъ побѣдахъ Владислава, напечатанной въ 1649 году, также находятся царскому величеству и московскому государству безчестья съ великою укоризною, напримѣръ: «бѣдная Москва» и другія многія хульныя слова, что и писать стыдно; Михаилъ Өедоровичъ Московскій написанъ мучителемъ, патріархъ Филаретъ Никитичъ написанъ трубачемъ. Наконецъ въ польской печатной книгѣ о Черкасской войнѣ 1649 года сказано, что венгринъ и москвитинъ изъ сосѣдей и пріятелей въ сторону скакнули: за такимъ крѣпкимъ утвержденьемъ и вѣчнымъ докончаньемъ такихъ неистовыхъ и поносныхъ словъ про великаго государя нашего и про все московское государство не только въ книгахъ печатать, и мыслить не годилось, великаго государя безчестить, москвитиномъ называть и ссоры въ людей вмѣщать, будто со стороны царскаго величества есть причины къ нарушенію вѣчнаго докончанія; на такое злое дѣло вы, паны радные, какъ дерзнули? какъ смѣли такія злыя досады и грубости износить? Да и то мы, великіе послы, вамъ, панамъ раднымъ, объявляемъ: когда черкасскій гетманъ землю королевскаго величества плѣнилъ, то присылалъ къ великому

государю бить челомъ, чтобъ принялъ его со всѣми городами подъ свою высокую руку, потому что запорожскіе черкасы православной вѣры и отъ государя вашего и отъ всей Рѣчи Посполитой за вѣру всегда въ гоненіи пребываютъ и смертно страждутъ. Но великій государь нашъ, не хотя кровопролитія и нарушенія вѣчному докончанію, многому прибытку не порадовался, гетмана Богдана Хмельницкаго подъ свою высокую руку не принялъ, ожидаетъ отъ васъ въ великихъ неправдахъ исправленья. Если же не исправитесь, то великій государь нашъ велитъ учинить въ Москвѣ соборъ, на соборѣ велитъ быть патріарху, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ и всему освященному собору, боярамъ, всему синклиту и всякихъ чиновъ людямъ, королевскія неправды на соборѣ велитъ вычесть, вычтя, пойдетъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ въ соборную церковь, куда велитъ предъ собою нести утвержденную грамоту короля Владислава во свидѣтельство нарушенія вѣчнаго докончанія съ королевской стороны, велитъ положить эту грамоту передъ образомъ Спасовымъ и Пречистой Богородицы, и, соверша молебное пѣніе о нарушителяхъ вѣчнаго докончанія, за честь отца своего, за свою собственную и за честь всего московскаго государства стоять будетъ сколько ему милосердый Богъ помощи подастъ, и во всѣ окрестныя государства христіанскія и бусурманскія о вашихъ неправдахъ велитъ отписать подлинно, и всѣ окрестные государи царскому величеству помогать будутъ людьми и денежною казною; а про которыхъ великихъ государей въ тѣхъ вашихъ книгахъ напечатано не по пригожу, тѣ за свое безчестье станутъ сообща съ нашимъ великимъ государемъ на корону польскую и великое княжество литовское. Да и въ города королевскіе и къ черкасскому гетману Богдану Хмельницкому и ко всему черкасскому войску о тѣхъ вашихъ неправдахъ великій государь велитъ отписать, и городскіе всякихъ чиновъ люди и запорожское войско сами на васъ возстанутъ. Если же король хочетъ сохранить миръ, то за такое безчестье великихъ государей пусть уступитъ тѣ города, которые отданы были царемъ Михаиломъ королю Владиславу, пусть казнитъ смертію гетмана Вишневецкаго и всякихъ чиновъ людей, которые писали, не остерегая государской чести, а за безчестье бояръ и всякихъ чиновъ людей пусть заплатятъ 500,000 золотыхъ червонныхъ.

Въ вашихъ книгахъ напечатано: «пусть Московія исподоволь возрастаетъ, чтобъ тѣмъ съ большею силою въ конецъ разрушиться»; вы дали нашимъ людямъ сроку до тѣхъ поръ, пока размножатся: и теперь ихъ родилось и подрасло много сотъ тысячъ, ратному рыцарскому строю изучены и у великаго государя безпрестанно милости просятъ, чтобъ позволилъ идти на непріятелей, которые безчестятъ великихъ государей нашихъ, а насъ называютъ худыми людьми и побирахами.

Паны, выслушавши такія грозныя рѣчи, стали въ великомъ сомнѣніи, приложили свои руки къ себѣ и говорили: «Въ вашемъ посольскомъ письмѣ написано много непригожаго дѣла и неприличныхъ рѣчей, донесемъ объ нихъ королевскому величеству». Каштелянъ гнѣзненскій, Янъ Лещинскій, сказалъ: «Про эти книги знали мы давно; только вамъ, царскаго величества посламъ, до тѣхъ книгъ дѣла нѣтъ». Послы отвѣчали: «Такъ ваша явная неправда, что, зная такія воровскія книги, тѣхъ воровъ, кто ихъ печаталъ, не велѣли казнить смертью, а книги сжечь». Послѣ долгихъ споровъ послы вышли изъ отвѣтной палаты. Въ слѣдующее засѣданье паны начали говорить: «Королевское величество и мы, паны радные, думаемъ, что вы, великіе послы, такія многія негодныя статьи написали безъ повелѣнія великаго государя своего, затѣвая ссору, потому что на посольствѣ у королевскаго величества вы говорили только о братской дружбѣ и любви, о покоѣ и тишинѣ и о всякомъ добрѣ. Король къ брату своему, великому государю вашему, хочетъ послать гонца съ объявленіемъ о вашемъ къ доброму дѣлу несходствѣ, что вы написали все къ нарушенью вѣчнаго покоя, домогаетесь того, о чемъ мы и слышать не хотимъ, требуете городовъ да денегъ, хотите честь государя своего продать».

Послы отвѣчали: «Удивляемся, что вы, паны радные, насъ, великихъ пословъ, безчестите, говорите, что мы пишемъ безъ повелѣнья государя своего; быть можетъ, вы сами такъ дѣлаете безъ повелѣнія королевскаго, потому и про насъ такъ говорите; а мы и самаго малаго дѣла безъ наказа государева дѣлать не смѣемъ». Паны: «Мы васъ ничѣмъ не безчестимъ и безчестить не хотимъ; но королевское величество очень удивился, что вы хотите нарушить вѣчное докончаніе по причинѣ малыхъ и негодныхъ статей, что напечатали глупые и неподобные люди о дав-

нихъ дѣлахъ въ государствѣ вашемъ. Король и мы книгъ печатать не заставляемъ и не запрещаемъ: который печатникъ напечатаетъ въ книгѣ хорошо, справедливо, и мы то хвалимъ; а если глупцы напечатаютъ что дурно, негодно и лживо, надъ тѣмъ мы, паны радные, смѣемся. Если же книгъ не печатать, то потомкамъ нашимъ и знать будетъ непочему. Печатники печатаютъ не только о прежнихъ дѣлахъ московскаго государства, но и другихъ окрестныхъ государствъ, точно также про Польшу и Литву. Да и въ окрестныхъ государствахъ про московское государство пишутъ, доброе хвалятъ, дурное укоряютъ; точно также о Польшѣ и Литвѣ много безчестья печатаютъ, однако король и мы за безчестье того себѣ не ставимъ. Пусть великій государь вашъ велитъ у себя печать о польскомъ королевствѣ, что угодно: мы этого въ безчестье себѣ не поставимъ и вѣчнаго докончанья за то разрывать не станемъ». Послы: «Со стороны великаго государя нашего ни въ чемъ неправды никакой не бывало, а со стороны королевскаго величества вѣчное докончаніе нарушено: титулъ умаленъ и на всѣ жалобы нѣтъ никакого удовлетворенія. Вы говорите, зло ко злу прикладывая, будто мы хотимъ государскую честь продать, что просимъ городовъ: и такихъ непристойныхъ словъ вамъ говорить негодится. Государь нашъ не хочетъ видѣть, чтобъ Польша и Литва въ конечномъ разореньи были, за безчестье отца своего и за свое хочетъ взять города, потому что эти города отданы за честь отца государева, потому за безчестье взять ихъ назадъ годится». Паны: «Въ посольскомъ договорѣ не написано, чтобъ книгъ не печатать, и что ведется на свѣтѣ, о томъ не писать: и вамъ какъ было не стыдно о томъ говорить, городовъ просить и разрывомъ вѣчнаго докончанія грозить». Послы: «Нечего намъ стыдиться, мы не перестанемъ обличать вашихъ неправдъ, и великій государь нашъ больше терпѣть ихъ не будетъ, за свою и за своего отца честь станетъ». Паны «Король никакой причины къ нарушенію мира не ищетъ: мы никакихъ книгъ печатать не приказывали и до нихъ королю и намъ дѣла нѣтъ; вы пріѣхали въ Польшу, накупили книгъ, и что въ нихъ глупые люди пьяницы ксендзы напечатали, то ставите причиною къ разрыву вѣчнаго докончанія: но вы на насъ не на сиротъ напали, будемъ съ вами биться, и васъ Богъ покараетъ, какъ покаралъ при короляхъ Сигизмундѣ и Владиславѣ». Послы:

«Ваше злохитрое умышленіе явно, отговариваться вамъ нечѣмъ. Говорите: насъ Богъ покараетъ, какъ прежде покаралъ; но ратное дѣло на одной мѣрѣ не стоитъ, бывало, что и россійскіе государи польскихъ королей одолѣвали. Теперь вы сами видите надъ собою побѣду и одолѣніе и конечное разореніе отъ худыхъ людей, отъ подданныхъ своихъ запорожскихъ Черкасъ: они государство ваше повоевали довольно, города многіе взяли и гордыя ваши *пыхи* (гордости) поломали, домы ваши облупили, начальныхъ вашихъ людей и промышленниковъ гетмановъ въ полонъ взяли, лучшее ваше кварцяное войско побили; и еслибъ за такія ваши великія неправды государь нашъ велѣлъ черкасскому войску помочь учинить, то коронѣ польской и великому княжеству литовскому быть бы въ конечномъ разореніи и запустѣніи; а грамоты Богдана Хмельницкаго и всего войска запорожскаго, въ которыхъ они просили государя принять ихъ подъ свою высокую руку, эти подлинныя грамоты за подписью Богдана Хмельницкаго и за печатью всего войска запорожскаго съ нами здѣсь.» Тутъ послы показали панамъ грамоты. Паны отвѣчали: «Слышали мы и прежде, что великій государь вашъ милосердіе свое надъ нами показалъ, вѣчнаго докончанія не нарушилъ и злодѣевъ, бунтовщиковъ, измѣнниковъ запорожскихъ козаковъ принять не велѣлъ, и за то королевское величество и мы, паны радные, царскому величеству челомъ бьемъ, также и теперь просимъ, чтобъ царское величество былъ съ королемъ нашимъ въ братской дружбѣ на вѣки неподвижно». Послы: «Королевское величество въ братствѣ быть хочетъ, а злодѣевъ, крестопреступниковъ, которые царскіе титулы писали съ измѣненіемъ и укоризною, до сихъ поръ казнить не велѣлъ; а теперь по повелѣнію королевскому печатано въ книгахъ всякое безчестье». Паны: «Книги напечатаны безъ повелѣнья королевскаго». Послы показывали книги, гдѣ было прямо сказано, что напечатаны онѣ по указу королевскому; паны отвѣчали, что книги напечатаны по привилегіи, а не съ позволенія королевскаго, и что безчестья въ книгахъ нѣтъ, а напечатано только то, что было; Филаретъ Никитичъ названъ не трубачемъ, а огласителемъ. «Мы тому очень дивимся», прибавили паны: «что вы сами и никто въ Московскомъ государствѣ по польски и по-латыни не учится, а кто-нибудь вамъ укажетъ на ссору, и вы вѣрите». Послы: Сами вы говорите неученую и неучтивую

рѣчь: мы польскихъ и латинскихъ письмъ себѣ въ диковину не ставимъ, учиться имъ и перенимать у васъ никакого ученья не хотимъ, по милости Божіей держимъ преданный намъ Славянскій языкъ твердо и нерушимо, догматы божественнаго писанія знаемъ, государскіе чины и посольскіе обычаи твердо разумѣемъ и указъ великаго государя своего помнимъ, и съ нашей стороны никакого безчестья королевскому величеству не было. А вы, паны радные, сами себя выхваляете и называетесь учеными людьми, а въ пятнадцать лѣтъ не можете научиться какъ именовать и описывать великихъ государей нашихъ, и намъ кажется, что вы ученые насъ ненавычныхъ стали глупѣе». Паны окончили разговоръ тѣмъ, что виновнымъ въ прописке титула будетъ судъ и каранье на сеймѣ, о книгахъ же король пишетъ особо къ царскому величеству.

Послѣ этого разговора велѣно было на посольскомъ дворѣ одни ворота забить, у другихъ поставить гайдуковъ, запрещено было всѣмъ полякамъ ходить на посольскій дворъ и покупать тамъ товары. Послы жаловались; имъ отвѣчали, что это сдѣлано на праздникъ Благовѣщенья, когда никто торговать не можетъ. Послы отвѣчали, что они въ этомъ видятъ угрозу, хотятъ тѣснотою заставить ихъ сдаться на волю королевскую; но этимъ только зло ко злу прилагается. Тогда имъ сказали прямо: «У васъ съ панами радными согласія никакого нѣтъ; если же между государствами война, то деньги, на которыя покупаются у насъ и у купцовъ вашихъ собольи шубы, годятся на жалованье войску».

На новомъ съѣздѣ паны уступали, что и сочинители книгъ будутъ позваны на сеймъ къ суду, хотя бы этого дѣлать и не довелось; послы настаивали на своемъ; тогда литовскій канцлеръ Албрехтъ Радзивилъ сказалъ имъ съ сердцемъ: «Вы говорите, чтобъ за бредни, напечатанныя въ книгахъ, король отдалъ вамъ Смоленскъ и другіе города: но это дѣло несбыточное, добыты они кровью, кровью только можно ихъ и назадъ взять; если теперь за такіе пустяки дать вамъ столько городовъ и денегъ, то послѣ захотите вы и Варшаву взять; впередъ мы объ этихъ книгахъ съ вами и говорить не будемъ». Потомъ паны перемѣнили рѣшеніе и объявили, что дѣло о книгахъ должно быть совершенно оставлено: «Если всякую книгу ставить въ дѣло», говорили они: «то этому и конца небудетъ; если за все, что напечатано и написано, смертью каз-

нить, то это значитъ всѣмъ государствомъ замутить и безпрестанно кровь проливать, а къ концу дѣло не привести; и у вашего государя печатаютъ про нашу вѣру съ укоризною; а впередъ, хоть бы и не довелось въ такое дѣло вступаться, однако королевское величество велитъ учинить заказъ крѣпкій, чтобъ никто такихъ книгъ не печаталъ». Тогда послы, видя упорство пановъ радъ, по многимъ спорамъ и разговорамъ, сказали, что о казни этихъ людей, которые печатали книги, больше говорить не будутъ, а полагаютъ дѣло на волю царскаго величества; если великій государь простить этихъ людей не изволитъ, то велитъ говорить объ этомъ будущимъ своимъ посламъ или посланникамъ; но при этомъ послы требовали, чтобъ книги были собраны и сожжены при нихъ въ Варшавѣ и чтобъ впередъ такихъ книгъ не печаталось. Король не согласился на сожженіе книгъ; послы потребовали отпуска; тогда король велѣлъ предложить имъ, что истребятъ книги тайно, явно же на рынкѣ сжечь ихъ нельзя, потому что отъ этого будетъ позоръ Польшѣ отъ всѣхъ окрестныхъ государствъ. Послы настаивали на своемъ; паны просили отложить дѣло до сейма: послы и на это не согласились. Тогда паны предложили, что изъ книгъ будутъ выдраны тѣ листы, которые содержатъ въ себѣ укоризны на московскихъ государей, и сожгутся публично. Послы согласились; листы были выдраны немедленно и отправлены на рынокъ для сожженія, при которомъ присутствовалъ отъ пословъ дворянинъ Фустовъ съ подъячимъ и переводчикомъ. Послѣ сожженія листовъ было вытрублено, чтобъ никто этихъ книгъ, изъ которыхъ выдраны листы, у себя въ домахъ не держалъ, а приносили бы ихъ всѣ къ тому чиновнику, котораго назначитъ король; о томъ же разосланы были указы по областямъ. Фустовъ донесъ посламъ, что когда листы жгли, то въ народѣ говорили: лучше бы король съ московскимъ государствомъ миръ разорвалъ или города уступилъ, чѣмъ такое великое безчестье положено на корону польскую и великое княжество литовское: описаніе славныхъ дѣлъ королей Сигизмунда и Владислава на рынкѣ сожжено! Получивши это удовлетвореніе, послы вытребовали внесенія въ договоръ статьи, что въ Зборовскомъ договорѣ съ ханомъ не постановлено ничего противнаго братской любви съ московскимъ государемъ; вытребовали, наконецъ, чтобъ король послалъ своего дворянина, вмѣстѣ съ цар-

скимъ дворяниномъ, въ войско запорожское для поимки самозванца Тимошки Акундинова, который изъ Турціи черезъ Венецію пробрался въ Малороссію и былъ тамъ принятъ гетманомъ Хмельницкимъ [53].

Въ Москвѣ провѣдали, что Акундиновъ живетъ въ Лубнахъ, въ Преображенскомъ Мгарскомъ монастырѣ, и вотъ отправились къ нему путивльцы торговые люди: Маркъ Антоновъ и Борисъ Салтановъ. Они говорили ему, чтобъ ѣхалъ въ Путивль, а государь его своимъ жалованьемъ пожалуетъ. Акундиновъ отвѣчалъ, что вѣрить ему однимъ словеснымъ рѣчамъ нельзя; онъ говорилъ, что ни царемъ, ни царевичемъ не называется, только онъ внукъ царя Василія Ивановича Шуйскаго; говорилъ, что когда онъ былъ въ турецкой землѣ, то государевы послы, Степанъ Телепневъ и дьякъ Алферій Кузовлевъ его уличали и обезчестили, и по ихъ рѣчамъ его засадили въ Царѣградѣ, и сидѣлъ онъ въ желѣзахъ три года; но въ то время, какъ турки султана и визиря убили, онъ освободился и былъ въ разныхъ государствахъ. Акундиновъ сказалъ себѣ 32 года, утверждалъ, что многіе люди его на Вологдѣ знаютъ; что былъ онъ на государевой службѣ въ Перми, куда царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ 1642 году прислалъ ему грамоту о своемъ государевомъ дѣлѣ; что въ этой грамотѣ онъ названъ намѣстникомъ пермскимъ, и грамоту эту онъ показывалъ Марку и Борису. Потомъ говорилъ, что въ Перми взяли его на бою въ плѣнъ татары; что многіе государи звали его къ себѣ, но онъ не хочетъ отстать отъ православной вѣры и хочетъ служить царю Алексѣю Михайловичу.

О томъ же Тимошка писалъ изъ Чигирина и къ путивльскому воеводѣ, боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому: «князь Семенъ Васильевичъ государь! Не тайно тебѣ о разореньи московскомъ, о побоищахъ междоусобныхъ, о искорененьи царей и царскаго ихъ рода и о всякой злобѣ лѣтъ прошлыхъ, въ которыхъ воистину плачъ Іереміинъ о Іерусалимѣ исполнился надъ царствомъ московскимъ, и великородные тогда княжата скитались по разнымъ городамъ, какъ заблудшіе козлята, между которыми и родители мои незнатны и незнаемы въ разоренье московское, отъ страха недруговъ своихъ, невольниками были и со мною невинно страдали и терпѣли, а сущимъ своимъ прозвищемъ, Шуйскими, не вездѣ называться смѣли. Объ этомъ житьѣ бытьѣ на-

шемъ многословить не могу, только несчастью своему и бѣдамъ настоящее время послухомъ ставлю, которое время привело меня къ тому, что я теперь въ чужой землѣ въ незнаемости окованъ сиротствомъ и безъ желѣзъ чуть дышу, и жалостную, плачевную грамотку къ тебѣ, государю своему, пишу: прими милосердно и знай про меня, что я, обходивши неволею и окруживши турскія, римскія, италіанскія, германскія, нѣмецкія и иныя многія царства, наконецъ и польское королевство, не желая никому на свѣтѣ поклониться, кланяюсь и покоряюсь только ясносіяющему царю Алексѣю Михайловичу, государю вашему и моему, къ которому я хочу идти съ правдою и вѣрою безъ боязни, потому что праведныя царскія свидѣтельства и грамоты, что при себѣ ношу, и природа моя княжеская неволею и нищетою вездѣ свѣтится, чести и имени гласовитаго своего рода не умаляетъ, но и въ далекихъ земляхъ звонитъ и какъ вода размножается. Все это дѣлается на счастье и прибыль отечеству моему и народу христоименитому, на убытокъ и безчестье государевымъ недругамъ, на славу великую великаго государя, котораго есть за мною великое царственнѣйшее дѣло и слово и тайна; для этого я въ Чигиринѣ никому не сказываюся, кто я, во всемъ отъ чужихъ людей сердечную свою клѣть замыкаю, а ключъ въ руки тебѣ отдаю. Пожалуй не погордись, пришли ко мнѣ скрытно вѣрнаго человѣка, кто бы умѣлъ со мною говорить, и то царственное слово и дѣло тайно тебѣ сказать подлинно и совершенно, чтобъ ты самъ меня позналъ, какой я человѣкъ, добръ или золъ: а покушавши мои овощи и познавши царственное великое тайное слово, будешь писать къ государю въ Москву, если захочешь, а ключи сердца моего къ себѣ въ руки возьмешь, съ чѣмъ я тебѣ, пріятелю своему, добровольно отдаюсь. Знаю я московскій обычай, станешь писать въ Москву объ указѣ теперь прежде дѣла, и пойдетъ на протяжку въ долгій ящикъ; но я ждать не буду, потому что дѣлаю это ни для богатства, ни для убожества, но пока плачевнаго живота станетъ, орелъ летать не перестанетъ, все надъ гнѣздомъ будетъ убиваться».

По этому письму князь Прозоровскій прислалъ съ подъячимъ Мосолитиновымъ грамоту Акундинову: «Тебѣ бы ѣхать ко мнѣ въ Путивль тотчасъ безо всякаго опасенья; а великій государь тебя пожаловалъ, велѣлъ принять и въ Москву отпустить». Акундиновъ,

прочтя письмо, сказалъ: «Радъ я къ великому государю въ Москву ѣхать», и велѣлъ подъячему побыть у себя три дня. 31 Августа онъ исповѣдовался и пріобщился, и, призвавши къ себѣ Мосолитинова, сталъ говорить ему: «Пріѣхалъ ты по государеву указу? не съ замысломъ ли какимъ-нибудь? нѣтъ ли у тебя подводныхъ людей? не будетъ ли мнѣ отъ тебя какого убійства?» Подъячій клялся и божился, что присланъ по государеву указу и никакого дурна ему не учинится. Акундиновъ продолжалъ: «Въ прошлыхъ годахъ посылали мы въ Волошскую землю въ монастырь построенія царя Ивана Васильевича для своего дѣла человѣка своего; но когда онъ пріѣхалъ къ Волошскому владѣтелю Василью, то этотъ велѣлъ ему назваться царемъ Дмитріемъ, короновалъ его и послалъ къ Турскому султану въ Царьградъ. Былъ въ это время въ Волошской землѣ государевъ посолъ Богданъ Дубровскій, довѣдался онъ про этого самозванца и написалъ государю въ Москву. Государь прислалъ указъ принять его честно; и тотъ нашъ человѣкъ, обрадовавшись, что его называютъ честнымъ человѣкомъ, поѣхалъ съ Дубровскимъ въ Москву; но Дубровскій, выѣхавши въ степи, велѣлъ его зарѣзать, ободралъ съ него кожу, отсѣкъ голову и привезъ въ Москву: и ты не съ тѣмъ ли ко мнѣ пріѣхалъ? Я не запираюсь, что былъ въ подъячихъ: на комъ худоба не живетъ! въ московское разоренье и всѣ князья, что овцы, по разнымъ государствамъ разбрелись; только называютъ меня подъячимъ, а я не подъячій, истинный князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій». Въ тотъ же день Акундиновъ позвалъ подъячаго съ провожатыми къ себѣ обѣдать, за обѣдомъ за государское здоровье чашу пилъ и говорилъ такое слово: «Съ мудрыми я мудрый, съ князьями князь, съ простыми простой, а съ измѣнниками государевыми и съ моими недругами разсудитъ меня сабля», послѣ чего объявилъ, что ѣхать раздумалъ и подъячаго своего Костку Евдокимова Конюхова не пошлетъ, потому что въ Москвѣ станутъ его пытать: «Присылаютъ ко мнѣ будто къ простому человѣку; добро бы прислали ко мнѣ московскаго человѣка, да съ Вологды пять человѣкъ, да изъ Перми пять же человѣкъ: тѣ меня знаютъ, кто я и каковъ? Если государь меня пожаловалъ, то прислалъ бы ко мнѣ свою государеву грамоту имянно, что пожаловалъ князь Ивана Шуйскаго, велѣлъ ѣхать въ Москву безъ всякаго сомнѣнья; а то меня обманываютъ, не считайте меня за подъячаго: я истинный

князь Иванъ Шуйскій». При отцѣ духовномъ Акундиновъ объявилъ подъячему свое имя: Тимоѳей имянинникъ 10 Іюня.

Мы видѣли, что въ Варшавѣ условлено было царскому послу Пушкину отправить въ Малороссію своего дворянина, а королю своего, для поимки Акундинова. Дѣйствительно, царскій дворянинъ Протасьевъ и королевскій Ермоличъ поѣхали въ Кіевъ, гдѣ взявши грамоты отъ Киселя и митрополита, отправились къ Хмельницкому, котораго нашли въ Ямполѣ. 18 Сентября имѣли они свиданіе съ гетманомъ, который сказалъ имъ: «У меня такой человѣкъ, который называется княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, а царю Василью сказывается внукъ, въ Чигиринѣ былъ и жилъ долгое время, недѣль съ десять и больше, и, живучи въ Чигиринѣ, мнѣ сказывалъ, будто государь вашъ хотѣлъ его казнить смертью невѣдомо за что, и онъ, боясь смертной казни, изъ Московскаго государства ушелъ, а мать его и родъ Шуйскихъ всѣ сосланы въ Сибирь, и въ Сибири родственники его казнены смертью, только мать осталась жива; а онъ, бѣгаючи, былъ во многихъ государствахъ, въ Польшѣ, въ Римѣ, въ Австріи, Венгріи, Молдавіи, Валахіи, Турціи, и изъ Турціи пришелъ ко мнѣ, гетману, въ Чигиринъ, и показывалъ мнѣ всѣхъ этихъ государствъ прохожіе листы, и говорилъ мнѣ, что хочетъ идти въ Московское государство, только, не списавшись съ государемъ, не смѣетъ, боится смертной казни; просилъ меня, чтобъ я далъ ему прохожій листъ, и я ему прохожій листъ далъ до границъ Московскаго государства, велѣлъ ему давать кормъ и подводы, и онъ, уѣхавъ изъ Чигирина, остановился въ Лубнахъ въ Спасскомъ монастырѣ, и какъ я пошелъ изъ Чигирина Молдавскую землю воевать, съ тѣхъ поръ не знаю, живетъ ли тотъ воръ въ Лубнахъ или нѣтъ. По его рѣчамъ, думаю, что онъ пошелъ къ московской границѣ, и мнѣ сыскивать его негдѣ, да и такой у насъ обычай въ Запорожскомъ войскѣ: какой бы воръ ни прибѣжалъ, хотя бы великое зло въ своемъ государствѣ сдѣлавши, принимаютъ и никому не выдаютъ». Протасьевъ возразилъ: «Еслибы этотъ воръ въ царское имя не влыгался, то царскому величеству до него и дѣла бы не было; много и знатныхъ людей, измѣняя, изъ Московскаго государства бѣгаютъ, но такъ какъ они называются своимъ настоящимъ именемъ, то живутъ себѣ спокойно въ Польшѣ, великому государю до нихъ дѣла нѣтъ; но съ Тимошкою другое дѣло

и ты бы, гетманъ, свое радѣнье великому государю показалъ, вора сыскивалъ, за такую службу и радѣнье жалованье великаго государя будетъ къ тебѣ большое, и теперь великіе послы, бояринъ Пушкинъ съ товарищами, прислали тебѣ соболей. Богданъ отвѣчалъ: «Я и войско Запорожское великому государю всякаго добра хотимъ, но сыскивать вора мнѣ теперь никакъ нельзя, потому что самъ не знаю, гдѣ онъ; поѣду въ Браславль и разспрошу объ немъ инымъ временемъ.» Въ Браславлѣ гетманъ позвалъ Протасьева и Ермолича обѣдать и за обѣдомъ началъ разсказывать: «Былъ я въ молдавской землѣ, молдавскую землю воевалъ и стоялъ подъ Яссами, хотѣлъ взять самого молдавскаго господаря, и господарь прислалъ ко мнѣ пословъ своихъ добивать челомъ, просить покою, и дарилъ меня дочерью своею за моего сына, и прислалъ ко мнѣ листъ за своею рукою и печатью, пишетъ подъ присягою, что дочь свою за моего сына выдастъ». Велѣлъ принести лист и прочелъ его Протасьеву. Послѣ этого Ермоличъ началъ пить чашу за государево и королевское здоровье и сказалъ: «Теперь великіе государи учинились въ братской дружбѣ и любви и договоръ учинили — имѣть однихъ друзей и враговъ.» Хмельницкій отвѣчалъ съ сердцемъ: «Этими словами ты меня не испугаешь; и если король Зборовскій договоръ нарушать будетъ, и хотя мало чего по договору не учинитъ, то я со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ королю буду первый непріятель, буду наступать и воевать его землю попрежнему; а великій государь королю за его неправды помогать не будетъ; знаю я подлинно, что у короля ратныхъ людей мало, и стоять королю противъ меня не съ кѣмъ, потому что всѣ лучшіе польскіе ратные люди козаками и татарами побиты, а иные въ полонъ взяты; а если и государь, не жалѣя православной христіанской вѣры, королевской неправдѣ помогать будетъ; то я отдамся въ подданство турскому царю, и съ турками и крымцами буду приходить войною на Московское государство.» Протасьевъ сказалъ на это: «Осердясь на королевскаго дворянина, ты, гетманъ, хвалишься на Московское государство войною; но такія самохвальныя и непристойныя слова намъ не страшны; да и то надобно тебѣ знать и помнить, что великій государь нашъ для православной вѣры тебя жалуетъ.» Гетманъ отвѣчалъ ему тихонько: «Говорилъ я эти похвальныя слова нарочно, чтобъ королевскій дворянинъ не зналъ

о моей службѣ и радѣньѣ великому государю; а Ляхи мнѣ больші непріятели, говорить и жить съ этими Ляхами всею правдою никакъ нельзя. Я давно хотѣлъ быть подъ государскою высокою рукою, поддаться ему со всѣмъ войскомъ и городами, да великій государь вашъ принять меня не изволилъ и этимъ меня оскорбилъ; но я и за эту государскую немилость никакого дурна не чинилъ, а еще больше прежняго правду свою показалъ: которое теперь разоренье и война сдѣлались въ молдавской землѣ, той было войнѣ быть въ московскомъ государствѣ; присылалъ ко мнѣ крымскій царь, чтобъ шелъ я на Московское государство, писалъ съ грозами, что если не пойду, то дружбу разорветъ; а я, служа великому государю и проча себѣ его государскую милость впередъ, крымскаго царя уговорилъ и московское государство уберегъ, а мѣсто его ходилъ съ крымскимъ царемъ на Молдаванъ». О другихъ дѣлахъ Протасьевъ съ гетманомъ за обѣдомъ не могъ говорить, потому что гетманъ былъ пьянъ, да и постороннихъ людей было много. На дорогѣ въ Чигиринъ, подъ Савостьяновкою на стану, опять за обѣдомъ Богданъ говорилъ: «король и паны великому государю солгутъ, знатныхъ людей за прописки въ титулѣ карать смертью не будутъ, и худаго шляхтича ни за какое дѣло никому не выдадутъ. Мнѣ король и Рѣчь Посполитая обѣщали подъ Зборовымъ выдать Чаплинскаго, и не выдали, и всякими мѣрами его укрываютъ». Послѣ обѣда гетманъ объявилъ Протасьеву, что посылаетъ въ Лубны универсалъ, чтобъ тамошнія власти, сыскавши Тимошку, выдали его ему, Протасьеву; если же воръ скроется, то онъ, гетманъ, сыскавъ его, пришлетъ къ великому государю. Но въ Лубнахъ Протасьевъ Тимошку не нашелъ, и дали ему знать, что воръ уѣхалъ въ Кіевъ, а оттуда въ Чигиринъ [55]. Сюда отправленъ былъ изъ Москвы посланникъ Василій Унковскій, который, пріѣхавши въ Чигиринъ, получилъ отъ Акундинова слѣдующее письмо: «Василій Яковлевичъ государь! Всемогущая Божія сила въ моей слабости такую крѣпость учинила, что, изъ смрадной челюсти турской меня освободивши, принудила, чтобъ шелъ къ Москвѣ и покорился добровольно холопски его царскому величеству государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Руси самодержцу, о чемъ я писалъ къ нему, государю, въ посольскій приказъ дважды, и указъ мнѣ былъ присланъ съ подъячимъ Тимоѳеемъ Мосолитиновымъ

отъ государя. Но зависть вражія отъ Петра Протасьева сталась и возбранила мнѣ дорогу къ государю въ Москву, потому что онъ тайно совѣщался съ богатыми, какъ бы изловить и убить неповиннаго. Несмотря на то, выполняя завѣтъ мой, я готовъ ѣхать къ государю въ Москву хотя и на вольную страсть, ничего не опасаясь по правдѣ моей и невинности, готовъ показать ясно, что хотя и въ подъячихъ тамъ былъ, однако благородія Шуйскихъ княжатъ не лишенъ. Обѣщаюсь словомъ моимъ крѣпкимъ и постояннымъ ѣхать къ государю въ Москву, если ты пожалуешь, захочешь со мною увидѣться и поговорить дружескимъ обычаемъ, что воистину будетъ на пользу государеву дѣлу и на прибыль, а тебѣ на честь и на славу, потому что познаешь какой цѣны мои камни; не найдется темности въ моей свѣтлости. Пожалуй же, Василій Яковлевичъ, отпиши ко мнѣ—учинишь ли такъ или не учинишь? и если захочешь учинить, то прошу, чтобъ увидѣться, пока его милость панъ гетманъ не пріѣхалъ, чтобъ намъ самимъ другъ съ другомъ разсудиться, не ходя на судъ; лучше будетъ, положившись на Бога, учинить по Богу, которому учинилъ я обѣтъ, что въ Москву ѣхать желаю. Тотъ меня избавилъ и избавляетъ, уповаю, что и еще избавитъ отъ враговъ моихъ».

Унковскій назначилъ свиданіе въ церкви. Здѣсь Акундиновъ говорилъ ему: «Я былъ на Вологдѣ посаженъ въ съѣзжей избѣ въ пищикахъ девятнадцати лѣтъ, въ то время, какъ былъ на Вологдѣ бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, ходившій за козаками; тутъ я нашелъ въ съѣзжей избѣ о родителяхъ моихъ государеву грамоту, кто были мои родители; а грамотѣ меня отдавалъ учить Иванъ Патрикѣевъ и былъ до меня для моей бѣдности добръ, а того я не знаю, какого я роду; если меня называютъ царя Василья Ивановича сыномъ, то я самъ не называюсь, здѣсь меня такъ зовутъ, да и русскіе люди меня такъ называютъ; они меня такъ и прозвали, я тебѣ скажу кто именно; а я не царя Василья сынъ, дочери его сынъ; дочь его въ разоренье взяли козаки, а послѣ козаковъ за отцомъ моимъ была». Унковскій отвѣчалъ: «Все это неправда: у царя Василья дѣтей не было; мы знаемъ, какъ отца твоего и мать звали и каковъ человѣкъ отецъ твой и мать были». *Акундиновъ*: «Былъ отецъ мой при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ намѣстникомъ въ Перми». *Унковскій*: «При царѣ

Михаилѣ никто нигдѣ въ намѣстникахъ не бывалъ; ты всѣ эти напрасныя рѣчи оставь, дай мнѣ прямое слово безъ всякой хитрости, поѣзжай со мною къ великому государю и вину свою принеси, а государь вину твою велитъ отдать». Акундиновъ перекрестился, смотря на образъ и далъ руку Унковскому, что идетъ съ нимъ къ царскому величеству. Но потомъ, постоявъ долго, заговорилъ прежнее: «Какъ мнѣ отечество свое покинуть? послѣ отца моего и духовная есть; если ты при гетманѣ станешь называть меня воромъ и поносить, то услышишь, сколько отъ меня будетъ рѣчей, и отъ гетмана добра себѣ не чайте. Не смѣю ѣхать, если не цѣлуете креста, что меня до Москвы не уморите и на Москвѣ меня не казнятъ и дурного мнѣ ничего не будетъ». Унковскій не согласился цѣловать крестъ: онъ сталъ многими людьми промышлять и давать большія деньги, чтобъ Акундинова кто-нибудь убилъ или какою отравою окормилъ; но никто сдѣлать этого не захотѣлъ, боясь гетмана; а самимъ никакъ нельзя было его убить: жилъ очень бережно, прикормлено было у него козаковъ много, и гетманъ былъ къ нему добръ.

Хмельницкій пріѣхалъ наконецъ изъ своего Суботова въ Чигиринъ и Унковскій обратился къ нему: «Не хотѣлъ ты Тимошку отдать Протасьеву: такъ теперь прямую свою службу государю поверши, вели вора отдать мнѣ». Хмельницкій отвѣчалъ: «Здѣсь козаки и вольность: всякому человѣку вольно къ намъ пріѣхать отовсюду и жить безпенно; отдать мнѣ его безъ войсковаго вѣдома нельзя. Этотъ мужикъ у насъ не называется сыномъ царя Василья, мы про то у него не слыхали». *Унковскій*: «Въ грамотѣ, которую ты прислалъ на Донъ, а съ Дону козаки прислали къ государю, писалъ онъ, воръ, своею рукою, называлъ себя сыномъ царя Василья Ивановича; и ты, гетманъ, самъ писалъ въ Путивль къ князю Семену Васильевичу Прозоровскому, и въ своей грамотѣ назвалъ этого вора шуйскимъ княземъ». *Богданъ*: «Мужикъ впередъ такъ называться не будетъ; а если услышимъ, что называется не только сыномъ царя Василья, хотя даже простымъ княземъ, сейчасъ велю казнить; а отдать мнѣ его нельзя: кто въ которую землю ни пріѣдетъ, тѣхъ людей не выдаютъ; а къ царскому величеству я самъ хотѣлъ бѣжать отъ непріятелей своихъ, отъ ляховъ, и государь бы меня королю не отдалъ; и еслибъ онъ меня отдалъ и меня казнили, то ему государю былъ бы грѣхъ».

Унковскій: «Ты бы, гетманъ, къ царскому величеству служить пріѣхалъ, ты властный человѣкъ и ни въ чье имя не влыгаешься; а этотъ воръ не въ пристойное имя влыгается, такихъ воровъ во всѣхъ государствахъ выдаютъ: король польскій выдалъ Лубу, господарь Волошскій выдалъ посланнику Дубровскому другого самозванца». *Богданъ*: «Знаю я одно, что мнѣ отъ войска даромъ не пробыть, а знаешь самъ: съ черню кто сговоритъ, когда встанутъ, отъ нихъ мнѣ только и рѣчей будетъ: кто тебѣ велѣлъ отдавать изъ войска людей вольныхъ въ неволю? у насъ здѣсь то же, что на Дону: кто откуда ни пріѣдетъ—выдачи нѣтъ. Только я, уповая на Бога и помня царскую милость, вора Тимошку къ государю пришлю съ своими посланцами; созову всѣхъ полковниковъ и старшихъ, и, договорясь съ ними, пришлю подлинно». Это говорилъ Богданъ съ великою божбою.

Покончивши объ Акундиновѣ, стали говорить о другихъ государевыхъ дѣлахъ. Богданъ клялся, что никакого зла московскому государству не мыслитъ; хвалилъ милость королевскую, но жаловался на обиды отъ пановъ: «У меня маетность старую неправдою отнялъ Конецпольскій и отдалъ своему приближенному, Чаплинскому; я королю и Рѣчи Посполитой билъ челомъ, но мнѣ не возвратили маетности; отдавъ дѣтей въ добрые люди, пошелъ я въ Запороги, и всего насъ въ сборѣ войска было 250 человѣкъ, какъ послалъ на насъ Потоцкій сына своего и коммиссара; только бы я не соединился съ царемъ крымскимъ и не перешло ко мнѣ отъ Потоцкаго нашихъ реестровыхъ козаковъ шесть тысячъ, то что̀ бы намъ было дѣлать»? Унковскій спрашивалъ у гетмана, какъ онъ помирился съ поляками? зачѣмъ отправилъ пословъ къ королю? какъ онъ съ Крымомъ? зачѣмъ у него были разные послы? и потомъ провѣдывалъ у писарей и у другихъ знатныхъ людей, у Ивана Искренки да у Семена Плотавскаго, тайно, такъ ли его гетманская правда, какъ онъ сказывалъ ему; и они говорили тѣ же рѣчи, что и гетманъ.

Болѣе всего безпокоили Москву сношенія гетмана съ Крымомъ. До Хмельницкаго запорожскіе и донскіе козаки составляли почти одно общество: Запорожцы жили на Дону, Донцы на Запорожьѣ; Запорожцевъ на Дону насчитывали иногда съ 1000 человѣкъ. Донцовъ въ Запорожьѣ до 500; Запорожцы жили на Дону лѣтъ по пяти, по шести, по осьмнадцати. Но мы видѣли,

что тѣсный союзъ Хмельницкаго съ ханомъ грозилъ было порвать эти братскія отношенія. Съ Дону въ Москву дали знать, что лѣтомъ 1650 года приходили на Донъ сынъ Богдана Хмельницкаго да наказной атаманъ Демка, а съ ними запорожцевъ тысячъ съ 5 или 6, стояли они двѣ недѣли на Міюсѣ, отъ Черкасскаго городка за днище, дожидались крымскихъ татаръ, чтобъ вмѣстѣ идти на донскихъ козаковъ. Донцы послали имъ сказать: «Мы съ вами люди одной православной вѣры, и вамъ, сложась съ бусурманами, на насъ, православныхъ христіанъ, войною приходить не годится; прежде вы съ нами всегда бывали въ дружбѣ и въ ссылкѣ и зипуны добывали сообща, и когда у государя съ польскимъ королемъ была ссора и война, то вы и тогда были съ нами въ мирѣ». Запорожскіе черкасы отвѣчали: «Пришли мы на Донъ по письму крымскаго царя, идти намъ сообща на горскихъ черкасъ, а не на васъ; а еслибы крымскій царь велѣлъ намъ идти не только на васъ, но и на государевы города, то мы пойдемъ, потому что у насъ съ нимъ договоръ—другъ другу помогать, и когда у насъ была съ поляками война, то крымскій царь со всею ордою намъ помогалъ». Но пришла грамота отъ хана, въ которой онъ приказывалъ козакамъ возвратиться назадъ, потому что степь вся выгорѣла, и ему, за конскою безкормицею, идти нельзя [56].

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобъ заставить Хмельницкаго хитрить со всѣми, давать всѣмъ обѣщанія, не становя ни съ кѣмъ ничего рѣшительнаго, выжидать, обращать все вниманіе на сцѣпленіе случайностей, и, глядя тревожно на всѣ стороны, пробираться между препятствіями, которыя судьба громоздила на его дорогѣ. Хмельницкій зналъ, что Зборовскій миръ ненадеженъ; не вѣрилъ хану, у котораго, какъ атамана разбойничьей шайки, не могло быть ни съ кѣмъ постоянныхъ союзовъ и постоянной вражды: не имѣя возможности послѣ Зборовскаго мира опустошать польскія владѣнія, онъ звалъ короля и Хмельницкаго на московскія украйны; но Богданъ, въ угоду варвару, не думалъ разрывать съ Москвою, на которую народный инстинктъ указывалъ какъ на единственное прибѣжище, и раздражать которую было бы безрасудно, ибо ничѣмъ другимъ Хмельницкій не могъ такъ угодить Польшѣ, какъ поссорившись съ Москвою. Но Москва не могла дѣйствовать рѣшительно, Москва

также выжидала. Москва привыкла къ подобному положенію и къ подобному поведенію, потому что, какъ начала себя помнить, слабая, окруженная всевозможными препятствіями, должна была пробивать себѣ дорогу къ силѣ и величію осторожностію, выжиданіями, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Войны съ Баторіемъ, Сигизмундомъ III и Владиславомъ, конечно, не могли заставить московскаго государя измѣнить осторожной политикѣ своихъ предшественниковъ. Хмельницкому естественно было, впрочемъ, сердиться на Москву за эту осторожность. медленность, нерѣшительность и, при случаѣ, срывать сердце, потому что эта нерѣшительность ставила его самого въ нерѣшительное положеніе, заставляя обращаться къ Турціи, которая, въ случаѣ крайности, могла быть временнымъ прибѣжищемъ. Крайности этой еще не было, а потому и въ сношеніяхъ съ султаномъ Хмельницкій избѣгалъ чего-либо рѣшительнаго.

Съ своей стороны, Польша хлопотала о томъ, чтобъ поссорить Москву съ Хмельницкимъ; но это не удалось. Въ концѣ 1650 года пріѣхалъ въ Москву королевскій посланникъ Албрехтъ Пражмовскій и объявилъ, что Богданъ Хмельницкій съ бунтовщиками своевольными людьми, разлакомясь кровью христіанскою и своими воровскими прибытками, соединился съ крымскимъ ханомъ, который ссылается съ нимъ, чтобъ былъ готовъ идти воевать московское государство. Бояре отвѣчали: «Крымскій царь поклялся на коранѣ, что ему на царскія украйны войною не ходить и никого другаго не посылать и потому отъ крымскаго царя такого злаго умышленья нельзя ожидать; а Богдану Хмельницкому на царскія украйны съ крымскими татарами какъ идти? онъ православной христіанской вѣры! Притомъ же гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ учинился у королевскаго величества въ подданствѣ, и королевскому величеству, слыша отъ козаковъ такое злое умышленье, можно ихъ отъ самовольства унять; великій государь на королевское величество, по вѣчному утвержденью, во всемъ этомъ надѣется и въ украйныхъ городахъ ратныхъ своихъ людей не держитъ, потому что король обязанъ подданныхъ своихъ, запорожскихъ черкасъ, отъ самовольства унимать; а если королевское величество подданныхъ своихъ, запорожскихъ черкасъ, не уйметъ, то это будетъ вѣчному докончанію нарушенье со стороны вашего государя, и та-

кую явную неправду Богъ свыше зритъ; а крымскія рати царскому величеству не страшны, и на Украйнѣ противъ нихъ у царскаго величества люди готовы». Но изъ Крыма присылали въ Москву вѣсти: писалъ къ крымскому царю литовскій король, что псковичи царскому величеству учинились непослушны и хотятъ измѣнить; шведская королева съ царскимъ величествомъ хочетъ войну начать: такъ чтобъ крымскій царь шелъ войною на государевы украйны и далъ бы знать объ этомъ шведской королевѣ, и шведская королева дастъ ему большіе подарки; литовскій король также пойдетъ на государевы города. Ханъ повѣрилъ, послалъ въ Швецію за подарками, но тамъ сказали, что шведская королева съ государемъ московскимъ въ мирѣ [57].

Дѣло приближалось къ развязкѣ. Возвратившійся изъ крымскаго плѣна коронный гетманъ Потоцкій доносилъ, что вся Украйна волнуется, Хмельницкій самовольничаетъ: безъ королевскаго позволенія принялъ на Украйну татаръ и послалъ ихъ съ козаками опустошать союзную Польшѣ Молдавію, за то, что господарь Липулъ не хотѣлъ выдать дочери своей за Тимоѳея, сына гетманскаго; сносится съ Турціею, съ Швеціею; хлопы не думаютъ повиноваться панамъ, которые не получаютъ никакихъ доходовъ. Шляхта бѣжала изъ Украйны, какъ во время возстанія; договоръ былъ нарушенъ въ самой важной, самой чувствительной для поляковъ статьѣ; съ другой стороны, для укрощенія хлопства, коронныя войска врывались за опредѣленную договоромъ черту. Въ концѣ года созванъ былъ сеймъ; явились послы отъ Хмельницкаго съ просьбою: 1) Чтобъ въ трехъ воеводствахъ: Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Черниговскомъ ни одинъ панъ-землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами; пусть живетъ, если хочетъ, пользуясь одинаковыми правами со всѣми, и повинуется козацкому гетману. 2) Чтобъ унія, причина несчастій, была совершенно уничтожена не только въ Украйнѣ, но и во всѣхъ земляхъ короны польской и великаго княжества литовскаго; чтобъ духовенство греческой вѣры имѣло права и почести одинакія съ римскимъ духовенствомъ. 3) Эти статьи вмѣстѣ съ другими статьями Зборовскаго договора должны быть утверждены присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и со стороны поляковъ должны быть даны въ залогъ четыре знатныхъ пана, и въ томъ числѣ князь Іеремія Вишневецкій; они должны жить въ Украйнѣ въ своихъ имѣніяхъ, но безъ всякой стражи.

Понятно, что при сильномъ раздраженіи противъ козаковъ, и безъ того уже господствовавшемъ въ шляхетскомъ государствѣ, эти статьи переполнили чашу: и въ сенатѣ, и въ избѣ посольской негодованіе выразилось единодушно, и 24 декабря война была опредѣлена. Въ февралѣ 1651 года война открылась, и поляки были порадованы первымъ успѣхомъ надъ козацкимъ отрядомъ, который стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ, подъ начальствомъ удалого полковника Нечая: отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Въ апрѣлѣ начали сходиться главныя силы; въ Польшѣ объявлено было посполитое рушенье или поголовное вооруженіе шляхты; легатъ Иннокентія X привезъ полякамъ благословеніе папы и отпущеніе грѣховъ, королю мантію и освященный мечъ, и провозгласилъ Яна Казимира защитникомъ вѣры. У козаковъ коринѳскій митрополитъ Іоасафъ опоясалъ Хмельницкаго мечемъ, освященнымъ на Гробѣ Господнемъ, кропилъ войско святою водою и шелъ самъ при войскѣ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ шелъ на поляковъ крымскій ханъ Исламъ-Гирей съ своею ордою; но московскіе посланники дали знать изъ Крыма государю: «Татары говорятъ: если польскіе и литовскіе люди черкасамъ и имъ татарамъ, будутъ сильны, то они противъ нихъ стоять не будутъ, а за выходъ свой у черкасъ женъ и дѣтей заберутъ въ полонъ и приведутъ въ Крымъ: то у татаръ и сдумано.» [58].

20 іюня враги столкнулись при Берестечкѣ на рѣкѣ Стыри, съ обѣихъ сторонъ силы были велики, но перевѣсъ былъ на сторонѣ поляковъ. Татары, любя подавлять непріятеля своею многочисленностію безъ большихъ усилій, вовсе не были охотники перевѣдываться съ непріятелемъ болѣе многочисленнымъ. Послѣ перваго напора поляковъ, ханъ побѣжалъ и увлекъ за собою татаръ, увлекъ и Хмельницкаго, который бросился было догонять его, чтобъ уговорить возвратиться; оставшіеся козаки окопались и съ отчаянною храбростію выдерживали осаду, наконецъ попытались было уйти и потерпѣли при этомъ страшное пораженіе.

Послѣ побѣды посполитое рушенье разошлось, король уѣхалъ въ Варшаву, и только не болѣе 30,000 преимущественно нѣмцевъ, отправлено было съ гетманомъ на Украйну. Но прежде чѣмъ достигнуть Украйны, это войско должно было проходить чрезъ опустошенную Волынь: «Невольно проливаемъ мы слезы», пишетъ очевидецъ; «видя, какъ блестящая пѣхота королевская

безполезно погибаетъ отъ голода. Нельзя придумать никакого способа къ спасенію голодныхъ, потому что край, въ которомъ мы надѣемся имѣть хлѣбъ, еще далеко, а этотъ такъ опустошенъ, что о немъ можно сказать: земля была пуста и неустроена; нѣтъ ни городовъ, ни селъ, одно поле и пепелъ; не видно ни людей, ни звѣрей живыхъ, только птицы летаютъ; страшная непогода замедляетъ движеніе войска». Во время этого похода умеръ знаменитый Іеремія Вишневецкій; но смерть страшнаго соперника не поправила дѣлъ Хмельницкаго. Въ то время, какъ польскіе гетманы вступили въ Украйну съ одной стороны, литовскій гетманъ Радзивилъ занялъ Кіевъ; соборную церковь Богородицы каменную на посадѣ Ляхи разграбили всю, образа пожгли, церковь вся выгорѣла, однѣ стѣны остались; въ церкви лошадей своихъ жиды и ляхи ставили; деревянныхъ церквей сгорѣло пять, а которыхъ не жгли, тѣ всѣ разорили, образа дорогіе окладные себѣ взяли, а иные поищепали, колокола у всѣхъ церквей взяли и въ струги поклали; но изъ этихъ муговъ шесть козаки отгромили. Въ монастырѣ печерскомъ казну также всю взяли; Радзивилъ велѣлъ взять и паникадило, присланное царемъ изъ Москвы, у св. Софіи взяли также всю казну, ризы, сосуды, всю утварь, образъ св. Софіи; всѣ монастыри разорили [59].

Въ такихъ печальныхъ для Малороссіи обстоятельствахъ, два грека, жившіе при Хмельницкомъ, Иванъ Петровъ Тофрали и монахъ Павелъ, сильно хлопотали о сближеніи гетмана съ царемъ. Павелъ въ іюнѣ 1651 года писалъ государю: «28 марта пришелъ изъ Царяграда посолъ къ гетману въ Животово съ тѣмъ: если ему, гетману, надобна рать, и ему султанъ пришлетъ сколько нужно. Гетманъ отказалъ: «Есть у меня много своего войска, а на султановой любви бью челомъ и благодарю». И такъ ихъ мѣста разорены; въ Константинополь гетманъ отправилъ своего посла, а съ нимъ Ивана Петрова; а передъ этимъ Иванъ Петровъ былъ посыланъ въ Молдавію для вѣстей. Великое ваше царствіе— продолжаетъ Павелъ—послалъ бы вскорѣ гетману небольшую помощь ратными людьми; у него и безъ того войска много, но надобно, чтобъ славилось имя великаго вашего царствія, что онъ имѣетъ помощь отъ васъ. А если теперь помощи не пришлете, то буди вѣдомо великому вашему царствію, что будетъ вамъ война; татары давно бы его подняли, только война ему теперь по-

мѣшала. Какими трудами потрудились мы съ Иваномъ Петровымъ—о томъ Богу извѣстно. Еслибы мы съ Иваномъ тутъ не случились, то онъ непремѣнно бы пришелъ внезапно на ваши украйны войною. Не думайте, что ляхи одолѣютъ: хотя они и вздумаютъ биться, но ихъ противъ ста человѣкъ и по одному человѣку не будетъ. Мы съ Иваномъ Петровымъ желаемъ, чтобъ было единое державство, гетману говорили и онъ былъ очень радъ: но посылаетъ онъ къ великому вашему царствію о соединеніи, а великое ваше царствіе то ставите въ посмѣхъ. Если вы изволите быть соединенію, то извольте писать къ писарю Выговскому, но имянно къ нему писать о томъ не велите, только воздавайте ему свое царское благодареніе и вѣдомость чините, а подлинно велите писать къ Ивану Петрову, и какъ Иванъ Петровъ пріѣдетъ сюда, то мы будемъ совершать головою своею и всею душою. 10 марта пришла къ гетману вѣсть, что не стало жены его, и гетманъ очень кручинился; я ходилъ къ нему утѣшать въ кручинѣ, а онъ въ разговорѣ говорилъ про Москву и клялся, смотря на образъ Спасовъ: «Клянусь Богомъ, что пойду на Москву и разорю пуще Литвы: я посылаю отъ всего сердца своего, а они лицу моему насмѣхаются».

Тогда же подъячій Григорій Богдановъ, возвратившійся изъ Малороссіи, разсказывалъ: «Приходилъ ко мнѣ въ Корсуни писарь Иванъ Выговскій и наказывалъ, чтобъ его слова были извѣстны великому государю: къ нему, писарю, царская милость и жалованье, и онъ на государскомъ жалованьѣ челомъ бьетъ и обѣщается великому государю служить и всякаго добра хотѣть подъ присягою, и теперь, что у гетмана Богдана Хмельницкаго съ польскимъ королемъ, крымскимъ царемъ и другими государствами будетъ дѣлаться, онъ обо всемъ великому государю станетъ доносить, въ Путивль тайнымъ дѣломъ къ боярину князю Семену Васильевичу Прозоровскому писать, только бъ это никому не было извѣстно, потому что если узнаетъ объ этомъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, то ему, писарю, не миновать наказанья. Потомъ Выговскій говорилъ, чтобъ великій государь непремѣнно всю малую Русь теперь принять изволилъ, потому что всѣ единогласно молятъ Бога и хотятъ быть подъ его государскою высокою рукою; къ великому московскому пространному и многолюдному государству безъ войны и кровопролитія будетъ при-

бавленье большое, овладѣетъ великій государь многою землею и городами, и съ тѣхъ городовъ, съ мѣщанъ и со всякихъ чиновъ людей и съ ихъ торговыхъ и другихъ всякихъ промысловъ будетъ царской денежной казнѣ прибыль большая. Когда великій государь ихъ, православныхъ христіанъ, приметъ, то польскій король будетъ отъ него въ большомъ страхѣ, и не только противъ великаго государя воевать, и говорить не будетъ, потому что польскому королю противъ великаго государя стоять некѣмъ. Если же великій государь, принявъ ихъ, изволитъ послать своихъ ратныхъ людей и ихъ, козаковъ, то извѣстно навѣрное, что корона польская и великое княжество литовское и безъ войны учинятся подданными и будутъ подъ его государскою рукою, потому что Польша и Литва и отъ однихъ ихъ, козаковъ, живутъ въ великомъ страхѣ. Если же государь ихъ не приметъ теперь, и учинятся они подданными польскому королю, то польскій король противъ великаго государя войну начнетъ тотчасъ; онъ, писарь, опасается, чтобъ поляки не прельстили и козаковъ, не уговорили ихъ идти вмѣстѣ съ ними на Московское государство, а крымскій царь уже давно готовъ идти на Московское государство»[60].

Но эти угрозы не помогли, Москва не трогалась, и Хмельницкій, ограбленный и покинутый ханомъ, сталъ хлопотать о мирѣ; коронный гетманъ Потоцкій также боялся осени въ Украйнѣ среди озлобленнаго народонаселенія, и 17 сентября, подъ Бѣлою Церковію, гдѣ сошлись оба гетмана, былъ подписанъ ими слѣдующій договоръ: 1) Войска запорожскаго будетъ только двадцать тысячъ; оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ королевскихъ въ воеводствѣ кіевскомъ, не касаясь воеводствъ брацлавскаго и черниговскаго. 2) Коронное войско не должно стоять въ воеводствѣ кіевскомъ въ тѣхъ мѣстечкахъ, гдѣ будутъ реестровые козаки. 3) Обыватели воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, вступаютъ во владѣніе своими имѣніями и пользуются всѣми доходами и судопроизводствомъ. 4) Чигиринъ остается при гетманѣ, который долженъ состоять подъ властію гетмана коронпаго. 5) Жиды должны быть обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ королевскихъ и шляхетскихъ. 6) Гетманъ запорожскій долженъ

отпустить орду и впередъ не вступать ни въ какія сношенія съ нею и вообще съ иностранными государствами.

Въ Москвѣ знали о подробностяхъ этой войны обычнымъ путемъ: черезъ людей, посылаемыхъ порубежными воеводами за границу для вѣстей. Эти вѣстовщики доносили, что во всѣхъ черкасскихъ городахъ черкасы и мѣщане говорятъ одно, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ принять, а они ему вѣчные холопы со всѣми городами, которые за ними; если же государь ихъ принять не велитъ, то они поневолѣ пристанутъ къ турскому царю и къ крымскимъ людямъ. Въ Смоленскѣ, Оршѣ, Минскѣ, Могилевѣ и другихъ городахъ православные толковали: »Когда у поляковъ съ черкасами будутъ бои, и станутъ поляки черкасъ осиливать, то мы, всякихъ чиновъ люди, поднимемся на поляковъ и сдѣлаемъ у себя такихъ Хмельницкихъ десять человѣкъ, а войска 100,000, и станемъ Польшу и Литву воевать для того: если поляки черкасъ осилятъ, то и насъ всѣхъ православныхъ христіанъ выгубятъ, и намъ поневолѣ противъ поляковъ стоять и биться пока нашей мочи будетъ» [61]. Поляки, дѣйствительно, опасались этого возстанія и въ Смоленскѣ всѣхъ православныхъ выслали изъ города на посадъ, а между тѣмъ по прежнему хлопотали, чтобъ втянуть Москву въ ссору съ козаками.

Еще въ мартѣ 1651 года пріѣзжали въ Москву полномочные послы королевскіе, Станиславъ Витовскій и Филиппъ Обуховичъ, и въ отвѣтѣ объявили боярамъ: учинилось у крымскаго хана на московское государство злое умышленье за то: какъ въ прошлыхъ годахъ присыланы были къ царскому величеству крымскіе послы, и тѣхъ пословъ приняли и держали въ Москвѣ нечестно, не по прежнему обычаю, а иныхъ татарскихъ пословъ и не приняли, поворотили назадъ; да въ то же время донскіе козаки ходили на Черное море и крымскіе улусы воевали. Съ этихъ поръ крымскій ханъ и всѣ его татары надъ московскимъ государствомъ безпрестанно всякое зло умышляютъ, и къ королевскому величеству ханъ присылалъ съ просьбою, чтобъ король, соединясь съ нимъ, шелъ на московское государство, и что̀ на этой войнѣ возьмутъ городовъ и мѣстъ, то все пойдетъ королю, а ханъ возьметъ себѣ Казань и Астрахань. Но королевское величество, соблюдая вѣчное докончаніе, на такое зло не помыслилъ и велѣлъ войска свои изготовить около Львова и Каменца-Подольскаго,

и войска эти не пропустили крымцевъ, которые соединились съ запорожскими черкасами и ходили на Волоховъ. На весну крымскій ханъ мыслитъ идти на московское государство съ большою силою и къ королевскому величеству пишетъ объ этомъ безпрестанно, да писалъ, чтобъ король пропустилъ пословъ его къ шведской королевѣ Христинѣ, и эти послы уговаривали королеву послать войско на московское государство. Зная эти умышленья, вся рѣчь посполитая приговорила, чтобъ король сослался со всѣми христіанскими государями о союзѣ противъ крымскаго хана: за этимъ-то дѣломъ король прислалъ ихъ, пословъ, къ царскому величеству, и для удостовѣренія прислалъ съ ними подлинныя грамоты ханскія и ближнихъ его людей, писанныя къ королю и канцлеру. Король уже отправился на непріятелей: такъ чтобъ царское величество изволилъ приступить къ союзу самымъ дѣломъ, а не словомъ; если же царское величество отвѣту вскорѣ учинить не велитъ, то у королевскаго величества будетъ иная мысль. Бояре отвѣчали: «Сказываете вы, что присланы отъ короля о добромъ дѣлѣ, о союзѣ на общаго христіанскаго непріятеля, а теперь говорите какъ бы съ угрозами; но великому государю нашему ничьи угрозы не страшны, по всѣмъ нашимъ украйнамъ стоятъ войска готовыя многія; просите вы о союзѣ скораго отвѣта: но о такомъ великомъ дѣлѣ, не намыслясь гораздо, отвѣту скораго дать нельзя; объ этомъ союзѣ и прежде у великаго государя нашего съ королевскимъ величествомъ ссылки были, но дѣло къ концу не приведено, за несходствомъ и проволокою съ королевской стороны». Тутъ послы вымолвили настоящее дѣло: «Желаемъ скораго отвѣта, чтобъ король зналъ волю царскую; съ непріятелемъ христіанскимъ соединился королевскаго величества измѣнникъ Богданъ Хмельницкій съ запорожскими черкасами; съ Хмельницкимъ и черкасами и бои у насъ были, и на тѣхъ бояхъ королевскому величеству счастье есть; царское величество велѣлъ бы на этихъ общихъ непріятелей дать помощь королевскому величеству своими ратными людьми отъ Путивля, также изъ Астрахани указалъ бы послать на нихъ ратныхъ людей, чтобъ общими силами впасть въ ихъ гнѣзда». Бояре отвѣчали: «Астрахань мѣсто дальнее, и если ждать ратныхъ людей изъ Астрахани, то пройдетъ много времени, а у великаго государя много ратныхъ людей и безъ Астрахани. Вы хотите та-

кое великое дѣло сдѣлать въ короткое время, и чтобъ царское величество войска свои послалъ немедленно: но такого великаго дѣла вскорѣ не дѣлаютъ, надобно это дѣлать намыслясь гораздо крѣпко и обстоятельно—какъ идти на Крымъ, сколькимъ ратнымъ людямъ съ обѣихъ сторонъ быть, какимъ строемъ и гдѣ сходиться и стоять и какъ надъ татарами промышлять? Уговорившись обо всемъ, ратныхъ людей надобно изготовить, а изготовя ихъ большое число, идти прямо на Крымъ, чтобъ его разорить и бусурманъ съ юрта согнать. Не договорившись обо всѣхъ этихъ статьяхъ, царскому величеству ратей своихъ послать нельзя, потому что если царское величество соберетъ рати большія, а у королевскаго величества войска будетъ мало, то царскому величеству убытки будутъ большіе. Надобно прежде обо всемъ договориться, а потомъ и ратныхъ людей готовить, чтобъ было поровну». Послы: «Королевское величество желаетъ, чтобъ царское величество помогъ ему ратными людьми на измѣнниковъ запорожскихъ черкасъ и на крымскихъ татаръ отъ Путивля; король самъ на коня сѣлъ и противъ измѣнниковъ своихъ пошелъ, и съ нимъ войска 50,000; крымцы, услыша царскихъ и королевскихъ ратныхъ людей, отъ измѣнниковъ запорожцевъ отстанутъ, и когда съ помощію царскаго величества король съ своими измѣнниками управится, то послѣ станетъ съ царскимъ величествомъ ссылаться о соединеніи на крымскіе улусы». Бояре: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій къ великому государю писалъ, что онъ и запорожскіе черкасы противъ королевскаго величества начали стоять за православную вѣру и за святыя Божіи церкви и за свои нестерпимыя обиды; и во всѣхъ христіанскихъ государствахъ въ вѣрѣ неволи никому не бываетъ, да и въ вашемъ государствѣ разныхъ вѣръ много и противныхъ христіанской вѣрѣ: кальвиновъ, люторовъ, новокрещенцовъ (анабаптистовъ), армянъ и богоубійцъ жидовъ, которыхъ всѣмъ христіанскимъ людямъ ненавидѣть должно, однако король и паны радные ихъ вѣры не трогаютъ, а христіанскихъ правовѣрныхъ людей одного государства и подавно надобно было оберегать. Великій государь нашъ брату своему, его королевскому величеству, по своей братской дружбѣ и любви, желаетъ, чтобъ напрасное это междоусобіе прекратилось безъ кровопролитія и были бы запорожскіе черкасы у короля въ послушаньи попрежнему и отъ крымскихъ татаръ отстали. Если

же запорожскіе черкасы отъ вашего гоненія королю измѣнятъ и поддадутся турскому султану или крымскому хану, и королевскому величеству смирить ихъ будетъ нельзя, и отъ нихъ обоимъ государствамъ ждать всякаго зла, тогда измѣну ихъ чѣмъ унять и успокоить? Надобно это дѣло успокоить миромъ. Если король захочетъ, то царское величество къ гетману Богдану Хмельницкому и ко всему войску запорожскому велитъ послать, чтобъ гетманъ съ королевскимъ величествомъ ссору и войну унялъ и былъ у короля въ подданствѣ по прежнему, а королевское величество и паны радные вѣры христіанской не гнали бы и напрасной тѣсноты козакамъ не дѣлали. И когда королевское величество съ запорожскими черкасами войну кончитъ, тогда царское величество обошлется съ нимъ о соединеніи на крымскаго хана, чтобъ Крымъ разорить.» Послы: «Гетманъ Богданъ Хмельницкій присылалъ къ царскому величеству воровствомъ, въ вѣрѣ имъ неволи никакой не бывало. Подъ Зборовымъ Хмельницкій присягалъ королю, чтобъ быть ему въ подданствѣ и послушаніи, и потомъ, разлакомясь воровскими добычами и надѣясь на тѣхъ же бунтовщиковъ запорожскихъ черкасъ, началъ мыслить всякими мѣрами, какъ бы ему отъ королевскаго величества изъ подданства высвободиться, и сталъ бунтовать, а славу пускать и причину задавать, будто начали стоять за вѣру, шляхту и урядниковъ въ имѣнія не пускаютъ, и которые начали пріѣзжать, тѣхъ стали побивать невинно; а теперь Хмельницкій поддался крымскому хану, ему присягалъ и съ нимъ соединился». Бояре: «Пока черкасы отъ крымцевъ не отстанутъ, до тѣхъ поръ на крымцевъ идти нельзя; если съ крымцами теперь войну начать, то за крымскаго хана и за черкасъ вступится турскій султанъ, одни войска пойдутъ на московское государство, а другіе на Польшу, и въ это время помогать другъ другу будетъ нельзя, что̀ тогда будетъ дѣлать? Всего лучше запорожскихъ черкасъ отъ крымцевъ оторвать покоемъ; а когда черкасы усмирятся, то промышлять о томъ, чтобъ ихъ съ крымцами ссорить, а поссоривъ ихъ, идти сообща на Крымъ.» Послы: «Если царское величество хочетъ о мирѣ съ черкасами быть посредникомъ, то за такое доброе дѣло ему и отъ Бога заплата будетъ; только намъ отъ короля дано полномочіе становить о помощи противъ крымскаго хана, а о посредствѣ не наказано.» Бояре дали отвѣтъ рѣшительный, что государь тогда

только станетъ ссылаться съ королемъ о крымской войнѣ, когда король запорожскихъ черкасъ смиритъ или миромъ успокоитъ.

Въ іюнѣ отправился къ королю гонецъ, подъячій Старого, съ такою царскою грамотою: «Вашего королевскаго величества великіе и полномочные послы, будучи у нашихъ великихъ бояръ и думныхъ людей въ отвѣтахъ, въ нашихъ титлахъ не дописывали: карталинскихъ и грузинскихъ царей и кабардинской земли, а въ титлахъ вашего королевскаго величества приписали лишнее, и поѣхали не бивъ челомъ намъ о тѣхъ своихъ винахъ и поставили то ни во что. И намъ то въ подивленье, что нашей чести такое неостереганье учинилось отъ вашихъ пословъ.» Король отвѣчалъ, что относительно прописки въ титулѣ послы его помирились съ боярами, и онъ удивляется, какимъ образомъ это дѣло поднимается вновь. Съ свой стороны король жаловался, что бунтовщиковъ козаковъ брянскіе воеводы пропустили чрезъ свой уѣздъ въ литовскія области, и козаки эти взяли Рославль. Гонецъ привезъ вѣсти, что въ Дорогобужѣ, Смоленскѣ и въ иныхъ городахъ жители говорятъ: если въ ихъ мѣста козаки придутъ, то они къ козакамъ пристанутъ и начнутъ съ ними заодно ляховъ воевать; никогда они за ляховъ кровь свою проливать и съ своею братьею, православными христіанами, биться не станутъ.

Въ концѣ 1651 года отправлены были въ Польшу дворянинъ Аѳанасій Прончищевъ да дьякъ Алмазъ Ивановъ для присутствія на сеймѣ при судѣ и наказаніи людей, виновныхъ въ прогискѣ титула. Виновные сами не явились на сеймъ, прислали за себя прокураторовъ. Мартынъ Калиновскій, Адамъ Кисель и Лука Жолкѣевскій были оправданы тѣмъ, что прописки въ ихъ грамотахъ были сдѣланы до внесенія въ конституцію сеймоваго рѣшенія о наказаніи за подобныя прописки. Про тѣ грамоты, у которыхъ не было подписей, прокураторы говорили: «Ясно дѣло, что эти грамоты писаны только именемъ обвиненныхъ, безъ нихъ, потому что еслибъ писаны были при нихъ, то они сами подписались бы. Въ которыхъ грамотахъ были подписи, о тѣхъ прокураторы говорили, что они этихъ рукъ не знаютъ, точно ли сами обвиненные подписались; а хотя бы и точно сами обвиненные подписались, то они не виноваты, а виноваты или нѣтъ писаря. Изъ другихъ обвиненныхъ многіе померли, иные побиты, и прокураторы били челомъ королю, панамъ раднымъ и всей Рѣчи Поспо-

литой и просили, чтобъ надъ прописчиками, мимо правъ коронныхъ и литовскихъ, ничего не дѣлать. Посланникамъ объявили королевскій приговоръ, что писавшіе грамоты неправильно до внесенія сеймоваго рѣшенія въ конституцію невинны; что писавшимъ послѣ конституціи велѣно присягнуть, что они прописки сдѣлали безъ хитрости; умершіе находятся подъ судомъ Божіимъ; тѣхъ же, которые ни сами не явились на сеймъ, ни прокураторовъ не прислали, король, по конституціи, велѣлъ объявить баннитами, то-есть лишенными покровительства законовъ; убійство такого баннита въ вину не ставится. Посланники отвѣчали: «Мы этого декрета не принимаемъ, потому что онъ учиненъ мимо вѣчнаго докончанія и посольскаго договора: великому государю нашему не заплата, что худыхъ и невѣдомыхъ людей дѣлаете баннитами, а знатныхъ лучшихъ людей укрываете и отъ смертной казни освобождаете; по договору посольскому, всѣхъ обвиненныхъ довелось казнить смертью при насъ на нынѣшнемъ сеймѣ. Если король, жалѣя знатныхъ людей, смертью казнить ихъ не велитъ, то пусть возьметъ у нихъ имѣнія себѣ, а царскому величеству вмѣсто того велитъ уступить города, отданные въ 1634 году.—«Если вы декрета не принимаете», сказали паны: «то мы вамъ больше объ этомъ говорить не станемъ; съ чѣмъ васъ королевское величество къ царскому величеству отправитъ, съ тѣмъ и поѣдете, а съ декретомъ нашъ государь пошлетъ къ вашему своихъ пословъ или посланниковъ.» Съ этимъ посланники и возвратились въ Москву.

Съ декретомъ пріѣхали въ Москву въ Іюнѣ 1652 года Албрехтъ Пенцлавскій и Казимиръ Униховскій. Между ними и боярами въ отвѣтѣ начались прежніе споры. Посланники утверждали, что какъ по ихъ стародавнимъ правамъ издавна повелось, такъ они и дѣлаютъ, а мимо правды ничего имъ дѣлать невозможно. Бояре отвѣчали: «Это право учинено у васъ въ своемъ государствѣ между людей посполитаго чина, что прокураторамъ отвѣчать, а къ государской чести это нейдетъ; еслибъ кто-нибудь противъ королевскаго величества какое зло учинилъ, то можно ли вмѣсто виноватаго отвѣчать прокураторамъ? думаемъ, что нельзя». Посланники: «Хотя бы кто и самого короля чѣмъ обезчестилъ, то, по правамъ нашимъ, нельзя королю безъ сейма рѣчи посполитой этого виноватаго казнить; также нельзя запретить прокуратору

отвѣчать вмѣсто виновнаго». Несмотря на то, государь указалъ и бояре приговорили: декрета не принимать, потому что онъ написанъ не по договору посольскому и не по конституціи [62].

Такимъ образомъ у Москвы постоянно оставался предлогъ къ разрыву съ Польшею, и все зависѣло отъ оборота, какой примутъ дѣла малороссійскія; а въ Малороссіи дѣла не могли окончиться мирно. Пораженіе подъ Берестечкомъ ясно показывало Хмельницкому и козакамъ, что имъ однимъ сладить съ Польшею нельзя, когда она напряжетъ всѣ свои силы, и на хана надѣяться также нельзя, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ сражаться съ многочисленнымъ войскомъ, а не грабить. Воспользовавшись своимъ торжествомъ, поляки предписали козакамъ почти такія же условія, въ какихъ находились они до 1648 года; но теперь и для Хмельницкаго, привыкшаго къ царственному положенію, и для козаковъ, и для черни, освободившейся отъ пановъ и жидовъ, привыкшей къ волѣ, условія эти были нестерпимы: четыре года гетманства Хмельницкаго прошли не даромъ; эти четыре года отрѣзали совершенно Малороссію отъ прошедшаго, возвратъ къ которому былъ невозможенъ, и Поляки, стремившіеся возвратить Малороссію къ этому прошедшему, прали противъ рожна. Хмельницкій сначала хотѣлъ отдохнуть, выждать времени. 22-го Октября 1651 года онъ писалъ къ Потоцкому, что будетъ смотрѣть зоркимъ окомъ на всѣ стороны и увѣдомлять его о приближеніи непріятеля: «До окончанія ревизіи», прибавляетъ Богданъ, «униженно прошу вашу милость приказать, чтобъ войска не шли далѣе на квартиры въ Брацлавское воеводство, пока мы не успокоимъ черни, и гдѣ остановятся, то чтобъ не слишкомъ надоѣдали простому народу. Я увѣренъ, что ваша милость изволили приказать пану Славковскому на первый разъ исподоволь пріучать крестьянъ». Писалъ къ Потоцкому и Выговскій: «Не только теперь, но и во всякое время я прилагалъ большое стараніе о томъ, чтобъ усердно и вѣрно служить его королевской милости. А что ваша милость въ послѣднемъ письмѣ увѣрять меня изволишь въ милосердіи его королевскаго величества и важномъ повышеніи, то за это буду отслуживать вашей милости во всю жизнь тѣмъ же усердіемъ и нижайшими услугами. Изволь мой панъ и благодѣтель, думать обо мнѣ, какъ о вѣрномъ слугѣ своемъ; позволь, чтобъ я былъ предпочтенъ другимъ въ важнѣйшемъ дѣлѣ, касаю-

щемся его королевской милости. Объ одномъ прошу, чтобъ моя жизнь была въ безопасности; затѣмъ буду ожидать спокойно повышенія, обѣщаннаго вашею милостію. Объ одномъ прошу вашу милость, чтобъ зналъ, кому повѣрять секретнѣйшее».

Напрасно Хмельницкій желалъ отъ побѣдителей-поляковъ осторожности и умѣренности въ пользованіи побѣдою. Въ Декабрѣ того же 1651 года гетманъ польный Мартынъ Калиновскій долженъ былъ разослать универсалъ по кіевской шляхтѣ, въ которомъ писалъ: «Часто доходятъ до меня жалобы отъ пана гетмана и войска Запорожскаго на то, что, въ противность договорнымъ статьямъ, обыватели Кіевскаго воеводства препятствуютъ товариществу Запорожскаго войска свободно переходить изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ въ имѣнія королевскія, въ Кіевскомъ воеводствѣ лежащія, оставлять домы, продавать хлѣбъ, имѣніе; и уже теперь, не дожидаясь постановленнаго срока, въ противность тѣмъ же договорнымъ статьямъ, товарищество войска Запорожскаго подвергается изгнанію, лишается всего имѣнія. Доходятъ и другія жалобы, что нѣкоторые изъ пановъ обывателей запрещаютъ козакамъ переселяться изъ своихъ имѣній и наказываютъ за то тюремнымъ заключеніемъ и смертію». Калиновскій именемъ любви къ отечеству заклиналъ своихъ пановъ и братій удерживаться отъ подобныхъ поступковъ [63], но по напрасну. Чернь, отвыкнувъ отъ такого порядка вещей, не хотѣла снова привыкать къ нему, и вотъ потянулись переселенцы по давно указанному для славянъ направленію, съ запада на востокъ, потянулись толпы украинцевъ за Днѣпръ, въ степныя владѣнія Московскаго государства, гдѣ основали новыя слободы на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска и далѣе на югъ, удерживая свое старое козацкое устройство. Оставшіеся готовились къ войнѣ.

Прозоровскій доносилъ въ Москву: посылалъ гетманъ въ Корсунь полковника Михайлу Громыку переписывать черкасъ, которымъ быть по договору въ двадцати тысячахъ; но корсунскіе черкасы Громыку убили за то, что Хмельницкій и полковники мирились съ поляками не по ихъ совѣту; гетманъ велѣлъ за то казнить изъ нихъ лучшаго человѣка, который сталъ было въ полковники на Громыкино мѣсто — Лукьяна Мозыру; да онъ же, гетманъ, разослалъ по всѣмъ городамъ листы, чтобъ черкасы были всѣ наготовѣ: надобно думать, что будетъ у черкасъ съ поля-

ками война попрежнему, потому что изъ панскихъ имѣній въ королевскіе города черкасы идти не хотятъ. Богданъ велѣлъ сказать Прозоровскому чрезъ его посланца: «Хотя я съ поляками теперь и помирился на чемъ-нибудь, только я великому государю служить радъ: кого онъ изволитъ къ намъ прислать—и мы всѣ готовы ему крестъ цѣловать; а если государь насъ не пожалуетъ, принять не велитъ, то намъ по неволѣ промышлять какъ лучше; а миръ у насъ съ поляками некрѣпокъ, потому что поляки всегда лгутъ, на миру не стоятъ». То же писалъ Хмельницкій и въ грамотѣ своей къ Прозоровскому: «Хотя мы и приняли *перемирье*, однако знаемъ, что намъ и вѣрѣ нашей православной поляки не желаютъ ничего добраго; надѣемся на Господа Бога и на милость его царскаго величества, что когда надъ церквами восточными умилится и надъ вѣрою нашею православною, тогда поляки не воспріимутъ потѣхи; а мы, какъ не одинъ разъ обѣщали быть желательными его царскому величеству, такъ и теперь истинными быть обѣщаемся». Новый путивльскій воевода, князь Ѳедоръ Хилковъ, доносилъ, что пріѣхали въ Путивль на государево имя на вѣчное житье Черниговскій полковникъ Иванъ Дзиковскій съ тремя сотниками и съ двумя тысячами козаковъ. Козаки остались на границѣ до указа изъ Москвы, а между-тѣмъ королевскій полковникъ Маховскій писалъ Хилкову, что эти измѣнники и разбойники обиды великія чинятъ въ королевской сторонѣ, бояръ по дорогамъ побиваютъ, купцовъ разбиваютъ [64].

Въ Москвѣ видѣли, что дѣйствительно у поляковъ съ козаками миръ непроченъ, что скоро надобно рѣшиться или принять козаковъ и воевать съ Польшею, или видѣть подданство козаковъ султану и грани турецкія подлѣ украинныхъ городовъ московскихъ. Попытались, нельзя ли избѣжать и того и другого. 22-го Марта 1652 года государь приказалъ дьякамъ своимъ, Волошенинову и Немирову, поговорить съ гетманскимъ посланцемъ Искрою по любви, потому что они одной вѣры христіанской; дьяки стали говорить Искрѣ: «Гетманъ въ письмѣ своемъ проситъ, чтобъ его царское величество держалъ Запорожское войско въ своемъ милостивомъ жалованьѣ; великій государь для православной вѣры держитъ къ козакамъ свое государское жалованье большое, а король, сенатъ и Рѣчь Посполитая на своей правдѣ мало стоятъ; и если они не исполнятъ своихъ договоровъ съ гетманомъ, то

Запорожское войско не пойдетъ ли къ хану въ Крымъ, потому что у гетмана съ крымскимъ ханомъ дружба большая?» Искра отвѣчалъ, что, въ случаѣ большаго притѣсненія отъ поляковъ, гетману, кромѣ царя, некуда дѣться, и царь бы пожаловалъ, принялъ козаковъ въ свою сторону съ порубежными ихъ городами, которые близко къ Путивльскому рубежу; Запорожское войско въ союзѣ съ ханомъ поневолѣ, и союзъ этотъ дорого стоитъ, потому что крымцы пустошатъ Малороссію, вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и потому козаки къ крымскому не пойдутъ, и кромѣ государской милости дѣться имъ негдѣ. Дьяки продолжали: «Если вамъ отъ поляковъ будетъ утѣсненье, то гетманъ и черкасы шли бы въ сторону царскаго величества; а у царскаго величества въ московскомъ государствѣ земли великія, пространныя и изобильныя, поселиться имъ есть гдѣ; удобно имъ поселиться по рѣкамъ Донцу, Медвѣдицѣ и другимъ угожимъ и пространнымъ мѣстамъ. Если же имъ быть въ царскаго величества порубежныхъ городахъ, то всегда будетъ у нихъ съ польскими людьми ссора, а чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше: безо всякаго будетъ задора. А перейти имъ въ царскаго величества сторону по вѣчному докончанью можно, потому что отдачи на обѣ стороны не бываетъ, кто въ которую сторону перейдетъ, тутъ и живетъ безъ выдачи; а къ крымскому хану идти вамъ непригоже, потому что крымцы бусурманы, и вѣрить имъ ни въ чемъ нельзя, и никакого добра отъ нихъ, кромѣ разоренья, нечего ждать».

Выговскій, стращая, что между козаками много такихъ, которые будутъ совѣтовать гетману поддаться туркамъ или крымцамъ, увѣрялъ въ своей преданности и готовилъ себѣ, на случай, убѣжище въ Москвѣ. Въ іюнѣ 1652 года онъ говорилъ съ московскимъ посланцемъ Унковскимъ: «Если государь не изволитъ насъ принять, то-есть такіе люди многіе, что станутъ гетману наговаривать поддаться турскому или крымскому; а у меня того и въ умѣ нѣтъ, чтобъ кромѣ великаго государя куда помыслить, только бы великій государь пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ обнадежить своею милостью, велѣлъ бы мнѣ свою грамоту прислать за рукою думнаго дьяка, чтобъ гетманъ и никто другой о томъ не зналъ; и въ Путивль свою грамоту велѣлъ прислать, чтобъ меня приняли, когда я къ великому государю поѣду. Если государская милость ко мнѣ будетъ, то я съ отцомъ своимъ, брать-

ями и пріятелями къ великому государю пріѣду, а лучшіе люди запорожской земли со мною же; да не думаю, чтобъ и гетманъ невѣрнымъ поддался. Меня и венгерскій король зоветъ къ себѣ, власть мнѣ и жалованье великое даетъ; потому меня король венгерскій знаетъ, что я у него бывалъ, и про то онъ знаетъ, что я отъ войска запорожскаго почтенъ; но я кромѣ великаго государя не мыслю никуда ѣхать. Пока я здѣсь, уповаю на Бога, что удержу гетмана, все запорожское войско и царя крымскаго, воевать московскія украины не пойдутъ, потому что крымскій царь и мурзы меня слушаютъ: извѣстно имъ, что я въ войскѣ запорожскомъ владѣтель во всякихъ дѣлахъ, а гетманъ, и полковники, и все войско запорожское меня слушаютъ же и почитаютъ; вы и сами видите, что гетманъ и лучшіе люди мнѣ вѣрятъ во всемъ». Перекрестившись передъ образомъ и поклонившись въ землю, Выговскій сказалъ: «Дай Господи, чтобъ великаго государя ко мнѣ, послѣднему холопу, милость была совершенна, а я какъ обѣщалъ ему государю служить и на чемъ образъ Спасовъ цѣловалъ, такъ и совершу» [65].

Между тѣмъ несчастная Украйна, опустошенная войною, голодомъ, переселеніями, не переставала волноваться: жители ея вырѣзывали польскихъ солдатъ и вели гайдамацкую войну; поляки мстили имъ, истребляя мятежныя селенія, вырѣзывая всѣхъ жителей. Чернь вооружалась и противъ Хмельницкаго, который, по обстоятельствамъ, медлилъ объявить себя на сторонѣ народнаго возстанія; наконецъ, для собственной безопасности, онъ долженъ былъ опять расширить реестръ, вопреки Бѣлоцерковскому договору, и, видя невозможность мира, завелъ снова сношенія съ татарами. Поводомъ къ новой войнѣ была свадьба гетманскаго сына Тимоѳея на дочери господаря Молдавскаго Липулы. Липула далъ прежде вынужденное страхомъ обѣщаніе выдать дочь за Тимоѳея, но, подъ разными предлогами, не исполнялъ его, и обратился къ Польшѣ съ просьбою о помощи противъ нежданнаго свата, родство съ которымъ считалъ для себя унизительнымъ. Вслѣдствіе этой просьбы господаря, гетманъ Калиновскій сталъ лагеремъ на берегу Буга, близь горы Батога или Батова, недалеко отъ Ладыжина, чтобъ преградить путь жениху, который шелъ за невѣстой съ козацкимъ и татарскимъ войскомъ. Старый Хмельницкій предупредилъ Калиновскаго, чтобъ тотъ далъ дорогу его

сыну, иначе можетъ произойти невыгодное для поляковъ столкновеніе; Калиновскій не обратилъ вниманія па предостереженіе, напалъ на Тимоѳея и заплатилъ за это жизнію своею и двадцати тысячъ польскаго войска. Тимоѳей безпрепятственно продолжалъ путь въ Молдавію, гдѣ господарь долженъ былъ выдать за него дочь свою; а старикъ Хмельницкій, показывая видъ, что не одобряетъ батогскаго дѣла, и оправдывая себя и сына предъ королемъ, между-тѣмъ осаждалъ Каменецъ, чтобъ укрѣпиться въ Подоліи. Король созвалъ чрезвычайный сеймъ, на которомъ положено было собрать 50,000 войска; на сеймъ явились козацкіе депутаты и божились, что гетманъ ихъ не зналъ о батогскомъ дѣлѣ, и къ Хмельницкому въ Чигиринъ отправились коммиссары отъ сейма съ требованіемъ, чтобъ онъ разорвалъ союзъ съ татарами и отдалъ сына въ заложники. Богданъ вспыхнулъ, услыхавъ эти требованія, и, схватившись за саблю, сказалъ: «Еслибъ кто другой, а не вы, мои давніе знакомцы и друзья, были ко мнѣ присланы съ такими рѣчами, то я бы иначе съ ними распорядился. Развѣ вы не видите моего расположенія къ Польшѣ, что, поразивши васъ теперь на Батогѣ, я ничего не дѣлаю, тогда какъ могъ бы не только васъ въ конецъ разорить, но пославши многіе полки козацкіе и татарскіе, могъ бы васъ за самый Римъ загнать? Съ татарами мнѣ разойтись нельзя; для коммиссіи будетъ время, когда война перестанетъ; пусть самъ король ведетъ со мною переговоры, а когда и гдѣ быть коммиссіи—это въ его королевской волѣ. Сына въ залогъ послать нельзя: одинъ еще малъ, а другой только-что женился. Прежде всего пусть король присягнетъ въ ненарушеніи зборовскихъ условій». Хмельницкій дѣйствительно надѣялся легко управиться съ Польшею, опустошенною моровымъ повѣтріемъ, пожарами, голодомъ, наводненіями. Въ декабрѣ 1652 года явился въ Москвѣ посолъ Хмельницкаго, войсковой судья Самойла Богдановичъ, съ низкимъ челобитьемъ, чтобъ государь умилосердился, велѣлъ принять запорожское войско подъ свою высокую руку. Дьяки посольскаго приказа спросили Богдановича: «Какъ тому быть, что гетману и всему войску запорожскому быть подъ царскаго величества высокою рукою, и какъ имъ жить? тамъ ли, въ своихъ городахъ, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ? о томъ съ ними отъ гетмана наказано ли подлинно»? Богдановичъ отвѣчалъ: «какъ гетману и всему войску запорож-

скому быть подъ царскаго величества рукою, о томъ онъ не вѣдаетъ, и отъ гетмана съ нимъ о томъ ничего не наказано, вѣдаетъ то гетманъ; а съ нимъ только наказано царскому величеству бить челомъ: какъ прежде царское величество былъ къ гетману и ко всему войску запорожскому милостивъ, такъ бы и теперь своей государской милости отъ нихъ не отдалялъ и непріятелямъ ихъ, полякамъ, помощи на нихъ не давалъ; а кромѣ того ни о чемъ говорить не наказано».

Но 1653 годъ заставилъ Богдана перемѣнить мысли, которыя онъ имѣлъ въ 1652. Въ началѣ года лучшій полководецъ польскій, Чарнецкій, ворвался въ Украйну и сильно опустошилъ ее; въ Польшѣ дѣлалось вооруженіе; въ Молдавіи Хмельницкому должно было защищать свата своего Липулу, противъ котораго встали господарь Волошскій и князь трансильванскій Рагоци. Въ апрѣлѣ пріѣхали отъ гетмана въ Москву Кодратъ Бырляй и Силуанъ Мужиловскій съ просьбою, чтобъ великій государь пожаловалъ, для православной христіанской вѣры велѣлъ гетмана со всѣмъ войскомъ запорожскимъ принять подъ свою государеву высокую руку и учинилъ бы имъ на непріятелей ихъ поляковъ помощь думою и своими государевыми ратными людьми. Къ нимъ писали и присылали много разъ турскій султанъ и крымскій ханъ, зовя къ себѣ въ подданство; но они въ томъ имъ отказали, что они мимо великаго христіанскаго государя царя къ бусурманамъ въ подданство идти не хотятъ. Если царское величество то ихъ междоусобіе успокоитъ миромъ черезъ своихъ пословъ, они и той государской милости ради и изъ воли его государской не выступаютъ, только бъ изволилъ царское величество послать теперь поскорѣе къ королю гонца, чтобъ онъ войною на запорожское войско не наступалъ и задоровъ никакихъ чинить не велѣлъ. Королева шведская отправила пословъ своихъ къ гетману и ко всему войску запорожскому неизвѣстно о какихъ дѣлахъ, и тѣхъ ея пословъ на дорогѣ переняли поляки: такъ гетманъ велѣлъ у царскаго величества милости просить, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ, посланниковъ, пропустить къ шведской королевѣ черезъ свое государство провѣдать, для чего она своихъ пословъ къ нему посылала, а для вѣрности пусть царское величество пошлетъ съ ними въ Швецію отъ себя кого ему угодно. Бырляй и Мужиловскій привезли грамоты отъ Хмельницкаго къ патріарху

Никону, къ боярамъ — Морозову, Милославскому, Пушкину, съ низкимъ челобитьемъ, съ смиренною просьбою, чтобъ они ходатайствовали предъ православнымъ царемъ за него, гетмана, прямого слугу царскаго величества. Государь не велѣлъ пропускать Бырляя и Мужиловскаго въ Швецію на томъ основаніи, что это можетъ помѣшать переговорамъ съ Польшею. Въ это время принятіе въ подданство Малороссіи и война польская были уже рѣшены въ Москвѣ: первая дума объ этомъ у государя съ боярами была 22 февраля 1653 года, въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста, а «совершися государская мысль въ семъ дѣлѣ» въ понедѣльникъ третьей недѣли великаго поста, марта 14 [66].

Для послѣднихъ переговоровъ 24 апрѣля 1653 года отправлены были въ Польшу полномочные послы: бояринъ князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, бояринъ князь Өедоръ Өедоровичъ Волконскій и дьякъ Алмазъ Ивановичъ. Послы нашли Яна Казимира во Львовѣ 20 іюля и потребовали, чтобъ король надъ виновными въ умаленіи государева титула велѣлъ справедливость учинить предъ ними же, великими послами, безъ всякой отволоки. Потомъ послы объявили другое дѣло: присылалъ къ великому государю запорожскій гетманъ Богданъ Хмельницкій, что договоръ, заключенный съ козаками сперва подъ Зборовомъ, а потомъ подъ Бѣлою Церковью, не исполненъ съ королевской стороны: церкви не отданы, многихъ православныхъ христіанъ духовнаго и мірского чина невинно замучили, войска на нихъ коронныя и литовскія собраны, хотятъ на нихъ приходить тайно, чтобъ ихъ безвѣстно разорить и искоренить: такъ чтобъ великій государь для православной вѣры милость надъ ними показалъ, за нихъ вступился и принялъ ихъ подъ свою высокую руку; если же царское величество ихъ не пожалуетъ, то они поневолѣ учинятся въ подданствѣ у турскаго султана или крымскаго хана, потому что впередъ панамъ раднымъ вѣрить нельзя, никогда они въ правдѣ своей не стоятъ; а подъ турскимъ султаномъ живутъ многіе христіане, и такого гоненія отъ бусурманъ не бываетъ, какое имъ, черкасамъ, отъ поляковъ. Великій государь, остерегая вѣчное докончаніе, запорожскимъ посланцамъ велѣлъ сказать, что имъ быть попрежнему подъ королевскимъ повелѣньемъ безо всякаго сомнѣнія; гетманъ и все войско запорожское отвѣчало, что если государь подъ свою руку ихъ не принимаетъ и къ бусурманамъ въ

подданство идти не велитъ, то чтобъ царское величество съ королемъ ихъ помирилъ черезъ своихъ великихъ пословъ, и быть имъ въ прежнихъ вольностяхъ безъ всякаго насилованія, а какъ миръ станется, то они сейчасъ же отъ бусурмановъ отстанутъ. И великій государь указалъ имъ, великимъ посламъ, панамъ раднымъ говорить, чтобъ королевское величество государства своего до раздѣленія и до большаго междоусобія и разоренія не допускалъ, подданныхъ своихъ черкасъ отъ поганцевъ отлучилъ, договоръ съ ними учинилъ крѣпкій, чтобъ имъ впередъ въ вѣрѣ неволи не было и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ.

Паны отвѣчали что Хмельницкій говоритъ все неправду, что онъ поддается турскому султану и принялъ бусурманскую вѣру; объ этомъ они узнали недавно; только бусурманскую вѣру принялъ онъ одинъ, Хмельницкій, чернь султану поддаться не захотѣла, и королевское величество, не желая видѣть православныхъ христіанъ въ подданствѣ у султана, идетъ на Хмельницкаго самъ со многими войсками, и станетъ Хмельницкаго съ товарищами его добивать, чтобъ больше государству его разоренія отъ этихъ бунтовщиковъ не было. Послы возражали: «Вы, паны радные, говорите неправду: царскому величеству подлинно извѣстно, что православнымъ христіанамъ отъ васъ и отъ вашего духовенства въ вѣрѣ неволя большая». Когда паны донесли королю о рѣчахъ посольскихъ, то Янъ Казимиръ велѣлъ отвѣчать посламъ, что Хмельницкій требуетъ возобновленія Зборовскаго договора; но ему, королю, какъ стерпѣть, что подданный его, самый худой человѣкъ, хлопъ, пишетъ, чтобъ сдѣлано было по его хотѣнью, чего въ Польшѣ и Литвѣ никогда не бывало, а теперь Хмельницкій поддается турскому султану и зоветъ крымскаго хана къ себѣ на помощь, обѣщаетъ султану, что приметъ бусурманскую вѣру. Хмельницкій самый лютый воръ и такому вору какъ вѣрить? Паны объявили посламъ, что о Зборовскомъ договорѣ они и слышать не хотятъ, договоръ этотъ за неправды Хмельницкаго снесенъ саблею; но для царскаго величества король милосердіе свое покажетъ, если Хмельницкій добьетъ ему челомъ, булаву отдастъ и впередъ гетманомъ не будетъ; если и козаки добьютъ также челомъ, оружіе свое все положатъ и будутъ попрежнему въ хлопахъ у пановъ своихъ и пашню станутъ пахать, а реестровыхъ козаковъ будетъ по прежнему шесть тысячъ, и станутъ жить въ

Запорожьѣ и гдѣ прежде живали, а въ Кіевѣ и другихъ городахъ по обѣ стороны Днѣпра будетъ стоять войско коронное и литовское; если же Хмельницкій этого не сдержитъ, то царское величество помогъ бы на него королю своими ратными людьми. Послы настаивали, чтобъ король помирился съ козаками на зборовскихъ условіяхъ; паны повторяли, что они о зборовскомъ договорѣ и слышать не хотятъ. Послы предложили, чтобъ король послалъ отъ себя своего дворянина, а они, послы, отправятъ своего къ Хмельницкому для унятія крови христіанской; паны, именемъ королевскимъ, отвѣчали, что не только королю, но и посламъ отправлять своего дворянина не годится: всякій подумаетъ, будто король у измѣнника своего мира проситъ, и, боясь его, позволилъ вамъ послать за миромъ къ такому измѣннику, кривоприсяжцѣ, худому человѣку хлопу; надобно было Хмельницкому напередъ прислать къ королевскому величеству съ челобитьемъ. Если царскому величеству надобно, чтобъ Хмельницкій былъ у королевскаго величества въ подданствѣ, то пусть пошлетъ отъ себя къ Хмельницкому, возьметъ у него статьи, на которыхъ онъ хочетъ быть въ подданствѣ, и перешлетъ эти статьи къ королю, а король рѣшитъ, на какія статьи можно согласиться и на какія нѣтъ. Послы отвѣчали, что Хмельницкій кромѣ зборовскаго договора ничего не приметъ. Паны говорили *гораздо сердито*, что зборовскаго договора и на свѣтѣ нѣтъ, съ Хмельницкимъ у короля никакого договора не было, былъ договоръ подъ Зборовымъ съ крымскимъ ханомъ; договоръ этотъ нарушенъ Хмельницкимъ, послѣ чего былъ другой договоръ подъ Бѣлою Церковію, и тотъ нарушенъ Хмельницкимъ же, и теперь король всѣхъ этихъ измѣнниковъ снесетъ и до конца разоритъ. Послы: «Королевскому величеству и вамъ, панамъ, надобно разсудить: если вы этихъ своихъ подданныхъ побьете, города и мѣста разорите и сдѣлаете пустоту, то побьете и розорите не чужое государство, а свое; послѣ эти пустыя мѣста кѣмъ вамъ будетъ населить? всякій государь славенъ и силенъ подданными своими, а у пустоты государю безсиліе и безславіе; подъ Зборовымъ король договоръ учинилъ православной вѣры не тѣснить, а унію искоренить, и на этихъ зборовскихъ статьяхъ принялъ Хмельницкаго въ подданство по просьбѣ бусурмана крымскаго хана; но теперь бы королевское величество, по просьбѣ христіанскаго государя,

царскаго величества, принялъ Хмельницкаго въ подданство по зборовскому договору, и православной вѣры тѣснить не велѣлъ».

Послѣ этихъ разговоровъ послы начали дѣло о новыхъ прописках въ титулѣ, требовали по прежнему смертной казни виновнымъ и приводили въ примѣръ персидскаго шаха, который прислалъ государю на смертную казнь виновнаго въ пропискѣ титула. Паны отвѣчали: «И король пришлетъ виноватыхъ къ вашему государю на смертную казнь, если государь вашъ пришлетъ напередъ къ королю головою своего патріарха, за то, что онъ въ королевскихъ областяхъ, уступленныхъ по послѣднему миру, въ попы ставитъ и благословенныя грамоты даетъ, чѣмъ нарушаетъ мирное постановленье». Потомъ возвратились къ дѣлу Хмельницкаго, и послы объявили, что король присягалъ не нарушать вѣры и вольности своихъ подданныхъ; если же онъ станетъ тѣснить православную вѣру, то подданные, какъ написано въ присягѣ, будутъ свободны отъ подданства. Паны отвѣчали, что посламъ въ эти дѣла, въ королевскія присяги, вступаться не довелось, и греческой вѣрѣ утѣсненья въ Польшѣ и Литвѣ нѣтъ. Тутъ послы объявили, что если король перестанетъ тѣснить православную вѣру, уничтожитъ унію и приметъ Хмельницкаго въ подданство по зборовскому договору, то государь, для такого добраго дѣла, велитъ всѣ прежнія ссоры отъ прописокъ въ титулѣ оставить. Паны отвѣчали: «Если царскому величеству угодно, чтобъ король простилъ Хмельницкаго и козаковъ, то пусть же послы отправятъ къ Хмельницкому отъ себя посольство и уговорятъ его выйти на встрѣчу къ королю и бить ему челомъ, когда король пойдетъ на него съ войскомъ». Послы объявили прежнее, что если король хочетъ принять козаковъ по зборовскому договору, то они послы могутъ быть посредниками. Паны отвѣчали: «Чѣмъ вы королевское величество обнадежите, что Хмельницкій дѣйствительно захочетъ соблюдать миръ и не захочетъ многихъ прихотей? Этотъ измѣнникъ и врагъ Божій непостояненъ, три раза присягалъ и нарушалъ присягу; да и то королевскому величеству не важное дѣло, если Хмельницкій и поддастся турскому султану: чернь и козаки уже отъ него отстали и присылали къ королю кіевскаго полковника Антона Ждановича бить челомъ о винахъ своихъ». Послы: «Мы будемъ уговаривать Хмельницкаго, чтобъ онъ, кромѣ вѣры, во всѣхъ другихъ статьяхъ от-

дался на волю королевскую, и если онъ согласится, то этимъ самымъ объявитъ свою правду». Паны отвѣчали: «Король на зборовскихъ статьяхъ ни за что съ Хмельницкимъ не помирится, и унію уничтожить нельзя, потому что сами уніаты на это не согласятся. Дайте, великіе послы, обязательство, что если Хмельницкій помирится и мира не сдержитъ, то царское величество заплатитъ королю за теперешнія военныя издержки и поможетъ на Хмельницкаго своими ратными людьми». Послы не согласились дать это обязательство. Тогда паны объявили послѣднюю мѣру: если Хмельницкій булаву положитъ и гетманомъ не будетъ, козаки оружіе свое передъ королемъ положатъ и станутъ просить милосердія, тогда король, для царскаго величества, окажетъ имъ милость. Несмотря, однако, на эту конечную мѣру, паны вскорѣ объявили посламъ, что король согласенъ, чтобъ они, послы, отправили своего дворянина къ Хмельницкому; но послы отвѣчали, что теперь имъ этого сдѣлать уже нельзя: они получили вѣсть, что Хмельницкій идетъ на короля войною вмѣстѣ съ крымскими татарами, чего онъ не долженъ былъ дѣлать, не получивши отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта о неуспѣшности ихъ переговоровъ; такимъ образомъ Хмельницкій сдѣлался измѣнникомъ и царскому величеству, и потому они, послы, о Хмельницкомъ больше говорить не будутъ. Такъ какъ король на уничтоженіе уніи не согласился, за что царь готовъ былъ оставить всѣ свои требованія относительно прописокъ въ титулѣ, то послы обратились снова къ этимъ требованіямъ; паны отвѣчали, что на счетъ прежнихъ прописокъ постановленъ сеймовый декретъ, вопреки которому сдѣлать ничего нельзя; что же касается новыхъ прописокъ, сдѣланныхъ послѣ посольства Прончищева, то король посмотритъ, какъ царь распорядится съ собственными подданными, виновными въ пропискѣ королевскаго титула, виновными въ пропускѣ малороссійскихъ козаковъ черезъ Брянскій уѣздъ въ Литву на войну, съ патріархомъ, виновнымъ въ томъ, что ставилъ поповъ въ королевскую сторону. Съ этимъ послы и были отпущены [67].

Въ то время, какъ Репнинъ съ товарищами вели эти переговоры во Львовѣ, Хмельницкій, угрозою поддаться турецкому султану, торопилъ дѣло въ Москвѣ. Онъ объявилъ Сергѣю Яцыну, посланцу путивльскаго воеводы князя Хилкова: «Вижу, что государской милости не дождаться, не отойти мнѣ бусурманскихъ

невѣрныхъ рукъ, и если государской милости не будетъ, то я слуга и холопъ турскому». 15 іюня Яцынъ пріѣхалъ въ Путивль и сказалъ, что у гетмана турецкіе послы были и еще полномочный посолъ идетъ, только присяги ждетъ. Получивши это донесеніе, царь послалъ къ гетману стольника Лодыженскаго съ слѣдующею грамотою (отъ 22 іюня): «Мы изволили васъ принять подъ нашу высокую руку, да не будете врагамъ креста Христова въ притчу и въ поношеніе, а ратные наши люди сбираются». Хмельницкій отвѣчалъ 9 августа: «Пребываемъ благонадежны на премногую милость, которую намъ твое царское величество показать изволилъ, что не оставлены будемъ изъ-подъ крѣпкой руки твоего царскаго величества. Мы иному невѣрному царю служить не хотимъ, только тебѣ бьемъ челомъ, чтобъ твое царское величество не оставлялъ насъ. Король польскій со всею силою ляцкою идетъ на насъ, погубить хотя вѣру православную. Съ извѣстіемъ объ этомъ отправили мы къ тебѣ посланца нашего Герасима Яковлева, молясь прилежно пресвѣтлому твоему лицу, чтобъ твое великое государство скорою и сильною ратію намъ руку помощи послать изволилъ, а мы мириться не будемъ съ королемъ до милостивой вѣсти отъ твоего великаго государства». Выговскій въ то же время писалъ къ думному дьяку Ларіону Лопухину: «Татарамъ уже не вѣримъ, потому что только утробу свою насытить ищутъ» [68].

Въ августѣ же отправился въ Малороссію подъячій Иванъ Ѳоминъ, который долженъ былъ отдать тайно Выговскому грамоты турецкаго султана, крымскаго хана, силистрійскаго паши, гетмановъ Потоцкаго и Радзивила къ Хмельницкому, ибо всѣ эти грамоты тайно пересланы были Выговскимъ въ Москву. За эту службу царь прислалъ Выговскому 40 соболей да три пары соболей добрыхъ. Ѳоминъ такъ описываетъ пріемъ свой у Хмельницкаго: когда онъ подалъ гетману царскую грамоту, то Богданъ принялъ ее честно и учтиво, въ печать и въ грамоту любезно цѣловалъ; распечатавши и прочтя ее самъ, опять цѣловалъ, и среди свѣтлицы на государской милости поклонился въ землю и сказалъ: «Благодарю Господа Бога и Пречистую Богородицу, что такой пресвѣтлый великій государь меня, холопа своего, и все войско запорожское пожаловалъ своимъ царскимъ неизреченнымъ жалованьемъ». Ѳоминъ говорилъ: «Божіею милостію ве-

ликій государь жалуетъ тебя, гетмана Богдана Хмельницкаго, и писаря Ивана Выговскаго и полковниковъ и все войско запорожское православной христіанской вѣры, велѣлъ васъ спросить о здоровьѣ». Гетманъ отвѣчалъ: «На премногой государской милости я и все войско много челомъ бьемъ и, видя такую царскаго величества премногую милость, служить какъ Богу, такъ и ему государю, помазаннику Божію, и добра хотѣть во всемъ ради». При этихъ словахъ всѣ поклонились низко. Гетману Ѳоминъ подалъ отъ государя 40 соболей да двѣ пары добрыхъ, значитъ меньше чѣмъ Выговскому, которому при гетманѣ явно дана только пара соболей. Наединѣ Ѳоминъ говорилъ гетману: «Великій государь тебя, гетмана, и все войско запорожское за вашу службу жалуетъ, милостиво похваляетъ: и ты бъ, гетманъ, и все войско запорожское и впередъ великому государю служили и радѣли во всемъ, а служба ваша у царскаго величества никогда забвенна не будетъ». Гетманъ отвѣчалъ, что онъ и писарь и все войско великому государю служить рады, только бъ великій государь изволилъ ихъ принять вскорѣ подъ свою высокую руку въ вѣчное холопство и своими ратными людьми на ляховъ помощь велѣлъ дать также поскорѣе, потому что ляхи уже наступаютъ. «Еслибъ» говорилъ Хмельницкій: «царское величество изволилъ насъ принять вскорѣ и послалъ своихъ ратныхъ людей, то я тотчасъ пошлю свои грамоты въ Оршу, Мстиславль и въ другіе города къ бѣлорусскимъ людямъ, которые живутъ за Литвою, и они тотчасъ станутъ съ ляхами биться, и будетъ ихъ съ 200,000».

6 сентября отправлены были къ Богдану новые посланники: стольникъ Родіонъ Стрѣшневъ и дьякъ Бредихинъ, объявить, что если поляки по посольству князя Репнина-Оболенскаго не исправятся, то государь приметъ козаковъ. Репнинъ возвратился и объявилъ о неудачѣ своего посольства; тогда, 20 сентября, послали гонца догнать Стрѣшнева и Бредихина на дорогѣ и отдать имъ новый наказъ: объявить гетману прямо, что государь принимаетъ его подъ свою высокую руку, а 1-го октября созванъ былъ соборъ изъ всякихъ чиновъ людей, которымъ объявлено о неправдахъ литовскаго короля и присылкахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ челобитьемъ о подданствѣ. «Секретари королевскіе и воеводы порубежныхъ городовъ пишутъ царскій титулъ не по

вѣчному докончанію, со многими перемѣнами; а иные злодѣи во многихъ листахъ писали съ великимъ безчестьемъ и укоризною. Отправляемы были къ королю великіе послы и посланники говорить о государевой чести и просить наказанія ея оскорбителямъ; король Владиславъ обѣщалъ, что впередъ этого ничего не будетъ; но обѣщаніе не было исполнено. Мало того: появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про царя Михаила, отца его патріарха Филарета и про самого царя Алексѣя напечатаны злыя безчестья, укоризны и хулы, также про московскихъ бояръ и всякихъ чиновъ людей. Государь послалъ боярина Пушкина просить у короля смертной казни виновнымъ: паны обѣщали; въ другой разъ посланъ былъ Прончищевъ требовать исполненія обѣщанія: король Янъ Казимиръ отправилъ въ отвѣтъ своихъ посланниковъ въ Москву съ сеймовымъ декретомъ на обвиненныхъ; но этотъ декретъ постановленъ былъ не такъ, какъ требовалось: многіе виновные оправданы, а нѣкоторые хотя и обвинены, но прибавлено, что неизвѣстно, живы ли они или померли. Снова отправлены были великіе и полномочные послы— князь Репнинъ-Оболенскій съ товарищами, требовать, чтобъ король учинилъ пристойное исправленіе; паны радные отвѣчали, что все это требованія пустыя, что они постановили декретъ противъ виновныхъ и впередъ будутъ судить оскорбителей царской чести. Больше князь Репнинъ ничего не могъ добиться. Кромѣ этого неисправленія Янъ Казимиръ ссылается съ крымскимъ ханомъ противъ московскаго государства, пропустилъ крымскаго посла чрезъ свою землю въ Швецію; въ порубежныхъ мѣстахъ отъ литовскихъ людей постоянные задоры. Наконецъ, въ прошлыхъ годахъ гетманъ Хмельницкій и все войско запорожское много разъ присылали, жалуясь на гоненіе за вѣру и прося царское величество принять ихъ подъ свою высокую руку; если же государь ихъ не пожалуетъ, въ подданство не приметъ, то, по крайней мѣрѣ, вступился бы за нихъ, помирилъ съ поляками. По этой просьбѣ царь велѣлъ князю Репнину ходатайствовать у короля за малороссіянъ, и князь Репнинъ потребовалъ, чтобъ поляки исполняли статьи Зборовскаго договора и возвратили православнымъ церкви ихъ, отнятые уніатами, и если король исполнитъ это, то царь обѣщалъ простить всѣхъ виновныхъ въ умаленіи его титула. Это требованіе король и паны поставили ни

во что, тогда какъ Янъ Казимиръ, при избраніи своемъ, далъ клятву не тѣснить никого за вѣру, и, въ случаѣ нарушенія клятвы, освобождалъ подданныхъ отъ присяги. Теперь же гетманъ Богданъ Хмельницкій прислалъ опять посланца своего Лаврина Капусту съ тѣмъ, что король идетъ на Украйну войною, и козаки, не хотя монастырей, церквей Божіихъ и христіанъ въ мучительство выдать, бьютъ челомъ, чтобъ государь войска свои вскорѣ послать къ нимъ велѣлъ, да чтобъ государь велѣлъ прислать въ Кіевъ и въ другіе города своихъ воеводъ, а съ ними ратныхъ людей хотя съ 3,000 человѣкъ, и то для тѣхъ же государевыхъ воеводъ, а у гетмана людей много; да къ нему же хотѣлъ быть крымскій ханъ съ ордою, и иные татары уже пришли и стоятъ подъ Бѣлой Церковію; да къ гетману же присылалъ турскій султанъ звать его себѣ въ подданство, и гетманъ ему отказалъ, надѣясь на государеву милость; если же государь его не пожалуетъ, принять не велитъ, то онъ станетъ свидѣтельствоваться Богомъ, что у государя милости просилъ много, а государь его не пожаловалъ; съ королемъ же у нихъ мира отнюдь не будетъ, будутъ противъ него стоять».

Выслушавъ это объявленіе, бояре приговорили: «За честь царей Михаила и Алексѣя стоять и противъ польскаго короля войну вести, а терпѣть того больше нельзя. Гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское съ городами ихъ и землями чтобъ государь изволилъ принять подъ свою высокую руку, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей; да и потому доведется ихъ принять: въ присягѣ Яна Казимира короля написано, что ему никакими мѣрами за вѣру самому не тѣснить и никому этого не позволять; а если онъ этой присяги не сдержитъ, то онъ подданныхъ своихъ отъ всякой вѣрности и послушанья дѣлаетъ свободными. Но Янъ Казимиръ своей присяги не сдержалъ, и чтобъ козаковъ не отпустить въ подданство турскому султану или крымскому хану, потому что они стали теперь присягою королевскою вольные люди, надобно ихъ принять».

Стрѣшневъ и Бредихинъ не нашли Богдана въ Чигиринѣ: 13 августа изъ Переяславля онъ разослалъ универсалы, призывая народъ вооружиться противъ вѣроломныхъ ляховъ, поднявшихъ на Украйну трансильванскаго князя и волоховъ. Около Богдана собралось 60,000 войска; но старый гетманъ не зналъ, куда съ

нимъ двинуться: съ одной стороны шелъ на Украйну король, съ другой пришла вѣсть изъ Молдавіи, что сынъ гетманскій, Тимоѳей Хмельницкій, осажденъ въ Сочавѣ возставшими противъ его тестя молдаванами, волохами, трансильванцами и поляками. Когда Богданъ стоялъ съ своимъ войскомъ подъ Боркомъ, пришла къ нему другая вѣсть, что Тимоѳей опасно раненъ; старикъ рѣшился двинуться въ Молдавію на помощь къ сыну, но пришли къ нему полковники и объявили: «Непотребно намъ чужую землю оборонять, а свою безъ остереганья метать, будетъ съ насъ и того, что за себя стоять и свою землю оборонять». У гетмана въ это время было подпито: онъ вынулъ саблю и порубилъ черкасскаго полковника Еско по лѣвой рукѣ. Протрезвившись, онъ поспѣшилъ поправить дѣло: пришелъ къ козакамъ, поклонился трижды въ землю, велѣлъ выкатить имъ бочку меду и сказалъ: «Дѣтки мои! напейтесь и меня не подайте!» Козаки отвѣчали: «Панъ гетманъ! въ томъ воля твоя, а быть съ тобою мы всѣ готовы». Хмельницкій выступилъ въ Молдавію, но на дорогѣ встрѣтились ему козаки, вышедшіе изъ Сочавы, послѣ сдачи ея непріятелямъ: они везли съ собою гробъ молодого Тимоѳея Хмельницкаго. Старику не было теперь болѣе нужды идти въ Молдавію; во второй половинѣ ноября вмѣстѣ съ ханомъ онъ двинулся на поляковъ, которые стояли подъ Жванцомъ, на берегу Днѣстра, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца. Здѣсь повторилась зборовская исторія: король съ своимъ малочисленнымъ войскомъ находился въ отчаянномъ положеніи, но ханъ спасъ его, принявши мирныя предложенія: король обѣщалъ ему исправно посылать деньги, на основаніи зборовскаго договора, и позволилъ татарамъ впродолженіи сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ русскихъ жителей въ польскихъ областяхъ, не касаясь поляковъ. Хмельницкаго ханъ увѣрялъ, что выговорилъ для козаковъ зборовскія условія; но Богданъ, съ которымъ король не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія, поспѣшилъ уйти съ своимъ войскомъ въ Чигиринъ, чтобъ покончить дѣло съ Москвою.

24 декабря пріѣхалъ Богданъ въ Чигиринъ, гдѣ дожидались его московскіе посланники — Стрѣшневъ и Бредихинъ, которые объявили, что царь велѣлъ принять козаковъ съ городами и землями подъ свою высокую руку. Гетманъ 28 декабря отвѣчалъ благодарственною грамотою, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ

до лица земли низко челомъ билъ: «Ради твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрно во всемъ служить и крестъ цѣловать, и по повелѣнію твоего царскаго величества повиноваться готовы будемъ, понеже мы ни на кого, только на Бога и на твое пресвѣтлое царское величество надѣемся». Въ Москвѣ долго думали, но, надумавшись, спѣшили рѣшеннымъ дѣломъ. За Стрѣшневымъ и Бредихинымъ отправились въ Малороссію бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ принять присягу съ гетмана и со всего войска. Они выѣхали изъ Москвы 9 октября, но за рубежъ перешли только 22 декабря, и 23 Бутурлинъ писалъ къ Стрѣшневу въ Чигиринъ, спрашивалъ, видѣлся ли онъ съ гетманомъ и какъ у нихъ дѣло дѣлалось? Въ Малороссіи уже знали, зачѣмъ идетъ Бутурлинъ съ товарищами, и потому во всѣхъ городахъ встрѣчали его съ торжествомъ, духовенство съ крестами, мѣщане съ хлѣбами. Бояринъ направлялъ путь къ Переяславлю. 31 декабря за пять верстъ отъ этого города выѣхалъ къ нему на встрѣчу переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря и 600 козаковъ. Сойдя съ лошади, Тетеря говорилъ Бутурлину рѣчь: «Благовѣрный благовѣрнаго и благочестивый благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича его государскаго величества великій бояринъ и прочіе господа! Съ радостію ваше.благополучное пріемлемъ пришествіе, отъ многаго бо времени сердце наше горѣло бѣ въ наю слухомъ услаждаясь, яко со исполненіемъ царскаго обѣта грядете къ намъ, еже быти подъ высокою великодержавнаго благочестиваго царя восточнаго рукою православному и преславному войску запорожскому. Тѣмъ же азъ меньшій въ рабѣхъ того войска запорожскаго, имѣя приказъ отъ Богомъ даннаго намъ гетмана Зиновія Хмельницкаго въ богоспасаемомъ градѣ Переяславлѣ, изшедъ во срѣтеніе ваю, радостное благородіемъ вашимъ привѣтствованіе сотворяю и нижайшее со всѣмъ войскомъ, въ томъ же градѣ содержащимся, творю поклоненіе, а въ упокоеніе труда путнаго милостей вашихъ во обитель града Переяславля внити молю прилежно». При въѣздѣ въ городъ новая встрѣча отъ духовенства съ образами и хоругвями, новая рѣчь отъ протопопа. Тетеря объявилъ Бутурлину, что гетманъ хотѣлъ быть изъ Чигирина въ Переяславль прежде его боярскаго пріѣзда, но нельзя переѣхать черезъ Днѣпръ; по той же причинѣ долженъ былъ оставаться въ Чигиринѣ и Стрѣшневъ.

6 генваря 1654 года пріѣхалъ въ Переяславль и Хмельницкій; на другой день пріѣхалъ писарь Выговскій, съѣхались полковники и сотники. 8 числа утромъ пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что у гетмана съ полковниками, судьями и есаулами была тайная рада, и полковники, судьи и есаулы подъ государеву высокую руку подклонились. Послѣ тайной рады въ тотъ же день назначена была явная. Съ ранняго утра начали бить въ барабанъ и били цѣлый часъ, чтобъ собирался народъ. Когда собралось много всякихъ чиновъ людей, сдѣлали кругъ пространный, куда вошелъ гетманъ подъ бунчукомъ, съ нимъ судьи, есаулы, писарь и всѣ полковники. Гетманъ сталъ посреди круга, войсковой есаулъ велѣлъ всѣмъ молчать, и гетманъ началъ говорить:

«Паны полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! Вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божію, дабы имя русское не помянулось въ землѣ нашей, что̀ уже очень намъ всѣмъ наскучило, и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для этого собрали мы раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами выбрали себѣ государя изъ четырехъ кого хотите: первый царь турецкій, который много разъ черезъ пословъ своихъ призывалъ насъ подъ свою власть; второй—ханъ крымскій; третій—король польскій, который, если захотимъ, и теперь насъ еще въ прежнюю ласку принять можетъ; четвертый есть православный Великой Россіи государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси самодержецъ восточный, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями нашими себѣ просимъ: тутъ котораго хотите избирайте! Царь турецкій бусурманъ: всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, Греки бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ отъ безбожныхъ утѣсненій; крымскій ханъ тоже бусурманъ, котораго мы по нуждѣ въ дружбу принявши, какія нестерпимыя бѣды испытали! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христіанина, брата нашего, почитали. А православный христіанскій великій государь царь восточный еди-

наго съ нами благочестія, греческаго закона, единаго исповѣданія, едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій государь царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Россіи, шестилѣтнихъ нашихъ моленій безпрестанныхъ не презрѣвши, теперь милстивое свое царское сердце къ намъ склонивши, своихъ великихъ ближнихъ людей къ намъ съ царскою милостію своею прислать изволилъ; если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ; если же кто съ нами не согласенъ, то куда хочетъ—вольная дорога». Тутъ весь народъ завопилъ: «Волимъ подъ царя восточнаго православнаго! лучше въ своей благочестивой вѣрѣ умереть, нежели ненавистнику Христову, поганину достаться!» Потомъ полковникъ переяславскій Тетеря, ходя въ кругу, спрашивалъ на всѣ стороны: «Всѣ ли такъ соизволяете!»–«Всѣ единодушно!» раздавался отвѣтъ. Гетманъ сталъ опять говорить: «Будь такъ, да Господь Богъ нашъ укрѣпитъ насъ подъ его царскою крѣпкою рукою!» Народъ на это завопилъ единогласно: «Боже утверди! Боже укрѣпи! чтобъ мы во вѣки все едино были».

Послѣ рады гетманъ съ старшинами пріѣхалъ къ боярину, который объявилъ имъ: «Великій государь, видя съ королевской стороны неисправленье и досады и вѣчному докончанію нарушенье и не желая того слышать, чтобъ вамъ, единовѣрнымъ православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ разореньи, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ латиновъ, подъ свою высокую руку васъ, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское съ городами и землями, отъ королевскаго подданства преступленіемъ присяги его свободныхъ, принять велѣлъ и помощь вамъ своими ратными людьми чинить велѣлъ. И ты бъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, видя къ себѣ великаго государя милость и жалованье, государю служили, всякаго добра хотѣли и на его милость были надежны: а великій государь станетъ васъ держать въ своей милости и отъ недруговъ вашихъ въ оборонѣ».

Выслушавъ эту рѣчь, гетманъ и старшины на государевой милости били челомъ; и потомъ вмѣстѣ съ бояриномъ поѣхали въ каретѣ въ соборную церковь. Тамъ уже дожидались ихъ казан-

скій преображенскій архимандритъ Прохоръ, рождественскій протопопъ Адріанъ, священники и дьяконы, которые пріѣхали изъ Москвы. Духовенство встрѣтило боярина и гетмана съ крестами и кадилами, пѣли: «Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка!» Когда всѣ вошли въ церковь, то духовенство хотѣло уже начать приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ, присланной изъ Москвы; но гетманъ подошелъ къ Бутурлину и сказалъ: «Тебѣ бы боярину Василью Васильевичу съ товарищами, присягнуть за государя, что ему насъ польскому королю не выдавать, за насъ стоять и вольностей не нарушать: кто былъ шляхтичъ, или козакъ, или мѣщанинъ, и какія маетности у себя имѣлъ, тому бы всему быть попрежнему, и пожаловалъ бы великій государь, велѣлъ дать намъ грамоты на наши маетности». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государямъ нашимъ присягали ихъ государскіе подданные, также и великому государю царю Алексѣю Михайловичу клянутся служить и прямить и всякаго добра хотѣть; а того, что за великаго государя присягать, никогда не бывало и впередъ не будетъ; тебѣ, гетману, и говорить объ этомъ непристойно, потому что всякій подданный повиненъ присягнуть своему государю, и вы бы, какъ начали великому государю служить и о чемъ били челомъ, такъ бы и совершили и присягнули бы великому государю по евангельской заповѣди безъ всякаго сомнѣнія, а великій государь вольностей у васъ не отнимаетъ и маетностями каждому велитъ владѣть по прежнему». Гетманъ сказалъ на это, что поговоритъ съ полковниками и со всѣми людьми, и вышедши изъ церкви, пошелъ въ домъ къ переяславскому полковнику Тетерѣ и долго говорилъ тамъ съ полковниками и со всѣми людьми, а бояринъ все дожидался въ церкви. Вошли въ церковь два полковника—переяславскій Тетеря и миргородскій Сахновичъ, и отъ имени гетмана начали говорить боярину тѣ же рѣчи, чтобъ присягнулъ за государя; Бутурлинъ отвѣчалъ прежнее: «Непристойное дѣло за государя присягать, никогда этого не повелось». Полковники замѣтили, что польскіе короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ; Бутурлинъ отвѣчалъ на это: «Польскіе короли подданнымъ своимъ присягаютъ, но этого въ образецъ ставить непристойно, потому что это короли невѣрные и не самодержцы, на чемъ и присягаютъ, на томъ никогда въ правдѣ сво-

ей не стоятъ». Полковники говорили: «Гетманъ и мы государскому слову вѣримъ, только козаки не вѣрятъ и хотятъ, чтобъ вы имъ присягнули». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Великій государь изволилъ васъ принять подъ свою высокую руку по вашему челобитью: и вамъ его государскую милость надобно помнить, великому государю служить и радѣть и всякаго добра хотѣть, также стараться о томъ, чтобъ все войско запорожское къ присягѣ привести; а если какіе-нибудь незнающіе люди такія непристойныя рѣчи и говорятъ, то вамъ надобно великому государю службу свою показать, а такихъ незнающихъ людей унимать».

Съ этимъ полковники пошли назадъ къ гетману; чрезъ нѣсколько времени явился самъ Хмельницкій и объявилъ боярину: «Мы во всемъ полагаемся на государеву милость, и присягу по евангельской заповѣди великому государю вседушно учинить готовы, и за государское многолѣтнее здоровье головы складывать рады, а о своихъ дѣлахъ станемъ мы бить челомъ великому государю». Архимандритъ началъ приводить къ присягѣ по чиновной книгѣ; гетманъ, писари и полковники плакали, произнося слова присяги. Потомъ, когда всѣ старшины присягнули, взошелъ на амвонъ благовѣщенскій дьяконъ Алексѣй и началъ кликать многолѣтье государю; народъ плакалъ отъ радости, что наконецъ сподобилъ ихъ Господь Богъ быть подъ государевою рукою. Послѣ всего этого гетманъ вмѣстѣ съ бояриномъ и товарищами его поѣхалъ изъ собора на съѣзжій дворъ въ каретѣ, а полковники и народъ шли пѣшкомъ. На съѣзжемъ дворѣ Бутурлинъ вручилъ Хмельницкому знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи, причемъ, подавая каждую вещь, говорилъ рѣчь; такъ, подавая знамя, говорилъ между прочимъ: «Царское величество сіе знаменіе тебѣ, благочестивый гетманъ, даруетъ: на семъ царскомъ своемъ знаменіи царя царствующихъ всемилостиваго Спаса написаннаго въ побѣду на враги, Пресвятую Богородицу въ покровъ и преподобныхъ Печерскихъ со святою Варварою русскихъ молитвенниковъ въ ходатайство тебѣ и всему твоему православному воинству подавая». Вручая ферязь, говорилъ: «Благочестивый государь, орла носяй печать, яко орелъ покрыти гнѣздо свое и на птенца своя вождлѣ, градъ Кіевъ съ прочими грады, царскаго своего орла нѣкогда гнѣздо сущіи хотяй милостію своею государскою покрыти, съ нимъ же и птенца своя вѣрныя нѣкогда подъ благочестивыхъ ца-

рей державою сущія въ защищеніе свое пріяти, въ знаменіе таковыя своея царскія милости тебѣ одежду сію даруетъ.» Подавая шапку: «Главѣ твоей, отъ Бога высокимъ умомъ вразумленной и промыслъ благоугодной о православія защищеніи смышляющей, сію шапку пресвѣтлое царское величество въ покрытіе даруетъ, да Богъ здраву голову твою соблюдая, всяцѣмъ разумомъ ко благому воинства православнаго строенію вразумляетъ.»

На другой день, 9 числа, присягали сотники, есаулы, писаря, козаки и мѣщане. 12 генваря пришли къ Бутурлину писарь Выговскій, войсковой судья Самойла, переяславскій полковникъ Павелъ Тетеря, миргородскій Григорій Сахновичъ и другіе полковники и говорили: «Не изволили вы присягать за великаго государя, такъ дайте намъ письмо за своими руками, чтобъ вольностямъ нашимъ, правамъ и маетностямъ быть попрежнему, для того, чтобъ всякому полковнику было что показать, пріѣхавъ въ свой полкъ; прежде какъ бывали у насъ договоры съ королемъ и панами радными, то намъ давали договоръ за сенаторскими руками; вы отъ великаго государя присланы съ полною мочью, и если вы намъ такого письма не дадите, то стольникамъ и дворянамъ въ города ѣхать для привода къ присягѣ нельзя, потому что всѣмъ людямъ въ городахъ будетъ сомнительно. Да писали къ гетману изъ Бѣлой Церкви и изъ другихъ городовъ, что татары наступаютъ, и стольникамъ и дворянамъ въ тѣ города ѣхать будетъ страшно.». Бутурлинъ отвѣчалъ: «Дѣло не статочное, что намъ дать вамъ письмо за руками своими, да и вамъ о томъ говорить непристойно; мы вамъ и прежде сказывали, что царское величество вольностей у васъ не отнимаетъ и въ городахъ у васъ указалъ государь до своего государева указа быть попрежнему вашимъ урядникамъ и судиться по своимъ правамъ, и маетностей вашихъ отнять государь не велитъ. Теперь надобно вамъ дѣлать такъ, чтобъ Божіе и государево дѣло во всемъ совершилось по его государскому указу, и чтобъ стольниковъ и дворянъ въ города послать и въ городахъ всѣхъ людей привести къ присягѣ, а если въ которомъ городѣ татары объявятся, и они въ тотъ городъ не поѣдутъ.» Писарь, судья и полковники спросили: «Долго ли стольникамъ и дворянамъ быть въ городахъ нашихъ?» Бутурлинъ отвѣчалъ: «Стольникамъ и дворянамъ въ вашихъ городахъ мѣшкать не для чего: какъ только людей къ присягѣ приведутъ,

и они изъ городовъ уѣдутъ.» Выговскій съ полковниками пошелъ сказать объ этомъ гетману и другимъ полковникамъ, послѣ чего пришелъ къ Бутурлину миргородскій полковникъ Сахновичъ и сказалъ, что гетманъ и полковники положились во всемъ на государеву волю. Потомъ пришла къ Бутурлину шляхта и говорила, чтобъ шляхта была между козаками знатна и судилась бы по своимъ правамъ, маетностямъ быть за ними попрежнему; причемъ подали роспись, гдѣ расписали себѣ воеводства и уряды. Бутурлинъ отвѣчалъ шляхтѣ, что они это дѣлаютъ непристойнымъ обычаемъ: еще ничего не видя, сами себѣ пописали воеводства и уряды, чего и въ мысли взять негодилось; объ этомъ онъ, бояринъ, скажетъ гетману. Тутъ шляхта стала бить челомъ, чтобъ гетману не говорить: «Мы такъ писали отъ своей мысли, а не по гетманскому приказу, это дѣло въ волѣ государевой».

14 генваря Бутурлинъ съ товарищами отправился въ Кіевъ; 16 числа, за полторы версты отъ Золотыхъ воротъ, встрѣтилъ его съ рѣчью митрополитъ Сильвестръ Коссовъ: «Цѣлуетъ васъ въ лицѣ моемъ онъ, благочестивый Владиміръ, великій князь Русскій; цѣлуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семъ мѣстѣ велію просіяти славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлуютъ васъ общему житію начальницы, Преподобный Антоній и Өеодосій Печерстіи и всѣ преподобніи, лѣта и животъ свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіе: цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе жь любовне взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится яко орля юность наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей русскихъ.» Сильвестръ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ лѣтомъ 1651 года, когда прислалъ государю слѣдующую грамоту: «Избранъ я на митрополію Кіевскую во время нужное, когда учинилась въ нашей литовской землѣ нынѣшняя междоусобная брань; крестьяне, приписанные къ церкви св. Софіи, пошли теперь въ козаки, церкви доходовъ, послушанія и строенія отъ нихъ нѣтъ, только надѣемся помощи отъ Бога и отъ твоего царскаго величества. Въ церкви св. Софіи нѣтъ книгъ: двѣнадцати миней мѣсячныхъ, да прологовъ на весь годъ, да Өеофилакта да устава большаго; а я отъ многихъ наѣздовъ властелинскихъ, которые

властели пріѣзжаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ козацкихъ старшинъ, изнищенъ до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: 12 миней мѣсячныхъ, да прологи сентябрскіе и мартовскіе, да Феофилакта, да уставъ большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чѣмъ бы мнѣ зимою согрѣться.» Просьба осталась безъ исполненія, потому что митрополитъ не подписался на грамотѣ своею рукою [69]. Во время послѣднихъ сношеній Хмельницкаго съ царемъ о подданствѣ Сильвестръ не отозвался ни разу; въ Москвѣ показалось это очень страннымъ: дѣло идетъ объ избавленіи православныхъ отъ гоненія нечестивыхъ латинъ, Малая Россія соединяется съ Великою во имя восточнаго православія, а митрополитъ молчитъ; помнили поведеніе Іова Борецкаго и тѣмъ болѣе изумлялись поведенію Сильвестра Коссова. Но между положеніемъ Іова и Сильвестра была большая разница: Іовъ держалъ митрополію во время сильнаго разгара борьбы между православіемъ и уніею, когда новопоставленные архіереи православные подвергались тяжелымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ; Іовъ въ крайности искалъ спасенія вездѣ, обращался къ козакамъ, обращался къ Москвѣ, причемъ всѣ другіе разсчеты и соображенія были забыты. Но Сильвестръ правилъ церковію совершенно въ иное время, когда, благодаря Хмельницкому, религіозныя преслѣдованія затихли: правда, католическіе прелаты не пустили Сильвестра въ сенатъ, за-то въ Кіевѣ его никто не трогалъ, въ Кіевѣ никто не запиралъ церквей православныхъ. Прекращеніе гоненій давало просторъ другимъ интересамъ: Сильвестръ былъ шляхтичъ, и потому не могъ не сочувствовать шляхетскому государству, а главное, при польскомъ владычествѣ онъ былъ независимъ, ибо зависимость отъ отдаленнаго и слабаго патріарха византійскаго была номинальная, тогда какъ при подданствѣ Малороссіи московскому государю трудно было избѣжать зависимости отъ московскаго патріарха, которая была уже не то.

Послѣ молебна спросилъ Бутурлинъ митрополита: «Почему въ то время, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское много разъ били челомъ великому государю принять ихъ подъ свою высокую руку, ты никогда о томъ не билъ челомъ, не писалъ и не искалъ себѣ милости царской?» Сильвестръ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не зналъ, а теперь за го-

сударево многолѣтнее здоровье и за государыню царицу и за благовѣрныхъ царевенъ онъ долженъ Бога молить. 17 генваря приведены были къ присягѣ сотники, есаулы, атаманы, козаки и мѣщане кіевскіе; но когда Бутурлинъ послалъ къ митрополиту и печерскому архимандриту, чтобъ они прислали къ присягѣ шляхту, слугъ и всѣхъ своихъ дворовыхъ людей, то получилъ отвѣтъ что, переговоря вмѣстѣ, дадутъ знать. На другой день, 18 числа, Бутурлинъ опять послалъ сказать митрополиту, чтобъ онъ, служа великому государю, склонялъ подвластныхъ своихъ къ присягѣ, не отвращалъ отъ нея. Митрополитъ отвѣчалъ, что шляхта, слуги и дворовые люди его не принадлежатъ къ Софійскому дому, служатъ ему по найму и потому негодится имъ присягать царю. Послы употребили угрозы, митрополитъ продолжалъ утверждать, что шляхта и дворовые люди его вольные, что онъ ихъ къ присягѣ не вышлетъ; что въ паствѣ его много епископовъ и духовенства, которые остаются въ литовскихъ городахъ; что если король узнаетъ о присягѣ его шляхты и дворовыхъ людей царю, то велитъ изрубить этихъ епископовъ и духовенство, и онъ, митрополитъ, обязанъ будетъ отвѣчать за души ихъ Богу. При этомъ Сильвестръ никакъ не хотѣлъ видѣться съ Бутурлинымъ. Наконецъ 19 числа митрополитъ уступилъ, и шляхта его, слуги и дворовые люди, также и слуги печерскаго архимандрита были приведены къ присягѣ.

Въ концѣ января Бутурлинъ съ товарищами отправился назадъ въ Москву. Стольникъ Головинъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Калугу съ государевымъ милостивымъ словомъ, и между прочимъ, говорилъ: «А что было гетманъ и полковники говорили вамъ, чтобъ за насъ, великаго государя учинить присягу, что намъ за нихъ стоять и вольностей ихъ не нарушить, и вы, служа намъ, великому государю, то у нихъ отговорили и все учинили по нашему указу». Въ началѣ марта пріѣхали въ Москву посланники Хмельницкаго: генеральный судья Самойла Богдановичъ Зарудный и переяславскій полковникъ Тетеря, бить челомъ: 1) Чтобъ въ городахъ урядники были выбираемы изъ малороссіянъ, люди достойные, которые должны будутъ всѣмъ управлять и доходы въ казну царскую отдавать; если же пріѣдетъ царскій воевода и станетъ права ихъ ломать и уставы какіе-нибудь чинить, то это имъ будетъ въ великую досаду. Царь пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ

челобитью, только прибавлено, что при сборѣ казны надъ малороссійскими урядниками наблюдаютъ люди, присланные государемъ. 2) Чтобъ вольно было гетману и войску запорожскому принимать иностранныхъ пословъ; а еслибъ послы эти пришли съ чѣмъ-нибудь противнымъ царскому величеству, то давать знать объ этомъ государю.—Царь указалъ: о добрыхъ дѣлахъ пословъ принимать и отпускать, давая обо всемъ знать въ Москву подлинно и вскорѣ; пословъ, пришедшихъ съ противнымъ дѣломъ, не отпускать до указа царскаго; съ турскимъ же султаномъ и польскимъ королемъ, безъ указа царскаго, не ссылаться. 3) Чтобъ число реестровыхъ козаковъ было 60,000.—На это послѣдовало согласіе. 4) Чтобъ по смерти гетмана войско запорожское само избирало новаго.—Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью. 5) Чтобъ права, данныя князьями и королями духовнымъ и мірскимъ людямъ, не были нарушены.—Послѣдовало согласіе. Хмельницкій выпросилъ себѣ у царя городъ Гадячъ съ принадлежностями въ потомственное владѣніе.

Съ посланниками гетманскими все было улажено; но вотъ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ пришла грамота изъ Кіева отъ воеводы князя Куракина съ товарищами: какъ пріѣхали они въ Кіевъ и города Кіева со всякими людьми осматривали, гдѣ бы построить крѣпость отъ прихода польскихъ и литовскихъ людей, и нашли мѣсто на горѣ близъ Софійскаго монастыря, то митрополитъ объявилъ имъ, что онъ этой земли не уступитъ и города или острога на этомъ мѣстѣ ставить не дастъ, потому что то земля его митрополичья, Софійская, Архангельскаго и Никольскаго монастырей и Десятинной церкви подъ его митрополичьею паствою; а если они бояре хотятъ черкасъ оберегать, то они бы оберегали отъ Кіева верстъ за двадцать и больше; а если бояре начнутъ ставить городъ на томъ мѣстѣ, которое выбрали, то онъ станетъ съ ними биться; хотя гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ и поддался государю, но онъ, митрополитъ, со всѣмъ соборомъ о томъ бить челомъ къ государю не посылывалъ, и живетъ онъ съ духовными людьми самъ по себѣ ни подъ чьею властію; и началъ митрополитъ боярамъ грозить: «Не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что надъ вами вскорѣ конецъ будетъ», и въ городовомъ дѣлѣ отказалъ впрямь. Тогда воеводы сказали ему, что они его слушать не будутъ, слушаютъ государева указа, и, пого-

воря съ полковниками и со всякими городскими людьми, начали ставить городъ на избранномъ мѣстѣ. Получивши это донесеніе отъ воеводъ, государь писалъ Хмельницкому, чтобъ онъ велѣлъ ѣхать митрополиту въ Москву—*дать о себѣ исправленье.* Но гетманъ вступился за митрополита и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобъ они на томъ мѣстѣ острога не дѣлали, потому что правъ церковныхъ и даянья православныхъ князей ломать нельзя. Тогда царь написалъ къ гетману, что онъ вмѣсто избранной подъ крѣпость земли дастъ митрополиту и церквамъ другія земли, и чтобъ митрополитъ не оскорблялся.

Въ іюлѣ 1654 года пріѣхалъ въ Москву никольскій игуменъ Иннокентій Гизель съ товарищами бить челомъ о подтвержденіи правъ малороссійскаго духовенства и подалъ царю грамоту отъ митрополита Сильвестра, въ которой тотъ оправдывалъ свое сопротивленіе крѣпостной постройкѣ: «Извѣстно буди вашему царскому величеству, что я это сдѣлалъ не изъ сопротивленія вашему царскому величеству, какъ нѣкоторые на меня наклеветали, но потому, что земля эта съ древнихъ временъ принадлежитъ митрополіи, и предшественники мои много страдали, защищая ее, и я, преемникъ ихъ, не захотѣлъ этой земли отъ церкви Божіей отлучить, ибо и кормъ только отъ этой земли мнѣ идетъ. Вотъ почему я и спрашивалъ, есть ли письменное повелѣніе вашего царскаго величества строить твердыни града на церковной землѣ; въ старину у насъ былъ такой обычай, что прежде чѣмъ приказывать и брать, показывали письменное приказаніе пославшаго; но воеводы не имѣли письменнаго повелѣнія вашего царскаго величества. Прости меня, всемилостивый царь! сдѣлалъ я это ради ревности къ мѣсту святому церковному, а не изъ сопротивленія вашему царскому величеству. Къ тому же и отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, теперь нашей земли начальника и повелителя, я имѣлъ приказаніе мимо его указа никому не позволять ничего дѣлать и брать, и я не смѣлъ преступить этого приказанія, а послалъ объявить объ этомъ гетману, и какъ скоро онъ прислалъ мнѣ указъ, чтобъ я позволилъ строить крѣпость, то я оставилъ всякое сопротивленіе, благословилъ воеводамъ строить. А что я не посылалъ до сихъ поръ посланниковъ моихъ съ челобитьемъ къ вашему царскому величеству, то это происходило не отъ нерадѣнія моего или презрѣнія вашей пресвѣтлой державы: я хо-

тѣлъ немедленно послать, но гетманъ запретилъ посылать прежде, чѣмъ его посланники отъ вашего царскаго величества возвратятся». Хмельницкій въ своей грамотѣ также оправдывалъ митрополита: «Что прогнѣвалось было твое царское величество на преосвященнаго пастыря нашего, какъ будто онъ разорялъ дѣло Божіе и совокупленіе православія не принималъ, то не вѣрь этому: ибо сколько зла претерпѣлъ онъ за вѣру и православіе святое, и теперь онъ сильно радуется о мирѣ всего міра, всегда молится и о твоемъ царскомъ величествѣ. Изволь преосвященнаго пастыря и весь соборъ священный пожаловать, моленія ихъ не презрѣть и прочимъ клеветамъ не вѣрить».

Гизель подалъ статьи, которыхъ утвержденія просило малороссійское духовенство; изъ нихъ важнѣйшія: 1) чтобъ малороссійское духовенство не было изъято изъ-подъ власти константинопольскаго патріарха; 2) чтобъ духовныя власти удерживали свои должности до смерти, а преемники ихъ поступали бы посредствомъ вольнаго избранія какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ людей, и чтобъ государь москвичей въ Малую Россію не присылалъ на духовныя мѣста; 3) чтобъ въ духовныхъ судахъ виноватыхъ не отсылать въ Великую Россію. Малороссійское духовенство било челомъ о всѣхъ этихъ правахъ, но особенно о первой вольности, которая всѣмъ вольностямъ и правамъ корень — быть подъ послушаніемъ константинопольскаго патріарха. «На этомъ основаніи,—говорилось въ челобитной—всѣ наши вольности изданы; если мы не сподобимся пожалованія вашего царскаго величества, то митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ сильно скорбѣть и унывать начнутъ, и другіе духовные, которые еще не подъ рукою вашего царскаго величества, а только усердно желаютъ этого, видя вашу скорбь, начнутъ малодушествовать». Рѣшеніе на эти статьи государь отложилъ до возвращенія своего изъ похода [70].

Но прежде нежели приступимъ къ описанію этого похода, посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ находился молодой царь къ сосѣднимъ и другимъ державамъ.

Съ Швеціею и въ первые десять лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича продолжались такія же дружескія отношенія, какія мы видѣли въ царствованіе отца его послѣ Столбовскаго мира. Съ извѣстіемъ о воцареніи Алексѣя Михайловича отправленъ былъ къ королевѣ Христинѣ гонецъ Скрябинъ въ августѣ 1645 года.

Королева царскую грамоту приняла честно и выслушала любительно; гонцу съ пріѣзда до отпуску было честно и въ кормахъ довольно. Въ мартѣ 1646 года отправлены были въ Швецію великіе послы, окольничій Григорій Пушкинъ, и казначей Богданъ Дубровскій, съ подтвержденіемъ столбовскаго договора, и королева подтвердила договоръ, несмотря на то, что въ царской грамотѣ имя великаго государя было написано съ повышеньемъ, а имя королевы съ умаленьемъ. Въ 1647 году пріѣхали въ Москву поздравить государя съ восшествіемъ на престолъ шведскіе послы Гилленштернъ и Врангель; они объявили что королева приказала прежнему своему резиденту Крузбіорну ѣхать въ Швецію, а на его мѣсто прислала Карла Померенинга. Бояре отвѣчали, что королевинымъ резидентамъ впередъ быть на Москвѣ нельзя, ибо отъ нихъ чинятся ссоры многія: Крузбіорнъ взялъ займы на королевино имя 3,000 пудъ селитры, долга не заплатилъ, а къ королевѣ писалъ на ссору, что селитру всю отдалъ; да ему же дано взаймы 1,000 рублей денегъ, и деньги эти не заплачены; тотъ же Крузбіорнъ не платитъ и своихъ долговъ, продавалъ запрещенные товары, вино и табакъ; да и въ вѣчномъ докончаніи о резидентахъ не писано, что имъ жить въ Москвѣ; но, хотя резидентамъ и не довелось жить въ Москвѣ, однако для дружбы и любви съ королевою и для ея прошенья государь позволяетъ новому резиденту Померенингу быть въ Москвѣ на время; если же онъ, живя, въ Москвѣ, станетъ какія-нибудь дурныя дѣла дѣлать, то великій государь терпѣть ему не будетъ и велитъ его изъ Москвы выслать тотчасъ. Въ 1649 году окольничій Борисъ Пушкинъ заключилъ въ Стокгольмѣ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, который былъ поводомъ къ возмущенію во Псковѣ. Чтобъ поступокъ псковичей съ Нумменсомъ не прервалъ пріязненныхъ отношеній у Москвы съ Швеціею, въ апрѣлѣ 1650 года отправленъ былъ къ королевѣ гонецъ подъячій Стараго съ увѣреніемъ, что мятежники, обезчестившіе Нумменса, будутъ наказаны. Христина отвѣчала, что она надѣется, что мятежники будутъ наказаны, подданные ея вознаграждены и договоръ исполненъ. Договоръ былъ исполненъ и пріязнь продолжалась: въ 1651 году переводчикъ Яганъ Розенлиндъ (Рузенли), присланный королевою, объявилъ тайно боярину Милославскому, что зимою о Рождествѣ Христовѣ пріѣзжали

въ Стокгольмъ крымскіе послы: пропустилъ ихъ чрезъ свою землю польскій король Янъ Казиміръ и прислалъ вмѣстѣ съ ними отъ себя іезуита съ извѣстіемъ, что онъ король вмѣстѣ съ ханомъ хотятъ вести войну съ Москвою и приглашаютъ къ тому же королеву. Розенліндъ прибавилъ, что королева велѣла отказать хану и королю. Царь въ іюнѣ написалъ ей въ отвѣтъ съ гонцомъ своимъ Головинымъ, что онъ принимаетъ это предостереженіе въ пріятную любовь и будетъ воздавать за это своею дружбою и любовью, причемъ просилъ, чтобъ королева прислала ему грамоты королевскую и ханскую. Королева отвѣчала, что грамотъ къ ней не было ни отъ хана, ни отъ короля. Къ Головину въ Стокгольмѣ пришли русскіе торговые люди—новгородецъ Михайла Стояновъ, ладожанинъ Антонъ Гиблой и новгородскій попъ Емельянъ, пріѣхавшій съ торговыми людьми и сказали, что въ 1651 году пріѣхалъ изъ Ревеля въ Стокгольмъ русскій человѣкъ въ литовскомъ платьѣ, называетъ себя великороднымъ человѣкомъ, Иваномъ Васильевичемъ, говоритъ, что хочетъ ѣхать къ великому государю, а шведы, приходя на русскій торговый дворъ, говорятъ, будто онъ роду шуйскихъ князей, отецъ его былъ свезенъ въ Пермь и постриженъ насильно; онъ самъ Иванъ говорилъ священнику Емельяну: «для чего новгородцы и псковичи великому государю добили челомъ, вотъ васъ велитъ государь перевѣшать такъ же, какъ царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ новгородцевъ казнить и перевѣшать». Головинъ отвѣчалъ имъ, что это должно быть воръ подъячій Тимошка Акундиновъ: онъ волосомъ черноросъ, лице продолговатое, нижняя губа поотвисла немного. «Онъ и есть точь въ точь» сказалъ на это священникъ Емельянъ: «онъ мнѣ велѣлъ на молитвѣ поминать себя Тимоѳеемъ, потому что прямое имя ему Тимоѳей, а прозвище Иванъ, и никому не велѣлъ говорить, что зовутъ его Тимоѳеемъ». Головинъ послалъ къ Акундинову толмача, которому самозванецъ сказалъ: «Зовутъ меня Иваномъ Васильевичемъ, а про родъ и прозвище вѣдомо на Москвѣ; ѣхать къ государю въ Москву опасаюсь, потому что мнѣ на Москвѣ недруги бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ да бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, а за мною большое государево дѣло и грамоты многія, которыя государю годны, у меня есть; чтобъ Головину самому со мною повидаться и обо всемъ переговорить?» Черезъ нѣ-

сколько времени толмачъ привелъ къ Головину русскаго человѣка, который объявилъ, что зовутъ его Константиномъ, сынъ стремяннаго конюха Евдокима Конюховскаго, былъ на Москвѣ въ подъячихъ, сначала въ приказѣ Большаго дворца, а послѣ въ приказѣ Казанскаго дворца; съ Москвы съѣхалъ съ государемъ своимъ, княземъ Иваномъ Васильевичемъ Шуйскимъ, тому лѣтъ съ семь, оставя въ Москвѣ мать. Головинъ сказалъ ему: «Ты бы, Костка, помня Бога и великаго государя милость, обратился на истинный путь». Конюховскій, пожавъ плечами, сказалъ на это: «Милости великаго государя было много, только такъ учинилось», и проговоривши это, бросился бѣжать вонъ. По наказу Головина, священникъ Емельянъ и ярославскій купецъ Силинъ задержали его на русскомъ торговомъ дворѣ, въ молитвенномъ амбарѣ, и дали знать Головину, который пришелъ въ амбаръ, велѣлъ связать Конюховскаго и отвести къ себѣ на подворье. Но королевины думные люди призвали къ себѣ Головина и сказали ему; «Въ доконча́ньи не написано, чтобъ, пріѣхавъ въ чью-нибудь землю, хватать людей безъ приставовъ!» Головинъ отвѣчалъ: «Въ этой моей винѣ воленъ великій государь и королевино величество, а мнѣ было тому вору спустить не умѣть; хотя бы я и смерть видѣлъ, и тогда такимъ ворамъ не спустилъ бы; а еслибъ я объ немъ объявилъ, то онъ бы изъ Стекольны ушелъ. Но Головину объявили, что королева велитъ Конюховскаго освободить и отпустить къ боярину его, Ягану Сенельсину, подъ какимъ именемъ Тимошка былъ присланъ изъ Венгріи отъ Рагоци; если же этотъ Сенельсинъ писался другимъ воровскимъ именемъ, то пусть царь ищетъ его въ Венгріи. Головинъ пріѣхалъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Тимошка уѣхалъ изъ Стокгольма въ Нарву и тамъ посаженъ въ тюрьму. Головинъ привезъ съ собою перехваченную переписку Акундинова съ Конюховскимъ, которому между прочимъ Тимошка давалъ слѣдующія наставленія: «Искать людей надобныхъ, кого бы можно посылать къ Москвѣ и въ мое властительство съ грамотками къ родителькѣ и къ сродникамъ, и къ сиротѣлымъ дѣткамъ, и прочее тайнымъ обычаямъ шпиговски, или лазутчески.—Чиновниковъ, чиноначальниковъ въ царствующемъ Иванѣгородѣ и во Псковѣ, духовныхъ и мірскихъ провѣдывая имена, совершенно писать ко мнѣ. Про семилѣтнее странствіе ни прибавлять, ни убавлять, въ правду всякому обо всемъ

кому изъ нашихъ друзей понадобится сказывать: Богу молиться нашедши отца духовнаго, долгъ христіанскій на себѣ не держать, но съ исправленіемъ Богу, сколько возможно, нелицемѣрно угождать». Въ одномъ изъ писемъ Акундиновъ увѣдомляетъ Конюховскаго, что королева одарила его немалымъ числомъ въ золотѣ и серебрѣ деньгами.

Немедленно, въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Стокгольмъ подъячій Яковъ Козловъ съ требованіемъ выдачи Тимошки и Конюховскаго и съ жалобою на резидента Померенинга, который ѣздилъ безвременно ночью въ гости во многія мѣста, и, напившись пьянъ, чинилъ многіе задоры; когда однажды бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой ѣхалъ ночью на пожаръ, резидентъ въ это же время скакалъ изъ гостей пьяный, вынулъ шпагу на-голо, фонарь, который несли передъ бояриномъ, разбилъ, самого боярина хотѣлъ поколоть, троихъ стрѣльцовъ, ѣхавшихъ за бояриномъ, посѣкъ такъ, что двое изъ нихъ едва живы будутъ; да онъ же Померенингъ прислалъ въ Стрѣлецкій приказъ письмо, въ которомъ царя Михаила Ѳеодоровича именованье написано не по вѣчному докончанію, а то начальное и главное дѣло обоихъ государей чести остерегать: «и вашему бы королевину величеству тому Карлу Померенингу учинить жестокое наказанье». Новгородскій воевода, князь Буйносовъ-Ростовскій, писалъ къ губернаторамъ нарвскому и ревельскому съ новгородскими купцами, Тетеринымъ и Воскобойниковымъ, чтобъ губернаторы прислали Акундинова и Конюхова къ нему въ Новгородъ. Тетеринъ и Воскобойниковъ узнали Тимошку въ Ревелѣ, и, взявъ людей у ратмановъ, схватили его за городомъ; но ревельскій губернаторъ Оксенштирна взялъ у нихъ Тимошку, объявивъ, что безъ королевина указа не можетъ его имъ выдать. Съ жалобою на это, въ ноябрѣ, отправленъ былъ гонецъ дворянинъ Челищевъ. Пріѣхавши въ Ревель, Челищевъ узналъ, что Тимошка ушелъ изъ-подъ стражи, и когда гонецъ настаивалъ у губернатора, чтобъ вора сыскали, то губернаторъ отвѣчалъ: «Давно я вамъ отказалъ, что воръ Тимошка ушелъ и сыскать его негдѣ, а больше мнѣ съ вами и говорить нечего». Въ генварѣ 1652 года Челищевъ отправился изъ Ревеля въ Стокгольмъ, а въ апрѣлѣ новгородецъ Микляевъ поѣхалъ въ Бранденбургію и Любекъ все по дѣлу самозванца, ибо въ Москву дали знать, что

онъ объявился въ Прусской землѣ. 28 мая пріѣхалъ Челищевъ изъ Швеціи и привезъ съ собою Костку Конюхова, который у пытки разсказывалъ: «Спознался я съ Тимошкою, какъ сидѣлъ я въ Новой Четверти въ подъячихъ и жилъ у него. И какъ его Тимошкина мать вышла замужъ, а онъ Тимошка затягался со многими людьми, и въ то время, осердясь на мать свою, началъ мыслить, какъ бы убѣжать въ Литву, и ему Косткѣ про то говорилъ, чтобъ имъ вмѣстѣ бѣжать въ Литву, и тамъ имъ будетъ хорошо. И побѣжали мы съ нимъ въ Литву. И въ ту ночь, какъ побѣжали, Тимошка сына своего и дочь отвезъ на дворъ къ Ивану Пескову, а свой дворъ и жену сжегъ. Побѣжали мы изъ Москвы въ Тулу, нанявъ тульскаго извощика, изъ Тулы побѣжали въ порубежные города проселочными дорогами и прибѣжали въ Новгородокъ Сѣверскій, откуда отвели насъ къ королю въ Краковъ. Тимошка въ тѣ поры назывался Иваномъ Каразейскимъ, воеводою Вологодскимъ и намѣстникомъ Великопермскимъ; а изъ Литвы они сошли въ Царьгородъ, и тутъ Тимошка назывался государскимъ сыномъ Шуйскимъ. А идучи въ Царьгородъ, оставилъ Тимошка меня Костку въ болгарской землѣ, и я былъ тутъ шесть мѣсяцевъ, а Тимошка въ Царѣгородѣ бусурманился безъ меня; а изъ Царягорода Тимошка ушелъ и былъ у папы въ Римѣ и сакраментъ принималъ; а изъ Рима шли на Венецію и на Седмиградскую землю и на иныя государства и пришли въ Запороги къ гетману Богдану Хмельницкому. А назвался Тимошка государевымъ сыномъ Шуйскимъ въ Царѣгородѣ, потому что онъ звѣздочетныя книги читалъ и остроломейскаго ученья держался, потому что онъ былъ нескудный человѣкъ и было ему что давать, и въ Литвѣ онъ и досталь тому научился, и та прелесть на такое дѣло его и привела. А я Костка звѣздочетью не умѣю и остроломеи не знаю и затѣмъ не хаживалъ. А въ томъ я передъ Богомъ грѣшенъ и передъ государемъ виноватъ, что Тимошку слушалъ и государю измѣнилъ съ глупости. Печать у Тимошки была у государевой помѣстной грамоты на красномъ воску, и съ той печати въ Римѣ печать онъ сдѣлалъ, вымысля самъ собою. А какъ онъ пріѣхалъ къ гетману запорожскому и помощи себѣ просилъ, и Хмельницкій его у себя держалъ въ чести и хотѣлъ ему помогать, и Выговскій ему учинился другъ большой и также ему помогалъ и къ Рагоци венгерскому объ

немъ писалъ съ прошеньемъ, чтобъ онъ, Рагоци, ему, Тимошкѣ помогалъ, и къ шведской королевѣ объ немъ писалъ; и Рагоци къ шведской королевѣ писалъ, и по тому письму шведская королева Тимошкѣ и повѣрила; а будучи Тимошка въ Швеціи, принялъ люторскую вѣру; а я Костка вѣры христіанской не отбылъ, папежской и люторской вѣры не принималъ и не бусурманенъ». Послѣ трехъ встрясокъ и 15 ударовъ Костка говорилъ прежнія рѣчи. 10 іюня была новая пытка—встряски жестокія и 15 ударовъ, послѣ чего сказалъ: «Какъ Тимошка былъ въ Царѣгородѣ, и онъ у султана помощи себѣ просилъ, ратныхъ людей, хотѣлъ идти подъ Астрахань и Казань; да хотѣлъ ему въ томъ помогать астраханскій архіепископъ Пахомій и дворовые его люди, потому что архіепископъ ему давно знакомъ и друженъ, съ тѣхъ поръ, какъ были на Вологдѣ вмѣстѣ». Послѣ этого была другая пытка: встряска и 16 ударовъ и на огнѣ жгли дважды: говорилъ тѣ же рѣчи. 14 іюня Костка сказалъ: «Какъ былъ Тимошка у Хмельницкаго и послышалъ о псковскомъ смятеньѣ, то началъ просить гетмана, чтобъ отписать объ немъ къ шведской королевѣ, и Хмельницкій отказалъ, потому что у него ссылки съ шведской королевою нѣтъ, а напишетъ объ немъ къ Рагоци. А мыслилъ воръ Тимошка упросить у королевы, чтобъ ему позволили жить въ Швеціи подлѣ русской границы, чтобъ ему, спознався и сдружась съ пограничными нѣмцами, ссылаться чрезъ нихъ съ псковскими мятежниками. Теперь своему замыслу Тимошка ни отъ кого помощи, кромѣ черкасъ, не чаетъ, писарь Выговскій ему другъ и братъ названный, по немъ онъ надежду на черкасъ имѣетъ. Какъ былъ онъ у Хмельницкаго, и въ то время, умысля съ Выговскимъ, писалъ къ Крымскому, чтобъ тотъ принялъ его къ себѣ, но Крымскій ничего на это ему не отвѣчалъ».

Государь писалъ къ королевѣ Христинѣ, что выдачу Конюхова онъ принимаетъ отъ нея въ любовь и противъ того будетъ воздавать, въ какихъ мѣрахъ будетъ возможно; но давалъ знать, что главный воръ Акундиновъ выпущенъ изъ Ревеля нарочно, потому что самому ему уйти никакъ было нельзя; кромѣ того, во время поимки Конюхова въ Ревелѣ, шведы бросали на Челищева каменьями, чтобъ отбить Конюхова, и гонецъ изъ Ревеля едва уѣхалъ. Этимъ сношенія съ Швеціею по поводу Акундинова кончились, ибо узнали, что воръ скрылся въ Голштиніи. Съ требованіемъ

его выдачи отправились туда подъячіе Шпилькинъ и Микляевъ; герцогъ Фридрихъ отвѣчалъ, что не выдастъ самозванца до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена ему запись о персидской торговлѣ, данная въ 1634 году Крузіусомъ и Брюгеманомъ, также всѣ подлинныя письма, касающіяся этого дѣла. Запись и грамоты были немедленно отправлены, и Тимошка привезенъ въ Москву. Говорятъ, что Тимошка хотѣлъ лишить себя жизни, бросившись съ телѣги подъ колеса, но это ему не удалось и его привязали къ телѣгѣ. Въ Москвѣ онъ объявилъ, что разскажетъ все одному боярину Никитѣ Ивановичу Романову; но распорядились иначе.

28 декабря 1653 года Тимошка въ застѣнкѣ у пытки сказалъ: «Вину свою государю приношу и объявляю: я человѣкъ убогій, а отецъ мой и мать какіе люди, того не упомню, потому что остался малъ. Когда я съ молодыхъ лѣтъ жилъ у архіепископа вологодскаго Варлаама, то архіепископъ, видя мой умъ, называлъ меня княжескимъ рожденіемъ и царевою палатою, и отъ этого прозванія въ мысль мою вложилось, будто я впрямь честнаго человѣка сынъ. Послѣ того сталъ я проживать у дьяка Ивана Патрикѣева, и сидѣлъ въ Новой Чети въ подъячихъ, и былъ мнѣ Иванъ Патрикѣевъ другъ большой и оберегатель, и со мною обо всемъ совѣтовался и бѣды свои я ему сказывалъ и все мое умышленье онъ вѣдалъ. И какъ надъ Иваномъ Патрикѣевымъ бѣда учинилась, и я сталъ тужить и отъ страху изъ Москвы сбѣжалъ въ Литву, и будучи въ Литвѣ назывался Иваномъ Каразейскимъ. Когда нѣкоторые государевы люди начали меня уличать, называть холопомъ дьяка Патрикѣева и убійцею брата своего, то архіепископъ вологодскій Варлаамъ и дьякъ Патрикѣевъ прислали въ Литву свидѣтельственное письмо, что я не холопъ Патрикѣева, но лучше его самого, и брата своего не убивалъ». На вопросъ: кто его научилъ называться Шуйскимъ княземъ? отвѣчалъ: «Отецъ мой Демка». Тутъ привели мать Тимошкину монахиню Степаниду; взглянувъ на Тимошку, она сказала: «Это мой сынъ!» Тимошка долго молчалъ, потомъ спросилъ монахиню: «Какъ тебя зовутъ?«—«Въ мірѣ» сказала она: «звали меня Соломонидкою, а теперь въ монахиняхъ Стефанида». Тимошка сказалъ: «Эта старица мнѣ не мать, а матери моей сестра родная, а была до меня добра, вмѣсто матери». У монахини спросили: кто былъ ея мужъ? Она отвѣчала: «Мужъ мой былъ Демидка, его Тимошкинъ отецъ,

торговалъ сперва холстами, а послѣ жилъ у архіепископа Варлаама; Тимошка родился у меня на Вологдѣ и ему теперь 36 лѣтъ». Послѣ этого Тимошку четвертовали.

Сношенія съ другимъ Скандинавскимъ государствомъ, съ Даніею, не заключаютъ въ себѣ никакой важности; замѣчательнѣе были сношенія съ Англіею.

Въ Англію съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича къ королю Карлу I-му отправленъ былъ въ 1645 году гонецъ Герасимъ Дохтуровъ. Когда корабль, на которомъ ѣхалъ Дохтуровъ, приплылъ къ Гревезенду, то гонецъ встрѣченъ былъ купцами отъ имени компаніи, торгующей съ Россіею, перевели Дохтурова въ судно съ чердакомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ и повезли по Темзѣ въ Гринвичъ съ торжествомъ, при выстрѣлѣ изъ 16 пушекъ. Дорогою Дохтуровъ разспрашивалъ купцовъ: король ихъ Карлъ теперь въ Лондонѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ? Купцы отвѣчали: король теперь въ Лондонѣ не живетъ, а гдѣ теперь король, о томъ имъ подлинно неизвѣстно, потому что у нихъ съ королемъ война большая года съ четыре и больше; вмѣсто короля Лондономъ и всею Англійскою и Шотландскою землею владѣетъ парламентъ, изо всякихъ чиновъ выбраны думные люди. Дохтуровъ спросилъ за что у нихъ междоусобіе и война съ королемъ начались? какъ давно у нихъ начали владѣть думные люди, изъ какого чину выбраны и сколько ихъ человѣкъ? Купцы отвѣчали: «У насъ война съ королемъ началась за вѣру: какъ женился король нашъ у Французскаго короля на дочери, а вѣры она папежской, то королева и короля привела въ свою папежскую вѣру; по ея велѣнью король учинилъ арцыбискуповъ и іезуитовъ и многіе люди, смотря на короля, приняли папежскую вѣру. Да сверхъ того, король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ по своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а здѣсь искони земля вольная и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣлъ всѣмъ парламентъ, думные люди. Началъ было король все дѣлать по своей волѣ; но парламентъ этого не захотѣлъ, арцыбискупа и іезуитовъ многихъ казнили; и видя король, что парламентъ началъ владѣть по своему обычаю, какъ искони повелось, а не по королевскому хотѣнію, выѣхалъ изъ Лондона съ королевою самъ, никто его не высылалъ, а сказалъ, что поѣхалъ гулять въ другіе города; выѣхавши

изъ Лондона, королеву отпустилъ во французскую землю, а самъ началъ воевать; но парламентская сторона сильнѣе. Въ парламентѣ сидятъ въ двухъ палатахъ; въ одной палатѣ сидятъ бояре, въ другой выборные изъ мірскихъ людей, изъ служилыхъ и торговыхъ; въ парламентѣ сидятъ съ 500 человѣкъ, а говоритъ за всѣхъ одинъ рѣчникъ».

Въ Гринвичѣ гонца встрѣтили отъ имени англійскаго королевства бояръ и всякихъ чиновъ думныхъ людей и повезли въ Лондонъ опять въ богатоубранномъ суднѣ. Въ Лондонѣ у гонца спросили: «Отъ царскаго величества къ парламенту съ тобою грамота и приказъ какой есть ли?» Дохтуровъ отвѣчалъ: «Къ парламенту грамоты и приказу никакого нѣтъ; пусть парламентъ отпуститъ меня къ королю немедленно, пристава, кормъ и подводы мнѣ дастъ; да велѣлъ бы парламентъ мнѣ быть къ себѣ, и я стану говорить имъ самимъ.» Парламентъ долго не давалъ отвѣта, отговариваясь тѣмъ, что зашли воинскія дѣла многія, сидятъ, безпрестанно готовятъ собранье большое ратнымъ людямъ. Наконецъ 20 декабря парламентъ велѣлъ объявить Дохтурову: «парламентъ тебя къ королевскому величеству не отпуститъ, чтобъ царскаго величества имени порухи не учинилось и на дорогѣ надъ тобой отъ воинскихъ людей какого дурна не было; да и потому не отпуститъ, что за королевскимъ величествомъ тѣхъ людей, которые торгуютъ въ московскомъ государствѣ, никого нѣтъ, вся компанія за парламентомъ, а не за королемъ. Пишетъ къ парламенту король безпрестанно о мирѣ и хочетъ быть въ Лондонъ, и какъ скоро онъ въ Лондонъ пріѣдетъ, то тебѣ идти къ нему будетъ вольно, если же король въ Лондонъ не будетъ, то парламентъ отпуститъ тебя на первыхъ корабляхъ съ великою честію.» Но Дохтуровъ не захотѣлъ дожидаться и потребовалъ отпуска домой черезъ Голландскую землю. Гонца не отпустили, и 8 мая 1646 года онъ узналъ, что король сдался парламенту. Тогда гонецъ опять обратился съ требованіемъ, чтобъ его къ королю отпустили, потому что теперь король въ ихъ рукахъ. Ему отвѣчали: «Хотя король и у парламента въ рукахъ, однако тебя къ нему отпустить нельзя, потому что онъ ничѣмъ не владѣетъ.» Владѣющій парламентъ хлопоталъ, чтобъ сохранить съ московскимъ государемъ прежнія дружелюбныя отношенія. Компанія предложила гонцу обѣдъ въ своемъ домѣ; гонецъ отказался, на томъ основаніи, что его къ

королю не отпустили; тогда ему предложили устроить обѣдъ у него на квартирѣ. Дохтуровъ согласился. На обѣдѣ лордъ Страффордъ и членъ парламента Флемингъ говорили гонцу: если царскому величеству нужны будутъ служилые люди, то у парламента для царскаго величества сколько угодно тысячъ солдатъ готово будетъ тотчасъ. 13 іюня Дохтуровъ былъ въ парламентѣ: бояре, сидя, шляпы сняли, и начальный человѣкъ, бояринъ милордъ Манчестеръ, всталъ, когда гонецъ подошелъ къ нему, потомъ и всѣ встали, человѣкъ ихъ сорокъ, и Дохтуровъ говорилъ рѣчь: «Посланъ я отъ великаго государя къ вашему англійскому Карлусу королю въ гонцахъ наскоро для великихъ государскихъ дѣлъ, которыя годны имъ великимъ государямъ и всему христіанству къ тишинѣ и покою. Пріѣхавши въ здѣшній городъ Лондонъ, съ 26 ноября по нынѣшній день говорилъ я вамъ безпрестанно и проѣзжую царскую грамоту вамъ казалъ много разъ, чтобъ вы меня къ королевскому величеству пропустили: и вы меня изъ Лондона не отпустили ни къ королю, ни къ царскому величеству, а во всѣхъ окрестныхъ государствахъ царскимъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ путь чистъ.» Манчестеръ отвѣчалъ: «Почему мы тебя въ Лондонѣ держали и къ королевскому величеству не отпустили, о томъ къ царскому величеству писали мы подлинно». Послѣ этихъ словъ Манчестеръ сказалъ Дохтурову: «Добро пожаловать сѣсть!» Поднесли кресла, обитыя краснымъ атласомъ, по атласу шито золотомъ и обнизано жемчугомъ. Гонецъ сѣлъ въ кресла, сѣли и бояре; Дохтуровъ сталъ разсматривать палату: по серединѣ палаты, возлѣ стѣны, мѣсто королевское, поставлены кресла, обитыя краснымъ бархатомъ, низаныя жемчугомъ съ каменьемъ, на креслахъ подушка—бархатъ золотной, по стѣнамъ ковры золотные, а по полу ковры цвѣтные. Посидѣвъ немного бояре встали, и милордъ Манчестеръ, взявши у секретаря листъ, сказалъ гонцу: «Какъ будешь у великаго государя, извѣсти ему, что мы, здѣшняго королевства бояре, ему, великому государю, челомъ бьемъ и о томъ просимъ и молимъ: дай Богъ ему, великому государю, многолѣтнее здоровье. Взявши грамоту, Дохтуровъ хотѣлъ выйти, но Флемингъ взялъ у него грамоту и сказалъ: «Не подосадуй, пойди со мной въ другой парламентъ, гдѣ сидятъ всякихъ чиновъ выборные люди отъ всего королевства 420 человѣкъ; у насъ такъ повелось: напередъ объявятъ и отдадутъ

листъ бояре, а потомъ отдадутъ въ другомъ парламентѣ отъ всего королевства всякихъ чиновъ выборные люди». Дохтуровъ отправился въ другой парламентъ: какъ вошелъ въ сѣни, встрѣтили его съ державою королевства, а держава серебряная золоченая, сдѣлана фонаремъ, и понесли державу въ палату передъ гонцомъ. Когда Дохтуровъ вошелъ въ палату, всѣ встали и шляпы сняли; а сидитъ парламентъ по ступенямъ на всѣ четыре стороны вверхъ по шести ступеней, а посередкѣ на низу за столомъ сидитъ рѣчникъ Ленталь, который за всѣхъ говоритъ. Гонецъ сказалъ и рѣчнику такую же рѣчь, какую говорилъ лордамъ, за чѣмъ послѣдовала такая же церемонія, какъ и въ верхнемъ парламентѣ. 23 іюня гонецъ былъ отпущенъ.

Вслѣдствіе извѣстій, привезенныхъ Дохтуровымъ, у англійскихъ купцовъ отнято было право безпошлинной торговли. Въ маѣ 1647 года пріѣхалъ въ Москву посланникъ Карла I-го Нейтингаль, объявилъ о неволѣ королевской и о томъ, что Карлъ доволенъ наложеніемъ пошлины на компанію, и что англичане будутъ рады уничтоженію компанейской монополіи, когда всѣмъ будетъ позволено торговать съ Россіею. Нейтингаль просилъ также позволенія купить для короля 300,000 четвертей хлѣба; но ему позволили купить только 30,000 четвертей. Но въ то же время пріѣхалъ другой англійскій посланникъ, Бонде, съ королевскою грамотою, въ которой Карлъ просилъ государя возвратить компаніи прежнее право безпошлинной торговли. Съ Бонде отправленъ былъ отвѣтъ, что пошлина положена по причинѣ крымской войны и за многія неправды англійскихъ купцовъ, которымъ, впрочемъ, убытка не будетъ, ибо они увеличатъ цѣны на свои товары. Въ февралѣ 1648 года пріѣхалъ въ Москву изъ Гаги отъ королевича Карла (въ послѣдствіи Карла II) полковникъ Кроа съ просьбою позволить купить въ Россіи сорокъ тысячъ четвертей хлѣба, а хлѣбъ нуженъ королевичу потому, что онъ идетъ въ Хибирьскую землю (Ирландію) на выручку къ отцу своему королю Карлу, а Хибирьская земля отъ хлѣбнаго недорода оскудѣла. Въ томъ же году пріѣхалъ опять Нейтингаль отъ самого короля Карла съ новою просьбою о покупкѣ хлѣба. Но одинъ изъ пріѣхавшихъ съ Нейтингалемъ англичанъ объявилъ, что грамота королевская, привезенная Нейтингалемъ, подложна, писана въ Лондонѣ, а король, запертый на островѣ Вайтѣ, ничего объ ней не знаетъ; собакъ,

которыхъ Нейтингаль привезъ въ подарокъ отъ короля, купилъ онъ въ Лондонѣ, ошейники мѣдные съ выбитыми на нихъ словами: *Карлусъ король* заказывалъ онъ въ Лондонѣ же, а деньгами, суквами и другими товарами для покупки хлѣба хотѣли его ссужать друзья его, королевскіе дворяне, да лондонецъ торговый человѣкъ Гарвей, все люди самые богатые. Англійскіе купцы-компанейцы также подали челобитную, что Нейтингаль не прямой посланникъ. Нейтингаль былъ призванъ въ посольскій приказъ, гдѣ дьяки ему объявили, что государь надъ нимъ милость показалъ, смертью казнить за его воровство не велѣлъ, а велѣлъ изъ московскаго государства выслать назадъ безъ дѣла. Нейтингаль не хотѣлъ оставаться въ долгу у компанейцевъ и подалъ боярину Милославскому доносъ, что они, сердясь за уничтоженіе льготной грамоты, хотятъ на военныхъ корабляхъ придти подъ Архангельскъ и ограбить русскихъ торговыхъ людей. Нейтингаля послѣ этого отпустили какъ посланника, а 1-го іюня 1649 года англійскимъ купцамъ былъ сказанъ извѣстный уже намъ государевъ указъ, по которому они лишались права жить во внутреннихъ городахъ государства.

Весною 1650 года пріѣхалъ въ Москву графъ Кульпеперъ, посолъ новаго англійскаго короля Карла II. 14 мая въ отвѣтѣ у бояръ посолъ сказалъ, что король велѣлъ ему объявить: три королевства — Англійское, Шотландское и Ирландское волнуются; король Карлъ I убитъ; но сынъ его Карлъ II хочетъ отмстить измѣнникамъ за смерть отца своего, войско у него конное и пѣшее изготовлено. Послѣ этого объявленія посолъ подалъ на письмѣ подробное изложеніе дѣла: «Три короны — Англійская, Шотландская и Ирландская, по истинному утвержденному уложенію, не избирательныя, но вотчинныя и природныя, и никакого спору объ этомъ прежде не было. Покойный король владѣлъ этими коронами праведно послѣ кончины отца своего, короля Іакова, по прямому праву, по старой степени, отъ многихъ предковъ; двѣ палаты парламента стоятъ только по королевской помѣтѣ, по его произволенью, король можетъ ихъ созвать и распустить; а нынѣшній парламентъ держится обманомъ и насиліемъ; большая часть королевства отъ его тяжкихъ налоговъ вздыхаетъ и сильно желаетъ возвратиться къ прирожденному королю». Потомъ посолъ просилъ о возвращеніи англійскимъ купцамъ прежней льготной

грамоты и о денежной помощи государю своему, просилъ 100,000 рублей. Царь отвѣчалъ Карлу: «Слыша про такое злое и страшное дѣло, что учинилось надъ отцомъ вашего королевскаго величества отъ подданныхъ его измѣнниковъ, слыша, что теперь тѣ же измѣнники и въ вашемъ королевскомъ достойномъ наслѣдіи помѣшку и непослушанье чинятъ и войну ведутъ, жалостно скорбимъ и, памятуя отца нашего съ вашимъ дѣдомъ и нашу съ отцомъ вашимъ братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наслѣдіе и надъ измѣнниками побѣды и одолѣнія, дали мы вашему послу Джону Кульпеперу соболей на 20,000 рублей». Кульпеперъ далъ крѣпость за своею рукою и печатью, что Карлъ II черезъ три года заплатитъ эти 20,000 рублей, или 40,000 любскихъ ефимковъ, сполна, и за такое милостивое вспоможенье долженъ вѣчно воздавать всякою любовью. Потомъ Кульпеперъ просилъ, чтобъ соболей отпущено было только на 10,000 рублей, а на другія 10,000 дано было хлѣба; но государь велѣлъ отпустить 15,000 мѣхами и пять хлѣбомъ, именно 5,000 четвертей ржи, считая по два любскихъ ефимка за четверть.

Были сношенія и съ другимъ поморскимъ государствомъ — Голландіею. Въ 1646 году къ генеральнымъ штатамъ и къ принцу Генриху Нассаускому отправился въ послахъ стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій. Штаты представили послу жалобы: 1) на двойныя пошлины, наложенныя на голландскихъ купцовъ. Милославскій отвѣчалъ, что пошлина наложена на всѣхъ, иностранцевъ и русскихъ, для пополненья ратныхъ людей: «и вамъ бы, честнымъ владѣтелямъ, того въ оскорбленье не ставить; тѣ пошлины ваши подданные разложатъ на товары свои и возьмутъ ихъ на русскихъ людяхъ; убытка имъ отъ этого никакого не будетъ». 2) Штаты жаловались, что купцамъ ихъ не даютъ праведнаго суда на должниковъ. Милославскій отвѣчалъ: «Такой неправды у великаго государя никто не дѣлаетъ; развѣ кто затѣялъ это на ссору». 3) Жаловались на убійцъ и разбойниковъ. Милославскій отвѣчалъ: «Означьте по именамъ убійцъ и разбойниковъ, и кого именно изъ вашихъ подданныхъ убили и разграбили». 4) Отъ воеводъ многія докуки чинятся: берутъ у купцовъ товары, будто купить хотятъ, и взявши не отдаютъ, а иные платятъ деньги сколько имъ вздумается. Милославскій опять спросилъ: кто такіе

воеводы, и голландцы били ли челомъ государю на такихъ обидчиковъ? Потомъ посолъ сталъ жаловаться въ свою очередь: по указу царя Михаила велѣно голландцу Филимону Филимонову (Акемѣ) и Петру Марселису дѣлать всякое желѣзное дѣло въ Тульскомъ уѣздѣ и на Вагѣ и русскихъ людей тому дѣлу научать: и онъ Филимонъ Филимоновъ съ товарищами мимо договора чинилъ многія неправды, припускалъ къ себѣ въ товарищи иноземцевъ безъ царскаго указа и русскихъ людей никакому желѣзному дѣлу учить не велѣлъ, велѣлъ мастерамъ отъ нихъ скрываться, и надобныхъ желѣзныхъ дѣлъ въ 14 лѣтъ на тульскомъ заводѣ не завелъ, пушки ставилъ въ казну многимъ нѣмецкаго дѣла хуже, на сроки не поставили, а лили въ то время свои пушки на заморскую стать для своей прибыли. Штаты отвѣчали, что Петръ Марселисъ гамбурецъ, а не голландецъ, объ Акемѣ же они не знаютъ, гдѣ родился и жилъ и теперь гдѣ живетъ, и дѣла имъ до него никакого нѣтъ. У Акемы и Марселиса отняли заводъ, который взялъ одинъ Виніусъ, обязавшись ставить въ казну вещи дешевле прежняго. Но потомъ штаты заступились за Акему, а датскій король за Марселиса, и просили государя пересмотрѣть дѣло, потому что на Акему и Марселиса поданъ ложный доносъ. Доносчикомъ былъ товарищъ ихъ, знаменитый Андрей Виніусъ, который послѣ подалъ челобитную, что Акема и Марселисъ сильно бранятъ его. Марселисъ отвѣчалъ, что онъ въ этомъ не запирается, бездушникомъ и бездѣльникомъ Виніуса называлъ, потому что онъ таковъ на самомъ дѣлѣ, а у нихъ иноземцевъ въ обычаѣ: который человѣкъ во многихъ статьяхъ объявится неправдою и неправда его всѣмъ людямъ будетъ вѣдома, то его добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и добрыхъ словъ про него не говорятъ. Виніусъ шелъ дальше, объявилъ: «Акема и Марселисъ говорили, что я хочу креститься, и потому они со мною не хотятъ ни пить, ни ѣсть; шлюсь я на всѣхъ голландцевъ торговыхъ людей, что они, Петръ и Филимонъ, меня лаяли и безчестили, шельмою и бездушникомъ называли и про крещенье такія слова говорили». Акема слался также на всѣхъ голландцевъ, что онъ про Виніуса ничего не говорилъ, а Марселисъ, что онъ про крещенье ничего не говорилъ, и въ свою очередь жаловался на Виніуса, что онъ безчеститъ его позорными словами. Свидѣтели показали, что Акема

и Марселисъ Виніуса бранили, но о крещеньѣ ничего не говорили. Защищаясь отъ другихъ статей доноса, Акема и Марселисъ показывали, что они, по договору, вовсе не были обязаны учить русскихъ, а только не скрывать отъ нихъ своего мастерства, что̀ ими исполнено и въ томъ шлются на всѣхъ русскихъ работниковъ; утверждали, что никакихъ другихъ товарищей къ себѣ въ компанію не принимали; утверждали, что они ставили въ казну всѣ заказныя вещи; обвиняютъ ихъ въ томъ, что они дощатаго желѣза и латъ не дѣлали: но они до сихъ поръ, несмотря на все свое стараніе, не могли добыть кузнеца, который доски куетъ; что же касается до латъ, то латный мастеръ нѣсколько лѣтъ былъ, но, такъ какъ отъ царскаго величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назадъ за границу; пушки всегда доставляли хорошія, лучше привозныхъ, и въ томъ шлются на пушкарей. Дѣло кончилось тѣмъ, что Акемѣ и Марселису велѣно дать съ Виніусомъ очную ставку (торгъ) въ пушкарскомъ приказѣ, и на этой очной ставкѣ они убавили цѣны связному желѣзу противъ Виніусова договора, а пушки, ядра и доски согласились ставить по той же цѣнѣ, какъ и Виніусъ. Вслѣдствіе этого государь пожаловалъ ихъ тульскимъ желѣзнымъ промысломъ со всякими заводами на 20 лѣтъ съ перваго сентября 1648 года безоброчно и безпошлинно, быть промыслу за ними и ихъ наслѣдниками до урочныхъ лѣтъ безповоротно.

Но тульскій заводъ не могъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ военнаго дѣла: въ августѣ 1653 года, рѣшившись начать войну съ Польшею, государь отправилъ въ Голландію и другія государства капитана Фанъ-Керкъ-Говена для покупки карабинныхъ и пистолетныхъ замко̀въ, и для призыва мастеровъ, которые бы могли ихъ дѣлать; а въ октябрѣ отправленъ былъ въ Голландію подъячій Головнинъ съ просьбою позволить ему купить по обыкновенной цѣнѣ 20,000 мушкетовъ и 20 или 30,000 пудовъ пороху и свинцу. Просьба была исполнена штатами. Такого рода закупки оружія въ Голландіи повторялись не разъ въ продолженіе войны. Закуплено было и въ Швеціи 20,000 мушкетовъ. Кромѣ того, еще Милославскому наказано было прибрать въ Голландіи офицеровъ и солдатъ, что̀ онъ и исполнилъ, сдѣлавши смотръ прибраннымъ; описаніе этого смотра любопытно: «Майоръ Исакъ Фонъ-Буковенъ, капитаны и солдаты пришли на

посольскій дворъ къ смотру: Филиппъ Албертъ фонъ-Буковенъ выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, стрѣлялъ изъ мушкета и шурмовалъ пикою и шпагою различныя штуки и по досмотру *добръ добръ;* Виламъ Алимъ по досмотру *добръ;* Ефимъ вахмистръ по смотру *умѣетъ;* Яковъ Рокартъ *умѣетъ;* Юрій Гаріохъ по смотру *середній*, и майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріоха съ капитанской чинъ не будетъ: какъ ему неученыхъ людей солдатской справкѣ выучить и къ бою привесть? онъ и самъ ратнаго строя ничего не знаетъ. Послы майоровы рѣчи велѣли записать и ему, майору, къ тѣмъ рѣчамъ велѣли руку приложить. Яковъ Стюартъ выходилъ съ мушкетомъ, шурмовалъ и стрѣлялъ и застрѣлилъ трехъ человѣкъ, толмача Нечая Дрябина да двухъ солдатъ нѣмцевъ, у Нечая да у Нѣмчина испортилъ по рукѣ, да на всѣхъ на нихъ прожегъ платье, за пику солдатскую приняться и шурмовать не умѣлъ и по смотру *худъ добръ;* а майоръ фонъ-Буковенъ говорилъ, что Гаріохъ въ капитаны, а Стюартъ и въ солдаты не годится. Солдаты, числомъ 19, всѣ оказались годными.

Передъ началомъ польской войны государь счелъ нужнымъ извѣстить объ ней и французскаго короля. Въ концѣ 1653 года отправился съ этимъ извѣщеніемъ гонецъ Мачехинъ. Въ Гаврѣ Мачехину въ кормѣ и подводахъ отказали, и онъ поѣхалъ въ Парижъ на своихъ проторяхъ, жилъ въ Сенъ-Дени 8 дней, и только 24 октября 1654 года въѣхалъ въ Парижъ въ королевской каретѣ. Въ Парижѣ отвели ему дворъ и дали кормъ, но приставы объявили, что прежде чѣмъ допустятъ его къ королю, онъ долженъ быть у королевы и у графа де-Бріена, потому что король въ молодыхъ лѣтахъ, и всякія дѣла вѣдаетъ и слушаетъ королеву, а посольскія дѣла приказаны графу де-Бріену, который, досмотря грамоты и подписи, сполна ли королевскаго величества именованье и титло написано, докладываетъ королю. Мачехинъ никакъ не согласился быть прежде у де-Бріена, и 30 октября представлялся прямо королю Людовику XIV, который, при его входѣ въ палату, всталъ и шляпу снялъ, потомъ сѣлъ и спросилъ о здоровьѣ царя; Мачехинъ замѣтилъ, что про здоровье великаго государя спрашиваютъ вставши; Людовикъ отвѣчалъ: «Про государево здоровье я спрашивалъ шляпу снявши, а того у насъ не ведется, что стоя спрашивать; но сказавши это, всталъ и пе-

респросилъ о здоровьѣ. «Кромѣ грамоты», спросилъ король Мачехина, «есть ли съ тобою царскаго величества приказъ о какомъ-нибудь дѣлѣ?» Мачехинъ отвѣчалъ: «Присланы со мною для подлиннаго вѣдома польскія печатныя книги, которыя покажу въ то время, когда королевское величество царскую грамоту выразумѣетъ. «Король обѣщалъ грамоту выслушать и книги велѣлъ досмотрѣть своимъ думнымъ людямъ. Когда Мачехинъ выходилъ изъ палаты, королевскіе дворяне сказали ему, что онъ долженъ идти теперь къ королевской матери. «За какимъ дѣломъ?» спросилъ Мачехинъ. «Королева царскому величеству обрадовалась и велѣла быть къ себѣ», отвѣчали дворяне. Мачехинъ пошелъ къ королевѣ Аннѣ. «Съ какимъ дѣломъ ты присланъ къ королю?» спросила Анна. «Присланъ я отъ царскаго величества къ королевскому величеству съ любительною грамотою объ ихъ государскихъ великихъ дѣлахъ, и грамоту подалъ королю», отвѣчалъ Мачехинъ. Королева сказала, что рада присылкѣ грамоты, и Мачехинъ, поклонясь, вышелъ изъ палаты. Король велѣлъ сказать Мачехину чрезъ графа де-Бріена: «Я царскаго величества грамоту прочелъ самъ, любительной грамотѣ этой обрадовался, и радъ быть съ великимъ государемъ въ братствѣ и дружбѣ вѣчно; хочу также, чтобъ царское величество съ польскимъ королемъ былъ въ мирѣ, потому что у нихъ государства смежны.» Съ этимъ Мачехинъ и былъ отпущенъ.

По поводу войны польской сочли нужнымъ возобновить и сношенія съ Австріей, прерванныя при царѣ Михаилѣ. Въ 1654 году отправленъ былъ къ императору Фердинанду III дворянинъ Баклановскій съ извѣстіемъ о восшествіи Алексѣя Михайловича на престолъ и съ объявленіемъ о неправдахъ короля Яна Казимира, которыя вынуждаютъ царя идти войною на Польшу. «И если» писалъ царь въ грамотѣ къ императору, «Янъ Казимиръ король станетъ у васъ или у курфюрстовъ просить противъ насъ помощи, то вы бы ратныхъ людей и никакой помощи ему не давали и къ курфюрстамъ о томъ же написали, а мы станемъ вамъ за это воздавать нашею государскою любовью, въ чемъ будетъ возможно». Посланнику, по старинѣ, было наказано: «Если велятъ идти къ императрицѣ, то отговариваться; если же отговариваться будетъ нельзя, то идти и отъ государя поклонъ править. За столомъ у цесаря сидѣть вѣжливо и остерегательно; дворянамъ и

подъячимъ и посольскимъ людямъ приказать накрѣпко, чтобъ они сидѣли за столомъ чинно и остерегательно, не упивались и словъ дурныхъ между собою не говорили; а середнихъ и мелкихъ людей въ палату съ собою не брать, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было». Баклановскій привезъ отвѣтъ, что цесарь хочетъ быть въ третьихъ межъ царемъ и королемъ польскимъ, и третействомъ своимъ мирное постановленіе учинить, зачѣмъ шлетъ въ Москву своихъ пословъ [71].

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Алексѣя Михайловича.

Приготовленіе къ войнѣ. — Отпускъ князя Трубецкого. — Выступленіе государя въ походъ. — Грамота царская къ православнымъ жителямъ Литвы. — Письмо царя къ сестрамъ и къ князю Трубецкому.—Успѣхи русскихъ войскъ. — Взятіе Смоленска. — Моровая язва въ Москвѣ и другихъ городахъ. — Первое раскольническое движеніе. — Ссора шляхтича съ козакомъ въ Бѣлоруссіи. — Поведеніе Хмельницкаго. — Приходъ Радзивила подъ Могилевъ. — Измѣна Поклонскаго. — Дѣйствія Хмельницкаго и Золотаренка. — Письмо Хмельницкаго къ Золотаренку. — Письма царя къ Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвѣеву. — Второй походъ царя. — Обращеніе его къ ратнымъ людямъ. — Взятіе Вильны, Ковна и Гродна. — Походы Хмельницкаго и Бутурлина, Волконскаго и Урусова. — Жалоба ратныхъ людей на воеводъ Урусова и Борятинскаго. — Сношенія съ гетманомъ Павломъ Сапѣгою. — Успѣхи шведовъ въ Польшѣ. — Сношенія шведскаго короля съ царемъ. — Царское посольство къ Радзивилу. — Столкновенія у русскихъ войскъ со шведскими. — Императорскіе послы въ Москвѣ. — Посольство изъ Москвы къ Павлу Сапѣгѣ. — Посольство Галинскаго въ Москву. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ поляками. — Переговоры со шведскими послами. — Посольство въ Данію. — Царскій походъ въ Ливонію. — Неудачная осада Риги. — Виленскіе переговоры бояръ съ польскими коммиссарами. — Посольство Матвѣева къ Гонсѣвскому. — Ординъ-Нащокинъ. — Переговоры съ Даніею. — Столкновеніе съ козаками въ Бѣлоруссіи. — Поведеніе Хмельницкаго и сношенія съ нимъ царя. — Смерть Хмельницкаго.

Еще лѣтомъ 1653 года государь почелъ нужнымъ внушить войску о возможности скораго похода: 28 іюня онъ дѣлалъ смотръ своему двору на Дѣвичьемъ полѣ, послѣ чего приказалъ думному дьяку стать передъ собою и сказать войску: «Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы! Писано есть, яко всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше отъ Отца. Се-

го благословеньемъ, и Единороднаго Его Сына и Святаго и Животворящаго Духа изволеніемъ, и всенадежныя заступницы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, и всѣхъ святыхъ молитвами, пришло въ мысль нашаго царскаго величества осмотрѣть воинство наше, которымъ православная христіанская вѣра сохраняется въ мирѣ и въ тишинѣ и въ благоденствіи, и наше царское величество отъ супротивныхъ враговъ нашихъ ограждается, и ваша въ службѣ храбрость и мужество объявляется, и христіанское множество отъ всенаходящихъ бѣдъ спасается. Видя всеурядное тщаніе, благодаря Бога, по прежнему радуемся, и ваше тщаніе къ службѣ и службу вашу хвалимъ. Когда же благоволитъ Богъ, по Его святому смотрѣнію, супротивные воевать, и вамъ бы съ такимъ же тщаніемъ, какъ и нынѣ видимъ васъ, съ радостнымъ усердіемъ готовымъ быть, да не мимо идетъ и насъ Христово велѣніе: болѣе сея любви нѣсть, да кто душу свою положитъ за други своя. Воинствующіе за святую, соборную и апостольскую церковь и за православную вѣру противу своего достоянія, и отъ нашего царскаго величества милость получатъ, и небеснаго царствія сподобятся, какъ и первые побѣдоносцы, за православіе пострадавшіе». 23 октября, въ Успенскомъ соборѣ, государь объявилъ: «Мы, великій государь, положа упованіе на Бога и на Пресвятую Богородицу и на московскихъ чудотворцевъ, посовѣтовавшись съ отцомъ своимъ, съ *великимъ государемъ*, святѣйшимъ Никономъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами, боярами, окольничими и думными людьми, приговорили и изволили идти на недруга своего, польскаго короля; воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть на нынѣшней службѣ безъ мѣстъ, и этотъ нашъ указъ мы велѣли записать въ разрядную книгу и закрѣпили своею государскою рукою».

Въ началѣ 1654 года началось движеніе войскъ: 27 февраля отпущенъ былъ въ Вязьму нарядъ съ бояриномъ Далматовымъ-Карповымъ; 15 марта, въ присутствіи козацкихъ пословъ, былъ смотръ на Дѣвичьемъ полѣ рейтарскому и солдатскому ученью; 17 марта былъ повѣщенъ походъ въ Брянскъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами. 23 апрѣля въ Кремлѣ было большое торжество по поводу отпуска и угощенія Трубецкого. Это было воскресенье; въ Успенскомъ соборѣ служилъ

обѣдню великій государь святѣйшій патріархъ, присутствовалъ великій государь царь со всѣмъ синклитомъ, присутствовала царица и стояла на своемъ мѣстѣ за занавѣскою (запоною); налѣво отъ царицына мѣста стояли боярскія жены и прочія женщины; соборъ наполняли стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, полковники и головы стрѣлецкіе, сотники и подъячіе, которые должны были идти въ походъ съ воеводами. Послѣ обѣдни служили молебенъ; когда окончилось чтеніе Евангелія, патріархъ благословилъ бояръ и воеводъ и велѣлъ имъ идти прикладываться къ образамъ и мощамъ; когда они исполнили это, патріархъ и царь подошли къ образу Владимірской Богородицы, Никонъ прочелъ сначала молитву Богородицѣ, потомъ молитвы на рать идущимъ, причемъ помянулъ имена бояръ, воеводъ, дьяковъ и прочихъ начальниковъ; послѣ этого царь поднесъ ему воеводскій наказъ, патріархъ положилъ его въ кіотъ Владимірской иконы на пелену, подозвалъ бояръ и воеводъ и началъ имъ говорить: «Примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и упованіе держите неизмѣнное, ибо самъ Господь рекъ: имѣяй вѣру яко зерно горушично и проч. Идите радостно и дерзостно за святыя Божіи церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и исполняйте государево повелѣніе безо всякаго претковенія. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радѣть о государевѣ дѣлѣ, то воспріимите Ананіинъ и Сапфиринъ судъ». Трубецкой принялъ наказъ и поцѣловалъ руки у патріарха. Царь вышелъ изъ церкви, поддерживаемый двумя боярами, Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ и Григоріемъ Семеновичемъ Куракинымъ, и, остановившись у соборныхъ дверей на рундукѣ, позвалъ бояръ и воеводъ къ себѣ хлѣба ѣсть. Когда сѣли за столъ, принесли списки всѣхъ ратныхъ людей, отправляющихся въ походъ, и положили предъ государемъ, который, посидѣвъ немного, обратился къ Трубецкому съ такою рѣчью: «Князь Алексѣй Никитичъ съ товарищи! заповѣдую вамъ: заповѣди Божіи соблюдайте и дѣла наши съ радостію исправляйте: творите судъ въ правду, будьте милостивы, страннопріимцы, больныхъ питатели, ко всѣмъ любовны, примирительны, а враговъ Божіихъ и нашихъ не щадите, да не будутъ ихъ ради правые опорочены; передаю вамъ эти списки вашихъ полчанъ: храните ихъ какъ зѣницу ока, любите и берегите

по ихъ отечеству, а къ солдатамъ, стрѣльцамъ и прочему мелкому чину будьте милостивы къ добрымъ, а злыхъ не щадите; клеветниковъ и ссорщиковъ не допускайте до себя, особенно же пребывайте въ совѣтѣ и любви и упованіе держите несомнѣнное. Если же презрите заповѣди Божіи и преслушаетесь нашего слова, людей Божіихъ, преданныхъ вамъ презрите—то я передъ Богомъ не буду виноватъ, вы дадите отвѣтъ на страшномъ судѣ». Потомъ государь обратился съ рѣчью къ полчанамъ: «При васъ заповѣдалъ я боярамъ и воеводамъ заповѣди Божіи соблюдать, также и наши дѣла исправлять съ усердіемъ, судъ творить въ правду и васъ беречь по вашему отечеству и любить добрыхъ какъ самихъ себя, а злыхъ не щадить: и вамъ бы, слыша отъ насъ такой милостивый и грозный приказъ, бояръ и воеводъ во всемъ почитать и слушать и бояться какъ и насъ, и на всякія дѣла быть готовымъ безъ отговорокъ, а враговъ Божіихъ и нашихъ не таить и не покрывать, а извѣщать на нихъ боярамъ и воеводамъ; еще же заповѣдую вамъ пребывать во всякой чистотѣ и цѣломудріи, потому что не знаете, въ какой часъ смерть постигнетъ».

Когда кончился обѣдъ и дворецкій снялъ скатерть, то царь, вставши съ своего мѣста, сталъ за столомъ, сступя съ колодки на правую сторону. Въ это время ключарь съ соборомъ совершали хлѣбъ Богородицынъ; пѣвчіе пѣли: «Блажимъ тя вси роди, Богородице» и «Достойно есть»; священники говорили: «Святый Боже!» по: «Отче нашъ!» и кондаки, а ключарь подносилъ панагію съ хлѣбомъ Богородицынымъ къ царю. Государь взялъ съ панагіи часть хлѣба Богородицына съ опасеніемъ и стоя потребилъ. Ключарь, поклонясь, отдалъ панагію, и, взявши со стола Богородицыну чашу, поднесъ царю; государь испилъ трижды и подавалъ чашу боярамъ и воеводамъ по чину, кромѣ окольничьихъ; бояре и воеводы шли къ чашѣ одинъ за другимъ по чину, и, принявъ чашу, цѣловали царскую руку; потомъ подавалъ государь чашу ключарю съ братіею. Ключарь совершалъ столъ, говорилъ: «Благословенъ Богъ нашъ»; совершa столъ, поклонившись образамъ и ударивъ челомъ государю, шелъ съ братіею за панагіею въ церковь, и изъ церкви домой. Отпустивъ панагію, царь сѣлъ на прежнее свое мѣсто, а бояре, воеводы, дьяки и полчане стояли; царь жаловалъ бояръ и воеводъ водкою и краснымъ ме-

домъ, дьяковъ краснымъ и бѣлымъ медомъ, полчанъ бѣлымъ медомъ. Кончилось угощеніе и царь обратился къ боярамъ и воеводамъ съ рѣчью: «Князь Алексѣе су съ товарищи! Если дастъ Богъ здоровья вамъ и станете на указномъ мѣстѣ, то, пересмотря нашихъ ратныхъ людей, скажите имъ нашъ указъ: на первой недѣли Петрова поста всѣмъ обновиться св. покаяніемъ и воспріятіемъ тѣла и крови Господни; вѣдаете и сами: аще христіанинъ три лѣта не причастится, нѣсть христіанинъ. Второе вамъ приказываю: если и въ походахъ будете, не оставьте сей Евангельской заповѣди, елико сила ваша можетъ, сотворите плоды послушанія, вѣдаете и сами, чѣмъ пророцы и законъ весь висятъ. Аще сію Христову заповѣдь сохраните и обновитеся святымъ покаяніемъ и пріобщитеся безсмертной трапезѣ, то дерзостно реку вамъ: ей, ополчится Ангелъ Господенъ окрестъ полка вашего. Третье приказываю вамъ: непослушниковъ и силою приводить къ святому покаянію; полагаю весь полкъ вашъ на васъ боярахъ и воеводахъ: если хотя одинъ человѣкъ нерадѣніемъ вашимъ не обновится покаяніемъ, то вы отвѣтъ дадите на страшномъ судѣ Христовѣ».

Трубецкой отвѣчалъ: «О царю пресвѣтлый, премилостивый и премудрый, нашъ государь и отецъ и учитель! ей, насладились мы душевныхъ и полезныхъ учительскихъ словъ! какого источника живыхъ водъ искали, такой и обрѣли. Пророкомъ Моисеемъ манна дана была израильскимъ людямъ въ пищу: мы же не только тѣлесною снѣдью напитались отъ твоихъ царскихъ устъ, но и душевною пищею пресладкихъ и премудрыхъ глаголовъ Божіихъ, исходящихъ отъ устъ твоихъ царскихъ, обвеселились душами и сердцами своими. Хотя малодушны мы и маловѣрны, но устремляемся на всякое послушаніе благое, и Богъ помощникъ намъ будетъ».

Начался отпускъ: первый пошелъ къ царской рукѣ старшій воевода, князь Трубецкой: царь взялъ обѣими руками его голову и прижалъ къ груди своей, «для его чести и старшинства, потому что многими сѣдинами украшенъ, мужъ благоговѣйный и изящный, мудрый въ божественномъ писаніи, въ воинствѣ счастливъ и недругамъ страшенъ». Растроганный до слезъ воевода началъ кланяться въ землю разъ до тридцати. Отпустивъ начальныхъ людей, царь пошелъ въ сѣни грановитой палаты и прика-

залъ позвать послѣднихъ полчанъ, которые обѣдали въ столовой, московскихъ дворянъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ ярославцевъ, жаловалъ ихъ изъ своихъ рукъ въ ковшахъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь: «Въ прошломъ году были соборы не разъ, на которыхъ были и отъ васъ выборные, отъ всѣхъ городовъ дворянъ по два человѣка; на соборахъ этихъ мы говорили о неправдахъ польскихъ королей, вы слышали это отъ своихъ выборныхъ: такъ вамъ бы за злое гоненіе на православную вѣру и за всякую обиду къ московскому государству стоять; а мы идемъ сами вскорѣ и за всѣхъ православныхъ христіанъ начнемъ стоять, и если Творецъ изволитъ и кровію намъ обагриться, то мы съ радостію готовы всякія раны принимать васъ ради православныхъ христіанъ, и радость и нужду всякую будемъ принимать вмѣстѣ съ вами». Полчане возопили: «Что мы видимъ и слышимъ отъ тебя государя? За православныхъ христіанъ хочешь кровію обагриться! Нечего намъ уже послѣ того говорить: готовы за вѣру православную, за васъ государей нашихъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ безъ всякой пощады головы свои положить!» Государь заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: «Обѣщаетесь, предобрые мои воины, на смерть, но Господь Богъ за ваше доброе хотѣніе даруетъ вамъ животъ, а мы готовы будемъ за вашу службу всякой милостію жаловать».

26 числа войско выступило въ Брянскъ; оно шло черезъ кремль мимо дворца подъ переходы, на которыхъ сидѣли царь и патріархъ; Никонъ кропилъ проходящее войской святою водою. Когда подъѣхали къ переходамъ бояре и воеводы, то сошли съ лошадей и поклонились по обычаю; государь спросилъ ихъ о здоровьѣ, и они поклонились до земли, Царь сказалъ имъ: «Поѣзжайте да послужите; Богъ съ вами: Той вамъ да поможетъ и васъ соблюдетъ». Бояре и воеводы опять поклонились до земли. Всталъ Никонъ, благословилъ ихъ и сказалъ рѣчь: «Упованіе крѣпко и несумнѣнно имѣйте въ умѣ своемъ на Господа Бога и Творца всего созданія, и общую заступницу, Пресвятую Богородицу, призывайте на помощь. Государевы дѣла дѣлайте съ усердіемъ, а во всемъ томъ Господь Богъ утвердитъ васъ и поможетъ вамъ на всякое доброе дѣло; да подастъ вамъ силою животворящаго креста побѣду и одолѣніе и возвратитъ васъ здравыхъ со всякою доброю побѣдою». Изговоря рѣчь, патріархъ опять благо-

словилъ воеводъ и поклонился имъ по обычаю; воеводы поклонились ему въ землю и Трубецкой говорилъ рѣчь: «О всеблаженнѣйшій и пресвятѣйшій отцамъ отецъ, великій государь, пресвятѣйшій Никонъ, всея Великія и Малыя Россіи патріархъ! Удивляемся и ужасаемся твоихъ государевыхъ учительныхъ словесъ и надѣемся на твое государево благоутробіе, понеже не видимъ ни одного грѣшника кающагося отгоняема и озлобляема отъ тебя государя. Твоему пресвятому поученію, какъ евангельскому благовѣстію, радостною душою и съ радостными слезами веселимся и утѣшаемся; по волѣ Божіей, по государеву указу и по твоему благословенію и ученію, обѣщаемся съ радостію служить безо всякія хитрости; если же въ безхитростіи или въ недоумѣніи нашемъ преступленіе учинится, молимъ тебя, пресвѣтлѣйшій владыка, о заступленіи и о помощи». Въ то время, какъ говорилъ рѣчь Никонъ, царь, для его святительской рѣчи и достоинства, стоялъ.

Съѣздивши къ Троицѣ и въ Саввинъ монастырь, царь 10 мая осмотрѣлъ на Дѣвичьемъ полѣ всѣхъ ратныхъ людей, которые должны были идти съ нимъ въ походъ; 15 мая отпущена была въ Вязьму Иверская икона Богородицы, и въ тотъ же день отправились туда воеводы передового и ертаульнаго полка; на другой день выступили воеводы большого и сторожевого полка; 18 мая выступилъ самъ царь. Дворовыми воеводами при немъ были бояре: Борисъ Ивановичъ Морозовъ и Илья Даниловичъ Милославскій; въ большомъ полку бояре: князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій и князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій; въ передовомъ полку: князь Никита Ивановичъ Одоевскій да князь Ѳедоръ Юрьевичъ Хворостининъ; въ сторожевомъ: князь Михайла Михайловичъ Темкинъ-Ростовскій, да Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Государева полка сотенныя головы и начальные люди съ полками, головы стрѣлецкія съ приказами собирались съ утра на Дѣвичьемъ полѣ, откуда шли сотнями черезъ дворецъ: здѣсь, изъ окна столовой избы патріархъ кропилъ ихъ святою водою. Въ воротахъ, черезъ которыя шелъ государь, по обѣ стороны сдѣланы были рундуки большіе ступенями и обиты краснымъ сукномъ; на рундукахъ стояло духовенство и кропило государя и ратныхъ людей святою водою. Это главное войско отправилось на Западъ, по смоленской дорогѣ; Трубецкому изъ

Брянска велѣно было идти въ Малороссію и, соединившись тамъ съ Хмельницкимъ, ударить на польскія области; съ своей стороны Хмельницкій отрядилъ въ Бѣлоруссію 20,000 козаковъ подъ начальствомъ наказного гетмана Ивана Никифоровича Золотаренка. Боярину Василью Борисовичу Шереметеву велѣно было двинуться изъ Путивля въ Бѣлгородъ или въ Карпово Сторожевье, для обереганія южныхъ границъ отъ крымскаго хана и нагайскихъ людей [72].

Надѣялись найти союзниковъ въ областяхъ королевскихъ, куда посланы были такія грамоты:

«Въ Польское королевство и Литовское княжество, матери нашей святой Восточной церкви сынамъ, греческаго закона православнымъ архіереямъ, іереямъ и всего священнаго и иноческаго чина и всѣмъ православнымъ христіанамъ всякаго чина и возраста и достоянія, по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и весямъ: отъ многихъ временъ отъ святыя Восточныя церкви къ намъ, чадамъ ея и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ Малыя Россіи моленіе было, да законнымъ вспоможеніемъ, елико вѣрнымъ по вѣрныхъ достоитъ помогать, поможемъ. И вотъ теперь умилостивились мы, и Малую Россію, православныхъ христіанъ, подъ единаго словесныхъ овецъ пастыря Христа Бога нашего державу рѣшились принять. И вотъ теперь всѣмъ извѣщаемъ, что богохранимое наше царское величество за Божіею помощію собравшись со многими ратными людьми на досадителей и разорителей св. Восточной церкви греческаго закона, на поляковъ вооружаемся, дабы Господь Богъ надъ всѣми нами православными христіанами умилосердился и чрезъ насъ, рабовъ своихъ, тѣмъ месть сотворилъ, и св. Восточная церковь отъ гоненія освободилась и греческими старыми законами красилась; чтобъ за многія королевскія неправды и за нарушеніе вѣчнаго докончанія воздалась месть. И вы бы, православные христіане, освободившись отъ злыхъ, въ мирѣ и благоденствіи прочее житіе провождали; и сколько васъ Господь Богъ на то доброе дѣло возставилъ, прежде нашего царскаго пришествія раздѣленіе съ поляками сотворите, какъ вѣрою, такъ и чиномъ, хохлы, которые у васъ на головахъ, постригите, и каждый противъ супостатъ Божіихъ да вооружается. Которые добровольно прежде нашего государскаго пришествія извѣстны и вѣрны намъ учинятся, о тѣхъ мы въ

войскѣ заказъ учинили крѣпкій, да сохранены будутъ ихъ домы и достояніе отъ воинскаго разоренія» [73].

26 мая государь пріѣхалъ въ Можайскъ, откуда писалъ сестрамъ: «Изъ Можайска пойдемъ 28 числа: спѣшу государыни мои, для того, что, сказываютъ, людей въ Смоленскѣ и около Смоленска нѣтъ никого, чтобъ поскорѣй захватить».

Алексѣй Михайловичъ, увѣренный въ необходимости предпріятія, увѣренный въ правотѣ своего дѣла, одушевленный религіознымъ чувствомъ, выступалъ въ походъ, по крайней мѣрѣ, съ тою смѣлостію, съ какою удерживался при гробѣ патріарха Іосифа, несмотря на разныя искушенія. Теперь, по выступленіи въ походъ, явились также искусители: то были люди окружавшіе царя: имъ не нравилось предпріятіе, заставившее разстаться съ покойною московскою жизнію, имъ страшенъ былъ походъ къ литовской границѣ, ибо давно уже эти походы не оканчивались счастливо. Пользуясь добротою царя, они не скрывали при немъ своего неудовольствія и сильно огорчали Алексѣя: «А у насъ (писалъ государь къ князю Трубецкому 31 мая) у насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушіемъ, наипаче двоедушіемъ, какъ есть облака: иногда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, иногда зноемъ и яростію и ненастьемъ всякимъ злохитреннымъ и обычаемъ московскимъ явятся, иногда злымъ отчаяніемъ и погибель прорицаютъ, иногда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ, лукавымъ сердцемъ. Коротко вамъ пишу, потому что неколи писать, спѣшу въ Вязьму; а мнѣ, уже Богъ свидѣтель, каково становится отъ двоедушія того, отнюдь упованія нѣтъ. А потомъ здравствуйте и творите всякое дѣло съ упованіемъ къ Творцу своему и будьте любовны между собою, ей Богъ съ вами, а ко мнѣ еслибы не Его Свѣтова милость, ей сокрушеніе бы моему сердцу малодушіе оныхъ» [74]. Скоро однако эти непріятности исчезли, ибо начали приходить радостныя вѣсти.

Первую пріятную вѣсть получилъ государь на дорогѣ изъ Царева Займища въ Вязьмѣ 4 іюня; дали знать, что едва толпа вяземскихъ охочихъ людей показалась передъ Дорогобужемъ, какъ поляки побѣжали изъ города въ Смоленскъ, а посадскіе люди сдали Дорогобужъ безъ боя. На дорогѣ изъ Вязьмы въ Дорогобужъ 11 іюня царь получилъ вѣсть о сдачѣ его войскамъ Не-

вля; 14 іюня въ Дорогобужъ пришла вѣсть о сдачѣ Бѣлой. 26 іюля передовой полкъ имѣлъ первую сшибку съ поляками на рѣкѣ Колоднѣ подъ Смоленскомъ; 28-го іюня самъ государь сталъ подъ Смоленскомъ въ Богдановой околицѣ, и на другой день его поздравили со сдачею Полоцка; іюля 2-го получена вѣсть о сдачѣ Рославля; 5-го іюля государь расположился станомъ на Дѣвичьей горѣ, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска; 20 дали знать о сдачѣ Мстиславля. Среди этихъ радостныхъ извѣстій было только одно печальное: подъ Оршею, трижды несчастною, русскіе потерпѣли сильное пораженіе отъ Литвы которая, подкралась къ нимъ ночью и ударила на спящихъ. Но эта неудача не могла остановить быстраго успѣха Москвы, которая, какъ доносили королю его воеводы, теперь воевала по новому образцу, занимала земли милостію и жалованьемъ царскимъ; православная шляхта, сдавшаяся на имя царское по деревнямъ и въ Полоцкѣ, была отправлена подъ Смоленскъ къ царю за жалованьемъ; которая не хотѣла сдаваться, отпускалась безпрепятственно. Эта снисходительность имѣла то дѣйствіе, что не только простой народъ, но и шляхта охотно присягали царю, особенно бѣдные люди, служивые иноземцы, которые не надѣялись получить своего жалованья отъ Рѣчи Посполитой. «Мужики очень намъ враждебны», пишутъ поляки, «вездѣ на царское имя сдаются и дѣлаютъ больше вреда, чѣмъ сама Москва; это зло будетъ и дальше распространяться; надобно опасаться чего-нибудь въ родѣ козацкой войны». 22 іюля выѣхалъ на государево имя могилевскій шляхтичъ Поклонскій и жалованъ въ полковники; ему поручено было уговаривать земляковъ, чтобъ поддавались государю и служили ему противъ поляковъ, для чего велѣно было тому же Поклонскому всякихъ служивыхъ людей прибирать къ себѣ въ полкъ и обнадеживать ихъ государскимъ жалованьемъ. Уговаривать могилевцевъ къ сдачѣ отправленъ былъ вмѣстѣ съ Поклонскимъ московскій дворянинъ Воейковъ съ отрядомъ ратныхъ людей. На дорогѣ прислали къ нимъ чаусовцы съ просьбою принять ихъ подъ государеву руку, и Поклонскій набралъ изъ нихъ 800 человѣкъ пѣхоты. 24 іюля дали знать государю о сдачѣ Дисны и Друи, 2 августа о взятіи Орши, оставленной гетманомъ литовскимъ Радзивиломъ, который былъ нагнанъ русскими и разбитъ. 9 августа бояринъ Василій Шереметевъ далъ знать

о взятіи города Глубокаго, 20 о взятіи Озерища, и въ тотъ же день князь Алексѣй Трубецкой далъ знать о побѣдѣ надъ гетманомъ Радзивиломъ, одержанной въ 15 верстахъ отъ города Борисова, на рѣчкѣ Шкловкѣ: 12 полковниковъ, 270 всякихъ людей, знамя и бунчукъ гетманскіе, знамена и литавры достались побѣдителямъ; раненый Радзивилъ спасся съ немногими людьми. Въ тотъ же день прискакалъ третій сеунчъ, или вѣстникъ побѣды, отъ гетмана Золотаренка: Гомель сдался ему. 24 августа сдался Могилевъ Поклонскому и Воейкову; послѣдній писалъ государю что православныхъ могилевцевъ онъ привелъ къ присягѣ, а католиковъ, которые хотятъ служить государю, приводить къ присягѣ не смѣетъ, потому что они не христіане. Жиды были побиты въ Могилевѣ; но мѣщане сложили эту вину на козаковъ Поклонскаго. Государь исполнилъ челобитье могилевцевъ, чтобъ жить имъ подъ магдебургскимъ правомъ, носить одежду по прежнему обычаю, не ходить на войну, чтобъ не выселять ихъ въ другіе города; дворы ихъ были освобождены отъ военнаго постоя, позволено было выбирать изъ черни шаферовъ для завѣдыванія приходами и расходами городскими; обѣщано не допускать Ляховъ ни къ какой должности въ городѣ; козаки не могли жить въ Могилевѣ, развѣ по дѣламъ службы; жиды также не допускались въ городъ на житье; школѣ быть по образцу кіевскихъ училищъ. Подобныя же грамоты даны были и другимъ покорившимся городамъ.

Августъ окончился удачными дѣйствіями Золотаренка, который 29 числа далъ знать о взятіи Чечерска, Новаго Быхова и Пропойска. А между-тѣмъ уже два мѣсяца Смоленскъ былъ въ осадѣ; приступъ ночью на 16 августа не удался; по польскимъ извѣстіямъ русскихъ погибло 7,000 да ранено было 15,000. Царь же Алексѣй Михайловичъ писалъ сестрамъ: «Наши ратные люди зѣло храбро приступали и на башню и на стѣну взошли и бой былъ великій; и, по грѣхамъ, подъ башню польскіе люди подкатили порохъ, и наши ратные люди сошли со стѣны многіе, а иныхъ порохомъ опалило; литовскихъ людей убито больше двухсотъ человѣкъ, а нашихъ ратныхъ людей убито съ триста человѣкъ, да ранено съ тысячу». Какъ бы то ни было, и осажденные понесли сильный уронъ и увидали, что держаться болѣе нельзя: укрѣпленія повреждены, всѣхъ защитниковъ не наберется и двухъ ты-

сячъ, а защищать надобно стѣны, растянутыя на такомъ огромномъ пространствѣ и 34 башни; наконецъ пороху недоставало. Шляхта, отчаявшись отбить непріятеля, отказывалась повиноваться: мало кто шелъ на стѣны, никто не хотѣлъ работать для возстановленія укрѣпленій; козаки чуть-чуть не убили королевскаго инженера, когда онъ сталъ высылать ихъ на работу; толпами стали перебѣгать къ осаждающимъ; особенно бѣжали тѣ, которые не получали жалованья. Сентябрь начался счастливыми вѣстями для царя: 1-го числа получилъ онъ вѣсть о сдачѣ Усвята, 4 о сдачѣ Шклова. Смоленскій воевода Обуховичъ и полковникъ Корфъ прислали просить о начатіи переговоровъ; 10 сентября стольники Иванъ Богдановичъ Милославскій и Семенъ Юрьевичъ Милославскій, да стрѣлецкій голова Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ на съѣздѣ съ литовскими людьми договорились о сдачѣ Смоленска: Обуховичъ и Корфъ получили позволеніе выѣхать въ Литву; остальной шляхтѣ и мѣщанамъ дано было на волю: или выѣхать въ Литву, или присягнуть государю. Начальники еще хотѣли тянуть время, выжидать, но жители Смоленска не хотѣли ждать; они составили сеймики, на которыхъ главный голосъ принадлежалъ пану Голимонту и двоимъ Соколинскимъ: условились о сдачѣ, подговорили зaмковую пѣхоту, сорвали хоругвь съ воеводскаго дома, отворили ворота и пошли къ царю. 23 сентября подъ стѣнами Смоленска происходило обратное явленіе тому, какое видѣли здѣсь въ 1634 году: литовскіе воеводы, выходя изъ Смоленска, били челомъ и клали знамена передъ государемъ московскимъ. На другой день бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе и дворяне приходили поздравлять государя съ Смоленскомъ, подносили хлѣбъ и соболи. Въ столовомъ шатрѣ царь угощалъ обѣдомъ грузинскихъ и сибирскихъ царевичей, бояръ и окольничихъ, сотенныхъ головъ государева полка и черкасскаго наказного гетмана Ивана Золотарева съ товарищами. 28 числа угощалъ есауловъ своего полка и смоленскую шляхту. Получивши вѣсть о взятіи города Горъ, государь 5 октября выступилъ изъ-подъ Смоленска въ Вязьму. На дорогѣ 16 числа получилъ вѣсть о сдачѣ Дубровны [75].

Но въ то время, какъ съ Запада приходили все вѣсти счастливыя, изъ Москвы давали знать, что здѣсь свирѣпствуетъ моровая язва. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, по распоряженію Никона, цари-

ца съ семействомъ выѣхала изъ столицы; выѣхалъ и патріархъ по указу царскому. Чтобъ сберечь государя и войско, поставлены были крѣпкія заставы по смоленской дорогѣ, также по троицкой, владимірской и другимъ дорогамъ; людямъ, ѣдущимъ подъ Смоленскъ, велѣно говорить, чтобъ они въ Москву не заѣзжали, объѣзжали около Москвы. Здѣсь въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двери и окна кирпичемъ заклали и глиною замазали, чтобъ вѣтеръ не проходилъ; съ дворовъ, гдѣ обнаружилось повѣтріе, оставшихся въ живыхъ людей не велѣно выпускать: дворы эти были завалены и приставлена къ нимъ стража. Бѣдствіемъ воспользовались люди, которыхъ уже давно тревожили разныя новизны морозовскія, ртищевскія, никоновскія. 25 августа князь Пронскій съ товарищами были у обѣдни въ Успенскомъ соборѣ; около церкви собралось много народа изъ разныхъ слободъ, принесли въ кіотѣ икону—Спасъ Нерукотворенный, лице и образъ соскребены. Когда бояринъ вышелъ отъ обѣдни, земскіе люди подошли къ нему и начали говорить: «Взятъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тіунской избы для переписки, лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу». Выступилъ Софронъ Лапотниковъ и сталъ говорить: «Мнѣ было отъ этого образа явленіе, приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать». Мірскіе люди подхватили: «На всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе: такъ дѣлали иконоборцы; во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ, ведутъ насъ къ конечной погибели, а тотъ чернецъ за многія ереси вмѣсто смерти сосланъ былъ въ Соловецкій монастырь; патріарху пристойно было быть на Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ, а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались, православные христіане помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда-нибудь не ушли». — Пронскій съ товарищами началъ уговаривать земскихъ людей всякими мѣрами, чтобъ они отъ такого

дѣла отстали: «Святѣйшій патріархъ, говорилъ бояринъ», пошелъ изъ Москвы по государеву указу и когда соцкіе къ нему приходили бить челомъ, чтобъ онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патріархъ казалъ имъ государеву грамоту, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ». Народъ выслушалъ это спокойно, но потомъ, въ тотъ же день, толпа явилась у Краснаго крыльца, принесли иконныя доски, говоря, что съ этихъ досокъ образа соскребены: «Мы» говорили изъ толпы: мы эти доски разнесемъ во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу». При всемъ этомъ волненіи соцкіе не показывались, а предводительствовали и говорили гостиной сотни купцы Дмитрій Заика, Александръ Баевъ да Кадашевецъ Иванъ Нагаевъ. Пронскій отписалъ объ этомъ дѣлѣ царицѣ и царевичу (т.-е. бывшему при нихъ Никону), и, по ихъ приказанію, призвалъ къ себѣ черныхъ сотенъ и слободъ соцкихъ и старостъ и лучшихъ людей и говорилъ имъ, чтобъ они къ совѣту худыхъ людей не приставали, своей братьи говорили, чтобъ и они отъ такого злаго начинанія отстали, заводчиковъ воровства поймали и къ нимъ боярамъ привели. Соцкіе отвѣчали, что они къ злому заводу не пристаютъ и свою братью станутъ унимать. Потомъ Пронскій велѣлъ призвать троихъ оставшихся въ Москвѣ гостей, изъ гостиной и суконной сотенъ лучшихъ и середнихъ людей и велѣлъ имъ прочитать грамоту, присланную отъ царицы. Призванные, выслушавъ грамоту, отвѣчали, что они про патріарха никакихъ безчестныхъ словъ не говаривали, къ соборной церкви и къ Красному крыльцу не прихаживали, а которые воры приходили и тѣ рѣчи говорили, то они за нихъ не стоятъ и, провѣдавъ, имена ихъ принесутъ. Тутъ же черныхъ сотенъ и дворцовыхъ слободъ старосты и соцкіе били челомъ, чтобъ святѣйшій патріархъ пожаловалъ, благословилъ для нынѣшняго времени у приходскихъ церквей пѣть обѣдни въ часъ дня, и которые священники изъ Москвы сбѣжали и живутъ по деревнямъ, тѣхъ выслать назадъ въ Москву, а которые живутъ въ Москвѣ подъ запрещеніемъ, тѣмъ разрѣшить, потому что многія церкви стоятъ безъ пѣнія, православные христіане умираютъ безъ покаянія и причастія и мертвыхъ погребать некому.

Не знаемъ, удовлетворено ли было это требованіе, но попытались еще разъ поднять народъ противъ печатанія книгъ

исправляемыхъ Арсеніемъ [76]. Въ началѣ сентября князь Пронскій далъ знать царицѣ, что моровое повѣтріе въ Москвѣ усиливается, православныхъ христіанъ остается немного; писалъ, что какая-то женщина Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою разсказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги. Пронскому отъ имени царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича отвѣчали (конечно Никонъ): «Степанида съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ рознились: изъ этого ясно, что они солгали; и вы бы впередъ такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили; печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для морового повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ». Зараженныя деревни велѣно было засѣкать и разставлять около нихъ сторожи крѣпкія, на сторожахъ разложить огни часто; подъ смертною казнію запрещено было сообщеніе между зараженными и незараженными деревнями. Со стану на рѣкѣ Нерли царица отправлялась въ Колязинъ монастырь; дали знать, что черезъ дорогу въ Колязинъ провезено тѣло думной дворянки Гавреневой, умершей отъ заразы, и вотъ велѣно было на этомъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ ея стороны, саженъ по десяти и больше, накласть дровъ и выжечь гораздо, уголье и пепелъ вмѣстѣ съ землею свезть, и насыпать новой земли, которую брать издалека. 11 сентября царское семейство уже было въ Колязинѣ монастырѣ. Грамоты, присылаемыя сюда изъ Москвы отъ бояръ, переписывались черезъ огонь; въ этихъ грамотахъ присылались вѣсти нерадостныя: 11 сентября умеръ бояринъ князь Михайла Петровичъ Пронскій, 12 бояринъ князь Хилковъ; померли гости, бывшіе у государевыхъ дѣлъ; въ черныхъ сотняхъ и слободахъ жилецкихъ людей осталась самая малая часть; стрѣльцовъ изъ шести приказовъ и одного не осталось, многіе померли, другіе больны, иные разбѣжались; ряды всѣ заперты, въ лавкахъ никто не сидитъ; на дворахъ знатныхъ людей изъ множества дворни осталось человѣка по два и по три; объявилось и воровство: разграблено было нѣсколько дворовъ, а сыскивать и унимать воровъ некѣмъ; тюремные колодники проломились изъ тюрьмы и бѣжали изъ города, человѣкъ съ сорокъ переловили, но 35 ушло. Въ отвѣтъ былъ посланъ приказъ: въ кремлѣ запереть всѣ ворота и рѣшетки запустить, оставить одну калитку на Боровицкій мостъ, и ту по ночамъ запирать. Съ 10 октября моръ началъ стихать, и зараженные стали выздоравли-

вать. 21 октября государь пріѣхалъ въ Вязьму и, по случаю морового повѣтрія, не поѣхалъ далѣе; сюда къ нему пріѣхала и царица съ семействомъ изъ Колязина. Въ началѣ декабря государь послалъ досмотрѣть въ Москвѣ—сколько умерло и сколько осталось; донесли: въ Успенскомъ соборѣ остался одинъ священникъ да одинъ дьяконъ; въ Благовѣщенскомъ одинъ священникъ; въ Архангельскомъ службы нѣтъ: протопопъ сбѣжалъ въ деревню; во дворцѣ по двору едва можно пройти: сугробы снѣжные! На трехъ дворцахъ дворовыхъ людей осталось 15 человѣкъ. Въ Чудовѣ монастырѣ умерло 182 монаха, живыхъ осталось 26; въ Вознесенскомъ умерло 90 монахинь, осталось 38; въ Ивановскомъ умерло 100, осталось 30; въ посольскомъ приказѣ переводчиковъ и толмачей 30 умерло, 30 осталось. На боярскихъ дворахъ: у Бориса Морозова умерло 343 человѣка, осталось 19; у князя Алексѣя Никитича Трубецкого умерло 270, осталось 8; у князя Якова Куденетовича Черкасскаго умерло 423, осталось 110, у князя Одоевскаго умерло 295, осталось 15; у Никиты Ивановича Романова умерло 352, осталось 134; у Стрѣшнева изо всей дворни остался въ живыхъ одинъ мальчикъ и т. д. Въ черныхъ сотняхъ и слободахъ: въ Кузнецкой умерло 173 человѣка, осталось 32; въ Новгородской сотнѣ умерло 438, осталось 72; въ Устюжской полусотнѣ умерло 320, осталось 40; въ Покровской сотнѣ умерло 477, осталось 48 и т. д. Въ другихъ городахъ: въ Костромѣ умерло 3247 человѣкъ, въ Нижнемъ Новгородѣ 1836 а въ уѣздѣ 3666; въ Калугѣ посадскихъ людей умерло 1836 (включая женъ, дѣтей, племянниковъ и зятьевъ), осталось 777; въ Троицкомъ монастырѣ и подмонастырскихъ слободахъ умерло 1278 человѣкъ; въ Торжкѣ умерло 224, осталось всякихъ людей 686, въ уѣздѣ умерло 217, осталось 2801; въ Звенигородѣ умерло 164, осталось съ женами и дѣтьми всего 197, въ уѣздѣ умерло 707, осталось 689; въ Вереѣ съ уѣздомъ умерло 1524 человѣка; въ Кашинѣ умерло 109, осталось 300, въ уѣздѣ умерло 1539, осталось 908; въ Твери умерло 336, осталось 388; въ Тулѣ умерло 1808, осталось 760 мужскаго пола; въ Переяславлѣ Рязанскомъ умерло 2583 человѣка, осталось 434; въ Угличѣ умерло 319, осталось 376; въ Суздалѣ умерло 1177, осталось 1390 (съ женами и дѣтьми); въ Переяславлѣ Залѣсскомъ умерло 3627, осталось 939. Эти извѣстія важны для насъ и въ томъ отношеніи,

что даютъ намъ понятіе о населеніи городовъ московскаго государства во второй половинѣ XVII вѣка.

Между тѣмъ война продолжалась въ Бѣлоруссіи: 22 ноября бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ далъ знать, что онъ взялъ съ боя Витебскъ. Это была послѣдняя радостная вѣсть въ 1654 году, затѣмъ стали приходить вѣсти непріятныя. Прежде всего началась ссора у шляхтича съ козаками: Могилевъ, какъ мы видѣли, былъ занятъ полковникомъ Поклонскимъ и Воейковымъ, которые и остались въ немъ начальствовать. 7 сентября прискакалъ изъ Могилева шляхтичъ Рудницкій и объявилъ государю, что прислалъ къ Поклонскому гетманъ Золотаренко изъ-подъ Быхова грамоту, пишетъ съ великими угрозами, хочетъ его убить, а сердится за то, зачѣмъ Могилевцы сдались Поклонскому; Рудницкій же донесъ, что запорожцы воюютъ Могилевскій уѣздъ. Государь въ тотъ же донь послалъ приказъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому отправить въ Могилевъ отрядъ ратныхъ людей; Трубецкой 12 сентября прислалъ въ Могилевъ стрѣлецкаго голову съ приказомъ, и Поклонскій съ Воейковымъ разослали этихъ стрѣльцовъ по уѣзду для обереганія крестьянъ отъ козаковъ. На другой день, 13 сентября, явился въ Могилевъ самъ наказный гетманъ Золотаренко проѣздомъ подъ Смоленскъ къ государю; Воейковъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ жаловаться гетману, что козаки наѣхали въ могилевскій уѣздъ и распоряжаются: хлѣбъ, собранный на государя, велѣли возить къ себѣ подъ Быховъ, мельницы стали отдавать на оброкъ, денежные оброки съ крестьянъ выбираютъ, лошадей и животину всякую у нихъ берутъ. Золотаренко отвѣчалъ: «Что жь мы будемъ ѣсть, если намъ хлѣба, коровъ и лошадей не брать? вы готовите хлѣбъ на зиму для государевыхъ ратныхъ людей, а намъ надобно теперь».—«Кто же тебѣ мѣшаетъ готовить всякіе запасы въ Быховскомъ уѣздѣ?» возразилъ на это Воейковъ, и тѣмъ разговоръ кончился. Но дѣло не кончилось: 15 сентября новая жалоба отъ Поклонскаго: «Золотаренко, выѣхавши изъ Могилева, прибилъ встрѣтившихся ему людей моихъ и сказалъ имъ: то же будетъ отъ меня и полковнику вашему! Послѣ этого всѣ мои козаки, испугавшись, отступились отъ меня, никто уже со мной не хочетъ быть, всѣ къ нему передались, и я, не имѣя людей, не могу больше быть полковникомъ, бью челомъ вашему царскому

величеству, укажите мнѣ гдѣ-нибудь жить, а здѣсь подлѣ Золотаренка ни за что служить не стану, боюсь его пуще ляховъ». Отъ Воейкова также приходили жалобы на козаковъ: 12 октября онъ доносилъ, что Золотаренко запретилъ крестьянамъ возить хлѣбъ и сѣно въ Могилевъ, велѣлъ возить къ себѣ въ войско запорожское; стрѣльцы собрали было по селамъ хлѣбъ и хотѣли молотить, но наѣхали козаки, стрѣльцовъ выбили, хлѣбъ отняли и многіе изъ нихъ, ограбивъ крестьянъ, на службѣ не остались, разошлись по своимъ городамъ.

Черкасъ стало меньше; Поклонскій остался полковникомъ въ Могилевѣ; но вотъ взволновались Могилевцы: 14 октября бурмистры, райцы, лавники и мѣщане пришли къ Воейкову и говорили: «Изъ Смоленска государь изволилъ пойти къ столицѣ и своихъ ратныхъ людей отпустилъ; а къ намъ въ Могилевъ ратныхъ людей зимовать не прислано, пороху нѣтъ и пушекъ мало; мы видимъ и знаемъ, что государь хочетъ насъ выдать ляхамъ въ руки; а на козаковъ Золотаренковыхъ нечего надѣяться: запустошивъ Могилевскій уѣздъ, всѣ разбѣгутся, и теперь уже больше половины разбѣжалось. Мы на своей присягѣ стоимъ, но однимъ намъ противъ ляховъ стоять не умѣть».—Воейковъ тотчасъ далъ знать объ этомъ государю, и тотъ отвѣчалъ ему: «Собери всѣхъ мѣщанъ къ съѣзжему двору и скажи всѣмъ вслухъ, что государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ къ нимъ въ Могилевъ послать изъ Дубровны окольничаго и воеводу Алферьева, да солдатскаго строю полковника съ полкомъ, да двухъ стрѣлецкихъ головъ съ приказами; изъ Смоленска пришлется къ нимъ 300 пудъ зелья да 300 пудъ свинцу».

И Алферьевъ долженъ былъ начать свою службу въ Могилевѣ жалобою на козаковъ, только не на однихъ черкасъ Золотаренковыхъ. 1 декабря писалъ онъ государю: «Могилевцамъ и Могилевскому уѣзду была обида большая отъ козаковъ, станціи со всего Могилевскаго уѣзда они выбрали всѣ, и какъ скоро Золотаренковы козаки изъ Могилевскаго уѣзда вышли, то стали дѣлать обиды большія козаки Поклонскаго полка, лошадей и животину отнимаютъ и платье грабятъ, стрѣльцовъ и солдатъ въ уѣздѣ и въ городѣ на караулѣ по воротамъ бьютъ, и отъ ихъ побоевъ многіе стрѣльцы и солдаты лежатъ при смерти, и твоихъ государевыхъ запасовъ съ Могилевскаго уѣзда выбрать не

дадутъ. А полковникъ Поклонскій козаковъ не унимаетъ, на твою государеву службу нейдетъ и козаковъ не посылаетъ; а на той сторонѣ рѣки Березы ляхи, и отъ Могилева до рѣки Березы только 80 верстъ». Золотаренко отступилъ въ Новый Быховъ, не взявши Стараго; причину этого неуспѣха объяснили Быховцы, захваченные въ плѣнъ: «Когда Золотаренко стоялъ подъ Быховымъ, то Быховцы говорили одно: сколько Золотаренку ни стоять, а мы ему никогда не сдадимся: сдались ему добровольно гомляне, и онъ ихъ всѣхъ перевязалъ да отвезъ къ государю подъ Смоленскъ. Когда въ Быховѣ узнали, что Могилевцы добили челомъ государю и живутъ всѣ по прежнему, то мѣщане Быховскіе начали между собою толковать, какъ бы государю добить челомъ; только шляхта и другіе люди, особенно жиды, этого не хотѣли; да и мѣщане думали сдаться Поклонскому или государевымъ воеводамъ, а Золотаренку никогда бы не сдались, потому что ему не вѣрятъ» [77].

Въ то время, когда черкасы запорожскіе мѣшали своимъ козацкимъ характеромъ успѣшному ходу дѣлъ въ Бѣлоруссіи, главный предводитель ихъ, Богданъ Хмельницкій, съ своимъ войскомъ оставался въ бездѣйствіи въ Малороссіи. Подданство этой страны московскому православному государю отозвалось между православнымъ народонаселеніемъ турецкихъ областей, возбудило большія надежды. Въ Москву приходили вѣсти: греки Бога молятъ, чтобъ совокупилъ христіанство воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ, только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай рѣку перейдутъ или Хмельницкій съ черкасами выступитъ, и они тотчасъ на турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща. Но Хмельницкій съ черкасами хотя и выступилъ, но остановился въ таборахъ подъ Хвостовымъ. Царь отправилъ туда 20,000 жалованья для раздачи козакамъ; но Выговскій писалъ (19 іюля): «Жалованье царское, червонные золотые теперь нельзя козакамъ раздавать, потому что войско запорожское не вмѣстѣ находится, и нельзя составлять списка, доколѣ Богъ подастъ побѣду надъ врагами; теперь больше 100,000 войска вышло на рать, а жалованья царскаго только 20,000: если этимъ раздѣлимъ, другіе забунтуютъ и на службу государеву не пойдутъ». Въ августѣ Хмельницкій извѣщалъ государя, что господарь молдавскій

и волошскій и король венгерскій хотятъ быть подъ царскою рукою; но Выговскій писалъ боярину Бутурлину, что волохамъ вѣрить нельзя, потому что они вмѣстѣ съ поляками отъ Днѣстра ударили на полкъ Браславскій. Государь не былъ доволенъ медленностію гетмана. Въ августѣ дворянинъ Ржевскій посланъ былъ сказать ему: «Государь самъ пошелъ на поляковъ, а тебѣ, гетману, и всему войску запорожскому, видя такую премногую государскую милость, и давно было надъ польскимъ королемъ промышлять; а крымскаго хана бояться нечего: отъ него защищаетъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, да и у тебя, гетмана, на Полтавѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда можно ожидать прихода крымскихъ людей, полки козацкіе есть; кромѣ того Донскимъ козакамъ велѣно идти войною на Крымъ и татарскіе юрты разорять». Хмельницкій отвѣчалъ, что еслибъ онъ не боялся хана, то давно бы пошелъ, и теперь выступаетъ по царскому указу. Дѣйствительно, онъ выступилъ изъ-подъ Хвостова, но не помѣшалъ полякамъ свирѣпствовать въ Подоліи и Украйнѣ, гдѣ жители русскихъ городовъ, защищаясь отъ врага, ознаменовали себя геройскимъ, но безполезнымъ мужествомъ. Вмѣстѣ съ Хмельницкимъ долженъ былъ идти московскій воевода Андрей Бутурлинъ, который не былъ доволенъ распоряженіями гетмана и писалъ государю: «Я пошелъ отъ Хвостова августа 25, а гетманъ пошелъ 26 и настигъ меня въ Романовкѣ, а въ Романовкѣ далъ мнѣ вожа и велѣлъ идти передъ собою, велѣлъ меня вести и самъ идетъ за мною съ войскомъ запорожскимъ пустымъ мѣстомъ, чернымъ шляхомъ, не спѣша. 6 сентября мы пришли подъ пустой городокъ Бердичевъ и стояли до 15 числа; ставится онъ гетманъ отъ меня особымъ обозомъ. Я пріѣзжалъ къ нему много разъ и говорилъ по твоему государеву указу, чтобъ шелъ не мѣшкая въ сходъ къ твоимъ боярамъ и воеводамъ, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, подъ Луцкъ жилыми мѣстами; но онъ мнѣ отказалъ тѣмъ, что со мною ратныхъ людей мало, а о князѣ Трубецкомъ подъ Луцкомъ не слыхать, а знаетъ онъ подлинно, что польскій король съ гетманомъ идетъ противъ него; также знаетъ онъ навѣрное, что польскій король крымскаго хана подкупилъ, который сбирается войною подъ черкасскіе города, и ему, гетману, идти противъ короля и надъ польскими городами промышлять не съ кѣмъ. У меня въ обозѣ—продолжаетъ Бутур-

лина—ратнымъ людямъ въ запасахъ оскудѣнье и многіе драгуны разбѣжались и лошадьми опали; а иные драгуны пошли для корму подъ польскіе города безъ моего вѣдома, и если гетманъ будетъ стоять въ пустыхъ мѣстахъ къ зимнему времени или поворотится назадъ къ Чигирину или къ Бѣлой Церкви, то Комарицкіе драгуны и остальные разъѣдутся и твоей казны, наряду, зелья и свинцу и всякихъ пушечныхъ запасовъ оберегать и везти будетъ некому». Опасенія Бутурлина оправдались: Хмельницкій отправился въ Чигиринъ, оставивъ московскаго воеводу у Бѣлой Церкви; Комарицкіе драгуны, иные съ голоду, другіе пропившись и проворовавшись, покинули воеводу и разбѣжались по домамъ, унимать было ихъ некому, потому что Бутурлинъ заболѣлъ, а товарища у него не было.

Но, дѣйствуя медленно противъ враговъ, Хмельницкій извѣщалъ царя о вредныхъ замыслахъ противъ Москвы въ Малороссіи. Въ сентябрѣ пріѣхалъ къ государю уже извѣстный намъ грекъ Иванъ Петровъ Тафлары, высвободившійся изъ польскаго плѣна, въ который онъ попалъ подъ Берестечкомъ. Грекъ объявилъ, что еще въ великій постъ передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ присылали на сеймъ къ королю кіевскій митрополитъ и другіе духовнаго чина люди двоихъ чернецовъ съ объявленіемъ, что имъ съ московскими людьми быть въ союзѣ невозможно и они этого никогда не желали; Москва хочетъ ихъ перекрещивать: такъ чтобъ король, собравши войско, высвобождалъ ихъ, а они изъ Кіева московскихъ людей выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукою попрежнему. Король написалъ универсалы, обольщая малороссіянъ, и духовныхъ, и мірскихъ людей, всякими прелестями. Развозить эти универсалы по Малороссіи король поручилъ ему, Ивану Петрову; но онъ, взявши универсалы, привезъ ихъ прямо къ гетману Хмельницкому и разсказалъ ему о присылкѣ митрополита къ королю. Богданъ отвѣчалъ ему: «Знаю я давно объ этомъ, и знаю, что дѣлать», и послалъ его, Ивана, къ государю объявить обо всемъ. Сначала поляки надѣялись на храбраго и ловкаго козацкаго полковника Богуна, который медлилъ присягою царю. Православный шляхтичъ Олекшичъ, желая удержать Богуна на сторонѣ королевской, писалъ ему: «Твоя милость хорошо вѣдать можешь, что въ эти годы, воюя только сами съ собою, мы сильно опустошили свою землю: что же бу-

детъ, когда столь многіе народы войдутъ въ страну нашу? Безъ сомнѣнія придетъ тогда конечная погибель имени православному. Наводитъ немалую печаль намъ и всей братіи нашей, отъ единой крови происходящимъ и единую церковь Восточную матеріею своею почитающимъ, когда слышимъ, что патріархъ московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ, отступивши отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго; мы для этого и съ костеломъ Римскимъ уніи принять не хотѣли, и пастырю нашему старѣйшему, котораго намъ Богъ далъ, не противились» [78].

Такъ прошелъ 1654 годъ. Новый 1655 годъ начался вѣстями непріятными съ Запада. Любовицкіе мѣщане измѣнили, воеводу Рожнова отдали полякамъ; Оршане отложились и заставы поставили; жители Озерищъ связали воеводу и отослали къ гетману литовскому Радзивилу, порубили 36 человѣкъ русскихъ солдатъ, ушло только четыре человѣка; въ Смоленскѣ измѣнили— молодой Соколинскій и двое Ляпуновыхъ. Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ разбилъ на-голову князя Лукомскаго, хотѣвшаго отнять дороги у Витебска [79]; но, съ другой стороны, гетманъ Радзивилъ предпринялъ наступательное движеніе на русскихъ: 2-го генваря Золотаренко писалъ изъ Новаго Быхова, прося помочь ему противъ приближающагося Радзивила, а 7 генваря извѣщалъ, что онъ осажденъ 24,000 литвы. Но Радзивилъ не сталъ медлить подъ Новымъ Быховымъ, когда ему представилась возможность овладѣть болѣе значительнымъ городомъ—Могилевомъ. Онъ вошелъ въ сношенія съ Поклонскимъ. Тотъ, какъ бы загодя оправдываясь въ измѣнѣ, писалъ 17 генваря боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Поддавшись разъ царю его милости, измѣнять не мыслю, и посылаю къ царскому величеству листы, писанные ко мнѣ Радзивиломъ; только надобно скоро людей: одни мы не можемъ съ королемъ польскимъ воевать, и не надобно бы давать себя ляхамъ на посмѣяніе». Скоро послѣ того товарищъ Поклонскаго, Воейковъ, далъ знать князю Трубецкому объ измѣнѣ полковника-шляхтича: «На пятое февраля, за два часа до свѣта, полковникъ Поклонскій государю измѣнилъ съ могилевскою и другихъ городовъ шляхтою и съ козаками, которые у него въ полку были, гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго съ польскими войсками въ большой земляной валъ впустилъ, и те-

перь я въ меньшемъ земляномъ валу сижу въ осадѣ съ государевыми ратными людьми и съ мѣщанами, которые съ нами; было три приступа и подъ валъ четыре подкопа, но подкопами намъ ничего не сдѣлали и теперь мы ждемъ выручки отъ васъ». Поклонскій, оправдывая свой поступокъ, писалъ Золотаренку: «Мы въ лучшей вольности прежде за ляхами были, чѣмъ, теперь живутъ наши; собственные мои глаза видѣли, какъ бездѣльно поступала Москва съ честными женами и дѣвицами». Къ протопопу Нѣжинскому онъ писалъ: «Золотыя слова шляхтѣ и городамъ на бумагѣ надавали, а на ноги шляхтѣ и мѣщанамъ желѣзныя вольности наложили; насмотрѣлся я надъ кутеинскими монахами, какъ Москва почитаетъ духовенство и вещи церковныя: въ церкви престолы сами обдирали и все украшеніе церковное въ столицу отослали, а самихъ чернецовъ въ неволю загнали; а что съ отцомъ митрополитомъ и другими духовными дѣлаютъ! жаль: вмѣсто лучшаго въ пущую неволю попали». Единомышленникамъ Поклонскаго, тѣмъ духовнымъ, которымъ казалось, что попали въ пущую неволю, не нравилось поведеніе могилевскихъ мѣщанъ, оставшихся вѣрными Москвѣ. Ѳеодосій Василевичъ, архимандритъ Слуцкій, игуменъ Михайловскій кіевскій, писалъ имъ, что Хмельницкій и Москва разбиты въ пухъ: «А мы убогіе съ отцомъ митрополитомъ и со всѣми духовными полагаемъ надежду на пана гетмана, что дастъ намъ убѣжище въ Литвѣ; только одно намъ мѣшаетъ и по истинѣ всей вѣрѣ и народу нашему нестерпимую чинить трудность и хлопоты, что паны мѣщане могилевскіе не хотятъ князю его милости (Радзивилу) покориться» [80].

Призывая къ себѣ козаковъ, бывшихъ прежде у него подъ начальствомъ, Поклонскій писалъ: «Съ Москвою намъ не вѣки жить; знаете, какія мерзости она надѣлала; Москва едва годится на то, чтобъ намъ служить, а не то, чтобъ мы ей служили; на Украйнѣ большая часть полковниковъ отъ нихъ отлучилась, а намъ и подавна отлучиться должно». Къ мѣщанамъ могилевскимъ писалъ: «Чего вы ждете? умираете какъ псы, а государю своему королю поклониться не хотите; ждете помощи изъ Москвы, но скоро услышите, что сдѣлалось съ московскою помощію: царь сидитъ въ столицѣ, патріархъ убитъ народомъ, повѣтріе людей выгубило, на войну выйти некому, а кто покажется, того наши

бьютъ. Мы отъ васъ не отойдемъ, а если и отойдемъ, то вырубятъ васъ защитники ваши, такъ какъ теперь изъ Смоленска вывели и шляхту и мѣщанъ и послали воевать съ калмыками». Любопытно, что Никонъ почему-то отказался проклясть Поклонскаго и Василевича [81].

Въ то время, какъ эти событія происходили въ Бѣлоруссіи, на югѣ начались наконецъ военныя дѣйствія у Хмельницкаго съ поляками и союзниками ихъ крымцами: ханъ Магметъ-Гирей, видя большую опасность для себя отъ соединенія козаковъ съ Москвою, счелъ нужнымъ подкрѣпить Польшу. Еще въ 1653 году, когда разнеслись слухи о томъ, что козаки поддаются Москвѣ и что государь велѣлъ строить гетману города по рѣкамъ Осколу и Донцу, на Князь-Ивановомъ Лугу, то ханъ написалъ Богдану, чтобъ онъ сохранилъ твердо договоръ съ нимъ, и онъ, ханъ, съ своей стороны, придетъ къ нему на помощь при первой вѣсти о движеніяхъ короля; если же гетманъ и Черкасы захотятъ себѣ покою, то пусть переходятъ жить на Крымскій берегъ за Днѣпръ, и строятъ себѣ города; если же правда, что гетманъ билъ челомъ государю московскому въ вѣчное холопство, то, онъ, ханъ, снесшись съ польскимъ королемъ, пойдетъ на Черкасъ войною съ большимъ собраньемъ. Приближенный ханскій, Сефергазы-ага, говорилъ московскому посланнику Жеребцову, который требовалъ, чтобъ ханъ обязался не воевать съ Запорожскими Черкасами: «Запорожскіе Черкасы съ 800 лѣтъ были въ подданствѣ у польскихъ королей, а послѣ того были въ подданствѣ у насъ татаръ лѣтъ съ семь, и мы, крымскіе люди, проча ихъ себѣ и чая отъ нихъ впередъ правды и постоянства, за нихъ стояли, съ польскими и литовскими людьми бились и много неповинной крови проливали и въ обиду ихъ никому не давали; въ то время Запорожскихъ Черкасъ было только 8,000, а мы, татары, сдѣлали ихъ съ 20,000; Черкасамъ то любо, какъ мы за нихъ стояли и помощь имъ вездѣ подавали, а гетманъ Богданъ Хмельницкій въ то время и меня, Сефергазы-агу, цѣловалъ въ ногу и хотѣлъ быть за нами въ подданствѣ вѣчно; а теперь Запорожскіе Черкасы намъ солгали, воровствомъ своимъ отъ насъ отложились, доброту нашу забыли и называются государевыми. Вы, посланники, вѣдайте, что эти воры и бунтовщики, Запорожскіе Черкасы, и царскому величеству солгутъ

такъ же какъ полякамъ и намъ солгали, а Магметъ-Гирею царю того сдѣлать неумѣть, чтобъ на такихъ воровъ войною не ходить и ихъ не разорять: развѣ у всѣхъ крымскихъ и ногайскихъ людей не будетъ на рукахъ ногтей или глаза ихъ землею загребутъ, тогда только они запорожскимъ черкасамъ воровства ихъ и измѣны мстить не будутъ» [82].

Въ январѣ Хмельницкій вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичемъ Шереметевымъ встрѣтился съ польскимъ и татарскимъ войскомъ подъ Ахматовымъ. Здѣсь русскіе въ страшные морозы два дня отбивались отъ превосходившаго ихъ числомъ непріятеля и отступили къ Бѣлой Церкви, гдѣ находилось другое московское войско подъ начальствомъ окольничаго Өедора Васильевича Бутурлина. Украйна была страшно опустошена поляками и татарами.

11 марта государь послалъ въ Бѣлую Церковь приказъ Шереметеву и Бутурлину быть къ себѣ въ Москву, а на ихъ мѣсто отправилъ въ Бѣлую Церковь боярина Василія Васильевича Бутурлина и стольника князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго: имъ велѣно было вмѣстѣ съ Хмельницкимъ идти подъ литовскіе города. Золотаренко по прежнему стоялъ подъ Старымъ Быховымъ, и въ мартѣ писалъ къ государю, что глубокіе снѣга мѣшаютъ ему подать помощь Могилеву; но снѣга не помѣшали козакамъ взять Бобруйскъ, Глускъ, Королевскую Слободу и истребить ихъ жителей. Когда дороги попросохли, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они двинулись на помощь къ Могилеву вмѣстѣ съ московскимъ воеводою Михайлою Дмитріевымъ; но Радзивилъ и Гонсѣвскій не дождались Золотаренка: 9 апрѣля ночью приступили они къ городу, взорвали три подкопа, а четвертый завалился и подавилъ литовскихъ ратныхъ людей; тутъ осажденные сдѣлали вылазку и побили много непріятеля. Послѣ этой неудачи гетманы 1-го мая сняли осаду Могилева и отступили къ Березинѣ; Золотаренко возвратился къ Старому Быхову; Дмитріевъ, поговоря съ нимъ, послалъ къ Березинѣ сына своего Василья да двухъ полковниковъ: стародубскаго Тимоөея Аникѣева да наказнаго нѣжинскаго Уманца; посланные сошлись съ поляками въ мѣстечкѣ Толочинѣ и побили непріятеля. Золотаренко писалъ къ Морозову, бывшему въ походѣ при царѣ дворовымъ воеводою: «Низко челомъ бью благодѣтелю моему: изволь милость твоя побить челомъ

его царскому величеству, чтобъ повелѣть изволилъ прислать ратныхъ людей своихъ нѣсколько тысячъ къ намъ, вѣрнымъ слугамъ своимъ». Хмельницкому очень не нравилась эта безславная для козаковъ осада Стараго Быхова; 28 мая онъ писалъ брату Золотаренкову, Василью, полковнику нѣжинскому: «Пріятно намъ слышать, что особымъ промысломъ вашей милости Богъ непріятелямъ далъ страхъ; дай Боже ихъ еще лучше побѣдить; только не надобно мѣшкать подъ курятниками, какъ прошлаго года; просто надобно идти туда, гдѣ голова или гдѣ особые полки непріятельскіе стоятъ. И прошлаго года много бы добраго сдѣлалось, еслибы около курятниковъ не замѣшкались, а то только людей, и нашихъ, и московскихъ, потеряли. Уговаривай и боярина, который тамъ будетъ начальствовать надъ войсками царскаго величества, чтобъ безъ задержки прямо съ вами на непріятеля шелъ, чтобъ и этого лѣта даромъ не потерять. Промышляйте надъ головою, а съ хвостами послѣ управитесь» [83].

Надъ головою хотѣлъ промышлять самъ царь. Новый 1655 годъ засталъ Алексѣя Михайловича въ Вязьмѣ, гдѣ онъ пережидалъ окончанія мора въ Москвѣ; здѣсь, какъ доносили государю, послѣ язвы физической начала свирѣпствовать нравственная. 15 января царь писалъ начальному въ Москвѣ боярину, Ивану Васильевичу Морозову: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ Москвѣ въ моровое повѣтріе мужья отъ женъ постригались, а жены отъ мужей, а теперь изъ нихъ многіе живутъ на своихъ дворахъ съ женами, и многіе постриженные въ рядахъ торгуютъ, пьянство и воровство умножилось. И вы бы велѣли провѣдать о томъ подлинно и къ намъ отписали тотчасъ съ нарочнымъ гонцомъ». 19 числа, увѣдомляя князя Якова Куденетовича Черкасскаго объ осадѣ поляками Новаго Быхова, царь писалъ: «Мы пойдемъ къ Москвѣ на малое время, легкимъ дѣломъ, оставя все въ Вязьмѣ; пойдемъ помолиться образу Пресвятыя Богородицы, приложиться къ мощамъ, бояръ и всѣхъ людей обвеселить отъ печали, и, отвезши сестеръ своихъ, царицу и дѣтей, назадъ возвратимся и пойдемъ противъ польскаго короля». Князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому писалъ: «Ты бы шелъ не мѣшкая съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ, также и къ друзьямъ писалъ нашъ указъ и высылалъ по мѣстамъ, чтобъ не дать недругу войти въ наши города, чтобъ его встрѣтить въ его землѣ, до тѣхъ поръ огонь

и тушить, пока не разгорѣлся, а какъ разгорится, то уже некогда тушить». 20 января въ Смоленскъ бояриnу Григорію Гавриловичу Пушкину былъ посланъ такой приказъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что во многихъ шляхтичахъ шатость, начали измѣнять, отъѣзжать въ Литву: и вы бы тѣхъ воровъ, отъ кого измѣны чаете, велѣли въ тюрьму сажать и высылайте ихъ къ намъ изъ города ночнымъ временемъ, чтобъ про то вскорѣ никому не было вѣдомо, а если почаете и ото всей шляхты и мѣщанъ измѣны, то всѣхъ къ намъ присылайте, по скольку человѣкъ возможно, а если посылать ихъ нельзя и ѣхать они не захотятъ, то посылайте въ Москву связанныхъ; если же наглой измѣны или дурна большого отъ нихъ почаете, то, по самой конечной мѣрѣ, велите сѣчь, кромѣ женъ и дѣтей». Но самое любопытное письмо писалъ государь 23 генваря къ любимцу своему Матвѣеву, котораго приблизилъ къ себѣ изъ дьячихъ дѣтей: «Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича вѣрному и избранному головѣ нашему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву: поздорову ль ты, вѣрный нашъ рабъ! а мы, великій государь, въ славномъ градѣ Вязьмѣ далъ Богъ здорово со всѣми людьми Божіими и нашими; также и въ царствующемъ градѣ Москвѣ далъ Богъ подлинно утихло и здраво, лишь мы пребываемъ попрежнему въ тяжестяхъ великихъ душевныхъ, но не отчаяваемся своего спасенія. Къ сему же что речетъ великое солнце, пресвѣтлый Іоаннъ Златоустъ: не люто есть спотыкаться, люто — споткнувся не подняться. Добиваюся зѣло того, чтобъ быть не солнцемъ великимъ, а хотя бы малымъ свѣтиломъ, малою звѣздою тамъ, а не здѣсь... И въ томъ не осуди, что пишу: нечистъ отъ грѣха, потому что множество имѣю его въ себѣ, а о томъ зѣло возбраняетъ ми совѣсть писати, что чистъ отъ грѣха: охъ, люто тако глаголати человѣку, наипаче же мнѣ, что чистъ отъ грѣха! и сему конецъ; еще же за твою вѣрную службу пишу, что у насъ дѣлается.

«Посланникъ приходилъ отъ шведскаго Карла короля, думный человѣкъ, а имя ему Уддеудла, таковъ смышленъ, и купить его, то дорого дать что полтина, хотя думный человѣкъ; мы, великій государь, въ десять лѣтъ впервые видимъ такого глупца посланника. А присланъ нарокомъ такой глупецъ для провѣдыванья, что мы будемъ ли въ любви съ королемъ? и про то намъ подлинно вѣдомо; а братомъ не смѣлъ король писаться, и мы тому добрѣ

ради, и зѣло отъ насъ страшны они свіяне. А какъ посланникъ у насъ былъ, и мы его пожаловали, велѣли сѣсть, и онъ сѣсть не смѣлъ. И Смоленскъ имъ не таковъ досаденъ, что Вытепскъ, да Полотскъ, потому что отнятъ ходъ по Двинѣ въ Ригу. А король въ листу своемъ первомъ пишетъ, чтобъ вѣчное докончаніе подкрѣпить послами, да будто, любя меня, прислалъ обвѣстить посланника, думнаго человѣка: и мы мнимъ сколько отъ любви, а вдвое того отъ страху; тако намъ, великому государю, то честь, что прислалъ обвѣстить посланника, а и думнаго человѣка, хотя и глупъ, да что же дѣлать? така намъ честь! А въ другомъ листу пишетъ, чтобъ не воевать Курляндскаго для его королевской дружбы, а онъ Курляндскій ему королю другъ: и мы отказали тѣмъ, что подданный польскому королю, а и обѣщался намъ не помогать королю польскому, а нынѣ многіе курляндскіе нѣмцы въ полонъ взяты и нынѣ многихъ посылаетъ, будто сами нанимаются.

«Подлинно Радивилъ да Гасевской пришли подъ Новый Быховъ, а съ ними пришло всякаго чина 12,000, и облегли Новый Быховъ въ двухъ и въ трехъ верстахъ, а на приступъ не смѣютъ идти; а сперва языки говорили 100,000, а другіе сказали 50,000, а третьи 40,000, а четвертые 24,000, да подлинно довѣдались, что 12,000, а съ Золотаренкомъ всего съ 6,000 сидитъ, и онъ выходилъ на князя Несвицкаго и его побилъ и обозъ весь взялъ и опять возвратился въ Быховъ. И мы по бояръ и по всѣхъ ратныхъ людей послали и велѣли со всѣми запасы идти на службу и ставиться по мѣстамъ безсрочно, потому что время приспѣло. А мы, великій государь, идемъ тоже, и не потому, что Радивилъ гордится предъ Богомъ, и хочетъ взять Новый Быховъ, да Могилевъ, да Шкловъ, и взявъ, идти къ Москвѣ; а король подлинно хотѣлъ посылать пословъ къ намъ великому государю, да Радивилъ отговорилъ: я де пойду еще отвѣдаю счастья своего и Золотаренка собью и городы отворочу и подъ Москву пойду, и король и воротилъ пословъ».

Алексѣй Михайловичъ исполнилъ обѣщаніе: 10 февраля переѣхалъ въ Москву, а раннею весною отправился вторично въ Смоленскъ. Надобно было предупредить повтореніе зла, сдѣланнаго въ прошлогодній походъ, когда ратные люди свирѣпствовали въ Смоленскомъ и другихъ покорившихся уѣздахъ, насиловали жен-

щинъ, убивали мужчинъ, чтобъ не было на нихъ челобитчиковъ. Государь назначилъ смертную казнь за такое поведеніе и торговую казнь господину, который позволитъ подобные поступки холопу своему. 24 мая государь выступилъ изъ Смоленска, обратившись къ ратнымъ людямъ съ такою сказкою: «Если король польскій не вспомнитъ Бога, не признается къ намъ, великому государю, въ своей неправдѣ и не станетъ мириться такъ, какъ годно Богу и намъ, то мы, великій государь, прося милости у Бога и у престрашныя и грозныя воеводы, пресвятыя Богородицы (которая изволила своимъ образомъ и до днесь воевать ихъ литовскую и польскую землю, и не могутъ нигдѣ противу нея стати, ибо писано: лихо противъ рожна прати), и взявъ на помощь честный крестъ, за изгнаніе православной вѣры будемъ зимовать сами и воевать, доколѣ нашъ Владыка свое дѣло совершитъ, и какъ дастъ Богъ перейдемъ за рѣку Березину, то укажемъ вамъ всѣмъ вездѣ хлѣбъ и животину брать въ приставство. И вамъ бы служить не щадя головъ своихъ; а деревень бы не жечь для того, что тѣ деревни вамъ же пригодятся на хлѣбъ и на пристанище; а кто станетъ жечь, и тому быть во всякомъ разореніи и ссылкѣ, а холопу, который сожжетъ, быть казнену безо всякой пощады. Если кто побѣжитъ со службы или болѣзнь прикинетъ, не хотя служить, то быть ему казнену безо всякой пощады. И вамъ бы потщиться вѣрою и правдою, отъ всего чистаго сердца, съ радостію, безо всякаго сумнѣнія, безо всякаго ворчанія, и переговоровъ бы о томъ отнюдь не было: кто скуденъ, тотъ пусть милости проситъ у государя, а не ворчитъ и не бѣжитъ со службы; а кто будетъ съ радостію съ нами служить до отпуску, тотъ увидитъ, какая ему государская милость будетъ». Первая милость, какую царь счелъ нужнымъ оказать служивымъ людямъ, состояла въ принятіи мѣръ противъ побѣга отъ нихъ людей. Еще находясь въ Смоленскѣ, 25 апрѣля государь писалъ боярину Василью Васильевичу Бутурлину: «Въ нынѣшнемъ году съ Москвы и со службы отъ насъ отъ многихъ бояръ и отъ всякихъ чиновъ людей побѣжали люди, сбираются въ глухихъ лѣсахъ, а собравшись, хотятъ ѣхать къ Хмельницкому; къ своей братьѣ пишутъ, будто сулятъ имъ черкасы маетности, и многихъ своихъ бояръ поставили пѣшими и безодежными. И вы, поговоря съ гетманомъ и перехвативъ ихъ всѣхъ, велите изъ нихъ чело-

вѣкъ десять повѣсить въ нашихъ старыхъ городахъ, въ Путивлѣ съ товарищи, остальныхъ же, высѣкши кнутомъ, пришлите въ Москву, и заказъ крѣпкій учините, чтобъ впередъ черкасы ихъ не принимали» [84].

Въ началѣ іюня въ Шкловъ пріѣхалъ къ государю Золотаренко и отправленъ былъ за Березину; отряженный имъ черниговскій полковникъ Поповичъ взялъ Свислочъ: «непріятелей въ немъ всѣхъ подъ мечъ пустили, а самое мѣсто и зàмокъ огнемъ сожгли». Та же участь постигла Кайданы, московскій воевода Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ взялъ Велижъ; бояринъ князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Хворостининъ овладѣлъ Минскомъ. 29 іюля бояринъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаскій, соединившись съ Золотаренкомъ, въ полмилѣ отъ Вильны, напалъ на обозъ гетмановъ Радзивила и Гонсѣвскаго; бой длился отъ шестого часа дня до ночи; гетманы потерпѣли пораженіе и бѣжали за рѣку Вилію; а русскіе приступили къ Вильнѣ и овладѣли этою столицею Литвы. Царь стоялъ въ деревнѣ Крапивнѣ, за 50 верстъ отъ Вильны, когда прискакалъ къ нему гонецъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ. 9 августа пригнали новые сеунчики (вѣстники побѣды): Ковно былъ взятъ; 29 августа пришла вѣсть о взятіи Гродна.

Въ то же время, въ іюлѣ, Бутурлинъ и Хмельницкій выступили въ походъ и безпрепятственно вошли въ Галицію; гетманъ коронный Потоцкій потерпѣлъ пораженіе подлѣ Гродка; русскіе подошли ко Львову, но ничего не сдѣлали городу по явному нежеланію Хмельницкаго дѣйствовать рѣшительно: онъ взялъ съ осажденныхъ 60,000 злотыхъ и удалился отъ города, а Выговскій прямо писалъ горожанамъ львовскимъ, чтобъ не сдавались на царское имя. Рѣшительнѣе дѣйствовала подъ Люблиномъ часть соединеннаго войска, бывшая подъ начальствомъ Данилы Выговскаго, брата писарева, и Петра Потемкина; люблинцы присягнули царю. Московскіе воеводы, одни безъ козаковъ, съ двухъ сторонъ воевали Литву. Въ сентябрѣ вышелъ на судахъ изъ Кіева князь Дмитрій Волконскій; 15 числа пришелъ онъ подъ Туровъ: туровцы вышли къ нему на встрѣчу съ образами и присягнули царю. Не останавливаясь въ Туровѣ, Волконскій отправился сухимъ путемъ подъ городъ Давыдовъ; съ версту отъ города встрѣтило его литовское войско и завязало бой; литва была втоптана въ городъ, который запылалъ, и литва бросилась бѣжать изъ

него (16 сентября). Побѣдители возвратились къ судамъ своимъ и поплыли внизъ по рѣкѣ Горынѣ къ рѣкѣ Припети, Припетью шли вверхъ до рѣки Вятлицы, отъ Вятлицы шли сухимъ путемъ до города Столина, котораго достигли 20 сентября: литва, вышедъ изъ города, учинила бой большой, была побита, бѣжала, городъ былъ занятъ и сожженъ русскими. Отъ Столина Волконскій возвратился къ Припети, къ судамъ своимъ, Припетью плылъ до рѣки Пины, и 25 сентября достигъ Пинска. Литва не пустила русскихъ пристать къ берегу, и Волконскій долженъ былъ высадиться ниже города, у села Пенковичей; послѣ большого бою русскіе по слѣдамъ литвы вошли въ Пинскъ и литву выбили. Простоявши въ Пинскѣ двое сутокъ, чтобъ дать отдохнуть людямъ, Волконскій 27 сентября сжегъ городъ и слободы, пошелъ назадъ къ судамъ своимъ и поплылъ внизъ по Припети, въ селѣ Стаховѣ разбилъ отрядъ литовскаго войска, привелъ къ присягѣ жителей городовъ Кажана и Латвы и опять Днѣпромъ возвратился въ Кіевъ и привелъ войско въ цѣлости: только у одного солдата подъ Пинскомъ руку оторвало изъ пушки, да двухъ человѣкъ изъ пищали ранили [85].

Съ другой стороны, 23 октября князь Семенъ Андреевичъ Урусовъ и князь Юрій Борятинскій пошли съ войскомъ изъ Ковна къ Бресту и побили поляковъ на Бѣлыхъ Пескахъ, въ 150 верстахъ отъ Бреста. 13 ноября подошли они къ этому городу и встрѣтились здѣсь съ новымъ гетманомъ литовскимъ Павломъ Сапѣгою: Урусовъ потерпѣлъ пораженіе, отступилъ отъ Бреста и сталъ обозомъ за рѣкою, но литва выбила его оттуда; Урусовъ сталъ въ 25 верстахъ отъ Бреста, въ деревнѣ Верховичахъ, Сапѣга обошелъ его и тутъ, дорогу и воду отнялъ и двое сутокъ держалъ въ осадѣ, требуя, чтобъ все войско сдалось ему; Урусовъ не согласился и вступилъ въ битву, которая окончилась блистательнымъ торжествомъ для него: поразивъ литву на-голову, русскіе гнали ее шесть верстъ, взяли четыре пушки, 28 знаменъ [86]. Послѣ этого дѣла Урусовъ и Борятинскій пошли къ Вильнѣ. Между этими воеводами и полчанами ихъ было сильное неудовольствіе. Новгородскіе дворяне и дѣти боярскіе били челомъ на Урусова, что, сказавши имъ государевъ указъ выступить изъ обоза, изъ Подберезья въ Вильно и дальше въ Ковно, приказалъ имъ приготовить всѣмъ полкомъ хлѣбныхъ запасовъ на

кормъ ратнымъ людямъ, которые стояли въ Ковно. Они, дворяне, подали за руками челобитную, что имъ этого хлѣба, и своихъ запасовъ, и конскихъ кормовъ везти съ собою въ Ковно невозможно. Урусовъ вышелъ изъ шатра и, не принявши челобитной, билъ ихъ булавою и стрѣльцамъ велѣлъ бить ихъ ослопьемъ до умертвія, а иныхъ челобитчиковъ велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ безъ пощады. Они докладывали ему о полковыхъ и расправныхъ своихъ дѣлахъ; бояринъ, не выслушавъ ихъ челобитья, бранилъ ихъ......... и билъ булавою, и ослопьемъ, и кнутомъ, и плетьми безъ пощады, не учиня никакой расправы и сыску, говорилъ имъ, будто указалъ государь, выбравъ изъ нихъ лучшихъ людей, вѣшать, а иныхъ бить кнутомъ, тогда какъ они передъ государемъ вины своей никакой не вѣдаютъ. Все это воевода мститъ имъ прежнюю недружбу, потому что они били челомъ на него царю Михаилу Өеодоровичу, а инымъ мститъ за новгородскую недружбу. Узнавши, что у кого-нибудь изъ нихъ есть плѣнники, воевода присылалъ друзей своихъ съ стрѣльцами и самъ выбиралъ лучшихъ дѣвицъ и женщинъ, бралъ къ себѣ силою и, подержавъ у себя, отсылалъ въ Великія Луки на государевыхъ подводахъ. Посылалъ головъ съ сотнями за лошадьми и часть приведенныхъ лошадей взялъ себѣ, другихъ роздалъ тѣмъ, къ кому добръ, остальныхъ послалъ къ государю въ Вильну. Идучи дорогою, заставлялъ служилыхъ людей ловить рыбу изъ прудовъ, выпустя воду. Приказалъ идти подъ Брестъ наскоро съ вьюками, а дорогою свои и конскіе кормы и людей въ плѣнъ брать: они дворяне, услыхавъ государеву милость, забыли свои великія нужды и безконство, на государеву службу пошли съ радостію, но какъ только перешли рѣку Нѣманъ, Урусовъ и Борятинскій запретили имъ подъ смертною казнію брать что-либо у жителей; а сами воеводы въ благочестивыхъ христіанскихъ церквахъ утварь, въ костелахъ, по мѣстечкамъ, въ панскихъ маетностяхъ, въ мѣщанскихъ дворахъ всякую казну грабили, колокола, лошадей, кареты, органы брали и, отягчась добычею, шли подъ Брестъ очень медленно, а ихъ поморили голодною смертію. Къ Бресту пошли воеводы скорымъ походомъ, а отъ Бреста за пять верстъ черезъ рѣку и болота мостъ большой и худой, за которымъ стояли роты литовскихъ людей. Воеводы велѣли за мостъ перебираться наскоро; литовскіе люди, пострѣлявшись, отъ мосту побѣжа-

ли къ Бресту, а изъ русскихъ многіе за тѣснотою по мосту перебраться не поспѣли, людей дворянскихъ съ простыми лошадьми по мосту не пропустили; нарядъ, казну и пѣшихъ людей воеводы велѣли оставить за рѣкою у мосту, а въ Брестъ послали атамана пана Свяцкаго и козака, и приказалъ имъ Урусовъ занять себѣ дворъ, потомъ, не сождавшись со всѣми ратными людьми, пошелъ за мостъ къ Бресту съ небольшимъ отрядомъ. Литовскіе люди присылали изъ города съ просьбой съѣхаться и говорить о добромъ дѣлѣ; но воеводы, не сказавши служилымъ людямъ ничего про битву, велѣли задоръ учинить луцкимъ козакамъ, произошла битва, и вслѣдствіе такого нестройства и безвѣстнаго боя государевыхъ ратныхъ людей многихъ побили, ранили и въ плѣнъ взяли, и животворящій крестъ, который отъ государя былъ данъ, достался врагу. Изъ-подъ Бреста отошли они ночью за рѣку въ обозъ, а поутру пришли къ нимъ литовскіе люди и начали по нихъ изъ наряда стрѣлять; воеводы пошли отъ нихъ въ отходъ и пришли въ деревню Верховичи; литовскіе люди дорогу у нихъ отняли, и воеводы велѣли отступать другою дорогою; но они, служилые люди, говорили, что имъ за рѣками и топкими болотами въ отходъ нейти, мосты худые и разметаны и на засадахъ много непріятелей, пусть воеводы велятъ имъ съ литовскими людьми биться, вышли на бой съ своими людьми и литовскихъ начальныхъ люеей многихъ побили конныхъ, а пѣшихъ побили безъ остатка. Урусовъ на бою лошадей и платья у литвы брать имъ не велѣлъ, сказалъ, что все будетъ на *черный пай.* Воеводы брали у шляхты подарки, что у кого полюбится или гдѣ что провѣдаютъ, и многіе изъ шляхты, узнавъ, что берутся подарки большіе, государю не присягали. Урусовъ не по нуждѣ въ постные дни ѣлъ мясо, ихъ, дворянъ, безчестилъ, называлъ неслугами и небойцами, а на самомъ у Бреста и сабли не было, въ Верховичахъ, испугавшись пушечной стрѣльбы, съ бою уѣхалъ и государево знамя съ собою увезъ.—Урусовъ и Борятинскій отвѣчали, что запретили грабить жителей, когда шляхта поддалась и дала аманатовъ; сами нигдѣ ничего не грабили, противъ Бреста дѣйствовали враждебно, ибо оттуда прислали имъ сказать, что Брестъ принадлежитъ шведскому королю; дворянамъ о предстоящей битвѣ давали знать, задираться не приказывали, и когда начался бой, то дворяне правой стороны подержа-

лись, а лѣвой побѣжали и воеводъ выдали; подъ Брестъ идти дворяне отказались; лошадей и платье брать у непріятеля на бою не запрещали; у шляхты брали подарки, но и сами отдаривали; сабля на Урусовѣ всегда была и боя никогда онъ не оставлялъ [87].

Урусовъ завязалъ дѣло подъ Брестомъ въ то время, когда уже шли дѣятельные мирные переговоры. Гетманъ польный литовскій Гонсѣвскій прислалъ къ князю Якову Куденетовичу Черкасскому съ вопросомъ: изволитъ ли государь съ королемъ мирное постановленіе учинить? Государь послалъ къ Гонсѣвскому любимца своего стольника Ѳедора Михайловича Большого-Ртищева. Посланный нигдѣ не нашелъ Гонсѣвскаго, посаженнаго, какъ ему сказали, подъ стражу Радзивиломъ, а въ Брестѣ, въ концѣ сентября, нашелъ новаго гетмана литовскаго Павла Сапѣгу, назначеннаго на мѣсто Радзивила. Ртищевъ объявилъ Сапѣгѣ, что государь соизволяетъ на мирное постановленье. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ, именемъ всего собранія, бьетъ челомъ великому государю, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, о покоѣ, покорно бьетъ челомъ за объявленное пожалованіе христіанское. Ртищевъ, какъ посланный къ Гонсѣвскому, а не къ Сапѣгѣ, не объявилъ послѣднему присланныхъ съ нимъ мирныхъ условій, говоря: «что̀ одинъ началъ, другой не можетъ совершить, потому, что̀ человѣкъ, то разумъ». Онъ требовалъ, чтобъ Сапѣга объявилъ ему свои мирныя условія; тотъ отвѣчалъ, что имъ трудно дать статьи, не доложа королю. Положили до съѣзда великихъ пословъ прекратить непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ. Ртищевъ привезъ къ государю отъ Сапѣги посланника Глядовицкаго, съ которымъ велѣно говорить о дѣлахъ окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому да думному дьяку Лопухину. Глядовицкій, отъ имени гетмана Сапѣги и сенаторовъ, билъ челомъ, чтобъ государь во 1) велѣлъ кровь утолить; 2) велѣлъ назначить мѣсто, куда король тотчасъ отправитъ пословъ своихъ; 3) удержалъ отъ войны гетмана Хмельницкаго и кіевскихъ воеводъ; 4) чтобъ шляхтѣ и другимъ людямъ вольно было на попелища свои возвратиться; 5) чтобъ учинена была размѣна плѣнныхъ. Принявши статьи, Пожарскій сказалъ посланнику, чтобъ онъ, когда будетъ у государя, отнюдь бы не называлъ Сапѣгу гетманомъ великаго княжества литовскаго, а если назоветъ, то его вышлютъ

съ великимъ безчестьемъ и отпуску ему не будетъ: такъ онъ бы гордость свою отложилъ; да и то ему говорено, за какія гордости смирилъ Богъ короля ихъ и пановъ радныхъ, какъ посыланы были отъ великаго государя великіе и полномочные послы и посланники къ королю, и король ни въ чемъ не исправился, и за то, сами видите, какъ Богъ его смирилъ: покинувши все, съ немногими людьми убѣжалъ въ Венгерскія горы, но и тамъ ему мѣста нѣтъ; сенаторомъ бы вашимъ и вамъ всѣмъ давно поискать государской милости, ѣхать самимъ къ великому государю и милости просить не пересылкою. «Ты говоришь, что королю присылать о мирѣ къ государю: но гдѣ вашего короля сыскать?» Глядовицкій отвѣчалъ: «Воля Божія совершилась; кто бываетъ на конѣ, тотъ бываетъ и подъ конемъ, а ужъ безъ пана намъ не быть, не тотъ панъ, такъ другой». Пожарскій: «Время вамъ бить челомъ великому государю, а не искать другого государя, и великій государь васъ пожалуетъ каждаго по вашему достоинству; скажи намъ послѣднее: какъ тебѣ гетмана назвать?» Глядовицкій: «Изговоря государское именованье и титло, скажу: посланный отъ Павла Сапѣги, гетмана великихъ войскъ литовскихъ». Пожарскій: «Говори: гетмана великихъ войскъ, а *литовскихъ* говорить тебѣ непристойно». Глядовицкій не согласился. 25 ноября онъ былъ у бояръ и думныхъ людей. Бояре отвѣчали Сапѣгѣ и сенаторамъ: «Вы въ своей грамотѣ просите насъ бить челомъ за васъ великому государю, а Яна Казимира короля польскаго пишете великимъ княземъ литовскимъ и гетманъ подписался гетманомъ великаго княжества литовскаго: но вамъ подлинно извѣстно, что даровалъ Богъ великому государю нашему взять у его королевскаго величества всю Бѣлую Русь и стольный городъ Вильну, и государь нашъ учинился на всей Бѣлой Россіи и на великомъ княжествѣ литовскомъ, и на Волыни, и на Подоліи великимъ государемъ. Вамъ такъ писать непристойно; лучше бы вамъ просить милости у его царскаго величества и быть подъ его высокою рукою, а государь вѣры, правъ и вольностей вашихъ нарушить ни въ чемъ не велитъ». То же писалъ и самъ царь Сапѣгѣ. Если великій государь царь хотѣлъ быть великимъ княземъ литовскимъ, то великій государь патріархъ былъ честолюбивѣе: 29 іюля онъ писалъ Алексѣю Михайловичу, чтобъ тотъ не только оставилъ за собою Вильну, но доискивался Варшавы, Кракова и всей Поль-

ши, 1-го сентября прислалъ онъ государю благословеніе писаться великимъ княземъ литовскимъ [88].

Но въ то время, какъ Алексѣй Михайловичъ считалъ несомнѣннымъ, что всѣ завоеванія его останутся за нимъ, и называлъ себя всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержцемъ, Литовскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ, явился ему опасный соперникъ: то былъ не Янъ Казимиръ польскій, но энергическій преемникъ Христины шведской, Карлъ X Густавъ. Видя затруднительное положеніе Польши, онъ напалъ на нее подъ пустыми предлогами и овладѣлъ всею Великою Польшею, которая признала его своимъ королемъ; потомъ овладѣлъ Варшавою и Краковомъ; Янъ Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Но Карлъ X-й не хотѣлъ довольствоваться одною Польшею: онъ обратилъ свои взоры и на Литву, гдѣ гетманъ Радзивилъ, потерявши Вильну, поддался шведскому королю, къ чему особенно склоняло его единовѣріе: Радзивилъ былъ протестантъ; принимая подъ свою руку Радзивила и другихъ пановъ литовскихъ, Карлъ обѣщалъ возвратить имъ всѣ ихъ владѣнія, занятыя русскими. Легко понять то раздраженіе, какое обнаружилось противъ шведскаго короля въ станѣ царя московскаго. Еще въ іюлѣ пріѣхалъ къ царю въ Смоленскъ шведскій посланникъ Розенлиндъ и подалъ грамоту, въ которой король извѣщалъ о начатіи войны съ Польшею, потому что Янъ Казимиръ въ грамотѣ своей писалъ короля шведскаго не по достоинству и чинилъ ему убытки сколько ему возможно; поэтому королевское величество причину имѣетъ съ оружіемъ на Яна Казимира наступить и достать его земли, которыя поближе къ Швеціи; ожидаетъ король, что такіе его достойные умыслы у царскаго величества хорошо приняты и истолкованы будутъ, ибо клонятся къ тому, чтобъ стоять противъ недруга, который съ своими помощниками ищетъ обоимъ государямъ, и московскому, и шведскому, вреда и разоренія. Царское величество изволилъ бы указать своимъ боярамъ и воеводамъ съ шведскими генералами всякую дружбу держать. Царь отвѣчалъ: «За многія злыя неправды къ намъ корей Владислава и Яна Казимира далъ Богъ намъ взять всю Бѣлую Русь и многія воеводства, города и мѣста съ уѣздами великаго княжества литовскаго, да нашъ же бояринъ Бутурлинъ съ Запорожскимъ гетманомъ Хмельницкимъ въ коронѣ польской, на Волыни и въ Подоліи побралъ мно-

гія воеводства, города и мѣста, и мы учинились на всей Бѣлой Руси и на великомъ княжествѣ литовскомъ, и на Волыни, и на Подоліи великимъ государемъ». Этимъ царь ясно показывалъ, чего Карлъ не долженъ былъ трогать, если хотѣлъ остаться въ мирѣ съ Москвою.

Тщетныя предосторожности! столкновеніе было необходимо. Радзивилъ величалъ себя великимъ гетманомъ шведскаго короля и великаго княжества литовскаго, воеводою виленскимъ. 18 августа отправленъ былъ къ нему дворянинъ Лихаревъ. Онъ нашелъ гетмана подъ Кайданами и говорилъ ему: «Писалъ ты къ боярамъ царскаго величества и въ грамотѣ своей написался шведскаго короля и великаго княжества литовскаго великимъ гетманомъ, виленскимъ воеводою. Царскаго величества бояре и воеводы удивляются, что ты такъ написалъ, потому что великое княжество литовское и городъ Вильна никогда не бывали за шведскимъ королемъ. Вильна была польскаго короля, а за его неправды взялъ этотъ городъ государь нашъ, и теперь Вильна и литовскіе города за государемъ нашимъ. Такъ ты даришь шведскаго короля чужимъ, а у государя нашего съ шведскимъ королемъ вѣчное докончаніе. Ближній бояринъ и воевода князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій велѣлъ тебѣ говорить: если ты хочешь быть виленскимъ воеводою, то поищи государской милости къ тебѣ, и будь въ подданствѣ у царскаго величества: государь тебя пожалуетъ гетманствомъ литовскимъ, воеводствомъ виленскимъ, всѣми твоими маетностями, да сверхъ того пожалуетъ тебя великимъ своимъ царскимъ жалованьемъ, а вольности вашей и вѣры нарушить не велитъ». Радзивилъ отвѣчалъ: «Хотимъ мы быть у великаго государя въ подданствѣ; но посланцевъ нашихъ задержали, и въ уѣздѣ около Вильны ратные государевы люди крестьянъ, жонокъ и малыхъ ребятъ посѣкаютъ всѣхъ и домы палятъ; видя, что посланцевъ задержали, а польскій король насъ покинулъ, я отдался въ подданство шведскому королю». Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Государь показалъ бы милость, взялъ у польскаго короля къ своему краю что̀ хочетъ, а насъ бы подъ польскимъ королемъ не трогалъ». Въ другое свиданіе съ Лихаревымъ Радзивилъ сказалъ: «У насъ мысль наша вся розно пошла, у всѣхъ нашихъ людей мысль врознь». Сношенія съ Радзивиломъ начаты были вопреки желанію Никона, который 19 іюля писалъ государю: «Радзивила не призывать: его и такъ Богъ предастъ».

Въ сентябрѣ князь Яковъ Куденетовичъ Черкасскій отправилъ дворянина Нестерова къ шведскому генералу, графу Делагарди, который далъ знать боярину, что городъ Друя сдался шведамъ. Нестеровъ доносилъ: шляхта, которая поддалась шведскому королю, тужитъ и говоритъ: «не знаемъ, какъ впередъ будемъ жить, не привыкнуть намъ жить въ подданствѣ у шведскаго короля, мы шведскаго языка не знаемъ, а шведы нашего языка не знаютъ, къ русскимъ же людямъ были мы привычны, съ ними жили вмѣстѣ и языкъ у насъ одинъ былъ». — Представленный Делагарди, Нестеровъ говорилъ ему: «Тебѣ извѣстно, что въ 1654 году бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ взялъ города Друю, Дрису, Глубокое и людей привелъ ко кресту служить великому государю; а теперь Друю заняли шведы! Шведы приходятъ также къ Ковно, занятому русскими; Радзивилъ пишется воеводою виленскимъ и гетманомъ великаго княжества литовскаго, тогда какъ Вильну Богъ далъ великому государю нашему. А когда въ 1654 году московскіе воеводы пошли было на владѣнія курляндскаго князя, и шведскій король прислалъ просить государя, чтобъ курляндскаго князя не воевать, то государь его просьбу исполнилъ». Делагарди отвѣчалъ: «Если по сыску окажется, что русскіе прежде шведовъ заняли Друю и Дрису, то король за эти города стоять не будетъ, а безъ вѣдома королевскаго я объ нихъ ничего рѣшить не смѣю. Не знаю, какъ шведы пріѣзжали къ Ковно, а если и пріѣзжали, то царскимъ людямъ вреда не сдѣлали. Съ Радзивиломъ я увижусь скоро и буду ему говорить, чтобъ онъ воеводою виленскимъ и гетманомъ не писался». Делагарди обѣщался также освободить всѣхъ московскихъ плѣнниковъ, находившихся у Радзивила. Но эти учтивости не помогали; скоро явилась новая причина къ досадѣ: узнали, что Карлъ переписывался съ Хмельницкимъ и Золотаренкомъ [89].

Но чѣмъ сильнѣе было раздраженіе противъ шведовъ, тѣмъ охотнѣе склоняли слухъ къ предложеніямъ мира съ Польшою, истерзанною, безсильною, уступчивою и неопасною. Въ октябрѣ явились въ Москвѣ давно небывалые гости, цесарскіе послы Аллегретти и Лорбахъ. Опасно было для Австріи паденіе союзной католической Польши и усиленіе на ея развалинахъ враждебной, протестантской Швеціи, и вотъ Фердинандъ III поспѣшилъ явиться посредникомъ между царемъ и Яномъ Казимиромъ, чтобъ освобо-

дить Польшу отъ московской войны и, если можно, обратить царское оружіе противъ Швеціи. Съ самаго пріѣзда, въ разговорѣ съ приставами, послы уже начали толковать о коварствѣ шведовъ, о необходимости мира съ поляками, и всѣми средствами задабривать русскихъ, льстить имъ, зная, что каждое слово, сказанное приставамъ, будетъ донесено царю. «Едва ли Богъ потерпитъ шведамъ», говорилъ Аллегретти приставамъ: «не дождавшись исхода перемирныхъ урочныхъ лѣтъ, они напали на поляковъ въ то время, когда царское величество изволилъ наступить на Литву съ своими ратными людьми. Издавна у шведовъ такой лукавый умыселъ, что они нападаютъ на того, кто безсиленъ. А намъ извѣстно, какія неправды польскаго короля Яна Казимира къ царскому величеству; поляки уклонились на гордость и никакого исправленія во всѣхъ неправдахъ не учинили». Но потомъ Аллегретти началъ дѣлать намеки на то, что надобно защищать только свое, а не желать чужого: «У цесарскаго величества была война съ шведскимъ королевствомъ и съ иными государствами тридцать три года, съ обѣихъ сторонъ людямъ учинилась погибель великая, государствамъ запустѣніе и убытки; но сколько война ни велась, теперь успокоена миромъ, и стало это Богу любо и людямъ годно. За правду стоять надобно, это не грѣхъ предъ Богомъ, но кто чужого захочетъ, то, думаемъ мы, это не будетъ прочно впередъ». Боясь однако разсердить этимъ намекомъ, Аллегретти поспѣшилъ прибавить: «Мы это говоримъ съ вами не договоромъ, бесѣдною рѣчью, по пріятельской дружбѣ». Потомъ Аллегретти началъ рѣчь о необходимости всѣмъ христіанскимъ государямъ соединиться противъ невѣрныхъ: «Мнѣ случилось быть въ Цареградѣ у турскаго султана въ послахъ отъ короля испанскаго, и видѣлъ я тамъ, какъ татары продаютъ русскихъ и поляковъ въ работу. Прослезился я, видя, что такое мученіе чинили христіанамъ. Мы надивиться не можемъ, какъ такіе великіе государи до сихъ поръ терпятъ бусурманамъ? Мало того, что продаютъ христіанъ въ работы, на каторги: псы, вѣдомые враги Божіи, жиды, покупаютъ младенцевъ и въ жидовство приводятъ! Какъ можно христіанамъ терпѣть такія злыя бѣды и досады?» Приставы возразили: «Крымскіе татары берутъ много людей и изъ нѣмецкихъ государствъ, также продаютъ въ работы и на каторги». Аллегретти отвѣчалъ: «Дай Боже намъ слышать и видѣть,

чтобъ совокупились христіанскіе государи, бусурманъ покорили и власть ихъ разорили». Въѣзжая въ Москву, послы удивлялись церковному строенію, хвалили *стройство* ратныхъ людей; но не понравилось имъ на квартирѣ, хотя и велѣно было въ ней поставить столы и скамьи, перекрыть горницу, которая капала, послать 10 тарелокъ оловянныхъ да 36 тарелокъ деревянныхъ. Аллегретти говорилъ приставамъ: «У насъ посламъ отводятъ жилые дворы, на дворахъ постели и одѣяла изготовлены бываютъ стройныя, скатерти и сосуды всякіе, все готовое. Мы, думая, что и у царскаго величества будетъ намъ такъ же, постели и сосудовъ съ собою не взяли, и теперь намъ безъ нихъ быть нельзя». Приставы отвѣчали: «У великихъ государей нашихъ того не повелось, чтобъ ставить пословъ на посадскихъ дворахъ, для нихъ устроены посольскіе дворы, а сосуды всякіе и постели послы привозятъ съ собою».

Въ ноябрѣ возвратился изъ похода государь и имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву: пришедши на лобное мѣсто, Алексѣй Михайловичъ поклонился образу, поцѣловалъ крестъ изъ рукъ патріарха, указалъ спросить о здоровьѣ весь міръ, всѣхъ, которые стояли тутъ около Лобнаго мѣста: весь міръ въ землю челомъ ударилъ и царскому величеству многолѣтствовали [90]. 15 декабря Аллегретти съ товарищами представлялся государю, которому поднесъ въ двухъ стклянкахъ муро чудотворца Николая, два кувшинца золотыхъ съ жемчугами, двѣ обьяри цвѣтныя, обьярь серебряную, часы золоченые, двѣ коробки аромату, двѣ коробки сахара составного. 17 числа послы были въ отвѣтѣ у бояръ князей: Алексѣя Никитича Трубецкого, Григорья Семеновича Куракина, Юрья Алексѣевича Долгорукаго. Аллегретти говорилъ: «Цесарское величество прислалъ насъ къ царскому величеству поздравить великаго государя на его преславныхъ государствахъ и обновить прежнюю дружбу предковъ. Царское величество желаетъ и того, чтобъ укротилось кровопролитіе между царскимъ величествомъ и королемъ польскимъ и оружіе ихъ обратилося бы на общихъ христіанскихъ непріятелей, на бусурманъ. Всякой войнѣ бываетъ конецъ—миръ, а къ миру приводятъ посредники, и если царское величество не изволитъ заключить миръ съ польскимъ королемъ посредствомъ цесарскаго величества, а потомъ заключитъ миръ посредствомъ другого какого-нибудь государя, то це-

сарскому величеству будетъ это безчестье». 20 декабря былъ другой съѣздъ, на которомъ бояре отвѣчали посламъ, что государь принимаетъ въ любовь доброхотный совѣтъ цесаря и для братской дружбы къ нему соглашается на миръ съ Польшею, но требуетъ, чтобъ ему немедленно дано было знать, на какихъ статьяхъ быть миру, потому что у государя войска собраны многія и безъ дѣла держать ихъ убыточно. Послы отвѣчали, чтобъ государь назначилъ пограничное мѣсто для посольскаго съѣзда, они дадутъ знать объ этомъ императору, а тотъ, въ свою очередь, дастъ знать королю Яну Казимиру, и что пересылка эта больше двухъ мѣсяцевъ не продлится. Бояре спросили: гдѣ теперь король Янъ Казимиръ, паны радные при немъ ли, и нѣтъ ли между ними розни? Аллегретти отвѣчалъ: «Король Янъ Казимиръ еще не сгинулъ, а при немъ есть и паны радные и Рѣчь Посполитая; теперь онъ стоитъ отъ Кракова близко въ Силезіи. Цесарь съ нимъ въ близкомъ свойствѣ — братъ двоюродный, а что теперь отстали отъ польскаго короля Радзивилъ да подканцлеръ Радзіевскій, и это дѣло не большое—тутъ не вся земля. А которые вмѣстѣ съ ними поддались шведскому королю, то дѣло это не можетъ надолго состояться, потому что у поляковъ владѣютъ всѣмъ сперва духовные люди, и имъ католикамъ съ лютеранами и кальвинами какъ ужиться? И папа, и цесарь, и короли испанскій и французскій, и другіе государи католической вѣры вступятся и самой вѣрѣ згинуть не дадутъ. Хотя теперь король польскій и Кракова лишенъ, но и Москва была за поляками, а потомъ русскіе люди собрались и поляковъ изъ Москвы выгнали».

На съѣздѣ 24 декабря бояре спросили пословъ: «Если шведы Польшею завладѣютъ, то цесарь польскому королю будетъ ли помогать противъ шведовъ?» Аллегретти отвѣчалъ: «Если польскій король будетъ въ крайности, т.-е. если царское величество помириться съ нимъ не изволитъ и цесаря въ посредники не возьметъ, то за польскаго короля не одинъ цесарь, но и папа, и французскій и другіе государи двинутся». Потомъ Аллегретти спросилъ: «Хмельницкій царскому величеству вѣренъ ли и впередъ отъ него шатости въ какую-нибудь сторону не чаять ли?» Бояре спросили: «Зачѣмъ онъ это спрашиваетъ?» Посолъ отвѣчалъ: «У шведовъ рѣчь несется, будто Хмельницкій хочетъ поддаться подъ шведскую корону». Бояре отвѣчали: «Черкасы ни-

когда отъ царскаго величества не отступятъ, нельзя этому быть»[91].

Въ Москвѣ хотѣли удостовѣриться, дѣйствительно ли Янъ Казимиръ еще имѣетъ какія-нибудь средства, узнать, какъ велика можетъ быть надежда для царя удержать не только великое княжество литовское, но пріобрѣсти и корону польскую. Въ февралѣ 1656 года отправленъ былъ дворянинъ Лихаревъ къ литовскому гетману Павлу Сапѣгѣ и короннымъ—Станиславу Потоцкому и Станиславу Лянцкорнскому. Въ апрѣлѣ Лихаревъ нашелъ Сапѣгу въ Люблинѣ, который, по уходѣ русскаго войска занятъ былъ шведами, а теперь сдался литовскому гетману на имя Яна Казимира. На слова Лихарева, призывавшаго его подъ высокую руку великаго государя, Сапѣга отвѣчалъ: «На государевомъ жалованьѣ челомъ бью: еслибы я не слыхалъ про пана своего короля, еслибъ онъ къ намъ не вернулся, то я бы со всею Литвою къ царскому величеству пошелъ въ подданство; не мы его покинули, онъ насъ покинулъ. А теперь слышу, что онъ къ намъ возвратился, пріѣхалъ во Львовъ и идетъ на шведа, такъ я своего пана короля, своей вѣры и своего сапѣжинскаго дома и права не могу покинуть, измѣнникомъ быть не хочу; государь же меня назоветъ измѣнникомъ, скажетъ: измѣнилъ ты королю, измѣнишь и мнѣ; скорѣе горло свое дамъ, а такъ не сдѣлаю. Княжество литовское все хотѣло къ царскому величеству, но Урусовъ насъ задралъ и домы наши запустошилъ. И теперь все княжество литовское хочетъ миру съ государемъ, а Польша хочетъ больше мира съ шведскимъ королемъ». Изъ Люблина Лихаревъ поѣхалъ во Львовъ. Здѣсь Потоцкій далъ такой же отвѣтъ: «Неслыханное дѣло, чтобъ королю покинуть государство свое или намъ отъ него отступить, онъ тутъ родился, природный государь намъ, на время отъѣзжалъ да и опять пріѣхалъ».

Но въ то время какъ Лихаревъ велъ эти переговоры съ гетманами, въ апрѣлѣ пріѣхалъ въ Москву польскій посланникъ Петръ Галинскій. Государь указалъ посольскому думному дьяку Алмазу Иванову ѣхать къ Галинскому и разспросить, съ чѣмъ онъ пріѣхалъ? Посланникъ объявилъ, что онъ привезъ статьи, на которыхъ становить миръ между королемъ и великимъ государемъ, и если царское величество согласится, то долженъ быть

назначенъ пограничный съѣздъ уполномоченныхъ для окончательнаго постановленья. Да онъ же посланникъ долженъ объявить о замыслахъ шведскаго короля противъ московскаго государства: Карлъ X-й не только обѣщалъ Радзивилу съ товарищами возвратить земли, занятыя царскими войсками, но и хотѣлъ идти съ войскомъ прямо подъ Москву, обѣщалъ, что изъ Смоленска ни одинъ кирпичъ не пропадетъ; всѣ эти договоры и обязательства за рукою и печатями короля и графа Магнуса Делагарди у короля Яна Казимира и у полковниковъ есть, и съ этихъ подлинныхъ листовъ присланы съ нимъ, Галинскимъ, списки. — Безъ представленія государю Галинскаго позвали въ отвѣтъ къ окольничему Богдану Матвѣевичу Хитрову и дьяку Алмазу Иванову, несмотря на то, что посланникъ со слезами просилъ позволенія сперва поднести королевскую грамоту самому царю. Галинскій объявилъ слѣдующія статьи: 1) король желаетъ мира; 2) чтобъ государь уступилъ королю все завоеванное. На замѣчаніе, что это дѣло нестаточное, Галинскій сказалъ: «Если мало попросить, такъ не зачѣмъ и уговору быть, а какъ много попросить, такъ есть изъ чего убавить, а все это въ волѣ великаго государя». Галинскій больше всего старался произвести раздраженіе противъ шведовъ: «Королю и народу», говорилъ онъ, «не такъ досадно на царское величество, хотя у нихъ государство опустошено, какъ досадно на шведовъ, которые, видя ихъ упадокъ и разоренье, не выждавъ перемирныхъ семи лѣтъ, напали на нихъ невинно и, сговорясь съ еретиками венграми, разоренье сдѣлали большое; мириться со шведами король и сенаторы безъ воли царскаго величества не будутъ, въ томъ я дамъ письмо за своею рукою».

Послѣ этихъ объясненій Галинскій былъ представленъ государю и позванъ въ другой разъ въ отвѣтъ къ тѣмъ же Хитрову и Алмазу. Дьякъ объявилъ, что хотя великому государю за многія грубости и досады къ миру склонности учинить и не довелось, однако, по прошенью цесаря Фердинанда, на то изволяетъ. Галинскій далъ запись, что король безъ воли царской, до съѣзда великихъ пословъ, со шведскимъ королемъ мириться на будетъ; Хитровъ же, со своей стороны, объявилъ, что если шведскій король доканчанье нарушитъ и на царскіе города наступитъ, то государь отпоръ ему давать велитъ. Условились, что до посольскаго

съѣзда, который долженъ быть въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ, съ обѣихъ сторонъ непріятельскія дѣйствія прекращаются. Съ этимъ Галинскій и отправился изъ Москвы [92].

Отправлены были и австрійскіе послы: 25 апрѣля имъ было сказано, что 27 числа они будутъ у государя на отпускѣ и у стола, а отпускъ имъ будетъ потому, что посланы отъ государя и отъ нихъ гонцы къ цесарю, положенъ имъ срокъ пріѣхать къ первому маю, май мѣсяцъ близко, а про гонцевъ и вѣсти нѣтъ; великому государю дожидаться нельзя, въ первыхъ числахъ мая онъ идетъ на своего непріятеля со многими войсками, и потому имъ, посламъ, теперь дѣлать нечего; если же цесарь изволитъ для посредства прислать другихъ пословъ, то тѣ послы будутъ у царскаго величества въ походѣ. Тщетно послы возражали, что отпуска не примутъ, потому что гонецъ ихъ не бывалъ, а не дождався гонца, ѣхать имъ къ цесарю не съ чѣмъ; тщетно били челомъ, чтобъ государь взялъ ихъ съ собою въ походъ; имъ объявлено, что государь идетъ въ свои новопріемные города, въ великое княжество литовское, что посольскій съѣздъ будетъ въ Вильнѣ и никакъ не раньше послѣднихъ чиселъ іюля или первыхъ августа, и потому имъ, посламъ, ждать долго, а въ походъ за царскимъ величествомъ идти непристойно. Послы спрашивали: куда царскому величеству изъ литовскихъ нововзятыхъ городовъ походъ будетъ? Думный дьякъ отвѣчалъ: «Намъ царскаго величества мысль вѣдать нельзя, да и спрашивать о томъ страшно». На это Аллегретти сказалъ: «У испанскаго короля однажды войска многія были изготовлены и корабли воинскіе; спрашивали у него ближніе люди, куда онъ эти корабли и войско изготовилъ? Король отвѣчалъ: что у него сдумано, того имъ вѣдать ненадобно; еслибъ онъ вѣдалъ, что рубашка его думу знала, то онъ бы ее сейчасъ въ огонь кинулъ».

Отправлены были послы польскій и австрійскіе, но оставались въ Москвѣ шведскіе, пріѣхавшіе еще въ декабрѣ 1655 году для подтвержденія Столбовскаго докончанія. Послы эти были: Густавъ Белке, Александръ фонъ-Ессенъ и Филиппъ фонъ-Крузенштернъ. Съ самаго начала послы должны были увидать, что Столбовское докончаніе не будетъ подтверждено. Въ отвѣтѣ 17 января 1656 года послы сказали боярамъ: «Польскій король хотя теперь кажется и пропалъ, только у него друзей много, ко-

торые съ нимъ одной римской вѣры; они, надобно думать, за него вступятся, чтобъ вѣра ихъ римская не погибла: такъ царское величество изволилъ бы съ государемъ нашимъ королемъ на этого общаго непріятеля соединиться и укрѣпиться и стоять на него сообща; оберегаться отъ него надобно гораздо, чтобъ за него иной какой недругъ не всталъ и ссоры и лиха какого не учинилъ; да чтобъ царское величество изволилъ послать къ королевскому величеству своихъ пословъ». Начались споры за новые царскіе титулы: «Бѣлой Россіи, Литовскій, Волынскій и Подольскій», которыхъ послы не хотѣли давать государю, отговариваясь новостію дѣла, своимъ незнаніемъ объ немъ; особенно жа казались посламъ *сомнительны* титулы: «Восточнаго, и Западнаго, и Сѣвернаго», потому что владѣнія королевскія, говорили они, сходятся съ владѣніями царскаго величества. На вопросъ пословъ, зачѣмъ государь такъ началъ писаться? бояре отвѣчали: «За великимъ государемъ нашимъ въ тѣхъ странахъ государства есть: на Востокѣ—царство Казанское и Астраханское, а на Западѣ и Сѣверѣ — Сибирское царство и иные многіе города и мѣста». Бояре объявили рѣшительно, что безъ грамоты, въ которой вполнѣ будутъ написаны царскіе титулы, не станутъ подтверждать вѣчнаго докончанія; не скрывали и главной причины неудовольствія: «Съ королевской стороны», говорили они: «дѣлается многая неправда къ нарушенію вѣчнаго докончанія: когда великій государь ходилъ на польскаго короля своею парсуною и многія земли взялъ, а другія хотѣли добить ему челомъ, въ то время государь вашъ, видя, какъ Польша и Литва подъ государеву высокую руку мало не всѣ клонятся, не обославшись съ царскимъ величествомъ, пошелъ въ польскіе города войною и у царскихъ ратныхъ людей отъ Полоцка дорогу велѣлъ перенять, и подъ которыми городами царскіе ратные люди стояли и на время по прошенью осадныхъ сидѣльцевъ поотошли, королевскіе ратные люди, обольстя осадныхъ сидѣльцевъ, тѣ города взяли, и пріѣзжая въ уѣзды, занятые царскими войсками, берутъ всякіе запасы самовольствомъ; города, покорившіеся царскому величеству, перезываютъ на свою сторону, безчестя государя и все московское государство; Делагарди писалъ къ полякамъ, перезывая ихъ на шведскую сторону съ устрашеньемъ, и въ той же грамотѣ царское величество написалъ непріятелемъ». Послы, по настоя-

нію бояръ, отправили гонца къ своему королю, чтобъ позволилъ перемѣнить грамоту, написать въ ней новыя титла царскія. Послы жаловались боярамъ: «Которые поляки поддались было королевскому величеству, и тѣхъ поляковъ они видѣли въ Москвѣ, и государемъ они пожалованы». Бояре отвѣчали: «Кто царскаго величества милости поищетъ и къ государю пріѣдетъ, тѣхъ царское величество жалуетъ. Вѣдомо царскому величеству учинилось, что королевское величество ссылается съ подданными царскими, съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Васильемъ Золотаренкомъ, призываетъ ихъ къ себѣ въ подданство, отводя отъ высокой руки царской». Бояре показали и грамоту королевскую къ Золотаренку. Послы, посмотрѣвъ грамоту, сказали: «Переведена грамота не прямо: говорите, что король призываетъ Золотаренка въ подданство, а король только призываетъ его къ себѣ на помощь на общаго недруга; а къ Хмельницкому посылалъ король для того, что они сами королевскому величеству били челомъ въ подданство и приказывали говорить: если король ихъ не приметъ, то они опять поддадутся польскому королю. Но король и не мыслитъ принять ихъ въ подданство, писалъ къ Золотаренку, чтобъ подождалъ указа и никуда не ходилъ, а къ Хмельницкому писалъ, чтобъ козаки полякамъ не поддавались». Бояре: «Грамота переведена справчиво: король пишетъ Золотаренку, что за его службу, за исканіе королевской милости похваляетъ, а Золотаренко писалъ къ королю, поддаваясь ему нарочно, извѣдывая, какова королевская дружба къ царскому величеству, и когда король его грамоту принялъ съ радостію и отвѣчалъ съ похвалою, то Золотаренко грамоту королевскую для обличенья неправды тотчасъ къ царскому величеству прислалъ. Великое княжество литовское Богъ далъ царскому величеству, и королю въ повѣты великаго княжества вступаться не довелось: королевскому величеству Богъ поручилъ въ коронѣ польской взять Краковъ и Варшаву въ то время, какъ отъ царскихъ ратныхъ людей польскіе и литовскіе люди изнемогли; а когда польскіе и литовскіе люди были въ цѣлости, тогда король на нихъ не наступалъ. И если король, забывъ это, велѣлъ захватывать царскіе города и повѣты, то хотя и малыя мѣста неправдою захватили, однако за малыя придется отдать большія». Послы возражали, что о такихъ ссорахъ можно послать сыскать и дѣло исправить

безспорно; но бояре прямо указывали на необходимость войны: «Этого дѣла вершить нечѣмъ, кромѣ того, что за малыя мѣста отдавать вамъ большія мѣста» [93].

Чтобъ заставить шведовъ за малыя области отдать большія, царь хотѣлъ вооружить противъ Карла Х-го Данію. Въ мартѣ былъ отправленъ туда стольникъ князь Данила Мышецкій, который объявилъ королю Фридриху III, что шведскій король Карлъ Густавъ, услышавъ царскаго величества промыслъ надъ польскимъ королемъ, видя поляковъ въ большомъ утѣсненьѣ, прислалъ тутъ же со стороны и, не обославшись съ царскимъ величествомъ, въ то же время на польскихъ людей войною наступилъ безвѣстно, у царскихъ ратныхъ людей въ войнѣ путь перенялъ и сталъ привлекать польскіе города на свою сторону, притворяясь союзникомъ царскаго величества; шведскіе генералы перешли въ области, занятыя царскими войсками, за Нѣманъ и Вилію, съ жителей, поддавшихся царю, сбираютъ стаціи и налоги чинятъ; король посылаетъ грамоты къ Запорожскимъ Черкасамъ, перезываетъ ихъ отъ царя къ себѣ въ подданство, обѣщалъ покорившимся ему литовцамъ возвратить имъ всѣ завоеванія царскія. «Великому государю извѣстно», говорилъ Мышецкій Фридриху III; «что и вашему королевскому величеству съ шведской стороны многія неправды; шведскій король всякими мѣрами промышляетъ, чтобъ ему Варяжскимъ моремъ всѣмъ одному завладѣть, въ торговыхъ промыслахъ всѣмъ большое утѣсненье сдѣлать: время теперь приспѣло вашему королевскому величеству промыслъ надъ нимъ учинить и съ великимъ государемъ нашимъ соединиться». Фридрихъ отвѣчалъ, что отправляетъ къ государю своего посла [94]. Въ то же время отправленъ былъ стольникъ Алфимовъ къ шведскому королю съ выговоромъ за непріязненные поступки въ Литвѣ. Карлъ Х отвѣчалъ увѣреніями въ дружбѣ, писалъ, что непріязненныя столкновенія случились не по его приказу, начальные люди поступали самовольно, обѣщалъ розыскать виновныхъ и наказать ихъ. Но эти увѣренія и обѣщанія не могли остановить войны уже рѣшенной, и это рѣшеніе не могло долго оставаться тайною.

Въ маѣ Белке сказалъ думному дьяку Алмазу Иванову: «Вѣсти носятся въ міру, будто царское величество хочетъ на шведскую землю наступить войною». Дьякъ отвѣчалъ: «Если такая молва въ

людяхъ и есть, то говорятъ это глупые люди, и такихъ пустыхъ рѣчей не переслушать; а со стороны короля явная неправда: договариваясь съ Радзивиломъ, обѣщалъ онъ всѣ имѣнія литовскихъ пановъ, которыя теперь у царскаго величества, возвратить назадъ». Отвѣтъ не могъ успокоить пословъ, тѣмъ болѣе, что съ ними стали обходиться дурно. 11 мая Белке прислалъ жалобу: «Запрещаютъ намъ ходить въ городъ и въ Нѣмецкую слободу, людей нашихъ и слугъ держатъ какъ плѣнныхъ, не пускаютъ со двора болѣе четырехъ человѣкъ разомъ, не велятъ ходить со шпагами; о томъ же нечего и говорить, какое намъ потчиванье въ корму бываетъ». На жалобу эту посламъ отвѣчали: «Говорено вамъ было много разъ, что со стороны королевскаго величества дѣлаются многія неправды къ нарушенію вѣчнаго докончанія; для исправленія этихъ неправдъ послали вы къ королевскому величеству секретаря, и тотъ секретарь до сихъ поръ назадъ не бывалъ; потомъ отправленъ къ королю царскаго величества гонецъ, и тотъ задержанъ: поэтому видно, что королевское величество начинаетъ и ищетъ того, чтобъ учинить вѣчному доканчанію нарушенье; да и кромѣ того многія съ королевской стороны неправды, и тѣми неправдами вѣчное доканчаніе нарушено съ королевской стороны». 17 мая велѣно объявить посламъ, что мирное докончаніе нарушено съ шведской стороны, велѣно ихъ перевести съ посольскаго двора въ Замоскворѣчье, кормъ давать противъ прежняго третью долю; но потомъ послѣднее приказаніе было отмѣнено.

Между тѣмъ 15 мая государь уже выѣхалъ изъ Москвы; отрядъ войска, подъ начальствомъ Петра Потемкина, отправленъ былъ для занятія береговъ Финскаго залива, туда, гдѣ только спустя полвѣка суждено было русскимъ стать твердою ногою; Никонъ, по обычаю своему, захватывалъ далеко: 25 мая онъ писалъ государю, что къ Потемкину отправлены донскіе козаки, которыхъ онъ, патріархъ, благословилъ идти въ Стокгольмъ и въ другія мѣста моремъ: знаменитыхъ громителей береговъ Черноморскихъ хотѣли употребить для той же цѣли на Балтійскомъ морѣ! 30 іюня Никонъ увѣдомилъ государя о взятіи Канцевъ Потемкинымъ. 5 іюля царь торжественно въѣхалъ въ Полоцкъ, и 15 выступилъ съ полками противъ шведовъ въ Ливонію; 31 іюля 3,400 русскихъ ратныхъ людей приступили къ Динабургу

ночью, за два часа до свѣта; за полчаса до свѣта большой городъ былъ уже взятъ, потомъ взяли и меньшой или верхній, гдѣ вырубили всѣхъ людей. Немедленно царь велѣлъ построить въ Динабургѣ церковь св. Бориса и Глѣба и городъ назвать Борисоглѣбовымъ. Потомъ былъ взятъ Кокенгаузенъ; этотъ старинный русскій городъ Кукейносъ переименованъ былъ въ «Царевичевъ Дмитріевъ городъ». Объ немъ царь писалъ сестрамъ: «Крѣпокъ безмѣрно, ровъ глубокій, меньшой братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостію сынъ Смоленску граду; ей, чрезъ мѣру крѣпокъ; а побито нашихъ 67, да ранено 430». 23 августа самъ царь осадилъ Ригу; 1 сентября съ шести русскихъ батарей началась по городу сильная пальба, не прерывавшаяся ни днемъ, ни ночью: несмотря на то, губернаторъ рижскій, графъ Магнусъ Делагарди, не сдавалъ города, а 2 октября осажденные ударили на укрѣпленія осаждающихъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Эта неудача, осеннее время, возстаніе крестьянъ, истреблявшихъ русскіе отряды, посылаемые для кормовъ, слухи, что самъ Карлъ X намѣренъ пріѣхать въ Ливонію — все это заставило царя снять осаду Риги и отступить въ Полоцкъ. Дерптъ сдался русскимъ, но этимъ и кончились пріобрѣтенія ихъ въ Ливоніи [95].

Въ Полоцкѣ Алексѣй Михайловичъ дожидался конца переговоровъ своихъ уполномоченныхъ съ польскими. Еще 13 іюля изъ соборной полоцкой Софійской церкви государь отпустилъ на съѣздъ съ польскими послами въ Вильну боярина князя Ивана Никитича Одоевскаго, окольничаго князя Ив. Ив. Лобанова-Ростовскаго, дьяковъ Дохтурова и Юрьева; польскіе коммиссары были: Янъ Казимиръ Красинскій, воевода полоцкій и Христофъ Завиша, маршалокъ великій; съѣздъ былъ назначенъ у Вильны, въ двухъ верстахъ отъ города, а польскимъ коммиссарамъ стоять въ деревнѣ на рѣчкѣ Немежѣ, въ шести верстахъ отъ Вильны. По срединѣ былъ поставленъ государевъ шатеръ для переговоровъ, около него особые для московскихъ, цесарскихъ и польскихъ пословъ. Въ то же время разосланы были царскія грамоты въ повѣты Лидскій, Слонимскій, въ воеводство Новгородское, въ повѣтъ Ошмянскій, въ воеводство Минское, въ повѣтъ Гродненскій, въ воеводство Троцкое, въ повѣтъ Волковыйскій, Мозырскій, Рѣчицкій, въ воеводство Виленское. Грамоты были такого содержанія: «Вамъ бы вѣрнымъ и подданнымъ нашего царскаго

величества отчины полковникамъ, ротмистрамъ, всякимъ урядникамъ и всей урожденной шляхтѣ и всему рыцарству учинить между собою сеймикъ и выбрать двухъ человѣкъ добрыхъ и умныхъ, которыхъ бы съ наше царское дѣло стало, а выбравъ послать ихъ на съѣздъ въ Вильну къ нашимъ полномочнымъ посламъ. И тѣ бы выборные люди, будучи на съѣздѣ, намъ великому государю, по своему обѣщанью, служили, великаго княжества литовскаго и короны польской сенаторамъ, полковникамъ, ротмистрамъ, и всей урожденной шляхтѣ, и всему рыцарству, и духовнаго всякаго чина людямъ, которые будутъ на съѣздѣ съ польскими послами, нашу государскую милость и жалованье къ себѣ выславляли, что мы васъ пожаловали, вѣры вашей, правъ и вольностей ни въ чемъ нарушить не велѣли, прежними маетностями владѣть велѣли, да и сверхъ прежнихъ маетностей пожаловали иными многими, чтобъ, слыша нашу государскую милость къ вамъ, литовскіе и польскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди нашей милости поискали, къ покою были склонны и были подъ нашею высокою рукою, и отъ нашего великаго княжества литовскаго корона польская не отлучилась бы. Да и про то выборные люди объявили бы, что мы, великій государь, великаго княжества литовскаго польскому королю Яну Казимиру не уступимъ, потому что мы города и мѣста его взяли своею государскою особою, и жители ихъ кромѣ насъ никого государемъ имѣть не хотятъ. Если же польскіе и литовскіе сенаторы и всякихъ чиновъ люди станутъ отговариваться, что имъ отъ короля Яна Казимира, пока онъ живъ, отступить нельзя, ибо они ему присягали, то говорить, чтобъ они имѣли королемъ своимъ Яна Казимира, пока онъ живъ, а насъ бы, великаго государя, на корону польскую царемъ себѣ выбрали, намъ и сыну нашему присягнули и кромѣ насъ на королевство польское, по смерти Яна Казимира, другого государя никого себѣ не выбирали, и въ конституцію бы это напечатали. А когда это доброе дѣло совершитъ Богъ, то мы пожалуемъ васъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, чего у васъ и на умѣ нѣтъ».

12 августа былъ первый съѣздъ. Одоевскій потребовалъ, чтобъ король уступилъ царю все великое княжество литовское и заплатилъ военные убытки, которые въ 1654 году простирались до 800,000 рублей, а въ 1655 до 500,000 рублей. 14 числа поль-

скіе послы потребовали, чтобъ государь возвратилъ королю все завоеванное и заплатилъ убытки. Одоевскій отвѣчалъ: «Что великому государю Богъ подаровалъ, того онъ никогда не уступитъ». Начался длинный споръ о томъ, имѣлъ ли право Алексѣй Михайловичъ начать войну съ королемъ; Одоевскій доказывалъ это право съ большимъ вычетомъ; коммиссары настаивали на своемъ, что нестерпимыя обиды учинились имъ отъ нарушенья вѣчнаго мира съ царской стороны, но что они полагаютъ это дѣло на волю Божію: попустилъ на нихъ Богъ такое разоренье за грѣхи ихъ. Коммиссары дали понять посламъ, что слишкомъ большія требованія ихъ могутъ заставить короля заключить миръ съ Швеціею при посредствѣ французскаго короля. Одоевскій отвѣчалъ: «Намъ извѣстно, что французскій король предлагаетъ Яну Казимиру королю миръ съ Швеціею на трехъ условіяхъ: 1) чтобъ прусскому князю быть удѣльнымъ княземъ; 2) чтобъ Богуславу Радзивилу быть съ своимъ же удѣломъ; 3) чтобъ по смерти Яна Казимира быть королемъ польскимъ шведскому королю». Коммиссары сказали на это: «Тому статься нельзя, чтобъ по смерти королевскаго величества быть въ Польшѣ шведскому королю; намъ надобенъ король, который бы ходилъ въ нашей польской ферязи, а не въ нѣмецкихъ флюндрахъ, а эти намъ флюндры и такъ придокучили».

16 августа былъ третій съѣздъ вмѣстѣ съ австрійскими послами. Коммиссары объявили прежніе запросы, бояре отказали имъ впрямь и пошли было изъ государева шатра вонъ. Тутъ вступились австрійскіе послы: «Надобно», говорили они, «старыя всякія причины, за что война началась, оставить, и говорить бы о томъ, какъ миръ учинить». Посредники объявили отъ имени коммиссаровъ, что они отказываются отъ вознагражденія за убытки, причиненные имъ войною, поэтому и государевымъ посламъ слѣдуетъ сдѣлать также какую-нибудь уступку: «Полякамъ», говорилъ Аллегретти, «бѣднымъ и разореннымъ людямъ, царскому величеству уступить нечего, города княжества литовскаго почти всѣ за великимъ государемъ; если же отъ васъ уступки имъ никакой не будетъ, то доброе дѣло не состоится, и посредничать намъ нечего; лучше ли будетъ, если польскій король, вмѣсто мира съ царскимъ величествомъ, помирится съ шведскимъ королемъ»?—«Царскому величеству», отвѣчалъ Одоевскій,

«не страшно, если Янъ Казимиръ помирится съ шведскимъ королемъ: у царскаго величества войска много, есть съ кѣмъ и противъ обоихъ государствъ стоять». Тогда австрійскіе послы, осердившись, хотѣли было уже выходить изъ шатра, но Одоевскій остановилъ ихъ и объявилъ, что царь соглашается не требовать отъ поляковъ вознагражденія за военные убытки, пусть только отдадутъ всѣ литовскіе города. — «Запросы слишкомъ тяжелы», отвѣчалъ Аллегретти: «за такими запросами миру статься нельзя».

18 августа былъ четвертый съѣздъ. Одоевскій объявилъ, что государь отступается отъ тѣхъ литовскихъ городовъ, которые еще за королемъ. «Это не уступка», возражали коммиссары. Послѣ споровъ, Одоевскій наконецъ объявилъ настоящее дѣло: «Государь вашъ въ совершенныхъ лѣтахъ, а наслѣдниковъ у него нѣтъ: такъ пусть Рѣчь Посполитая, по совѣту съ королемъ, пришлетъ къ нашему великому государю пословъ съ избраніемъ его великаго государя, и писать его обраннымъ коруны польской великимъ государемъ, потому что великое княжество литовское подъ царскою рукою утвердилось; а великій государь хочетъ васъ держать въ своей большой милости и вольностей вашихъ нарушить ничѣмъ не велитъ». Коммиссары отвѣчали: «Это дѣло великое; скоро отвѣту дать нельзя». Назначивъ новый съѣздъ 20 августа, коммиссары начали говорить объ успѣхахъ своего короля противъ шведовъ, и потомъ сказали: «Королевское величество велѣлъ вамъ объявить, что гетманъ Хмельницкій ссылку держитъ съ шведскимъ королемъ и съ семиградскимъ княземъ Рагоци, потому что теперь между царскимъ и королевскимъ величествомъ начались мирные переговоры, и Хмельницкій, опасаясь за свою измѣну всякаго зла, хочетъ отъ царскаго величества отстать». Одоевскій отвѣчалъ, что это несхожее дѣло.

20 августа, на пятомъ съѣздѣ, коммиссары объявили, что предложеніе пословъ объ избраніи царя въ наслѣдники польскаго престола принимаютъ любительно, но что это дѣло великое, безъ короля его сдѣлать нельзя, а королевской инструкціи на счетъ его имъ нѣтъ никакой; кромѣ того, Польшѣ безъ Литвы быть нельзя, а послы отъ литовскихъ городовъ не отступаются; пусть царское величество покажетъ свою любовь, уступитъ королю Литву, Бѣлую и Малую Русь. Въ споръ вступился Аллегретти и принялъ явно сторону польскихъ коммиссаровъ, требуя усту-

покъ отъ бояръ; Одоевскій замѣтилъ ему, что онъ вмѣсто посредничества, царскому дѣлу только помѣшку чинитъ; Аллегретти осердился и говорилъ: «О королевствѣ польскомъ и прежде многіе государи христіанскіе старались, и теперь у цесаря есть братья и дѣти и другіе арцыкняжата одной съ поляками римской вѣры, и имъ не много чего ожидать; государь, который хочетъ быть государемъ другого государства, не отнимаетъ у него стараго, но прибавляетъ новое». Одоевскій опять замѣтилъ, что Аллегретти, вмѣсто посредничества, говоритъ такія вещи, которыхъ и сами польскіе коммиссары не говорятъ.

Шестой съѣздъ, 22 августа, прошелъ въ спорахъ объ условіяхъ избранія царя въ короли; бояре требовали, чтобъ польскій престолъ былъ наслѣдственнымъ для царя и его потомства; паны утверждали, что поляки никакъ не откажутся отъ права избранія; кромѣ того паны настаивали, чтобъ поляновскій договоръ остался во всей силѣ. 25 августа, на седьмомъ съѣздѣ, Аллегретти объявилъ, что онъ объ избраніи царя на польскій престолъ и слышать не хочетъ, присланы они отъ императора для посредничества о мирѣ, а не объ избраніи. Одоевскій отвѣчалъ, что онъ, Аллегретти, говоритъ непристойныя рѣчи, и объявилъ коммиссарамъ, что царь требуетъ навѣки Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію, а литовскаго княжества требуетъ только на 20 лѣтъ за военные убытки. На осьмомъ съѣздѣ, 27 августа, цесарскіе послы такъ посредничали, что сами польскіе коммиссары объявили Одоевскому: «Съѣхаться бы намъ завтра и о покоѣ христіанскомъ поговорить между собою, а цесаревымъ посламъ тутъ не быть, потому что отъ нихъ на обѣ стороны кромѣ ссоры добра никакого нѣтъ, не желаютъ, чтобъ былъ на польскомъ престолѣ царь Алексѣй Михайловичъ, а прочатъ цесарева сына или брата». 28 августа коммиссары начали говорить боярамъ: «Цесарскіе послы на насъ досадуютъ, зачѣмъ мы начали говорить объ избраніи царскаго величества, у императора есть дѣти и братья и на королевствѣ польскомъ есть кому быть; но намъ цесарева племени австрійскаго дома короли уже наскучили: какъ у насъ государствовало потомство Ягайла короля, то мы благоденствовали, а когда начали у насъ быть короли нѣмецкой природы, то мы отъ ихъ потомства теперь мало что не нищіе и государству своему видимъ запустошеніе. Цесарскіе

послы рады не соединенію, а разорванью между нами: такъ мы станемъ между собою говорить о добромъ дѣлѣ сходительнымъ обычаемъ, и початокъ доброму дѣлу мы объявляемъ такой: государь нашъ уступаетъ царскому величеству все то, что уступлено было вами по поляновскому договору; о Малой и Бѣлой Руси, о Волыни и Подоліи пошлемъ гонца къ королю, и вы пошлете съ своей стороны къ царскому величеству; что же касается Литвы, то царское величество поступился бы ею королю, потому что и такъ государство наше почти все разорено; объ избраніи царскаго величества мы уже писали къ королю и дожидаемся отвѣта». Одоевскій отвѣчалъ, что они, послы, обо всемъ этомъ отпишутъ къ великому государю. Коммиссары начали было толковать о возвращеніи въ королевскую сторону запорожскихъ козаковъ съ ихъ землями; но послы имъ отказали: то дѣло не схожее: Черкасы государю присягали, что быть подъ его рукою вовѣки, и отступиться отъ нихъ государю нельзя, да и потому нельзя отпустить Черкасъ къ королевскому величеству, что у нихъ съ поляками давняя вражда, и усмирить ихъ никакъ невозможно, и только царскому величеству отъ себя ихъ отлучить, и они тотчасъ поддадутся или турскому, или крымскому, или шведскому, и соединясь съ ними, обоимъ государствамъ станутъ чинить всякое зло и разоренье, а какъ будетъ на коронѣ польской государемъ его царское величество, то и запорожскіе Черкасы будутъ за одно же.

29 августа получили послы государеву грамоту; царь писалъ, чтобъ дѣло объ избраніи его на польскій престолъ и о мирѣ отложить до другого времени, войска съ обѣихъ сторонъ задержать на полгода или больше, и обратить ихъ на общаго непріятеля шведа, съ которымъ не заключать отдѣльнаго мира; и только 18 сентября пришелъ царскій отвѣтъ на грамоту посольскую, отправленную послѣ съѣзда 28 августа; царь писалъ, чтобъ послы продолжали дѣло объ избраніи. 20 сентября былъ десятый съѣздъ. Коммиссары объявили, что объ избраніи къ нимъ наказа еще не прислано, присланъ наказъ о мирномъ постановленьѣ. Одоевскій отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ лучше всего всякое дѣло отложить и двинуть войска на шведа, съ которымъ порознь не мириться. Но коммиссары предложили вопросъ: если царское величество избранъ будетъ въ короли, то

уступитъ ли Малую и Бѣлую Русь королевству? Послы отвѣчали, что всего лучше это дѣло отложить на полгода или больше. Коммиссары не согласились. Одоевскій предложилъ послѣднюю мѣру: въ государеву сторону Малую и Бѣлую Русь, Волынь и Подолію навѣки, а Вильну съ другими городами литовскими на 18 лѣтъ. Коммиссары отказали и хотѣли вмѣстѣ съ австрійскими послами разъѣхаться безъ дѣла. Тогда послы, чтобъ царскому избранію на польскій престолъ помѣшки не учинилось, предложили: избраніе царя въ наслѣдники королю Яну Казимиру и уступку Малой и Бѣлой Руси московскому государству; паны останутся при всѣхъ своихъ правахъ и при вольномъ избраніи короля; государь обѣщается возвратить Польшѣ Ливонію по Двину, кромѣ городовъ, принадлежавшихъ царю Ивану Васильевичу; обѣщается отыскивать и наслѣдственное Яна Казимира королевство шведское; обѣщается возвратить всѣхъ плѣнниковъ, всѣ пушки, взятыя въ городахъ литовскихъ; имѣнія, отнятыя у православныхъ церквей и монастырей, возвращаются; духовенству православному быть въ прежней чести; унія должна быть уничтожена, ибо она Богу всемогущему грубна: это не вѣра, но замыселъ злыхъ людей, которые отступили отъ греческаго закона, и между греческимъ закономъ и католическою вѣрою чинятъ ссору; православные имѣютъ одинакія права съ католиками. Коммиссары отвѣчали на это, что прежде надобно заключить миръ, а потомъ уже вести дѣло объ избраніи, иначе избраніе будетъ невольное; австрійскіе послы говорили, что объ избраніи они и слышать не хотятъ, ибо присланы быть посредниками только при заключеніи мира. Съ этимъ всѣ и разъѣхались.

Послѣ этого разрыва австрійскіе послы прислали сказать, что они переговорамъ объ избраніи царя мѣшать не будутъ, и какъ скоро начнутся объ этомъ разсужденія, то они будутъ выходить изъ шатра; польскіе коммиссары не соглашались на это и предложили Одоевскому съѣхаться безъ австрійскихъ пословъ на какомъ-нибудь особенномъ мѣстѣ, и поэтому 24 сентября съѣзжались за слободою, на загородномъ шляхетскомъ пустомъ дворѣ, въ двухъ верстахъ отъ Вильны. Коммиссары объявили, что получили отъ короля грамоту: Янъ Казимиръ пишетъ, что по вопросу объ избраніи царя ему въ наслѣдники назначенъ сеймъ, который начнется 15 сентября новаго стиля; но чѣмъ сеймъ кон-

чился, о томъ они, коммиссары, ничего не знаютъ. Коммиссары говорили также: «Пишутъ къ намъ пріятели, что они избранію царя въ короли рады, но не всѣ сенаторы на это согласны: одни хотятъ выбирать царевича Алексѣя Алексѣевича, другіе цесарева сына или брата, иные венгерскаго; но еслибы великій государь уступилъ Польшѣ Бѣлую Русь, то думаютъ они, коммиссары, что всѣ сенаторы согласятся на царское избраніе, или на избраніе царевича; о Малой Россіи они способовъ искать станутъ, безъ Бѣлой же царскому избранію никакъ не состояться, потому что у многихъ сенаторовъ и шляхты города и маетности въ Бѣлой Россіи за рѣкою Березою. Сенаторы пишутъ къ намъ тайно, что королева хочетъ избранія царевича Алексѣя: король часто бываетъ нездоровъ, и когда умретъ, то она останется отъ него безплемянна, и царевичъ будетъ у нея вмѣсто сына, а она станетъ оберегать его здоровье». Въ заключеніе коммиссары объявили, что запорожскіе козаки согласились съ крымскимъ ханомъ, волошскимъ господаремъ и Рагоци мѣшать царскому избранію въ короли, ибо въ такомъ случаѣ имъ будетъ тѣсно, а запорожцы опасаются мести отъ поляковъ, и шведскій король съ Хмельницкимъ ссылается: козаки люди шаткіе, хотя и присягаютъ, но въ правдѣ не стоятъ. Австрійскіе послы, по требованію Одоевскаго, объявили, что они, и не выходя изъ шатра, не будутъ мѣшать переговорамъ о царскомъ избраніи, не будутъ ничего говорить ни за, ни противъ.

Съ 24 сентября по 6 октября не было съѣздовъ: коммиссары дожидались королевскаго указа; предполагая, что они проволакиваютъ дѣло, Одоевскій назначилъ съѣздъ 6 октября и потребовалъ отложить переговоры о мирѣ и объ избраніи на полгода или на годъ, прекратить войну и обратить войско на шведовъ. Но коммиссары настояли, чтобъ ждать еще королевской грамоты до 9 октября; а цесарскіе послы прислали сказать Одоевскому, что будутъ способствовать царскому избранію въ короли. На съѣздѣ 9 октября коммиссары объявили, что указъ имъ присланъ: король и паны соглашаются на избраніе царя или царевича, если будетъ заключенъ миръ по поляновскому договору; что же касается до вѣчнаго мира безъ избранія, то король уступаетъ царскому величеству Смоленскъ и всѣ города, уступленные по поляновскому миру. Отвѣтъ былъ прежній, что царское величество безъ

Малой и Бѣлой Россіи миру не заключитъ. 19 октября пришла къ посламъ царская грамота: договариваться, чтобъ учинить рубежъ по рѣку Березыню, также Полоцку, Витебску и Лифляндскимъ городамъ быть за государемъ: о Божіемъ дѣлѣ промышлять съ большимъ радѣньемъ, а иное и купить, сулить тысячи многія, пятьдесятъ и шестьдесятъ и больше обоимъ посламъ, а если дѣло не сдѣлается, то какъ-нибудь укрѣпиться, чтобъ войнѣ на обѣ стороны не быть и съ шведомъ безъ обсылки не мириться, укрѣпиться хотя малою крѣпостью, но непремѣнно на то привести, чтобъ пословъ отпустить съ ласкою, войнѣ не быть и съ шведскимъ королемъ не мириться.—Коммиссары никакъ не согласились на уступку Малой и Бѣлой Руси, и потому положили, что по дѣлу объ избраніи государя отправятся къ королю на сеймъ царскіе полномочные послы, а пока договоръ совершится, положили рать съ обѣихъ сторонъ задержать, никакихъ зацѣпокъ не чинить и съ шведскимъ королемъ не мириться.

По всему было видно, что въ Москвѣ всѣми средствами хотѣли поддержать нерѣшительное положеніе и не начинать войны съ Польшею, не окончивъ войны шведской, а между тѣмъ подготовлять избраніе царя въ наслѣдники Яну Казимиру; для этого хотѣли пріобрѣсти себѣ сильную сторону между вельможами, изъ которыхъ склоннѣе другихъ къ Москвѣ казался гетманъ Гонсѣвскій.

4 ноября 1656 года изъ Полоцка государь отправилъ любимца своего стольника Артемона Матвѣева съ семью сороками соболей, цѣною на 700 рублей, къ гетману Винцентію Корвину Гонсѣвскому. Матвѣевъ нашелъ гетмана въ Кайданахъ, и, упомянувъ о виленскомъ договорѣ на-счетъ избранія царя въ короли польскіе, прибавилъ: «ты бы, гетманъ, служилъ и свою братью наговаривалъ, чтобъ они также великому государю служили и то дѣло привели къ совершенью». Гетманъ отвѣчалъ: «тому дѣлу чинится помѣшка: шведскій король въ союзѣ съ королемъ французскимъ, который помогаетъ ему деньгами и людьми, и хочетъ, чтобъ шведскій король былъ на коронѣ польской, а шведскій король ссылается съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ и съ Рагоци Венгерскимъ, и дума у нихъ одна. Писалъ ко мнѣ маршалокъ надворный Юрій Любомирскій, что гетманъ Хмельницкій присягалъ предъ послами Рагоци быть во всей ихъ волѣ, а ѣздитъ отъ Хмельницкаго къ шведу безпрестанно чернецъ. Великій государь из-

волилъ бы послать къ курфюрсту Бранденбургскому, чтобъ оторвать его отъ шведа, и тогда шведъ будетъ безсиленъ; но что будетъ писать курфюрстъ къ государю, тому бы государь не вѣрилъ, потому что курфюрстъ человѣкъ не крѣпкій, а вблизости при немъ живутъ шведскіе люди; да послалъ бы царское величество къ цесарю, чтобъ цесарь наступилъ на шведскаго короля; послалъ бы къ датскому королю и къ голландскимъ штатамъ, чтобъ помѣшали на морѣ шведскому королю, который хочетъ захватить въ свои руки зундскую пошлину. Цесарь присылаетъ, чтобъ выбрали сына его на корону польскую; братъ цесаревъ Леопольдъ присылаетъ, чтобъ выбрали его; того же проситъ курфюрстъ баварскій, и у сенаторовъ разныя мысли; но я ихъ наговариваю всячески, чтобъ избрали царское величество».

Матвѣевъ сталъ уговаривать гетмана постараться, чтобъ рубежу отъ московскаго государства быть по рѣку Березину, а отъ короны польской по рѣку Бугъ. Гетманъ отвѣчалъ: «не только мнѣ сенаторовъ наговаривать, и помянуть объ этомъ дѣлѣ нельзя, назовутъ меня измѣнникомъ». Потомъ Гонсѣвскій говорилъ: «изволилъ бы государь послать королевѣ подарокъ и слово ей далъ: какъ будетъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ въ совершенныхъ лѣтахъ, то женится на ея племянницѣ: этимъ всего лучше государь утвердитъ свое дѣло». Матвѣевъ возразилъ: «царевичъ малъ, а вѣра греческая далека отъ римской, и этому дѣлу отнюдь нельзя статься». Гетманъ отвѣчалъ: «учинилъ бы государь соединеніе вѣръ, какъ прежде была единая благочестивая вѣра, король Владиславъ больше всего хотѣлъ соединенія вѣръ; изволилъ бы государь послать объ этомъ дѣлѣ къ королю, цесарю и папѣ, чтобъ учинить съѣздъ духовнымъ и мірскимъ людямъ и объ этомъ великомъ дѣлѣ разговоръ имѣть. Какъ узнаютъ, что царское величество старается о соединеніи вѣръ, то многіе народы покорятся ему. Самые сильные люди въ коронѣ: Юрій Любомирскій маршалокъ, который хочетъ цесаря или сына его, воевода познаньскій Лещинскій, который хочетъ Рагоци; кромѣ нихъ сильны Конецпольскій и Чарнецкій: этихъ людей великому государю надобно пожаловать; когда они будутъ служить царскому величеству, тогда все будетъ по его волѣ. Да чтобъ царское величество приказалъ посламъ своимъ на сеймѣ не спѣшить отдачею городовъ; велѣлъ бы и ратнымъ своимъ людямъ приблизиться къ Вильнѣ, чтобъ этими

ратями сенаторовъ поусумнить. Если я буду годенъ въ службу къ великому государю, то чтобъ царское величество пожаловалъ меня маетностями, которыя прежде за мною были, да чтобъ пожаловалъ, велѣлъ мнѣ дать 5,000 мушкетовъ, 3,000 барабановъ, 3,000 паръ пистолей; да чтобъ пожаловалъ, далъ средства пріѣхать на сеймъ людно, потому что у нихъ кто людпѣе, того больше боятся и слушаютъ»[96].

Война съ Швеціею была начата потому, что Польша почти не существовала, и неблагоразумно казалось усиливать на ея счетъ Швецію, съ которою предстояла потомъ опасная борьба. Но теперь обстоятельства перемѣнились: какъ Москва въ началѣ вѣка спаслась отъ внутренной смуты и внѣшняго порабощенія благодаря религіозному одушевленію, обхватившему весь народъ и объединившему его, такъ теперь религіозное одушевленіе обхватило народъ польскій и спасло государство. Карлъ X-й выгналъ Яна Казимира изъ Польши; отнялъ у него Варшаву и Краковъ, провозгласилъ себя королемъ польскимъ; но онъ былъ протестантъ: католическая Польша въ XVII вѣкѣ, при господствѣ религіознаго интереса, не могла признать королемъ своимъ протестанта, тѣмъ болѣе, что этотъ протестантъ и подданные его давали чувствовать католикамъ свой протестантизмъ; они рѣшились напасть на главную святыню королевства—монастырь Ченстоховскій, который теперь въ Польшѣ имѣлъ такое же значеніе, какое Троицкій монастырь имѣлъ въ московскомъ государствѣ въ смутное время. Церковь призвала народъ къ возстанію противъ враговъ иновѣрныхъ, и народъ повиновался; знаменитый полководецъ Чарнецкій началъ дѣйствовать съ успѣхомъ противъ шведовъ, Карлъ X-й увидѣлъ, что польская корона ускользаетъ отъ него, Янъ Казимиръ, поддерживаемый энергическою женою своею, ободрился.

Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ должна была перемѣниться и политика московская: жаръ къ войнѣ со шведами, охлажденный подъ Ригою, охладился еще болѣе, когда въ Карлѣ X-мъ перестали видѣть опаснаго соперника, когда усиленіе Яна Казимира и особенно отношенія малороссійскія начали грозить опасностію болѣе важною. 23 февраля 1657 года царь и бояре приговорили: промышлять всякими мѣрами, чтобъ привести шведовъ къ миру; это порученіе было возложено на воеводу Царевичева-Дмитріева города, Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Ординъ-Нащо-

кинъ, псковской помѣщикъ, въ царствованіе Михаила Θеодоровича упоминается какъ участникъ въ посольскихъ съѣздахъ при размежеваніи и поправленіи границъ; въ началѣ возмущенія Нащокинъ жилъ во Псковѣ; когда гилевщики, послѣ разговора съ воеводою Собакинымъ на дворѣ архіепископскомъ, начали шумѣть, то изъ ихъ скопу прибѣжали на дворъ къ Нащокину площадной подъячій да стрѣлецъ и сказали ему: «Выѣзжай изъ Пскова въ свою деревню: хотятъ убить тебя да Θедора Емельянова». Нащокинъ выѣхалъ въ деревню, а оттуда въ Москву, куда привезъ подробныя извѣстія о бунтѣ. Но когда Хованскій пошелъ подъ Псковъ, Нащокинъ отправился съ нимъ: ему поручилъ воевода уговаривать крестьянъ, чтобъ они обратились, изъ лѣсовъ вышли и жили попрежнему. Какъ Нащокинъ исполнилъ свое порученіе, видно изъ отзывовъ Хованскаго, который писалъ къ царю о его службѣ, работѣ и радѣньѣ во всякомъ дѣлѣ. Еще сильнѣе высказались усердіе и способности Нащокина во время шведской войны; онъ сдѣлался воеводою Царевичева-Дмитріева города и, по удаленіи царя изъ Ливоніи, сталъ главнымъ лицомъ здѣсь. Но, навлекши на себя прежде негодованіе псковскихъ гилевщиковъ, какъ дворянинъ, приверженецъ правительства московскаго, теперь Нащокинъ возбудилъ противъ себя ненависть людей, которымъ не нравилось, что человѣкъ, сравнительно съ ними незначительный, успѣлъ личными достоинствами возвыситься и стать на первомъ планѣ. Эти люди стали мѣшать ему; не посылали нужнаго войска, разрушали то дѣло, о которомъ хлопоталъ Нащокинъ, а хлопоталъ онъ о томъ, чтобъ стать твердою ногою въ прибалтійскихъ областяхъ.

Въ іюлѣ писалъ Нащокинъ государю: «Извѣстно мнѣ, что изъ Риги бурмистры и лучшіе люди отъ морового повѣтрія выбѣжали, а служилые люди вышли къ Волмерю съ Магнусомъ Делагарди, но и въ обозѣ шведскомъ также тяжелая болѣзнь, самъ Делагарди умеръ. Писалъ ко мнѣ Яковъ, князь курляндскій, что теперь удобное время для мира съ королемъ шведскимъ; я отвѣчалъ ему: за нарушеніе вѣчнаго мира многія земли встали на шведскаго короля, и кромѣ видимой рати теперь отъ Господа Бога послана на Ригу война невидимая, и если рижане покорно къ подданству приступятъ, то отъ надлежащаго страха избудутъ и безъ печали въ свои домы возвратятся, и писалъ я съ боль-

шимъ подтвержденьемъ, чтобъ курляндскій князь промышлялъ о подданствѣ рижанъ. Но курляндскій князь манитъ, дружа шведамъ, чтобъ время безъ промыслу прошло. А промысла чинить намъ некѣмъ: твой государевъ указъ съ осени посланъ въ Полоцкъ, Витебскъ, и Псковъ, чтобъ высылали въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы, и до сего времени твой указъ неисполненъ, и тѣмъ на твоихъ государскихъ людей многія крови наведены. Еслибъ сначала твой указъ исполненъ былъ, то шведамъ изъ Риги нельзя было бы выходить ко псковскимъ мѣстамъ. Еслибъ шведы не боялись ратныхъ людей изъ Царевичева-Дмитріева города, то съѣздовъ и перемирья безотступно не просили бы, а другихъ твоихъ государевыхъ городовъ рижане не боятся, потому что далеко отъ нихъ. Но помощи мнѣ не даютъ по моей причинѣ, твое государево дѣло возненавидѣли для меня, холопа твоего. Четвертое лѣто безъ перемѣны я покинутъ въ самыхъ дверяхъ непріятельскихъ, и этимъ путемъ литовскіе и нѣмецкіе люди на твои города не прихаживали; а которымъ ратнымъ людямъ, по твоему указу, со мною быть велѣно, и во все лѣто государевъ указъ не исполненъ, въ городахъ ратные люди и запасы полковые задержаны. Тебѣ, помазаннику Божію, Господь Богъ обо мнѣ явно учинилъ: «аще бы отъ міра былъ, міръ убо своя любилъ бы». Изъ чужихъ непріятельскихъ земель послушаніе и вспоможеніе твоему государеву дѣлу чинятъ, а изъ твоихъ городовъ ни малой части твоего указа не исполняютъ, въ твоемъ государевомъ дѣлѣ многіи промыслъ разрушаютъ и во-время промыслу дѣлать мнѣ не даютъ. И въ томъ твоя царскаго величества воля! По твоему государеву указу велѣно городъ Друю вѣдать въ Царевичевѣ-Дмитріевомъ городѣ, и послѣ твоего указа, не списываясь со мною, изъ Полоцка памяти посылаютъ къ бурмистрамъ и многіе налоги чинятъ и убытки многіе друянамъ дѣлаютъ, волости друйскія на разоренье козакамъ отдали, Друю хотятъ запустошить и отъ твоей высокой руки отогнать. Въ Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ полоцкіе козаки твои государевы волости безъ остатку разоряютъ, о твоихъ государевыхъ грамотахъ бьютъ челомъ въ Полоцкъ, зная, что ихъ за самовольство въ Полоцкѣ не унимаютъ, а мнѣ уберечь уѣздовъ отъ такихъ самовольныхъ людей нельзя. Въ ближнихъ къ Ригѣ уѣздахъ отъ нѣмцевъ столько разоренья нѣтъ, сколько

въ Друйскомъ, Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ отъ козаковъ запустѣло. За мною во всѣ четыре года приставства нигдѣ не бывало, и по твоему государеву указу оберегаю я не выборомъ, и гдѣ въ разоренныхъ мѣстахъ крестьянъ собралъ, а изъ Полоцка пустошатъ. Въ грамотахъ великаго государя писано: которые уѣзды въ Ливоніи добровольно въ подданство не учинятся, тѣ мѣста ратнымъ людямъ безъ остатку велѣно разорять. И ратные люди, слыша такой указъ, не оставятъ живущему нигдѣ мѣста. А нынѣ Господь Богъ помазаннику своему явными знаками безъ крови ту землю предаетъ, ничего иного не требуетъ Господь Богъ, только милосердія къ покорнымъ, а противные сами на себя жестокій судъ нанесутъ. У служилыхъ людей тотъ обычай, чтобъ непротивныхъ плѣнить безъ остатка, за что имъ и смертная казнь бываетъ, а нрава своего не откладываютъ. Этою зимою изо Пскова служилые люди сосѣднихъ съ Юрьевымъ присяжныхъ крестьянъ посѣкли и деревни пожгли, и то видя, въ иныхъ мѣстахъ отъ подданства бѣгутъ; а нѣмцамъ то и надобно, уѣздныхъ людей къ себѣ привозятъ и полки свои пополняютъ, а пѣхота лучшая у шведовъ лифляндскіе люди. Рейтарамъ Царевичева-Дмитріева города за разоренье крестьянъ много наказанья было, но они не унялись, зная, что въ другихъ городахъ отъ такого разоренья ихъ не унимаютъ; о такомъ ихъ самовольствѣ писано въ рейтарскій приказъ, и по 5 іюля государева указа объ этомъ не прислано, а впередъ сдерживать рейтаръ отъ разоренья надъ уѣздными людьми нельзя. А если уѣзды пусты будутъ, то государевымъ служилымъ людямъ въ новопріобрѣтенныхъ городахъ держаться нельзя, а хлѣбные запасы изъ русскихъ городовъ туда возить убыточно. Для нынѣшняго посѣщенія Божія надъ Ригою покинуть безъ промыслу невозможно. Прошенье рижанъ о съѣздѣ и присылкѣ теперь частыя въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ, а начальные люди и бурмистры еще при Магнусѣ Делагарди тайными ссылками къ милости великаго государя приведены. Доброму дѣлу пакостникъ Магнусъ былъ, но животъ его на землѣ згинулъ, и если рижанъ вскорѣ не захватить, показавъ грозу ратныхъ людей, то они станутъ искать другихъ средствъ къ полученію помощи. Надобно лифляндскую землю занять прежде, чѣмъ шведы оправятся отъ разрушенья, причиненнаго смертію Делагарди» [97].

Когда Нащокинъ хлопоталъ объ утвержденіи Ливоніи за ца-

ремъ; князь Мышецкій велъ переговоры съ Даніею о войнѣ шведской. Лѣтомъ 1656 года князь Мышецкій вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ Германомъ Косомъ нашли государя въ Ливоніи. Косъ объявилъ, что королевскіе ратные люди теперь не въ собраньѣ, а когда соберутся, то король выступитъ въ походъ противъ шведовъ. Царь отвѣчалъ ему: «Князь Мышецкій намъ извѣщалъ, что люди у королевскаго величества готовы, и королевское величество шелъ бы не испустя времени, а только теперь не пойдетъ и время пройдетъ». 7 августа, изъ стана своего подъ Кокенгаузеномъ царь отпустилъ того же Мышецкаго опять въ Данію съ *грамотою за своею самодержавною рукою.* Объявивъ королю объ успѣхахъ царя въ Ливоніи и о походѣ его подъ Ригу, Мышецкій говорилъ: «И вашему бы королевскому величеству, со своей стороны, также идти на общаго недруга нынѣшнимъ лѣтомъ; и быть въ войнѣ обоимъ великимъ государямъ и одному безъ другого года два или три не мириться». Король отвѣчалъ «У меня ратные люди готовы и я пойду на шведовъ четырьмя полками: три полка пойдутъ сухимъ путемъ, а четвертый на Варяжское море съ корабельнымъ сборомъ. Прошу государя вашего въ прибавку къ датскимъ кораблямъ нанять еще у голландцевъ 20 кораблей воинскихъ». Король сталъ требовать у Мышецкаго, чтобъ тотъ заключилъ подробный договоръ о союзѣ, но посланникъ отвѣчалъ, что безъ царскаго указа сдѣлать ему этого не умѣть. Все лѣто 1657 года Мышецкій прожилъ въ Копенгагенѣ, при немъ Фридрихъ III началъ войну со шведами; но поляки, а не русскіе явились ему въ ней союзниками: въ Москвѣ совершенно охладѣли къ войнѣ шведской, ибо все вниманіе сосредоточилось на Югѣ.

Въ то время, какъ царь, задержавши войну польскую, обратилъ всѣ свои силы противъ Швеціи, изъ Бѣлоруссіи слышались сильныя жалобы на черкасъ, которые, въ свою очередь, жаловались на воеводъ московскихъ. Самыя сильныя жалобы слышались на чаускаго наказного полковника, Ивана Нечая, который прибралъ къ себѣ многихъ гультяевъ, а иныхъ мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ захватилъ силою и записалъ въ козаки; во многихъ городахъ, селахъ и деревняхъ поставилъ козацкія залоги безъ царскаго повелѣнія; шляхту, мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ, которые не хотѣли записываться въ козаки, приказывалъ

грабить, мучить и побивать до смерти; писался полковникомъ бѣлорусскимъ, гомельскимъ и иныхъ городовъ. Другой полковникъ, Ѳедоръ Константиновъ, приходилъ подъ Копысъ и побивалъ государевыхъ людей; третій, Иванъ Дорошенко, покинулъ Новый Быховъ безъ государева указа и не видя на себя прихода ратныхъ людей ни откуда.

Для повѣрки этихъ жалобъ въ апрѣлѣ 1656 года отправился въ Бѣлоруссію отъ Хмельницкаго полковникъ Антонъ Ждановичъ вмѣстѣ съ московскимъ сотникомъ стрѣлецкимъ Сивцовымъ. Спросили они Ивана Дорошенка: зачѣмъ покинулъ Новый Быховъ? Тотъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это по приказу Василія Золотаренка, который, по смерти брата своего Ивана, былъ полковникомъ нѣжинскимъ; всѣ подтвердили показаніе Дорошенка; но спросить Золотаренка было нельзя: онъ находился въ это время въ Чигиринѣ у гетмана, и дѣло осталось нерѣшеннымъ. Спросили Ѳедора Константинова: зачѣмъ побивалъ государевыхъ людей? Тотъ отвѣчалъ: «Былъ я полковникъ польскій, передался къ войску запорожскому съ шестью хоругвями и шелъ съ ними черезъ городъ Копысъ къ гетману Богдану; въ Копысѣ велѣли мнѣ ѣхать въ Москву; но я въ Москву ѣхать отказался; тогда меня хотѣли силою поворотить въ Москву; напали на меня ночью и стали бить моихъ людей, я также отбивался, но приступа къ городу никакого не дѣлалъ». Но малороссійскій сотникъ Дроздовичъ уличилъ его: по его показанію, Ѳедоръ, пришедши въ Копысъ на посадъ, сталъ бить и мучить жителей; воевода Толочановъ призвалъ его къ себѣ, угостилъ и сталъ ему говорить: «Для чего ты царскаго величества людей бьешь?» Тогда онъ на воеводу *фукнулъ*, пошелъ за городъ, и на другой день въ городъ стрѣлялъ и приступалъ; Толочановъ послалъ въ Могилевъ за войскомъ; явились московскіе солдаты, подошли къ отряду Ѳедора и послали сказать полковнику, чтобъ онъ переговорилъ съ ними, показалъ бы имъ царскую грамоту или приказъ гетманскій. Ѳедоръ отвѣчалъ: «Я вамъ покажу такую грамоту, что никто изъ васъ ногъ не унесетъ». Начался бой, и солдаты заставили Ѳедора уйти. Спросили Нечая: какъ смѣлъ свести царскіе солдатскіе гарнизоны и поставить свои козацкіе? Нечай отвѣчалъ: по гетманскому приказу, и показалъ грамоту, гдѣ Хмельницкій писалъ, чтобъ Нечай поставилъ козацкіе гарнизоны вездѣ, гдѣ стояли прежде Золота-

ренковы. Козаки-разбойники оправдали Нечая, показавши, что онъ не зналъ объ ихъ разбояхъ. Двое старшихъ изъ нихъ были повѣшены, другіе биты въ два кія до полусмерти по приказу Ждановича. Сотника Жуковскаго за разбой велѣлъ онъ казнить смертію; велѣлъ вывести отовсюду козацкіе гарнизоны.

Но надобно было удовлетворить и малороссіянъ, ибо сотники войска запорожскаго, стоявшаго въ Бѣлоруссіи, со всѣми товарищами били челомъ царю съ кровавыми слезами, что нестерпимыя обиды и смертное убійство терпятъ они отъ начальныхъ и ратныхъ людей московскихъ, находящихся подъ властію князя Ивана Борисовича Репнина, воеводы могилевскаго, мстиславскаго воеводы Дашкова и другихъ. При челобитной поданъ былъ длинный списокъ пограбленному. Стольникъ Леонтьевъ отправился для сыска. Могилевцы—священники, шляхта и чиновные горожане объявили Леонтьеву, что ничего не знаютъ о насиліяхъ воеводы князя Репнина черкасамъ. Сотенные люди сказали: «Воевода человѣкъ по сту черкасъ въ тюрьму сажалъ ли, не знаемъ; а нѣжинскихъ четырехъ козаковъ кнутомъ въ проводку билъ, за что—не знаемъ, и другихъ человѣка по два и по три бивали. Написаны въ росписи рѣзаные черкасы, но мы знаемъ, что ихъ четверыхъ порѣзали у вина, а кто рѣзалъ—не знаемъ; знаемъ, что воевода взялъ имѣніе по смерти одного козака, тогда какъ послѣ него остался братъ, имѣніе и этого брата было взято также вмѣстѣ съ имѣніемъ умершаго. Мстиславцы объявили, что не знаютъ объ обидахъ черкасамъ отъ государевыхъ людей; но они, мстиславцы, и маетности ихъ всѣ разорены черкасами. Ждановичъ обвинялъ шкловскаго воеводу, Василья Яковлева, что посылалъ солдатъ, которые выжгли деревни. Шкловцы на повальномъ обыскѣ объявили, что ничего объ этомъ не знаютъ и не слыхали, но что тѣснота имъ была отъ черкасъ большая, нельзя было за городъ выѣхать — непремѣнно ограбятъ черкасы.

Нечай, по отъѣздѣ Ждановича, продолжалъ разсылать гультяевъ по городамъ и селамъ, силою писать въ козаки шляхту и мужиковъ; а въ январѣ 1657 года самъ прислалъ въ Москву жалобу, что стоялъ онъ подъ Быховымъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, пошелъ на приступъ и былъ отбитъ, потому что Хованскій не помогъ ему. Но важнѣе были столкновенія съ самимъ Хмельницкимъ.

Мы видѣли, какъ поляки, при каждомъ удобномъ случаѣ, старались внушить, что Хмельницкому нельзя вѣрить, что онъ пересылается съ шведскимъ королемъ. Русскіе отвѣчали имъ обыкновенно, что это дѣло нестаточное; но другое было у нихъ на сердцѣ. Василій Васильевичъ Бутурлинъ далъ знать царю, что Хмельницкій во время похода своего съ нимъ подо Львовъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. Когда послѣ виленской коммиссіи царь далъ знать гетману о ея рѣшеніяхъ, то Богданъ 9 декабря 1656 года отвѣчалъ: «Какъ вѣрные вашего царскаго величества слуги, мы этимъ договоромъ усердно тѣшимся; только, какъ вѣрные слуги, о неправдахъ и хитростяхъ ляцкихъ вѣдомо чинимъ, что они этого договора никогда не додержатъ: они и прежде ничего не хотѣли сдѣлать съ людьми, обвиненными въ безчестіи вашему царскому величеству, отъ сейма до сейма черезъ десятъ лѣтъ все отволакивали и никакого исправленья не чинили, хотя это дѣло крестнымъ цѣлованіемъ и конституціею остережено было. Столь явная неправда ляцкая предъ Богомъ и предъ тобою оказывается, что они на вѣру нашу православную давно воюютъ и ей никогда желательными быть не могутъ; а теперь они этотъ договоръ для того сдѣлали, чтобъ, немного отдохнувъ и наговорившись съ султаномъ турскимъ, съ татарами и другими посторонними, на ваше царское величество снова воевать: ибо если они ляхи въ самомъ дѣлѣ ваше царское величество на корону польскую и великое княжество литовское выбираютъ, то для чего же воеводу Познаньскаго и каштеляна Войницкаго послали къ цесарю римскому просить брата его родного на королевство; послы эти 12 октября пріѣхали въ столицу цесарскую и вели переговоры во время конца коммиссіи виленской; прежде еще посылали Пражмовскаго къ Рагоци съ короною, скипетромъ и яблокомъ (державою), призывая его на королевство: все это знакъ явной неправды ляцкой! ясно, что они виленскаго договора не додержатъ, и кто знаетъ, будетъ ли еще этотъ договоръ принятъ на сеймѣ отъ всѣхъ чиновъ? Для вышерѣченной неправды мы ляхамъ никакъ вѣрить не можемъ, ибо знаемъ подлинно, что они православному народу нашему недоброхотны. Вторично, тебя великаго государя, единаго въ подсолнечной православнаго, царя молимъ: не подавай православнаго народа на поруганіе, о которомъ ляхи помышляютъ«.

Но православный царь не нуждался въ этой просьбѣ и предостереженіяхъ: онъ также хорошо, какъ и Хмельницкій, зналъ, что избраніе его въ короли болѣе чѣмъ сомнительно; оно могло состояться только при новыхъ успѣхахъ его оружія, а для этихъ успѣховъ было необходимо, чтобъ силы Великой и Малой Россіи были соединены какъ нельзя крѣпче. Но гетманъ запорожскій, преслѣдуя свои особные интересы, нарушая единство государственнаго движенія, наносилъ ударъ могуществу царя и тѣмъ самымъ усиливалъ ляховъ, къ которымъ питалъ такое нерасположеніе. 12 декабря кіевскій воевода Андрей Бутурлинъ далъ знать въ Москву: сказывалъ ему наказной кіевскій полковникъ Василій Дворецкій: «Гетманъ опасается гнѣва государева, сильно сомнѣвается насчетъ черкасъ, отправленныхъ имъ въ виленскую коммиссію и еще не возвратившихся, думаетъ, что ихъ задержали, что государь приказалъ отдать козаковъ попрежнему польскому королю и велѣлъ на нихъ идти войною; опасаясь этого, гетманъ созвалъ сеймъ, на которомъ всѣ полковники, есаулы и сотники дали слово стоять заодно на всякаго, кто на нихъ наступитъ. Кромѣ того Хмельницкій посылалъ къ Рагоци, къ воеводамъ волошскому и молдавскому, къ хану крымскому, чтобъ они были съ нимъ въ соединеньѣ: ото всѣхъ этихъ владѣтелей были у него послы и учинили договоръ: если кто на него наступитъ, то они будутъ ему помогать; послы крымскіе у гетмана бываютъ часто». Пріѣхалъ въ Кіевъ отецъ писаря Выговскаго, Астаѳій; воевода зазвалъ его къ себѣ, подпоилъ, и старикъ подтвердилъ ему слова Дворецкаго. Люди, посланные для вѣстей въ Чигиринъ, доносили, что Хмельницкій договорился съ Рагоци помочь ему овладѣть польскимъ престоломъ; замышляютъ отступить отъ государя гетманъ, да писарь и съ ними немногіе начальные люди, замышляютъ они это потому, что государь помирился съ королемъ, опасаются, что ихъ выдадутъ полякамъ; гетманъ хочетъ отложиться при первомъ гнѣвѣ государевомъ, но козаки и черные люди на такую неправду ему не помогаютъ; наконецъ Хмельницкій посылалъ къ Быховцамъ, чтобъ государю не сдавались, а сдались на его гетманское имя.

Карлъ X-й, когда еще мечталъ быть королемъ польскимъ, отправилъ къ Хмельницкому посла съ такимъ наказомъ: просить Хмельницкаго, чтобъ далъ знать, какого чина и какой власти ему

хочется? хочетъ ли онъ вольнаго удѣльнаго княжества при польскомъ рубежѣ, или хочетъ съ козаками своими вмѣстѣ съ короною польскою подъ шведскую защиту поддаться и при прежнихъ правахъ и вольностяхъ оставаться, или хочетъ онъ вассальныхъ правъ, съ обѣщаніемъ помогать королю и государству его ратными людьми и другими средствами. Указывать выгоды, которыя будутъ козакамъ, если они соединятся со шведами, потому что они отъ поляковъ никакой безопасности надѣяться не могутъ; если же соединятся со шведами, то стѣснятъ такъ поляковъ, что тѣ никакого зла имъ сдѣлать не будутъ въ состояніи, шведы будутъ оберегать козаковъ отъ насильства шляхты, а козаки за это будутъ стараться, чтобъ Польша никакимъ образомъ не отлучилась отъ шведскаго короля. Договариваться съ Хмельницкимъ о раздѣлѣ рубежа отъ Польши и отъ Москвы. Главное условіе договора должно состоять въ томъ, чтобъ онъ возбранялъ татарамъ входъ въ польскіе и литовскіе рубежи, чтобъ не ходили черезъ Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ; кромѣ того при всякой войнѣ Хмельницкій выставляетъ на помощь королю 40,000 человѣкъ на свой счетъ и держитъ ихъ въ службѣ три мѣсяца, по прошествіи которыхъ они, продолжая службу, будутъ получать на прокормъ изъ королевской казны, какъ и другіе ратные люди. Козаки должны обѣщаться ни съ какимъ государствомъ не соединяться и не договариваться безъ вѣдома королевскаго. Хмельницкій всякими мѣрами долженъ привести Москву къ тому, чтобъ она далѣе Березины не искала себѣ владѣній и чтобъ вся Литва осталась за шведами. Хмельницкій и козаки должны обѣщаться не начинать ни съ кѣмъ войны безъ воли королевской. Требовать, чтобъ въ большихъ городахъ можно было строить протестантскія церкви. Для удобства торговли выпросить часть земли у рѣкъ Днѣпра, Буга и Днѣстра, гдѣ бы строить амбары; также требовать мѣстъ надъ Днѣпромъ, гдѣ король хочетъ построить крѣпости противъ татаръ; козаки не должны позволять крестьянамъ, которые теперь на тѣхъ мѣстахъ живутъ, бѣгать и къ нимъ переѣзжать, а если перебѣгутъ, отдавать назадъ; земля эта, которой хочетъ король, простирается на 12 миль отъ истоковъ рѣки Тетери до ея устья въ Днѣпръ, по Днѣстру на островѣ и по обѣимъ сторонамъ на 4 мили, а еще бъ лучше, еслибъ уступили Кіевъ. Если Хмельницкій захочетъ быть удѣльнымъ, то воль-

но ему постановить у себя рѣчь посполитую козацкую, далъ бы козакамъ права и уложенье, какъ имъ жить и какъ наслѣдникамъ его властвовать. Остается у него во владѣніи только воеводство кіевское, а воеводство черниговское надобно уступить Москвѣ; если же Хмельницкій не согласится, то уступить ему воеводство брацлавское до Буга или даже до Ямполя, также можно уступить ему четвертую часть или половину торговыхъ пошлинъ. Если Хмельницкій захочетъ быть подъ королемъ шведскимъ голдовникомъ (вассаломъ), то уступить ему воеводство кіевское, и писаться ему княземъ кіевскимъ и черниговскимъ и гетманомъ войска запорожскаго. Хмельницкій долженъ быть въ такомъ же отношеніи къ королю, какъ курфюрстъ бранденбургскій или герцогъ курляндскій къ Польшѣ. Каждый новый гетманъ долженъ давать королю по 300,000 золотыхъ польскихъ; каждому новому королю долженъ давать 30,000 золотыхъ червонныхъ, также долженъ дарить королевскихъ сыновей, когда будутъ жениться, и дочерей, когда замужъ пойдутъ. Хмельницкій будетъ воленъ раздавать служилымъ своимъ людямъ маетности наслѣдственно или пожизненно; хорошо было бы, еслибъ Хмельницкій всѣмъ крестьянамъ, которые у него въ подданствѣ, велѣлъ оставаться въ домахъ своихъ, чтобъ они ему и начальнымъ его людямъ давали оброки денежные и пашни не пустошили; впрочемъ это полагается на волю Хмельницкаго. Относительно духовнаго чина все будетъ попрежнему; митрополитъ кіевскій не можетъ быть поставленъ безъ воли королевской.

Но въ началѣ 1657 года Карлъ X-й уже потерялъ надежду удержать за собою все королевство Яна Казимира, долженъ былъ искать союзниковъ и подѣлиться съ ними добычею: между Карломъ, Рагоци и Хмельницкимъ заключенъ былъ договоръ, по которому Украйна признавалась навсегда отдѣльною отъ Польши. Великая Польша, Данцигъ и Приморье отходили къ Швеціи, Малая Польша, Литва, Мазовія и Русь Галицкая доставались Рагоци; отрядъ козацкаго войска отправился къ послѣднему, чтобъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ поляковъ.

Какъ же Хмельницкій оправдывалъ свой поступокъ предъ царемъ московскимъ? Въ февралѣ 1657 года онъ писалъ, что пріѣзжалъ къ нему каштелянъ волынскій, Станиславъ Бенѣвскій, съ предложеніемъ передаться на сторону Яна Казимира, но что онъ,

гетманъ, никакъ на это не рѣшится; этотъ Бенѣвскій сказывалъ ему, что статьи виленской коммиссіи никогда не состоятся; приходилъ къ нему, гетману, и писалъ отъ цесаря бискупъ Марціанополитанскій также съ убѣжденіемъ перейти на сторону короля польскаго. «Вслѣдствіе такихъ хитростей и неправдъ», писалъ Хмельницкій, «пустили мы противъ ляховъ часть войска запорожскаго». Понятно, что въ глазахъ царя это письмо нисколько не оправдывало своеволія и явнаго нарушенія статьи, опредѣлявшей поведеніе гетмана относительно пословъ иностранныхъ, а тутъ еще вѣсти изъ Крыма: «Сказывалъ московскимъ посланникамъ переводчикъ: какъ онъ былъ у ближняго ханскаго человѣка Сефергазы-аги, то при немъ были посланники отъ Богдана Хмельницкаго пять человѣкъ и говорили, чтобъ ханъ попрежнему стоялъ за черкасъ и оберегалъ ихъ. Ближній человѣкъ замѣтилъ, что гетманъ учинился въ холопствѣ у государя московскаго: тогда черкасскіе посланцы отвѣчали ему: «Какъ гетманъ билъ челомъ въ подданство московскому царю, съ тѣхъ поръ отъ великаго государя никакой намъ помощи, заступленья и обереганья нѣтъ».

23 апрѣля Хмельницкій писалъ государю съ посланцемъ Коробкою: «Турецкій султанъ сбирается на Украйну въ союзѣ съ королемъ польскимъ и императоромъ Фердинандомъ; ханъ крымскій также готовъ со всѣми ордами, только не знаемъ, гдѣ хочетъ ударить. Все это дѣлается по наученію ляцкому, потому что ляхи искони извыкли прелестями своими разныя монархіи губить: такъ православныхъ россійскихъ князей прельстили и сѣдалища ихъ пресвѣтлыя ни во что обратили; а теперь ни о чемъ больше не промышляютъ, какъ только о томъ, чтобъ разорить православіе, что не разъ и ваше царское величество узналъ. Теперь ляхи, видя свою свыше отъ Бога назначенную погибелъ, вашему царскому величеству покоряются, а въ сердцахъ у нихъ ядъ змѣиной ярости кипитъ. Покоряются вашему царскому величеству, а сами къ султану турецкому пословъ отправляютъ, просятъ, чтобъ помогалъ имъ христіанъ воевать, и за эту помощь всѣ вашего царскаго величества украинскіе города обѣщаютъ, отъ Каменца Подольскаго начиная. Узнавши объ этомъ отъ владѣтеля молдавскаго, извѣщаемъ тебѣ и молимъ твое царское величество, не вѣрь отступникамъ ляхамъ. И то тебѣ, великому государю, извѣщаю, что, будучи недосужнымъ, за изволеніемъ всѣхъ полковни-

ковъ, поручилъ я гетманство сыну своему Юрію Хмельницкому, о которомъ низко челомъ бью, молю, чтобъ твое царское величество милостивъ къ нему былъ».

Посланецъ Коробка говорилъ въ приказѣ, что Богданъ за старостію и болѣзнію гетманство сдалъ сыну своему Юрію, за радою полковниковъ и всего войска; Юрію Хмельницкому 16 лѣтъ; булаву гетманскую ему дали, только власти никакой не будетъ имѣть при жизни отцовской, владѣть всѣмъ и гетманомъ называться и писаться будетъ отецъ его, Богданъ Хмельницкій. Гетманъ и войско, всѣ отъ мала до велика, желаютъ того, чтобъ изволилъ пріѣхать въ Кіевъ великій государь святѣйшій Никонъ патріархъ, и тамъ бы митрополита на митрополію, а гетманскаго сына на гетманство благословилъ.—Царь отвѣчалъ Хмельницкому, чтобъ онъ старался не перепускать турокъ черезъ Днѣстръ; относительно Юрія писалъ: «Вамъ бы, гетману, сыну своему Юрію приказать, чтобъ онъ намъ, великому государю, служилъ вѣрою и правдою, какъ вы, гетманъ, служили; а мы, увидя его вѣрную службу и въ цѣлости сохраненную присягу, станемъ держать его въ милостивомъ жалованьѣ».

Хотя Хмельницкій и писалъ, что передалъ гетманство сыну по изволенію всѣхъ полковниковъ, однако не всѣ полковники изволяли на это. Богданъ свѣдалъ, что миргородскій полковникъ Грицка Лесницкій прочитъ гетманство Выговскому. Старикъ велѣлъ призвать ихъ обоихъ къ себѣ. Лесницкаго хотѣлъ казнить смертью, а Выговскаго велѣлъ передъ собою расковать по рукамъ лицомъ къ землѣ; и держалъ его въ такомъ положеніи мало не цѣлый день «пока у Богдана сердце ушло»; писарь лежалъ па землѣ, все плакалъ, и гетманъ наконецъ простилъ его.

19 апрѣля отправился къ Хмельницкому окольничій Ѳедоръ Васильевичъ Бутурлинъ да дьякъ Василій Михайловъ. 23 мая пріѣхали они въ Гоголево, гдѣ были встрѣчены старикомъ Астаѳьемъ Выговскимъ и священниками съ образами и хоругвями; Выговскій просилъ пословъ проводить честныя иконы до церкви, а изъ церкви позвалъ ихъ къ себѣ обѣдать. За обѣдомъ Бутурлинъ началъ разспрашивать старика о дѣлахъ малороссійскихъ, и Астаѳій, выславши всѣхъ людей вонъ, началъ говорить: «Въ прошломъ году, когда царскіе послы, князь Одоевскій съ товарищами, заключили съ поляками мирный договоръ, то, по указу царскаго

величества, отправлены были туда въ Вильну и посланцы отъ гетмана Богдана Хмельницкаго и всего войска запорожскаго. Когда эти посланцы пріѣхали назадъ, то, ухватя гетмана за ноги и облившись слезами, завопили: «Згинуло войско запорожское въ Малой Россіи, нѣтъ ему помощи ни откуда, некуда ему дѣться! На какихъ мѣрахъ у царскихъ пословъ съ польскими коммиссарами учинился договоръ, про то намъ отнюдь ничего невѣдомо: царскіе послы не только съ нами ни о чемъ не совѣтовались, не только въ посольскій шатеръ не пускали, но и до шатерныхъ полъ далеко не допускали, словно псовъ въ церковь; а ляхи намъ сказывали, что царскіе послы постановили договоръ по Поляновскимъ статьямъ, и войску запорожскому со всею Малороссіею быть въ королевской сторонѣ попрежнему, и если козаки въ послушаніи у ляховъ не будутъ, то царское величество станетъ ляхамъ на козаковъ помогать». Выслушавъ эти вѣсти, полковники начали быть въ великомъ сомнѣніи, какими это мѣрами такъ надъ ними учинилось? а гетманъ Хмельницкій, какъ шальной, въ изступленіи ума завопилъ: «Дѣти, не горюйте, я уже знаю какъ сдѣлать; надобно отступить отъ царской руки, а пойдемъ гдѣ великій владыка повелитъ быть, не подъ христіанскимъ государемъ, такъ подъ бусурманомъ», и велѣлъ посылать по всѣмъ полковникамъ, звать на раду. Тутъ сынъ мой, писарь Иванъ, ухватясь за ноги у гетмана, сталъ говорить ему наединѣ: «Гетманъ, надобно это дѣло дѣлать безъ запальчивости, разузнать, какъ что сдѣлано, послать къ царскому величеству и провѣдать подлинно, за какія наши вины такъ сдѣлано? а присяга дѣло великое, нарушить ее нельзя, за это самъ Высшій Творецъ будетъ мстителемъ». И къ полковникамъ, которые въ то время были при гетманѣ, сынъ мой забѣгалъ и говорилъ съ плачемъ, чтобъ не отлучаться отъ высокой руки царскаго величества и не слыть по всему свѣту измѣнниками. Гетманъ сына моего не послушалъ, прямо отказалъ, что никакъ нельзя остаться подъ царскою рукою за такое государево немилосердіе. Дѣти мои, Иванъ и Данило, уговаривали полковниковъ, чтобъ не дѣлать этого, собрали раду, и на радѣ полковники гетману отказали впрямь, что они отъ государя не отступятъ и по всему свѣту измѣнниками слыть не хотятъ: нестаточное дѣло, говорили они, чтобъ царское величество, показавъ свое милосердіе надо всѣми нами, высвободя насъ отъ непріятельскихъ рукъ,

отдалъ бы опять врагамъ христіанскимъ. И едва гетмана уговорили. А Богданъ Хмельницкій сильно ошалѣлъ, и въ болѣзни на всякаго сердится: лучше умереть или побѣжать куда, чтобъ только его не видать. Сынъ мой, писарь Иванъ, говорилъ мнѣ, что «на гетманово злодѣйство и неправду никакими мѣрами угодить нельзя: еслибъ не ты да не матка, то я бы давно отъ горести сердечной побѣжалъ къ царскому величеству, или въ иныя государства; и для вѣрной услуги царскому величеству теперь сынъ мой Иванъ женился на шляхтянкѣ благочестивой христіанской вѣры, на дочери Богдана Станѣевича, у котораго маетности въ Оршанскомъ повѣтѣ, на своихъ земляхъ они и Кутеинскій монастырь построили, а другой мой сынъ Константинъ женился на дочери Ивана Мещерскаго, и хотятъ бить челомъ великому государю, чтобъ велѣлъ маетности ихъ дать имъ, также какъ царская милость была и къ инымъ шляхтичамъ».

3 іюня, не доѣзжая до Чигирина верстъ за десять, Бутурлинъ былъ встрѣченъ миргородскимъ полковникомъ Григоріемъ Лесницкимъ, который объявилъ о себѣ, что онъ сдѣланъ наказнымъ гетманомъ надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, чтобъ идти противъ крымскаго хана; стоитъ онъ въ десяти верстахъ отъ Чигирина и сбирается съ войскомъ, а крымскій ханъ со всѣми ордами переправился за Днѣпръ подъ Очаковымъ и стоитъ въ недальнихъ мѣстахъ. «Теперь», говорилъ Лесницкій, «слухъ до насъ доходитъ, что его царское величество, неизвѣстно по какимъ нашимъ винамъ, гнѣвъ свой на насъ положилъ и хочетъ послать на насъ ратныхъ воинскихъ людей; однако мы женъ своихъ и дѣтей оставимъ безо всякаго опасенья, хотя и постигнетъ насъ мечъ его царскаго величества; мы подложимъ головы свои подъ мечъ этотъ безо всякаго сопротивленія: буди во всемъ воля великаго государя нашего».

Бутурлинъ отвѣчалъ: «Это вамъ кто-нибудь наговорилъ воровски, на ссору: великій государь держитъ васъ въ своей милости и жалованьѣ, и вамъ бы ему служить, а воровскимъ рѣчамъ, смутнымъ рѣчамъ не вѣрить, а служба ваша у великаго государя забвенна не будетъ».

Верстъ за пять отъ Чигирина встрѣтили Бутурлина сынъ Хмельницкаго Юрій, писарь Выговскій, есаулъ Иванъ Ковалевскій, съ ними козаковъ конныхъ человѣкъ съ двѣсти; Юрій ска-

залъ Бутурлину: «Не погнѣвайтесь, что отецъ мой самъ не выѣхалъ къ вамъ на встрѣчу: онъ очень боленъ». На другой день Бутурлинъ былъ у гетмана, котораго нашелъ въ постели. По причинѣ болѣзни Богданъ отказался слушать рѣчи посольскія о великихъ государевыхъ дѣлахъ, отложилъ до другого раза; Бутурлинъ за это отказался было обѣдать у него, но потомъ согласился, когда гетманъ объявилъ, что онъ почтетъ это за знакъ государевой немилости къ нему. За столъ сѣли и потчивали пословъ гетманова жена Анна и дочь Катерина, жена Данила Выговскаго, писарь Иванъ Выговскій и есаулъ Иванъ Ковалевскій, а самъ гетманъ за столомъ сидѣть не смогъ, лежалъ на постели. Въ половинѣ стола Богданъ велѣлъ налить себѣ кубокъ венгерскаго, всталъ и, поддерживаемый слугами, пилъ за здоровье государя, царскаго семейства, за патріарха Никона, милостиваго заступника и ходатая.

На другой день Бутурлинъ разспрашивалъ писаря Выговскаго о вѣстяхъ: тотъ, взирая на образъ Спасовъ, перекрестя лице свое, съ великими клятвами говорилъ, что Хмельницкій и онъ, писарь, и все войско запорожское великому государю во всемъ истинные слуги и подданные безо всякой шатости; съ шведскимъ королемъ, съ Рагоци, съ молдаванами и волохами гетманъ соединился не для чего иного, только на славу, честь и хвалу великому государю. Великій государь съ поляками договоръ велѣлъ учинить по поляновскимъ статьямъ, войску запорожскому быть попрежнему къ коронѣ польской: гетманъ и все войско запорожское о томъ опечалились, а поляки обрадовались покою, начали злохитрствовать, забѣгать во многія государства, чтобъ они вмѣстѣ съ ними войско запорожское и православныхъ христіанъ воевали. Тогда гетманъ послалъ къ венгерскому, молдавскому и волошскому владѣтелямъ о дружбѣ; тѣ обрадовались и присягнули въ вѣчной дружбѣ. Это сдѣлано великому государю на вѣчную славу, что такіе честные владѣтели царскаго величества подданнымъ учинились въ дружбѣ и братствѣ и на недруговъ великаго государя въ соединеніи; а полковникъ Антонъ Ждановичъ ходилъ на поляковъ не для того, чтобъ Рагоци быть на коронѣ польской, а только для того, чтобъ поляки съ окрестными государями дружбою не сносились и подданныхъ царскаго величества не разоряли. Бутурлинъ отвѣчалъ: «Намъ въ великое

подивленье, какими мѣрами то чинится, что у гетмана и войска запорожскаго съ непріятелемъ царскаго величества, шведскимъ королемъ, ссылка и соединеніе, и всякое доброхотство отъ великаго государя переносится на шведскаго короля да на Рагоци венгерскаго, и войско запорожское всякое вспоможенье чинитъ непріятелямъ царскаго величества безъ воли и повелѣнья великаго государя. Дѣлаете вы это, забывъ страхъ Божій и свое обѣщаніе, данное предъ св. Евангеліемъ; корону польскую, на которую избрали великаго государя нашего, разоряете, крови христіанскія проливаете, православнымъ церквамъ Божіимъ и православнымъ христіанамъ, живущимъ въ Польшѣ, отъ кальвиновъ разореніе и оскверненіе чинится многое, такъ что и слышать страшно: блюдитесь, чтобъ вамъ за такія неправды не навести на себя гнѣва Божія!»

Наконецъ Богданъ прислалъ звать къ себѣ Бутурлина на личное свиданіе. Посолъ повторилъ и ему тѣ же самыя слова, какія говорилъ Выговскому. Богданъ вспыхнулъ: «Отъ шведскаго короля», сказалъ онъ, «я никогда отлученъ не буду, потому что у насъ дружба давняя, больше шести лѣтъ; шведы люди правдивые, всякую дружбу и пріязнь додерживаютъ, слово свое держатъ; а царское величество надо мною и надо всѣмъ войскомъ учинилъ было немилосердіе свое: помирясь съ поляками, хотѣлъ было насъ отдать имъ въ руки; а теперь слухъ до насъ доходитъ, что государь изволилъ послать изъ Вильны противъ насъ, шведовъ и венгровъ, ляхамъ на помощь 20,000 ратныхъ людей; а мы, когда еще и не были у царскаго величества въ подданствѣ, великому государю служили, крымскаго хана воевать московскія украйны не пускали девять лѣтъ, и теперь мы отъ царской высокой руки неотступны и идемъ воевать съ непріятелями царскаго величества, хотя бы мнѣ отъ нынѣшней моей болѣзни и смерть приключилась, для того веземъ съ собою и гробъ. Вѣрѣ христіанской никогда я разорителемъ не буду: были съ нами въ союзѣ и бусурманы, крымскіе татары, и тѣ меня слушали, бились за церкви Божіи и за вѣру православную. Великому государю во всемъ воля; только мнѣ диво, что бояре ему ничего добраго не посовѣтуютъ: короною польскою еще не овладѣли и мира въ совершенье еще не привели, а уже съ другимъ государствомъ, со шведами, войну начали, а шведскій король силенъ, у него

въ союзѣ шестнадцать земель; и еслибы я не соединился со шведами, венграми, молдаванами и волохами, то соединились бы съ ними поляки, и насъ всѣхъ въ Малой Россіи вырубили бы и выжгли, царскаго величества рати къ намъ на помощь не подоспѣли, мы бы всѣ згинули, а потомъ и россійскому государству было бы нерадостно жь».

Бутурлинъ отвѣчалъ: «Гетманъ! стыдно тебѣ говорить такія непристойныя слова! Надобно бы тебѣ помнить Бога и присягу свою, какъ обѣщался великому государю служить и прямить и всякаго добра хотѣть; надобно было тебѣ помнить царскаго величества милость и отъ непріятелей оборону; а теперь за помощію войска запорожскаго шведскій король и Рагоци побрали въ Польшѣ много городовъ и великое, неизреченное богатство пограбили; блюдитесь, чтобъ вамъ за ваши неправды не навести на себя гнѣва Божія! Когда побѣдою царскаго величества поляки учинились безсильны, то на разоренье и на грабежъ много у васъ друзей стало; а какъ непріятели ваши польскіе и литовскіе люди вамъ были страшны и сильны, то освободиться отъ нихъ никто вамъ не помогъ, только одинъ великій государь нашъ. Когда вамъ отъ непріятелей было тѣсно, то ты, гетманъ, съ послами великаго государя говаривалъ поласковѣе; а теперь ты говоришь съ большими пыхами, невѣдомо по какой мѣрѣ. Тебѣ самому памятно, какъ приходилъ я со многими ратными людьми тебѣ на помощь противъ поляковъ и крымскихъ татаръ: въ то время ты былъ очень низокъ и къ намъ держалъ любовь большую; носи платье разноцвѣтное, а слово держи одинакое. Неправды шведскаго короля не только великому государю нельзя было терпѣть, но и ты бы не стерпѣлъ; а служба твоя великому государю извѣстна и никогда у него забвенна не будетъ; теперь великій государь тебя держитъ въ милости и великой чести, и впередъ на царскую милость будь надеженъ, а непристойныя и высокія мѣры отъ себя отложи. У великаго государя и въ мысли того не было, чтобъ отдать васъ польскому королю; да и то дѣло несхожее, что государь послалъ на васъ изъ Вильны 20,000 ратныхъ людей: это кто-нибудь сказалъ на ссору, такъ тебѣ бы этому не вѣрить; царское величество васъ всѣхъ православныхъ христіанъ единовѣрныхъ держитъ въ своей милости».

Рѣзкая правда въ началѣ рѣчи и мягкій конецъ произвели свое

дѣйствіе; старикъ пріутихъ и отвѣчалъ: «Я вѣрный подданный царскаго величества и никогда отъ его высокой руки не отлучусь; царскаго величества милость и оборона намъ памятны; и за то готовы мы также царскому величеству служить и головъ своихъ не щадить. Только теперь дайте мнѣ покой; подумавши обо всемъ, вамъ отвѣтъ учинимъ въ другое время потому: я страдаю отъ тяжкой болѣзни, не могу говорить». Постлали скатерть на столъ и больной попросилъ Бутурлина по-пріятельски отобѣдать у него чѣмъ Богъ послалъ; жена и дочь его попрежнему потчивали.

На другой день, 10 іюня, пришелъ къ Бутурлину писарь Выговскій и сказалъ: «Гетманъ велѣлъ вамъ сказать добрый день и о вашемъ здоровьѣ спросить, на вчерашнее же не сердитесь, потому что гетманъ очень боленъ, простите, что въ тяжкой своей болѣзни запальчиво говорилъ: въ болѣзни своей теперь на всѣхъ сердится, уже нравъ такой, насъ всѣхъ бранитъ, подойти нельзя! Гетманъ велѣлъ спросить: донесъ ли царскому величеству стольникъ Кикинъ о желаніи гетманскомъ написать къ шведскому королю о его неправдахъ?» Бутурлинъ отвѣчалъ, что Кикинъ донесъ объ этомъ: пусть гетманъ пишетъ къ королю и пусть тотъ исправится предъ государемъ. «Но», прибавилъ посолъ, «перехвачена литовскими людьми грамота гетманская къ шведскому королю, въ которой Хмельницкій пишетъ, подкрѣпляя договоръ свой съ королемъ, и ожидая отъ него великихъ пословъ». Выговскій отвѣчалъ: «Шведскіе послы должны быть сюда скоро; но въ грамотѣ не написано, что гетманъ подкрѣпляетъ договоръ свой, гетманъ писалъ только о дружбѣ, пріязни и любви». Бутурлинъ сказалъ на это: «Писарь Иванъ Выговскій! помни къ себѣ милость и жалованье великаго государя, служи и работай ему истиннымъ сердцемъ, правою душою, безо всякой хитрости и обману, а у царскаго величества твоя служба и работа незабвенна!» Выговскій, по обычаю своему, клялся страшными клятвами, что служитъ великому государю всею душою, гетмана и полковниковъ укрѣпляетъ и отъ всякой шатости отводитъ, и въ знакъ прямой службы и вѣрнаго подданства женился на православной, и хочетъ просить, чтобъ тестевы имѣнія въ оршанскомъ повѣтѣ перешли къ нему и женѣ его, а онъ великому государю вѣрный подданный до конца жизни.

12 іюня пріѣхали къ гетману шведскіе и венгерскіе послы;

Бутурлинъ послалъ за Выговскимъ и спросили его, зачѣмъ пріѣхали послы? Писарь отвѣчалъ, что Карлъ X-й прислалъ о дружбѣ и любви съ гетманомъ и со всѣмъ войскомъ запорожскимъ. 13 числа гетманъ прислалъ звать къ себѣ царскихъ посланныхъ на разговоръ и встрѣтилъ ихъ такою рѣчью: «Увѣряю, что ни я, никто другой изъ живущихъ въ Малой Россіи отъ высокой руки царскаго величества не отступенъ; просимъ васъ донести до царскаго величества наше моленіе и просьбу, чтобъ великій государь не вѣрилъ обличеніямъ на насъ; а что мы прибрали къ себѣ въ товарищество шведа и Рагоци, не обославшись съ великимъ государемъ, то это сдѣлали мы изъ страха, потому что ляхи задаютъ фантазіи великія, подъ клятвою утверждаютъ, что царское величество насъ отдалъ имъ, да и для того, чтобъ ляхи не соединились со шведомъ и Рагоци. Думаемъ, что шведъ мирному договору будетъ радъ, а если мириться не захочетъ, то въ то время на шведскаго короля иной способъ учинимъ; а теперь бы начатое дѣло съ ляхами къ концу привесть, чтобъ всѣми великими потугами съ обѣихъ сторонъ, и съ царскаго величества, и съ шведской, ляховъ бить, до конца искоренить и съ другими государствами соединиться не дать; а мы знаемъ навѣрное, что словомъ ляхи великаго государя на корону избирали, а дѣломъ никакъ то не сталось, какъ видно изъ грамоты ихъ къ султану, которую я отослалъ къ царскому величеству».

Бутурлинъ, ничего не отвѣчая на это, началъ свои рѣчи. «Въ прошломъ 1655 году ходили вы на ляховъ вмѣстѣ съ бояриномъ Васильемъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, пришли подъ первый городъ Гусятинъ, боярскаго полка люди начали къ нему приступать и на городъ взошли, а ты, гетманъ, велѣлъ ихъ отъ города отбивать и на томъ отбоѣ многихъ людей посѣкли, а по тѣмъ людямъ, которые взошли было на городъ, изъ пушекъ стрѣляли. Бояринъ послалъ къ тебѣ дворянъ спросить, что̀ это значитъ? ты отвѣчалъ, что Гусятинцы прислали къ тебѣ бить челомъ, что сдадутся. Когда подо Львовъ подошли государевы ратные люди и хотѣли надъ нимъ чинить промыслъ, то ты, гетманъ, промысла никакого чинить не далъ, а взялъ съ города пятьдесятъ тысячъ золотыхъ червонныхъ; а какъ посылали подъ Люблинъ Данила Выговскаго, да Петра Потемкина, то въ Люблинѣ взяты взятьемъ только посады, а за̀мочекъ сдался, и въ за-

мочкѣ этомъ тамошнимъ людямъ тѣсноты никакой не чинили же и людей не выводили. А теперь которая шляхта великому государю присягнула и на маетности свои получила жалованныя грамоты, чтобъ жить безопасно, то черкасы Нечаева полка разоряютъ ее, изъ маетностей выгоняютъ, иныхъ побиваютъ, крестьянъ отъ пашни отлучили и произвели такой голодъ, какого давно не слыхано, не только что мертвечину и всякую нечистоту, но и человѣческое мясо ѣдятъ: и на то смотря, другимъ полякамъ въ литвѣ подъ царскую руку поддаваться опасно. Когда полномочные царскіе послы говорили съ польскими коммиссарами въ Вильнѣ объ избраніи царскаго величества на корону польскую, и польскіе коммиссары соглашались, лишь бы только права и вольности ихъ не были нарушены и маетностей не отнимали, въ то время ты, гетманъ, во всемъ полагался на государское изволеніе, а теперь говорилъ стольнику Кикину и дьяку Ѳомину, что если царское величество съ польскимъ королемъ и помирится, то ты съ поляками никогда въ согласіи не будешь, либо ихъ разоришь, либо самъ пропадешь. Такимъ образомъ въ словахъ твоихъ нѣтъ постоянства: сперва ты подъ Гусятинымъ говорилъ: хотя бы поддавались не только поляки, но и татары и жиды, и тѣхъ для чего не принять? тѣснить ихъ ни въ чемъ не годится; а теперь поляки сами желаютъ быть подъ царскою рукою, и тебѣ какое пріобрѣтеніе, если отъ вашего гоненія и тѣсноты они поддадутся шведскому королю или Рагоци?»

Гетманъ отвѣчалъ: «Правда, что подъ Гусятинымъ города добывать мы не давали, не потому, что ляховъ берегли, а потому, что въ тѣхъ городахъ много православныхъ христіанъ, а мыслили мы начальное и главное дѣло— войска кварцяныя и гетмановъ побивши, идти далѣе въ Польшу и тамъ добывать коронныхъ городовъ, въ которыхъ ляхи живутъ. Но этому нашему замыслу послушными быть не захотѣли, пошли за грабежомъ и гонялись за корыстью. А со Львова хотя что и взято, и то роздано ратнымъ бѣднымъ людямъ. Мы знаемъ, кто сами себѣ честь получили больше того, но мы ихъ передъ царскимъ величествомъ не выдаемъ; чтобъ царское величество надъ нами милость показалъ, тѣмъ, которые доносятъ на насъ невинно, вѣрить не велѣлъ; а я хотя бы и шальной былъ, то не могъ бы велѣть побивать изъ пушекъ царскихъ людей, единовѣрныхъ православныхъ христіанъ.

Къ Ивану Нечаю послалъ я нарочно листы, чтобъ шляхтѣ кривдъ никакихъ не чинили».

Бутурлинъ продолжалъ: «Въ дорогѣ мы слышали отъ всякихъ людей, что была у тебя рада, и на той радѣ сдалъ ты гетманство сыну своему Юрью: и тебѣ бы велѣть сыну своему въ церкви Божіей, предъ святымъ Евангеліемъ, при насъ присягнуть на подданство великому государю, государынѣ и царевичу Алексѣю Алексѣевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Видите сами, что я сильно боленъ и въ старости, и я поговорилъ съ полковниками, чтобъ попомнили свою службу, промыслъ и радѣнье, по смерти моей выбрали на запорожское гетманство сына моего Юрія; а нынѣ, пока живъ буду, гетманство и всякое старшинство держу при себѣ, а когда по моей смерти сдѣлается гетманомъ сынъ мой Юрій, то онъ царскому величеству присягу учинитъ».

Слѣдовала статья потруднѣе: «По указу великаго государя», говорилъ Бутурлинъ, «велѣно въ Кіевѣ стрѣльцамъ жить съ женами и дѣтьми и дать имъ подъ дворы мѣста и подъ пашни земли, чтобъ стрѣльцы въ Кіевѣ отъ непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ всегда были готовы; но въ Кіевѣ полковникъ и войтъ безъ твоего гетманскаго письма подъ стрѣлецкіе дворы мѣстъ не даютъ, и стрѣльцы съ женами и дѣтьми живутъ по шелашамъ, и вы сами городу отъ непріятелей разоренье навести хотите, потому что стрѣльцы въ Кіевѣ безъ дворовъ жить не станутъ и побредутъ врознь, и если безъ ратныхъ осадныхъ людей что надъ Кіевомъ учинится, и то будетъ отъ васъ: такъ ты бы отписалъ въ Кіевъ поскорѣе, что мѣста и земли велѣлъ отвести». Гетманъ отвѣчалъ: «Въ Кіевѣ я давно не бывалъ; у кого и подъ городомъ отняты земли, отъ тѣхъ до сихъ поръ хлопоты и плачъ великій, на чужихъ земляхъ трудно поселить, это значитъ право нарушить». Тутъ писарь Выговскій и есаулъ Ковалевскій стали кричать: «Какъ это можно отнимать собственныя стародавныя мѣста, которыя даны церкви прежними князьями русскими и королями польскими, также собственные домы и земли козацкіе и мѣщанскіе отнять и отдать стрѣльцамъ! Этимъ наведемъ на себя лютую бѣду! Ляхи у гетмана отняли стародавную маетность Субботову, и за ту кривду до сихъ поръ кровь льется; въ Кіевѣ можно пробыть и безъ московскихъ стрѣльцовъ, такими малыми людьми отъ непріятеля не оборониться». И отказали впрямь. Бу-

турлинъ возражалъ: «Отговариваетесь мимо всякой правды, неделомъ; можно дать стрѣльцамъ земли митрополичьи, монастырскія, козацкія, мѣщанскія, а старымъ владѣльцамъ дать въ замѣнъ земли гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, хотя бы и больше прежняго. Пристойное ли вы дѣло говорите, что стрѣльцамъ и солдатамъ въ Кіевѣ не быть; гдѣ по указу царскаго величества честные люди бываютъ въ городахъ воеводами, и для ихъ чести и для обороны и для непріятельскихъ безвѣстныхъ приходовъ живутъ конныя и пѣшія рати многія. Ты, гетманъ, самъ пишешь къ государю, что турки и татары идутъ на Малороссію, а въ Кіевѣ осадные люди только одни мѣщане, и тѣхъ немного, для своихъ торговыхъ промысловъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Царскіе стрѣльцы и солдаты пріѣхали въ Кіевъ другой годъ и до сихъ поръ не имѣютъ гдѣ головы приклонить, скитаются съ женами и малыми дѣтьми между дворовъ, и морозъ, и дождь, и слякоть, и солнечный жаръ терпятъ и многіе помираютъ. Вамъ, писарю и есаулу, приставать къ гетмановымъ словамъ непригоже и говорить шумно негодится: это обычай негодныхъ людей. Въ домахъ своихъ вы не только челядникамъ своимъ покой строите, но и псамъ конуры, и лошадямъ конюшни, и скотинѣ хлѣвы; а царскаго величества ратные люди не имѣютъ гдѣ головы приклонить. Какъ вы Бога не боитесь и стыда не имѣете: это ли братская любовь?» Гетманъ отвѣчалъ: «Подумавши какъ это сдѣлать, дамъ вамъ знать».

У Бутурлина была еще статья: «Царскому величеству вѣдомо учинилось: говоришь ты, гетманъ, что царское величество къ тебѣ и ко всему войску запорожскому милостивъ, а бояре васъ ненавидятъ и службы прямыя ваши до государя не доносятъ; это тебѣ про бояръ кто-нибудь сказывалъ на ссору, ложно; боярамъ тебя ненавидѣть не за что, а служба твоя великому государю и боярамъ его вся извѣстна и ничто отъ великаго государя не утаено: и тебѣ бы такимъ смутнымъ воровскимъ рѣчамъ не вѣрить».

На другой день, 14 іюня, пришелъ къ Бутурлину Выговскій и объявилъ, что въ Кіевъ уже отправленъ Иванъ Воловичъ для пріискиванія мѣста стрѣльцамъ. Бутурлинъ выговорилъ Выговскому за его вчерашнія *шумныя и развратныя* рѣчи; но Выговскій отвѣчалъ: «Говорилъ я такъ по гетманову приказу, а всѣхъ

пуще въ томъ дѣлѣ помѣшку чинитъ есаулъ Иванъ Ковалевскій: со мною передъ гетманомъ сильно споритъ; хотя бы ему какой-нибудь подарокъ дать, чтобъ онъ въ этомъ дѣлѣ не мѣшалъ».

Это были послѣдніе переговоры съ Богданомъ: 27 іюля знаменитаго гетмана уже не было въ живыхъ [98].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. O jednosci Kosciola Bozego, i o Greckim od tey iednosci odstapeniu, z przestrogą y upominanim do narodow Ruskich, pr. Piotrą Skargę 1577.

2. O rzadzie y iednosci Kosciola Bozego.

3. Сборникъ синодал. библіотеки, № 790.

4. Тамъ же.

5. Рукоп. Импер. библіот.. отд. I, № 243.

6. Сборникъ синод. библіот., № 790; рукоп. Имп. публ. библ. польск. отд., in fol. 223.

6b. Рукоп. библ. главн. штаба, № 26902.

7. Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла Малорос. годъ 1620.

8. Тамъ же, годъ 1625, разсказъ Запорожскихъ посланцевъ.

9. Тамъ же, разсказъ попа Филиппа, пріѣхавшаго въ Путивль въ декабрѣ 1625 г.; Польск. рукоп. Имп. публ. библ., № 96.

10. Арх. мин. ин. д., дѣла Малорос. 1625 и дѣла турецкія 1637 г.

11. Тамъ же, дѣла греческія 1626 г., вѣсти въ Москву изъ малорос. монастырей.

12. Тамъ же, дѣла Малорос., вѣсти отъ марта 1627.

13. См. Исторію Россіи, т. IX, стр. 183.

14. Рукопись Имп. публ. библ., польск. отд., № 94.

15. Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла польскія, связка 49.

16. Тамъ же, дѣла греческія означ. года.

17. Кромѣ означенныхъ выше неизданныхъ источниковъ, при обработкѣ этой главы авторъ пользовался слѣдующими изданными сборниками актовъ и сочиненіями: Акты, относящ. къ Ист. Западной Россіи, т. IV; Supplement. ad histor. Russ. monum.; Памятники, изд. временною Кіевскою коммиссіею; Архивъ Югозападной Россіи, изд. тою же коммиссіею; Собраніе древн. грам. и акт. городовъ Вильны, Ковно и проч.; Густинская лѣтопись (пол. собр. русск. лѣтоп. т. II); Лѣтопись Львов-

скаго братства (журн. мин. нар. просв., 1849 г.); акты Южной и Западной Россіи; Зубрицкаго — начало уніи (Чтенія Москов. ист. общ.); Бантышъ-Каменскаго — историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи; Lukaszewicza — Dzieje Kosciolów wyznania Helweckiego w Litwie; его же: Historya Szkól w Koronie i w W. K. Litewskim; митр. Евгенія— Описаніе Кіево-Софійскаго собора; Макарія— *Исторія Кіевской Академіи*; Актъ о коммиссіи на Медвѣжьихъ Лозахъ (въ приложеніяхъ къ Истор. Малорос. Маркевича); *Лѣтопись Самовидца* (въ Чтеніяхъ Москов. истор. общ.); *Бѣлозерскаго*—Южнорусскія лѣтописи; Pamietniki do panowania Zygmunta III, Wladyslawa IV i J. Kazimierza; Sekowskiego—Collectanea; Okolskiego—Continuatio diariusza.

18. Сѣверный Архивъ 1822 года: письмо одного шведа изъ Москвы въ 1647 году. Здѣсь подлѣ Морозова и Чистаго упоминается еще князь Трубецкой—Романъ Никитичъ. Должно быть Алексѣй Никитичъ.

19. Главный Московск. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла датскія 1645 года.

20. Тамъ же, дѣла польскія означеннаго года.

21. Тамъ же, приказныя дѣла 1646 года, № 77.

22. Тамъ же, дѣла турецкія 1645 — 48 года. Кузовлевъ былъ отпущенъ изъ Константинополя въ декабрѣ 1648 года.

23. Дворцовые разряды, т. III; Моск. гл. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла донскія 1646 года, св. 3.

24. Тамъ же, дѣла польскія 1646 и слѣдующихъ годовъ.

25. Акты арх. эксп. т. IV, № 13.

26. Тамъ же, № 6, 14, 21, 24.

27. Собр. госуд. грам. и догов. III, № 124.

28. Письма Фербера—Сѣверный Архивъ 1822 года; Котошихина Россія въ царств. Алекс. Мих., стр. 5; Коллинсъ въ Чтеніяхъ Московс. ист. общ.); Собр. госуд. грам. и догов. III, № 155, Акты историч. IV, № 59; Акты арх. эксп. IV, № 18.

29. Дворцовые разряды, т. III, стр. 93; Олеарій; Акты арх. эксп. IV, № 29; Mayerberg—Iter, p. 61.

30. Житіе Никона—Шушерина, по рукописи Москов. историч. общества.—О родинѣ патріарха Никона—Москвитянинъ 1844, № 19.

31. Собр. госуд. гр. и догов. III, № 129.

32. Акты арх. эксп. IV, № 35, 36, 39.

33. Сбор. госуд. гр. и догов. III, стр. 443; Уложеніе, гл. XXV, ст. 16.

34. Собр. гос. гр. и дог. III, № 138.

35. Моск, главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла приказныя 1649 г., № 41.

36. Тамъ же, дѣла 1648 года, № 87, 1649 г., № 8.

37. Тамъ же, дѣла 1649 года, № 19, 20; дѣла 1650 г., № 31.

38. Тамъ же, дѣла шведскія, связка 39, 6. — О нѣкоторыхъ заводчикахъ Новгородскаго мятежа находятся любопытныя извѣстія въ слѣдующемъ дѣлѣ: когда стольникъ князь Семенъ Урусовъ сдалъ Новгородское воеводство Хилкову, то на него, Урусова, били челомъ (марта 26, 1648 года) посадскіе люди: Микифорка Хамовъ, Микифорка Микляевъ, Игнашка Солодовникъ, Первушка Колачникъ, да Пятницкій церковный дьячекъ Лучка Максимовъ, да посадскій человѣкъ Алеша Шапочниковъ; потомъ Солодовниковъ, Калачникъ и дьячекъ помирились съ Урусовымъ. Дѣло Хамово было слѣдующее: его обвинили передъ Урусовымъ въ продажѣ вина; Урусовъ велѣлъ запечатать его дворъ со всѣми запасами. Въ обыскѣ никто не объявилъ, что Хамовъ продавалъ вино; несмотря на то, его отдали за пристава, сковали руки и ноги, держали подъ поломъ въ темнотѣ; Урусовъ къ нему присылалъ, чтобъ онъ заплатилъ ему 200 рублей, Хамовъ посулилъ 100 и получилъ свободу; Урусовъ же взялъ изъ лавки Хамова солоду и уксусу, а денегъ не заплатилъ. Такова была жалоба Хамова. Урусовъ отвѣчалъ, что Хамовъ дѣйствительно курилъ вино въ непозволенномъ количествѣ; ста рублей онъ у него не бралъ, за солодъ и уксусъ деньги ему посылалъ, да самъ Хамовъ не взялъ. Истецъ съ отвѣтчикомъ имались за вѣру, за крестное цѣлованье; Урусовъ крестъ цѣловать взялъ на душу человѣку своему Ивашку Гнусу, а за Хамова цѣловалъ крестъ человѣкъ его Родка Кузминъ. Человѣкъ Урусова показалъ, что онъ не бралъ съ Хамова ста рублей на Урусова; тогда Хамовъ слался на его кожу, чтобъ его въ томъ пытать, а Урусовъ требовалъ, чтобъ прежде пытать Хамова, ибо онъ клеплетъ. Да уличалъ Урусовъ Хамова въ томъ, что онъ стрѣлялъ въ Спасовъ образъ, и называлъ Хамова вѣдуномъ, потому что лѣчилъ *тълесную юность* у стрѣлецкой жены. Игуменъ Алимпій сказалъ, что онъ у Хамова вино покупалъ на дочернину свадьбу. (Приказныя дѣла 1648 года, № 67).

39. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 г., № 24, 53, 63, 64, 85, дѣла 1652 года, № 72.

40. Собр. гос. грам. и догов. III, № 147.

41. Акты арх. эксп. IV, № 57.

42. Памятники, изд. Кіевск. коммис. т. I, отд. III, № 1; Voycicki — Pamietniki etc. I, 273 и слѣд.; Лѣтопись Величка, т. I.

43. Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла польскія 1649 года.

44. Лѣтопись Величка.

45. Памятники, изд. Кіевск. коммисс. I, отд. III, № 2.

46. Тамъ же, № 7.

47. Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла польскія 1649 года.

48. Событія изложены по актамъ, находящимся въ памятникахъ изд. кіевск. коммис., по лѣтописямъ Величка и Самовидца; по сочиненіямъ;

Twardowskiego—Wojna domowa; Rudawskiego—Historia polska (въ изд.: Dziejopisowie Krajowi); Letopisiec J. Jerlicza; Pamietniki o woinach Kozackich za Chmelnickiego; Historia panowania Jana Kazimiera—wydal Raczynski; Kochowski—Annalium poloniae climacteres; Voycicki—Pamietniki. Извѣстіе Кунакова чрезвычайно важно, ибо освѣщаетъ фактъ несомнѣнный: король Владиславъ сильно желалъ начать войну съ турками и выслать для этого прежде всего козаковъ Днѣпромъ въ море; объ этомъ шли переговоры съ венеціанскимъ посланникомъ, который обѣщалъ деньги на предпріятіе, для этого наняты были иноземныя дружины; король отнесся къ дѣлу горячо, страстно, и если мы встрѣчаемъ извѣстіе, что король уже дѣлалъ распоряженія относительно выхода козаковъ, сносился съ ними, то конечно мы не будемъ отвергать этихъ извѣстій и не усумнимся привести въ связь украинское козацкое движеніе съ польскою борьбою между королемъ, панами и сеймомъ.

49. Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5816.

50. Москов. глав. арх. ми. ин. д., дѣла польскія 1649 г. связка 50.

51. Архивъ министерства юстиціи, столбцы Малороссійскаго приказа, № 5819.

52. См. издан. источники, перечисл. въ примѣч. 48.

53. Москов. глав. арх. мин. ин. д., дѣла польскія 1650 года.

54. Тамъ же, дѣла Малорос. 1650 года.

55. Тамъ же, дѣла польскія.

56. Архивъ министерства юстиціи, столбцы малоросс. приказа, № 5818; москов. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла малороссійскія, разсказъ запорожца Шафранка; дѣла донскія 1650 года.

57. Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, крымскіе статейные списки, № 30.

58. Тамъ же, листъ 174.

59. Тамъ же, дѣла польскія 1651 года, связка 55.

60. Тамъ же, дѣла малороссійскія 1651 года.

61. Тамъ же, дѣла польскія означеннаго года.

62. Тамъ же, дѣла польскія 1651 и 1652 года.

63. Памятники, изд. временною кіевскою коммиссіею.

64. Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла польскія 1651 и 1652 г.

65. Тамъ же, дѣла малороссійскія 1652 года.

66. Архивъ министерства юстиціи, столбцы малорос. приказа, № 5821; Государств. архивъ мин. ин. дѣлъ (въ С.-Петербургѣ), столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 1.

67. Моск. глав. арх. мин. ин. д., дѣла польскія 1653 года.

68. Архивъ министерства юстиціи, столбцы малоросс. приказа, № 5814 и 5821.

69. Москов. главн. арх. мин. ин. д., дѣла польскія, связка 55.

70. Тамъ же, дѣла малороссійскія 1653 и 1654 годовъ; арх. Царства Польск., снош. съ Малороссіею, св. 1.

71. Тамъ же, дѣла шведскія, голштинскія, англійскія, голландскія, французскія и австрійскія означенныхъ въ текстѣ годовъ.

72. Дворцовые разряды 1654 года (изд. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи); столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, въ Государств. архивѣ, № 10.

73. Моск. глав. арх. мин. ин. д., дѣла польскія 1654 года.

74. Письма царя Алексѣя Михайловича, хранящ. въ Госуд. арх.; тамъ же столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 11.

75. Дворцовые разряды 1654 г.; рукоп. Имп. публ. библ. отд. польск., № 48; дѣла польскія въ арх. мин. ин. д., связка 63.

76. Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. архивѣ, № 67.

77. Дѣла польскія 1654 года въ москов. арх. мин. ин. дѣлъ.

78. Архивъ мин. ин. дѣлъ, дѣла малороссійскія и польскія 1654 года; архивъ минист. юстиціи, столбцы малоросс. приказа № 5824, 5827.

79. Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 5.

80. Дѣла малороссійскія 1655 года въ арх. мин. ин. дѣлъ.

81. Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

82. Крымскіе статейные списки въ архивѣ минис. иностр. дѣлъ, № 34 и 37.

83. Архивъ мин. юстиціи, столбцы малоросс. приказа, № 5829; дѣла малорос. 1655 года, въ арх. мин. ин. дѣлъ.

84. Столбцы приказа тайн. дѣлъ, въ Госуд. арх., № 1, 19, 123.

85. Kron. miasta Lwowa 338 — 376; supplement. ad histor. russ. monum. 193 — 210; дѣла польскія 1655 года, въ московск. арх. мин. ин. дѣлъ; тамъ же, дѣла малороссійскія 1657 года, статейный списокъ Бутурлина.

86. Дѣла польск. 1655 года въ моск. арх мин. ин. дѣлъ.

87. Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 3.

88. Дѣла польск. 1655 года, въ москов. арх. мин. ин. дѣлъ; столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

89. Дѣла шведскія 1655 года, въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ, столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ Госуд. арх., № 71.

90. Собр. госуд. гр. и дог. III, № 184.

91. Памятники дипломатич. сношеній, изд. II Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

92. Дѣла польск. 1656 года, въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

93. Дѣла шведскія 1655 и 1656 г., въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

94. Тамъ же, датскій статейный списокъ, № 11.

95. Gründliche und Wahrhaftige relation von der Belagerung der Königl. Stadt Riga 1657; письма царя Алекс. Мих., хранящ. въ Госуд. арх.; тамъ же, столбцы приказа тайныхъ дѣлъ, № 71.

96. Дѣла польск. 1656 года въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

97. Моск. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла приказныя 1650 года; дѣла шведскія 1657 года.

98. Симбирскій Сборникъ, стр. 142 и слѣд.; арх. мин. юстиц.; столбцы малорос. приказа, № 5830, 5832, 5836, 5844; крымскій статейный списокъ, № 40, въ москов. арх. мин. ин. д.; тамъ же, дѣла малорос. 1657 года. День смерти Хмельницкаго — 27 іюля означенъ въ письмѣ Выговскаго къ Бутурлину въ Кіевъ; см. тамъ же донесеніе Бутурлина въ Москву.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I. Значеніе религіозной борьбы въ Восточной Европѣ. — Мысль объ уніи. — Іезуиты: Скарга и Поссевинъ. — Западно-русскіе архіереи, аристократія, братства. — Поведеніе архіереевъ во Владимірѣ, Луцкѣ, Львовѣ. — Братство Львовское. — Пріѣздъ константинопольскаго патріарха Іереміи въ Западную Россію. — Кіевскій митрополитъ Онисифоръ; его сверженіе и поставленіе Михаила Рагозы. — Экзархъ Терлецкій. — Смуты вслѣдствіе распоряженій Іереміи. — Брестскій соборъ 1590 года.— Разрывъ Терлецкаго съ княземъ Острожскимъ; печальное его положеніе. — Терлецкій начинаетъ дѣло объ уніи. — Переписка Львовскаго братства съ константинопольскимъ патріархомъ. — Ипатій Потѣй, епископъ владимірскій; письмо къ нему князя Острожскаго объ уніи. — Терлецкій и Потѣй дѣйствуютъ заодно въ пользу уніи. — Брестскій соборъ 1594 года. — Поведеніе Рагозы относительно уніи; переписка его съ Скуминымъ. — Переписка князя Острожскаго съ Потѣемъ. — Окружное посланіе князя Острожскаго противъ епископовъ. — Львовскій епископъ Балабанъ отдѣляется отъ Терлецкаго и Потѣя, которые отправляются въ Римъ и отъ имени всего духовенства западно-русскаго признаютъ папу главою церкви. — Король старается поддержать дѣло Терлецкаго и Потѣя на Руси. — Брестскій соборъ 1596 года. — Раздѣленіе западно-русской церкви на православную и уніатскую и борьба между ними. — Посланіе Іоанна Вишенскаго. - Стефанъ Зизаній и сочиненія, противъ него направленныя. — Полемика по поводу Брестскаго собора. — Апокризисъ и его основныя положенія; Перестрога. — Король въ окружной грамотѣ излагаетъ свой взглядъ на Брестскій соборъ. — Движеніе козаковъ: Косинскій и Наливайко.—Дѣло патріаршаго экзарха Никифора. — Переписка князя Острожскаго съ папою.—Православные требуютъ къ суду епископовъ-уніатовъ. — Попытка православныхъ соединиться съ протестантами, чтобъ вмѣстѣ защищаться отъ католиковъ. — Потѣй назначенъ митрополитомъ послѣ Рагозы и старается исторически доказать законность уніи. — Мелетій Смотрицкій и его сочиненія. — Рѣчь депутата Древин-

Стр.

скаго на сеймѣ. — Поставленіе православныхъ архіереевъ и Совѣтованіе о благочестіи. — Усиленіе борьбы вслѣдствіе поставленія православныхъ архіереевъ. — Іосафатъ Кунцевичъ и письмо къ нему Льва Сапѣги. — Убіеніе Кунцевича. — Посланіе папы противъ православныхъ. — Наказаніе жителямъ Витебска за смерть Кунцевича. — Козаки. — Гетманъ Сагайдачный. — Сочиненіе Пальчовскаго о козакахъ. — Митрополитъ Іовъ Борецкій поднимаетъ козаковъ на защиту православія. — Обращеніе Іова къ Москвѣ. — Торжество поляковъ надъ козаками и коммиссія на Медвѣжьихъ Лозахъ. — Похожденія искателя турецкаго престола Александра Ахіи. — Возстаніе козаковъ подъ начальствомъ Тараса. — Кисель и его отношенія къ козакамъ. — Возстаніе Павлика и Скидана. — Возстаніе Остранина и Гуни. — Кіевская школа. — Луцкое братство и школа. — Петръ Могила. — Отступленіе Смотрицкаго отъ православія. — Смерть Сигизмунда III. — Требованія козаковъ. — Королевичъ Владиславъ старается уладить дѣло между православными и уніатами. — Продолженіе полемики между ними. — Петръ Могила митрополитъ и его поведеніе. — Продолженіе гоненія на православныхъ. — Переселеніе въ Московское государство 5

ГЛАВА II. Характеръ молодаго царя. — Морозовъ и Чистой. — Окончаніе дѣла королевича Вальдемара и Лубы. — Отпускъ Стемпковскаго. — Извѣтъ на Нащокина. — Самозванцы: Ивашка Вергуненокъ и Тимошка Акундиновъ. — Распоряженіе относительно Крыма. — Переговоры съ Польшею о союзѣ противъ Крыма. — Посольства Стрѣшнева въ Польшу и Киселя въ Москву. — Печальное состояніе народа въ московскомъ государствѣ; тяжесть налоговъ; стремленіе отбывать отъ податей. — Женитьба царя на Милославской. — Ропотъ на отца царицы, Милославскаго, на Траханіотова и Плещеева. — Мятежъ въ Москвѣ. — Судьба Морозова. — Никонъ. — Дѣятельность правительства послѣ мятежа. — Уложеніе. — Мѣры противъ закладчиковъ, противъ табаку; изгнаніе Англичанъ изъ внутреннихъ областей. — Мятежъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ. — Замыслы недовольныхъ въ Москвѣ; новыя обвиненія противъ Морозова. — Мятежи во Псковѣ и Новгородѣ. — Никонъ въ Москвѣ; онъ отправляется въ Соловки за мощами св. Филиппа. — Письмо къ нему царя. — Никонъ патріархъ 110

ГЛАВА III. Богданъ Хмельницкій. — Его ссора съ Чаплинскимъ; его сношенія съ королемъ Владиславомъ и бѣгство въ Запорожье. Хмельницкій въ Крыму и получаетъ помощь отъ хана. — Рада въ Запорожьѣ: Хмельницкій гетманъ. — Движеніе гетмана Потоцкаго, его письмо къ королю. Битвы при Желтыхъ Водахъ и у Корсуни. — Письмо Киселя. — Универсалы Хмельницкаго и возстаніе хлоповъ въ Малороссіи. — Смерть Владислава. — Опасеніе Киселя на счетъ Москвы. — Первыя сношенія Хмельницкаго съ московскими воеводами. — Сношенія его съ польскимъ правительствомъ. — Переписка съ Киселемъ. — Князь Іеремія Вишневецкій свирѣпствуетъ противъ возставшихъ Русскихъ. — Князь Доминикъ Острожскій; письма его, кіевскаго воеводы Тышкевича и Киселя. — Не-

Стр.

удачи послѣдняго относительно мирныхъ переговоровъ. — Битва подъ Пилявцами. — Хмельницкій отступаетъ отъ Замостья по желанію новаго короля Яна Казимира.—Торжественный въѣздъ Хмельницкаго въ Кіевъ.— Поведеніе его на радостяхъ. — Переяславскіе переговоры съ коммиссарами королевскими. — Приготовленіе къ войнѣ съ обѣихъ сторонъ. — Збаражъ и Зборовъ. — Миръ. — Сношенія Хмельницкаго съ Москвою. — Посольство Неронова въ Украйну. — Писарь Выговскій. — Посольство боярина Пушкина въ Польшу. — Тимошка Акундиновъ у Хмельницкаго.— Сношенія его съ княземъ Прозоровскимъ, Путивльскимъ воеводою. — Посольство Протасьева и Унковскаго къ Хмельницкому съ требованіемъ выдачи самозванца. — Непрочность Зборовскаго мира. — Нерѣшительность Москвы. — Польша старается поссорить Москву съ козаками. — Новая война у Польши съ козаками. — Битва при Берестечкѣ. — Литва въ Кіевѣ. — Старанія побудить Москву къ рѣшительному шагу. — Бѣлоцерковскій миръ. — Сочувствіе къ дѣлу козаковъ въ Бѣлоруссіи.— Новыя попытки Польши поссорить Москву съ козаками. — Посольство Прончищева въ Польшу и Пенцлавскаго въ Москву. — Предлогъ къ разрыву остается. — Хмельницкій считаетъ Бѣлоцерковскій миръ только перемиріемъ.—Переселеніе Малороссіянъ въ Московскія украйны. — Предложеніе Хмельницкому со стороны царя выселиться со всѣмъ войскомъ въ московскіе предѣлы. — Событія при Батогѣ. — Затруднительное положеніе Хмельницкаго: онъ сильно упрашиваетъ царя принять Малороссію въ подданство. — Посольство князя Репнина въ Польшу для окончательныхъ переговоровъ. — Царь объявляетъ Хмельницкому, что принимаетъ Малороссію въ подданство. — Соборъ по этому случаю. — Третья война Хмельницкаго съ Поляками. — Дѣло подъ Жванцомъ. — Посольство Бутурлина въ Малороссію. — Переяславская рада. — Бутурлинъ въ Кіевѣ; митрополитъ Сильвестръ Коссовъ. — Пункты челобитной войска Запорожскаго, утвержденные царемъ. — Донесеніе князя Куракина изъ Кіева о поведеніи Коссова. — Пріѣздъ игумена Гизеля въ Москву. — Обзоръ сношеній московскаго государства съ европейскими державами до начала польской войны .. 191

ГЛАВА VI. Приготовленіе къ войнѣ. — Отпускъ князя Трубецкого. — Выступленіе государя въ походъ. — Грамота царская къ православнымъ жителямъ Литвы. — Письмо царя къ сестрамъ и къ князю Трубецкому.— Успѣхи русскихъ войскъ. – Взятіе Смоленска. — Моровая язва въ Москвѣ и другихъ городахъ. — Первое раскольническое движеніе.— Ссора шляхтича съ козакомъ въ Бѣлоруссіи. — Поведеніе Хмельницкаго. — Приходъ Радзивила подъ Могилевъ. — Измѣна Поклонскаго. — Дѣйствія Хмельницкаго и Золотаренка. — Письмо Хмельницкаго къ Золотаренку. — Письма царя къ Морозову, Черкасскому, Долгорукому, Пушкину и Матвѣеву. — Второй походъ царя. — Обращеніе его къ ратнымъ людямъ. — Взятіе Вильны, Ковна и Гродна. — Походы Хмельницкаго и Бутурлина, Волконскаго и Урусова. — Жалоба ратныхъ людей на воеводъ Урусова и Борятинскаго. — Сношенія съ гетманомъ Павломъ Сапѣгою. — Успѣхи шведовъ въ

Стр.

Польшѣ. — Сношенія шведскаго короля съ царемъ. — Царское посольство къ Радзивилу. — Столкновенія у русскихъ войскъ со шведскими. — Императорскіе послы въ Москвѣ. — Посольство изъ Москвы къ Павлу Сапѣгѣ. — Посольство Галинскаго въ Москву. — Прекращеніе военныхъ дѣйствій съ поляками. — Переговоры со шведскими послами. — Посольство въ Данію. — Царскій походъ въ Ливонію. — Неудачная осада Риги. — Виленскіе переговоры бояръ съ польскими коммиссарами. — Посольство Матвѣева къ Гонсѣвскому. — Ординъ Нащокинъ. — Переговоры съ Даніею. — Столкновеніе съ козаками въ Бѣлоруссіи. — Поведеніе Хмельницкаго и сношенія съ нимъ царя. — Смерть Хмельницкаго.............. 311

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Solov'ev, Sergej Michajlovič,

Istorija Rossii s drevnějšich vremen

Bd.: 10

Moskva 1877

Russ. 152 x-10
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11361239-1